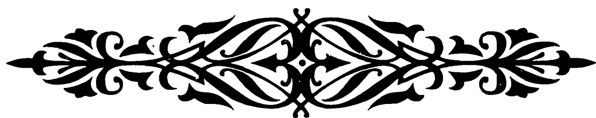
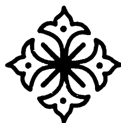
ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

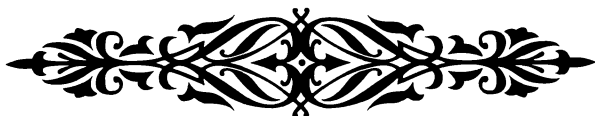


История упадка и разрушения Великой Римской Империи ЭДУАРДА ГИББОНА

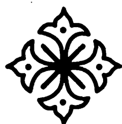


Народная библиотека
«ОГОНЬКА»

ЭДУАРД
ГИББОН



ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ



Том I

МОСКВА 2008
ТЕРРА ☐ TERRA
КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
Г46

Художник
С. ГЕРАСКЕВИЧ

Гиббон Э.

Г46 История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 1 / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. — 640 с.

ISBN 978-5-275-01701-4 (т. 1)
ISBN 978-5-275-01700-7

Первый том получившего всемирную известность труда английского историка XVIII века посвящен периоду римской истории от века Антонинов до объединения Константином Великим империи. В нем описывается не только жизнь и деятельность императоров Марка Аврелия, Каракаллы, Элиогабала; автор рисует масштабные картины повседневной жизни и нравов германцев, персов, италийцев. Особое место уделено «солдатским императорам», началу набегов германских племен и анализу краха некогда могучей державы.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ЭДУАРД ГИББОН

ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В семи томах
Том первый

Редактор *Т. Чугунова.* Художественный редактор *О. Скочко.* Корректор *М. Лубнина*

Подписано в печать 20.11.07 г. Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 43,41. Заказ № 0727170.

ТЕРРА—Книжный клуб. 127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО "Ярославский полиграфкомбинат"
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-275-01701-4 (Т. 1)
ISBN 978-5-275-01700-7

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Читатель получил счастливую возможность познакомиться с замечательным исследованием - многотомным сочинением английского историка Э. Гиббона, предметом внимания которого является история Римской и Византийской империй от "золотого века" Антонинов до падения Второго Рима - Константинополя.

Предлагаемое издание - памятник исторической мысли двух эпох - второй половины XVIII века, века просветителей, когда творил Э. Гиббон, и XIX века, когда был издан его труд с комментариями другого яркого историка, представителя французской науки Ф. Гизо. Это и объясняет бережное отношение новых издателей как к тексту Э. Гиббона, так и к тексту примечаний Ф. Гизо, а также к русскому изданию этого сочинения.

Наше научное редактирование сводилось лишь к уточнению в русском тексте устаревшей терминологии (например: вместо "магометане" - "мусульмане", вместо "законоведение" - "правоведение" и т. п.), к исправлению по принятым ныне научным нормам этнонимов и топонимов, к приведению имен к современной транскрипции (вместо Диоклециан - Диоклетиан, имени пророка Магомет - Мухаммед, завоевателя Магомет - Мехмед и т. п.). Редакторы почти не касались фрагментов оригинальных текстов, приведенных в примечаниях (как правило, по-латыни или по-гречески) для подтверждения мыслей, высказанных в основном тексте. К отдельным местам работы Э. Гиббона требовался, на наш взгляд, дополнительный комментарий, разъясняющий для широкого читателя кратко сообщенные автором факты или мысль.

Редакторы, поставив цель сохранить стиль и дух прошлых эпох в русском тексте, стремились избежать его осовременивания. В частности, мы оставили английское обозначение летоисчисления: А.И.С. - от основания Рима; В.С. - до н.э.; А.Д. - н.э.

Приятного и умного чтения, дорогой Читатель!

Г. Т. Залюбовина

1994 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ[1)]

Читая "цветистые рассказы" Гиббона, ни один христианин не будет в состоянии или не захочет подавить в себе глубокого чувства сожаления о том, что ум, который был способен задумать и написать самую лучшую "Историю упадка и разрушения Римской империи", не мог найти для себя опоры в истинах христианской религии, что вера не освятила этот плод неподражаемого искусства, трудолюбия и знания и что вследствие того англичане не могут похвастаться Гиббоном как таким историком, который, умея мастерски описывать перевороты и разрушение различных царств, был бы вместе с тем способен вполне ценить преимущества того царства, которое не знает переворотов. А всякий, кто желает ознакомиться с событиями и переворотами, влиявшими на судьбы самой могущественной империи, какая когда-либо существовала, должен будет поневоле заинтересоваться, а затем и восхищаться таким писателем, который благодаря проницательности своего ума, своему красноречию и своим неутомимым исследованиям достиг одной из самых высших ступеней литературной славы, но который подрывает доверие к нему и уважение вследствие его неверия в религию откровения. Поэтому не удивительно, что многие не захотят читать и многие не захотят рекомендовать такого писателя, который, по словам проницательного и непредубежденного критика Порсона[2)], "не только пользуется всяким удобным случаем, но нередко придумывает какой-нибудь повод, чтоб оскорблять нашу религию, которую он так искренно ненавидит, что точно будто старается отмстить ей за какое-то личное оскорбление".

К чувству сожаления, что писатель, столь справедливо восхваляемый за свои ученые заслуги, был заражен пагубным скептицизмом, присоединяется и чувство недоверия, так как Гиббон, не скрывая своего неуважения к доказательствам божественного происхождения Евангелия, этим самым заставляет многих сомневаться в правильности его выводов из тех разнообразных фактов, которые относятся к интересному и обширному предмету его исследований. Весьма естественно, что многие неохотно преклоняются перед авторитетом историка, который не способен ни оценить характер пер-

вых христианских мучеников, ни сочувствовать их страданиям и который не хочет понять, что одна только истина могла иметь таких непоколебимых и преданных последователей, что одна только божественная сила была в состоянии оградить христианскую религию от ее врагов, обеспечить ее распространение среди сумятицы и нравственной испорченности и доставить ей победу над издавна укоренившимся и внушавшим сильную к себе привязанность идолопоклонством.

Оттого-то вскоре после появления первых частей сочинения Гиббона критика напала на него с двоякими обвинениями - с обвинениями в заблуждениях или в неосновательных намеках касательно христианской религии и с обвинениями в неосновательности приводимых им фактов и в неправильности выводов. Мы позволяем себе выразить сомнение насчет того, всегда ли соблюдалось должное различие между критикой, доискивающейся истины, и критикой придирчивой, между старанием вывести наружу действительные недостатки и торопливым, недоверчивым усердием, которое оставляет без внимания настоящие достоинства и хулит или искажает основательные и безвредные суждения. Гиббону не могло доставить большой славы торжество над неискусными противниками, а между тем дело Божественной Истины могло бы на некоторое время пострадать от неосмотрительных нападок или от быстрого поражения некоторых из самых смиренных ее поборников. При виде такого энергичного и ловкого соперника, как Гиббон, натурально, должно было возгораться в людях с твердой верой желание вступить с ним в борьбу, но некоторые из них выступили на арену, как кажется, без достаточной подготовки и без достаточной обдуманности. Порсон, нанесший противнику чувствительные удары своими немногочисленными, но меткими критическими замечаниями, говорит [3]: "Я желал бы, чтобы всякий писатель, нападающий на людей неверующих, взвешивал свои обвинения и строго наблюдал над самим собой из опасения, что усердие может увлечь его слишком далеко. Ведь если противнику удастся основательно опровергнуть только одно из десяти возведенных на него серьезных обвинений, то, хотя бы остальные девять и были основательны и вески, они будут оставлены большинством читателей без внимания".

Хотя опубликованное Гиббоном "Оправдание" и могло бы в

некоторых своих частях послужить ему на пользу, но его нерасположение к Евангелию все-таки казалось слишком ясно доказанным. Если дух беспристрастия и сказался в этом "Оправдании", то он такого рода, что очень мало удовлетворяет нас, потому что это такое беспристрастие, которое, по-видимому, совершенно отнимало у него и одушевление и красноречие, которые он обнаруживал, когда говорил о фактах, казавшихся ему самому и достоверными и многозначительными.

Из его мемуаров мы ясно видим, какого он был мнения об этой полемике и о том, как она была ведена; но мы не можем придавать серьезного значения его хвастливому уверению, будто самая разумная часть мирян и даже духовенства, по-видимому, убедилась и в безвредности, и в правильности его суждений.

При жизни автора всякий, кого огорчало его неверие или кто опасался вредного влияния полемики с таким даровитым противником, руководствовался в своих возражениях не только желанием предохранить других от опасности, но и надеждой, что, может быть, сам противник превратится в единомышленника. На этих-то людях и лежала обязанность, от которой мы совершенно свободны, - обязанность изложить в самой мягкой и самой серьезной форме самые здравые доводы в надежде, что его сердце откроется для истины. Но теперь уже не могут достигать его слуха ни аргументы, ни увещания, и новейший издатель его сочинения может только постараться предохранить других от его ошибок в изложении фактов и от неправильных выводов из фактов хотя и достоверных, но неправильно изложенных. На публике лежит долг признательности к Венку, Гизо и декану Мильману за их примечания к тем частям книги Гиббона, которые касаются религии, а также к тем местам, которые или требовали исправления, или допускали дополнения, или требовали, вследствие кажущихся несообразностей, разъяснения. В предисловии к переводу Гизо мы найдем очень интересный рассказ о его неоднократной и тщательной проверке как текста, так и примечаний, доказывающих нам, что он тщательно старался избежать предубеждения в своих суждениях и вместе с тем не щадил порицаний в тех случаях, когда он полагал, что этого требует от него его звание христианина и ученого.

Результаты проверки, предпринятой этими учеными, были

вполне благоприятны для Гиббона, так как они доказали точность сообщаемых им исторических сведений; поэтому учащиеся могут смело пользоваться его книгой как руководством - и едва ли не лучшим руководством - для изучения в высшей степени замечательного периода, который она обнимает. Всякий раз, когда Гиббон имеет возможность черпать сведения из таких авторов, знания и добросовестность которых всеми признаны, достоинства этих авторов возрастают в наших глазах благодаря увлекательности его изложения и искусному распределению или сопоставлению находящихся в его распоряжении материалов. А в тех случаях, когда исторические сведения крайне сбивчивы, и работа наша становится менее трудной и время наше не тратится понапрасну благодаря тому, что из писателей низшего разряда, из скучных и противоречащих одно другому объемистых повествований он сумел извлечь все, что в них есть самого интересного и всего более достойного внимания.

Считаем не лишним высказать здесь несколько замечаний касательно биографии Гиббона. Он сам много помог нам в этом отношении своими собственными заметками о главнейших фактах своей жизни и сделанной им оценкой своего собственного характера.

Жизнеописание всякого замечательного писателя приобретает особый интерес, когда оно знакомит нас с обстоятельствами, повлиявшими на выбор того сюжета, которому этот писатель посвятил бóльшую часть своей жизни и которому он всего более обязан своей известностью; мы можем извлечь немалую для себя пользу и из знакомства с тем, каким образом автор брался за исполнение своей задачи. Поэтому-то Гизо и поступил вполне основательно, когда в своем очерке жизни Гиббона ограничился теми достоверными сведениями, которые освещают нам жизнь Гиббона именно с этой ее стороны. Мы узнаем из этого очерка, как много он трудился над разработкой исторических сведений даже в раннюю пору своей жизни, как хороша была его память, как безгранична была его любознательность и как неистощимо было его трудолюбие; вместе с тем мы убеждаемся в справедливости его "настойчивого уверения, что он всегда старался черпать не иначе как из самого источника".

Так как мы не в состоянии проникнуть в тайники его сердца, то мы не считаем себя вправе порицать его за недостаток

искренности и при обращении его в римско-католическую веру, и при переходе его снова в протестантство; но его собственные мемуары свидетельствуют о том, что в нем не было того детского смирения, которое более всего необходимо для восприятия религиозной истины. Никакому скептику нельзя извинить равнодушия или нерасположения к Евангелию ради недостатков его воспитания. Мы доказали бы, что не умеем ценить Божеского Промысла, пекущегося о спасении нашей бессмертной души, если бы мы допустили, что такие недостатки могут служить оправданием для отвергающего божественную истину существа, которое ответственно за то, каким образом оно пользуется данным ему рассудком. Следует полагать, что у подобных людей есть какой-нибудь недостаток в сердце, есть какое-то влечение к своеволию, есть какая-то умственная гордость, находящая для себя удовлетворение в том, что она сбрасывает с себя бремя религиозных стеснений, и воображающая, что величие разума унижается тем, что этим разумом желает руководить сам Бог.

Уверяют, будто в обществе Гиббон не любил выставлять напоказ свою ученость, и не старался привлекать к себе общее внимание. В его жизни был и такой период, когда он предпочитал, чтобы к нему относились как к светскому человеку, а не как к известному писателю. Он умел приобрести уважение и доверие своих друзей; его привязанность к ним была искренняя, и он никогда не отворачивался ни от одного из них, как бы ни были изменчивы случайности фортуны.

Благодаря дополнительным примечаниям предлагаемое публике новое издание сочинения Гиббона так полно, как только можно этого желать. Со времени Гиббона многие стороны излагаемого им предмета осветились новым светом. Для того чтобы учащийся мог воспользоваться этими новыми сведениями, они собраны здесь при содействии некоторых иностранных ученых. Они помогут читателю составить себе верное понятие о мнениях и заблуждениях автора, описывавшего "перевороты, которые мало-помалу расшатали, а наконец, и совсем разрушили громадное здание человеческого величия".

ПРЕДИСЛОВИЕ ГИЗО*)

к его переводу (изд. 1828 г.)

Вновь издать хорошую книгу, проверить не совсем точный перевод, пополнить пропуски и исправить ошибки, которых необходимо избегать в особенности в обширных сочинениях, так как они легко могут, так сказать, затеряться в огромной массе сообщаемых фактов и потому ввести в заблуждение не только невнимательных читателей, готовых верить всему прочитанному, но и читателей внимательных, не способных проверять то, что они читают, - вот те мотивы, которые побудили меня напечатать новым изданием "Историю упадка и разрушения Римской империи" Эдуарда Гиббона, переделать перевод и прибавить к нему примечания.

Этот период истории был предметом исследований и трудов множества писателей, ученых и даже философов. Постепенный упадок самого необычайного владычества, какое когда-либо подчиняло себе и угнетало мир; падение самой обширной из всех империй, воздвигнутой на развалинах стольких царств, республик, как варварских, так и цивилизованных государств, и в свою очередь образовавшей из себя, вследствие своего распадения, множество государств, республик и царств; уничтожение религии Греции и Рима, возникновение и распространение двух новых религий, разделивших между собою лучшие страны света; ветхость древнего мира, зрелище его разрушающегося величия и его нравственной испорченности; юность нового мира, зрелище его первых успехов и нового направления, данного умам и характерам, - такой сюжет неизбежно должен был останавливать на себе внимание и возбуждать любознательность всякого, кто не способен равнодушно взирать на те достопамятные эпохи, когда, по прекрасному выражению Корнеля,

Un grand destin commence, un grand destin s'achève. **)

Вот почему и ученые, и философы, и ораторы наперерыв

*) Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787-1874) - крупный французский историк и политический деятель времен Реставрации (конституционалист-роялист), один из создателей концепции борьбы завоевателей и завоеванных, одного из первых вариантов теории классовой борьбы. Впрочем, взгляды и историческая концепция Гизо менялись под влиянием исторической ситуации во Франции. Подробнее см.: Историческая энциклопедия. Т. IV. С. 438-439. (*Примеч. ред.*)

**) Великая судьба начинается, великая судьба заканчивается (франц.). (*Примеч. ред.*)

старались или изучить, или описать развалины этого обширного здания, которое и до и после своего падения отличалось столь необычайным величием. Тильемон, Лебо, Амейлон, Пажи, Экгель и множество других французских и иностранных писателей изучали его со всех сторон: они проникали в груды старых обломков, отыскивая там факты, указания, подробности, числа, и при помощи более или менее обширных познаний, более или менее просвещенной критики в некоторой мере собрали и заново восстановили эти разрозненные материалы. Их труды, бесспорно, полезны, и я отнюдь не намерен умалять их достоинства; но они иногда оставались погребенными под теми развалинами, внутрь которых старались проникнуть: вследствие ли того, что они добровольно сузили цель и сферу своих исследований, или вследствие того, что самые свойства их ума без их ведома не позволяли им переступать известных границ, - они при расследовании фактов пренебрегали взаимной связью идей; они раскопали и осветили развалины, но не восстановили здания; поэтому читатель не находит в их произведениях той широты взгляда, которая помогает нам разом обозревать огромные пространства и длинный ряд столетий и которая дает нам возможность рассмотреть среди мрака прошлых времен, как совершался прогресс человечества, беспрестанно менявшего свои формы, а не свою натуру, свои нравы, а не свои страсти, и как оно всегда приходило к одним и тем же результатам всегда разными путями; одним словом, им недоставало той широты взгляда, которая составляет философию истории и без которой история была бы не более как собранием разрозненных фактов, не дающих никаких результатов и не имеющих никакой внутренней связи.

С другой стороны, Монтескьё в своих "Considèrations sur les causes de la grandeur et de la dècadence des Romains*) смотрел на все глазами гения и высказал по этому предмету множество идей, всегда глубоких, почти всегда новых, но не всегда основательных и основанных не столько на знакомстве с настоящей сущностью и взаимной зависимостью фактов, сколько на тех быстрых и остроумных общих соображениях, в которые так легко вовлекаются гениальные умы, потому что очень любят проявлять свое могущество в творчестве этого рода. К счастью, гений пользуется той заслуженной и

*) Трактат Ш. Монтескьё "Размышления о причинах величия и падения римлян" (1734 г.). (*Примеч. ред.*)

прекрасной привилегией, что его заблуждения плодят истины; он минутами сбивается с проложенного им пути, но этот путь все-таки остается открытым,и на него вступают другие с большею твердостью и осмотрительностью. Гиббон, будучи менее даровитым, менее глубокомысленным и менее возвышенным писателем, чем Монтескьё, взялся за тот самый предмет, богатство и широта которого уже были указаны этим последним; он тщательно проследил длинную нить последовательной связи между теми фактами, на которые указывал Монтескьё, более для того, чтобы найти в них опору для своих идей, нежели для того, чтоб познакомить читателя с их развитием и с их взаимным влиянием. Английский историк был в высшей степени одарен той проницательностью ума, которая во всем доискивается причин, и той прозорливостью, которая умеет выбрать между вероятными причинами те, которые можно считать за настоящие; родился он в таком веке, когда просвещенные люди с жадностью изучали все составные части социальной машины и старались уяснить себе, чем связаны ее части, как она действует, в чем ее польза и влияние и как велико ее значение; по своим познаниям и по обширности своего ума он стоял на одном уровне с просвещением своего века. Поэтому в свои исследования исторических материалов, то есть исторических фактов, он внес разборчивость здравомыслящего ученого, а в своих взглядах на нравственную сторону предмета, то есть на взаимную связь событий между собою и на взаимную связь между действующими лицами и событиями, он обнаружил разборчивость опытного философа.

Он понимал, что история, ограничивающаяся одним изложением фактов, возбуждает только тот интерес, который заключается в желании познакомиться с деяниями других людей, и что она только тогда будет поистине полезна и серьезна, когда будет рассматривать изображаемое ею общество с тех многоаспектных точек зрения, с которых могут смотреть на него и государственный деятель, и воин, и судья, и финансист, и философ, и, одним словом, все те, кто благодаря своему положению или своему образованию способны близко познакомиться с его различными пружинами. Эта столько же основательная, сколько и возвышенная, точка зрения, если не ошибаюсь, и служила руководством для автора "Истории упадка и разрушения Римской империи": это

не простой рассказ о событиях, волновавших римский мир со времени возвышения Августа и до взятия турками Константинополя, так как автор постоянно присовокупляет к своему повествованию описание положения финансов, мнений, нравов, военной системы и тех внутренних тайных причин благоденствия или нищеты, которые втихомолку уничтожают или без шума расшатывают существование и благосостояние общества. Придерживаясь всеми признанного, но не всегда соблюдаемого правила, что одни только факты должны служить основой для общих соображений и что следует следить шаг за шагом за их медленным, но необходимым развитием, Гиббон и написал сочинение, которое замечательно широтой своей цели, хотя в нем и редко встречаются возвышенные идеи, и которое богато интересными и положительными выводами, хотя автор и был скептик.

Неоспоримым доказательством достоинств этого сочинения служит его успех в таком веке, который произвел Монтескьё и который во время выхода в свет книги Гиббона еще видел в живых Юма, Робертсона и Вольтера; непрерывность этого успеха, с тех пор никогда не прекращавшегося, служит их подтверждением. В Англии, Франции и Германии, то есть у самых просвещенных народов Европы, на Гиббона ссылаются как на авторитет, и даже те, кто нашли в его книге некоторые неточности или не разделяют всех его мнений, указывают на эти неточности и опровергают его мнения не иначе, как с почтительной сдержанностью, в которой сказывается признание его высоких достоинств. Во время моей работы мне приходилось справляться с сочинениями философов, трактовавших о финансах Римской империи, с сочинениями ученых, изучавших ее хронологию, с сочинениями богословов, занимавшихся церковной историей, с сочинениями правоведов, тщательно изучивших римскую юриспруденцию, с сочинениями ориенталистов, хорошо знакомых с арабской историей и с Кораном, с сочинениями новейших историков, долго занимавшихся исследованиями касательно крестовых походов и их влияния; каждый из этих писателей заметил и указал в "Истории упадка и разрушения Римской империи" какие-нибудь оплошности, какие-нибудь неверные или по меньшей мере не вполне основательные суждения и даже пропуски, которые едва ли можно считать неумышленными; они исправили некоторые неточности в изложении фактов, с

успехом опровергли некоторые суждения; но всего чаще они принимали исследования и идеи Гиббона за точку исхода или за подтверждение тех открытий и тех новых идей, которые сами они излагали.

Я позволю себе упомянуть здесь о тех сомнениях и колебаниях, которые я сам испытал, когда изучал это сочинение; я предпочитаю подвергнуть себя обвинению в том, что говорю лично о себе, нежели умолчать о том, что, по моему мнению, ярко выставляет наружу и его достоинства, и его недостатки. Когда я в первый раз быстро пробежал его, оно возбудило во мне лишь интерес к рассказу, который всегда полон живости, несмотря на свои обширные размеры, и всегда ясен, несмотря на разнообразие предметов, составляющих его содержание; затем я приступил к тщательной его проверке во всех подробностях, и я должен сознаться, что мнение, которое я составил себе о нем в ту пору, отличалось чрезвычайной взыскательностью.

В некоторых главах я нашел ошибки, которые показались мне столь важными и столь многочисленными, что я приписал их крайней небрежности автора; в других главах меня поразил общий отпечаток пристрастия и предубеждения, придававший изложению фактов ту неправдивость и неискренность, которую англичане так удачно обозначают словом misrepresentation; некоторые урезанные цитаты и некоторые в них места, пропущенные или по недосмотру, или с намерением, заставили меня усомниться в добросовестности автора; а это нарушение основного правила исторических исследований, принявшее в моих глазах еще большие размеры вследствие напряженного внимания, с которым я рассматривал каждую фразу, каждое примечание и каждое суждение, заставило меня произнести над всем сочинением слишком строгий приговор.

Окончив мою работу, я отложил ее на некоторое время в сторону. Когда же я снова со вниманием прочел все сочинение и все примечания, как самого автора, так и мои собственные, я убедился, что я преувеличивал важность упреков, которых заслуживает Гиббон; я заметил те же ошибки, то же пристрастие по отношению к некоторым предметам, но я убедился, что я не отдавал должной справедливости обширности его исследований, разнообразию его познаний, громадности собранных им сведений и в особенности поистине фи-

лософской верности его ума, который судит о прошлом точно так же, как он судил бы о настоящем, не позволяя отуманивать себя тем мраком, которым время окутывает все, что отжило, и который нередко мешает нам ясно видеть, что как под древней тогой, так и под теперешним одеянием, как в римском сенате, так и в современных нам собраниях люди все одни и те же и что восемнадцать столетий тому назад течение событий было такое же, как и теперь. Тогда я понял, что, несмотря на свои ошибки, Гиббон поистине искусный историк, что его книга, при всех своих недостатках, всегда будет прекрасным произведением и что можно указывать на его заблуждения и протестовать против его предвзятых идей, не отказываясь от убеждения, что найдется не много людей, соединявших в себе если не в такой же высокой степени, то в такой же полноте и в такой же соразмерности все качества, необходимые для того, кто хочет писать историю.

Поэтому в моих примечаниях я старался только восстановить в их настоящем виде те факты, которые казались мне неверными или извращенными, и дополнить их теми новыми фактами, умолчание о которых могло бы сделаться источником заблуждений. Я вовсе не считаю эту работу вполне законченной: я даже не применил ее к "Истории упадка и разрушения Римской империи" во всем объеме этого сочинения, иначе пришлось бы дать слишком большие размеры и без того уж очень обширному произведению и прибавлять бесчисленные примечания к примечаниям самого автора, и без того уже очень многочисленным. Я имел главным образом в виду тщательно пересмотреть главы, посвященные Гиббоном истории утверждения христианства, с целью восстановить во всей их точности и осветить надлежащим светом рассказанные там события; вот почему я позволял себе делать там всего более дополнительных примечаний. Другие главы, как, например, те, в которых идет речь о религии древних персов, или те, в которых писатель рисует картину положения древней Германии и переселения народов, требовали, как мне казалось, разъяснений и исправлений: важность их содержания будет служить мне в этом случае оправданием. Вообще моя работа не заходит далее первых пяти частей этого нового издания: именно эти части и содержат в себе почти все, что касается христианства; в них также описан тот переход от древнего мира к новому, от нравов и идей римской Европы к

нравам и идеям нашей Европы, который составляет самую интересную часть всего сочинения и всех более нуждающуюся в комментариях. Что касается более поздних времен, то они были старательно описаны очень многими писателями; оттого-то и мои примечания к следующим частям немногочисленны и коротки. Может быть, и это окажется излишним; но я могу положительно утверждать, что я строго придерживался правила говорить только то, что мне казалось необходимым, и говорить так кратко, как только можно.

По поводу и против книги Гиббона писали очень много: лишь только она вышла в свет, она вызвала столько же комментариев, сколько мог бы вызвать какой-нибудь древний манускрипт; в сущности эти комментарии были критикой. В особенности богословы были недовольны тем, что касалось истории церкви; они нападали на главы XV и XVI иногда совершенно основательно, нередко с чувством скорби и почти всегда с оружием менее страшным, чем оружие их противника, у которого было и более знаний, и более сведений, и более ума. Я говорю это, судя по тем из их произведений, с которыми мне приходилось знакомиться. Доктор Р.Ватсон, бывший впоследствии епископом Ландафским, издал ряд писем, заключающих в себе "Апологию христианства", умеренность и достоинства которой признавал сам Гиббон[4)]. Пристлей написал "Письмо к неверующему философу, содержащее изложение доказательств откровенной религии с некоторыми замечаниями касательно двух первых частей Гиббона".

В целом ряде проповедей, настоящим автором которых, как утверждают, был доктор С.Бедкок и для которых Уайт только собрал материалы, этот последний сделал сравнительное описание христианской религии и мусульманства (1-е изд. 1784, in 8°); в этих проповедях он нередко нападал на Гиббона, а сам Гиббон отзывался о них с уважением (в "Заметках о своей жизни", стр.167, в 1-й части "Смешанных произведений" и в своих Письмах, N 82, 83 и пр.). Эти три противника были самые серьезные из всех, кто нападал на нашего историка; к ним присоединилось множество других писателей. Сэр Давид Далримпль; капеллан епископа Ворчестерского доктор Чельсум[5)]; член Бальельской коллегии в Оксфорде Давис; ректор Saint-Mary-le-Bow в Лондоне Ист Аптторп[6)]; Ж.Битти, Ж.Мильнер, Тэйлор, Честерский пребендарий и Истгамский викарий Травис[7)]; доктор Уайтекер,

писавший под именем Anonymous gentleman; Г.Кетт[8)] и многие другие восстали против историка; некоторым из них он отвечал брошюрой "Защита некоторых мест в XV и XVI главах "Истории упадка и разрушения Римской империи"[9)]. Эта защита в некоторых пунктах была удачна, в некоторых других слаба; но вообще она отличалась чрезвычайной желчностью, свидетельствовавшей о том, как раздражали Гиббона нападки противников, а это раздражение с своей стороны, может быть, свидетельствовало о том, что он не чувствовал себя совершенно безупречным; однако в остальной части сочинения он ничего не изменил в своих мнениях, что по меньшей мере доказывает его добросовестность.

Как я ни старался, я мог достать только очень немногие из этих сочинений, так что мне удалось прочесть только возражения доктора Чельсума, Дависа, Трависа и анонимного писателя; я извлек из них несколько интересных замечаний, а когда я не был в состоянии ни дополнить эти замечания, ни подкрепить их ссылкою на более важные авторитеты, я приводил их с указанием, от кого я их заимствовал.

И не в одной только Англии сочинение Гиббона подверглось критике. Лейпцигский профессор правоведения и очень почтенный ученый Ф.А.Г.Венк предпринял его перевод на немецкий язык и к первой части этого перевода, изданной в Лейпциге в 1799 г., присовокупил примечания, полные обширных и точных знаний; я очень много ими пользовался. К сожалению, Венк не мог продолжать начатого дела, и следующие части были переведены профессором Лейпцигского университета Шрейтером, который присовокупил к ним лишь несколько незначительных примечаний. В своем предисловии Венк извещал, что он издаст по поводу глав XV и XVI особые диссертации, предметом которых будет проверка взглядов Гиббона на распространение христианства; но он умер два года тому назад, не познакомив публику с содержанием этого труда. Не зная, что он умер, я писал ему и просил его познакомить меня с его сочинением, но его сын ответил мне, что оно не отыскалось в бумагах его отца.

Есть еще другой, но мне совершенно неизвестный немецкий перевод Гиббона; в нем, как мне сказали, нет новых примечаний.

Некоторые немецкие богословы, как-то: Вальтерштерн[10)], Людервальд[11)] и др., нападали на Гиббона по поводу того, что

специально относится к истории утверждения и распространения христианства, но мне знакомы одни заглавия их сочинений.

Геттингенский профессор правоведения Гуго издал в 1789 г. перевод XLIV главы, в которой Гиббон говорит о римском судопроизводстве; я заимствовал некоторые из прибавленных к этому переводу критических замечаний, но они вообще заключают в себе мало фактов и не всегда подкрепляются достаточными доказательствами.

На французском языке я прочел в седьмом томе "Французского Зрителя" только нечто вроде диссертации против Гиббона; она показалась мне очень посредственной и содержит больше рассуждений, чем фактов.

Вот, насколько мне известно, все главные сочинения, в которых шла речь об "Истории упадка и разрушения Римской империи"; те из них, которые я имел в руках, далеко не удовлетворяли меня; поэтому, заимствовавши из них все, что было самого интересного, я написал довольно обширный критический разбор тех частей сочинения, которые еще не были мною проверены. Я считаю своим долгом указать здесь главные источники, из которых я черпал сведения и факты. Кроме подлинников, которыми пользовался Гиббон и к которым я всегда прибегал, когда это было в моей власти, как, например, "История эпохи цезарей", сочинения Диона Кассия, Аммиана Марцеллина, Евсевия, Лактанция и др., я искал сведения у некоторых из лучших авторов, писавших о том же предмете тем с бóльшим внимание и тем с бóльшими подробностями, что это был специальный предмет их занятий. Для истории первобытной церкви мне служили важным пособием сочинения ученого доктора Ларднера, "Краткая церковная история" Шпитлера, "Церковная история" Генке, "История утверждения христианской церкви" Планка, рукопись, содержащая лекции того же автора об "Истории христианских догматов", "История ересей" С.Г.Ф.Уолша, "Введение к Новому Завету" Михаэлиса, "Комментарии на Новый Завет" Паулуса, "История философии" Теннемана и некоторые отдельные диссертации. Что же касается описания переселений северных народов, то "История Севера" Шлёцера, "Всеобщая история" Гаттерера, "Древняя история тевтонов" Аделунга, "Memoriae populorum ex Historiis Byzantinis erutae" Штриттера доставили мне такие сведения, которых я

стал бы тщетно искать у других писателей. Трудам именно этих искусных критиков мы обязаны самыми достоверными из наших сведений об этом отделе всеобщей истории. Наконец, диссертации, которые Клекер присовокупил к своему немецкому переводу Зенд-Авесты, и мемуары Анкетиля дали мне возможность исправить некоторые ошибки, в которые впал Гиббон, говоря о религии древних персов.

Я надеюсь, что мне извинят все эти подробности, так как справедливость требовала, чтобы я назвал те сочинения, без помощи которых я не мог бы исполнить того, что задумал; а назвать тех ученых, которые были, так сказать, моими сотрудниками, есть, без сомнения, лучшее средство для того, чтобы внушить и ко мне некоторое доверие.

Я также позволю себе упомянуть о том, как много я обязан советам человека, столько же просвещенного, сколько опытного в тех исследованиях, которыми мне предстояло заняться. Без тех пособий, которые я черпал в указаниях и в библиотеке г. Штапфера, я очень часто затруднялся бы отысканием сочинений, в которых я мог найти достоверные сведения, и многие из этих сочинений, без сомнения, остались бы для меня вовсе неизвестными: он помогал мне в одно и то же время и своими познаниями, и своими книгами. Если в моем труде найдут какие-нибудь достоинства, мне придется пожалеть только о том, что я не буду в состоянии с точностью определить, какой именно долей этих достоинств я обязан г-ну Штапферу.

Я надеялся, что я буду в состоянии предпослать этому изданию Статью о жизни и характере Гиббона, обещанную мне таким человеком, дружбой которого я горжусь. Вслед за этим предисловием читатель найдет объяснение причин, помешавших исполнению этого обещания. Я постарался хотя бы отчасти восполнить этот пробел, воспользовавшись в Очерке, который заменяет упомянутую Статью, материалами и подробностями, доставленными мне тем, кто первоначально брал на себя труд употребить их в дело.

Письмо Сюара к Гизо

Вы пожелали, М.Г., чтобы я сообщил Вам мои воспоминания об Эдуарде Гиббоне, и я с необдуманной поспешностью изъявил готовность исполнить Ваше желание. Вы полагали,

что благодаря моему личному знакомству с этим писателем я буду в состоянии передать Вам такие сведения о его личности и характере, каких не могут иметь те, которые знакомы только с его сочинениями. Я думал то же, что и Вы, и был выведен из моего заблуждения только в ту минуту, когда, собравшись с мыслями, хотел взяться за перо.

Я виделся с Гиббоном и в Лондоне, и в Париже, и в его прелестном уединении близ Лозанны; но во всех этих случаях он относился ко мне только как литератор и светский человек. Я мог составить себе понятие о направлении его ума, о его литературных взглядах, о его тоне и манерах в обхождении; но я никогда не был в столь близких сношениях с ним, чтобы иметь возможность познакомиться с его задушевными мыслями и с такими особенностями его характера, которые, отражаясь в его образе действий, могли бы придать и более пикантности, и более сходства тому портрету, который предполагалось нарисовать.

Конечно, если бы я собрал все мои воспоминания, мне было бы не трудно указать и в личности Гиббона, и в его обхождении, и в его манере выражаться некоторые странности или некоторые небрежности, вызывавшие улыбку на устах легкомысленных недоброжелателей и дававшие бездарным людям повод думать, что, несмотря на блестящие и солидные достоинства, проглядывавшие в беседе Гиббона, он стоит на одном с ними уровне. Но какая была бы от того польза, если бы мы стали напоминать, что у великого писателя были неправильные черты лица, что его нос терялся между выдающимися вперед щеками, что его тучное тело держалось на двух тоненьких ножках и что он говорил по-французски с жеманством в произношении и с пронзительностью в голосе, хотя и выражался на этом языке с редкой правильностью? Его личные недостатки навсегда положены вместе с ним в могилу, но он оставил после себя бессмертное произведение, которое одно только и достойно останавливать на себе внимание мыслящих людей.

Впрочем, в своих собственных мемуарах о своей жизни и в своих сочинениях он сообщил нам все те подробности, которые до сих пор еще могли бы интересовать нас; а собрание его писем и журнал его занятий не оставляют нам ничего добавить, кроме каких-нибудь незначительных и сомнительных анекдотов.

Оценить достоинства Гиббона и нарисовать его портрет всего лучше может тот, кто всех ближе знаком с его произведениями и кто всех тщательнее изучил "Историю упадка и разрушения Римской империи", его "Мемуары" и его корреспонденцию. Вот почему я всегда был глубоко убежден, что Вы, М.Г., способны выполнить эту задачу лучше, чем кто-либо другой. Однако, желая исполнить выраженное Вами желание, я уже приступил к работе. Но подагрический припадок, присоединившийся к простуде, причиняет мне такие физические страдания, которым я не могу предвидеть конца и которые делают меня в настоящую минуту не способным ни к какой работе.

Итак, позвольте мне предоставить Вам сочинение очерка, за который я взялся: посылаю Вам собранные с этой целью некоторые материалы и отдельные заметки. Я буду очень рад, если мои воспоминания, которые я Вам нередко передавал в устной беседе, сольются в одно целое вместе с Вашими замечаниями и идеями.

Прим. и пр.

Сюар

ОЧЕРК
жизни и характера Гиббона

(Перевод очерка, написанного на французском языке г-ном Гизо)

Не для одного только удовлетворения пустого любопытства интересно собирать подробные сведения о характере людей, прославившихся своею общественною деятельностью или своими сочинениями: такие подробности влияют на наши суждения об их образе действий и их произведениях. Знаменитые люди почти всегда возбуждают нечто вроде тревожного недоверия, заставляющего нас повсюду искать их задушевные мысли и заранее объяснять все, что их касается, тем предвзятым понятием, которое мы себе составили о мотивах их действий. Поэтому желательно, чтобы этим мотивам была сделана справедливая оценка; если же нет возможности уничтожить в умах людей такое расположение к предубеждениям, по-видимому коренящееся в их натуре, то по меньшей мере следует постараться дать ему солидные и разумные основы.

Впрочем, нельзя отрицать того, что есть такие произведения, о которых мы составляем себе понятие не иначе как под влиянием того впечатления, которое производит на нас личность их автора. Историк едва ли не более всяких других писателей обязан отдавать публике отчет о своей личности; он ручается за достоверность тех фактов, которые он нам рассказывает; нам нужно знать, какую цену имеет это ручательство, а опорой для такой необходимой гарантии служат не только нравственный характер историка и доверие, возбуждаемое его правдивостью, но также обычный склад его ума, мнения, на сторону которых он всего охотнее склоняется, и чувства, которыми он всего легче увлекается, так как из этого-то и слагается та атмосфера, которая окружает его и которая окрашивает в его глазах описываемые им факты. "Я всегда доискивался истины, - сказал Гиббон в одном из своих сочинений, предшествовавших его историческим трудам, - хотя я до сих пор находил лишь правдоподобие". Среди этих-то правдоподобных фактов историк и должен отыскать и, так сказать, восстановить истину, которую рука времени уже от-

части стерла; его труд заключается в оценке степени их достоверности, а нам принадлежит право оценить произнесенный им приговор на основании того понятия, которое мы себе составили о самом судье.

Если справедливо, что необходимое для историка беспристрастие обусловливается отсутствием страстей, скромностью вкусов и средним состоянием, которое ослабляет честолюбие, предохраняя и от лишений, и от чрезмерных притязаний, то нет человека, который находился бы в этом отношении в более благоприятном положении, чем Гиббон. Он происходил из древнего рода, впрочем не отличавшегося особенным блеском, и хотя в своих "Мемуарах" он с удовольствием говорит о родственных связях и отличиях своих предков, однако он сам сознается, что ему не досталось от этих предков ни славы, ни позора (neither glory nor shame); в том, что касается родственных связей его рода, всего замечательнее его довольно близкое родство с кавалером Актоном, прославившимся в Европе в качестве министра при короле Неаполитанском. Его дед разбогател от торговых предприятий, которые он вел с успехом, подчиняя, по выражению его внука, "свои мнения своим денежным интересам" и одевая во Фландрии войска короля Вильгельма, тогда как он охотнее взял бы на себя подряд для короля Якова, но, как прибавляет историк, "едва ли по более дешевой цене". Отец нашего историка, не разделяя наклонности своего родителя регулировать свои вкусы по своим средствам, растратил часть состояния, которое досталось ему слишком легко, чтобы он мог знать ему цену; поэтому он оставил в наследство сыну необходимость улучшить свое положение каким-нибудь удачным предприятием и направить к какой-нибудь серьезной цели деятельность ума, который, при его невзыскательном воображении и при его душевном спокойствии, может быть, остался бы без всякого определенного практического применения, если бы денежное положение было более благоприятно. Эта деятельность ума обнаружилась в нем с самого детства в те промежутки времени, когда он не страдал по причине очень слабого здоровья и почти непрекращавшихся недугов, от которых он не мог отделаться до пятнадцатилетнего возраста; в эту эпоху его жизни его здоровье внезапно укрепилось, и впоследствии он страдал только от подагры и от одной болезни, которая, быть может, была излечима, но вследствие

продолжительного к ней невнимания сделалась в конце концов причиною его смерти. Вялость, столь не свойственная ни детскому, ни юношескому возрасту, смягчает в эти лета пылкость воображения и потому способствует наклонности к занятиям, с которыми легче уживается физическая слабость, чем резвость; но так как плохое здоровье юного Гиббона служило для его беспечного отца и для взявшей его на свое попечение снисходительной тетки предлогом для того, чтобы не беспокоить себя его образованием, то вся деятельность его ума выразилась в любви к чтению. Это занятие, не требующее никакой усидчивой и систематической работы, обыкновенно развивает в уме и леность, и любознательность; но для юного Гиббона благодаря его хорошей памяти оно послужило началом тех обширных познаний, которые он приобрел впоследствии. История была его первым любимым чтением и сделалась впоследствии его преобладающей наклонностью; он уже в ту пору вносил в эти занятия тот дух критики и скептицизма, который впоследствии сделался отличительной особенностью его манеры относиться к историческим событиям и описывать их. Когда ему было пятнадцать лет, он задумал описать век Сезостриса, и не с тою целью, как этого следовало бы ожидать от мальчика его лет, - чтобы нарисовать великолепную картину царствования такого завоевателя, а для того, чтобы определить приблизительно время его существования. Система, которой он придерживался, относила царствование Сезостриса почти к тому же времени, когда царствовал Соломон; его приводило в замешательство только одно возражение, а способ, которым он устранил это затруднение и который, по его собственным словам, был остроумен для молодого человека его лет, интересен для нас потому, что он был предвестником тех дарований, которые создали историческое произведение, служащее пьедесталом для его славы. Вот что говорится по этому поводу в его "Мемуарах": "В тексте священных книг первосвященник Манефон считает за одно и то же лицо Сетозиса, или Сезостриса, и старшего брата Даная, высадившегося в Греции, как гласят паросские мраморы, за 1510 лет до Р.Х.; но, по моему предположению, первосвященник с намерением говорил неправду. Желание льстить порождает ложь; написанная Манефоном история Египта посвящена Птолемею Филадельфу, который, вымышленно ли, основательно ли, производил свой

род от царей македонских, происходивших от Геркулеса*). Данай был один из потомков Геркулеса, а так как старшая линия пресеклась, то его потомки Птолемеи сделались единственными представителями царского рода и могли заявлять наследственное право на престол, который достался им путем завоевания". Итак, льстец надеялся прислужиться тем, что говорил о предке Птолемеев Данае как о брате египетских царей; а всякий раз, как ложь могла быть для кого-нибудь полезной, в Гиббоне зарождалось недоверие. "Век Сезостриса" не был докончен и через несколько лет после того был брошен в огонь, а Гиббон совершенно отказался от намерения согласовать между собою древние сказания еврейские, египетские и греческие, "теряющиеся, - как он выразился, - в отдаленных облаках". Тем не менее рассказанный им факт показался мне интересным потому, что я уже узнаю в нем будущего историка разрушения Римской империи и утверждения христианства, - узнаю в нем того критика, который, будучи всегда вооружен сомнением и вероятием и постоянно отыскивая в страстях или в интересах цитируемых им писателей мотивы для того, чтобы опровергнуть их показания, не оставил почти ничего положительного и цельного ни в тех пороках, ни в тех добродетелях, которые он описывал.

Когда такой *пытливый* ум может свободно предаваться течению своих мыслей, он не должен оставлять без проверки ни одного предмета, достойного его внимания; та же любознательность, которая внушила ему склонность к полемике касательно исторических фактов, заставила его пуститься в полемику и касательно религиозных вопросов; эта самостоятельность взгляда, располагающая к протесту против господства всеми принятых мнений, может быть, и была той причиной, которая побудила его, одно время, отказаться от религии его отечества, его родных и его наставников: увлекаясь горделивым предположением, что он в состоянии сам собою доискаться истины, Гиббон в шестнадцать лет перешел в католическую веру. Его побуждали к этому различные причины, а сочинение Боссюэ "L'Histoire des Variations des Eglises protestantes" заставило его принять окончательное решение; по крайней мере, сказал он, "я пал от руки благородного противника". Только этот один раз в своей жизни он

*) В европейской научной литературе XVIII-XIX веков было правилом называть греческих богов и героев римскими именами: Геракла - Геркулесом, Зевса - Юпитером, Афродиту - Венерой и т. д. То же делает и Э. Гиббон. (*Примеч. ред.*)

увлекся порывом энтузиазма, результаты которого, может быть, и внушили ему навсегда отвращение к порывам этого рода. Он отрекся от протестантства в Лондоне перед католическим священником в то время, как ему было шестнадцать лет с одним месяцем и двенадцатью днями (он родился 27 мая 1737 г.). Это отречение совершилось втайне во время одной поездки, которую он предпринял благодаря небрежности надзора за ним в Оксфордском университете, куда его наконец поместили. Однако он счел своим долгом уведомить об этом своего отца, который в первых порывах гнева разгласил роковую тайну. Молодой Гиббон был исключен из Оксфордского университета и вскоре вслед за тем удален от родных, которые отправили его в Лозанну; они надеялись, что несколько лет такой ссылки и наставления протестантского пастора Павильяра, попечению которого он был вверен, заставят его возвратиться на тот путь, от которого он отклонился.

Родственники Гиббона удачно выбрали именно тот род наказания, который должен был произвести желаемое впечатление на характер виновного. Он страшно скучал вследствие незнания французского языка, на котором говорили в Лозанне; небольшое жалованье, назначенное ему разгневанным отцом, ставило его в стесненное положение, и сверх всего ему приходилось еще выносить всякого рода лишения вследствие скупости супруги пастора, г-жи Павильяр, заставлявшей его страдать от голода и холода; в нем наконец стал ослабевать благородный пыл, с которым он намеревался пожертвовать собою для того дела, которому стал служить, и вот он начал чистосердечно приискивать какой-нибудь разумный повод для возвращения к вере, не требующей столь тяжелого самопожертвования. А когда желание найти разумный повод очень сильно, он всегда найдется.

Пастор Павильяр был очень доволен своим успешным влиянием на ум своего ученика, который помогал ему своими размышлениями и сам рассказал нам, в какой он пришел восторг, когда ему удалось собственным рассудком отыскать какой-то аргумент против догмата пресуществления. Благодаря этому аргументу он снова перешел в протестантство и сделал это на Рождество 1754 г. с такой же непринужденностью и искренностью, с какой за полтора года перед тем перешел в католическую веру. В человеке более зрелых лет такие перемены могли бы считаться признаком легкомыслия и

необдуманности, но в Гиббоне, которому было в ту пору семнадцать с половиной лет, они свидетельствовали лишь о живости его воображения и о том, что его жаждавший истины ум, может быть, слишком рано сбросил с себя иго предрассудков, служащих охраной для того возраста, когда наши принципы еще не могут быть основаны на рассудке. "Тогда, - говорил Гиббон, вспоминая об этом происшествии, - я прекратил мои богословские исследования и подчинился с слепым доверием тем догматам и таинствам, которые приняты единогласно и католиками, и протестантами". Такой быстрый переход от одной веры к другой, как видно, уже успел поколебать его доверие и к той, и к другой. После того как он проверил на опыте те аргументы, которые он сначала принял с полным убеждением, а затем опровергнул, в нем, натурально, должна была развиться склонность не доверять даже таким аргументам, которые казались ему самому самыми неопровержимыми, и главной причиной его скептицизма относительно каких бы то ни было религиозных верований, вероятно, был тот религиозный энтузиазм, который заставил его еще в юности отказаться от той веры, в которой он был воспитан. Как бы то ни было, но Гиббон, как кажется, считал одним из самых счастливых событий своей жизни тот факт, что он пробудил внимание своих родных и заставил их потребовать от него со всей строгостью их авторитета, чтоб он подчинился - хотя, по правде сказать, немного поздно - систематическому плану воспитания и серьезных занятий. Пастор Павильяр, как человек умный и образованный, не ограничился одними заботами о религиозных верованиях своего ученика; он скоро приобрел большое влияние на податливый ум молодого Гиббона и воспользовался этим влиянием для того, чтобы руководить деятельной любознательностью своего ученика, нуждавшеюся только в том, чтобы ее направили к истинным источникам знания; но наставник был в состоянии только указать на эти источники, а затем скоро предоставил своему ученику подвигаться его собственными силами вперед по той дороге, на которой он не был способен следовать за ним. С тех пор склонный от природы к последовательным и методическим занятиям ум молодого Гиббона принял и в научных исследованиях, и в суждениях то систематическое направление, которое так часто приводило его к истине и которое могло бы постоянно предохранять его от

всяких от нее уклонений, если бы его не вовлекали по временам в заблуждения чрезмерная требовательность и опасная наклонность составлять себе предвзятое мнение о предмете, прежде чем изучить его и обдумать.

После его смерти были изданы его "Extraits raisonnés de mes Lectures"; первые из них относятся почти к той самой эпохе, когда он начал придерживаться плана занятий, указанного ему пастором Павильяром. Пробегая их, нельзя не быть пораженным прозорливостью, точностью и проницательностью этого спокойного и пытливого ума, никогда не уклоняющегося в сторону от намеченного пути. "Мы должны читать только для того, чтобы быть в состоянии мыслить", - говорит он в предисловии к своим "Извлечениям", точно будто желая этим сказать, что он предназначает их для печати. Действительно, не трудно заметить, что его чтения служат, так сказать, канвой для его мыслей; но он придерживается этой канвы с большой точностью; он занимается идеями какого-нибудь автора только в той мере, в какой они пробуждают новые идеи в нем самом, но его собственные идеи никогда не отвлекают его от идей этого автора; он подвигается вперед с твердостью и уверенностью, но шаг за шагом и никогда не делая скачков; течение его мыслей не увлекает его за пределы того предмета, из которого они зародились, и не возбуждает в нем того брожения великих идей, которое почти всегда возникает в сильных, плодовитых и обширных умах от научных занятий; но вместе с тем из всех извлечений, которые он делает из какого-либо сочинения, ничто не пропадает даром; все, что он читает, приносит ему полезные плоды, и все предвещает в нем будущего историка, который сумеет извлекать из фактов все, что достоверные их подробности могут доставить его природной прозорливости, но не будет пытаться дополнять их или восстанавливать в тех покрытых мраком неизвестности подробностях, которые можно только угадывать воображением.

После того, как совершилось его обращение в протестантство, Гиббон стал находить жизнь в Лозанне более приятной, чем мог того ожидать по первым впечатлениям. Скромное жалованье, назначенное ему отцом, не позволяло ему принимать участие в удовольствиях и увлечениях его молодых соотечественников, которые разносят по всей Европе свои идеи и свои привычки и взамен того привозят домой разные

моды и нелепости. Это стесненное положение укрепило в нем природную склонность к занятиям, направило его самолюбие на более блестящие и более достойные цели, чем те, которые достигаются одним богатством, и заставило его искать знакомств преимущественно в менее требовательных и более полезных для него местных кружках. Благодаря бросавшимся в глаза его личным достоинствам он повсюду находил любезный прием, а благодаря его любви к занятиям он сошелся с несколькими учеными, которые оказывали ему лестное для его лет уважение, всегда служившее для него главным источником радостей. Однако его душевное спокойствие не могло совершенно предохранить его от юношеских увлечений: в Лозанне он влюбился в девицу Кюршо, которая впоследствии была замужем за Неккером, а в ту пору славилась своими достоинствами и красотой; это была привязанность честного молодого человека к честной девушке, и Гиббон, вероятно никогда более не испытавший подобной привязанности, с некоторой гордостью поздравляет себя в своих "Мемуарах" с тем, что "он хоть раз в своей жизни был способен испытать такое возвышенное и такое чистое чувство". Родители девицы Кюршо смотрели благосклонно на его намерения; сама она (в ту пору еще не впавшая в бедность, в которой она находилась после смерти своего отца), по-видимому, была рада его посещениям; но молодой Гиббон, будучи отозван в Англию после пятилетнего пребывания в Лозанне, скоро убедился, что его отец ни за что не согласится на этот брак. "После тяжелой борьбы, - говорит он, - я покорился моей участи; я вздыхал как влюбленный и повиновался как сын"; эта остроумная антитеза доказывает, что в то время, когда он писал свои "Мемуары", ему уже не причиняла большой боли "эта рана, которую мало-помалу залечили время, разлука и привычки новой жизни"[12]. Эти привычки, свойственные лондонской светской молодежи и менее романические, чем те, которые мог бы иметь молодой студент, живущий среди швейцарских гор, превратили в простую забаву довольно долго сохранявшуюся у Гиббона склонность к женщинам; но ни одна из них не внушила ему таких же чувств, какие он сначала питал к девице Кюршо; в ее обществе он находил во все эпохи своей жизни ту приятную интимность, которая была последствием нежной и честной привязанности, уступившей голосу необходимости и рассудка,

не давая ни той, ни другой стороне повода к упрекам или к злопамятству. Он снова встретился с нею в 1765 г. в Париже в то время, когда она была женой Неккера и пользовалась тем уважением, на которое ей давали право и ее личные достоинства, и ее богатства; в своих письмах к Гольройду он игриво рассказывает, как она приняла его: "Она была очень приветлива ко мне, а ее муж был особенно вежлив. Можно ли было так жестоко оскорбить меня? Приглашать меня каждый вечер на ужин, уходить спать и оставлять меня наедине с его женой, - разве это не значит ставить ни во что старого любовника?" Гиббон был не такой человек, чтобы оставленные им воспоминания могли тревожить мужей; он мог нравиться своим умом и возбуждать сочувствие к себе благодаря мягкости своего характера и своей честности, но он не мог произвести сильного впечатления на воображение молодой девушки: его наружность, никогда не имевшая никакой привлекательности, сделалась уродливой от чрезмерной тучности; в чертах его лица отражался ум, но в них не было ни выразительности, ни благородства, а вся его фигура всегда отличалась несоразмерностью своих частей. В одном из своих примечаний к "Мемуарам" Гиббона лорд Шеффилд говорит, что пастор Павильяр рассказывал ему, как он был удивлен, когда увидел перед собою маленькую хилую фигуру Гиббона с толстой головой, из которой лились самые основательные аргументы в пользу папизма, какие когда-либо приходилось ему слышать. Вследствие ли болезненного состояния, в котором он провел почти все свое детство, или вследствие привычек, которые были результатом такого состояния, он отличался неловкостью, о которой он беспрестанно упоминает в своих письмах и которая впоследствии усилилась из-за его чрезвычайной тучности, а в молодости не позволяла ему ни совершенствоваться в телесных упражнениях, ни находить в них удовольствие. Что же касается его нравственных свойств, то читателю, вероятно, будет интересно знать, что́ сам он о них думал, когда ему было двадцать пять лет. Вот какие размышления по этому предмету он вписал в свой журнал в тот день, когда ему минуло двадцать пять лет:

"По наблюдениям, которые я делал над самим собою, я нахожу, что я склонен к добродетели, не способен ни на какое бесчестное дело и расположен к великодушным поступкам, но я надменен, дерзок и неприятен в обществе. У меня нет

остроумия (wit J have none); юное воображение скорее сильно, чем приятно; у меня обширная и счастливая память; самые выдающиеся достоинства моего ума заключаются в обширности и проницательности, но мне недостает быстроты взгляда и точности". Только по сочинениям Гиббона можно проверить правильность мнения, высказанного им о самом себе; из этого мнения можно вывести такое заключение о его нравственных свойствах: когда он, так сказать, исповедуясь перед самим собою, признает себя добродетельным, он, конечно, может ошибаться на счет объема, который он придает обязанностям добродетельного человека, но он по меньшей мере доказывает этим, что он сознает в себе готовность исполнять эти обязанности во всем объеме, какой он им придает; это, бесспорно, честный человек, который и всегда будет честным, так как он находит в этом удовольствие. Что касается до надменности и заносчивости, в которых он сам себя обвиняет, то все знавшие его впоследствии никогда не замечали в нем этих недостатков потому ли, что вследствие его желания отделаться от них они представлялись ему в более ярком свете, чем посторонним людям, потому ли, что рассудок преодолел их, или же потому, что привычка иметь во всем успех сгладила их. Наконец, что касается манеры держать себя в обществе, то, конечно, любезность Гиббона не могла заключаться ни в той угодливости, которая всегда уступает и сторонится, ни в той скромности, которая доходит до самозабвения; но его самолюбие никогда не выражалось в неприятной форме; желая иметь успех и нравиться, он старался привлекать к себе внимание и успевал в этом без труда благодаря своей оживленной, остроумной и полной интереса беседе; если в его тоне и было что-нибудь резкое, то в этом сказывалось не столько оскорбительное для других желание повелевать, сколько уверенность в самом себе, находившая для себя оправдание в достоинствах его ума и в его успехах. Однако эта уверенность никогда не увлекала его слишком далеко, а в его разговорах был тот недостаток, что он заботился о тщательной отделке выражений, никогда не дозволявшей ему сказать что-либо такое, чего не стоило слушать. Этот недостаток можно было бы объяснить трудностью вести разговор на иностранном языке, если бы его друг лорд Шеффильд, стараясь защитить его от подозрения в подготовке своих выражений во время устной беседы, не признался, что

даже прежде, чем написать какую-нибудь заметку или письмо, он приводил в своем уме в порядок то, что имел намерение высказать. И это, как кажется, была его всегдашняя манера писать. В своих "Письмах о литературе" доктор Грегори говорит, что Гиббон сочинял, прохаживаясь по своей комнате,и что он никогда не писал ни одной фразы, пока она не была вполне составлена и приведена в порядок в его уме. Впрочем, он владел французским языком почти так же хорошо, как английским; во время его продолжительного пребывания в Лозанне, где иначе не говорили, как по-французски, он привык постоянно выражаться на этом языке; даже можно бы было подумать, что это его родной язык, не будь у него слишком сильного акцента, какого-то судорожного подергивания и некоторых пронзительных звуков, которые оскорбляли слух, привыкший с детства к более мягким модуляциям голоса, и тем уменьшали привлекательность его беседы.

Через три года после своего возвращения в Англию, он издал на французском языке первое свое сочинение "Essai sur l'étude de la Littérature", очень хорошо написанное и полное очень дельных критических заметок. Но в Англии оно мало читалось, а во Франции оно могло интересовать только литераторов, потому что разоблачало в авторе талант, способный на более широкие предприятия; светских же людей оно не могло удовлетворять, потому что они редко бывают довольны таким произведением, из которого могут извлечь только один положительный вывод - что автор очень умный человек. Однако именно в свете Гиббон желал добиться успеха; общество всегда имело в его глазах большую привлекательность; впрочем, все люди, не имеющие привязанностей и не способные глубоко чувствовать, любят общество, так как для того, чтобы оживить их существование, достаточно салонного обмена импульсов и идей, который совершается с такой живостью, что не дает им времени почувствовать отсутствие доверия и искренности. Гиббон хорошо понимал, что для успеха в свете необходимо сделаться светским человеком, и он непременно хотел, чтобы его считали за такого; он, как кажется, даже иногда доходил в этом желании до пустого чванства. Из его заметок касательно приема, оказанного ему герцогом Нивернуа, мы узнаем, что по вине доктора Мати, написавшего рекомендательное письмо не так, как следовало, герцог хотя и принял его вежливо, но обошелся с ним скорее

как с литератором, нежели как со светским человеком (man of fashion).

В 1763, то есть через два года после выхода в свет его "Essai sur l'étude de la Littérature", он снова покинул Англию для того, чтобы путешествовать, но уже при совершенно других условиях, чем те, при которых он покидал ее за десять лет перед тем. Он прибыл в Париж предшествуемый зарождавшеюся славой. Для человека с его характером тогдашний Париж должен был казаться самым приятным местом пребывания; он провел там три месяца, посещая такое общество, которое было всего более ему по вкусу, и сожалел, что это время прошло слишком скоро. "Если б я был богат и независим, - сказал он, - я продлил бы мое пребывание в Париже, а может быть, и переселился бы туда окончательно". Но его ожидала Италия; после того как он долго перебирал в уме различные планы сочинений, поочередно останавливаясь на каждом из них и затем откладывая его в сторону, ему впервые пришла та мысль, которой он обязан своей славой и на осуществление которой он употребил бóльшую часть своей жизни. "15 октября 1764 г., - говорит он, - я сидел, погрузившись в мечты, среди развалин Капитолия, в то время как босоногие монахи служили вечерню в храме Юпитера; тогда мне впервые пришла мысль написать историю упадка и разрушения этого города; но в мой первоначальный план входило преимущественно падение города, а не империи, и хотя с тех пор я и в моих чтениях, и в моих размышлениях стал обращать главное внимание на этот предмет, я все-таки иногда отвлекался от него другими занятиями и только по прошествии нескольких лет серьезно принялся за эту трудную работу". Действительно, Гиббон не терял из виду, но и не приступал к разработке этого сюжета, на который, по его собственному выражению, он смотрел *в почтительном отдалении*, а тем временем он даже задумывал и начинал приводить в исполнение планы некоторых других исторических сочинений; однако единственными сочинениями, законченными им и изданными в этот промежуток времени, были некоторые статьи критического содержания или написанные по какому-нибудь случайному поводу: его взоры оставались постоянно устремленными на ту цель, которая должна была впоследствии сосредоточить на себе его усилия и к которой он медленно приближался; во всяком случае не подлежит сомнению,

что первоначальная мысль о ней глубоко запечатлелась в его уме.

Читая его описание Римской империи при Августе и первых его преемниках, невольно чувствуешь, что Гиббона вдохновил вид Рима - вид *вечного города*, в который он вступил, по собственному его признанию, с таким волнением, от которого не мог заснуть в течение целой ночи. Может быть, также не трудно будет отыскать одну из причин нерасположения Гиббона к христианству в том впечатлении, из которого зародилась первоначальная мысль сочинения; эта мысль едва ли могла возникнуть сама собою в его уме, так как она не согласовалась ни с его всегдашним нерасположением подчиняться духу партий, ни с умеренностью его идей и чувств, всегда заставлявшей его отмечать наряду с дурными сторонами предмета и его хорошие стороны. Но так как он постоянно находился под сильным влиянием этого первого впечатления, то, излагая историю упадка империи, он видел в христианстве лишь такое учреждение, которое заменило вечернями, босоногими монахами и разными процессиями великолепные церемонии в честь Юпитера и торжественные выезды триумфаторов в Капитолий.[13)]

Наконец, отложив мало-помалу в сторону все другие планы и остановившись окончательно *на Истории упадка империи*, он занялся чтением и исследованиями, которые открыли перед ним более широкий горизонт и незаметно расширили в его глазах первоначально задуманный план. Хлопоты по случаю смерти его отца, приключившейся именно в этот промежуток времени, расстройство, в котором покойный оставил дела, занятия в качестве члена парламента, в который он вступил в ту пору, наконец, развлечения лондонской жизни не помешали ему непрерывно продолжать работу, но замедлили ее ход, так что лишь в 1766 г. вышла в свет первая часть (in - 4°или две части in - 8°), которая была плодом этой работы. Успех ее был громадный; два или три издания быстро разошлись и упрочили славу автора прежде, нежели критика начала возвышать свой голос. Она наконец возвысила его, и вся религиозная партия, которая была очень многочисленна и очень уважаема в Англии, восстала против двух последних глав этой части (пятнадцатой и шестнадцатой), в которых излагается история утверждения христианства. Протесты были горячи и многочисленны; Гиббон не ожидал

их и, как он сам признается, сначала был ими испуган. "Если бы я знал, - говорит он в своих "Мемуарах", - что большинство английских читателей питает такую нежную привязанность к названию и сени христианства, если бы я мог предвидеть, что люди набожные, робкие или осторожные будут искренно или притворно считать себя глубоко оскорбленными в своих убеждениях, я, может быть, смягчил бы эти две ненавистные им главы, которые создадут мне много врагов, но доставят мало друзей". Это удивление, как кажется, свидетельствует о том, что он до такой степени увлекся своими собственными идеями, что совершенно упускал из виду идеи других; но хотя такое увлечение несомненно служит доказательством его искренности, оно вместе с тем возбуждает подозрение, что в своих суждениях он мог легко впадать в предубеждения и неточности. Повсюду, где господствует предубеждение, добросовестность не может внушать полного к себе доверия: даже не желая обманывать других, писатель начинает с того, что обманывает самого себя; чтобы доказать то, что он считает за истину, он впадает в неточности, которых сам не осознает или которые кажутся ему незначительными, а его страсти заглушают его сомнения, преувеличивая в его глазах пользу победы. Таким, без сомнения, путем и Гиббон дошел до того, что видел в истории христианства только то, что подкрепляло мнение, которое он составил себе прежде тщательного изучения фактов. Неточность некоторых цитат, происходившая или от того, что он их намеренно урезывал, или от того, что он не потрудился прочесть их до конца, доставила его противникам основательные мотивы для нападений, так как дала им повод усомниться в его добросовестности. Все духовенство восстало против него; кто нападал на него, тот получал отличия и милости, и он сам иронически хвастался тем, что доставил Дэвису королевскую пенсию, а доктору Апторпу - архиепископское содержание (an archiepiscopal living). Можно полагать, что удовольствие, которое он доставлял себе подобными насмешками над противниками, отличавшимися не столько основательностью, сколько ожесточением своих нападок, служило для него вознаграждением за причиненные ему неприятности, а может быть, также мешало ему сознаться в тех заблуждениях, в которых он действительно был виновен.

Впрочем, и Юм и Робертсон осыпали нового историка са-

мыми лестными для него выражениями своего уважения: оба они, кажется, опасались, что упомянутые две главы повредят успеху его произведения, но оба они отозвались о его дарованиях так хорошо, что Гиббон, высказывая в своих "Мемуарах" удовольствие по поводу полученного им от Юма письма, счел себя вправе сделать следующее скромное замечание: "Впрочем, я никогда не имел в виду получить место в триумвирате английских историков". В особенности Юм очень восхищался сочинением Гиббона, мнения которого во многом сходились с его собственными и который, со своей стороны, предпочитал талант Юма таланту Робертсона. Что бы мы ни думали об этих отзывах, мы во всяком случае едва ли можем вполне согласиться с мнением Юма, который в письме к Гиббону хвалит *благородство его слога.* Я не нахожу, чтобы у Гиббона благородство было отличительным свойством слога, который вообще был эпиграмматический и производил впечатление скорее своей меткостью, чем возвышенностью. Я скорее соглашусь с мнением Робертсона, который, воздав должную похвалу обширным познаниям Гиббона, его исследованиям и его точности, хвалит ясность и занимательность его рассказа, изящество и силу его слога и некоторые чрезвычайно удачные обороты речи, но находит, что его манера выражаться местами *слишком обработана* и местами *слишком изысканна.* Этот недостаток легко объясняется манерой Гиббона работать, препятствиями, которые ему приходилось обходить, и образцами, которые он принял себе в руководство. В самом начале он работал с большой усидчивостью; он сам сообщает нам, что он три раза переделывал первую главу, два раза вторую и третью и что ему трудно было попасть в средний тон между *бесцветной хроникой* (a dull chronicle) и риторической декламацией. В другом месте он говорит, что, когда он стал писать по-французски историю Швейцарии, *он нашел, что его слог выше прозы и ниже поэзии и что он переходит в многоречивую и напыщенную декламацию*; он приписывал это неблагоразумному выбору иностранного языка; однако в другом месте своих "Мемуаров" он сам признается, что он ежегодно перечитывал французское произведение "Les lettres Provinciales" и научился оттуда, *как направлять стрелы внушительной и мягкой иронии.* В своем "Essai sur l' étude de la Littérature" он к этому прибавляет, что из желания подражать Монтескьё он не-

редко подвергался опасности сделаться неясным, выражая самые обыкновенные мысли с лаконической краткостью оракула (sententious and oracular brevity).

Итак, Паскаль и Монтескьё были те писатели, к помощи которых он постоянно обращался для того, чтобы умерять природную напыщенность еще не совсем сформировавшегося слога. Не трудно заметить, какие напряженные усилия он должен был делать для того, чтобы низвести эту напыщенность до одного уровня с его любимыми образцами; они всего более бросаются в глаза в первых главах, когда он не успел еще совершенно свыкнуться с тем слогом, который он сам для себя избрал. Но так как эти усилия сделались вследствие привычки менее трудными для него, то они вместе с тем сделались и менее напряженными. В своих "Мемуарах" и в предисловии к последним частям его сочинения Гиббон радуется приобретенной им легкости. Иные, быть может, найдут, что в последних частях своего сочинения он ради этой легкости иногда жертвовал правильностью. Он стал менее внимательно следить за теми недостатками, с которыми вначале усиленно боролся, но к которым вследствие привычки стал относиться с меньшею осмотрительностью, а оттого и впадал местами в ту декламацию, которая заключается в употреблении неопределенных и звучных эпитетов взамен точных выражений и сжатых оборотов речи, придающих мысли особенную энергию. Обороты и выражения этого рода тем легче заметны в первых частях сочинения, что Гиббон старается выставить их рельефно посредством контрастов, цель которых слишком ясно видна, но которые тем не менее производят желаемое впечатление; что же касается следующих частей, то иногда приходится сожалеть, что усилия, которые делает автор, хотя и всегда успешны, но недостаточно скрыты от глаз читателя.

В начале своих занятий Гиббон, как я уже заметил выше, был избран в члены парламента. Он всегда затруднялся вприискании для своих мыслей надлежащей формы выражения, а потому не мог сделаться хорошим оратором; а сознание этого недостатка и неловкость его манер внушали ему робость, которую он никогда не мог преодолеть. В течение восьми следовавших одна за другою парламентских сессий он не раскрывал рта. Не будучи связан ни с какой политической партией ни узами самолюбия, ни узами какого-либо

публично высказанного мнения, он мог беспрепятственно принять на себя в 1779 г. заведование торговлей и колониями (Lord - Commissioner of Trade and Plantations); эту должность доставила ему дружба лорда Лофборо, носившего в ту пору имя Веддербёрна; согласие Гиббона принять ее навлекло на него много укоров, и вообще он вел себя в политических делах как человек слабохарактерный и не имеющий никаких твердых убеждений; но может быть, это было отчасти извинительно со стороны человека, получившего такое воспитание, что ему были совершенно чужды идеи его родины. Он сам признается, что после пятилетнего пребывания в Лозанне *он перестал быть англичанином.* "В моем юношеском возрасте, - говорит он, - и мои мнения, мои привычки, и мои чувства были пересажены на иностранную почву; слабые и отдаленные воспоминания об Англии почти совершенно изгладились, и я стал отвыкать от моего родного языка". В ту пору, когда он выехал из Швейцарии, ему стоило некоторого труда написать по-английски письмо. Даже в конце жизни он употреблял в своих письмах галлицизмы и из опасения, что их смысл будет не понят, прибавлял к ним французское выражение, от которого они были заимствованы[14]. После его первого возвращения в Англию его отец изъявил желание, чтобы он баллотировался в члены парламента; но молодому Гиббону, натурально, было бы более приятно, если бы расходы, неизбежные при выборах, были вместо того употреблены на путешествия, которые он считал более полезными и для своего таланта, и для своей репутации; по этому поводу он написал к отцу письмо, которое дошло до нас; приведя резоны, основанные на его неспособности публично произносить речи, он объявлял отцу, *что у него даже нет национальных и партийных предрассудков*, без которых нет возможности ни иметь успех в этой карьере, ни приносить какую-либо пользу. Хотя после смерти своего отца он и соблазнился представившимся ему удобным случаем вступить в парламент, но он много раз признавался, что он вступил туда *без патриотизма* и даже *без честолюбия*; и впоследствии он никогда не простирал своих замыслов далее *покойного* и *почетного* звания Lord of trade. Может быть, и можно бы было пожелать, чтобы человек, одаренный большим талантом, признавался с меньшей откровенностью в такой скромности, которая ограничивается желанием денежного достатка, при-

обретаемого без всякого труда. Но Гиббон выражал это желание так же не притворно, как не притворно чувствовал его; только из опыта он узнал, что избранное им положение имеет свои неприятные стороны. Из некоторых выражений, встречающихся в его письмах, можно заключить, что он глубоко сознавал весь *позор зависимости*, в которую он был поставлен, и что он очень сожалел о том, что поставил себя в *положение*, *недостойное его характера*. Впрочем, в то время как он таким образом выражался, он уже лишился своего места.

Оно было отнято у него в 1782 г. вследствие перемены министерства. Он, как кажется, не очень сожалел об этой неудаче, возвращавшей ему свободу, так как он искренно отказался от всяких честолюбивых замыслов, не увлекся надеждой снова получить потерянное место при новой перемене министерства и решился покинуть Англию, где, при своих скромных денежных средствах, он не мог бы пользоваться теми удобствами, к которым привык, когда состоял при должности; его привлекала к себе Лозанна, которая была свидетельницей его первых горестей и первых радостей и которую он и впоследствии посещал всегда с новым чувством удовольствия и привязанности. Его тридцатилетний приятель Дейвердён предложил ему поселиться в его доме на таких условиях, которые были выгодны и для Гиббона, и для этого очень небогатого приятеля; таким образом, Гиббону представлялась возможность жить в обществе, которое соответствовало его вкусам домоседа, и вместе с тем пользоваться спокойствием, необходимым при его занятиях. В 1783 г. он привел в исполнение этот план и впоследствии всегда был очень этим доволен.

В Лозанне он окончил свое капитальное сочинение об *упадке и разрушении Римской империи*. "Я позволил себе, - говорит он в своих "Мемуарах", - отметить момент зарождения этого труда, а теперь я хочу отметить момент его окончания. Это было в день или скорее в ночь 27 июля 1787 г.; между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера я написал в павильоне моего сада последнюю строку моей последней страницы. Положив в сторону перо, я несколько раз прошелся взад и вперед внутри беседки или крытой аллеи из акаций, откуда видны были поля, озеро и горы. Воздух был мягок, небо было ясно; серебристая луна отражалась в водах озера,

и вся природа была погружена в молчание. Не могу скрыть, что в первую минуту я был вне себя от радости, что наконец настал тот момент, который возвращал мне мою свободу и, может быть, окончательно упрочивал мою славу; но чувство гордости смирилось во мне, и моей душой овладели чувства более меланхолические, когда я подумал, что расстаюсь со старым и приятным товарищем и что, как бы ни была долговечна написанная мною история, жизнь самого историка будет и непродолжительна, и ничем не обеспечена".

Впрочем, такие мысли не могли долго тревожить человека, в котором сознание здоровья и спокойствие воображения поддерживали уверенность, что ему суждено еще долго жить, и который даже в последние минуты своего существования рассчитывал, сколько лет он имеет еще впереди. В том же году он переехал в Англию, чтобы насладиться плодами своих трудов и приступить к печатанию последних частей своей истории. Его пребывание там заставило его еще более прежнего полюбить Швейцарию.

При Георге I и Георге II литература и талант уже не находили при дворе прежнего поощрения. Когда Гиббон явился при дворе в один из приемных дней герцога Кумберландского, этот последний обратился к нему с восклицанием: "Ну что же, г-н Гиббон! Вы все еще пописываете! (What, m-r Gibbon, still scribble, scribble!)" Понятно, что по прошествии одного года он без сожалений покинул свое отечество и возвратился в Лозанну, где жизнь была по нем и где его любили. И его не могли не любить те, кто, живя вместе с ним, могли оценить достоинства его характера, чрезвычайно уживчивого, потому что сам он был вполне счастлив. Так как он никогда не заходил в своих желаниях за пределы того, что одобрял рассудок, то ни люди, ни окружавшая его жизнь не возбуждали в нем неудовольствия. Он не раз взвешивал условия своего существования с таким чувством удовольствия, которое можно объяснить только скромностью его требований. Один оптимист сказал:

...Je suis Francais, Tourangeau, gentilhomme;
Je pouvais naitre Turc, Limousin, paysan.

Нечто в том же роде пишет Гиббон в своих "Мемуарах": "На мою долю могла бы выпасть судьба невольника, дикаря или крестьянина, и я не могу не ценить благости природы, которая произвела меня на свет в свободной и цивилизован-

ной стране, в век наук и философии и в семействе с почтенным общественным положением и с достаточными дарами фортуны". В другом месте он радуется умеренности этой фортуны, поставившей его в самые благоприятные условия для приобретения с помощью труда почтенной известности, "потому что, - говорит он, - бедность и презрительное со мной обращение отняли бы у меня всякую энергию, а пользование всеми удобствами, которое дается большим состоянием, могло бы ослабить во мне предприимчивость". Он очень доволен своим здоровьем, которое было постоянно хорошо с тех пор, как он пережил опасные годы своего детства, но которое никогда не давало ему *чрезмерного избытка сил* (the madness of a superfluous health). Он вполне насладился счастьем, которое доставляли ему занятия в течение двадцати лет, и потом находил не менее наслаждения в той славе, которая была плодом этих занятий. А так как человек, который доволен своим положением, во всем видит новое приращение своего благополучия, то и Гиббон, с терпением выносивший неприятности своего официального положения в должности lord of trade, выражает, приехав в Лозанну, свою радость по поводу того, что он избавился от оков рабства.

Его "Мемуары" и служащие для них продолжением письма, большею частью адресованные лорду Шеффилду, интересны именно потому, что в них отражается добродушие, всегда неразлучное с душевным спокойствием и невзыскательностью, и чувство привязанности, если не очень нежное, то по меньшей мере очень искреннее, по отношению к тем, с кем он был связан узами родства или дружбы; эта привязанность высказывается без особенного жара, но непринужденно и искренно. Продолжительная и тесная дружба, связавшая его с лордом Шеффилдом и с Дейвердёном, служит доказательством того, к какой сильной привязанности он был способен и какую сильную привязанность он мог внушать другим; впрочем, и не трудно понять, что можно было привязаться к такому человеку, который изливал в обществе своих друзей всю чувствительность своего сердца, никогда не знавшего страстей, который делился с этими друзьями неоцененными сокровищами своего ума и у которого была честная и скромная душа, хотя и не придававшая большой пылкости его уму, но зато и никогда почти не омрачавшая его яркого сияния.

Однако в последние годы жизни Гиббона его душевное спокойствие было нарушено тем направлением, которое приняла французская революция. Когда он убедился, что обманулся в том, чего ожидал от нее, он стал не одобрять ее с такой горячностью, какой не отличались даже французские эмигранты, с которыми он видался в Лозанне. Он был некоторое время в ссоре с Неккером; но так как он был хорошо знаком с характером и намерениями этого достойного человека и так как он сожалел о его несчастиях и разделял его скорбь по поводу постигших Францию бедствий, то между ними скоро восстановились старые дружеские отношения. Революция произвела на него такое же впечатление, какое она производила на многих людей, которые хотя и были людьми просвещенными, но писали более то, что им приходило на ум, нежели то, что мог бы поведать им опыт, которого у них не было: она заставила его придавать еще более значения тем мнениям, которых он давно придерживался. По поводу этой революции он говорит в своих "Мемуарах": "Мне несколько раз приходила мысль написать *разговор мертвых*, в котором Вольтер, Эразм и Лукиан признались бы друг перед другом, что крайне опасно предавать старинные суеверия поруганиям слепой и фанатической толпы". Конечно, только потому, что Гиббон был живой человек, он не принял бы участия в этих признаниях в качестве четвертого собеседника. Он в ту пору утверждал, что он нападал на христианство только потому, что христиане уничтожали политеизм, который был древней религией империи. В одном из своих писем к лорду Шеффилду он говорил: "Первоначальная церковь, о которой я отзывался с некоторым неуважением, была нововведением, а я был привязан к старым языческим порядкам". Он так любил высказывать свое уважение к старинным учреждениям, что иногда в шутку забавлялся тем, что вступался за инквизицию.

В 1791 г. лорд Шеффилд вместе со своим семейством посетил его в Лозанне; он обещал в скором времени отдать этот визит в Англии, но он был вынужден откладывать это тяжелое путешествие с одного месяца на другой по причине постоянно усиливавшихся во Франции революционных смут, по причине войны, грозившей путешественникам серьезными опасностями, и, наконец, по причине своей чрезвычайной тучности и некоторых недугов, к которым он долго отно-

сился с небрежением, но которые с каждым днем все более и более затрудняли его движения; наконец, получив в 1793 г. известие о смерти леди Шеффилд, которую он очень любил и называл *своей сестрой*, он отправился в ноябре этого года утешать своего друга. Месяцев через шесть после его прибытия в Англию его недуги, зародившиеся более чем за тридцать лет перед тем, до такой степени усилились, что принудили его согласиться на операцию, которая возобновлялась несколько раз и не отнимала у него надежды на выздоровление до 16 января 1794 г. В этот день он кончил жизнь и без волнений, и без скорби.

Гиббон оставил после себя память, которая дорога всем, кто его знал, а его имя стало известно всей Европе. В его "Истории упадка и разрушения Римской империи", может быть, найдутся некоторые менее тщательно обработанные части, которые обнаруживают усталость, неизбежную при такой громадной работе; можно бы было пожелать, чтобы в них было побольше той живости воображения, которая переносит читателя в среду описываемых ему сцен, и побольше той теплоты чувств, которая, так сказать, заставляет его участвовать в этих сценах и вносить в них свои собственные страсти и личные интересы; там, может быть, найдутся такие суждения о добродетелях и пороках, которые заходят в своем беспристрастии слишком далеко, и читателю приходится иногда пожалеть, что остроумная проницательность автора, умеющая так хорошо различать и разлагать составные части явления, не часто уступает место тому поистине философскому уму, который, напротив того, соединяя их в одно целое, придает более реальности и жизни предметам, изображаемым в их совокупности. Тем не менее всякий будет поражен отчетливостью этой громадной картины, объяснительными к ней рассуждениями, почти всегда верными, а иногда и глубокомысленными, а также ясностью этих объяснений, которые останавливают ваше внимание, не утомляя его, и в которых нет неопределенности, раздражающей воображение и приводящей его в замешательство. Не менее поразительна и та редкая обширность ума, которая, пробегая громадную арену исторических событий, заглядывает в самые сокровенные ее уголки, обрисовывает ее со всех точек зрения, какие только возможны, и, заставляя читателя, так сказать, осмотреть события и людей со всех сторон, доказы-

вает ему, что неполнота взгляда всегда ведет к заблуждению и что в той сфере, где все связывается между собою и согласовывается, необходимо знать все для того, чтобы иметь право судить о малейшей подробности. При чтении "Истории упадка и разрушения Римской империи" интерес к рассказу никогда не ослабевает благодаря проницательности историка, благодаря той удивительной прозорливости, которая постоянно раскрывает перед вами постепенность хода событий, выясняя их самые отдаленные причины; по моему мнению, нет такого уважения и таких похвал, которых не заслуживали бы и это громадное разнообразие познаний и идей, и то мужество, с которым автор решился применить их к делу, и та настойчивость, с которой он довел это предприятие до конца, и, наконец, та умственная свобода, которую не стесняют ни существующие учреждения, ни условия времени и без которой нет ни великих историков, ни настоящей истории. Мне остается сказать еще одно только слово в похвалу Гиббону: до него не было написано подобного сочинения, а после него - какие бы ни потребовались в некоторых частях его "Истории" исправления и улучшения - нет более надобности его писать.

ПРЕДИСЛОВИЕ ГИББОНА

к первой части издания in 4°

Я вовсе не намерен утомлять читателя пространным объяснением разнообразия и важности предмета, за который я взялся, так как достоинства моего выбора только обнаружили бы с большей очевидностью недостатки моего труда и сделали бы их менее извинительными. Но так как я осмеливаюсь предложить публике лишь только *первую* часть "*Истории упадка и разрушения Римской империи*", то, может быть, найдут уместным, чтобы я вкратце объяснил, в чем заключается общий план моего сочинения и каковы его рамки.

Достопамятный ряд переворотов, который в течение почти тринадцати столетий мало-помалу расшатывал и наконец разрушил громадное здание человеческого величия, может быть довольно удобно разделен на следующие три периода:

I. Начало первого из этих периодов может быть отнесено к веку Траяна и Антонинов - к тому времени, когда Римская империя, достигшая своего полного развития и высшего могущества, начала клониться к упадку, а простирается он до разрушения Западной империи пришедшими из Германии и Скифии варварами - этими невежественными предками самых цивилизованных народов современной нам Европы. Этот громадный переворот, отдавший Рим в руки готского завоевателя, завершился около начала шестого столетия.

II. Начало второго периода упадка и разрушения Рима можно отнести к царствованию Юстиниана, который своими законами, столько же сколько и своими победами, временно восстановил блеск Восточной империи. Этот период обнимает собою вторжение лангобардов в Италию, завоевание азиатских и африканских провинций арабами, принявшими веру Мухаммеда, восстание римлян против слабых константинопольских императоров и возвышение Карла Великого, создавшего в 800 году вторую Западную, или Германскую, империю.

III. Последний и самый длинный из этих периодов вмещает в себя около шести с половиной столетий, начиная с восстановления Западной империи вплоть до взятия турками Константинополя и до пресечения выродившегося поколения мо-

нархов, не перестававших носить титулы Цезарей и Августов после того, как их владения сузились до размеров одного города, в котором уже давно были позабыты и язык, и нравы древних римлян. Писатель, взявшийся за изложение событий этого периода, будет вынужден коснуться общей истории крестовых походов в той мере, в какой они содействовали падению Византийской империи, и едва ли будет в состоянии настолько сдержать свое любопытство, чтобы не заглянуть в положение города Рима во время средневекового мрака и неурядиц.

Так как я, быть может, с излишней поспешностью решился издать сочинение, заслуживающее эпитет несовершенного во всех значениях этого слова, то я считаю, что я принял на себя обязательство закончить, по всему вероятию, во второй части первый из этих достопамятных периодов и представить читающей публике полную историю упадка и разрушения Рима, начиная с века Антонинов и кончая падением Западной империи. Относительно следующих периодов хотя я и питаю некоторые надежды, но не беру на себя смелости давать какие-либо положительные обещания. Исполнение изложенного выше обширного плана должно связать древнюю историю мира с новой, но оно потребует многолетнего здоровья, свободного времени и терпения.

Бентинк-стрит, 1 февр. 1776.

P. S. Так как я только что издал полную "Историю упадка и разрушения Западной Римской империи", то я считаю вполне исполненными мои обязательства перед публикой. Может быть, ее одобрение поощрит меня на продолжение работы, которая, при всей кажущейся ее трудности, составляет самое приятное для меня занятие в часы досуга.

Бентинк-стрит, 1 марта 1781.

Всякий автор без труда приходит к убеждению, что общественное мнение не перестает благосклонно относиться к его работе; вот почему я твердо решился продолжать мой труд до последнего периода моего первоначального плана и до последнего периода существования Римской империи, то есть до взятия турками Константинополя в 1453 г. Если самый терпеливый читатель сообразит, что в трех объемистых томах изложены события только четырех столетий, он, вероятно, будет испуган длинной перспективой еще девятисот лет. Но

я не имею намерения излагать историю Византии в ее мельчайших подробностях. При вступлении в этот период нам придется остановить наше внимание на царствовании Юстиниана и на арабских завоеваниях; а последний век Константинополя (крестовые походы и турки) находится в связи с переворотами, пережитыми новейшей Европой. Темный промежуток времени между седьмым и одиннадцатым столетиями будет восполнен кратким изложением таких фактов, которые имеют или особый интерес, или особую важность.

Бентинк-стрит, 1 марта 1782.

ПРЕДИСЛОВИЕ

к первому изданию in 8°

"История упадка и разрушения Римской империи" издается на этот раз в более приличной форме. Мне казались необходимыми некоторые исправления и улучшения, но я не хотел причинять ни неприятностей, ни ущерба тем, кто уже приобрел прежние издания. Аккуратность корректора уже была проверена и одобрена, и меня, надеюсь, извинят в том, что среди многочисленных зимних развлечений я предпочитал удовольствия авторской деятельности и серьезных занятий тщательному пересмотру прежнего издания.

Бентинк-стрит, 20 апреля 1783.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Усидчивость и аккуратность - единственные достоинства, которые может приписывать себе историк, если действительно можно ставить себе в заслугу исполнение необходимой обязанности. Поэтому я позволю себе сказать, что я тщательно просмотрел все оригинальные материалы, которые могли бы осветить предмет моего исследования. Если мне когда-нибудь удастся завершить исполнение обширного плана, намеченного в моем предисловии, я, может быть, закончу мою работу критическим разбором тех авторов, к помощи которых я обращался с начала и до конца моих занятий; такое предприятие, может быть, навлечет на меня обвинения в

тщеславии, но я убежден, что оно может доставить и удовольствие и пользу.

В настоящую минуту я ограничусь только одним замечанием. Биографы, которые в царствование Диоклетиана и Константина сочиняли или, скорее, компилировали жизнеописания императоров, начиная с Адриана и кончая сыновьями Кара, обыкновенно обозначаются именами Элия Спартиана, Юлия Капитолина, Элия Лампридия, Вулькация Галликана, Требеллия Поллиона и Флавия Вописка. Но так много было недоразумений касательно их титулов и так много споров возникало между критиками (см. *Фабриций*. Biblioth. Latin. Кн. III Гл. 6) касательно их числа, их имен и степени их достоинства, что я цитировал их большею частью под общим названием "История эпохи Цезарей" (Augustan History)*).

---

*) Э. Гиббон не совсем точен: название сборника следовало бы перевести "История эпохи Августов"; другой вариант русского названия - "Писатели истории Августов". В сборнике - 30 биографий императоров, их наследников, претендентов на императорский трон и два обзора, посвященных лицам, стремившимся к узурпации власти. Мы оставляем название Э. Гиббона, поскольку оно вносит свой штрих в представление о стиле мышления автора и его эпохи. (*Примеч. ред.*).

СОДЕРЖАНИЕ

первой части

Глава II

Глава IV

Глава V

Глава VI

Глава IX

Глава XI

	Их пребывание в Милане
	и Никомедии
	Унижение Рима и сената
	Новые отряды гвардии - юпитерцев и геркулианцев
	Гражданские звания отложены в сторону
	Императорское достоинство и титулы
	Диоклетиан присваивает себе диадему
	и вводит персидский церемониал
	Новая форма правления, два Августа и два Цезаря
	Увеличение налогов
	Отречение Диоклетиана и Максимиана
	Сходство с Карлом Пятым
304	Продолжительная болезнь Диоклетиана
	Его осторожность
	Покорность Максимиана
	Удаление Диоклетиана в Салону
	Его философия
313	Его смерть
	Описание Салоны и ее окрестностей
	Дворец Диоклетиана
	Упадок искусств и
	литературы
	Неоплатоники

Глава XIV

н.э.	
305 - 323	Период междоусобных войн и неурядиц
	Характер и положение Констанция
	Характер и положение Галерия
	Два Цезаря - Север и Максимин
	Честолюбие Галерия обмануто двумя ре-
	волюциями
274	Рождение, воспитание и бегство Константина
306	Смерть Констанция и возвышение Константина
	Он признан Галерием, который даѐт ему
	только титул Цезаря, а Северу дает титул Августа
	Братья и сестры Константина
	Неудовольствие римлян из опасения налогов
306	Максенций провозглашен в Риме императором
	Максимин снова принимает императорское достоинство
307	Поражение и смерть Севера
	Максимиан дает Константину в супружество
	свою дочь Фаусту и титул Августа

	Галерий вторгается в Италию
	Его отступление
307	Лициний возведен в звание Августа
	Возведение Максимина
308	Шесть императоров
	Несчастья Максимина
310	Его смерть
311	Смерть Галерия
	Его владения разделены между Максимином и Лицинием
306 - 312	Правление Константина в Галлии
	Тирания Максенция в Италии и Африке
312	Междоусобная война между Константином и Максенцием
	Приготовления
	Константин переходит через Альпы
	Битва при Турине
	Осада Вероны и битва под этим городом
	Нерадение и опасения Максенция
312	Победа Константина близ Рима
	Его прием
	Его поведение в Риме
313	Его союз с Лицинием
	Война между Максимином и Лицинием
	Поражение Максимина
	Его смерть
	Жестокость Лициния
	Несчастная участь императрицы Валерии и ее матери
314	Ссора между Константином и Лицинием
	Первая междоусобная война между ними
314	Битва при Кибалисе
	Битва при Мардии
	Мирный договор
315 - 323	Общий мир и законы Константина
322	Война с готами
323	Вторая междоусобная война между Константином и Лицинием
	Битва при Адрианополе
	Осада Византия и морская победа Криспа
	Битва при Хрисополе
	Лициний покоряется; его смерть
324	Воссоединение империи

В конце каждой главы дается примечание.

ИСТОРИЯ УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА I
Объем и военные силы империи в век Антонинов

Во втором столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись старинною славой и дисциплинированной храбростью. Мягкое, но вместе с тем могущественное влияние законов и обычаев мало-помалу скрепило связь между провинциями. Их миролюбивое население наслаждалось и злоупотребляло удобствами богатства и роскоши. Внешние формы свободных учреждений охранялись с приличной почтительностью: римский сенат, по-видимому, сосредоточивал в своих руках верховную власть, а на императоров возлагал всю исполнительную часть управления. В течение счастливого периода, продолжавшегося более восьмидесяти лет, делами государственного управления руководили добродетели и дарования Нервы, Траяна, Адриана и двух Антонинов. Настоящая глава и следующие за ней две другие главы имеют целью описать цветущее состояние их империи и затем, со времени смерти Марка Антонина, указать главные причины ее упадка и разрушения, то есть главные причины такого переворота, который останется памятным навсегда и который до сих пор отзывается на всех народах земного шара.

Главные завоевания римлян совершились при республике, а императоры большею частью довольствовались тем, что охраняли владения, приобретенные политикой сената, деятельным соревнованием консулов и воинственным энтузиазмом народа. В первые семь столетий триумфы быстро следовали одни за другими, но Августу впервые пришлось отказаться от честолюбивых замыслов на всемирное владычество и внести дух воздержанности в дела государственного управления. Так как он и по своему характеру, и по своему поло-

жению был склонен к миролюбию, то ему не трудно было сообразить, что Рим при своем тогдашнем чрезмерном величии мог более потерять, нежели выиграть, от случайностей войны и что при ведении войн на большом отдалении от центра завоевания становились все более и более трудными, успех становился все более и более сомнительным, а обладание завоеванными странами становилось менее прочным и выгодным. Личный опыт Августа придал еще более веса этим здравым соображениям, доказав ему, что путем благоразумной и энергичной политики ему не трудно будет добиться от самых грозных варварских народов всех тех уступок, какие могут оказаться необходимыми для безопасности и достоинства Рима. Вместо того чтобы подвергать себя и свои легионы опасности погибнуть от стрел парфян, он добился путем почетного мирного договора, чтобы ему были возвращены знамена и пленники, захваченные парфянами при поражении Красса.[15)]

В первые годы его царствования его легаты попытались завладеть Эфиопией и Счастливой Аравией. Они зашли почти на тысячу миль к югу от тропика, но знойный климат скоро принудил завоевателей возвратиться назад и послужил охраной для миролюбивого населения этих далеких стран.[16)] На завоевание Северной Европы едва ли стоило тратить деньги и усилия. Среди лесов и болот Германии жило отважное варварское племя, презиравшее жизнь, если она не соединялась со свободой, и хотя при первом нападении на него оно, по-видимому, не могло устоять против могущества римлян[*)], но вскоре вслед за тем оно сделало отчаянное усилие и, возвратив себе независимость, напомнило Августу о превратностях фортуны[**)] [17)]. После смерти этого императора его завещание было публично прочитано в сенате. Он оставил своему преемнику ценное наследство, дав ему совет не расширять империи далее тех границ, на которые как будто сама природа указала ей как на ее постоянный оплот и пределы: с запада - Атлантического океана, с севера - Рейна и Дуная,

* Речь идет о наступательных действиях римских войск против германцев в 12—9 гг. до н. э. (в ответ на вторжение германских племен в 16 г. до н. э.) под командованием пасынка Августа Друза, в результате чего жившие в устье Рейна германские племена признали власть римлян. В последующие годы борьба с германцами продолжалась и к 5 г. н. э., после походов Тиберия, римляне прочно укрепились на территории между Рейном и Эльбой, где была создана новая римская провинция Германия. (*Примеч. ред.*)

** Восстание 6—9 гг. н. э. в провинции Германия привело римлян к поражению в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.) (*Примеч. ред.*).

с востока - Евфрата, с юга - песчаных степей Аравии и Африки[18].

К счастью для спокойствия человеческого рода, скромная система, рекомендованная мудростью Августа, нашла для себя поддержку в трусости и пороках его ближайших преемников. Будучи заняты погоней за наслаждениями или актами тирании, первые Цезари редко показывались армиям или провинциям; но вместе с тем они вовсе не были расположены допускать, чтобы те триумфы, которыми пренебрегала их беспечность, служили наградой за подвиги и храбрость их легатов. Военная слава подданного считалась за дерзкое посягательство на прерогативы императора, и потому каждый римский легат считал, что и чувство долга, и его личный интерес предписывают ему охранять вверенную его попечению границу, но не мечтать о завоеваниях, которые могли-бы оказаться для него самого не менее гибельными, чем для побежденных им варваров[19].

Британия была единственная провинция, которую римляне присоединили к своим владениям в течение первого столетия христианской эры. В этом единственном случае преемники Цезаря и Августа нашли нужным поступить по примеру первого из них, а не по правилам второго. Близость этого острова к берегам Галлии внушала им желание овладеть им, а приятные, хотя и сомнительные, слухи о возможности добывать там жемчуг*) возбуждали в них алчность[20]; впрочем, на Британию смотрели как на страну самобытную и отрезанную от остального мира, поэтому и завоевание ее едва ли считалось исключением из общих правил, которых придерживались на континенте. После войны, которая продолжалась около сорока лет[21] и которую начал самый глупый из всех императоров, продолжал самый распутный, а окончил самый трусливый, большая часть острова попала под иго римлян[22]. У различных племен, на которые делился британский народ, была храбрость, но не было умения ею пользоваться, была любовь к свободе, но не было единодушия. Они взялись за оружие с великим мужеством, но потом сложили его или же обратили его с сумасбродной непоследовательностью друг против друга, и в то время, как они сражались поодиночке, они были порабощены одни вслед за другими. Ни

*) Британия была известна в древности как Касситеридские (Оловянные) острова, и основным предметом вывоза был металл, давший это название островам (Diod. sicil. V. 23). (*Примеч. ред.*)

мужество Карактака, ни отчаяние Боадицеи, ни фанатизм друидов не могли спасти их родину от рабской зависимости или остановить постоянное движение вперед римских легатов, поддерживавших достоинство своего народа, в то время как достоинство престола было унижаемо самыми бездушными или самыми порочными выродками человеческой расы. В то самое время, когда Домициан, запершись в своем дворце, чувствовал в себе самом тот страх, который он внушал другим, его легионы, предводимые добродетельным Агриколой, разбили соединенные силы каледонцев у подножия Грампианских гор, а его флоты, смело пускавшиеся в опасное плавание по неизвестным морям, разносили по всем пунктам острова славу римского оружия. Завоевание Британии уже считалось законченным, и Агрикола намеревался довершить и упрочить свой успех вовсе нетрудным покорением Ирландии, для которого было бы, по его мнению, достаточно одного легиона и небольшого количества вспомогательных войск[23]. Он полагал, что обладание лежащим на западе островом может быть очень выгодно и что британцы будут с меньшим отвращением носить свои цепи, когда у них не будет перед глазами примера чьей-либо свободы.

Но высокие достоинства Агриколы скоро послужили поводом для его увольнения от главного командования в Британии, и его план завоеваний, весьма разумный, несмотря на свою обширность, был отложен в сторону навсегда. Перед своим отъездом этот опытный военачальник постарался упрочить обладание вновь завоеванными провинциями. Он заметил, что остров как будто делится на две неравные части находящимися по обеим его сторонам заливами, образующими то, что называют теперь Шотландским проходом (Friths of Scotland). На разделяющем их промежуточном пространстве длиною почти в сорок миль он устроил ряд военных стоянок, которые впоследствии - в царствование Антонина Пия - были укреплены земляным валом, возведенным на каменном фундаменте[24]. Эта стена, выстроенная недалеко, за теперешними Эдинбургом и Глазго, должна была обозначать границу римских владений.

Каледонцы, жившие на северной окраине острова, сохранили свою дикую независимость, которой они были обязаны столько же своей бедности, сколько своей храбрости. Они часто делали нашествия, которые были с успехом отражаемы и

за которые их наказывали, но их страна не была покорена[25]. Повелители самых прекрасных и самых плодоносных стран земного шара с презрением отворачивали свои взоры от мрачных гор с их зимними бурями, от озер, покрытых густыми туманами, и от холодных пустынных равнин, на которых полунагие варвары гонялись за дикими оленями[26].

Таковы были границы Римской империи, и таковы были принципы императорской политики со смерти Августа и до восшествия на престол Траяна. Этот добродетельный и предприимчивый государь получил воспитание солдата и обладал дарованиями полководца[27]. Миролюбивая система его предшественников была нарушена войнами и завоеваниями, и во главе легионов после долгого промежутка времени наконец встал император, способный ими командовать. Первые военные предприятия Траяна были направлены против одного из самых воинственных племен - даков, живших по ту сторону Дуная и в царствование Домициана безнаказанно издевавшихся над величием Рима[28]. Со свойственными варварам мужеством и неустрашимостью в них соединялось презрение к жизни, проистекавшее из глубокого убеждения в бессмертии и переселениях души[29]. Король даков Децебал оказался достойным соперником Траяна; он не пришел в отчаяние ни за свою судьбу, ни за судьбу своего народа, пока, по свидетельству его врагов, он не истощил всех средств, какие давали ему и его мужество, и его политика[30]. Эта достопамятная война продолжалась, с очень короткими перерывами, пять лет, а так как император мог безотчетно располагать всеми силами империи, то она окончилась полным покорением варваров[31]. Новая Дакийская провинция, составлявшая второе исключение из завещанных Августом правил, имела в окружности около тысячи трехсот миль. Ее естественными границами были Нестер, Тейс, или Тибиск, нижний Дунай и Евксинское море. До сих пор еще сохранились следы большой военной дороги, шедшей от берегов Дуная до окрестностей города Бендер, прославившегося в новейшей истории и служащего в настоящее время*) границей между турецкими и русскими владениями[32].

Траян жаждал славы, а пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет по-

*) Во времена Э. Гиббона.

рочной наклонностью самых возвышенных характеров. Похвалы Александру, передававшиеся из рода в род поэтами и историками, возбудили в душе Траяна опасное соревнование. Подобно Александру, и римский император предпринял поход на Восток, но он со вздохом выражал сожаление, что его преклонные лета едва ли позволят ему достигнуть такой же славы, какой достиг сын Филиппа[33]. Впрочем, успехи Траяна, несмотря на их непрочнось, были быстры и блестящи. Он обратил в бегство парфян, утративших свои прежние доблести и ослабевших от междоусобицы. Он победоносно прошел вдоль берегов Тигра, начиная от гор Армении и до Персидского залива. Он был первый и вместе с тем последний из римских полководцев, плававший по этому отдаленному морю. Его флоты опустошали берега Аравии, и Траян уже ласкал себя тщетной надеждой, что он не далеко от пределов Индии[34]. Удивленный сенат каждый день получал известия, в которых шла речь о незнакомых ему собственных именах и о новых народах, признавших над собою его верховенство. Он узнал, что цари Босфора, Колхиды, Иберии, Албании, Осрены и даже сам парфянский монарх получили свои царские диадемы из рук императора, что независимые племена, живущие среди гор Мидии и Кардукии, молили его о покровительстве и что такие богатые страны, как Армения, Месопотамия и Ассирия, обращены в римские провинции[35]. Но смерть Траяна скоро положила конец всем блестящим надеждам; тогда возникли основательные опасения, что столь отдаленные народы попытаются сбросить с себя непривычную для них зависимость, лишь только они почувствуют, что их уже не сдерживает та мощная рука, которая согнула их под это иго.

Существовало старинное предание, что, когда Капитолий был заложен одним из римских царей, бог Терм (который ведал полевыми межами и которого изображали в то время большим камнем)*) был единственным из всех низших богов, отказавшимся уступить свое место самому Юпитеру. Авгуры объяснили это упорство в благоприятном смысле: они приняли его за несомненное предзнаменование того, что пределы римского владычества никогда не будут отодвигаться на-

*) Термин (Терм) - римский бог межей, пограничных межевых знаков, столбов, камней, считавшихся священными. По преданию, культ Термина ввел второй римский царь Нума Помпилий, построивший в Риме храм в честь него и учредивший праздник - терминалии, справлявшийся в последний день римского года - 28 февраля. (Примеч. ред.)

зад[36]. В течение многих столетий это предсказание, способствовало своему собственному осуществлению. Но хотя Терм и был в состоянии противостоять могуществу Юпитера, он преклонился перед могуществом Адриана[37]. Этот император начал свое царствование тем, что отказался от всех завоеваний Траяна на Востоке. Он возвратил парфянам право выбирать независимого государя, отозвал римские гарнизоны из Армении, Месопотамии и Ассирии и, согласно с принципами Августа, еще раз признал Евфрат границей империи[38]. Благодаря привычке искать дурную сторону в общественной деятельности и в личных мотивах царствующих государей многие приписывали чувству зависти такой образ действий, который нетрудно объяснить осторожностью и умеренностью Адриана. Для такого подозрения можно бы было найти некоторое основание в изменчивом характере этого императора, способного предаваться то самым низким, то самым возвышенным влечениям. Однако он ничем не мог выставить в столь ярком свете превосходство своего предшественника, как собственным признанием, что сам он не в состоянии оберегать завоевания Траяна.

Воинственность и честолюбие Траяна представляли очень резкий контраст с умеренностью его преемника. Неутомимая деятельность Адриана была не менее замечательна и по сравнению с кротким спокойствием Антонина Пия. Жизнь первого из них была почти непрерывным путешествием, а так как он обладал разнообразными дарованиями полководца, государственного человека и ученого, то он удовлетворял все свои вкусы, исполняя свои обязанности правителя. Не чувствуя на себе ни перемен погоды, ни перемены климата, он ходил пешком с непокрытой головою и по снегам Каледонии, и по знойным равнинам Верхнего Египта, и в империи не было ни одной провинции, которая в течение его царствования не была бы осчастливлена посещением императора[39]. Напротив того, спокойная жизнь Антонина Пия протекла внутри Италии, и в течение его двадцатитрехлетнего управления империей самым длинным из его путешествий был переезд из его римского дворца в его уединенную виллу, находившуюся близ города Ланувия[40].

Несмотря на это различие в своем образе жизни, и Адриан и оба Антонина одинаково придерживались основной системы Августа. Они твердо следовали тому правилу, что надо

поддерживать достоинство империи, не пытаясь расширять ее пределов. Они даже пользовались всяким удобным случаем, чтобы приобретать расположение варваров, и старались внушить всему миру убеждение, что римское могущество, стоящее выше всяких влечений к завоеваниям, одушевлено лишь любовью к порядку и к справедливости. В течение длинного, сорокатрехлетнего периода их благотворные усилия были увенчаны успехом, и если исключить незначительные военные действия, предпринятые ради упражнения пограничных легионов, то можно будет сказать, что царствования Адриана и Антонина Пия представляют приятную картину всеобщего мира[41]. Римское имя было уважаемо у самых отдаленных народов земного шара. Самые надменные варвары нередко обращались в своих распрях к посредничеству императоров, и один из живших в то время историков сообщает нам, что он видел тех послов, которые приезжали просить о принятии их народа в римское подданство, но получили отказ[42].

Страх, который внушало военное могущество Рима, придавал умеренности императоров особый вес и достоинство. Они сохраняли мир тем, что были всегда готовы к войне и, руководствуясь в своих действиях справедливостью, в то же время давали чувствовать жившим вблизи от границ империи племенам, что они так же мало расположены выносить обиды, как и причинять их. Марк Аврелий употребил в дело против парфян и германцев те военные силы, которые Адриан и старший Антонин лишь держали наготове. Нападения варваров вывели из терпения этого монарха-философа: будучи вынужден взяться за оружие для обороны империи, он частью сам, частью через своих военачальников одержал несколько значительных побед на берегах Евфрата и Дуная[43]. Здесь будет уместно изучить римскую военную организацию и рассмотреть, почему она так хорошо обеспечивала и безопасность империи, и успех военных предприятий.

Во времена республики, когда нравы были более чисты, за оружие брался тот, кого воодушевляла любовь к отечеству, кому нужно было оберегать свою собственность и кто принимал некоторое участие в издании законов, которые ему приходилось охранять ради личной пользы и по чувству долга. Но по мере того как общественную свободу поглощали обширные завоевания, военное дело мало-помалу возвышалось

до степени искусства и мало-помалу унижалось до степени ремесла[44]. Даже в то время, когда легионы пополнялись рекрутами из самых отдаленных провинций, предполагалось, что они состоят из римских граждан. Это почетное название вообще считалось или легальной принадлежностью воина, или самой приличной для него наградой; но более серьезное внимание обращалось на существенные достоинства возраста, силы и роста[45]. При наборах рекрутов весьма основательно отдавалось предпочтение северному климату над южным; людей самых годных для военного ремесла предпочтительно искали не в городах, а в деревнях, и от тех, кто занимался тяжелым кузнечным и плотничным ремеслом или охотничьим промыслом, ожидали более энергии и отваги, нежели от тех, кто вел сидячую жизнь торговца, удовлетворяющего требованиям роскоши[46]. Даже тогда, когда право собственности перестало считаться необходимым условием для занятия военных должностей, командование римскими армиями оставалось почти исключительно в руках офицеров из хороших семейств и с хорошим образованием; но простые солдаты - подобно тем, из которых составляются наемные войска в современной нам Европе, - набирались между самыми низкими и очень часто между самыми развратными классами населения.

Та общественная добродетель, которая у древних называлась патриотизмом, имеет своим источником глубокое убеждение, что наши собственные интересы тесно связаны с сохранением и процветанием той свободной системы правления, в которой мы сами участвуем. Такое сознание сделало легионы Римской республики почти непобедимыми; но оно не могло иметь большого влияния на наемных слуг деспотических государей, а потому оказалось необходимым восполнить недостаток этих мотивов другими мотивами совершенно иного характера, но не менее сильными - чувством чести и религией. Крестьянин или ремесленник проникался полезным убеждением, что, вступая в военную службу, он избирал благородную профессию, в которой его повышение и его репутация будут зависеть от его собственной доблести, и что, если подвиги простого солдата нередко и остаются в неизвестности, все-таки его поведение может иногда покрыть славой или бесчестьем целую роту, целый легион и даже всю армию, с которой связана его собственная судьба. При самом

вступлении его в службу он должен был приносить присягу, которой всячески старались придать самую торжественную обстановку. Он клялся, что никогда не покинет своего знамени, что подчинит свою волю приказаниям своих начальников и что будет жертвовать своей жизнью для защиты императора и империи[47]. Привязанность римских войск к их знаменам внушалась совокупным влиянием религии и чувства чести. Золотой орел, блестевший во главе легиона, был для них предметом самого искреннего благоговения, а покинуть в минуту опасности этот священный символ считалось столько же бесчестьем сколько позором[48]. Эти мотивы, заимствовавшие свою силу у воображения, подкреплялись страхами и надеждами, у которых были более существенные основания. Исправно выплачиваемое жалованье, по временам подарки и определенная награда после выслуги установленного срока - вот чем облегчались трудности военной службы[49], а с другой стороны, ни трусость, ни неповиновение не могли избежать самого строгого наказания. Центурионы имели право подвергать провинившихся телесным наказаниям, а командиры имели право наказывать их смертью. В римской дисциплине считалось неизменным правилом, что хороший солдат должен бояться своих командиров гораздо более, нежели неприятеля. Благодаря таким похвальным порядкам храбрость императорских войск приобрела такую непоколебимость и такую дисциплину, каких не могло достигнуть стремительное и порывистое мужество варваров.

Римляне так хорошо понимали недостаточность храбрости, которая не соединяется со знанием и практикой, что на их языке название армии заимствовано от слова, которое значит "упражнения"[50]. Военные упражнения составили в них главную и постоянную цель дисциплины. Рекруты и молодые солдаты постоянно упражнялись и утром и вечером, и даже ветеранам, несмотря на их лета и опытность, не дозволялось уклоняться от ежедневных повторений того, что они уже знали в совершенстве. На зимних стоянках устраивались для войск широкие навесы для того, чтобы не прерывать военных упражнений даже в самую дурную погоду; при этом тщательно наблюдалось, чтобы оружие, употреблявшееся при этих искусственных подражаниях военным действиям, было вдвое тяжелее того, которое требовалось для настоящих сражений[51]. Подробное описание римских военных упраж-

нений не входит в план этого сочинения, поэтому я ограничусь замечанием, что в эти упражнения входило все, что могло способствовать развитию физической силы, гибкости членов и грации движений. Солдат старательно учили ходить, бегать, прыгать, плавать, носить большие тяжести, владеть всякого рода оружием - как для нападения, так и для обороны, как для боя на далеком расстоянии, так и для рукопашной схватки; их заставляли делать разные маневры и исполнять под звуки флейт пиррическую или воинскую пляску[52]. В мирное время римские войска осваивались с военными приемами и, по удачному выражению одного древнего историка, сражавшегося против них, поле битвы отличалось от поля военных упражнений только пролитием крови[53]. Самые способные командиры и даже некоторые из императоров поощряли такие упражнения своим присутствием и своим примером; так, например, нам известно, что и Адриан, и Траян нередко сами обучали неопытных солдат, награждали самых усердных, а иногда даже вступали с ними в состязание из-за награды за силу и ловкость[54]. В царствование этих государей военная тактика сделала большие успехи, и, пока империя сохраняла в себе некоторую жизненную силу, изданные ими инструкции считались самым лучшим образцом римской дисциплины.

Девятисотлетние войны мало-помалу внесли в военную службу много изменений и улучшений. Легионы, какими их описывал Полибий[55] и какими они были во времена Пунических войн, существенно отличались от тех, с которыми побеждал Цезарь или которые охраняли монархию Адриана и Антонинов. Организацию императорского легиона можно объяснить в немногих словах[56]. Тяжеловооруженная пехота, составлявшая главную его силу[57], разделялась на десять когорт и пятьдесят пять центурий, находившихся под начальством такого же числа трибунов и центурионов. Первая когорта, которой принадлежало право всегда занимать почетный пост и охранять орла, состояла из тысячи ста пяти солдат, выбранных из самых храбрых и самых надежных. Остальные девять когорт состояли из пятисот пятидесяти пяти человек каждая, а во всем отряде пехоты, входившем в состав легиона, было до шести тысяч ста человек. Их вооружение было однообразно и удивительно хорошо приспособлено к обязанностям их службы; они носили отрытый шлем с вы-

соким султаном, кирасы или кольчугу, ножные латы и на левой руке большой щит. Этот щит имел форму продолговатую и вогнутую, был четырех футов в длину и двух с половиной в ширину; он был сделан из легкого дерева, обтянутого воловьей кожей и покрытого толстыми листами меди. Кроме легкого копья легионный солдат держал в правой руке тяжелый дротик, называвшийся pilum, который имел в длину около шести футов и к которому был приделан массивный треугольный наконечник из стали восемнадцати дюймов в длину[58]. Этот снаряд, конечно, был несравненно ниже наших новейших огнестрельных оружий, так как он мог быть употреблен в дело только один раз и притом на расстоянии только десяти или двенадцати шагов. Однако, когда его бросала сильная и ловкая рука, никакая кавалерия не дерзала подойти так близко, чтобы он мог попасть в нее; никакой щит и никакие латы не могли выдержать его удара. Лишь только римлянин бросал свой pilum, он тотчас бросался на неприятеля с мечом в руке. Этот меч был коротенький из хорошей стали испанский клинок, заостренный с обеих сторон и одинаково удобный для того, чтобы ударять, и для того, чтобы колоть; впрочем, солдат всегда учили предпочитать этот второй способ употребления, так как в этом случае они менее открывали самих себя, а между тем нанесенная противнику рана была более опасна[59]. Легион обыкновенно выстраивался в восемь линий в глубину, а между линиями, точно так же как и между рядами, оставлялось пространство в три фута[60]. Войска, привыкшие сохранять такой строй в длину всего фронта и при быстром натиске, были всегда готовы исполнить всякое движение, какого могли потребовать от них ход сражения или искусство их начальников. У солдат было достаточно места и для их оружия, и для их движений, и, сверх того, между ними сохранялись промежутки, достаточные для того, чтобы можно было вводить подкрепления для замены тех, кто был не в силах долее сражаться[61]. Военная тактика греков и македонян была основана на совершенно иных принципах. Сила фаланги заключалась в шестнадцати рядах длинных пик, находившихся одна от другой в самом близком расстоянии[62]. Но и размышление, и опыт скоро доказали, что сила фаланги не могла соперничать с ловкостью легиона[63].

Кавалерия, без которой сила легиона была бы неполной,

разделялась на десять отрядов, или эскадронов; в первом из них, как состоявшем при первой когорте, было сто тридцать два человека, а в каждом из остальных девяти только по шестидесяти шести; все эти отряды, вместе взятые, - если нам позволено будет употребить новейший термин - составляли полк из семисот двадцати шести всадников. Каждый полк, натурально, состоял при своем легионе, но в некоторых случаях отделялся от него, чтоб выстроиться в линию и действовать на одном из флангов армии[64]. При императорах кавалерия уже не состояла, как во времена республики, из лучшей молодежи Рима и Италии, приготовлявшей себя кавалерийскою службой к должностям сенаторским и консульским и старавшейся приобрести военными подвигами голоса своих соотечественников на будущих выборах[65]. С тех пор как изменились и нравы, и форма правления, самые богатые люди из сословия всадников занимались отправлением правосудия или собиранием государственных доходов[66]; если же они предпринимали военную карьеру, они тотчас получали командование кавалерийским отрядом или когортой[67]. Траян и Адриан набирали людей для своей кавалерии из тех же провинций и из тех же классов своих подданных, из которых набирались рекруты для легионов. Лошадей получали большей частью из Испании и Каппадокии. Римские кавалеристы относились с презрением к полному вооружению, которым обременяла себя кавалерия восточных народов. Самую необходимую часть их вооружения составляли: шлем, продолговатый щит, легкие сапоги и кольчуга. Их главным оружием для нападения был дротик и длинный широкий меч. Употребление копья и железной палицы они, кажется, заимствовали от варваров[68].

Охранение безопасности и чести империи возлагалось главным образом на легионы; но римская политика не пренебрегала ничем, что могло быть ей полезно в случае войны. Наборы рекрутов производились в определенные сроки среди жителей провинций, еще не удостоившихся почетного звания римских граждан. Некоторым подвластным Риму владетельным князьям и некоторым мелким государствам, разбросанным неподалеку от римских границ, дозволялось пользоваться свободой и безопасностью под условием, чтобы они несли военную службу[69]. Даже нередко удавалось путем угроз или убеждений отправлять отряды враждебных варваров

в далекие страны для того, чтобы они тратили там свое опасное для Рима мужество на пользу римского государства[70]. Все эти различные отряды носили общее название вспомогательных войск, и, хотя их число изменялось в различные времена и при различных обстоятельствах, оно редко бывало ниже числа самих легионов[71]. Самые храбрые и самые преданные отряды этих вспомогательных войск отдавались под начальство префектов и центурионов и строго обучались римской дисциплине, но бóльшая часть из них сохраняла то оружие, каким они всего лучше владели вследствие особого характера их родины или вследствие приобретенной с молодости привычки. Благодаря таким порядкам каждый легион, имевший при себе определенное количество вспомогательных войск, мог располагать легкими войсками всякого рода и всякого рода метательными снарядами, а потому был в состоянии противопоставить какому бы то ни было народу то оружие и ту дисциплину, которые составляли его силу[72]. У легиона не было недостатка и в том, что на новейшем языке называется артиллерийским обозом. Он состоял из десяти военных машин большого размера и пятидесяти пяти малого размера, и каждая из этих машин метала в наклонном или в горизонтальном направлении камни и стрелы со страшной силой[73].

Лагерь римского легиона имел наружный вид укрепленного города[74]. Лишь только было намечено для него место, саперы тщательно выравнивали почву, устраняя все, что могло мешать ее совершенной гладкости. Он имел форму правильного четырехугольника, и, по нашему соображению, внутри квадрата приблизительно в семьсот ярдов могли расположиться лагерем двадцать тысяч римлян, хотя такое же количество войск в наше время могло бы развернуть перед неприятелем фронт в три раза более длинный. Посреди лагеря возвышалась над всеми другими палатка главнокомандующего (praetorium); кавалерия, пехота и вспомогательные войска занимали назначенные им места; улицы были широкие и совершенно прямые, а между палатками и валом оставлялось со всех сторон пустое пространство в двести футов. Самый вал обыкновенно имел двенадцать футов в вышину; он был обнесен плотной палисадой и был окружен рвом двенадцати футов в глубину и в ширину. Эту важную работу исполняли сами легионные солдаты, так же хорошо умевшие владеть

заступом и лопатой, как они владели мечом или pilum'ом. Воинская храбрость нередко бывает природным даром, но такое терпеливое усердие может быть только плодом привычки и дисциплины[75].

Лишь только трубный звук подавал сигнал к передвижению, лагерь был почти мгновенно снят, и войска размещались по своим шеренгам без замедления и без замешательства. Кроме оружия, в котором легионные солдаты едва ли находили для себя какое-либо обременение, они несли на себе кухонные принадлежности, орудия для возведения укреплений и провизии на несколько дней[76]. Под этой ношей, которая была бы слишком обременительна для солдат нашего времени, они были приучены делать мерным шагом около двацати миль в шесть часов[77]. При появлении неприятеля они сбрасывали в сторону свой багаж, и благодаря легким и быстрым маневрам колонна изменяла свой походный строй и выстраивалась в боевом порядке[78]. Пращники и стрелки из лука перестреливались впереди фронта, вспомогательные войска составляли первую линию; легионы помогали им или поддерживали их; кавалерия прикрывала фланги, а военные машины помещались в арьергарде.

Такова была военная организация, с помощью которой римские императоры охраняли свои обширные завоевания и поддерживали воинственный дух в такое время, когда все другие добродетели были подавлены роскошью и деспотизмом. Если же мы перейдем от дисциплины римских армий к их численному составу, то мы найдем, что этот последний едва ли может быть определен даже с приблизительной точностью. Впрочем, есть основание полагать, что легион состоял из шести тысяч восьмисот тридцати одного римлянина, а вместе с находившимися при нем вспомогательными войсками доходил почти до двенадцати тысяч пятисот человек. При Адриане и его преемниках вся армия состояла в мирное время не менее как из тридцати таких грозных бригад и представляла, по всей вероятности, численную силу в триста семьдесят пять тысяч человек. Вместо того чтобы запираться внутри стен укрепленных городов, на которые римляне смотрели как на убежище слабости и трусости, легионы стояли лагерями на берегах больших рек или вдоль границ, отделявших римские владения от варваров. Так как места их стоянок были большею частью определенны и неизменны, то мы

в состоянии описать размещение войск. Для Британии было достаточно трех легионов. Главные силы были сосредоточены на Рейне и Дунае и состояли из шестнадцати легионов, распределявшихся следующим образом: два легиона в Нижней Германии и три в Верхней; один в Реции, один в Норике, четыре в Паннонии, три в Мезии и два в Дакии. Оборона Евфрата была вверена восьми легионам, из которых шесть стояли в Сирии, а два остальных - в Каппадокии. Что же касается Египта, Африки и Испании, то ввиду их отдаленности от всякого театра значительной войны полагалось, что на каждую из этих обширных провинций достаточно одного легиона для охранения в них внутреннего спокойствия. И сама Италия не оставалась без вооруженной силы. Больше двадцати тысяч избранных солдат, носивших почетное название городских когорт и преторианской гвардии, блюли безопасность монарха и столицы. Так как преторианцы были виновниками почти всех потрясавших империю переворотов, то нам придется скоро остановить на них наше внимание, однако ни в их вооружении, ни в их дисциплине мы не находим ничего, что отличало бы их от легионов; только их внешность была более блестяща, а их дисциплина менее строга[79].

Флот, который содержали императоры, мог бы показаться не соответствующим их величию; однако он был вполне достаточен для всех полезных правительственных целей. Честолюбие римлян ограничивалось твердою землей, и этот воинственный народ никогда не воодушевлялся тем духом предприимчивости, благодаря которому мореплаватели тирские, карфагенские и даже марсельские*) расширили пределы известного тогда мира и исследовали самые отдаленные берега океана. Для римлян океан всегда был скорее предметом ужаса, чем любопытства[80]; после разрушения Карфагена и истребления морских разбойников Средиземное море на всем своем протяжении было окаймлено их владениями. Политика императоров была направлена только к тому, чтобы охранять мирное господство над этим морем и оказывать покровительство торговле их подданных. В этих скромных видах Август назначил постоянным местом стоянки двух флотов самые удобные порты Италии - для одного Равенну на

*) Географы из греческой колонии Массалии (лат. Массилия), плававшие за Геракловы Столпы и обследовавшие западное африканское и европейское побережья, - Евтитен, Пифей. Последний доплыл до Британии, обошел ее вокруг и рассчитал ее побережье, а также до легендарного острова Туле (см. Полибий. Кн. XXXIV, фрг. 5: Плиний. Естеств. ист., IV, 104). (*Примеч. ред.*)

Адриатическом море, для другого - Мисен в Неаполитанском заливе. Древние народы в конце концов убедились по опыту, что, лишь только их галеры превышали два или по большей мере три ряда весел, они становились более годными для пустого наружного блеска, чем для настоящей службы. Сам Август мог заметить во время сражения при Акциуме превосходство его собственных легких фрегатов (называвшихся *либурнскими*) над высокими, но неповоротливыми укрепленными судами его противника[81]. Из этих *либурнских* галер он образовал флоты Равеннский и Мисенский, из которых первый должен был господствовать над восточной частью Средиземного моря, а второй - над западной, и к каждой из этих эскадр он прикомандировал отряд из нескольких тысяч матросов. Кроме этих двух портов, которые можно считать главными средоточиями римского флота, очень значительные морские силы постоянно находились во Фрейюсе у берегов Прованса, а Евксинский Понт охранялся сорока судами и тремя тысячами солдат. Ко всему этому следует присовокупить флот, охранявший сообщение между Галлией и Британией, а также значительное число судов, постоянно находившихся на Рейне и на Дунае, для того чтобы наводить страх на соседние страны и препятствовать переправе варваров[82]. Если же мы сделаем обзор всего состава военных сил империи, как кавалерии, так и пехоты, как легионов, так и вспомогательных войск, гвардии и флота, то мы, даже не скупясь на самые крупные цифры, не будем в состоянии определить численность всех этих морских и сухопутных сил более чем в четыреста пятьдесят тысяч человек; а это такая военная сила, которая - как бы она ни казалась грозной - равнялась военным силам монарха, царствовавшего в прошедшем столетии над таким государством, которое когда-то составляло лишь одну из провинций Римской имерии[83].

Мы постарались выяснить, каким образом дух умеренности сдерживал в известных границах могущество Адриана и Антонинов и на какие военные силы опиралось это могущество; теперь нам предстоит описать с ясностью и точностью те провинции, которые когда-то были соединены под их владычеством, но которые в настоящее время разделены на множество независимых и враждующих одно с другим государств.

Испания, эта западная оконечность империи, Европы и

всего древнего мира, неизменно сохраняла во все века одни и те же натуральные границы - Пиренейские горы, Средиземное море и Атлантический океан. Этот большой полуостров, в настоящее время так неравно разделенный между двумя монархами, был разделен Августом на три провинции - Лузитанию, Бетику и Таррагонию. Королевство Португальское занимает теперь место воинственной страны лузитанцев, а за то, что оно потеряло с восточной стороны, оно было вознаграждено территориальными приобретениями на севере. Границы Гренады и Андалузии соответствуют границам древней Бетики. Остальные части Испании, как-то: Галиция и Астурия, Бискайя и Наварра, Леон и обе Кастилии, Мурция, Валенсия, Каталония и Арагон, входили в состав третьей и самой значительной из римских провинций, которая по имени своей столицы называлась провинцией Таррагонской[84]. Между туземными варварами келтиберы были самые могущественные, а кантабры и астурийцы самые непокорные. Рассчитывая на неприступность своих гор, они после всех других преклонились перед римским могуществом и первые сбросили с себя иго арабов[85].

Древняя Галлия, обнимавшая все страны между Пиренеями, Альпами, Рейном и океаном, была обширнее современной нам Франции. К владениям этой могущественной монархии, недавно расширившимся приобретением Эльзаса и Лотарингии, мы должны прибавить Савойское герцогство, Швейцарские кантоны, четыре Рейнских курфюршества и территории Люттиха, Люксембурга, Геннегау, Фландрии и Брабанта. Когда Август стал издавать законы для завоеванных его отцом стран, он разделил Галлию, сообразуясь с местами, которые были заняты легионами, с течением рек и с главными этническими особенностями страны, заключавшей в себе более ста самостоятельных государств[86]. Примыкающие к берегам Средиземного моря Лангедок, Прованс и Дофинэ получили название своей провинции от Нарбонской колонии. Аквитанская провинция была расширена от Пиренеев до Луары. Страна между Луарой и Сеной была названа Кельтической Галлией и скоро вслед за тем получила новое название, заимствованное от знаменитой колонии Lugdunum, или Лион. По ту сторону Сены находилась Бельгия, ограниченная в более древние времена одним Рейном; но незадолго до века Цезаря германцы, пользуясь преиму-

ществами, которые дает храбрость, заняли значительную часть бельгийской территории. Римские завоеватели поспешили воспользоваться таким лестным для их тщеславия обстоятельством, и рейнская граница Галлии от Базеля до Лейдена получила пышное название Верхней и Нижней Германии[87]. Таким образом, Галлия в царствование Антонинов заключала в себе шесть провинций: Нарбонскую, Аквитанскую, Кельтическую, или Лионскую, Бельгийскую и две Германских.

Мы уже имели случай упомянуть о завоевании Британии и указать границы римских владений на этом острове. Они заключали в себе всю Англию, Валлис и плоскую часть Шотландии до прохода при Дунбартоне и Эдинбурге. Перед тем как лишиться своей независимости, Британия была неравномерно разделена между тридцатью варварскими племенами, из которых самыми значительными были белги на западе, бриганты на севере, силуры в южном Валлисе и ицены в Норфольке и Суффольке[88]. Судя по сходству нравов и языка, можно полагать, что Испания, Галлия и Британия были населены одной и той же отважной расой дикарей. Прежде чем подпасть под римское владычество, они выдержали немало сражений и не раз возобновляли борьбу. Когда они были покорены, их страны вошли в состав западной части европейских провинций, простиравшейся от Геркулесовых Столбов до стены Антонина и от устья Тага до истоков Рейна и Дуная.

Страна, известная в настоящее время под именем Ломбардии, не считалась до римских завоеваний составною частью Италии. Галлы завели в ней могущественную колонию и, расселившись по берегам По от Пьемонта до Романьи, распространили славу своего оружия и своего имени от Альп до Апеннин. Лигурийцы жили на утесистом прибрежье, входящем в настоящее время в состав Генуэзской республики. Венеция еще не существовала в то время, но та часть этой области, которая лежит к востоку от Адижа, была населена венетами[89]. Средняя часть полуострова, состоящая в настоящее время из герцогства Тосканского и папских владений, была в древности населена этрусками и умбрами; от первых из них Италия получила зачатки своей цивилизации[90]. Тибр катил свои волны у подножия семи холмов Рима, а страна сабинов, латинов и вольсков от этой реки и до границ Неапо-

ля была театром первых побед республики. На этой-то знаменитой территории первые консулы удостаивались триумфов, их преемники украшали свои загородные дома, а их потомство выстроило монастыри[91]. Капуя и Кампанья занимали самую территорию Неаполя; остальная часть Неаполитанского королевства была населена несколькими воинственными народами - марсами, самнитами, апулийцами и луканами, а побережье было усеяно цветущими греческими колониями. Следует также заметить, что, когда Август разделил Италию на одиннадцать областей, маленькая провинция Истрия была присоединена к этому средоточию римского владычества[92].

Европейские провинции Римской империи охранялись Рейном и Дунаем. Последняя из этих больших рек, берущая свое начало на расстоянии только тридцати миль от первой, течет на протяжении более тысячи трехсот миль, большею частью в юго-восточном направлении, принимает в себя воды шестидесяти судоходных рек и, наконец, впадает шестью рукавами в Евксинское море, которое кажется достаточно обширным, чтобы вместить в себя такую массу воды[93]. Дунайские провинции скоро получили общее название Иллирии или Иллирийской границы[94]; они считались самыми воинственными во всей империи; впрочем, они стоят того, чтобы мы упомянули о каждой из них в отдельности; то были: Реция, Норик, Паннония, Далмация, Дакия, Мезия, Фракия, Македония и Греция.

Провинция Рецийская, в которой когда-то жили винделики, простиралась от Альп до берегов Дуная, от его источников до его слияния с Инном. Бóльшая часть равнин подчинена теперь курфюрсту Баварскому; город Аугсбург охраняется конституцией Германской империи; гризоны живут в безопасности среди своих гор, а Тироль составляет одну из многочисленных провинций, принадлежащих Австрийскому дому.

Обширная территория, лежащая между Инном, Дунаем и Савой, то есть Австрия, Штирия, Каринтия, Карниола, Южная Венгрия и Славония, была известна древним под именами Норика и Паннонии. В своем первобытном независимом положении гордые обитатели этих провинций были тесно связаны между собою. Под римским управлением они нередко составляли одно целое, а в настоящее время они принад-

лежат к наследственным владениям одного семейства. На их территории находится в настоящее время резиденция того немецкого государя, который называет себя римским императором, и они составляют как центр, так и главную опору австрийского могущества. Может быть, не лишним будет заметить, что, за исключением Богемии, Моравии, северных окраин Австрии и той части Венгрии, которая лежит между Тиссой и Дунаем, все остальные владения Австрийского дома входили в состав Римской империи.

Далмация, которая более всех других имела право называться Иллирией, состояла из длинной, но узкой полосы земли между Савой и Адриатическим морем. Большая часть побережья, до сих пор сохранившая свое старинное название, составляет провинцию, принадлежащую Венеции, и вмещает в себя маленькую Рагузскую республику. Внутренность страны получила славонские названия Кроации и Боснии; первая из них управляется австрийским губернатором, а вторая - турецким пашой; но вся эта страна до сих пор еще опустошается варварскими племенами, дикая самостоятельность которых служит изменчивым указателем неясной пограничной черты между христианскими и мусульманскими владениями[95].

С того места, где впадают в Дунай воды Тиссы и Савы, он получил, по крайней мере между греками, название Истра[96]. В прежнее время он отделял Мезию от Дакии; эта последняя, как было ранее замечено, была завоевана Траяном и была единственной римской провинцией по ту сторону этой реки. Если же мы посмотрим на теперешнее положение этих стран, то мы найдем, что на левой стороне Дуная Темешвар и Трансильвания были, после многих переворотов, присоединены к Венгерской короне, тогда как княжества Молдавия и Валахия признали над собой верховенство Оттоманской Порты; а находящаяся на правой стороне Дуная Мезия, делившаяся в средние века на два варварских королевства - Сербию и Болгарию, снова попала в рабство к туркам.

Название Румелии, которое турки до сих пор дают Фракии, Македонии и Греции, есть отголосок воспоминания о том, что эти страны когда-то принадлежали Римской империи. Населенная воинственным народом Фракия сделалась при Антонинах римской провинцией, простиравшейся от гор Гемуса и Родопа до Босфора и Геллеспонта. Несмотря на пе-

ремену властителей и религии, новый Рим, основанный Константином на берегах Босфора, остался до сих пор столицей великой монархии. Царство Македонское, предписывавшее Азии законы в царствование Александра, получило более солидные выгоды от политики двух Филиппов[97)] и вместе с принадлежавшими ему Эпиром и Фессалией простиралось от Эгейского до Ионического моря. Когда мы вспоминаем о славе Фив и Аргоса, Спарты и Афин, нам становится трудно поверить, что столько бессмертных республик Древней Греции сливалось в одну провинцию Римской империи, обыкновенно называвшуюся Ахейской вследствие преобладания в ней Ахейского союза.

Таково было положение Европы при римских императорах. Азиатские провинции империи, не исключая из них и непрочных завоеваний Траяна, все находятся в настоящее время в пределах турецкого владычества. Но вместо того чтобы придерживаться произвольных разделений на провинции, придуманных деспотизмом и невежеством, для нас будет и полезнее и приятнее рассмотреть неизгладимые особенности, лежащие в самой природе этих стран. Малой Азией довольно основательно называют тот полуостров, который, гранича к востоку с Евфратом, выдвигается к Европе между Евксинским Понтом и Средиземным морем. Самая обширная и самая плодородная его часть, лежащая к западу от горы Тавр и реки Галис, была удостоена римлянами исключительного прозвища Азии. Эта провинция заключала в себе древние монархии - Троянскую, Лидийскую и Фригийскую, приморские страны Памфилию, Ликию и Карию, и греческие колонии в Ионии, достигшие одинаковой славы с их метрополией если не на военном поприще, то на поприще искусств. Царства Вифиния и Понт владели северной частью полуострова - от Константинополя до Трапезунда. Находившаяся на противоположной его стороне провинция Киликия простиралась до гор Сирии; внутренняя часть страны, отделявшаяся от Римской Азии рекою Галисом, а от Армении Евфратом, когда-то составляла самостоятельное царство Каппадокийское. Здесь уместно заметить, что северные берега Евксинского Понта далее Трапезунда в Азии и далее берегов Дуная в Европе находились под властью императоров, от которых получали или вассальных властителей, или римские гарнизоны. В настоящее время эти дикие страны носят на-

звание Будзяка, Крымской Татарии, земли черкесов и Мингрелии[98].

При преемниках Александра Сирия сделалась центром монархии Селевкидов, господствовавших над Верхней Азией до тех пор, пока удачное восстание парфян не ограничило их владений землями, лежащими между Евфратом и Средиземным морем. После того как Сирия была завоевана римлянами, она сделалась их пограничной провинцией на востоке; она, при своем самом большом объеме, никогда не простиралась далее Каппадокийских гор на севере, Египта и Красного моря на юге. Финикия и Палестина иногда присоединялись к Сирии, иногда управлялись отдельно. Первая из них занимала узкую и утесистую полосу побережья, а вторая едва ли превосходила Валлис своим плодородием и объемом[99]. Тем не менее и Финикия и Палестина будут вечно жить в памяти человеческого рода, так как и Америка и Европа получили от одной из них искусство письма, а от другой - религию[100]. Песчаная степь, и безлесная и безводная, тянется вдоль не определенных с точностью границ Сирии от Евфрата до Красного моря. Бродячая жизнь арабов была неразрывно связана с их независимостью, и всякий раз, как они пытались поселиться на постоянное жительство на каком-нибудь менее других неплодородном месте, они очень скоро делались подданными Римской империи[101].

Древние географы нередко недоумевали, к какой части земного шара следует отнести Египет[102]. По своему положению эта знаменитая страна принадлежит к громадному Африканскому материку, но она доступна только со стороны Азии, которая при всех своих переворотах всегда влияла на ее судьбу почти во все периоды ее истории. На великолепном троне Птолемеев восседал римский префект, а железный скипетр мамелюков находится в настоящее время в руках турецкого паши. Нил протекает по стране на протяжении более пятисот миль - от тропика Рака до Средиземного моря - и определяет высотою своего разлива степень ее плодородия. Кирена, лежавшая к западу вдоль морского берега, была сначала греческой колонией, потом египетской провинцией, а теперь затерялась в степях Барки[103].

От Кирены до Океана африканское побережье тянется более чем на тысячу пятьсот миль, но оно так стиснуто между Средиземным морем и Сахарой или песчаною степью, что

его ширина редко превышает восемьдесят или сто миль. Под именем Африканской провинции римляне разумели преимущественно его восточную часть. До прибытия финикийских колоний эта плодородная страна была населена ливийцами, одним из самых диких народов земного шара; когда она находилась под управлением карфагенян, она сделалась центром деятельной торговли и обширной империи; но место Карфагенской республики занимают теперь слабые и раздираемые смутами Триполи и Тунис. Бóльшая часть Нумидии, когда-то составлявшей одно государство под управлением Массиниссы и Югурты, в настоящее время страдает под гнетом Алжирского военного управления; но во времена Августа пределы Нумидии были сужены и по меньшей мере две трети страны были соединены под названием Мавритании с эпитетом Цезарской. Настоящая Мавритания, или страна мавров, носившая название Тингитаны по имени древнего города Тинжи, или Танжера, образует в настоящее время королевство Фец. Лежащая на берегу океана Сала, приобретшая в наше время столь постыдную известность хищничеством своих пиратов, считалась римлянами крайним пунктом их владений, далее которого едва ли и простирались их географические сведения. До сих пор еще видны следы римского города подле Мекинеца, столицы того варварского правителя, которого мы величаем императором Марокккским; но, как кажется, ни южная часть его владений, ни самый Марокко или Сегельмесса никогда не входили в состав римской провинции. Западная часть Африки перерезывается в различных направлениях отрогами горы Атлас, имя которой было когда-то прославлено досужей фантазией поэтов[104]; а теперь обозначает громадный океан, катящий свои волны между континентами Старого и Нового Света[105].

Окончив обзор всех провинций Римской империи, мы можем добавить, что Африка отделяется от Испании проливом шириною почти в двенадцать миль, через который воды Атлантического океана вливаются в Средиземное море. Геркулесовы Столбы, столь прославленные древними, не что иное, как две горы, по-видимому оторванные одна от другой каким-нибудь конвульсивным напором стихий; у подножия той из них, которая принадлежит к Европейскому материку, в настоящее время лежит крепость Гибралтар. Средиземное море на всем своем протяжении, вместе со своими берегами и

островами, находилось в пределах римских владений. Из более значительных островов два Балеарских, получившие сообразно с их сравнительной величиной названия Майорки и Минорки, принадлежат теперь первый Испании, а второй - Великобритании. Настоящее положение Корсики более достойно сожаления, чем описания. Два итальянских государя носят титулы королей Сардинии и Сицилии. Крит, или Кандия, Кипр и большая часть маленьких греческих и азиатских островов были завоеваны турками, тогда как маленький утесистый остров Мальта устоял против их могущества и сделался славен и богат под управлением своего военного Ордена.

Это длинное перечисление провинций империи, из развалин которой образовалось столько могущественных государств, способно заставить нас быть снисходительными к тщеславию и невежеству древних. Так как они были ослеплены громадностью владений, непреодолимостью могущества и действительной или притворной умеренностью императоров, то они позволяли себе презирать, а иногда и совсем забывать отдаленные страны, которым было дозволено наслаждаться варварскою независимостью, и мало-помалу дошли до того, что позволили себе принимать Римскую империю за весь земной шар.[106] Но склад ума и познания новейшего историка требуют от него более сдержанности и точности в выражениях. Он даст более верное понятие о величии Рима, когда скажет, что империя простиралась в ширину более чем на две тысячи миль от стены Антонина и северных границ Дакии до Атласских гор и тропика Рака; что ее длина от Западного океана до Евфрата превышала три тысячи миль; что она обнимала лучшую часть умеренного пояса между двадцать четвертым и пятьдесят шестым градусами северной широты и что она, как полагают, вмещала в себя более миллиона шестисот тысяч квадратных миль, большею частью состоявших из плодородных и хорошо обработанных земель[107]

---

1) Это предисловие, равно как и все примечания, подписанные словом "Издат.", принадлежит издателю английского подлинника, с которого сделан настоящий перевод. Прим. переводчика.
2) Предисловие к его письмам к архидьякону Травису.
3) Предисловие к его письмам к архидьякону Травису.

4) D. R. Watson's Apology for christianity, in a series ofletters to Edw.Gibbon, 1776, in-8°.
5) J.Chelsum's DD.remarks on the two last chapters of the first vol. of M-r Gibbon's History, etc. Oxford, 2-e edit., 1778, in-8°.
6) East Apthorp's Letters on the prevalence of christianity before its civil establishment, with observations on M-r Gibbon's History, et. 1778, in-8°.
7) Letters to Edw. Gibbon, 2-e edit. Londres, 1785, in-8°.
8) H.Kett's a Sermons at Bampton's lecture, 1791, in-8°.-H.Kett's a representation of the conduct and opinions of the primitive christians, with remarks on certain affections of M-r Gibbon and D.Priestley, in eight Sermons.
9) A vindication of some passages in the XV and XVI chapters of the History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Второе издание, которым я пользовался, вышло в Лондоне в 1779 г.
10) Die Ausbreitung des Christenthums aus naturlichen Ursachen von W.S. von Walterstern. Hambourg, 1788, in-8°.
11) Die Ausbreitung der Christlichen religion von J.B. Ludervald. Helmstaedt, 1788, in-8°.
12) Письмо, в котором Гиббон уведомлял девицу Кюршо о несогласии его отца на их брак, сохранилось в рукописи. Первые страницы нежны и грустны, как и следует ожидать от несчастного влюбленного, но последние мало-помалу становятся спокойными, рассудительными, и письмо кончается следующими словами: "Вот почему, милостивая государыня, я имею честь быть вашим нижайшим и покорнейшим слугою Эдуардом Гиббоном". Он действительно любил девицу Кюршо, но всякий любит по-своему, а Гиббон не признавал, чтобы можно было приходить в отчаяние от любви.
13) Это остроумное предположение г-на Гизо едва ли подтверждается тем, что говорил сам Гиббон в своих "Мемуарах": "Так как я думал и до сих пор думаю, что распространение Евангелия и торжество церкви неразрывно связаны с падением римской монархии, то я взвешивал причины и последствия этого переворота и сравнивал рассказы и аналогии самих христиан с беспристрастными или враждебными отзывами язычников о возникавших сектах". Такой взгляд на предмет заходит гораздо далее простой перемены внешних форм. - Издат.
14) В одном письме к лорду Шеффилду (№ CXC) он пишет: "It is my intention to find myself (me trouver) in London, or before the glorious ist of August".
15) Дион Кассий (кн. I, стр. 736) с примечаниями Реймара, собравшего все сведения по этому предмету, какие только оставило нам римское тщеславие. Анкирские мраморы, на которых Август приказал начертать описание его подвигов, положительно свидетельствуют о том, что будто он принудил парфян возвратить знамена Красса. (Римские поэты с торжеством воспевали этот мирный подвиг Августа. См. Горация (окт. IV, 15) и Tristia Овидия (кн. 2., V. 227). - Гизо.
16) Страбон (кн. XVI, стр. 780), Плиний (Hist. Nat., кн. VI, гл. 32 - 35) и Дион Кассий (кн. LIII, стр. 723, и кн. LIV, стр. 734) оставили нам очень интересные сведения об этих войнах. Римляне овладели Мариабой, или Мерабом, - городом Счастливой Аравии, хорошо известным жи-

телям Востока (см. Абульфеда и "Географию Нубии", стр. 52). Они проникли так далеко, что находились только на расстоянии трех дней пути от той страны, которая производит пряные коренья и которая была главною целью их нашествия. [Этот самый Мераб, по словам арабских писателей, служил резиденцией для Белкиды, королевы Шебской, которая пожелала видеть Соломона. Когда прорвалась запруда соседнего водохранилища, внезапно вырвавшийся оттуда поток разрушил этот город, от которого, впрочем, и до сих пор еще сохранились некоторые следы. Он находился неподалеку от той местности, которая называлась Адрамаут и которая производит необыкновенно ароматические растения; вот почему и говорилось в описании римской экспедиции, что римлянам оставалось только три дня пути до Страны ароматов. См. "Древн. Геогр.", Анвилля, часть II, стр. 222. - Гизо] (См. прим., гл. 42 и 50. - *Издат.*).

17) Умерщвлением Вара и его трех легионов. (См. Тацит, Анн. I; Светон., Авг., 23; Велл. Патерк., II, 117 и пр.) Август принял известие об этом несчастии не с тем хладнокровием и не с той твердостью, каких можно бы было ожидать от его характера.

18) Тацит, Анн., кн. II, Дион Кассий, кн. LVI, стр. 833 и речь самого Августа в "Цезарях" Юлиана. Содержание этого последнего сочинения разъяснилось во многом благодаря ученым примечаниям его французского переводчика Шпангейма.

19) Германик, Светоний Павлин и Агрикола должны были приостановить свое победоносное движение вперед и были отозваны. Корбулон был лишен жизни. По превосходному выражению Тацита, военные заслуги были в самом строгом смысле слова Imperatoria virtus.

20) Сам Цезарь умалчивает об этом недостойном мотиве, но о нем упоминает Светоний, гл. 47. Впрочем, британский жемчуг оказался не особенно ценным по причине своего темного синевато-багрового цвета. По основательному замечанию Тацита, это был его природный недостаток (*Жизнь Агриколы*, гл. 12). Ego facilius crediderim, naturam margaritis deesse quam nobis avaritiam.

21) В царствования Клавдия, Нерона и Домициана. Помпоний Мела, писавший в царствование первого из этих императоров, выражает надежду (кн. III, гл. 6), что благодаря успехам римского оружия и самый остров, и его дикие обитатели скоро сделаются более известными. Тому, кто живет в Лондоне, должны казаться очень забавными подобные мнения.

22) См. превосходный краткий очерк этой войны, сделанный Тацитом (*Жизнь Агриколы*) и снабженный если не совершенно полными, то очень многочисленными примечаниями наших собственных исследователей древности - Кемдена и Горслея.

23) Ирландские писатели, дорожившие честью своей родины, были по этому случаю крайне недовольны Тацитом и Агриколой. (Называя этот остров лежащим на западе, Гиббон намекал на оригинальное кельтское название Ирландии - Эрин, или Эйрин (Введение МакФерсона, стр. 56, "Подлинная история бриттов" Уайтекера, стр. 129), из которого римляне сделали Ибернию, заимствуя это название не от слов "the western isle", а от слов "the wintry region". Ювенал употреблял это название в форме Юверны (Littora Juvernae, сат. 2,

160), а другие древние писатели - в форме Ерны, Иверни, Гивернии и проч. - *Изд.*)

24) См. Britannia romana Горслея, кн. I, гл. 10. - Агрикола возвел линию укреплений в самом сердце Шотландии - от Думбартона до Эдинбурга. Император Адриан во время посещения им Британии около 121 года приказал воздвигнуть земляной вал между Ньюкэстлем и Карлайем. Когда при Антонине Пие один из его полководцев - Лоллий Урбик одержал новые победы над северными племенами, то этот император, желая воспрепятствовать вторжениям каледонцев, приказал возвести между Эдинбургом и Думбартоном новый земляной вал, параллельно с которым Септимий Север возвел в 208 г. каменную стену. От этих памятников римского владычества в Британии остались многочисленные следы. См. Джона Варбуртона Vallum romanum, or the History and antiquities of the roman wall commonly called the Pict's wall. London, 1754, in-4o; к этому изданию приложен план и много рисунков. Между исследованиями более ранних знатоков древности самые точные и всех лучше выдерживающие сравнение с исследованиями Варбуртона были сделаны Александром Гордоном в его Travels (изд. в Лондоне, 1726, гл. 5). - *Венк.*

25) Поэт Буханан воспевает с большой возвышенностью и изяществом (см. его Sylvae, V) свободу, которою всегда пользовались шотландцы. Но если достаточно было одного свидетельства Ричарда Чиренчестерского, чтобы создать к северу от стены римскую провинцию, названную Веспасианой, то эта независимость должна была иметь очень тесные рамки.

26) См. Аппиана (In Prooem.) и однообразие картин природы в поэмах Оссиана, которые, по всему вероятию, были написаны каким-нибудь уроженцем Каледонии.

27) См. "Панегирик" Плиния, по-видимому опирающийся на факты.

28) Дион Кассий, кн. 67.

29) Геродот, кн. IV, гл. 94; "Жизнь Цезарей" Юлиана с примечаниями Шпангейма.

30) Плиния Epist. VIII, 9.

31) Дион Кассий, кн. 68, стр. 1123-1131; Юлиана "Цезари"; Евтропий, VIII, 2, 6; Аврелий Виктор в Epitome.

32) См. записку Анвилля о Дакийской провинции в Сборнике Академии надписей, том XXVIII, стр. 444 - 468.

33) Чувства Траяна описаны очень натурально и очень живо в "Цезарях" Юлиана.

34) Евтропий и Секст Руф старались поддержать иллюзию. См. очень остроумную диссертацию г-на Фрерэ в "Мемуарах Академии надписей", т. XXI, стр. 55.

35) Дион Кассий, кн. 68 и те писатели, которые занимались сокращением чужих сочинений.

36) Овид. Fasti, кн. II, V. 667. См. Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского о царствовании Тарквиния.

37) Св. Августин с чувством сильного удовольствия указывает на это доказательство бессилия бога Терма и тщеславия авгуров. См.: de Civitate Dei, IV, 29.

38) См. Истор. эпохи Цезарей, стр. 5, "Хронику " св. Иеронима и

все Epitomes. Довольно странно, что это достопамятное событие опущено Дионом или, скорее, Ксифилином.

39) Дион, кн. 69, стр. 1158; Ист. эпохи Цезарей, стр. 5 - 8. Если бы все сочинения историков погибли, то было бы достаточно медалей, надписей и других памятников того века для того, чтобы познакомить нас с путешествиями Адриана.

40) См. Ист. эпохи Цезарей и Epitomes.

41) Не следует, однако, забывать, что в царствование Адриана евреи, движимые религиозным фанатизмом, взялись за оружие и что вследствие того произошло сильное восстание, которое, впрочем, не распространялось за пределы одной провинции. Павсаний (кн. 8, гл. 43) говорит о двух войнах, которые были предприняты по необходимости и которые были с успехом окончены полководцами Антонина Пия: одна из них велась с бродившими из одного места в другое маврами, которые были прогнаны в степи, окружающие Атласские горы; другая велась с бригантами - британским племенем, которое вторглось в римские владения. "Ист. эпохи Цезарей" упоминает на стр. 19 об этих двух войнах и о некоторых других военных действиях.

42) Аппиан Александрийский в предисловии к своей "Истории римских войн".

43) Дион, кн. 71; Ист. эпохи Цезарей In Marco. Победы, одержанные над парфянами, были описаны массой достойных презрения историков, имена которых были спасены от забвения и осмеяны в очень остроумной сатире Лукиана.

44) Самый бедный солдат обладал суммой денег, превышавшей стоимость сорока фунт. стерл. (Дионисий Галикарнасский, 1Y, 17); это была значительная сумма в такое время, когда серебро было так редко, что одна унция этого металла равнялась по цене семидесяти фунтам меди. Чернь, которая в силу старых учреждений не принималась в военную службу, была допущена к ней Марием. См. Саллюстия De Bell. Jugurth., гл. 91.

45) Цезарь составил один из своих легионов (по имени Алауда) из галлов и из иностранцев; но это было во время своеволия междоусобных войн; а после своих побед он дал им в награду права римских граждан.

46) Вегеций, de Re Militari, кн. I, гл. 2 - 7.

47) Клятва в верности, требовавшаяся императором от армии, возобновлялась ежегодно в день 1 января.

48) Тацит называет римских орлов bellorum dèos (богом войн). Они помещались в капелле посреди лагеря и вместе с другими божествами были предметом поклонения для солдат.

49) См. Гроновия de Pecunia Vetere, кн. III, стр. 120 и пр. Император Домициан повысил ежегодное жалованье легионных солдат до двенадцати золотых монет, равнявшихся стоимостью почти десяти нашим гинеям. Это жалованье впоследствии мало-помалу увеличивалось по мере того, как развивалась военная система управления, а государство обогащалось. После двадцати лет службы ветеран получал три тысячи динариев (около ста ф. ст.) или же земельный участок в эту цену. Жалованье гвардейцев и вообще все выгоды, кото-

рыми они пользовались, вдвое превышали то, что давалось легионным солдатам.

50) Exercitus ab exercitando. Варрон, de Lingua latina, кн. IV; Цицерон, Tuscul., кн. II, 37. Можно бы было написать очень интересную книгу касательно связи между языком и нравами народов.

51) Вегеций, кн. II и то, что осталось от его первой книги.

52) Ле-Бо (Сборник Академии надписей, т. 35, стр. 262 и пр.) очень хорошо разъяснил все, что касается пиррической пляски. Этот ученый академик собрал в целом ряде "Мемуаров" все места из древних писателей, касающиеся римского легиона.

53) Иосиф, de Bello Judaico, кн. III, гл. 5. Мы обязаны этому еврейскому писателю некоторыми весьма интересными подробностями о римской дисциплине.

54) Плиний, Панегирик, гл. 13; Жизнь Адриана в "Ист. эпохи Цезарей ".

55) См. в VI книге его Истории превосходное отступление, в котором идет речь о римской дисциплине.

56) Вегеций, de Re Militari, кн. II, гл. 4 и пр. Значительная часть его запутанного извлечения заимствована из уставов Траяна и Адриана; легион в том виде, как он описывает его, не мог подходить ни к какой другой эпохе Римской империи.

57) Вегеций, de Re Militari, кн. 2, гл. I. В веке Цезаря и Цицерона, когда старинные формы еще не подверглись большим изменениям, слово miles относилось почти исключительно к пехоте. В Восточной Римской империи и в века рыцарства оно относилось почти исключительно к оруженосцам, сражавшимся на конях (Гиббон выразился с некоторым преувеличением, когда сказал, что "слово miles относится почти исключительно к пехоте". Правда, и Цицерон, и Цезарь, и Ливий, и Юстин, а всех чаще первые двое употребляли это слово именно в таком смысле (Гроновий ad Liv. XXVI. 19; XXVIII. I, и Гревий ad Justin. XIII. 3.). У римлян, как и у всех других народов, хорошо знакомых с военным искусством, главная сила армии заключалась в пехоте. Когда империя стала приходить в упадок, стали более полагаться на кавалерию и тогда словом miles часто обозначали конных солдат. Так было, начиная с четвертого столетия, в течение всех следующих столетий. Сравн. Schelli notae in Hygini Lib. de Castris Romanis, стр. 38 с Дю-Фресном, Glossar. v. Miles, n. 5 - Венк).

58) Во времена Полибия и Дионисия Галикарнасского (кн. 5, гл. 45) стальной наконечник pilum'a, как кажется, был гораздо длиннее. Во времена Вегеция он был уменьшен до одного фута или даже до девяти дюймов: я взял среднюю между этими величинами.

59) Касательно оружия легионных солдат см. Липсия de Militia Romana, кн. 3, гл. 2 - 7.

60) См. прекрасное сравнение Вергилия, Георг. II. V. 279.

61) Гишар в своих "Memoires Militaires", ч. I, гл. 4 и в своих "Nouveaux Memoires", ч. I., стр. 293 - 311, обсуждал этот предмет и как ученый, и как человек военного звания.

62) См. "Тактику" Арриана. Вследствие свойственного грекам пристрастия Арриан предпочел описать фалангу, с которой был знаком

только по чужим рассказам, нежели описать легионы, которыми он сам командовал.

63) Полибий, кн.17

64) Вегеций, de Re Militari, кн.II, гл.6. Его положительное свидетельство, которое можно бы было подкрепить несомненными фактами, без сомнения, должно заставить молчать тех критиков, которые утверждали, что императорский легион не имел при себе особого кавалерийского отряда.

65) См.Тита Ливия, почти во всех частях его сочинений, а в особенности XLII.61.

66) Плиния Hist. Natur. 33,2. Настоящий смысл этого любопытного места был впервые открыт и объяснен Бофором, République Romaine, кн.2, гл.2.

67) Как это ясно видно на примере Горация и Агриколы. Это, как кажется, был недостаток в римской дисциплине; Адриан пытался исправить его, установив, что ранее известного возраста нельзя быть трибуном. (Как в этом примечании, так и в самом тексте есть неточности. В то время, когда еще существовала республиканская свобода, патриции, а иногда и сами консулы были трибунами в армии (см.Ливия XLII.49; XLIII. 5; XLIV. 37). По существовавшим правилам, эти трибуны были частью из сословия всадников, частью из плебеев; но первые должны были прослужить в пяти кампаниях, а последние - в десяти, прежде нежели они считались достаточно опытными, чтобы занимать эту должность (Полиб. V1. 17, и Липсий). В последние дни республики это правило уже не соблюдалось с прежней строгостью. Когда легионы обратились в регулярное войско, лицеприятие и личный интерес нередко имели преобладающее влияние на выбор трибунов - и в тех случаях, когда они избирались народом (comitiati), и в тех случаях, когда они возводились в это звание консулами (Rufuli) или назначались проконсулами и пропреторами. Но при этом все-таки требовалось некоторое предварительное прохождение службы. Ее обыкновенно начинали в преторианской когорте, составлявшей конвой при преторе, а первоначальные понятия о военном искусстве приобретались путем товарищеских отношений (contubernium) с кем-нибудь из офицеров высшего ранга. Таким образом, Юлий Цезарь, несмотря на свое происхождение из знатного рода, служил как contubernalis сначала при преторе Ферме, а потом при Сервилии Исаврийском, и только после того, как он с успехом руководил несколькими смелыми нападениями на морских разбойников и на Митридата в Понте, он был возведен по избранию народа в звание трибуна. (Свет. Юл., 2,5; Плутарх, in Parall., стр. 566 изд. Фробена). Пример Горация, приводимый Гиббоном с целью доказать, что молодые члены сословия всадников назначались трибунами, лишь только вступали в службу, ничего не доказывает. Во-первых, Гораций не принадлежал к этому сословию. Он был сын одного вольноотпущенного родом из Венузии, в Апулии, занимавшего неважную должность сборщика на публичных торгах (coactor exactionum). См. Горация Cam. 1,6,26. Сверх того, в то время когда поэт был сделан трибуном, Брут, армия которого была составлена почти исключительно из уроженцев Востока, раздавал это звание всем хорошо воспитанным римлянам, которые присоединялись к не-

му. Он встретился с Горацием в Афинах, но уже ранее того знал его в Риме и уважал. Императоры были в этом отношении еще более прихотливы и еще более руководствовались в выборе своими личными соображениями; число трибунов было увеличено, и это звание всесте с доставляемым им почетом раздавалось всякому, кого двор желал расположить к себе. Август прямо назначал сенаторских сыновей трибунами или давал им командование отрядом (ala). Многие всадники немедленно получали такое командование в надежде вступить в сенат в качестве tribuni laticlavii (Дион Касс., стр.2209 и Фабриций ad h. l.). Другие назначались префектами, из которых двоих прикомандировывали к каждому отряду войск для того, чтобы увеличить число производств (Свет. Юл .38). Клавдий давал молодым всадникам, при их вступлении в службу, сначала командование когортой вспомогательных войск, потом командование отрядом, и после этого они были возводимы в звание трибунов (Свет. Клавд., стр. 25 и примечания Эрнести). Так как это служило поводом для разных злоупотреблений, а между тем для охранения императорской власти уже не было надобности в таких покровителях, то Адриан и издал декрет, которым установлялось, что получать такое почетное звание могут только лица, достигшие известного возраста (Спартиан, In Hadr. 10). Этот декрет, должно быть, долго оставался в силе, так как император Валериан в письме к преторианскому префекту Мульвию Галликану извинялся в том, что нарушил его, преждевременно назначив молодого Проба трибуном за его редкие дарования, которые стоили того, чтобы было сделано в его пользу такое исключение. Благодаря этим дарованиям Проб впоследствии достиг императорского достоинства (Вописк In Probo, 10) - Венк). (Декан Мильман, цитируя это примечание, находит, что его смысл извращен у Гизо, и затем обращает внимание на то место, где Тацит говорит, что его тесть, сначала служивший трибуном, потом служил в качестве contubernalis в Британии при Светонии Павлине. Из этого места ясно видно или что Агрикола благодаря своей службе в качестве волонтера приобрел prima castrorum rudimenta прежде, нежели получил titulum tribunatus, или же что это вначале был лишь почетный титул или патент на звание, с которым не соединялось никакого действительного командования. Напротив того, из следующей строки Горация (Sat.I.6.48)

"Quod mihi pareret legio Romana tribuno"

видно, что ему была вверена власть. Но ни один из вышеупомянутых ученых комментаторов не выяснил тех обстоятельств, которыми он был вовлечен в свою короткую и в высшей степени неудачную военную карьеру. В то время как Брут и Кассий собирали свои силы, он учился в Афинах и благодаря своим дарованиям и веселости сделался любимцем молодых римлян, посещавших в то время греческие школы. Самым выдающимся из этих молодых людей был Помпей Гросф, к которому он обращается в седьмой оде своей второй книги, называя его meorum prime sodalium; в этой же оде он очень кратко и в высшей степени чистосердечно описывает свой образ действий. Le Père Sanadon в примечаниях к своему сочинению Poésies d'Horace (ч.1, стр.564; ч.2, стр.433) говорит, что этот Помпей принадлежал к партии, враждебной Цезарю, и не отставал от нее до заклю-

чения мира в Мисене. Стало быть, через него и через других друзей Гораций познакомился с Брутом. Предварительное между ними знакомство в Риме, о котором Венк говорит с такой уверенностью, по меньшей мере весьма сомнительно; не подлежит сомнению, что только благодаря афинским рекомендациям будущий поэт получил тот пост, к которому он был так мало пригоден и на котором он так дурно исполнял свои обязанности. Впрочем, как основательно замечает Венк, это "ничего не доказывает". Но Гизо неправильно понял примечание Гиббона и придал ему в своем переводе следующую форму: "Как видно на примере Горация и Агриколы, это был недостаток (vice) в римской дисциплине". Он сам себя ввел в заблуждение, вообразив, будто Гиббон поставил на одну доску с завоевателем Британии того, кто выказал себя трусом при Филиппе, и будто Гиббон сделал это для того, чтобы доказать негодность системы, давшей им возможность слишком скоро достигнуть высших военных должностей. Гиббон указывал на них только как на *примеры* того, что он считал за установившийся обычай, а не как на доказательство какого-либо *недостатка.* При своей прозорливости он не мог бы не заметить, что всякий довод, основанный на неспособности поэта, был бы опровергнут мужеством, искусством и успехом Агриколы. - *Издат.*).

68) См."Тактику" Арриана.

69) Таково, в особенности, было положение батавов. Тацита "Германия", гл.29.

70) Марк Аврелий заставил побежденных им квадов и маркоманнов дать ему значительный отряд войск, который он и послал немедленно в Британию. Дион Кассий, кн.71.

71) Тацита "Летоп." IV,5. Те, кто определяют состав этих отрядов известным числом пехотинцев и двойным числом всадников, смешивают вспомогательные войска императоров с итальянскими союзниками республики.

72) Вегеций,II, 2; Арриан в своем "Описании похода и сражения против алан".

73) Кавалер Фолар (в своих комментариях к Полибию, ч. II, стр. 233 - 290) обсуждал вопрос о древних машинах с большим знанием и остроумием; он даже отдавал им во многих отношениях предпочтение перед нашими пушками и мортирами. Следует заметить, что их стали все более и более употреблять в битвах, по мере того как личная храбрость и военное искусство падали вместе с упадком Римской империи. Когда стало трудно находить людей, их стали заменять машинами. См.Вегеция, 2,25, и Арриана.

74) Вегеций оканчивает свою вторую книгу и описание легиона следующими выразительными словами:"Universa quae in quoque belli genere necessaria esse creduntur, secum legio debet ubique portare, ut in quovis loco fixerit castra, armatam faciat civitatem".

75) Относительно римского искусства устраивать лагерь см.Полибия, кн.6, и Липсия de Militia Romana, Иосифа de Bello Jud., кн.3, гл.5, Вегеция, I. 21 - 25, III. 9, и "Мемуары" Гишара, ч.I, гл.I. (К этим писателям Гиббон должен бы был присовокупить древнего тактика Ижина, от которого нам осталось сочинение Gromatica s. de Castrametatione. Можно с некоторой вероятностью полагать, что он жил в первой по-

ловине второго столетия. Его сочинение и трактат Полибия были изданы Г.М.Шелем in -4° в Амстердаме в 1660 г. с прекрасными комментариями, в которых издатель очень хорошо объяснил римскую военную систему и исправил некоторые ошибки Липсия, которые, однако, и до сих пор еще повторяются. Это издание трудно найти; оно было перепечатано в "Graevii Thes. Antiq.Rom.", ч.10, стр. 1000, 1282. - *Венк.*).

76) Цицерон, Tusculan. 2,37; Иосиф, de Bello Jud., кн.3,5; Фронтин, 4,1.

77) Вегеций, I.9. См. "Мемуары" Академии надписей, том 25, стр.187.

78) Эти эволюции прекрасно объяснены Гишаром, Nouveaux Mémoires, том I, стр. 141 - 234.

79) Тацит (Летоп. IV, 5) оставил нам описание положения, в котором легионы находились при Тиберии, а Дион Кассий (кн.55, стр.795) описал их положение при Александре Севере. Я старался найти середину между сведениями об этих двух периодах. См.также: Липсий. De Magnitudine Romana, кн. I, гл.4,5.

80) Римляне старались скрыть свое невежество и свой страх под личиной религиозного благоговения. См. Тацита "Германия", гл.34. (Выражение, которое употребляет здесь наш автор, слишком сильно. Римляне одолели, главным образом на море, карфагенян, которые между всеми народами древности были самой могущественной морской державой, не говоря уже о некоторых других, менее значительных народах. С тех пор их морские, точно так же как и сухопутные, силы постоянно превосходили силы других народов. Их междоусобные войны иногда велись их флотами и решались морскими сражениями. Их обширная торговля поддерживалась их купеческими судами. Если их флотские капитаны и не решались пускаться в неизвестные моря, то это происходило не от общей всему народу боязни, а было результатом индивидуальной трусливости или же было естественным последствием древней системы мореплавания, с которой мы очень мало знакомы. Моряки того времени не имели компаса для своего руководства и вообще не умели хорошо управлять кораблем, а потому и встречали препятствия в таких затруднениях, о которых мы не в состоянии составить себе понятия. Слова Тацита, на которые ссылается Гиббон: "Sanctius que ac reverentius visum, de actis Deorum credere quama scire", выражают скорее мнение самого историка, нежели предполагаемое оправдание Друза и его товарищей. - *Венк*). (Этими соображениями Венк не ослабил силы слов Гиббона и не бросил ни малейшей тени сомнения на их правдивость. Что океан был "предметом ужаса" для римского народа, - об этом свидетельствуют почти все римские писатели. Этот ужас составляет почти исключительный сюжет третьей оды в первой книге Горация; там один переезд через узкое Адриатическое море из Италии в Грецию изображается не только как vetitum nefas, оскорбляющее богов, но и как опасное путешествие, по поводу которого поэт выражает свое удивление, что есть люди, которые на все ужасы ветров, волн, подводных утесов и плавающих чудовищ могут смотреть siccis oculis. Сильная страсть римлян к завоеваниям, вызвавшая с их стороны столько отчаянных усилий, внушила им желание побороть своих врагов и на грозных морских волнах; но не естественное влече-

ние, а необходимость была в этом случае побудительной причиной, и в истории их флота нельзя указать ни одного подвига, совершенного вследствие добровольно предпринятой кампании. Победа при Акциуме была одержана над египтянами состоявшими на службе у Октавия либурнами. Корабли и моряки, употреблявшиеся ими для морской торговли, также, как кажется, большею частью доставлялись им завоеванными провинциями, как это можно заключить из выражений trabe Cypria, navita Paenus, navis Hispanae magister и пр. - *Издат.*)

81) Плутарх. Жизнь Марка Антония. Однако, если верить Орозию, эти огромные укрепленные суда возвышались над уровнем воды не более десяти футов - 6,19.

82) См.Липсия de Magnitudine Romana, кн. 1, гл.5. В последних шестнадцати главах Вегеция идет речь о морских делах.

83) Вольтер. Siècle de Louis XIV, гл.29. Впрочем, не следует забывать, что Франция до сих пор чувствует на себе результаты этих чрезвычайных усилий. (Франция, бесспорно, до сих пор чувствует на себе как результаты войн, которые предпринимались Людовиком XIV большей частью без всякого основания, так и результаты многих других заблуждений, в которые впадал этот монарх, любивший великолепие на восточный манер. Однако нельзя с уверенностью сказать, что военные силы, которые он содержал, сами по себе истощали народ. В позднейшие времена военные силы Франции, со включением флота, были не менее, если только не более, велики. - *Венк.*)

84) См. Страбона кн. II. Весьма естественно предполагать, что слово Арагон происходит от слова Таракона: многие из новейших авторов, писавших по-латыни, употребляли эти два названия как синонимы; однако положительно известно, что Арагон, небольшая река, вытекающая из Пиренейских гор и впадающая в Эбро, сначала дала свое имя одной провинции, а потом и целому королевству. См.Анвилля "Географию средних веков", стр.181.

85) (Нельзя утверждать, чтобы эти племена когда-либо находились под игом арабов, так как готский государь Пелайо сохранил среди гор свою независимость и основал королевство, из которого возникла теперешняя испанская монархия. - *Венк.*)

86) В "Notice de la Gaule" мы находим сто пятнадцать городов , а это название, как хорошо известно, давалось не только главному городу, но и всей территории каждого государства. Но Плутарх и Аппиан доводят число племен до трехсот или четырехсот.

87) Анвилль, Notice de l'Ancienne Gaule.

88) Уайтекер. История Манчестера, ч.1, гл.3.

89) Итальянские венеты, хотя и смешивались часто с галлами, были, по всему вероятию, родом из Иллирии. См.Фрере, Mémoires de l'Académie des Inscriptions, ч.18. См.прим., гл. 35 и 69.

90) См. Маффеи. Verona illustrata, кн.1.

91) Первый из этих контрастов был подмечен древними. См.Флора, I, II. Второй должен бросаться в глаза всякому новейшему путешественнику.

92) Плиний (Hist. Natur., кн.3) придерживался разделения Италии времен Августа.

93) Турнефор, Voyages en Grèce et Asie Mineure, письмо 18.

94) Название Иллирии первоначально обозначало прибрежье Адриатического моря; римляне мало-помалу распространили его на все страны, лежащие между Альпами и Евксинским морем. См. Severini, Pannonia, кн.1, гл.3.

95) Венецианский путешественник аббат Фортис недавно описал нам эти малоизвестные страны; но мы могли бы ожидать подробных сведений о географии и древностях западной Иллирии только от щедрот императора, царствующего над этой страной.

96) Сава берет свое начало неподалеку от пределов Истрии; древние греки считали ее главным притоком Дуная.

97) (Один из них всем хорошо известен. Другой Филипп, которому Македония, как здесь сказано, была так много обязана, был, вероятно, пятым из государей, носивших это имя. Как бы он ни был искусен и хитер, он не выказал большего благоразумия в своем образе действий по отношению к ахейцам, римлянам и своим собственным сыновьям. Своим поведением он навлек несчастья на себя самого, на свое семейство и на свою родину. - *Венк.*)

98) См. Periplus Арриана. Он осматривал берега Евксинского Понта в то время, когда был губернатором Каппадокии.

99) (В этом сравнении Гиббон впал в преувеличение, без сомнения, из желания ослабить авторитет Библии, в которой говорится о плодородии Палестины. Он имел в виду только одно место у Страбона (кн. 16, стр.1104, изд.Альмелувина) и действительное положение этой страны в то время, когда он писал. Страбон говорит только, что окрестности Иерусалима на пространстве шестидесяти стадий были неплодородны и безводны. О плодородии других частей Палестины он отзывается в благоприятном смысле. "Подле Иерихона, - говорит он, - есть пальмовая роща и простирающаяся на сто стадий очень населенная страна, в которой много источников". Но Страбон никогда не бывал в Палестине и писал о ней только по рассказам, которые могли вовлечь его в такие же ошибки, какие Клювье нашел в его описании Германии. (Cluv., Germ.ant., кн.III, гл.10). Сверх того, его свидетельство опровергается как свидетельством многих других древних писателей, так и медалями. Тацит (Hist., кн.5, гл.6) говорит о Палестине: "Там живут сильные и здоровые люди; дожди там редки, а *почва плодородна*". У Аммиана Марцеллина (кн.14, гл.8) находим следующее место: "Последняя из Сирийских провинций - Палестина; это обширная страна, в которой *земля хороша и хорошо обработана*; там есть прекрасные города, ни в чем не уступающие один другому и находящиеся все на равной ноге, вследствие чего между ними большая вражда". См.также Иосифа (кн.6, гл.1, стр.367). Живший в шестом столетии Прокопий Кесарийский говорит, что персидскому королю Хосрову очень хотелось овладеть Палестиной ввиду *ее необыкновенного плодородия, ее богатства и многочисленности ее населения.* Арабы были того же мнения и опасались, что Омар, прельстившись плодородием страны и чистотою воздуха, захочет остаться в Иерусалиме, вместо того чтобы возвратиться в Медину. Важность, которую придавали римляне обладанию Палестиной, и трудности, которые им пришлось преодолеть для достижения этой цели, служат новым доказательством богатства и населенности этой страны. По приказанию Веспасиана и Тита были выбиты

медали, на которых Палестина изображена женщиной, сидящей под пальмой как символом плодородия, со следующей надписью: Judaea capta. Есть еще другие медали, свидетельствующие о том же плодородии, как, например, медаль, на которой изображен Ирод с виноградной кистью в руке, или та, на которой представлен юный Агриппа, раздающий плоды. - ***Венк с дополнительными примечаниями Гизо.***)

(Тон выражения, употребленного Гиббоном, дает повод предполагать, что он имел в виду опровергнуть достоверность находящегося в Свящ.Писании описания Обетованной земли. Мы, со своей стороны, вполне уверены, что искусство и предприимчивость языческих народов, истребить которых было повелено израильтянам, сделали их родину более плодородной, чем многие другие страны, с виду казавшиеся лучше одаренными от природы. Мы не находим надобности приводить новые цитаты касательно плодородия Палестины, но следующий рассказ д-ра Кларка о внешнем виде местности между Наполозой, или Сихемом, и Иерусалимом доказывает, в какой мере она может быть улучшена обработкой: "Дорога была гориста, утесиста и камениста, тем не менее земля повсюду была обработана самым превосходным образом: она представляла один из самых поразительных образчиков человеческой предприимчивости, какой только можно себе представить. Известковые утесы и долины Иудеи были сплошь покрыты фиговыми, виноградными и оливковыми плантациями; не было ни одного пустыря. Возвышенности были снизу доверху покрыты садами, в которых вовсе не было сорных трав, а напротив, все было возделано в совершенстве. Даже спуски самых бесплодных возвышенностей были сделаны плодородными благодаря тому, что были разбиты на террасы, возвышавшиеся как ступени лестницы одна над другой; а на эти террасы была насыпана земля с удивительными усилиями. При благоразумном и благодетельном правительстве производительность Святой Земли превзойдет всякие ожидания. Ее постоянные урожаи, ее здоровый воздух, ее чистые источники, ее реки, озера и бесподобные равнины, ее холмы и долины - все это в соединении с ясностью ее климата доказывает, что эта страна поистине благословенная: Бог ниспослал на нее небесную росу, земное плодородие и в избытке хлеб и вино". - Путешествия Кларка, ч. IV, стр. 283 - 285. - ***Издат.***)

100) Распространение религии всем хорошо известно. Употребление письма было введено между дикарями Европы почти за тысячу пятьсот лет до Р.Х., а европейцы перенесли его в Америку почти через пятнадцать столетий по Р.Х. Но в течение трех тысяч лет финикийская азбука подверглась значительным изменениям, проходя через руки греков и римлян.

101) Дион Кассий, кн.68, стр.1131.

102) Птолемей и Страбон, а вместе с ними и новейшие географы считают Суэцкий перешеек границей, отделяющей Азию от Африки. Но Дионисий, Мела, Плиний, Саллюстий, Гиртий и Солин отодвигают границу Азии до западного рукава Нила или даже до большого водопада, таким образом причисляя к Азии не только Египет, но и часть Ливии.

103) История и некоторые уцелевшие медали свидетельствуют о

древнем могуществе и богатстве Кирены (см. Экгель. De Doctrina Nummorum Veterum, ч.4, стр.117). После того как Египет был завоеван македонянами, он подпал под владычество Птолемеев. Первый из них, прозванный Сотером, завладел Киренской территорией, которая и управлялась его преемниками до Птолемея Апиона, передавшего ее по завещанию римлянам, которые образовали из нее особую провинцию, присоединив к ней остров Крит. Киренский порт назывался Аполлонией; теперь он называется Марза-Суза или Соуза, что и дает Анвиллю основание думать, что это тот самый город, который носил название Созузы во времена Восточной Римской империи. До сих пор еще сохранились некоторые из развалин Кирены, носящие название Куры. История этой колонии, затемненная в самом своем начале вымыслами древности, подробно рассказана многими древними и новейшими писателями. См. между прочими Геродота, кн.14, гл.150; Каллимака (который сам был родом из Кирены) Hymn. ad Apoll и примечания 111 Шпангейма; Диодора Сицилийского, кн.43, Юстина,XIII, 7; Анвилля, Geogr.Anc., ч. III, стр. 43. - Гизо .) (Страбон (кн.17) сообщает нам имена многих ученых людей, прославивших Кирену, Плутарх (в жизнеописаниях Лукулла и Филопемена, а также в своем Ad Prin.Inerud) объясняет нам, как велико было влияние распространенных философами идей Платона на умы жителей этой страны. От Иосифа (Cont.Ap., кн.2, гл.4; Ant.Jud.кн.12,1, кн.12,2, кн.14,7,2) мы узнаем, что Птолемей Сотер поселил там многочисленную колонию евреев, что его сын покровительствовал им и поощрял изучение их священных книг. Наконец, в Деяниях Апостолов (гл.11 и 13) мы можем видеть, что из того же самого города вышли некоторые из первых проповедников христианства, поучавшие греков в Антиохии и впервые основавшие там правильно организованную христианскую церковь. - *Издат.*)

104) Длинная протяженность Атласских гор, их умеренная высота и пологие скаты (см. Slaw's Travels, стр.5) не согласуются с понятием об уединенной горе, скрывающей свою вершину в облаках и точно будто упирающейся в небеса. Напротив того, Тенерифский пик возвышается на полторы мили над уровнем моря, а так как он был хорошо знаком финикиянам, то он мог обратить на себя внимание греческих поэтов. См.Бюффона Hist. Nat., ч.1., стр. 312; Histoire des Voyages, ч.2.

105) Вольтер (ч.14, стр.297), не опираясь ни на какие положительные или вероятные факты, великодушно отдал во владение римлян Канарские острова.

106) Бержье, Hist. des Grands Chemins, кн. III, гл.1,2,3,4; в этом сочинении много интересных сведений.

107) См. Темплемана "Описание земного шара"; впрочем, я не имею доверия ни к его знаниям, ни к его географическим картам.

ГЛАВА II
О единстве и внутреннем благоденствии Римской империи в век Антонинов

Не одной только быстротой или обширностью завоеваний должны мы измерять величие Рима. Ведь государь, царствующий над русскими степями, имеет под своей властью еще более обширную часть земного шара. В седьмое лето после своей переправы через Геллеспонт Александр воздвигнул македонские трофеи на берегах Гифазиса[1]. В течение менее ста лет, непобедимый Чингисхан и происходившие от одного с ним рода монгольские властители распространили свои жестокие опустошения и свое временное владычество от Китайских морей до пределов Египта и Германии[2]. Но прочное здание римского могущества и было воздвигнуто, и оберегалось мудростью многих веков. Покорные провинции Траяна и Адриана были тесно связаны между собою общими законами и наслаждались украшавшими их изящными искусствами. Им, может быть, иногда и приходилось выносить злоупотребления лиц, облеченных властью, но общие принципы управления были мудры, несложны и благотворны. Их жители могли спокойно исповедовать религию своих предков, а в том, что касается гражданских отличий и преимуществ, они мало-помалу приобретали одинаковые права со своими завоевателями.

1. Политика императоров и сената по отношению к религии находила для себя полезную поддержку в убеждениях самых просвещенных между их подданными и в привычках самых суеверных. Все многоразличные виды богослужения, существовавшие в римском мире, были в глазах народа одинаково истинны, в глазах философов одинаково ложны, а в глазах правительства одинаково полезны. Таким образом, религиозная терпимость порождала не только взаимную снисходительность, но даже религиозное единомыслие.

Суеверие народа не разжигалось какой-либо примесью теологического озлобления и не стеснялось оковами какой-либо спекулятивной системы. Хотя благочестивый политеист и был страстно привязан к своим народным обрядам, это не мешало ему относиться с безотчетным доверием к различным религиям земного шара[3]. Страх, признательность, лю-

бопытство, сон, предзнаменование, странная болезнь или дальнее путешествие - все служило для него поводом к тому, чтобы увеличивать число своих верований и расширять список своих богов-покровителей. Тонкая ткань языческой мифологии была сплетена из материалов хотя и разнородных, но вовсе не дурно подобранных один к другому. Коль скоро было признано, что мудрецы и герои, жившие или умершие для блага своей родины, удостаиваются высшего могущества и бессмертия, то нельзя было также не признать, что они достойны если не обоготворения, то по меньшей мере уважения всего человеческого рода. Божества тысячи рощ и тысячи источников мирно пользовались своим местным влиянием, и римлянин, старавшийся умилостивить разгневавшийся Тибр, не мог подымать на смех египтянина, обращавшегося с приношениями к благодетельному гению Нила. Видимые силы природы, планеты и стихии, были одни и те же во всей Вселенной. Невидимые руководители нравственного мира неизбежно принимали одни и те же формы, созданные вымыслом и аллегорией. Каждая добродетель и даже каждый порок получали особого божественного представителя, каждое искусство и каждая профессия получали особого покровителя, а атрибуты этих божеств - в самые отдаленные один от другого века и в самых отдаленных одна от другой странах - всегда соответствовали характеру их поклонников. Республика богов с такими противоположными характерами и интересами нуждалась, при какой бы то ни было системе, в руководстве верховного правителя, который благодаря успеху знаний и лести и был мало-помалу облечен высшими совершенствами Предвечного Отца и всемогущего властелина[4]. Так кроток был дух древнего времени, что народы обращали внимание не столько на различия, сколько на сходство их религиозных обрядов. И греки, и римляне, и варвары, собираясь у своих алтарей, без труда приходили к убеждению, что, несмотря на различие названий и церемоний, они поклоняются одним и тем же божествам[5], а изящная гомеровская мифология придала политеизму древнего мира красоту и даже некоторую правильность формы[6].

Греческие философы искали основы для своих понятий о нравственности скорее в натуре человеческой, чем в натуре божеской. Однако свойства божества были для них интересным и важным предметом размышлений, и в своих глубоких

исследованиях этого предмета они обнаружили и силу и слабость человеческого разума[7]. Из числа четырех самых знаменитых философских школ[*] стоики и платоники были те, которые старались примирить противоположные интересы разума и благочестия. Они оставили нам самые возвышенные доказательства существования и совершенств первопричины всех вещей; но так как для них было невозможно постичь создание материи, то в стоической философии творец недостаточно отличался от творения[**], тогда как, напротив того, бестелесный бог Платона и его последователей походил скорее на отвлеченную идею, чем на реальное существо. Мнения академиков и эпикурейцев по своему существу были менее религиозны; но в то время, как скромные познания первых довели их до сомнений, положительное невежество вторых заставило их отвергать Промысел Верховного Правителя. Дух исследований, возбужденный соревнованием и поддержанный свободой, разделил публичных преподавателей философии на множество состязавшихся одна с другою сект, но благородное юношество, стекавшееся со всех сторон в Афины и в другие центры просвещения, научалось во всякой школе отвергать и презирать религию толпы. И действительно, мог ли философ принимать за божественные истины досужие выдумки поэтов и бессвязные предания древности? Мог ли он поклоняться как богам тем несовершенным существам, которых он презирал бы как людей?

Против таких недостойных противников Цицерон употреблял оружие разума и красноречия, но сатиры Лукиана оказались более подходящим и более действенным средством. Нам нетрудно поверить, что писатель, обращающийся к целому миру, никогда бы не решился выставить богов своей родины на публичное осмеяние, если бы они уже не сделались предметом тайного презрения в глазах просвещенных классов общества[8].

Несмотря на то что неверие вошло в моду в веке Антонинов, и интересы жрецов, и суеверие народа пользовались достаточным уважением. И в своих сочинениях, и в устных беседах древние философы поддерживали самостоятельные до-

---

*) "Четыре самые знаменитые философские школы": Академия Платона, Ликей (перипатетическая школа) Аристотеля, стоическая школа Зенона, эпикурейская школа ("философы сада" Эпикура). (*Примеч. ред.*)

**) Автор имеет в виду пантеистический характер философии стоицизма: идеал философа - жить "согласно природе", а значит, согласно Разуму (Логосу, Богу, Зевсу), пронизывающему всю природу. Ср. Гимн Клеанфа Зевсу.

стоинства разума, но свои действия они подчиняли велениям законов и обычаев. Взирая с улыбкой сожаления и снисходительности на различные заблуждения простого народа, они все-таки усердно исполняли религиозные обряды своих предков, с благоговением посещали храмы богов и даже иногда снисходили до деятельной роли на театре суеверий, скрывая под священническим облачением чувства атеиста. При таком настроении ума философы, натурально, не были склонны вступать в споры касательно догматов веры или форм богослужения. Им было все равно, в какую бы форму ни облекалось безрассудство толпы, и они приближались с одинаковым чувством тайного презрения и к алтарю Юпитера Ливийского, и к алтарю Юпитера Олимпийского, и к алтарю того Юпитера, которому поклонялись в Капитолии[9].

Трудно себе представить, каким путем мог бы дух преследований проникнуть в систему римского управления. Высшие должностные лица не могли впадать в слепое, хотя бы и искреннее, ханжество, так как они сами были философами, а сенат руководствовался тем, чему поучали в афинских школах; они не могли подчиняться голосу честолюбия или корыстолюбия, так как светская и духовная власть соединялись в одних руках[10]. В первосвященники избирались самые знаменитые сенаторы, а обязанности верховного первосвященника постоянно исполнялись самими императорами. Они понимали и ценили пользу религии в ее связи с гражданским управлением. Они поощряли устройство публичных празднеств, смягчающих народные нравы. Они пользовались искусством авгуров предсказывать будущее как очень пригодным политическим орудием и поддерживали, как самую прочную основу общества, то полезное убеждение, что и в этой и в будущей жизни клятвопреступление не избегнет мщения богов[11]. Однако, признавая общую пользу религии, они вместе с тем были убеждены, что различные виды богослужения одинаково ведут к одним и тем же полезным целям и что та форма суеверия, которая освящена временем и опытом, есть самая пригодная для климата страны и для ее жителей. Корыстолюбие и любовь к изящным искусствам нередко отнимали у побежденных народов изящные статуи их богов и богатые украшения их храмов[12], но в отправлении религиозных обрядов, унаследованных ими от предков, эти народы всегда пользовались снисходительностью и даже покровительством

римских завоевателей. Галлия была, по-видимому, - и действительно только по-видимому - исключением из общего правила повсеместной религиозной терпимости. Под предлогом уничтожения человеческих жертвоприношений императоры Тиберий и Клавдий уничтожили опасное могущество друидов[13], но и сами жрецы, и их боги, и их алтари продолжали в неизвестности свое мирное существование до окончательного уничтожения язычества[14].

В Рим, как в столицу обширной монархии, постоянно стекались со всех концов мира[15] римские подданные и иноземцы, которые приносили туда вместе с собою и публично исповедовали там суеверия своей родины[16]. Каждый город имел право поддерживать свои древние религиозные церемонии во всей их чистоте, и римский сенат, пользуясь этим общим для всех правом, иногда пытался приостановить наплыв стольких чужеземных культов. Египетские религиозные обряды, как самые низкие и отвратительные, нередко воспрещались; храмы Сераписа и Исиды подвергались разрушению, а их священнослужителей изгоняли из Рима и из Италии[17]. Но усердие фанатизма одержало верх над хладнокровными и слабыми усилиями политики[18]. Изгнанники вернулись назад, число их приверженцев увеличилось, храмы были восстановлены в большем против прежнего великолепии, а Исида и Серапис в конце концов заняли места между римскими божествами[19]. Впрочем, такая снисходительность не была отклонением от старых правительственных принципов. В те времена республики, когда нравы были самые чистые, к Кибеле и Эскулапу было отправлено торжественное посольство[20], чтобы пригласить их пожаловать в Капитолий, а когда предпринималась осада какого-нибудь города, римляне имели обыкновение заманивать к себе боговпокровителей этого города обещанием более высоких почестей, чем те, которые им воздавались в их отечестве[21]. Таким образом, Рим мало-помалу обратился в общий храм своих подданных и права гражданства были дарованы всем богам человеческого рода[22].

II. Близорукая политика, основанная на желании сохранить без всякой иноземной примеси чистоту крови своих первых граждан, остановила развитие и ускорила падение Афин и Спарты. Но властолюбивый римский гений принес тщеславие в жертву честолюбию: он нашел, что более благо-

разумно и более почетно усваивать добродетели и достоинства отовсюду, где бы они ни нашлись, - от рабов, от иноземцев, от врагов и от варваров[23]. В самую цветущую эпоху Афинской республики число граждан мало-помалу уменьшилось с почти тридцати тысяч[24] до двадцати одной тысячи[25]. Напротив того, изучая развитие Римской республики, мы находим, что, несмотря на войны и выселение колонистов, число граждан, доходившее при первой народной переписи Сервия Туллия только до восьмидесяти трех тысяч, возросло перед началом войны с италийскими союзниками*) до четырехсот шестидесяти трех тысяч человек, способных носить оружие[26]. Правда, когда союзники Рима потребовали для себя равной доли участия в почестях и привилегиях, сенат предпочел случайности войны постыдной уступчивости. Самниты и луканы тяжело поплатились за свою опрометчивость, но другие италийские народы, по мере того как они возвращались к своему долгу, принимались в лоно республики[27] и вскоре вслед за тем содействовали уничтожению общественной свободы. При демократической форме правления граждане исполняют функции верховной власти, а когда эта власть попадает в руки громадной народной массы, не способной держаться одного определенного направления, ею сначала злоупотребляют, а затем ее утрачивают. Но когда народные собрания были уничтожены императорами, победители были отличены от побежденных народов только тем, что образовали из себя высший и самый почетный класс подданных, и, хотя число их увеличивалось довольно быстро, оно уже не подвергалось таким же опасностям. Впрочем, самые благоразумные императоры, придерживавшиеся принципов Августа, с величайшим старанием охраняли достоинство римского имени и раздавали права гражданства с большой разборчивостью[28].

До того времени, когда привилегии римлян успели мало-помалу распространиться на всех жителей империи, между Италией и провинциями существовало важное различие. Италия считалась центром государственного единства и твердой основой государственных учреждений. Она гордилась тем, что была местом рождения или по меньшей мере местом пребывания императоров и сенаторов[29]. Земли италийцев были свободны от налогов, а их личность - от самоуп-

*) То есть за пять столетий - от VI в. до н. э., времени правления шестого царя, Сервия Туллия, до конца 90-х годов I в. до н. э. (*Примеч. ред.*)

равства магистратов. Их муниципальным корпорациям, организованным по превосходному образцу столицы, было вверено исполнение законов под непосредственным наблюдением верховной власти. От подножия Альп до крайних пределов Калабрии все италийские уроженцы были римскими гражданами по праву рождения. Их местные отличия сгладились, и они незаметным образом слились в один великий народ, связанный единством языка, нравов и гражданских учреждений и способный выдерживать на своих плечах всю тяжесть могущественной империи. Республика гордилась такой великодушной политикой и нередко была вознаграждаема за нее достоинствами и заслугами усыновленных ею детей. Если бы почетное имя римлянина оставалось принадлежностью древних родов внутри городских стен, это бессмертное имя лишилось бы некоторых из своих лучших украшений. Вергилий был родом из Мантуи; Гораций не был уверен в том, должен ли он считать себя уроженцем Апулии или уроженцем Лукании; в Падуе нашелся такой историк, который был достоин описывать величественный ряд римских побед*). Патриотический род Катонов вышел из Тускула, а маленькому городку Арпину принадлежит двойная честь быть родиной Мария и Цицерона, из которых первый удостоился, после Ромула и Камилла, названия третьего основателя Рима, а второй спас свою Отчизну от замыслов Катилины и дал ей возможность оспаривать у Афин пальму первенства в красноречии[30].

Провинции империи (описанные нами в предшествующей главе) не имели никакой политической силы, никакой конституционной свободы. И в Этрурии, и в Греции[31], и в Галлии[32] первой заботой сената было уничтожение тех опасных конфедераций, которые были способны поведать всему миру, что своими военными успехами римляне были обязаны внутренним раздорам врагов и что побороть их можно только соединенными силами. Случалось, что римское правительство, прикрываясь личиной признательности или великодушия, на время оставляло тень верховной власти в руках побежденных государей, но оно свергало их с престолов, лишь только была исполнена возложенная на них задача - приучить покоренный народ к наложенному на него ярму. Сво-

---

*) Речь идет о Тите Ливии (59 г. до н. э. - 17 г. н. э.), который родился в италийском городе Патавии (совр. Падуя), авторе большого исторического труда "От основания города" (Ab urbe condita) в 142 книгах. (*Примеч. ред.*)

бодные государства и города, принявшие сторону Рима, награждались за это номинальным титулом союзников, но потом незаметным образом впадали в настоящее рабство. Правительственная власть повсюду находилась в руках высших должностных лиц, назначавшихся сенатом и императорами, и эта власть была абсолютна и бесконтрольна. Но те же самые благотворные принципы управления, которые упрочили спокойствие и покорность Италии, были распространены на самые отдаленные из завоеванных стран. В провинциях мало-помалу образовалась римская национальность*) двояким путем: путем поселения римских колоний и путем допущения самых преданных и достойных жителей провинций к пользованию правами римского гражданства.

Римлянин поселяется повсюду, где он совершил завоевание - верность этого замечания Сенеки[33] подтверждается историей и опытом. Италийский уроженец, увлекаясь приманкой удовольствия или интереса, спешил воспользоваться выгодами победы, и здесь не лишним будет припомнить, что почти через сорок лет после покорения Азии восемьдесят тысяч римлян были безжалостно умерщвлены в один день по приказанию Митридата[34]. Эти добровольные изгнанники занимались большей частью торговлей и земледелием или брали на откуп государственные доходы. Но после того как императоры назначили легионам постоянные места пребывания, провинции стали заселяться семействами солдат: ветеран, получивший в награду за свою службу денежную сумму или земельный участок, обыкновенно поселялся со своим семейством в той стране, в которой он с честью провел свою молодость. Во всей империи, но преимущественно в ее западных частях, самые плодородные земли и самые выгодные местности отводились для колоний, из которых одни имели гражданский характер, а другие военный. По своим нравам и по своему внутреннему управлению эти колонии были верным изображением своей метрополии; они скоро успевали привязать к себе местное население узами дружбы и родства и, распространяя между туземцами уважение к римскому имени, внушали им желание добиться связанных с этим именем отличий и выгод, - желание, которое редко оставалось неудовлетворенным[35]. Муниципальные города незаметно

*) Правильнее было бы сказать "римский народ". Для историографии XVIII-XIX вв. характерна модернизация терминологии, в частности вольное употребление термина "нация" вместо таких понятий, как "племя", "народ", "народность" и т. п. (*Примеч. ред.*)

сравнялись с колониями положением и богатством, так что в царствование Адриана существовали различные мнения насчет того, какое положение лучше - положение ли обществ, вышедших из недр Рима, или же положение обществ, принятых в его недра[36]. Так называемое jus Latii (право латинян) доставляло городам, которым оно было даровано, особые преимущества. Одни только высшие должностные лица по истечении срока своих служебных обязанностей получали звание римских граждан, но так как они назначались только на один год, то это звание очень скоро сделалось достоянием главных родов[37]. Те жители провинций, которым было дозволено служить в легионах[38], те из них, которые исполняли какую-нибудь гражданскую должность, одним словом, все те, которые несли какую-нибудь общественную службу или отличались какими-нибудь личными достоинствами, получали в награду подарки, ценность которых постоянно уменьшалась по причине чрезмерной щедрости императоров. Однако даже в век Антонинов, когда значительная часть их подданных получила права гражданства, эти права все еще были связаны с очень значительными выгодами. Это название давало право пользоваться римским законодательством, что было особенно выгодно в делах о браках, завещаниях и наследствах; вместе с тем оно открывало блестящую карьеру для честолюбия, опиравшегося на протекцию или на личные достоинства. Внуки тех самых галлов, которые осаждали Юлия Цезаря в Алезии, командовали легионами, управляли провинциями и могли заседать в римском сенате[39]. Их честолюбие не только не нарушало в государстве спокойствия, но и было тесно связано с его безопасностью и величием[40].

Римляне очень хорошо понимали, какое сильное влияние имеет язык на народные нравы; поэтому они очень серьезно заботились о том, чтобы вслед за успехами их оружия распространялось и употребление латинского языка[41]. Древние италийские наречия - сабинское, этрусское и венетское - вышли из употребления, но что касается провинций, то Восток был менее Запада послушен голосу своих победоносных наставников. Это резкое различие обозначало две противоположные части империи с такой яркостью красок, которая хотя отчасти и прикрывалась блеском благоденствия, но мало-помалу становилась более поразительной, по мере того как мрак ночи стал окутывать римский мир. Западные страны

получили цивилизацию из тех самых рук, которые их поработили. Лишь только умы варваров примирились с мыслью о покорности, они стали охотно воспринимать всякие новые для них впечатления знаний и образованности. Язык Вергилия и Цицерона - хотя и с некоторой неизбежной примесью испорченности - вошел в столь всеобщее употребление в Африке, Испании, Галлии, Британии и Паннонии[42], что слабые остатки пунических или кельтских наречий сохранились только в горах или между крестьянами[43]. Воспитание и образование незаметным образом приучили уроженцев тех стран думать так же, как думали римляне, и провинции стали заимствовать у Италии моды, точно так же как они заимствовали у нее свои законы. Они стали с большей настойчивостью просить и с большей легкостью получать гражданские права и отличия, поддерживали национальное достоинство на поприщах литературном[44] и военном и, наконец, дали в лице Траяна такого императора, которого даже Сципионы не отказались бы признать за своего соотечественника. Положение греков было совершенно иное, чем положение варваров. Они давно уже были цивилизованны и нравственно испорченны. У них было так много изящного вкуса, что они не могли отказаться от своего родного языка, и так много тщеславия, что они не могли принять какие-либо иноземные учреждения. Сохраняя предрассудки своих предков, после того как они утратили их добродетели, они делали вид, будто презирают грубые нравы римских завоевателей, а между тем поневоле должны были преклоняться перед их высокой мудростью и перед их могуществом[45]. Впрочем, влияние греческого языка и греческих нравов не ограничивалось узкими пределами этой когда-то знаменитой страны. Путем развития колоний и путем завоеваний оно распространилось от Адриатики до Евфрата и Нила. Азия была усеяна греческими городами, а продолжительное господство македонских царей произвело без всяких потрясений переворот в нравах Сирии и Египта. В роскошной обстановке своего двора эти государи соединяли афинское изящество с восточной роскошью, а высшие классы их подданных следовали их примеру в более скромных размерах. Таково было общее разделение Римской империи относительно языков латинского и греческого. К этим двум разрядам следует прибавить третий, к которому принадлежали жители Сирии и в особенности Египта. При-

вязанность этих народов к их старинным диалектам, препятствовавшая их сближению с другими народами, была причиной того, что они оставались в прежнем невежестве[46]. Праздная изнеженность первых из них внушала их победителям презрение, а мрачная свирепость вторых - отвращение[47]. Эти народы подчинились римскому господству, но редко искали и редко удостаивались прав гражданства; и не прежде, как по прошествии более двухсот тридцати лет после падения Птолемеев, одному египтянину удалось попасть в римский сенат[48].

Всем известна избитая истина, что сам победоносный Рим должен был преклониться перед искусствами Греции. Те бессмертные писатели, которыми до сих пор восхищается новейшая Европа, скоро сделались любимым предметом изучения и подражания и в Италии, и в западных провинциях. Но то, что служило для римлян приятным развлечением, не могло иметь влияния на здравые принципы их политики. Сознавая всю привлекательность греческих образцовых произведений, они все-таки поддерживали достоинство латинского языка, который неизменно оставался исключительным языком и гражданского и военного управления[49]. Каждый из этих двух языков имел по всей империи свою особую сферу: греческий язык был естественным языком науки, а римский - легальным языком для всех общественных дел. Тот, кто соединял литературные занятия с деловыми, был знаком с ними обоими, и между жившими в провинциях образованными римскими подданными едва ли можно было найти хоть одного, который был бы не знаком ни с греческим, ни с латинским языком.

Благодаря таким-то порядкам покоренные народы и слились незаметным образом под общим именем римлян в один народ. Но в центре каждой провинции и в недрах каждого семейства все еще существовал тот несчастный класс людей, который нес на себе всю тяжесть общественных уз, не имея никакой доли в их выгодах. В свободных государствах древности домашние работы не были ничем ограждены от капризных жестокостей деспотизма. Окончательному упрочению Римской империи предшествовали века насилий и хищничества. Класс рабов состоял большею частью из тех взятых в плен варваров, которых захватывали на полях битв целыми тысячами, которых продавали потом по дешевой це-

не[50] и которые, привыкши к независимости, горели нетерпением разорвать свои узы и отомстить за них. Против таких внутренних врагов, не раз своими отчаянными восстаниями ставивших республику на край погибели[51], самые строгие постановления[52] и самое жестокое обращение, по-видимому, оправдывались верховным законом самосохранения. Но когда главные народы Европы, Азии и Африки соединились под одной верховной властью, внешний источник, из которого в изобилии добывались рабы, стал сякнуть, и римляне нашлись вынужденными прибегать к более мягкому и более медленному способу их размножения. В своих многочисленных семьях и в особенности в своих загородных поместьях они стали поощрять браки между своими рабами[53]. Природные чувства, привычки, порождаемые образованием, и обладание такого рода собственностью, которая находилась в некоторой зависимости от других, - вот что содействовало облегчению тягостей рабства[54]. Жизнь раба сделалась более ценной, и, хотя его благополучие все еще зависело от характера и денежных средств господина, человеколюбие последнего уже не сдерживалось страхом, а напротив того, находило для себя поощрение в его личных интересах. Улучшению нравов содействовали добродетели или политические расчеты императоров, и покровительство законов было распространено эдиктами Адриана и Антонинов на самую презренную часть человеческого рода. Право распоряжаться жизнью и смертью рабов было отнято у частных лиц, которые так часто им злоупотребляли, и передано исключительно в руки судей. Подземные тюрьмы были уничтожены, и если жалоба раба на невыносимое с ним обхождение была признана основательной, то обиженный раб или получал свободу, или переходил к другому, менее жестокому господину[55].

Римский раб не был лишен лучшего утешения в бедственном положении - надежды, и, если ему представлялся случай принести пользу или удовольствие, он мог надеяться, что усердие и преданность нескольких лет будут вознаграждены неоценимым даром свободы. Милосердие господина так часто имело своим источником низкие побуждения тщеславия и корыстолюбия, что законодатели находили нужным не поощрять, а сдерживать широкую и неразборчивую щедрость, которая могла превратиться в очень опасное злоупотребление[56]. В древней юриспруденции существовало прави-

ло, что у раба нет отечества, поэтому вместе со свободой он получал право вступать в то политическое общество, в котором его патрон состоял членом. В силу этого правила привилегии римского гражданства сделались бы достоянием низкой и смешанной толпы. Поэтому из него были сделаны своевременно некоторые исключения и это почетное отличие стали раздавать только тем рабам, которые получали торжественное и легальное manumission на основании уважительных причин и с одобрением судьи. Даже эти избранные вольноотпущенники получали не более как личные права гражданства и были лишены гражданских или военных отличий. Как бы ни были достойны или богаты их сыновья, они также считались недостойными занимать места в сенате, и следы рабского происхождения считались совершенно сглаженными не прежде как в третьем или четвертом поколении[57]. Таким образом, без нарушения различий рангов открывалась в отдаленном будущем перспектива свободы и почестей даже для тех, кого спесь и предрассудок неохотно причисляли к разряду человеческих существ.

Однажды сделано было предложение дать рабам особую одежду для отличия их от остального населения, но оно вызвало основательное возражение, ибо было бы опасно познакомить их с их собственной многочисленностью[58]. Не принимая в строгом смысле слова употреблявшихся по этому поводу выражений "легионы" и мириады[59], мы все-таки решаемся утверждать, что число рабов, считавшихся чьей-либо собственностью, было более значительно, нежели число слуг, которых следует считать лишь статьей расходов[60]. Молодые рабы с много обещавшими дарованиями обучались искусствам и наукам, и цена их определялась степенью их искусства и способностей[61]. В доме богатого сенатора можно было найти людей почти всяких профессий, как либеральных[62], так и ремесленных. Число людей, которые содержались для удовлетворения требований блеска и сластолюбия, превышало все требования новейшей роскоши[63]. Купцы и ремесленники находили более выгодным покупать рабов, чем нанимать рабочих, и в деревнях рабы употреблялись как самые дешевые и самые полезные орудия для земледельческих работ. В подтверждение наших замечаний о положении и числе рабов мы могли бы привести множество частных фактов. По случаю одного печального происшествия стало

известно, что только в одном из римских дворцов было четыреста рабов[64]. Такое же число рабов содержалось в имении, которое одна вовсе не знатная вдова какого-то африканца передала своему сыну, оставив за собою гораздо более значительное имение[65]. В царствование Августа один вольноотпущенный, понесший большие потери от междоусобных войн, оставил после себя три тысячи шестьсот пар волов, двести пятьдесят тысяч голов мелкого скота и четыре тысячи сто шестнадцать рабов, которые были включены почти в одну опись со скотом[66].

Число живших под римскими законами граждан, провинциалов и рабов не может быть нами определено с той точностью, какой заслуживает важность этого предмета. Нам известно, что, по вычислению, сделанному императором Клавдием в то время, как он исполнял должность цензора, оказалось шесть миллионов девятьсот сорок пять тысяч римских граждан, а вместе с соответствующим числом женщин и детей эта цифра должна была доходить почти до двадцати миллионов душ. Число подданных низшего разряда не было в точности известно, и к тому же оно было изменчиво. Однако, если мы взвесим со вниманием все, что может входить в расчет, мы найдем, что во времена Клавдия жителей в провинциях было, по всей вероятности, вдвое больше, чем граждан обоего пола и всякого возраста, и что число рабов по меньшей мере равнялось числу свободных обитателей Римской империи[67]. Стало быть, в общем итоге этих приблизительных вычислений будет около ста двадцати миллионов людей, а это такое громадное население, которое, как кажется, превышает своей численностью население новейшей Европы[68] и представляет собой самое многолюдное общество, какое когда-либо жило под одной и той же правительственной властью[69].

Внутреннее спокойствие и согласие были естественными результатами умеренной и благоразумной политики Рима. Если мы обратим наши взоры на азиатские монархии, мы увидим там деспотизм в центре и слабость на окраинах; собирание государственных доходов и отправление правосудия нуждаются там в присутствии вооруженной силы, непокорные варвары утвердились в самом центре страны, наследственные сатрапы захватили в свои руки верховную власть над провинциями, а подданные хотя и не способны к свободе, од-

нако склонны к мятежу. Но в римских владениях повиновение было повсеместное, добровольное и постоянное. Покоренные народы, слившись в один великий народ, отказались от надежды и даже утратили желание возвратить себе независимость и едва ли считали свое собственное существование отдельным от существования Рима. Власть императоров без всяких усилий проникала во все части их обширных владений и действовала на берегах Темзы и Нила с такой же легкостью, как и на берегах Тибра. Назначение легионов заключалось в обороне от внешних врагов, и гражданские власти редко прибегали к содействию военной силы[70]. При такой всеобщей безопасности и государь и его народ употребляли свой досуг и свое богатство на украшение и возвеличение Римской империи.

Между бесчисленными памятниками архитектуры, которые были воздвигнуты римлянами, как много таких, которые ускользнули от исторических исследований, и как мало таких, которые устояли и против разрушительного влияния времени, и против опустошений варваров! А все-таки достаточно разбросанных по Италии и провинциям величественных развалин, чтобы доказать нам, что эти страны когда-то входили в состав цивилизованной и могущественной империи. Уже по своему величию и по своей красоте они достойны нашего внимания, но они делаются еще более интересными для нас благодаря двум обстоятельствам, устанавливающим тесную связь между историей искусств и более поучительной историей человеческих нравов, - благодаря тому, что многие из этих сооружений были воздвигнуты на частные средства, и благодаря тому, что почти все они воздвигались для общественной пользы.

Не трудно поверить, что бóльшая часть этих сооружений, и самые значительные из них, были воздвигнуты императорами, которые имели в своем распоряжении такое громадное число работников и такие громадные денежные средства. Август часто хвастался тем, что он нашел свою столицу кирпичной, а оставляет ее мраморной[71]. Строгая бережливость Веспасиана была источником его великолепия. Сооружения Траяна носят на себе печать гения. Общественные здания, которыми Адриан украсил каждую провинцию своей империи, были возведены не только по его собственному приказанию, но и под его непосредственным надзором. Он сам был

артист и любил искусства, потому что они покрывают монарха славой. Им покровительствовали Антонины, полагая, что они способствуют благосостоянию народа. Но императоры были только главными, а не единственными предпринимателями построек в своих владениях. Их примеру следовали самые богатые из их подданных, не боявшиеся заявлять перед целым миром, что у них достаточно ума, чтобы задумать самое грандиозное предприятие, и достаточно сокровищ, чтобы исполнить задуманное. Лишь только было воздвигнуто в Риме громадное здание Колизея, Капуя и Верона построили для себя и на свой счет такие же здания, хотя и в меньших размерах, но по тому же плану и из таких же материалов[72]. Надпись на громадном мосте близ Алькантары свидетельствует о том, что он был перекинут через Таг на денежные средства нескольких лузитанских общин. Когда Плиний был назначен губернатором Вифинии и Понта, вовсе не принадлежавших к числу самых богатых или самых значительных провинций империи, он нашел, что подведомственные ему города соперничают между собою в сооружении разных полезных и служащих украшением построек, которые могли бы внушить любопытство чужестранцам или признательность местным гражданам. На обязанности проконсула лежало помогать им деньгами, руководить их вкусами, а иногда и сдерживать их соревнование[73]. И в Риме, и в провинциях богатые сенаторы считали за честь и почти за обязанность содействовать блеску своего времени и своей страны, а влияние моды нередко восполняло недостаток вкуса или щедрости. Из множества таких частных благотворителей мы назовем афинского гражданина Герода Аттика, жившего в век Антонинов. Каковы бы ни были мотивы его действий, его щедрость была достойна самых могущественных монархов.

Род Герода - по крайней мере после того, как ему улыбнулась фортуна, - вел свое происхождение по прямой линии от Кимона и Мильтиада, от Тесея и Кекропса, от Эака и Юпитера[*]. Но потомство стольких богов и героев впало в самую крайнюю нищету. Дед Герода был подвергнут тяжелому наказанию по приговору суда, а его отец Юлий Аттик окончил бы свою жизнь в бедности и в презрении, если бы ему не уда-

---

*) Следовало бы сказать: "От Зевса", поскольку *греческий* верховный бог - Зевс, а не Юпитер, и род Филаидов, к которому принадлежал Герод Аттик, вел свое происхождение от него. (*Примеч. ред.*)

лось открыть огромное сокровище, которое было зарыто под старым домом, составлявшим все, что он сберег от отцовского наследства. По букве закона император мог бы предъявить свои права на эту находку, и предусмотрительный Аттик предупредил донос откровенным признанием. Но справедливый Нерва, занимавший в то время императорский престол, не захотел воспользоваться никакой долей сокровища и приказал объявить Аттику, что он может со спокойной совестью пользоваться этим даром фортуны. Осторожный афинянин все-таки настаивал, утверждая, что это сокровище слишком громадно для подданного и что он не знает, какое сделать из него употребление. "В таком случае злоупотребляйте им, - возразил монарх с нетерпением, в котором сказывалось его добродушие, - так как оно составляет вашу собственность" [74].

Можно бы было подумать, что Аттик буквально исполнил это последнее императорское наставление, так как он издержал для общественной пользы большую часть своего состояния, значительно увеличенного выгодным браком. Он выхлопотал своему сыну Героду место префекта над вольными городами Азии. Молодой сановник, заметив, что город Троя недостаточно снабжен водою, испросил у Адриана триста мириад драхм (около 100 000 ф. ст.) на постройку нового водопровода. Но при производстве работ оказалось, что нужна сумма вдвое более крупная, и между чиновниками, ведавшими государственными доходами, поднялся ропот; тогда великодушный Аттик положил конец их неудовольствию, обратившись к ним с предложением взять на себя весь излишек расходов [75].

Привлекаемые щедростью денежных наград, лучшие преподаватели съехались из Греции и Азии для того, чтобы руководить образованием юного Герода. Их ученик скоро сделался знаменитым оратором согласно с правилами бесплодной риторики того века, запиравшейся внутри школьных стен и не старавшейся выказывать себя ни на площади, ни в сенате. Он был почтен званием римского консула, но бóльшую часть своей жизни провел в Афинах или в окрестных виллах этого города; там он занимался изучением философии, будучи постоянно окружен софистами, которые охотно признавали над собой превосходство богатого и щедрого соперника [76]. Памятники его гения погибли, но о его изящном

вкусе и роскоши до сих пор свидетельствуют уцелевшие развалины. Новейшие путешественники измерили остатки ристалища, которое он выстроил в Афинах. Оно имело шестьсот футов в длину, было выстроено все из белого мрамора, могло вмещать в себя весь народ и было окончено в четыре года, в течение того времени, когда Герод был устроителем афинских игр. Он выстроил в память своей жены Региллы театр, с которым едва ли мог равняться какой-либо из театров империи: для постройки этого здания не употребляли никакого другого дерева, кроме кедрового, покрытого очень изящной резьбой. Одеон, предназначенный Периклом для публичных представлений и для репетиций новых трагедий, был трофеем победы, одержанной искусствами над могуществом варваров, так как употребленный на его постройку лес состоял большей частью из мачт персидских кораблей. Несмотря на то что один из царей Каппадокии сделал починки в этом старом здании, оно снова грозило разрушением. Герод возвратил ему прежнюю красоту и великолепие[77]. Впрочем, щедрость этого знаменитого гражданина не ограничивалась внутренностью афинских стен. Ни самые богатые украшения на храме Нептуна*), находившемся на Коринфском перешейке, ни театр в Коринфе, ни ристалище в Дельфах, ни бани в Фермопилах, ни водопровод в Канузии, в Италии, не были в состоянии истощить его сокровищ. Жители Эпира, Фессалии, Эвбеи, Беотии и Пелопоннеса испытали на себе его щедрость, а некоторые надписи, уцелевшие в греческих и азиатских городах, свидетельствуют о том, что эти города из чувства признательности к Героду Аттику называли его своим покровителем и благодетелем[78].

В республиках Афинской и Римской скромная простота частных домов свидетельствовала о равенстве состояний, а народное верховенство выражалось в великолепии зданий, назначенных для общего пользования[79]. Этот республиканский дух не вполне угас с развитием богатств и монархической формы правления. Самые добродетельные из императоров обнаруживали свою роскошь в возведении зданий, доставлявших народу и славу и пользу. Золотой дворец Нерона возбуждал справедливое негодование, но обширные пространства, захваченные им для удовлетворения себялюбивой склонности к роскоши, были при его преемниках покрыты

*) На храме Посейдона: Коринфский (Истмийский) перешеек - центр культа Посейдона со II тыс. до н. э. (*Примеч. ред.*)

зданиями, воздвигнутыми с более благородными целями, - Колизеем, банями Тита, портиком Клавдия и храмами, посвященными богине Мира и Гению Рима[80]. Эти памятники архитектуры, составлявшие собственность римского народа, были украшены самыми лучшими произведениями греческой живописи и скульптуры, а в храме Мира была открыта для любознательных просвещенных людей очень интересная библиотека. Неподалеку оттуда находился форум Траяна. Он был обнесен высокой галереей, которая имела форму четырехугольника; четыре триумфальные арки служили для нее величественными и просторными входными дверями; в ее центре возвышалась мраморная колонна, которая своею высотой в сто десять футов обозначала высоту того холма, который пришлось срыть. Эта колонна, существующая до сих пор в своей первобытной красоте, носит на себе точное изображение подвигов ее основателя в победоносной войне с даками. Здесь ветеран созерцал историю своих собственных походов, а мирный гражданин путем иллюзии, внушаемой национальным тщеславием, сам мог принимать участие в почестях триумфа[81]. Благодаря этой благородной склонности к всенародной роскоши все другие части столицы и все провинции империи были украшены амфитеатрами, театрами, храмами, портиками, триумфальными арками, банями и водопроводами, то есть такими сооружениями, которые имели в виду или здоровье, или благочестие, или удовольствие даже самого последнего из граждан. Последние из упомянутых сооружений заслуживают с нашей стороны особенного внимания. Смелость предприятий этого рода, солидность их исполнения, и цель, для которой они назначались, ставят водопроводы в ряд самых благородных памятников гения и могущества римлян. Первое место между ними по справедливости принадлежит столичным водопроводам, но, если бы какой-нибудь любознательный путешественник стал осматривать водопроводы в Сполето, в Меце или в Севилье, он, естественно, подумал бы, что каждый из этих провинциальных городов когда-то был резиденцией какого-нибудь могущественного монарха. Азиатские и африканские пустыни когда-то были покрыты цветущими городами, которые были обязаны своею населенностью и даже своим существованием этим искусственным и никогда не истощавшимся запасам свежей воды[82].

Мы сосчитали население Римской империи и сделали обзор ее общественных сооружений; если же мы остановим наше внимание на числе и значении ее городов, мы найдем подтверждение наших выводов касательно первого из этих предметов и будем иметь случай умножить число приведенных нами примеров касательно второго. Но, собирая в одно целое небольшое число разбросанных сведений о городах империи, мы не должны забывать, что вследствие тщеславия народов и вследствие бедности языка неопределенное название города безразлично относилось и к Риму, и к Лавренту.

1. Полагают, что в *древней* Италии было тысяча сто девяносто семь городов; к какой бы эпохе древности ни относилась эта цифра[83)], нет никакого основания думать, что в век Антонинов страна была менее населена, чем в век Ромула. Мелкие государства Лация, повинуясь притягательной силе метрополии империи, вошли в ее состав. Те части Италии, которые так долго томились под слабым и тиранским управлением жрецов и тиранов, испытывали в ту пору лишь более сносные бедствия войны, а обнаружившиеся в них первые признаки упадка были с избытком возмещены быстрым развитием благосостояния в Цизальпинской Галлии. Прежнее великолепие Вероны еще видно из его остатков; а между тем Верона была менее знаменита, нежели Аквилея или Падуя, нежели Милан или Равенна.

2. Дух усовершенствований перешел по ту сторону Альп и заявил о себе даже в лесах Британии, которые мало-помалу расчищались, чтобы дать место удобным и красивым жилищам. Йорк был местопребыванием правительства, Лондон уже обогащался торговлей, а Бас уже славился благотворным влиянием своих целебных вод. Галлия могла похвастаться своими тысячью двумястами городами[84)], и, хотя в северных ее частях эти города, не исключая и самого Парижа, были большей частью не чем иным, как самыми простыми и некрасивыми сборными пунктами зарождавшейся нации, южные провинции подражали итальянской роскоши и изяществу[85)].

В Галлии было немало таких городов, которые находились в ту пору не в худшем, а, может быть, даже в лучшем положении, чем теперь; таковы были Марсель[*)], Арелат, Ним, Нарбон, Тулуза, Бордо, Отен, Венна, Лион[**)], Лангр и Трир.

*) Латинское название - Массилия, греческое - Массалия. (*Примеч. ред.*)

**) Древнее название города - Лугдун, совр. Лион.

Что касается Испании, то эта страна процветала в качестве провинции и стала приходить в упадок, сделавшись королевством. Она истощилась от злоупотребления своими силами, от результатов открытия Америки и от суеверия, и мы смутили бы ее гордость, если бы спросили у нее, что стало с ее тремястами шестьюдесятью городами, список которых был составлен Плинием в царствование Веспасиана[86].

3. Триста африканских городов когда-то признавали над собою верховенство Карфагена[87], и нет основания думать, чтобы число их уменьшилось под императорским управлением; сам Карфаген восстал из пепла в новом блеске и, подобно Капуе и Коринфу, скоро стал пользоваться всеми выгодами своего положения, какие только возможны при отсутствии политической самостоятельности.

4. Восточные страны представляют резкий контраст великолепием римлян и варварством турок. Древние развалины, разбросанные по невозделанным полям и приписываемые невежеством действию волшебной силы, едва могут служить убежищем для какого-нибудь загнанного крестьянина или для блуждающего араба. Под управлением цезарей в одной собственно так называемой Азии было пятьсот многолюдных городов[88], на которые природа рассыпала все свои дары, а искусство - все свои украшения. Одиннадцать азиатских городов когда-то оспаривали друг у друга почетное право воздвигнуть храм в честь Тиберия, и римский сенат взвешивал их сравнительные достоинства[89]. Четырем из них было немедленно отказано на том основании, что они не в силах взяться за такое предприятие, и в этом числе была Лаодикея*), прежнее великолепие которой до сих пор еще видно из ее развалин[90]. Лаодикея получала очень значительные доходы от своих стад баранов, славившихся нежностью своей шерсти, а незадолго до упомянутого состязания получила по завещанию одного щедрого гражданина более 400 000 ф. ст.[91] Если такова была бедность Лаодикеи, то каково же было богатство тех городов, притязаниям которых было отдано предпочтение, и в особенности каково было богатство Пергама, Смирны и Эфеса, так долго тягавшихся между собою из-за права считаться первым городом Азии?[92] Столицы Сирии и Египта занимали в империи еще более высокое положение; Антиохия и Александрия с презрением смотрели на массу за-

---

*) Лаодикея - город в Сирии.

висевших от них городов[93] и даже неохотно преклонялись перед величием самого Рима.

Все эти города были соединены между собою и столицей общественными большими дорогами, которые шли от римского Форума, проходили через всю Италию, проникали в глубь провинций и оканчивались только у границ империи. Если мы высчитаем расстояние от стены Антонина до Рима и от Рима до Иерусалима, то найдем, что великая цепь путей сообщения была протянута в направлении от северо-запада к юго-восточной оконечности империи на расстояние четырех тысяч восьмидесяти римских миль[94]. Общественные дороги были аккуратно разделены на мили, обозначавшиеся столбами, и шли в прямом направлении от одного города к другому, не обращая большого внимания ни на естественные препятствия, ни на права собственников. Горы пробуравливались насквозь, а через самые широкие и самые быстрые потоки перекидывались смелые арки[95]. Средняя часть дороги представляла собой возвышавшуюся над окружающей местностью насыпь, которая состояла из нескольких слоев песка, гравия и цемента и была вымощена большими камнями, а в некоторых местах вблизи от столицы - гранитом[96].

Такова была прочность постройки римских больших дорог, что их не могли совершенно разрушить усилия пятнадцати столетий. Они доставляли жителям самых отдаленных провинций удобный способ для взаимных сношений, но главная их цель заключалась в том, чтобы облегчить передвижение легионов, и ни одна страна не считалась окончательно покоренной, пока оружию и авторитету завоевателей не был открыт доступ во все ее части. Желание получать без замедления известия и быстро передавать приказания побудило императоров ввести на всем пространстве их огромных владений правильно устроенные почты[97]. На расстоянии только пяти или шести миль один от другого были выстроены дома; в каждом из них постоянно находилось по сорока лошадей, так что по римским дорогам нетрудно было проехать в один день сотню миль[98]. Пользоваться почтовыми лошадьми мог только тот, кто имел на это особое разрешение от императора, но, хотя они первоначально назначались для общественных нужд, ими дозволялось иногда пользоваться частным лицам, путешествовавшим по своим делам или даже для своего удовольствия[99]. Сообщения морем были не менее удоб-

ны, чем сухим путем. Средиземное море было со всех сторон окружено римскими провинциями, а италийский материк врезался в середину этого огромного озера в форме громадного мыса. Берега Италии вообще не имеют безопасных пристаней, но человеческая предприимчивость исправила этот природный недостаток, в особенности искусственная пристань в Остии, находившаяся в устье Тибра и устроенная по приказанию императора Клавдия, была одним из самых полезных памятников римского величия[100]. От этой пристани, находившейся только на расстоянии шестнадцати миль от столицы, можно было при попутном ветре достигнуть в семь дней Геркулесовых Столбов и в девять или десять дней Александрии в Египте[101].

Хотя чрезмерной обширности империй нередко приписывали много зол, частью с некоторым основанием, частью из склонности к декламации, однако нельзя не сознаться, что могущество Рима имело некоторые благодетельные последствия для человечества, так как то же самое удобство взаимных международных сношений, которое способствовало распространению пороков, способствовало и распространению улучшений в общественной жизни. В более отдаленные века древности мир был разделен неравномерно. Восток с незапамятных времен был знаком с искусствами и с роскошью, тогда как Запад был населен грубыми и воинственными варварами, которые или пренебрегали земледелием, или не имели о нем никакого понятия.

Под охраной прочно установленного правительства как продукты более благоприятного климата, так и ремесленные произведения более цивилизованных народов мало- помалу проникали в западные страны Европы, а жители этих стран находили в удобствах и выгодах торговли повод, чтобы разводить первые из них и улучшать вторые. Было бы почти невозможно перечислить все продукты животного и растительного царства, которые были мало-помалу ввезены в Европу из Азии и Египта[102], но краткое указание главных из них едва ли можно считать несовместимым с достоинством и еще менее с пользой исторического сочинения.

1. Почти все цветы, травы и фрукты, растущие в наших европейских садах, иностранного происхождения, которое нередко видно из их названий; яблоки были природным итальянским продуктом, и, когда римляне познакомились с более

деликатным ароматом абрикосов, персиков, гранатовых яблок, лимонов и апельсинов, они дали всем этим новым фруктам общее название яблок, отличая их друг от друга дополнительным эпитетом, обозначавшим их родину.

2. Во времена Гомера виноград рос в диком виде на острове Сицилия и, вероятно, на соседнем континенте, но он не был улучшен искусным возделыванием, и из него не умели делать напитка, приятного для вкуса диких туземцев[103]. Лет через тысячу после того Италия могла похвастаться, что из восьмидесяти сортов самых лучших и самых знаменитых вин более нежели две трети были продуктами ее почвы[104]. Умение приготовлять этот благотворный напиток скоро перешло в Нарбонскую провинцию Галлии, но холод был так силен к северу от Севеннских гор, что во времена Страбона существовала уверенность, что в этой части Галлии виноград не может дозревать[105]; однако это затруднение удалось мало-помалу преодолеть, и мы имеем некоторое основание полагать, что бургундские виноградники так же древни, как век Антонинов[106].

3. Разведение оливкового дерева на Западе развивалось по мере того, как водворялся мир, для которого это дерево служило символом. Через двести лет после основания Рима ни Италия, ни Африка не были знакомы с этим полезным растением; оно было натурализовано в этих странах и впоследствии проникло внутрь Испании и Галлии. Древние воображали, что оно может расти только при известной степени тепла и не иначе как вблизи от моря, но это заблуждение было мало-помалу уничтожено предприимчивостью и опытом[107].

4. Возделывание льна было перенесено из Египта в Галлию и обогатило всю страну, хотя и могло служить причиной обеднения тех местностей, где сеялся этот продукт[108].

5. Искусственное разведение травы вошло в обыкновение как италийских, так и провинциальных земледельцев, и в особенности разведение клевера, который получил свое название (Lucerne) и вел происхождение из Мидии[109]. Обеспеченный запас здоровой и обильной пищи для скота во время зимы увеличивал число стад и табунов, которые в свою очередь способствовали плодородию почвы. Ко всем этим улучшениям можно присовокупить деятельную разработку копей и рыбную ловлю, которые, доставляя занятие множеству рабочих, вместе с тем увеличивали наслаждения богачей и

средства существования бедняков. В прекрасном сочинении Колумеллы описано цветущее состояние земледелия в Испании в царствование Тиберия, и мы со своей стороны можем заметить, что бесхлебица, которой так часто страдала республика в своем детстве, почти вовсе не была знакома обширной Римской империи. Неурожаю в одной из провинций немедленно помогал достаток более счастливых соседей.

Земледелие есть основа ремесленного производства, так как натуральные продукты служат материалами для произведений искусства[110]. В Римской империи труд деятельного и искусного работника непрестанно употреблялся в разнообразных видах на удовлетворение нужд богачей. Любимцы фортуны соединяли в своей одежде, пище, жилищах и меблировке самые изысканные удобства, изящество и пышность, какие только могли льстить их чванству или удовлетворять их чувственность. Моралисты всех веков давали этой изысканности отвратительное название роскоши и подвергали ее самому строгому осуждению; и действительно, человеческий род, вероятно, был бы и более добродетелен, и более счастлив, если бы все люди имели необходимое для жизни и никто не имел бы излишка. Но при теперешнем несовершенном положении общества, хотя роскошь и возникает от порока или от безрассудства, она все-таки едва ли не единственное средство, с помощью которого можно исправлять неравномерное распределение собственности. Деятельный работник и искусный художник, не получившие никакой доли в пользовании землей, собирают добровольную дань с владельцев этой земли, которые, со своей стороны, стараются из личных интересов лучше возделывать свои владения, способные доставлять им средства для приобретения новых наслаждений. Это обоюдное влияние сказывается в том или другом виде в каждой стране, но в римском мире оно действовало с особенной силой. Средства провинций истощились бы очень скоро, если бы производство и продажа предметов роскоши не возвращали предприимчивым жителям провинций тех сумм, которые вымогались у них оружием и могуществом Рима. Пока такая торговля не выходила за пределы империи, она придавала политическому механизму усиленную деятельность, и ее результаты, нередко благотворные, никогда не могли сделаться вредными.

Но сдержать роскошь в пределах какого-либо государства -

дело вовсе не легкое. Самые отдаленные страны древнего мира принимали участие в удовлетворении пышности и прихотей Рима. Леса Скифии доставляли дорогие меха. Янтарь доставлялся сухим путем с берегов Балтийского моря к берегам Дуная, и варвары были удивлены, что им платили так дорого за такой бесполезный предмет[111]. Значительно было требование на вавилонские ковры и другие мануфактурные изделия Востока, но самая важная и самая популярная торговля велась с Аравией и Индией. Каждый год, около времени летнего солнцестояния, флот из ста двадцати судов выходил в море из Миос-Гормоса - египетского порта на Красном море. Благодаря периодическому содействию муссонов он переплывал океан почти в сорок дней. Берега Малабара и остров Цейлон[112] были обычной целью его плавания; на тамошних рынках ожидали его прибытия купцы из самых отдаленных стран Азии. Возвращение египетского флота назначалось в декабре или январе, и лишь только его богатый груз был перевезен на верблюдах от берегов Красного моря до Нила и спущен по этой реке до Александрии, его немедленно отправляли в столицу империи[113]. Предметы восточной торговли, блестящие с виду, но в сущности бесполезные, заключались в шелке, один фунт которого считался равным по цене фунту золота[114], в драгоценных каменьях, между которыми жемчуг занимал первое место после бриллиантов[115], и в различных благовонных веществах, употреблявшихся при богослужении и при погребальных церемониях. Трудности и опасности морского переезда вознаграждались почти невероятными барышами, но эти барыши извлекались из кармана римских подданных, и немногие частные люди обогащались за счет публики. Так как жители Аравии и Индии довольствовались продуктами и мануфактурными произведениями своей собственной страны, то со стороны римлян серебро было если не единственным, то главным орудием обмена[116]. Даже важность сената не помешала ему выразить свое неудовольствие по поводу того, что при покупке женских украшений государственное богатство безвозвратно переходит в руки чужеземных и враждебных народов[117]. Один любознательный, но очень разборчивый писатель высчитал, что таким образом ежегодно терялось более 800 000 ф. ст.[118] В его словах слышалось неудовольствие человека, предвидевшего в будущем бедность. А между тем если мы рассмотрим, какое

было отношение между количеством золота и количеством серебра во времена Плиния и какое в царствование Константина, то мы найдем, что в эту последнюю эпоху разница значительно увеличилась[19]. Так как нет ни малейшего основания предполагать, чтобы золото сделалось более редким, то для нас очевидно, что менее редким сделалось серебро, что, как бы ни было велико количество товаров, доставлявшихся из Индии и Аравии, оно вовсе не истощало богатств империи и что рудники с избытком удовлетворяли требования торговли.

Несмотря на свойственную всем людям склонность восхвалять прошлое и хулить настоящее, как жители провинций, так и сами римляне живо чувствовали и откровенно признавали спокойное и цветущее положение империи. "Они сознавали, что правильные принципы общественной жизни, законодательство, земледелие и науки, впервые выработанные мудростью афинян, теперь распространялись повсюду благодаря могуществу Рима, под благотворным влиянием которого самые лютые варвары соединены узами одного для всех правительства и одного для всех языка. Они утверждают, что вместе с распространением искусств стал заметным образом умножаться человеческий род. Они прославляют возрастающее великолепие городов, улыбающийся вид полей, возделанных и украшенных, как громадный сад, и продолжительный праздник мира, которым наслаждаются столькие народы, позабывшие о своей прежней вражде и избавившиеся от страха будущих опасностей"[20]. Как бы ни казался подозрительным риторический и напыщенный тон приведенных выражений, их содержание вполне согласно с исторической истиной.

Глаз современника едва ли был способен заметить, что в этом всеобщем благосостоянии кроются зачатки упадка и разложения. А между тем продолжительный мир и однообразие системы римского управления вносили во все части империи медленный и тайный яд. Умы людей мало- помалу были доведены до одного общего уровня, пыл гения угас, и даже воинственный дух испарился. Европейцы были храбры и сильны. Испания, Галлия, Британия и Иллирия снабжали легионы превосходными солдатами и составляли настоящую силу монархии. Жители этих стран по-прежнему отличались личным мужеством, но у них уже не было того общественно-

го мужества, которое питается любовью к независимости, чувством национальной чести, присутствием опасности и привычкой командовать. Они получали законы и правителей от своего государя, а их защита была вверена армии, состоявшей из наемников. Потомки их самых отважных вождей довольствовались положением граждан или подданных. Самые честолюбивые между ними поступали ко двору или под знамена императоров; провинции стали пустеть и, утратив политическое могущество и единство, мало-помалу погрузились в вялую безжизненность домашних интересов.

Любовь к литературе, почти всегда неразлучная со спокойствием и роскошью, была в моде у подданных Адриана и Антонинов, которые сами были образованны и любознательны. Она распространилась по всей империи; племена, жившие на самом севере Британии, приобрели вкус к риторике; и Гомера, и Вергилия переписывали и изучали на берегах Рейна и Дуная, и самые слабые проблески литературного таланта осыпались самыми щедрыми наградами[121]. Греки с успехом занимались медициной и астрономией; наблюдения Птолемея и сочинения Галена до сих пор изучаются даже теми, кто усовершенствовал их открытия и исправил их ошибки, но, за исключением неподражаемого Лукиана, этот век бесстрастия не произвел ни одного гениального писателя и даже ни одного талантливого автора легких литературных произведений. Влияние Платона и Аристотеля, Зенона и Эпикура все еще господствовало в школах, но их учения передавались одним поколением учащихся другому со слепым уважением и тем препятствовали всякой благородной попытке возбудить деятельность или расширить пределы человеческого ума. Красоты произведений поэзии и ораторского искусства, вместо того чтобы возбуждать в душе читателя такой же пыл, каким они сами были одушевлены, вызывали лишь холодные и рабские подражания; если же кто-нибудь дерзал уклониться от этих образцов, то непременно вместе с тем уклонялся от здравого смысла и приличий. В эпоху возрождения литературы гений Европы был вызван из своего усыпления юношеской энергией долго отдыхавшего воображения, национальным соревнованием, новой религией, новыми языками и новыми формами общественной жизни. Но жители римских провинций, выросшие под влиянием однообразной системы искусственного чужеземного воспитания, не были

способны соперничать с теми бодрыми народами древности, которые, выражая свои искренние чувства на своем родном языке, уже заняли все почетные места в литературе. Название поэта было почти позабыто, а название оратора несправедливо присвоили себе софисты. Масса критиков, компиляторов и комментаторов затемнила сферу знаний, а за упадком гения скоро последовала и испорченность вкуса[122].

Появившийся несколько позднее при дворе одной сирийской царицы знаменитый Лонгин, в котором точно будто ожил дух древних афинян, скорбел об этой испорченности, унижавшей чувства его современников, ослаблявшей их мужество и заглушавшей их дарования. "Подобно тому, - говорит он, - как дети навсегда остаются пигмеями, если их ноги были всегда крепко связаны, и восприимчивые умы, вскормленные предрассудками и привычкой к рабскому подчинению, не способны развернуться или достигнуть того настоящего величия, которое так поражает нас в древних народах, живших под национальным правительством и писавших с такой же свободой, с какой они действовали"[123].

Развивая далее эту метафору, мы можем сказать, что уменьшившийся рост человеческого рода беспрестанно спускался все ниже и ниже прежнего уровня и что римский мир действительно был населен пигмеями, когда свирепые северные гиганты ворвались в него и влили новую кровь в эту испортившуюся породу. Они воскресили мужественный дух свободы, а после переворота, длившегося десять столетий, эта свобода породила изящный вкус и науку.

---

1) Они были воздвигнуты почти на полпути между Лагором и Дели. Завоевания Александра в Индостане ограничились Пенджабом, через который протекают пять главных рукавов Инда. (Гифазис - одна из тех пяти рек, которые впадают в Инд, или Синд, после того как они протекли через Пенджаб; это последнее название происходит от персидского слова, которое значит "пять рек". Четыре из этих пяти рек упоминаются в истории похода Александра, а именно: Гидасп, Асезин, Гидраот и Тифазис. Географы не согласны между собою насчет того, каким новейшим названиям соответствуют эти имена. По мнению Анвилля, Гидасп то же, что теперь Шантроу, Асезин - та самая река, которая течет через Лагор и называется Рови, Гидраот - то же, что теперь Биа, а Гифазис носит теперь название Кауя. На картах своей "Географии Индостана" майор Реннель дает Гидаспу название Бегат или Шелум, Асезину - название Хунауб, Гидраоту -

название Рови, а Гифазису - название Бейа. См.Анвилля Geogr.Anc., ч. II,стр.340 и "Описание Индостана" Джемса Реннеля, ч. II, стр.230, вместе с картой. Англичанин Венсен впоследствии подробно обсуждал эти вопросы; источники, из которых он черпал свои сведения, и старание, которое он приложил к своим исследованиям, как мне говорили, не оставляют желать ничего лучшего. Но я не могу судить о достоинстве его сочинения, так как оно знакомо мне лишь по той известности, которую приобрел автор. - Гизо) (Ученые труды доктора Венсена, на которые ссылается Гизо, равно как сочинения позднейших писателей, доступны для каждого английского читателя. Пятая река Пенджаба - Сатадру, которая упоминается в первый раз в географии Птолемея; в настоящее время ее имя Сутлей. Эта страна сделалась нам хорошо известной благодаря расширению британского владычества; с тех пор туманные понятия о древности стали освещаться светом новейших знаний, которые слишком обширны, чтобы уместиться в подстрочном примечании. - Издат.)

2) См. de Guignes, Histoire des Huns, кн.15-17.

3) Ни один писатель не изобразил так живо настоящий дух политеизма, как Геродот. Лучшие комментарии на то, что он писал, можно найти в "Натуральной истории религии" Юма, а самый лучший контраст - во "Всеобщей истории" Боссюэта. Некоторые слабые признаки духа нетерпимости проявляются в поведении египтян (см.Ювенала, сат.15); христиане и евреи, жившие под римским владычеством, представляют очень важное исключение из общего правила, столь важное, что нам придется посвятить этому предмету особую главу. (Разве не было признака религиозной нетерпимости в тех угнетениях, которые заставили израильтян удалиться из Египта? - Издат.)*)

4) Права, могущество и притязания повелителя Олимпа очень ясно описаны в пятнадцатой книге "Илиады"; я разумею здесь греческий оригинал, так как Поп, сам того не примечая, усовершенствовал теологию Гомера. (Понятие о вечном и всемогущем Божестве, господствующем над всеми другими божествами, не возникало мало-помалу вследствие развития знаний и лести. Оно скорее было первоначальным основным принципом естественной и откровенной религии, которого не был в состоянии заглушить политеизм. Сравн.: Pfanneri Systema Theologiae Gentilis Purioris, гл.2, 11,13. - Венк.)

5) (Варвары верили этому не по самостоятельному убеждению. Чтобы внушить покоренным народам более покорности, римляне, точно так же как и прежде них греки, старались уверить своих новых подданных, что все они поклоняются одним и тем же божествам. Вот почему бог войны, богиня любви и пр. скоро приняли формы Марса, Венеры и других языческих богов; по этой же причине выкопанные из земли изображения языческих идолов не могут доставить нам много положительных сведений о первоначальном богослужении у этих народов. Почти все эти идолы были приспособлены к римским понятиям. - Венк)

6) См.для примера: Цезарь, De Bello Gallico, 6,17. В течение одного или двух столетий даже галлы дали своим богам имена Меркурия, Марса, Аполлона и др.

---

*) Возражение английского издателя Э. Гиббону не очень удачно, ибо сам автор подчеркнул "признаки духа нетерпимости" в поведении именно египтян. (*Примеч. ред.*)

7) Превосходное произведение Цицерона "De Natura Deorum" представляет самое лучшее для нас руководство в этой мрачной и глубокой пропасти. Этот писатель излагает мнения философов с беспристрастием и опровергает их с большим искусством.
8) Я вовсе не хочу этим сказать, что в наш неверующий век перестали наводить суеверный ужас сны, предзнаменования, привидения и пр.
9) И Сократ, и Эпикур, и Цицерон, и Плутарх всегда старались внушать другим уважение и к религии их собственной страны, и к религиям всего человеческого рода. В особенности Эпикур отличался примерным благочестием. Диоген Лаэрций, X, 10.
10) (Разве служители алтарей не извлекали денежных выгод из исполнения обрядов с жертвоприношениями? Разве Александр был единственный фабрикант медных идолов, извлекавший выгоды из этого дела? Разве кроме храмов Дельфийского, Эфесского и Команского не было других храмов, обогащавшихся от богослужения? Разве оракулы и авгуры не получали денежной платы за свои ответы тем, кто обращался к ним за советами по легковерию или из политических расчетов? Самому первосвященнику, пожалуй, и могло быть незнакомо корыстолюбие, но он не мог упускать из виду денежных интересов тех, кто носили название Flamen dialis, и вообще всех своих подчиненных. - *Издат.*)
11) Полибий, кн.6, гл.53,54. - Ювенал (сат.13) выражает сожаление о том, что в его время подобные опасения утратили значительную долю своего влияния.
12) См. у Цицерона (Actio II, Orat.4), какая была судьба Сиракуз, Тарента, Амбракии, Коринфа и пр. и каково было поведение Верреса; касательно обыкновенного образа действий губернаторов см.восьмую сатиру Ювенала.
13) Светоний, Жизнь Клавдия; Плиний, Hist. Nat., XXX,1.
14) Пеллутье, Histoire des Celtes, ч.6, стр.230 - 252.
15) Сенека, Consolat. ad Helviam, стр.74., изд.Липсия.
16) Дионисий Галикарнасский, Antiquitat. Roman., кн.2.
17) В 701 году от основания Рима храм Исиды и Сераписа был разрушен по приказанию сената (Дион Кассий, кн.40, стр.252) и даже руками одного из консулов (Валерий Максим, кн.3). После смерти Цезаря он был снова сооружен на общественный счет (Дион, кн.47, стр.501). Во время своего пребывания в Египте Август уважал величие Сераписа (Дион, кн.51, стр.647), но он воспретил служение египетским богам в римском Pomoerium'е и на одну милю в окружности (Дион Кассий, кн. 53, стр. 679; кн. 54, стр. 735). Впрочем, и в его царствование (Овидий, de Arte Amandi, кн.1), и в царствование его преемников эти боги были по-прежнему в моде, пока правительство Тиберия не нашлось вынужденным принять некоторые меры строгости (см. Тацит, Анн. 2, 85; Иосиф, Antiquit., кн.18, гл.3). (Гиббон соединяет здесь в одно событие два отдельных факта, из которых один случился 166 годами ранее другого. В 535 году от основания Рима сенат приказал разрушить храмы Исиды и Сераписа; но ни один работник не соглашался наложить на них руку; тогда консул Л.Эмилий Павел сам взял в руки топор и нанес первый удар (Валерий Максим, кн.1,

гл.3). Гиббон относит эти подробности к вторичному разрушению, которое произошло в 701 году .-*Венк.)*

18) (Pauw в своих Recherches sur les Egyptiens et les Chinois, ч.1, стр.36 утверждает, будто бы со слов Диона Кассия (стр.196), что зависть римских священников, замечавших, что иностранные боги затмевают их собственных богов, была единственной причиной запрещения египетских религиозных обрядов. Но этого не говорит Дион. Впрочем, зависть, может быть, и действовала в этом случае, но только сообща с главным мотивом, который заключался в бесстыдной непристойности обрядов, засвидетельствованной всеми писателями. -*Венк.*)

19) Тертуллиан, Apologetic., гл.6,стр.74, изд.Гаверкампа. Я готов объяснить их водворение в Риме благочестием семейства Флавиев.

20) См.Тит Ливий, кн.11 и 29.

21) Макроб. Saturnalia, кн.3, гл.9. Он сообщает одну из форм вызывания.

22) Минуций Феликс in Octavio, стр.54; Арнобий, кн.6, стр,115. (Однако поклонение иноземным божествам в Риме совершалось только уроженцами тех стран, откуда оно было занесено. Сами римляне поклонялись только богам своих предков. Их образ мыслей и образ мыслей покоренных ими народов, в том виде как он обрисован Гиббоном, доказывает, почему и те и другие не знали религиозных раздоров и их последствий. Но, с другой стороны, и нравы, и система управления были испорчены самим характером этих религиозных систем, скептицизмом и лицемерием знати, заразившими в последние дни республики и при императорах самые лучшие классы простонародья господствовавшим равнодушием ко всем религиям и нередко вредными принципами философов. -*Венк.*)

23) Тацит, Annal, II,24. Orbis Romanus ученого Шпангейма содержит полную историю постепенного допущения Лациума, Италии и провинций к пользованию римской свободой.

24) Геродот, 5,97. Эта цифра, как кажется, слишком велика: автор, должно быть, придерживался народной молвы.

25) Атеней, Deipnosophist, кн.6, стр.272, изд.Казобона; Меурсий, de Fortuna Attica, гл.4 .

26) См.Бофор, République Romaine, кн.4, гл.4. Там обстоятельно изложены результаты каждой народной переписи.

27) Аппиан, de Bello Civil., кн. 1. Веллей Патеркул, кн.2, гл.15-17.

28) Меценат советовал ему издать эдикт о признании всех его подданных гражданами. Но мы имеем основание подозревать, что историк Дион был автором этого совета, так хорошо соответствовавшего духу его времени и так мало соответствовавшего духу времен Августа.

29) Сенаторы были обязаны иметь одну треть их поземельной собственности непременно в Италии. См.Плин., кн.6, ep.19. Марк Аврелий уменьшил этот размер до одной четверти. Со времени царствования Траяна Италия низошла почти до одного уровня с провинциями.

30) В первой части сочинения маркиза Маффеи "Verona Illustrata" можно найти самое ясное и самое полное описание положения Италии под владычеством Цезарей.

31) См.Павсаний, кн.7. Когда эти собрания перестали быть опасными, римляне позволили восстановить их названия.
32) Цезарь часто упоминает о них. Аббат Дюбуа безуспешно старается доказать, что собрания у галлов происходили и при императорском управлении, Histoire de l'Etablissement de La Monarchie Française, кн. 1, гл. 4 .
33) Сенека, Consolat. ad Helviam, гл.6 .
34) Memnon apud Photium, гл.33. Валерий Максим, 9.2. Плутарх и Дион Кассий доводят число убитых до ста пятидесяти тысяч граждан. Но, по моему мнению, меньшая из этих двух цифр более чем достаточна.
35) Двадцать пять колоний были поселены в Испании (см.Плиний, Hist.Natur. III, 3, 4, 1V.35) и девять в Британии; к числу этих последних принадлежат Лондон, Кольчестер, Линкольн, Честер, Глочестер и Бас, которые остаются до сих пор значительными городами. См.Ричарда Чиренчестерского, стр.36 и "Историю Манчестера" Уайтекера, кн.1, гл.3 .
36) Aulus Gellius. Noctes Atticae,XV1, 13. Император Адриан был удивлен тем, что города Утика, Кадикс и Италика, уже пользовавшиеся правами ***муниципий,*** просили названия ***колоний;*** однако их пример нашел подражателей и в империи развелось множество почетных колоний. См. Шпангейм, de Usu Numismatum, Dissertat., 13 .
37) Шпангейм, orb.Roman., гл.8, стр.62.
38) Аристид, In Romae Encomio, ч.1, стр.218, изд. Jebb.
39) Тацит, Анн., X1, 23,24; Истор. IV, 74 (Алезия находилась неподалеку от теперешнего Семюра, в местности, называемой Auxois, в Бургундии. Некоторые следы ее названия сохранились в названии округа Auxois. По мнению Анвилля, победа Цезаря при Алезии обозначает эпоху подпадения Галлии под римское владычество. - ***Гизо***).
40) (Все, что наш автор говорит о римском, италийском и латинском праве гражданства и о привилегиях провинций (которые по меньшей мере, хотя частию, пользовались конституционной свободой, в которой он им отказывает), о колониях и муниципальных городах, далеко не полно, а относительно фактов и чисел не совсем точно. Изложение извлечений из обширного запаса сведений в форме примечаний не соответствовало бы ни цели этих примечаний, ни цели самого сочинения. Образованному читателю должно быть хорошо известно, что полные сведения по этому предмету можно найти в сочинениях Сигони, Эзека, Шпангейма, Жоз.Годефруа, Госа и Гейнеке, - ***Венк.***)
41) См.Плиний, Hist.Nat., III, 5; Св.Августин de Civitate Dei, X1X, 7, Липсий, de pronunciatione Linguae Latinae, гл.3.
42) Апулей и Св.Августин служат в этом порукой за Африку, Страбон за Испанию и Галлию, Тацит в "Жизни Агриколы" за Британию, и Веллей Патеркул за Паннонию. Ко всем этим свидетельствам можно присовокупить свидетельство языка в надписях. (Систематическое распространение и общее употребление латинского языка в этих провинциях весьма сомнительны. Где бы ни поселялись римляне, они не употребляли никакого другого языка, кроме своего собственного; они делали исключение из этого правила только в случае необходимости. И они и греки относились к наречиям варваров с таким

презрением, что даже редко старались понимать эти наречия, как это ясно видно из того, что они странным образом коверкали собственные имена и что их историки сообщали самые неточные сведения о тех племенах, с которыми им приходилось сталкиваться. Овидий (Tristia, V, 7), оплакивая свое изгнание, выражает сожаление по поводу того, что ни один из гетов, среди которых он жил, не умел говорить по-латыни. Однако Томида уже в течение 150 лет была подчинена Риму и была главным городом нижней Мезии. Он, к стыду своему, сознается, что для разговора с ними он был вынужден изучать их язык, который по своему невежеству называет сарматским:

"Ille ego, Romanus vates (ignoscite Musae!)
Sarmatico cogor plurima more loqui.
En pudet et Fateor."

Даже через 250 лет после завоевания Галлии ЦезаремИриней, бывший в то время лионским епископом, мог объясняться со своими прихожанами только на кельтском языке (Praef.adv.Haer.) В тех странах, где римляне держали постоянные гарнизоны и где они были в большом числе, они, без сомнения, вводили свой язык в общее употребление - cum coloniis una etiam linguam, - но не заботились серьезно о его распространении. Только такой вывод и можно сделать из слов Юста Липсия или из слов указываемых им авторитетов, которые заимствовал от него Гиббон. Таким путем он и в Галлии, и в Испании приобрел такое преобладание, что послужил основой для новейших языков, теперь уже обратившихся там в природные наречия, и впоследствии принял в себя множество нововведений, заимствованных от готов и мавров. Но не так было в Британии. Дети тамошних знатных семей обучались языку победителей. Вот все, что можно заключить из слов Тацита. Воздвигнутые там римлянами памятники, конечно, носят на себе латинские надписи, но вообще в надписях не выражаются языком большинства. Названия рек, гор и площадей сохраняются дольше и представляют собою гораздо более поучительные надписи. Только немногие из них носят на себе отпечаток римского способа выражений, за исключением тех, в состав которых входят слова castra, colonia или stratum. Они большею частью кельтского или готского происхождения. Касательно первых можно найти много полезных сведений в этимологиях Бакстера, впрочем частью натянутых и фантастических: Glossarium Antiquitatum Britannicarum, изданных в 1719 году. В английском языке мало слов, непосредственно происходящих от слов латинских. Многие слова попали в него из этого источника через посредство французского языка, занесенного норманнскими завоевателями и позднейшими международными сношениями. - Издат .)

43) Кельтский язык сохранился в горах Валлиса, Корнваллиса и Арморики. Апулей упрекает одного африканского юношу, жившего в среде простонародья, за то, что он употребляет пунический язык, а между тем почти совсем позабыл греческий язык, по-латыни же и не может и не хочет говорить (Apolog., стр 596). Для конгрегаций св.Августина пунический язык был большею частью языком вовсе незнакомым. (Нельзя согласиться с Гиббоном, что кельтский язык только случайно сохранился в горах и между крестьянами. Он был гораздо

более распространен после эпохи римского владычества. По мере того как готские племена подвигались вперед, кельты, прежде них завладевшие землей, повсюду отступали перед ними до самых крайних оконечностей страны и переносили с собой свой язык. Таким образом жившие в Испании древние келтиберы отступили от берегов Эбро к берегам Атлантического океана, и воспоминание о них сохранилось до сих пор в королевстве Португальском и в Галиции. Точно так и первобытные галлы, отступая перед франками, заняли Арморику, и название Бретани долго напоминало об их родстве с первыми владетелями Британии. И эти последние, отступая перед саксами, удалились в Корнваллис, Валлис, Стретклюйд и гористую часть Шотландии. Точно так и в настоящее время самые многочисленные остатки ирландских кельтов сосредоточились в западной провинции Коннауте, где область Галвэ свидетельствует об их происхождении и своим названием, и своей идиомой. Стало быть, не римская политика, а вторжение готов вытеснило самую раннюю европейскую форму речи и заставило ее искать убежища в горах; если же потомки тех, кто был таким образом вытеснен из своей родины, остались необразованными среди повсеместных успехов цивилизации, то причиной этого было их положение, а не их характер. - *Издат*)

44) Одна Испания произвела Колумеллу, обоих Сенек, Лукана, Марциала и Квинтилиана. (Гиббон оставляет без внимания тот факт, что некоторые из названных замечательных людей и бо́льшая часть провинциальных жителей, прославившихся своими заслугами и сочинениями, или воспитывались в Риме, или жили там с ранней молодости и писали свои сочинения под влиянием тамошнего общества. - *Издат.*)

45) Сколько мне известно, начиная с Дионисия и кончая Либанием, ни один греческий критик не упомянул о Вергилии или Горации. Они точно будто не знали, что у римлян были хорошие писатели. (Греки, несомненно, считали свой собственный язык самым изящным языком века, а на латинский язык они смотрели как на полуварварский диалект. Даже те греки, которые по своим занятиям или благодаря покровительству одного из императоров поселились в Риме и находились в постоянных сношениях с римлянами, писали только на своем собственном языке, как это видно на примерах Полибия, Дионисия Галикарнасского, Эпиктета, Плутарха, Павсания и др. - *Издат.*)

46) Любознательный читатель найдет в "Bibliotheque Ecclesiastique" Дюпена (ч.X1X, гл.8, стр.1) сведения о том, в какой мере сохранилось употребление языков сирийского и египетского.

47) Ювенал, сат. 3 и 15; Аммиан Марцеллин, XXII,16.

48) Дион Кассий, LXXVII, стр.1275. Первый подобный случай был в царствование Септимия Севера.

49) Валерий Максим, кн.2. гл.2, прим.2. Император Клавдий разжаловал одного знатного грека за то, что тот не знал латинского языка. Этот грек, вероятно, занимал какую-нибудь государственную должность. Светоний, Жизнь Клавдия, гл.16.

50) В лагере Лукулла бык продавался за одну драхму, а раб - за четыре драхмы, то есть почти за три шиллинга. - Плутарх, Жизнь Лукулла, стр. 580 (оттого-то в ту пору войны и были такие кровопролитные, а битвы такие ожесточеные: в своей превосходной речи о положении ми-

ра в эпоху введения христианства бессмертный Робертсон изобразил пагубные последствия рабства, выказав в этом случае всю глубину своих взглядов и всю солидность своего ума. Некоторые выдержки из этой речи я противопоставлю размышлениям Гиббона. Там можно найти некоторые истины, которые были высказаны одним из лучших новейших историков, но которых Гиббон,по-видимому, вовсе не признавал или которыми он сознательно пренебрегал; их необходимо здесь напомнить для того, чтобы восстановить некоторые факты и их последствия в точности; в этих видах мне не раз еще придется ссылаться на Робертсона."Военнопленные, - говорит он, - вероятно, были прежде всех обращены в постоянное рабство: по мере того как удовлетворение нужды или роскоши требовало большого числа рабов, это число пополнялось новыми войнами, причем побежденные всегда были обрекаемы на эту жалкую судьбу. Отсюда и происходят та свирепость и то отчаяние, которые проявлялись в битвах древних народов. На долю побежденных выпадали оковы и рабство, поэтому в битвах и при обороне городов выказывались такие ярость и упорство, которые могут быть внушены только страхом подобной участи. Когда зло рабства исчезло, христианство простерло свое благотворное влияние на способ ведения войн и это варварское искусство, смягченное филантропическим духом религии, утратило свою разрушительную силу. Будучи во всяком случае обеспечены в своей личной свободе, побежденные сопротивлялись с меньшим ожесточением, а победитель был менее жесток в своем триумфе: таким путем человеколюбие проникло в военные лагеря, где прежде оно было неизвестно, и если в наше время победы менее прежнего запятнаны жестокостями и кровью, то это следует объяснять гораздо более влиянием благотворных принципов христианской религии, нежели влиянием каких-либо других причин". - *Гизо*.)

51) Диодор Сицилийский, In Eclog. Hist., кн.34 и 36; Флор, III. 19.20.

52) См.замечательный пример строгости у Цицерона In Verrem, V. 3. (Вот этот пример: из него будет ясно видно, уместно ли здесь слово ***строгость.*** В то время как претором в Сицилии был А.Домиций, один раб убил необыкновенной величины кабана. Претор, пораженный ловкостью и неустрашимостью этого человека, пожелал видеть его. Этот несчастный чрезвычайно обрадовался такому отличию и явился к претору, без сомнения, в надежде получить награду и одобрение; но когда Домиций узнал, что рабу было достаточно рогатины, чтобы побороть и убить кабана, он приказал немедленно распять его под тем варварским предлогом, что закон воспрещает рабам употребление как этого оружия, так и всякого другого. Жестокость Домиция едва ли не менее удивительна, чем равнодушие римского оратора, который, рассказывая этот факт, выражается так: Durum hoc fortasse videatur, neque ego in ullam partem disputo (иным это, может быть, покажется жестоким, но я не беру ничью сторону. Циц. In Verr. act. 2,5,3). И это тот самый оратор, который в той же самой речи говорит: Facinus est vincire civem romanum;scelus verberare; prope parricidium necare; quid dicam in crucem tollere? (Надеть на римского гражданина оковы есть тяжкое оскорбление, ударить его - есть преступление, убить его - почти то же, что отцеубийство; но что должен я сказать о его распинании на кресте?) Вообще

эти мнения Гиббона о рабстве отзываются не только достойным порицания равнодушием, но и преувеличенным беспристрастием, похожим на недобросовестность. Он старается ослабить все, что было ужасного в положении рабов и в обхождении с ними; он выставляет это обхождение в таком виде, что оно как будто может быть оправдываемо необходимостью. Затем он перечисляет с мелочными подробностями самые слабые улучшения в их страшном положении; приписывает добродетелям или политике правителей постепенные улучшения участи рабов и совершенно проходит молчанием самую главную причину - ту причину, которая, сделав рабов менее несчастными, способствовала их полному освобождению от их страданий и от их оков, а именно христианство. Нетрудно бы было собрать и изложить здесь массу самых ужасных и раздирающих сердце подробностей касательно обхождения древних римлян с их рабами; целые сочинения были посвящены его писанию, но я ограничиваюсь указанием на него. Некоторые размышления Робертсона, взятые из упомянутой мною выше его речи, докажут, что Гиббон, относя смягчение участи рабов к эпохе, почти непосредственно следовавшей за введением христианства, не мог бы не признать влияния этой благотворной причины, если бы не имел предвзятого намерения умалчивать о ней. Робертсон говорит: "Лишь только утвердилась в Римской империи неограниченная верховная власть, домашняя тирания была доведена до своей высшей степени: на этой грязной почве росли и процветали все пороки, питаемые в знатных людях привычкою властвовать и порождаемые в низших классах привычкою к угнетениям... Рабство было стерто с лица земли не уважением к какому-либо из евангельских правил, а общим духом христианской религии, более могущественным, чем все писаные законы. Чувства, внушавшиеся христианством, были человеколюбивы и кротки; а его правила придавали человеческой натуре такое достоинство и такой блеск, что они вырвали ее из рабства, в которое она была погружена". Очевидно, что Гиббон ошибается, приписывая более мягкое обхождение римлян с рабами во время империи единственно желанию способствовать их размножению. Эта причина до того времени действовала в противоположном направлении; почему же она могла бы внезапно приобрести совершенно другое влияние? "Владельцы рабов, - говорит Гиббон, - поощряли браки между ними... а природные чувства и привычки, порождаемые образованием, способствовали смягчению тягостей рабства". Но дети рабов были собственностью хозяина, который мог располагать ими и отчуждать их, как всякое другое свое достояние: неужели при таком положении и при такой зависимости могли развиться природные чувства, а привычки, порождаемые образованием, могли сделаться более мягкими и сильными? Не следует приписывать малосильным и даже совершенно бессильным причинам такое влияние, которое может быть результатом только самых могущественных причин, и если бы даже мелкие причины оказывали очевидное для всех влияние, все-таки не следует забывать, что сами они были результатом более возвышенной и более обширной первоначальной причины, которая, давая умам и характерам более бескорыстное и более гуманное направление, вну-

шала людям желание содействовать ее благотворным результатам и вызывать их своим поведением и очищением своих нравов. -*Гизо*)

53) (Римляне дозволяли своим рабам особый вид браков (conturbenium) как в первые времена республики, так и в позднейшие периоды своей истории, а когда они сделались могущественны и богаты, роскошь потребовала еще большего числа этих слуг (Страбон, кн. 14, стр. 668). Но увеличение числа рабов путем их естественного размножения не могло вполне удовлетворить спроса, а потому римляне стали прибегать к покупке рабов даже из восточных провинций, присоединенных к их владениям. Рабство, как известно, неблагоприятно для размножения населения; и хотя там, где еще до сих пор есть рабы, браки между ними поощряются и съестные припасы дешевы, все-таки их число ежегодно убывает на шесть или пять процентов, и эта убыль пополняется покупками новых рабов. В более позднее время римские рабы чаще вступали в браки в деревнях, нежели в городах, так как в этих последних жизнь была дорога и потому было выгоднее купить раба, нежели его вскормить. - Венк). (См. "Essays" Юма и "О принципах населения" Мальтуса, ч. 1, стр. 334. -Гизо) (Декан Мильман и некоторые другие писатели находили, что Гизо не был достаточно беспристрастен в предшествующих примечаниях касательно рабства. Он или не понял настоящего смысла Гиббоновых замечаний, или же сбился с пути, стараясь достигнуть цели, в которую не попал. Новейшие писатели, из желания польстить гордости своих современников или предрассудкам своей секты, преувеличивали благотворное влияние религии на улучшение нравственности. Но можно бы было пожелать, чтобы они в подтверждение своих слов ссылались на менее неясные и менее сомнительные доказательства. Нет более чистых и более совершенных нравственных правил, чем те, которые внушаются христианством. Сомневаться в приносимой ими пользе не значит отвергать их превосходство или ослаблять их авторитет; а те, кто всего чистосердечнее восхищаются ими, должны более всех других краснеть при виде того, в какой ничтожной степени они до сего времени ослабляют вражду и ожесточение между воюющими нациями. Замечания, которые делает по этому поводу Робертсон и на которые ссылается с таким сочувствием Гизо, не обнаруживают в нем беспристрастного наблюдателя. Писатели нередко давали полный простор и своему тщеславию, и своей склонности к преувеличениям, изображая пагубные последствия древних побед. Уже одно то обстоятельство, что победитель мог продавать своих пленников, доказывает, что он должен был желать брать своих врагов живьем, а не убивать. Может быть, оборона и действительно была более упорна, но не может подлежать сомнению, что нападающие имели сильные мотивы щадить жизнь врагов. Переходя к положительным фактам, мы спросим: неужели зверства древних войн были более ужасны, чем то, что делал Тилли в Рейнском Палатинате и в Магдебурге (см. Шиллер, Тридцатилетняя война, Бонн, стр. 138 и след.), что делал Альба в Нидерландах, что делал Кромвель в Дрогеде, что делали русские в Яссах и Измаиле, и даже то, что делается в наше цивилизованное время при взятии города штурмом? Также нельзя назвать верным замечание, что оковы и рабство были неизбежной участью побежденных. Напротив того, ис-

тория дает нам множество примеров того, что пленников поселяли в малонаселенных местностях и вновь основанных городах. После покорения Иудеи Птолемей Сотер поселил тысячи военнопленных со всеми для них удобствами в Александрии и в Кирене на равных гражданских правах с македонянами (Иосиф, Еврейск. древн., 12, 1, 1,); и сам он и его сын оказывали им покровительство и позволяли свободно исповедовать их религию; этим поселенцам даже помогали деньгами и привилегиями для поощрения их промышленности, так что многие из их соотечественников добровольно переселились вслед за ними и впоследствии достигли богатства и влияния. Пусть сравнят с положением этих военнопленных положение оставшихся в живых жертв Полтавского боя, сосланных в Сибирь, или положение тех несчастных военнопленных, которые во время нашей последней продолжительной войны с Францией томились в стильтонских и дартмурских бараках или в стенах венсенской тюрьмы. Не подлежит сомнению, что римляне после своих побед многих обращали в рабство, но они еще в большем числе приобретали союзников и сообщников. Сравните любое из завоеванных ими государств с положением Польши под русским владычеством. И нельзя сказать, что "христианство положило конец жестокому установлению рабства". Это мнение опровергается тем, что рабы существовали в средние века и что их до сих пор много в христианских государствах; оно опровергается страданиями мексиканцев и перуанцев под тиранией корыстолюбивых испанцев, долгими страданиями и поздним освобождением находившихся под британским управлением невольников, работавших на сахарных плантациях, и до сих пор живущими под игом рабства неграми в американских государствах. Мы можем радоваться при виде постоянных улучшений в общественной жизни, но мы должны пожалеть о том, что религиозные принципы до сих пор еще часто занимают лишь второе место и даже в христианских странах отодвигаются на задний план перед тем, что считается удобным и выгодным. Итак, извиним Гиббона в том, что он старался отыскать у римлян облегчения рабства, а сами постараемся впредь воздерживаться от хвастовства. - *Издат.*)

54) Грутер и некоторые другие компиляторы приводят множество надписей, в которых рабы обращаются к своим женам, детям, товарищам, господам и пр. и которые, по всей вероятности, относятся к эпохе императоров.

55) См. "Историю эпохи Цез." и диссертацию Бюриньи о римских рабах в 35-м томе Académie des Inscriptions.

56) См. другую диссертацию Бюриньи о римских вольноотпущенниках в 37-м томе того же сборника.

57) Шпангейм, Orbis Roman. Кн. 1, гл. 16, стр. 124 и пр. (Императоры много раз нарушали эти полезные правила. Трактат Пигнория "De Servis", на который будет сделана ссылка в одном из следующих примечаний, был издан in 12-mo в Амстердаме в 1674 году. С ним имеет общую связь менее обширный трактат Popmae, De Operis Servorum, 12-mo. Amst., 1672. Оба автора этих трактатов одарены способностями соразмерно с важностью обсуждаемого ими предмета. - *Венк*)

58) Сенека, de Clementia, кн. 1, гл. 24. Оригинальное выражение го-

раздо более сильно: "Quantum periculum immineret si servi nostri numerare nos coepissent".

59) См. Плиний, Hist. Nat. Кн. 33 и Атеней, Deipnosophist, кн. 6, стр. 272. Последний смело утверждает, что он знал очень многих римлян, которые не для дела, а только из чванства имели по десяти и даже по двадцати тысяч рабов.

60) В Париже насчитывают не более сорока трех тысяч семисот слуг разного рода, что не составляет и двадцатой доли городского населения. Messange, Recherches sur la population, стр. 186.

61) Образованный раб продавался за несколько сот фунт. стерл. Аттик постоянно сам воспитывал их и обучал. Корнелий Непот, Жизнь Аттика, гл. 13.

62) Многие римские врачи были рабами. См. диссертацию и защиту доктора Миддлетона.

63) Их ранги и должности подробно перечислены в сочинении Пигнория "De Servis".

64) Тацит, Анн., XIY, 43. Они все были казнены за то, что не предохранили своего господина от убийцы.

65) Апулей, In Apolog, стр. 548. Изд. Дельф. (Перевод Бона, стр. 339).

66) Плиний, Hist Natur., кн. 33, стр. 47.

67) (По словам Робертсона, число рабов превышало вдвое число свободных граждан. - *Гизо*)

68) Считая двадцать миллионов во Франции, двадцать два в Германии, четыре в Венгрии, десять в Италии с ее островами, восемь в Великобритании и Ирландии, восемь в Испании и Португалии, десять или двенадцать в Европейской России, шесть в Польше, шесть в Греции и Турции, четыре в Швеции, три в Дании и Норвегии, четыре в Нидерландах, мы получим сто пять или сто семь миллионов. См. Вольтер, Histoire Générale.

69) (В прошедшем столетии много было писателей, занимавшихся вопросом о народонаселении древнего мира или некоторых его частей, и в особенности о народонаселении Римской империи. Все, что говорилось этими писателями, начиная с Ис. Воссия, изучавшего древность с восторженным увлечением, и кончая Юмом и Валласом, требует с нашей стороны хладнокровной критической проверки. Читатель, который будет смотреть на предмет с этой точки зрения, усмотрит так много противоречий и так мало достоверных сведений и точных числовых данных, что, может быть, придет к убеждению, что лишь очень немногое может считаться положительно доказанным; или, может быть, он подумает, что с тех пор, как мир вышел из своего детского возраста, число его народонаселения, равно как и число народонаселения главных его составных частей, осталось без перемены и что все обстоятельства, кажущиеся благоприятными или неблагоприятными для древнего или для Нового мира,имели результатом лишь поддержание между ними равновесия. Нам хорошо известно, что в государствах, пользовавшихся в течение некоторого времени независимостью под какой-либо порядочной формой правления, число народонаселения уменьшалось, когда это государство обращалось в лишенную самостоятельности провинцию обширной империи. Поэтому в римских провинциях число жителей должно было уменьшиться. Сделанное Гиббоном вычисление всех подданных им-

перии, вероятно, более верно, чем многие другие, однако оно, как кажется, несколько преувеличено. А когда он прибавляет, что их число превышало все население Европы (в 1779), он, без сомнения, не прав. Число этого населения выражается следующими цифрами, которые представляют результат исследований более точных и, как кажется, более заслуживающих доверия, чем вычисления Гиббона: в Германии - 24 000 000, во Франции - 22 000 000; в Венгрии, Трансильвании и Галиции - 8 000 000; в Италии и на ее островах - 12 000 000; в Испании - 10 000 000; в Португалии - 2 225 000; в Великобритании и Ирландии - 8 000 000; в Европейской России - 14 000 000; в Польше - 6 000 000; в Европейской Турции - 8 000 000; в Швеции - 2 500 000; в Дании и Норвегии - 2 500 000; в Пруссии - 1 200 000; в Нидерландах - 2 125 000; в Швейцарии - 2 000 000; а всего - 124 550 000. - *Венк*). (Это примечание интересно только в том отношении, что оно представляет контраст между прошедшим временем и переменами, совершившимися в последние семьдесят лет. В течение этого периода население Европы удвоилось, а в нашем отечестве оно утроилось. - *Издат.*).

70) Иосиф, de Bello Judaico, кн. 2, гл. 16. Речь Агриппы или, скорее, речь самого историка представляет прекрасную картину Римской империи.

71) Светоний, Жизнь Августа, гл. 28. Август выстроил в Риме храм и форум Марса Мстителя, храм Юпитера Громовержца в Капитолии, храм Аполлона Палатинского с публичными библиотеками, портик и базилику Кайя и Луция, портики Ливии и Октавии и театр Марцелла. Примеру государя следовали его военачальники и правители, а его друг Агриппа оставил после себя бессмертный памятник - Пантеон.

72) См. Маффеи, Verona Illustrata, кн. 4, стр. 68.

73) См. десятую книгу "Писем" Плиния. Он называет следующие сооружения, воздвигнутые за счет городов: в Никомедии новая площадь, водопровод и канал, не законченный одним из древних царей; в Нике - гимназия и театр, на который уже прежде было истрачено около 90 000 ф. ст., в Прузе и Клавдиополисе - бани, и для жителей Синопа - водопровод длиною в шестнадцать миль.

74) Впоследствии Адриан установил очень справедливое правило, по которому одна часть найденного сокровища отдавалась владельцу земли, а другая - тому, кто его нашел. Ист. эпохи Цез., стр. 9.

75) Филострат in Vita Sophist кн. 2, стр. 548.

76) Aulus Gellius, in Noct. Attic, кн. 1, стр. 2; IX, 2; XYIII, 10; XIX, 12. Филостр., стр. 564.

77) (Новые театральные пьесы, как комедии, так и трагедии, сначала слушались в Одеоне. Там их читали или декламировали наизусть без музыкального аккомпанемента, без декораций и костюмов, и, пока они не были одобрены нарочно избранными на этот предмет судьями, они не могли быть допущены к исполнению на настоящем театре. Там также происходили состязания из-за наград за поэтические произведения. Ариобарзан был тот царь Каппадокии, который восстановил Одеон, после того как он был сожжен Суллой. См. диссертацию Мартини касательно Одеона древних. Лейпциг, 1767, стр. 10-19. - *Венк*)

78) См. Филостр., кн. II, стр. 548, 560. Павсаний, кн. 1 и VII, 10. "Жизнь Герода" в тридцатом томе "Мемуаров" Академии надписей".

79) Это замечание сделано в особенности касательно Афин Дикэарком, de Statu Graeciae, стр. 8, Inter Geographos Minores, изд. Гудсона.

80) Донат, de Roma Yetere, кн. 3, гл. 4 - 6; Нардини, Roma Antica, кн. 3, 11-13 и манускрипт, содержащий описание древнего Рима Бернаром Орицелларием, или Руцеллаи, с которого я достал копию из библиотеки каноника Рикарди во Флоренции. Плиний говорит о двух знаменитых картинах - Тиманта и Протожена, которые, как кажется, находились в храме Мира, а Лаокоон был найден в банях Тита. (Веспасиан построил храм Мира и украсил его не только этими двумя картинами, но также большей частью произведений живописи, статуй и других произведений искусства, которые были спасены от разрушительной ярости междоусобиц. Там имели обыкновение ежедневно собираться римские артисты и ученые. Под его развалинами было найдено много остатков древнего искусства. См. примечания Реймария к Диону Кассию, кн. 66, гл. 10, стр. 1083. - *Венк*)

81) (Эта знаменитая мраморная колонна, сохранившаяся лучше всех других памятников древности, имеет 118 футов в вышину. Находящиеся на ней три ряда барельефов изображают победы Траяна в Дакии. Они обвивают колонну в форме спирали и содержат около двух тысяч пятисот фигур; но здесь, как и в большей части древних произведений искусства, правила перспективы оставлены в слишком большом пренебрежении. На верх ее можно подыматься по внутренней, сделанной в форме спирали, лестнице в 184 ступеньки; эта лестница освещается сорока тремя амбразурами или окнами. В 1673-1676 гг. Джиов. Пиетро Беллори издал в Риме на итальянском языке свое описание Траяновой колонны вместе с комментариями Чиаккони и 128 гравюрами. Дополненное издание этого сочинения на латинском языке вышло в свет в Риме в 1773 году. Есть более верный очерк в 3-м томе Морелли Thesaurus Numm. Impp. Romm. Лучшие комментарии принадлежат Раф. Фабретти, de Columna Trajani Syntagma, Рим, 1685-1690. Но сочинение Морелли было бы лучше, если бы к нему сделаны были дополнения. - *Венк*)

82) Montfaucon, L' Antiquité Expliquée, кн. 1, гл. 9, ч. 4, стр. 2. Фабретти написал очень ученый трактат о римских водопроводах.

83) Элиан, Hist. Var.кн. 9, гл. 16. Этот писатель жил во времена Александра Севера. См. Фабриций, Bibliot. Graeca, кн. 4, гл. 21. (Так как Элиан говорит, что в Италии *прежде* было такое число городов, то следует полагать, что в его время их не было так много. Сверх того, его вычисление не относится непременно к веку Ромула, а вероятно, относится к какому-нибудь более позднему периоду. Даже римские писатели, по-видимому, сознают, что население Италии уменьшилось в последние времена республики и при императорах (см. Тит Ливий, YI, гл. 22), и впоследствии это было признано за исторический факт. Это потом подтверждали Scriptores Reirusticae и, между прочим, Колумелла (кн. 1, изд. Геснери, стр. 390), подтверждали своими жалобами на то, что Италия когда-то была способна удовлетворять внутренний спрос на хлеб и вино, а потом дóлжна была ввозить эти продукты. - Венк)

84) Иосиф, de Bello Jud., 11, 16. Там названа эта цифра, но едва ли можно считать ее непреувеличенной. (Это место из сочинения Иосифа, конечно, не должно быть принимаемо в буквальном смысле. Оно входит в состав напыщенной речи, с которою будто бы обращается к иудеям царь Агриппа, желая внушить им высокое понятие о римском могуществе. Перечисляя народы, подчиненные великой империи, он говорит о галлах, что они повинуются двенадцати сотням римских солдат, тогда как у них почти столько же городов. Первое утверждение несогласно с истиной, так как мы знаем от Тацита (Анн., кн. 4, гл. 5), что в Галлии постоянно находились восемь легионов. Такие риторические выражения не могут приводиться в доказательство исторических фактов. Если бы в Галлии было не более семисот или восьмисот городов, оратор, вероятно, употребил бы то же самое выражение ради эффекта и слово "почти" оградило бы его от обвинения в неточности. - *Венк*)

85) Плиний, Hist. Natur. III, 5. (Это верно по отношению к римским колониям в южной Галлии и к той, которая была основана греками в Марселе. Примыкавшая к Италии настоящая римская провинция [provincia] была давно устроена и так хорошо обработана, что, по словам Плиния, ее трудно было отличить от самой Италии. Но положение Аквитанской Галлии не было так цветуще даже в царствование Агуста. Это видно из одного места у Витрувия (кн. I, гл. I), где говорится о жалком состоянии архитектуры в некоторых странах и приводится в пример Аквитанская Галлия, в которой дома строятся из дерева и соломы. Впоследствии, может быть, там и устроились лучше в подражание римлянам, но в этой части Галлии в ту пору не было ни одного сколько-нибудь значительного города, за исключением Бурдегалы. — *Венк*.)

86) Плиний, Hist. Natur. III, 3, 1Y, 4, 35. Этот список, как кажется, достоверен и точен: в нем чрезвычайно подробно обозначены и разделение на провинции, и различное положение городов. (Говорят, что теперь в Испании тысяча пятьсот городов (ciudades y villas) и, сверх того, пятьсот тридцать шесть городов в Португалии, которая входила в состав древней Испании. Эти две тысячи городов, в числе которых, без сомнения, есть и очень незначительные, вероятно, стоят тех трехсот шестидесяти городов, которые находились в ней во времена римского владычества и которые не все были одинаково значительны. Хотя Гиббон и предпочитает древнюю Испанию той, которая существует теперь, однако всякий здравомыслящий испанец, конечно, предпочел бы последнюю, как бы ясно он ни сознавал неудовлетворительное положение своей родины. А таких великолепных общественных сооружений, какие были воздвигнуты римлянами, нельзя бы было в наше время ожидать ни от испанского правительства, ни от какого-либо другого - *Венк*)

87) Страбон, Геогр., кн. 17, стр. 1189.

88) Иосиф, de Bello Judaico, 11, 16. Филострат in Vit. Sophist., кн. 2, стр. 548, изд. Олеара.

89) Тацит, Анн., IV, 55. Мне стоило некоторого труда отыскать у новейших путешественников и сравнить между собою сведения о судьбе этих одиннадцати азиатских городов. Семь или восемь из них совершенно разрушились, а именно: Гипеп, Траллы, Лаодикея,

Илион, Галикарнас, Милет, Эфес; сюда же можно отнести Сарды. Из остальных трех Пергам - уединенная деревня с двумя или тремя тысячами жителей, Магнезия - довольно значительный город, носящий теперь название Гузель-Гиссара, а Смирна - большой город со ста тысячами жителей; но в то время как франки поддерживали там торговлю, турки уничтожили там искусства.

90)Очень точное и интересное описание развалин Лаодикеи можно найти в "Путешествии" Чандлера по Малой Азии, стр. 225 и сл.

91) Страбон, кн. 12, стр. 866. Он учился в Траллах.

92) См. диссертацию Боза в Mémoires de l'Académie, том XVIII. До нас дошла речь, в которой Аристид советовал соперничавшим городам жить во взаимном согласии.

93) Число жителей в Египте, не считая Александрии, простиралось до семи с половиной миллионов (Иосиф, de Bello Judaico, II, 16); а под военным управлением мамелюков в Сирии считалось шестьдесят тысяч деревень (Histoire de Timur-Bec, кн. 5, гл. 20).

94) Следующий путеводитель может дать нам понятие о направлении пути и о расстоянии между главными городами: 1) от стены Антонина до Йорка 222 римских мили. 2) Лондон - 227. 3) Рутупие или Сандвич - 67. 4) Плавание до Булони - 45. 5) Реймс - 174. 6) Лион - 330. 7) Милан - 324. 8) Рим - 426. 9) Брундизий - 360. 10) Плавание до Диррахия - 40. 11) Византий - 711. 12) Анкира - 283. 13) Тарс - 301. 14) Антиохия - 141. 15) Тир - 252. 16) Иерусалим - 168, что составляет четыре тысячи восемьдесят римских миль, или три тысячи семьсот сорок английских. См. путеводитель, изданный Весселингом с его примечаниями. Касательно Британии см. также Гэля и Штёкели, а относительно Галлии и Италии - Анвилля.

95) Монфокон (Antiquité Expliquée, ч. 1У, стр. 2, кн. 1, гл. 5) описал мосты в Нарни, Алькантаре, Ниме и др.

96) Бержье, Histoire des grands chemins de l'Empire Romain, кн. 2, гл. 1, 28.

97) Прокопий, In Hist. Arcana, гл. 30. Бержье, Hist. des grands Chemins, кн. 4. Кодекс Феодосия, кн. 8, отд. 5, ч.2 стр. 506-563, с учеными комментариями Годефруа.

98) Во времена Феодосия один высокопоставленный сановник, по имени Цезарий, ехал на почтовых из Антиохии в Константинополь. Он выехал ночью, прибыл в Каппадокию (сто шестьдесят пять миль от Антиохии) на другой день вечером и достиг Константинополя на шестой день в полдень. Таким образом, он проехал семьсот двадцать пять римских миль или шестьсот шестьдесят пять английских миль. См. Либаний, Orat. 22 и Itineraria, стр. 572-581.

99) Хотя Плиний был любимцем императора и наместником, он извинялся в том, что приказал дать почтовых лошадей своей жене, ехавшей по какому-то спешному делу. Epist. X, 121, 122.

100) Бержье, Hist. des grands Chemins, кн. 4, гл. 49.

101) Плиний, Hist. Natur., X1X, 1.

102) Нет ничего неправдоподобного в том, что греки и финикияне перенесли некоторые искусства и некоторые земные продукты в окрестности Марселя и Кадикса.

103) См. Гомер, Одиссея, кн, 9, стр. 358.

104) Плиний, Hist. Natur., кн. 14.

105) Страбон, Геогр., кн. 4, стр. 269. Чрезвычайный холод галльских зим почти вошел у древних в пословицу. (Страбон говорит только то, что там виноград не легко зреет. Во времена Августа пробовали разводить виноград в северной Галлии, но нашли, что климат слишком суров. Диодор Сицилийский (изд. Родоман., стр. 304), который был современником Страбона, говорит, что Галлия была очень холодная страна. Уничтожение лесов, осушение болот, удобрение земли теплым навозом и другими полезными нововведениями создали в Галлии, точно так же как и в Германии, климат более мягкий и более благоприятный для созревания плодов. Те же самые причины ведут даже в наше время к таким же результатам в Америке, лишь только начинают возделывать почву. Римляне впоследствии заметили происходящую перемену, но приписывали ее изменению положения земли, предсказанному астрономом Гиппархом (Колумелла, кн. 1). - ***Венк***)

106) В начале четвертого столетия оратор Эвмений (Panegyric. Veter. YIII, 6, изд. Дельфин.) говорит о виноградниках на территории Отена, которые с течением времени пришли в упадок и о времени насаждения которых нет никаких сведений. Анвилль полагает, что Pagus Arebrignus находится в округе Бон, который даже в настоящее время славится одним из лучших сортов бургундских вин. (В гораздо более раннюю эпоху, а именно в семьдесят седьмом году нашей эры, Плиний Старший (Hist. Nat., кн. 14, гл. 3) упоминает о винограде (vitis picata, vinum picatum, которое называется теперь raisin de lirre, vin de violette), который был естественным продуктом округа Виенны и был незадолго перед тем пересажен в страну Arverni (Оверн), Helvii (Виваре в Лангедоке) и Sequani. Так как Плиний говорил это о посредственном винограде, который он тогда описывал, то мы вправе предположить то же самое о других более обыкновенных сортах винограда. Страна секванов то же что теперешняя Бургундия; она граничила с герцогством того же имени. В двенадцатой главе будет говориться более подробно о разведении и возделывании винограда во Франции. - ***Венк***)

107) Плиний, Hist. Natur., кн. 15.

108) Ibid., кн. 19.

109) См. интересный очерк Гарта о земледелии, в котором он собрал все, что было высказано древними и новыми писателями о клевере.

110) (Металлы и камни, хотя и принадлежат к числу "натуральных продуктов", служат такими "материалами для произведений искусства", которые доставляются не земледелием. Но во времена Гиббона они еще не входили в таком широком размере, как теперь, в число основ фабричной промышленности. - ***Издат***)

111) Тацит, German., гл. 45. Плиний, Hist. Natur. XXXYII, 13. Этот последний замечает с тоном насмешки, что даже мода до сих пор еще не открыла, какое можно сделать употребление из янтаря. Нерон посылал одного римского всадника закупить большое количество этого продукта на том самом месте, где его находят, - на берегах современной нам Пруссии.

112) Римляне называли его Тапробаной, а арабы - Серендибом. Он был открыт в царствование Клавдия и мало-помалу сделался главным центром торговли с Востоком.

113) Плиний, Hist. Natur., кн. 6. Страбон, кн. 17.
114) Ист. эпохи Цезарей, стр. 224. Шелковую одежду считали украшением для женщины, но позором для мужчины.
115) Жемчуг добывали всего более там же, где добывают и теперь, - в Ормузе и на Коморинском мысе. Насколько можно судить по сравнению древней географии с новейшей, Рим получал бриллианты из находившейся в Бенгале юмельпурской руды, которая описана в Voyages de Tavernier, ч. 2, стр. 281.
116) Серебро, без сомнения, не было ***единственным*** орудием мены. Индийцы не были равнодушны к произведениям Европы. Арриан перечисляет те произведения, которые они получали в обмен за свои собственные, и в том числе называет итальянские вина, медь, свинец, олово, кораллы, хризолит, стираксу, стекло, разные принадлежности одежды и пр. (См. "Путешествие кругом Эритрейского моря", Гудсон, Geogr. minor, ч. 1, стр. 27 и след.). Также немалую выгоду доставлял обмен римских динариев на индийскую монету. Но так как всего этого было недостаточно для уплаты за дорогие восточные товары, то отпускалось значительное количество серебра, как это делается и в настоящее время. Почему Гиббон ограничил употребление индийских ароматических веществ "богослужением и погребальными церемониями"? Когда Египет был окончательно завоеван римлянами, Август сделал очень выгодные финансовые распоряжения с целью получать доход от торговли с Востоком. Александрийские купцы перевозили в ту пору вест-индские товары в гавань Путеоли для продажи римлянам. После царствования Клавдия эти последние приняли более непосредственное и более деятельное участие в этой торговле. (См. Эйхгорн, История Вест-Индской торговли до времен Магомета in 8-vo, Roma, 1775, стр. 39 и след.) - ***Венк***)
117) Тацит, Анн., III, 53. В одной из речей Тиберия.
118) Плиний, Hist. Natur., XII, 18. В другом месте он насчитывает лишь половину этой суммы; quingenties H.S. для Индии, не включая Аравии.
119) Отношение одного к десяти и двенадцати с половиной возросло, по легальному урегулированию Константина, до отношения одного к четырнадцати и двум пятым. См. Арбютно, Таблицы древних монет, гл. 5.
120) Кроме многих других см. Плиний, Hist. Natur., III, 5; Аристид, de Urbe Roma и Тертуллиан, de Anima, гл. 30.
121) Герод Аттик дал софисту Полемону около 800 ф. ст. за три напыщенные речи. См. Филострат, кн. 1, стр. 538. Антонины основали в Афинах школу, в которой содержавшиеся на государственный счет учителя преподавали юношеству грамматику, риторику, политику и теории четырех главных философских сект. Философы получали жалованье в размере десяти тысяч драхм, то есть от 300 до 400 фунт. ст. Подобные заведения были открыты и в других больших городах империи. См. Лукиан, in Eunuch., ч.2, стр. 352, изд. Рейтца. Филостр., кн. 2, стр. 566. Ист. эпохи Цез., стр. 21. Дион Кассий, кн. 71, стр. 1195. Однако Ювенал нашелся вынужденным сказать в одной из своих язвительных сатир, обнаруживающей в каждой строке, что он был раздражен несбывшимися надеждами и завистью:
- O Juvenes, circumspicit et stimulat vos,

Materiamque sibi Ducis indulgentia quaerit. - Сатира VII, 20.

Веспасиан впервые учредил учительское звание с постоянным жалованьем. Каждой кафедре красноречия, как греческого, так и римского, он назначил ежегодное вознаграждение в centena sestertia, соответствующее, по мнению Арбютно, почти 4850 английским кронам. Он также награждал деньгами артистов и поэтов. (Светоний, Жизнь Веспас., кн. 18). Адриан и Антонины были менее щедры. См. Реймария о Дионе Кассии и Ксифилине, кн. 100. однако он упустил из виду более ранний пример Веспасиана. - *Венк*)

122) (К числу людей, писавших о медицине, астрономов и грамматиков, между которыми встречаются некоторые знаменитые имена, следует присовокупить живших также во времена Адриана Светония, Флора и Плутарха и живших во времена Антонинов Арриана, Павсания, Аппиана, самого Марка Аврелия, Секста Эмпирика и некоторых других писателей, хотя и не равных с вышеназванными по своим достоинствам, но не лишенных таланта. Юриспруденция была многим обязана трудам Салвия Юлиана, Юлия Цельса, Секста Помпония, Кайя и других. Стало быть, приговор Гиббона слишком строг, неоснователен и незрело обдуман. Этот приговор следовало бы по меньшей мере отнести к одним латинам, которые действительно утратили со времен Траяна изящество вкуса. Но перемена не была особенно заметна между греками, в особенности если мы сравним их с теми их соотечественниками, которые славились при прежних императорах. - *Венк.*) (**Упадок талантов начался в Греции ранее, нежели в Италии.** Греческие писатели первого столетия были так немногочисленны и так мало замечательны, что писателям второго столетия не делает большой чести их превосходство. Сверх того, Венк, не обратил внимания на то, что даже немногие лучшие писатели этого периода были обязаны своим развитием воспитанию или пребыванию с детства в Риме. К своему списку он мог бы прибавить Апулея, Максима Тирия и Полиэна. Тем не менее этот список оказался бы очень бледным в сравнении с теми блестящими именами прежних веков, с которыми его сравнивает Гиббон. Однако Траян, Адриан и Антонины осыпали ученых большим почетом и большими денежными выгодами, чем те, которые выпадали на их долю во времена Августа. За литературные достоинства не только привлекали людей ко двору, но и награждали высокими должностями. Плутарх был назначен префектом Иллирии, а Арриан - префектом Каппадокии. Светоний, Лукиан, Арриан, Максим Тирий и некоторые другие были удостоены высоких отличий. Но пример и щедрость следующих императоров не были в состоянии оживить зачахнувший дух языческой литературы. Они не могли положить предел медленно возраставшей апатии, которая до того ослабила римский мир, что в нем даже не оказалось достаточной энергии, чтобы цивилизовать своих варварских завоевателей. - *Издат*)

123) Лонгин, de Sublim., гл. 44, стр. 229, изд. Толл. О Лонгине можно сказать, что он подкрепляет все свои суждения своим собственным примером. Вместо того, чтобы выражать свои мысли с мужественной смелостью, он сообщает их читателю с самой предусмотрительной осторожностью, вкладывает их в уста приятеля и, насколько

можно судить из текста, испорченного переделками, как будто старается опровергнуть их. ("Дух древних афинян", который приписывается Гиббоном Лонгину, следует усматривать лишь в его слоге, так как иначе было бы трудно согласовать эту похвалу с выраженной в подстрочном примечании критикой. В этом примечании одна строка из трактата Попа о критике (Y. 680), выдающая за подкрепление мнений Лонгина высокий слог его трактата "О возвышенном", применена к сделанному Лонгином описанию испорченности его времени и к его манере выражать свои собственные мысли. Я сомневаюсь в том, действительно ли это применение столько же верно, сколько оно искусно. Пирс и некоторые другие истолкователи сочинений Лонгина поняли приведенное Гиббоном место так же, как и он, но, как мне кажется, не имея на то достаточного основания. Лонгин говорит, что он слышал, как один философ указывал на изменившуюся форму правления как на настоящую причину упадка литературы, так как только одна демократия способна питать сильные умы, и т.д. Цитата Гиббона взята из речи или из аргументации этого философа, более похожей на сумасбродное многословие отчаянного ненавистника монархов, нежели на согласное с истиной историческое изложение. Затем Лонгин возражает. Он говорит, что он не замечает, чтобы форма правления имела такое сильное влияние или чтобы было невозможно питать свой ум при монархическом правлении. Человеческая натура такова, что она всегда недовольна своим настоящим положением. Я скорее того мнения, сказал он, что энергия и ум задавлены всеобщей нищетой, созданной непрерывными войнами, и отвратительными чувствами, которые господствуют повсюду. Мысли каждого сосредоточены на приобретении выгод и удовлетворении своих наклонностей. В обществе распространилась не знающая границ роскошь со всеми неразлучными с ней пороками. Это делает людей неспособными иметь благородные мысли, ослабляет влечение к бессмертным предметам и унижает душу до ничтожества. Такое рабство более прочно и более вредно по своим последствиям, чем всякое публично признанное рабское подчинение. Какое употребление может сделать из свободы тот, кто не способен пользоваться ею? и т. д. В этих словах нет политического лицемерия. Вся жизнь Лонгина - и смелые планы, которые он внушил великой царице Зиновии, и его влияние на нее, и непреклонное бесстрашие, с которым он покорился своей участи, - все это снимает с него всякое подозрение в трусливости или в уступчивой низости. Жизнь автора служит лучшим комментарием к подобным цитатам. - *Венк*).

ГЛАВА III
О государственном устройстве Римской империи в век Антонинов

По общепринятым понятиям, монархия есть такое государство, в котором одному лицу - все равно, какое бы ни давали ему название, - вверены и исполнение законов, и распоряжение государственными доходами, и командование армией. Но если общественная свобода не охраняется неустрашимыми и бдительными покровителями, власть столь могущественного должностного лица скоро превращается в деспотизм. В века суеверий человечество для обеспечения своих прав могло бы пользоваться влиянием духовенства, но связь между троном и алтарем так тесна, что весьма редко приходилось видеть знамя церкви развевающимся на стороне народа[1].Воинственное дворянство и непреклонные общины, привязанные к земле, способные защищаться с оружием в руках и собирающиеся на правильно организованные заседания, - вот что составляет единственный противовес, способный оградить свободные учреждения от захватов честолюбивого государя.

Все преграды, охранявшие римскую конституцию, были ниспровергнуты громадным честолюбием диктатора, все окопы были срыты до основания безжалостной рукой триумвиров. После победы при Акциуме судьба римского мира зависела от воли Октавиана, прозванного Цезарем вследствие его усыновления дядей и впоследствии Августом вследствие угодливости сената. Победитель находился во главе сорока четырех легионов[2], которые состояли из ветеранов, сознававших свою собственную силу и слабость конституции, привыкших во время двадцатилетней междоусобной войны ко всякого рода кровопролитиям и насилиям и страстно преданных семейству Цезаря, от которого они получали и надеялись впредь получать самые щедрые награды. Провинции, долго томившиеся под гнетом уполномоченных республики, вздыхали о единоличном правителе, который был бы повелителем, а не сообщником этих мелких тиранов. Римский народ, смотревший с тайным удовольствием на унижение аристократии, просил только "хлеба и зрелищ" и получал то и другое от щедрот Августа. Богатые и образованные

италийцы, почти все без исключения придерживавшиеся философии Эпикура, наслаждались благами удобной и спокойной жизни и вовсе не желали, чтобы их сладкое усыпление было прервано воспоминаниями об их прежней шумной свободе. Вместе со своей властью сенат утратил свое достоинство; многие из самых благородных родов пресеклись; самые отважные и самые способные республиканцы погибли на полях битв или в изгнании[3)]. Двери сената были с намерением открыты для смешанной толпы более чем в тысячу человек, которые бесчестили свое сенаторское звание вместо того, чтобы пользоваться связанным с ним почетом[4)].

Реформа сената была одним из тех первоначальных преобразований, в которых Август старался выказать себя не тираном, а отцом своего отечества. Он был избран цензором и при содействии своего верного друга Агриппы пересмотрел список сенаторов; он исключил некоторых из них, отличавшихся такими пороками или таким упорством, что было необходимо показать на них пример строгости[5)]; около двухсот из них он убедил добровольно отказаться от своего звания во избежание срама быть исключенными; он установил, что впредь сенатором может быть только тот, у кого не менее 10 000 ф. ст. состояния, возвел значительное число родов в звание патрициев и сам принял почетный титул принцепса сената[6)], который обыкновенно давался цензорами тому гражданину, который всех более отличался своими личными достоинствами и заслугами[7)]. Но восстанавливая таким способом достоинство сената, он вместе с тем уничтожал его самостоятельность. Принцип свободных учреждений безвозвратно утрачивается, если представителей законодательной власти назначает тот, в чьих руках находится власть исполнительная[8)].

Перед собранием, таким образом составленным и подготовленным, Август произнес тщательно обдуманную речь, в которой старался выказать свой патриотизм и скрыть свое честолюбие. "Он скорбел о своем прежнем поведении, но старался оправдать его. Сыновняя привязанность требовала, чтобы он отомстил убийцам отца; человеколюбие его собственного характера иногда должно было умолкать перед суровыми законами необходимости и перед вынужденным союзом с двумя недостойными товарищами: пока Антоний был жив, интересы республики не дозволяли ему отдавать ее во

власть развращенного римлянина и варварской царицы. Теперь ничто не мешает ему исполнять свой долг и поступить согласно со своими наклонностями. Он торжественно возвращал сенату и народу все их прежние права и желал только одного - смешаться с толпою своих сограждан и разделить с ними те блага, которые он доставил своему отечеству"[9].

Нужно бы было перо Тацита (если бы Тацит присутствовал на этом заседании), чтобы описать различные чувства, волновавшие сенаторов, - как те чувства, которые были подавлены, так и те, которые были притворны. Верить в искренность Августа было бы опасно, но выказать недоверие к ней было бы еще более опасно. Относительные выгоды монархии и республики нередко взвешивались мыслителями, а в настоящем случае и громадность Римского государства, и развращенность нравов, и распущенность солдат доставляли защитникам монархии новые аргументы; сверх того, к этим общим взглядам на систему управления примешались надежды одних сенаторов и опасения других. Среди этого общего смущения сенаторы дали единогласный и решительный ответ. Они отказались принять отречение Августа и умоляли его не покидать республику, которую он спас. После приличного сопротивления искусный тиран подчинился воле сената и согласился принять на себя управление провинциями и главное начальство над римскими армиями под хорошо известными именами *проконсула* и *императора*[10]. Но он согласился принять на себя эту власть только на десять лет. Он надеялся, что даже прежде истечения этого периода раны, нанесенные внутренними раздорами, совершенно залечатся и республика, восстановив свои прежние силы и энергию, более не будет нуждаться в опасном вмешательстве должностного лица, облеченного такими экстраординарными полномочиями. Воспоминание об этой комедии, несколько раз повторявшейся в течение жизни Августа, сохранилось до последних времен империи в той чрезвычайной торжественности, с которой несменяемые римские монархи постоянно праздновали десятый год своего царствования[11].

Начальник римских армий мог, без малейшего нарушения принципов конституции, пользоваться почти деспотической властью над солдатами, над врагами и над подданными республики. Что касается солдат, то в них преданность свободе, еще с первых веков Рима, уступила место жажде завоеваний

и строгому подчинению военной дисциплине. Диктатор или консул имел право требовать от римских юношей военной службы; он имел право за упорство или неповиновение из трусости налагать самые строгие и позорные наказания, мог исключить виновного из списка граждан, конфисковать его имущество и продать его в рабство[12]. Самые священные права свободы, обеспеченные законами Порция и Семпрония, прекращались с поступлением в военную службу. В своем лагере военачальник*) имел неограниченное право присуждать к смертной казни; в своей расправе он не стеснялся никакими формами суда или правилами судопроизводства, а его приговор исполнялся немедленно и был безапелляционным[13].

Законодательной власти принадлежало право решать, с какими врагами должен сражаться Рим. Самые важные решения касательно мира и войны обсуждались сенатом и торжественно утверждались народом. Но когда легионы находились на большом расстоянии от Италии, легаты присваивали себе право объявлять войну по своему усмотрению какому бы то ни было народу и вести ее так, как, по их мнению, было более сообразно с общественной пользой. Почестей триумфа они ожидали не от основательности предприятия, а от его успеха. В пользовании победой они поступали с самым безграничным деспотизмом, в особенности с тех пор, как их перестали стеснять надзором сенатских комиссаров. Когда Помпей начальствовал на Востоке, он раздавал награды солдатам и союзникам, свергал государей с престолов, делил царства на части, основывал колонии и распределял сокровища Митридата. После его возвращения в Рим все, что он сделал, было одобрено единственным сенатским и народным постановлением[14]. Такова была частью законная, частью самопроизвольно захваченная власть командиров над солдатами и над врагами Рима. Они были губернаторами или скорее монархами завоеванных провинций и в то же самое время пользовались как гражданской, так и военной властью, отправляли правосудие, заведовали финансами, были представителями как исполнительной, так и законодательной государственной власти[15].

*)Высший командный состав - легаты (командовали легионами) и военные трибуны; и те и другие назначались из сенаторского сословия. Вспомогательными отрядами, лагерями, снабжение армии, в том числе оружием, ведали префекты, выходцы из всаднического сословия. (*Примеч. ред.*)

Из того, что уже было изложено в первой главе этого сочинения, можно составить себе довольно ясное понятие об армиях и провинциях, вверенных управлению Августа. Но так как он не мог лично командовать над легионами, рассеянными по различным пограничным провинциям, то сенат дал ему такое же право, какое было даровано Помпею, - право поручать исполнение его высоких обязанностей достаточному числу заместителей. По своему рангу и авторитету эти лица военного звания, по-видимому, были не ниже прежних проконсулов, но их положение было зависимое и непрочное. Они назначались по выбору высшего начальника, *благотворному* влиянию которого приписывались все их достохвальные подвиги[16]. Одним словом, они были только представителями императора, который был единственным военачальником и власть которого, как гражданская, так и военная,простиралась на все римские завоевания. Впрочем,сенат находил для себя некоторое удовлетворение в том, что только между его членами император избирал тех, кому передавал свою власть. Императорские заместители были по своему званию или консулы,или преторы; легионами командовали сенаторы, а должность египетского префекта была единственная важная должность, вверенная римскому всаднику.

Через шесть дней после того, как Август был вынужден принять такой щедрый дар, он решился удовлетворить гордость сената неотяготительным самопожертвованием. Он обратил внимание сенаторов на то, что они расширили его полномочия в большей мере, чем этого требовали печальные условия времени. Они не позволили ему отказаться от обременительного командования армиями и от охраны границ, но он настоятельно просил позволить ему восстановить в самых мирных и безопасных провинциях мягкое управление гражданских должностных лиц. При разделении провинций Август имел в виду и обеспечение своей собственной власти,и достоинство республики*). Назначавшиеся сенатом проконсулы, в особенности те, которые находились в Азии, Греции и Африке, пользовались более почетными отличиями, нежели заместители императора, командовавшие в Галлии или в Сирии. Первых сопровождали ликторы, а последних - простые солдаты[17]. Поэтому был издан закон, в силу которого

*) То есть передать внутренние провинции, в которых не стояли легионы, под управление сената. (*Примеч. ред.*)

где бы ни находился император, его чрезвычайные полномочия отменяют обыкновенные полномочия проконсула; было также введено обыкновение, что новые завоевания принадлежат ведению императора; затем всем скоро стало ясно, что власть принцепса (это был любимый эпитет Августа) одна и та же во всех частях империи.

Взамен этой воображаемой уступки Август получил важное право, сделавшее его хозяином Рима и Италии. Для него сделано было опасное исключение из установленных исстари правил: ему было дозволено удержать за собою военное командование и содержать при себе многочисленный отряд гвардии даже в мирное время и в самом центре столицы. Эта власть, в сущности, простиралась только на тех граждан, которые были привязаны к службе воинской присягой; но такова была склонность римлян к раболепию, что эту присягу добровольно принимали должностные лица, сенаторы и сословие всадников, пока эта дань лести не превратилась мало-помалу в ежегодное и торжественное заявление преданности.

Хотя Август считал военную силу за самую прочную основу правительства, однако он имел достаточно благоразумия, чтобы видеть в ней отвратительное орудие управления. И для его характера, и для его политики было гораздо приятнее царствовать под почтенными титулами древней магистратуры и искусственным образом сосредоточить на своей собственной особе все разбросанные лучи гражданской юрисдикции. В этих видах он дозволил сенату возложить на него на всю его жизнь консульские права[18] и трибунские обязанности[19], которые точно таким же способом передавались всем его преемникам. Консулы заменили римских царей и были представителями государственного достоинства. Они смотрели за религиозными церемониями, набирали легионы и командовали ими, давали аудиенции иностранным послам и председательствовали как на собраниях сената, так и на собраниях народа. Им был вверен общий контроль над финансами, и, хотя они редко имели время, чтобы лично отправлять правосудие, они считались верховными охранителями законов, справедливости и общественного спокойствия. Такова была обыкновенная сфера их деятельности; но когда сенат возлагал на этих высших сановников заботу о безопасности республики, они вследствие такого декрета становились вы-

ше законов и для защиты свободы временно превращались в диктаторов[20].

Характер трибунов был во всех отношениях отличен от характера консулов. Внешность первых была скромная и смиренная, но их личность была священна и неприкосновенна. Их сила была годна не столько для действия, сколько для противодействия. Их назначением было - защищать угнетенных, прощать обиды, призывать к ответу врагов республики и, когда найдут нужным, приостанавливать одним словом всю правительственную машину. Пока существовала республика, некоторые важные ограничения ослабляли опасность того влияния, которое могло быть приобретено консулами и трибунами при исполнении их важных обязанностей. Их власть прекращалась вместе с истечением того года, в котором они были выбраны; консульские обязанности делились между двумя лицами, трибунские - между десятью, а так как и на свои личные, и на общественные интересы те и другие смотрели с противоположных точек зрения, то их взаимные столкновения большей частью скорее поддерживали, нежели нарушали, конституционное равновесие[21]. Но когда консульские и трибунские права были соединены вместе, когда ими было облечено одно лицо, когда верховный военачальник сделался в одно и то же время уполномоченным от сената и представителем римского народа, тогда оказалось невозможным ни противиться императорской власти, ни даже определить ее границы. Ко всем этим отличиям политика Августа скоро присовокупила блестящие и важные звания первосвященника и цензора. Благодаря первому из этих званий он получал в свое заведование все, что касалось религии, а благодаря второму - законное право надзирать за нравами и состоянием римского народа. Если же оказывалось, что трудно соединять в одном лице столь различные и столь самостоятельные полномочия, то угодливость сената была готова исправлять все неудобства путем самых широких и самых чрезвычайных уступок. Императоры в качестве первых сановников республики были освобождены от ответственности за неисполнение многих стеснительных законов; они имели право созывать сенат, предлагать на обсуждение по нескольку вопросов в один день, рекомендовать кандидатов на высшие государственные должности, расширять пределы города, распоряжаться по своему ус-

мотрению государственными доходами, заключать мир, объявлять войну, утверждать мирные договоры, и, наконец, в силу еще более обширных полномочий, им было предоставлено право делать все, что они найдут полезным для империи и согласным с интересами частными или общественными, с законами человеческими или божескими[22].

Когда все разнообразные функции исполнительной власти были вверены одному лицу, остальным должностным лицам пришлось влачить свое существование в неизвестности, в бессилии и почти без всяких деловых занятий. Названия и формы прежней администрации Август оберегал с самым заботливым старанием. Консулы, преторы и трибуны[23] ежегодно возводились в эти звания в установленном числе и попрежнему исполняли некоторые из своих самых неважных обязанностей. Однако эти почетные места все еще казались привлекательными для тщеславного честолюбия римлян; даже сами императоры, будучи облечены пожизненными консульскими полномочиями, все-таки нередко добивались звания консула, избираемого на один год, и не считали для себя унизительным разделять его с самыми знаменитыми из своих сограждан[24]. При избрании этих сановников в царствование Августа народу не мешали выставлять напоказ все неудобства, происходящие от необузданной демократии. Этот хитрый государь не только не обнаруживал в подобных случаях ни малейших признаков неудовольствия, но смиренно ходатайствовал о подаче голосов в его пользу или в пользу его друзей и с точностью исполнял все обязанности обыкновенного кандидата[25]. Но мы имеем основание приписать влиянию его советов первое мероприятие следующего царствования, заключавшееся в том, что эти выборы были перенесены в сенат[26]. Народные собрания были навсегда уничтожены, и императоры таким образом избавились от опасности иметь дело с народной массой, которая не была способна восстановить свободу, а могла лишь расстроить или, может быть, даже разрушить установившуюся систему управления.

Объявив себя покровителями народа, Марий и Цезарь ниспровергли конституцию своей страны. Но лишь только сенат был унижен и обезоружен, оказалось, что это собрание, состоявшее из пятисот или шестисот членов, может быть весьма удобным и полезным орудием деспотизма. Опираясь именно на влияние сената, Август и его преемники основали свое но-

вое господство; при всяком удобном случае они делали вид, будто придерживаются и языка и принципов патрициев. Управляя на основании своих собственных полномочий, они нередко обращались за советом к великому традиционному собранию и, по-видимому, предоставляли его решению самые важные вопросы о мире и войне. И Рим, и Италия, и внутренние провинции империи состояли в непосредственном ведении сената. Для гражданских дел он был высшей апелляционной инстанцией, а в сфере уголовной он ведал преступления должностных лиц и те, которые нарушали спокойствие или затрагивали величие римского народа. Пользование своими судейскими правами сделалось самым обыкновенным и самым серьезным занятием сената, а разбиравшиеся в нем важные тяжбы были последним убежищем для старой наклонности к ораторскому красноречию. В качестве высшего государственного совета и высшей судебной инстанции сенат пользовался весьма значительными прерогативами, но в сфере законодательной, в которой он считался представителем народа, за ним признавались права верховной власти. Всякая власть считалась исходящей из его авторитета, и всякий закон нуждался в его санкции. Он собирался регулярно три раза в месяц - в календы, ноны и иды. Прения велись с достаточной свободой, и сами императоры, гордившиеся своим званием сенаторов, присутствовали на заседаниях и подавали голос, присоединяясь к какой-нибудь группе своих сотоварищей.

Если мы захотим обрисовать в немногих словах систему императорского управления в том виде, как она была установлена Августом и как она поддерживалась теми из его преемников, которые хорошо понимали и свои собственные интересы, и интересы народа, то мы скажем, что это была абсолютная монархия, прикрывавшаяся республиканскими формами. Властелины римского мира окружали свой трон полумраком; они старались скрыть от своих подданных свое непреодолимое могущество и смиренно выдавали себя за ответственных уполномоченных сената, верховные декреты которого они сами и диктовали, и исполняли[27].

Внешний вид двора соответствовал формам управления. За исключением тех тиранов, которые, предаваясь своим безумным страстям, попирали все законы природы и приличий, императоры избегали пышных церемоний, которые

могли оскорбить их соотечественников, но не могли ничего прибавить к их могуществу. Во всех житейских делах они смешивались со своими подданными и обходились как с равными, обмениваясь с ними визитами и проводя время в их обществе. Их одежда, жилище, стол были такие же, как у любого из богатых сенаторов. Их домашняя прислуга была многочисленна и даже блестяща, но она состояла исключительно из рабов и вольноотпущенных[28]. И Август и Траян покраснели бы от стыда, если бы им пришлось употребить самого незначительного из римлян на те низкие должности, которых так жадно ищут при дворе и в спальне ограниченного монарха самые гордые из английских аристократов.

Обоготворение императоров[29] представляет единственный случай, в котором они уклонились от своей обычной осторожности и скромности. Азиатские греки были первыми изобретателями, а преемники Александра - первыми предметами этого раболепного и нечестивого вида лести. Он был без труда перенесен с азиатских монархов на тамошних губернаторов, и римским сановникам стали очень часто поклоняться, как местным божествам, с такою же пышностью алтарей и храмов, с такими же празднествами и жертвоприношениями[30]. Понятно, что императоры не могли отказываться от того, что принимали проконсулы, а божеские почести, которые воздавались тем и другим в провинциях, свидетельствовали скорее о деспотизме Рима, нежели о его рабстве. Но завоеватели скоро начали подражать побежденным народам в искусстве льстить, и первый из Цезарей благодаря своему высокомерию без труда согласился занять еще при жизни место среди богов - покровителей Рима. Умеренность Августа заставила его уклониться от такой опасной почести, и от нее впоследствии отказывались все императоры, за исключением Калигулы и Домициана. Правда, Август позволил некоторым провинциальным городам воздвигать в его честь храмы с тем условием, чтобы поклонение Риму соединялось с поклонением государю, и допускал частные суеверия, предметом которых была его особа[31]; но сам он довольствовался преклонением сената и народа пред его человеческим величием и благоразумно предоставил своему преемнику позаботиться о его обоготворении. Отсюда возник постоянный обычай, что по смерти каждого императора, который жил и умер не так, как живут и умирают тираны, сенат возводил

его торжественным декретом в число богов, а церемония его апофеоза соединялась с церемонией его похорон. Это легальное и, по-видимому, оскорбляющее здравый смысл богохульство несовместимо с нашими строгими принципами, но при невзыскательности политеизма оно вызывало лишь очень слабый ропот[32]; впрочем, в нем видели не религиозное, а политическое установление. Мы унизили бы достоинства Антонинов, если бы стали сравнивать их с пороками Геркулеса и Юпитера. Даже Цезарь и Август стояли по своему характеру гораздо выше этих популярных богов. Но их положение было менее выгодно потому, что они жили в просвещенном веке и все их действия были занесены на страницы истории с такой точностью, которая не допускает примеси вымысла и таинственности, необходимых для внушения простому народу чувства благоговения. Лишь только их божественность была признана законом, она подверглась общему забвению, ничего не прибавив ни к их собственной славе, ни к величию их преемников[33].

Говоря о введении императорской системы управления, мы не раз умоминали о ее искусном основателе, называя его хорошо известным именем Августа; но это имя было дано ему только тогда, когда заложенное им здание было почти вполне окончено. Он носил имя Октавиана и происходил из незнатной семьи, жившей в маленьком городке Ариции*)[34]. Это имя было запятнано кровью, пролитой во время политических казней; и он очень желал - если бы только это было возможно - изгладить воспоминания о своей прежней жизни. Благодаря тому что он был усыновлен диктатором, он принял знаменитое имя Цезаря, но он имел достаточно здравого смысла, чтобы не надеяться, что его будут смешивать с этим необыкновенным человеком, и чтобы не желать никаких с ним сравнений. Сенату было предложено почтить главу государства новым наименованием, и после серьезных прений выбор остановился на имени Август, потому что оно всего лучше выражало миролюбие и благочестие, которые он постоянно старался выказывать[35]. Таким образом имя *Август* сделалось личным наименованием, а имя *Цезарь* - фамильным отличием. Первое, естественно, должно было умереть со смертью государя, которому оно было дано, а хотя последнее и поддерживалось путем усыновлений и брачных союзов,

---

*) Ариция - город в Лации. (*Примеч. ред.*)

все-таки Нерон был последним императором, который мог заявлять притязания на честь происхождения от рода Юлиев. Тем не менее, когда он умер, столетняя привычка неразрывно связала эти два наименования с императорским достоинством, и эта связь поддерживалась длинным рядом монархов римских, греческих, французских и германских со времен падения республики до настоящего времени. Впрочем, вскоре возникло различие между этими двумя титулами: священный титул Августа сделался исключительной принадлежностью царствующих государей, а названием Цезари стали обозначать его родственников; по крайней мере со времен Адриана это звание было присвоено второй особе в государстве, считавшейся наследником императора[36].

Почтительное отношение Августа к свободным учреждениям, которые он сам уничтожил, будет для нас понятно только тогда, когда мы внимательно изучим характер этого хитрого тирана. Холодный ум, бесчувственное сердце и трусливый характер заставили его, когда ему было девятнадцать лет, надеть на себя маску лицемерия, которую он впоследствии никогда не снимал. Одной и той же рукой и, вероятно, с одним и тем же хладнокровием он подписывал и смертный приговор Цицерону, и помилование Цинны. Его добродетели, даже его пороки были поддельные, и, сообразуясь с тем, чего требовали его личные интересы, он сначала был врагом римского мира, а в конце концов сделался его отцом[37]. Когда он создавал хитрую систему императорского управления, его сдержанность была внушена опасениями. Он хотел обмануть народ призраком гражданской свободы и обмануть армию призраком гражданской системы управления.

1. У него постоянно была перед глазами смерть Цезаря. Своих приверженцев он осыпал богатствами и почестями, но ведь самые близкие друзья его дяди были в числе заговорщиков. Преданность легионов могла бы охранить его власть против открытого восстания, но их бдительность не могла уберечь его особу от меча какого-нибудь энергичного республиканца, а римляне, чтившие память Брута[38], отнеслись бы с одобрением к подражателю его доблести. Цезарь сам вызвал свой печальный конец столько же тщеславным выставлением своего могущества, сколько его беспредельностью. Под именем консула или трибуна он мог бы властвовать спокойно, но титул царя заставил римлян желать его

смерти. Август хорошо понимал, что человечество управляется громкими словами, и он не ошибался в своем ожидании, что сенат и народ подчинятся рабской зависимости, если только их будут почтительно уверять, что они все еще пользуются прежней свободой. Бессильный сенат и расслабленный народ охотно предавались этой приятной иллюзии, пока она поддерживалась добродетелями или даже одним благоразумием преемников Августа. Не принцип свободы, а чувство самосохранения воодушевило убийц Калигулы, Нерона и Домициана. Они направляли свои удары против личности тирана, а не против императорской власти.

Один только раз сенат, после семидесятилетнего терпения, сделал безуспешную попытку восстановить свои давно забытые права. Когда вследствие умерщвления Калигулы престол сделался вакантным, консулы созвали сенат в Капитолии, осудили память Цезарей, назначили слово *свобода* паролем для немногих когорт, нерешительно ставших под их знамя, и в течение двух суток действовали как самостоятельные начальники свободной республики. Но в то время как они совещались, преторианская гвардия все решила. Брат Германика безумный Клавдий уже находился в их лагере и, облекшись в императорскую мантию, был готов поддерживать свое избрание силой оружия. Мечта о свободе исчезла, и сенат понял, что его ожидают все ужасы неизбежного рабства; народ покинул его, а войска грозили ему насилием; тогда это бессильное собрание было вынуждено утвердить выбор преторианцев и воспользоваться амнистией, которую Клавдий имел благоразумие предложить ему и достаточно великодушия, чтоб не нарушить[39].

II. Еще более тревожные опасения внушала Августу дерзость армии. Отчаяние граждан могло только покушаться на то, что физическая сила солдат была способна привести в исполнение во всякое время. Могла ли быть надежной его собственная власть над людьми, которых он сам научил нарушать все общественные обязанности? Он уже слышал их мятежные возгласы; теперь он боялся спокойных моментов их размышления. Одна революция была куплена громадными денежными наградами, но другая революция могла доставить награды еще более крупные. Войска выказывали самую искреннюю привязанность к роду Цезаря, но привязанности народной толпы прихотливы и непостоянны. Август поста-

рался извлечь для себя пользу из старых предрассудков, сохранившихся в этих непокорных умах; он усилил строгость дисциплины, наложив на них санкцию закона, и, опираясь на сенат как на посредника между императором и армией, стал смело требовать покорности в качестве первого сановника республики[40].

В течение длинного, двухсотдвадцатилетнего периода, со времени введения этой искусной системы до смерти Коммода, опасности, присущие военному управлению, были в значительной степени устранены. Солдаты редко доходили до того пагубного сознания своей собственной силы и слабости гражданской власти, которое и прежде, и впоследствии было источником столь страшных бедствий. Калигула и Домициан были умерщвлены в своем дворце своей собственной прислугой[41]. Волнения, потрясавшие Рим после смерти первого из этих императоров, не переходили за черту города. Но гибель Нерона отозвалась на всей империи. В течение восемнадцати месяцев четыре государя пали под ударами меча, и весь римский мир был потрясен ожесточенной борьбой враждующих армий. За исключением этого буйного, но непродолжительного взрыва солдатского своеволия, двести лет - со смерти Августа до царствования Коммода - протекли без пролития крови в междоусобицах и без революционных потрясений. Императоры избирались *по воле сената* и *с одобрения солдат*[42]. Легионы соблюдали данную ими клятву в верности, и самое тщательное изучение римских летописей указывает нам только три незначительных восстания, которые правительство успело подавить в несколько месяцев, даже не подвергаясь риску решительного сражения[43].

Когда в избирательных монархиях престол делается вакантным, наступает момент раздоров и опасностей. Для того чтобы легионы не могли воспользоваться этой минутой и сделать неправильный выбор, римские императоры уделяли своему преемнику такую значительную долю верховной власти, что после их смерти он спокойно вступал в обладание и всеми остальными императорскими прерогативами, а империя даже не замечала, что у нее новый властелин. Таким образом Август возложил свои последние надежды на Тиберия, после того как преждевременная смерть похитила более дорогих для него людей; он предоставил своему преемнику звания цензора и трибуна и настоял на издании закона, в силу

которого будущий государь был облечен одинаковою с ним самим властью как над провинциями, так и над армиями[44]. Таким же способом Веспасиан подчинил своему влиянию благородный ум своего старшего сына. Тита обожали восточные легионы, только что завершившие под его командованием завоевание Иудеи. Его влияние внушало опасения, а так как его добродетели были запятнаны увлечениями его молодости, то его заподозрили в честолюбивых замыслах. Вместо того чтобы разделять эти низкие подозрения, благоразумный монарх разделил с Титом полномочия императорского достоинства, и признательный сын всегда вел себя как почтительный и верный исполнитель воли столь снисходительного отца[45].

Действительно, здравый смысл Веспасиана заставлял его принимать всякие меры, чтобы упрочить свое недавнее и случайное возведение на престол. Столетняя привычка заставляла смотреть и на воинскую присягу, и на верность армии как на принадлежность имени и дома Цезарей, и, хотя этот дом не прекращался только благодаря фиктивным усыновлениям, все-таки в лице Нерона римляне чтили внука Германика и преемника Августа по прямой нисходящей линии. Вот почему преторианская гвардия неохотно и с угрызениями совести склонилась на убеждения не вступаться за этого тирана[46]. Быстрое падение Гальбы, Отона и Вителлия научило войска смотреть на императоров как на создания *их* воли и как на орудия *их* своеволий. Веспасиан был незнатного происхождения: его дед был простой солдат, его отец занимал незначительную должность в финансовом управлении[47], и его личные заслуги были скорее солидны, нежели блестящи, а его добродетели омрачались строгою и даже скряжнической бережливостью. Такой государь поступал согласно со своими истинными интересами, когда брал в товарищи сына, который благодаря своим более блестящим и более привлекательным качествам мог отвлечь общественное внимание от незнатности происхождения Флавиев и направить его на будущий блеск этого дома[48]. Под мягким управлением Тита римский мир наслаждался временным счастьем, а память о нем была так дорога, что в течение более пятнадцати лет заставляла прощать пороки его брата Домициана[49].

Лишь только Нерва принял императорское достоинство,

предложенное ему убийцами Домициана, он тотчас понял, что при своих преклонных летах он не будет в состоянии приостановить поток общественных беспорядков, беспрестанно возобновлявшихся во время продолжительной тирании его предшественника. Его кроткий нрав внушал уважение честным людям, но выродившимся римлянам был нужен человек с более энергичным характером, способный наводить страх на виновных. Хотя у него было немало родных, он остановил свой выбор на постороннем человеке. Он усыновил Траяна, которому было тогда около сорока лет и который командовал огромной армией в Нижней Германии, и немедленно объявил его, путем сенатского декрета, своим товарищем и преемником[50)]. Нельзя не выразить искреннего сожаления о том, что история утомляет нас отвратительными подробностями преступлений и безрассудств Нерона, тогда как сведения о деяниях Траяна нам приходится собирать при слабом мерцании сокращенных рассказов или при сомнительном свете панегириков. Впрочем, до нас дошел такой панегирик, который стоит выше всяких подозрений в лести. По прошествии более двухсот пятидесяти лет после смерти Траяна сенат, выражая обычные приветствия новому императору, пожелал, чтобы он превзошел Августа в счастье, а Траяна в добродетелях[51)].

Нам нетрудно поверить, что государь, столь сильно любивший свое отечество, колебался, вверять ли верховную власть своему родственнику Адриану, характер которого был изменчив и сомнителен. Но в последние минуты жизни Траяна хитрая императрица Плотина или сумела рассеять его сомнения, или имела смелость сослаться на мнимое усыновление[52)], достоверность которого было бы не безопасно проверять, и Адриан был мирно признан его законным преемником. В его царствование империя процветала в мире и благоденствии. Он поощрял искусства, исправил законы, усилил военную дисциплину и лично объезжал все провинции. Его обширный и деятельный ум был одинаково способен и проникаться самыми широкими идеями, и входить в самые мелкие подробности гражданского управления. Но его господствующими наклонностями были любознательность и тщеславие. Смотря по тому, какая из этих наклонностей брала верх или находила для себя возбуждение в окружающих условиях жизни, Адриан был попеременно то отличным государем, то

смелым софистом, то недоверчивым тираном. Общий характер его образа действий достоин похвалы вследствие его справедливости и умеренности. Однако в первые дни своего царствования он казнил четырех сенаторов-консуляров, потому что это были его личные враги и потому что это были люди, считавшиеся достойными императорского звания, а утомление от мучительной болезни сделало его под конец жизни раздражительным и жестоким. Сенат колебался, причислить ли его к богам или отнести к разряду тиранов; только благодаря настояниям благочестивого Антонина было решено почтить его память приличными почестями[53].

Каприз руководил Адрианом при выборе преемника. Перебрав в своем уме несколько выдающихся людей, которых он в одно и то же время и уважал и ненавидел, он усыновил Элия Вера, веселого и сластолюбивого аристократа, обратившего на себя внимание любовника Антиноя[54] своей необыкновенной красотой. Но в то время как Адриан восхищался своим собственным выбором и радостными возгласами солдат, согласие которых он купил громадными подарками, преждевременная смерть вырвала нового Цезаря[55] из его объятий. У Элия Вера остался только один сын. Адриан рекомендовал этого мальчика Антонинам, полагаясь на их признательность. Он был усыновлен Антонином Благочестивым и при вступлении на престол Марка Антонина был облечен равною с ним долей верховной власти. При множестве пороков этого юного Вера у него была одна добродетель - слепая покорность перед его более опытным товарищем, которому он охотно предоставил тяжелые заботы управления. Император-философ скрывал его безрассудства, сожалел о его ранней смерти и набросил покров приличия на его память.

Лишь только Адриан, удовлетворивши свою страсть, должен был отказаться от своих надежд, он решился заслужить признательность потомства выбором себе преемника с самыми возвышенными достоинствами. Его проницательный ум остановился на одном сенаторе, которому было около пятидесяти лет и который в течение всей своей жизни безупречно исполнял все свои служебные обязанности, и на одном юноше, которому было около семнадцати лет и который обещал сделаться в зрелом возрасте образцом всех добродетелей; старший из них был объявлен сыном и преемником Адриана с тем условием, что он немедленно усыновит младшего. Оба

Антонина (так как здесь о них идет речь) управляли империей в течение сорока двух лет постоянно с одинаковой мудростью и доблестью. Хотя у Антонина Пия было два сына[56)], он предпочел благоденствие Рима интересам своего семейства, выдал свою дочь Фаустину за молодого Марка, испросил для него у сената трибунские и проконсульские полномочия и, с благородным отвращением к чувству зависти или скорее с благородным непониманием такого чувства, разделил с ним все труды управления. Марк, со своей стороны, уважал своего благодетеля, любил его как отца, повиновался ему как своему государю[57)], а после его смерти руководствовался в делах управления примером и правилами своего предшественника. Эти два царствования представляют едва ли не единственный период истории, в котором счастье громадного народа было единственною целью правительства.

Тит Антонин Пий был справедливо прозван вторым Нумой[*)]. Одна и та же любовь к религии, к справедливости и к миру была отличительной чертой обоих государей. Но положение императора открывало более широкое поле деятельности для его добродетелей. Нума мог только удерживать жителей нескольких деревень от взаимного грабежа земных продуктов, тогда как Антонин поддерживал порядок и спокойствие в большей части земного шара. Его царствование отличается тем редким достоинством, что доставляет очень мало материалов для истории, которая, в сущности, не многим отличается от списка преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода[58)]. В частной жизни он был приветлив и добр. Его врожденное простодушие было чуждо чванства или притворства. Он с умеренностью пользовался выгодами своего положения и невинными общественными удовольствиями[59)], а его сердечное добродушие отражалось в приятном спокойствии его характера.

Достоинства Марка Аврелия Антонина казались более суровыми и более выработанными[60)]. Они были плодом бесед с учеными, усидчивого труда и ночей, проведенных в занятиях. Когда ему было двенадцать лет, он принял суровую систему стоиков и научился у них подчинять тело уму, а страсти рассудку; он научился у них считать добродетель за единственное благо, порок за единственное зло, а все внеш-

*) Нума Помпилий, сабинянин, - преемник Ромула, второй римский царь, который, по данным традиции, проводил мирную политику; царь-реформатор, учредивший культы, создавший жреческие и религиозные коллегии. (*Примеч. ред.*)

ние предметы за нечто совершенно безразличное[61]. Его "Размышления", написанные среди шумной лагерной жизни, дошли до нас; он даже снисходил до того, что давал уроки философии с такой публичностью, которая едва ли совместима со скромностью мудреца и с достоинством императора[62]. Но вся его жизнь была самым благородным комментарием принципов Зенона. Он был строг к самому себе, снисходителен к чужим недостаткам, справедлив и благосклонен ко всем. Он сожалел о том, что Авидий Кассий, возбудивший восстание в Сирии, окончил свою жизнь самоубийством[63] и тем лишил его удовольствия превратить недруга в друга, а искренность этого сожаления он доказал тем, что старался смягчить строгие меры сената касательно приверженцев бунтовщика[64]. Он ненавидел войну, считая ее бедствием для человечества, но, когда необходимость справедливой обороны заставила его взяться за оружие, он без колебаний подверг себя опасностям восьми зимних кампаний на холодных берегах Дуная, которые в конце концов оказались гибельными для его слабого сложения. Признательное потомство всегда чтило его память, и более чем через сто лет после его смерти еще многие хранили его изображение вместе с изображениями своих домашних богов[65].

Если бы у кого-нибудь спросили, в течение какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен бы был без всяких колебаний назвать тот период, который протек от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода. Римская империя на всем своем громадном пространстве управлялась абсолютной властью, руководительницами которой были добродетель и мудрость. Армии сдерживались твердою и вместе с тем мягкою рукой четырех следовавших один за другим императоров, которые внушали невольное уважение и своим характером, и своим авторитетом. Формы гражданского управления тщательно охранялись и Нервой, и Траяном, и Адрианом, и Антонинами, которые наслаждались внешним видом свободы и находили удовольствие в том, что выдавали себя за ответственных представителей закона. Такие государи были бы достойны чести сделаться восстановителями республики, если бы римляне того времени были способны пользоваться разумной свободой.

За свои труды, постоянно сопровождавшиеся успехом, эти

монархи были с избытком вознаграждены и тем, что могли честно гордиться своими заслугами, и тем, что могли с наслаждением созерцать то общее благоденствие, которое было делом их собственных рук. Однако одно основательное и грустное размышление отравляло для них самые благородные из человеческих наслаждений. Им не раз приходилось задумываться над непрочностью того благополучия, которое зависит от характера только одного человека. Может быть, уже приближался тот гибельный момент, когда какой-нибудь распутный юноша или какой-нибудь завистливый тиран употребит на дело разрушения ту абсолютную власть, которой они пользовались для блага народа. Узда, которую налагали сенат и законы, была воображаемая: она могла выставлять в более ярком свете добродетели императоров, но не могла сдерживать их порочных наклонностей. Военная сила была слепым и непреодолимым орудием угнетения, а испорченность римских нравов всегда доставила бы льстецов, готовых одобрять, и приближенных, готовых удовлетворять жадность, сластолюбие или жестокосердие властелина.

Эти мрачные опасения находили для себя оправдание в прошлом опыте римлян. Летописи империи представляют нам такие яркие и разнообразные черты человеческого характера, каких мы напрасно стали бы искать в сложных и неопределенных характерах, с которыми знакомит нас новейшая история[66]. В поведении римских императоров мы усматриваем самые крайние границы порока и добродетели, самые высшие совершенства и самую низкую испорченность нашей расы. Золотому веку Траяна и Антонинов предшествовал железный век. Едва ли стоит труда перечислять недостойных преемников Августа. Они спаслись от забвения только благодаря своим неслыханным порокам и благодаря великолепию той арены, на которой они действовали. Мрачный и неумолимый Тиберий, свирепый Калигула, слабоумный Клавдий, развратный и жестокосердый Нерон, зверский Вителлий[67] и бесчеловечный трус Домициан - все они покрыты вечным позором. В течение восьмидесяти лет (за исключением только короткого и нерешительного перерыва в царствование Веспасиана[68]) Рим томился под непрерывной тиранией, истреблявшей древние республиканские фамилии и преследовавшей почти все добродетели и все таланты, какие только проявлялись в этот несчастный период.

Под управлением этих чудовищ к рабской зависимости римлян присоединялись два особых обстоятельства, благодаря которым их положение было более ужасно, чем положение жертв тирании в каком-либо другом веке или в какой-либо другой стране, а именно: воспоминания о прежней свободе и обширность завоеваний. Отсюда проистекали: 1) чрезвычайная чувствительность угнетенных и 2) невозможность спастись от преследований угнетателя.

I. Когда Персия управлялась потомками Сефи, отличавшимися безрассудной жадностью и нередко обагрявшими свой диван, свой стол и свою постель кровью своих фаворитов, один молодой аристократ сказал, что, выходя от султана, он всегда ощупывал, осталась ли цела голова на его плечах. Ежедневный опыт оправдывал недоверие Рустана[69]. Однако висевшая над его головой гибель, как кажется, не тревожила его сна и не нарушала его душевного спокойствия. Он знал, что один гневный взгляд монарха мог обратить его в прах; но удар молнии или паралич могли бы быть одинаково гибельны, а потому благоразумие предписывало не думать о бедствиях, неизбежных в человеческой жизни, и наслаждаться скоротечным счастьем. Он был почтен названием царского раба, и, вероятно, будучи куплен у родителей низкого звания в такой стране, которая осталась навсегда ему неизвестной, он был воспитан с детства в строгой дисциплине сераля[70]. И его имя, и его богатства, и его отличия были подарком господина, который мог, без нарушения справедливости, отобрать все, что дал, назад. Познания Рустана - если действительно у него были какие-нибудь познания - могли только укрепить в нем созданные привычкой предрассудки. В языке, на котором он говорил, не было выражений для какой-либо другой формы правления, кроме абсолютной монархии. История Востока научила его, что таково всегда было положение человеческого рода[71]. И Коран, и истолкователи этой божественной книги внушали ему, что султан - потомок пророка и получил свою власть свыше, что терпение - главная добродетель мусульманина, а беспредельное повиновение - главная обязанность подданного.

Но умы римлян были подготовлены к рабству совершенно иным путем. Под гнетом своей собственной испорченности и военных насилий, они в течение долгого времени сохраняли если не чувства, то по меньшей мере воспоминания своих

свободнорожденных предков. Гельвидий и Фразей, Тацит и Плиний получили такое же образование, как Катон и Цицерон. Из греческой философии они впитали в себя самые основательные и самые благородные понятия о человеческом достоинстве и о происхождении гражданского общества. История их собственной страны внушала им глубокое уважение к свободной, добродетельной и победоносной республике, отвращение к удачным преступным предприятиям Цезаря и Августа и тайное презрение к тем тиранам, которым они были вынуждены поклоняться с самыми гнусными выражениями лести. В качестве сановников и сенаторов они были членами того верховного собрания, которое когда-то предписывало законы всему миру, имя которого еще служило санкцией для императорских декретов и авторитетом которого так часто злоупотребляли для низких целей тирании. И Тиберий, и те императоры, которые придерживались его принципов, старались прикрывать свои злодеяния формами правосудия и, может быть, втайне радовались тому, что делали из сената соучастника и жертву своих жестокостей. Последние из республиканцев были осуждены этим собранием за мнимые преступления и за действительные добродетели. Их гнусные обвинители выражались языком независимых патриотов, преследующих опасного гражданина перед судом его родины, и за такую общественную службу были награждены богатствами и почестями[72]. Раболепные судьи делали вид, будто вступаются за достоинство республики, оскорбленное в лице ее высшего сановника[73], милосердие которого они превозносили в то время, как всего более страшились его неумолимого жестокосердия[74]. Тираны смотрели на их низость со справедливым презрением и отплачивали за их скрытное отвращение искреннею и явною ненавистью ко всему сенату во всем его составе.

II. Разделение Европы на множество самостоятельных государств, связанных одно с другим сходством религии, языка и нравов, имело самые благотворные последствия для свободы человеческого рода. В наше время тиран, который не встречает никакого сопротивления ни в своем собственном сердце, ни в своем народе, скоро почувствовал бы, что его стесняют и пример людей, равных с ним по положению, и опасение порицаний, и советы союзников, и нападки врагов. Предмет его гнева, переступив узкие границы его владений,

легко нашел бы в какой-нибудь более счастливой стране верное убежище, соответствующую его личным достоинствам новую карьеру, свободу жаловаться и, может быть, средства отмщения. Но Римская империя обнимала целый мир, и, когда она подпадала под власть одного человека, весь мир обращался в надежную и страшную тюрьму для его врагов. Жертва императорского деспотизма - все равно, влачила ли она свои позлащенные цепи в Риме и в сенате или томилась в изгнании на бесплодном утесистом Серифе или на холодных берегах Дуная, - ожидала своей участи в безмолвном отчаянии[75]. Сопротивление вело ее к гибели, а бегство было для нее невозможно. Ее со всех сторон окружали обширные моря и страны, через которые не было надежды перебраться, потому что беглец был бы непременно открыт, схвачен и отдан во власть своего разгневанного повелителя. За римскими границами его беспокойные взоры не открыли бы ничего, кроме океана, негостеприимных степей, враждебных варварских племен со свирепыми нравами и непонятным для него языком или зависимых от Рима королей, которые были бы рады приобресть покровительство императора принесением в жертву несчастного беглеца[76]. "Где бы вы ни находились, - сказал Цицерон изгнаннику Марцеллу, - помните, что вы везде одинаково находитесь под властью победителя"[77].

---

1) (В века суеверий это делалось довольно часто не для пользы народа или государства, а ради интересов самой церкви, которая считала все другие интересы второстепенными. Впрочем, влияние пап было иногда полезно тем, что оно сдерживало насилия правителей и смягчало нравы народа. - Венк)

2) Орозий, Y1, 18 (Авторитет Орозия, на который ссылается Гиббон, не имеет большого веса, когда есть другие более веские авторитеты. Дион Кассий (кн. 55, гл. 20) говорит, что у Августа было только двадцать пять легионов. По словам Аппиана, триумвиры располагали не более как сорока тремя легионами после того, как они соединили вместе все свои силы. - Венк)

3) (Это интересное описание заимствовано от Тацита, Анн., кн. 1, гл. 2. - Венк)

4) Юлий Цезарь ввел в сенат солдат, иностранцев и полуварваров. (Светоний, Жизнь Цезаря, гл. 77, 80). Этого рода злоупотребления сделались еще более позорными после его смерти.

5) (Ни Светоний, ни Дион Кассий ничего не говорят об этих последних. При первом намеке со стороны Августа пятьдесят удалились добровольно, а сто сорок последовали этому примеру неохотно. Вместе взятые, они и составляют почти ту цифру двухсот, которую приводит Гиббон. - Венк)

6) (Princeps Senatus. Этот титул не давал особых прав, а был почетным отличием. С тех пор, как он был принят Августом, слово princeps стали употреблять для обозначения верховной власти, и оно, мало-помалу расширяясь в своем значении, перешло из латинского языка в новейшие языки. - Венк). (Оно получило это значение еще прежде того, так как Гораций (кн. 4, Carm. 14) обращается к Августу в следующих выражениях:

- O qua sol habitabiles
Illustrat oras, maxime principum!

В первой оде второй книги, написанной, как полагают, десятью годами ранее, этому слову, как кажется, придавалось более узкое значение, что видно из выражения principum amicitias. - Издат.)

7) Дион Кассий, кн. 53, стр. 693. Светоний, Жизнь Августа, гл. 35.

8) (Август, носивший в эту пору лишь имя Октавия, был назначен цензором, а это звание, в силу республиканской конституции, давало ему право реформировать сенат, изгонять из него недостойных членов, назначать princeps senatus и пр.; это называлось Senatum legere. Во времена республики случалось, что цензор возводил сам себя в звание "начальника сената". (См. Ливий, 27. 11; 40, кн. 51). Дион Кассий подтверждает, что это было согласно с древним обычаем (стр. 496). Возведение известного числа родов в звание патрициев утверждалось особым декретом сената или сенатусконсультом. Но не следует забывать, что сенаторы не были "законодательной властью". - Венк)

9) Дион (кн. 53, стр. 698) сообщает нам содержание произнесенной по этому важному случаю многословной и высокопарной речи. Я заимствовал от Светония и Тацита общий смысл слов Августа.

10) Название Imperator обозначало, во времена республики, не более как военачальника и давалось солдатами, когда на поле битвы они провозглашали своего победоносного вождя достойным этого титула. Когда римские императоры принимали его в этом значении слова, они ставили его после своего собственного имени и обозначали, сколько раз они принимали его.

11) Дион Кассий, кн. 53, стр. 703 и пр.

12) Ливий, Epit, кн. 14, Валер. Макс., YI, 3.

13) См. в восьмой книге Ливия, как вели себя Манлий Торкват и Папирий Курсор. Они нарушали законы природы и человеколюбия, но поддерживали правила военной дисциплины, а народ, чувствовавший отвращение к их действиям, был вынужден уважать принцип.

14) Благодаря легкомысленной, но невынужденной народной воле Помпей получил военное командование, едва ли менее значительное, чем то, которое было вверено Августу. К числу чрезвычайных мер, в которых выразилась неограниченная власть Помпея, следует отнести, между прочим, основание двадцати девяти городов и раздачу войскам от 3 000 000 до 4 000 000 ф. ст. Одобрение его действий сенатом встретило некоторую оппозицию и состоялось после некоторых замедлений. См. Плутарха, Аппиана, Диона Кассия и первую книгу "Писем к Аттику".

15) (Гиббон очень преувеличил размеры императорской власти во времена республики. Император не мог по своему собственному

желанию ни предпринять войну, ни заключить мирный договор; он также не мог, без согласия десяти сенаторских делегатов, учредить управление над завоеванными странами. То, что было сделано Помпеем и Цезарем, не может считаться ни за правило, ни за доказательство. Начать с того, что чрезвычайная и дотоле неслыханная власть была вверена Помпею тем пагубным Манилиевым законом, за который так неблагоразумно вступился Цицерон. Впоследствии Помпей присвоил себе и такие права, каких ему не было дано. Одобрение его действий не только встретило, как говорит Гиббон, некоторую оппозицию, но и было получено только благодаря тому союзу с Крассом и Цезарем, который навсегда ниспроверг римскую свободу. Императорский титул давал императорам такую власть, которая была незнакома свободной республике. Благодаря этому титулу они получили ничем не ограниченное командование над всеми военными силами, получили право заключать мир и объявлять войну и право жизни и смерти над всеми гражданами даже в самом Риме. Когда Цезарь сделался неограниченным властелином над всем государством, он получил всю эту власть вместе со званием диктатора, и она даже была признана наследственной. См. Дион Кассий, кн. 43, гл. 44, стр. 371; кн. 53, гл. 17, стр. 711 - Венк)

16) При республике только тот полковник мог заявлять притязания на триумф, который был уполномочен производить ауспиции от имени народа. Вследствие правильного вывода из этого политического и религиозного принципа триумф был предоставлен одному императору, а самые счастливые из его заместителей довольствовались некоторыми знаками отличия, придуманными для них под названием триумфальных почестей.

17) (Это различие не верно. Заместители императора, носившие название пропреторов, сопровождались шестью ликторами, все равно, были ли они прежде преторами или консулами; те, кому вверялось право меча, носили военную одежду (paludamentum) и меч. Назначенные сенатом проконсулы имели двенадцать ликторов, если они прежде того состояли в звании консулов, но не могли иметь более шести, если они были только преторами. Все они назывались проконсулами. Провинции Африки и Азии отдавались в управление не иначе как бывшим консулам. Подробное описание организации провинций можно найти у Диона Кассия (кн. 53, гл. 12-16) и у Страбона (кн. 17, стр. 840). Следует пользоваться греческим текстом этого последнего автора, так как латинский перевод не верен. - Венк)

18) Цицерон (de Legibus, III, 3) дает консульскому званию название regia potestas, а Полибий (кн. 6, гл. 3) усматривает три власти в римской конституции. Консулы были представителями монархической власти и пользовались ею на деле.

19) Так как трибунская власть (отличная от годичного пребывания в этой должности) была впервые придумана диктатором Цезарем (Дион, кн. 44, стр. 384), то нам не трудно понять, что она, должно быть, была дана ему в виде награды за то, что он так мужественно отстоял, силой оружия, священные права трибунов и народа. См. его собственные комментарии: de Bello Civil., кн. 1.

20) Август исполнял девять лет кряду консульские обязанности. По-

том он из лукавства отказался как от этого звания, так и от диктатуры, удалился из Рима и выжидал, пока пагубные последствия неурядицы и духа партий принудили сенат возложить на него пожизненное консульство. Впрочем, и сам Август, и его преемники старались скрывать такой завидный титул.

21) (Это равновесие было в большей части случаев воображаемое; учреждение трибунов далеко не имело тех последствий, каких следовало ожидать и каких можно было достигнуть; даже в самой его организации крылись препятствия, часто мешавшие трибунам с пользою служить народу и быть противовесом власти сената, иногда доходившей до угнетения. Народ, давши им только право обсуждать и удержав за собою право утверждать их решения, воображал, что он этим сохраняет за собой внешние признаки верховенства, тогда как в сущности он только ниспровергал ту опору, которую сам для себя создал. Де Лольм говорит: "Сенаторы, консулы, диктаторы и другие важные сановники, которых народ, из благоразумной предосторожности, опасался и которым он по простоте душевной верил, по-прежнему смешивались с ним и пускали в ход разные хитрости; они по-прежнему обращались к народу с речами, по-прежнему переменяли места собраний... распускали их или руководили ими; а трибуны, когда им удавалось собраться вместе, с отчаянием замечали, как планы, которых они придерживались с большим трудом и даже с самыми большими опасностями, были разрушаемы с помощью низких хитростей" (De Lolme, Constitut. d' Angleterre, гл. 7, ч.11, стр. 11). Валерий Максим приводит чрезвычайно интересный образчик влияния, которое нередко имели знатные люди на народ в противоположность трибунам и наперекор их предложениям: в один из неурожайных годов трибуны предложили принять некоторые меры касательно доставки хлеба; тогда Сципион Назика увлек за собой собравшихся, сказавши им: "Молчите, римляне, я знаю лучше вас, что должна делать республика" (Tacete, quaeso, Quirites; plus enim ego quam vos quid reipublicae expediat, intelligo). Затем историк продолжает: Qua voce audita, omnes pleno venerationis silentio, majorem ejus autoritatis quam suorum alimentorum curam egerunt. Это влияние было так сильно, что трибуны нередко делались жертвами борьбы, которую они заводили с сенатом, хотя во многих случаях они отстаивали истинные интересы народа: такова была участь обоих Гракхов, которые были так несправедливо оклеветаны знатью и которые были так бесчестно покинуты тем самым народом, за который они вступились. - Гизо)

22) См. уцелевший отрывок сенатского декрета, который предоставлял императору Веспасиану все полномочия, которые были дарованы его предшественникам Августу, Тиберию и Клавдию. Этот интересный и важный документ помещен в "Надписях" Грутера, N 242 (Этот заимствованный от Грутера отрывок, можно также найти в "Таците" Рика (стр. 420, 421) и у Эрнести (Excurs., кн. 5, гл. 6), но он так неправилен и по содержанию и по форме, что его подлинность сомнительна. - Венк)

23) Двух консулов избирали в первый день января, но в течение года их заменяли новыми, до тех пор пока их ежегодное число доходило по меньшей мере до двенадцати. Преторы обыкновенно изби-

рались в числе шестнадцати или восемнадцати (Юст-Липсий, In Excurs. D. ad Tacit. Annal., кн, 1). Я не упоминал ни об эдилах, ни о квесторах, потому что полицейские и финансовые чиновники без труда приспособляются ко всякой форме правления. Во времена Нерона трибунам принадлежало легальное право intercessio, хотя, может быть, и было опасно им пользоваться (Тацит, Анн., ХУI, 26). Неизвестно в точности, соединялись ли во времена Траяна со званием трибуна служебные обязанности, или же это было лишь одно почетное звание (Плиний, Epist, 1, 23)

24) Даже тираны искали консульства. Добродетельные государи были скромны в этих поисках и исполняли свои обязанности с точностью. Траян принес старинную присягу и поклялся перед консульским трибуналом, что будет соблюдать законы (Плиний, Panegyr., гл. 64).

25) Quotles magistratuum comitils interesset. Tribus cum candidatis suis circuibat: supplicabatque more solemni. Ferebat et ipse suffragium in tribubus, ut unus e populo. Светоний, Жизнь Августа, гл. 56.

26) Tum primum comitia e campo ad patres translata sunt. Тацит, Анн., кн. 15. Здесь слово primum, как кажется, служит указанием на какие-то слабые и безуспешные усилия возвратить право избрания народу. (Калигула сделал легкую попытку в этом смысле; он возвратил народу комиции, а потом снова отнял их (Светоний, In Caio, гл. 16; Дион Кассий, кн. 59, 9, 20). Но во времена Диона еще сохранилась тень этих собраний. - Венк). (См. прим., гл. 44. - Издат.)

27) Дион Кассий (кн. 53, стр. 703-714) нарисовал очень неудовлетворительный и пристрастный очерк императорской системы. С целью дополнить его, а нередко и исправить, я изучал Тацита, читал Светония и обращался к помощи следующих новейших писателей: аббат де ла Блетерн, Mem. de l' Academie des Inscriptions, ч. 19, 21,24,25,27; Бофор, Rep. Rom., ч. 1, стр. 255-275; две диссертации Нудта и Груновия "de Lege regia", напечатанные в Лейдене в 1731 г.; Гравина "de Imperio romano", стр. 479-544, в числе его мелких произведений; Маффеи, Verona Illustrata, ч. 1, стр. 245 и сл.

28) Слабым государем всегда руководит окружающая прислуга. Влияние рабов увеличило позор римлян, и сенаторы ухаживали за такими людьми, как Паллас и Нарцисс. В наше время можно по крайней мере надеяться, что в фавориты попадет не раб, а джентльмен.

29) См. трактат Ван-Даля "de Consecratione Principum". Мне легче бы было списывать, чем проверять цитаты, этого ученого голландца.

30) См. диссертацию аббата Монго в первом томе "Académie des Inscriptions".

31) Jurandas que tuum per nomen ponimus aras, - говорил Гораций самому императору, а Горацию был хорошо знаком двор Августа. (Можно усомниться в том, не следует ли считать эти слова скорее за иносказательное выражение доверия и признательности, чем за описание положительного факта. Сравн. с ними Оды 3, 5 и 25 в его третьей книге. Нельзя приписывать ни самому дикому энтузиазму, ни самой низкой лести то, что там Август представлен, еще во время

своей жизни, пьющим нектар, мечущим громы и заседающим на совете богов на небесах. Это было лишь поэтическое приписывание ему таких свойств, которые делали его достойным восторженного преклонения и служили предсказанием, что hac arte будет подготовлен его будущий апофеоз. Впрочем, сделав надлежащие оговорки касательно поэтической преувеличенности и лести, мы можем допустить, что в честь Августа, в его качестве, иногда происходили подобострастные возлияния вина. Горац., Carm. IУ. 5, 31 и сл. Можно также сомневаться в том, действительно ли Горацию был так хорошо знаком двор Августа, как утверждает Гиббон, и действительно ли он заслуживал названия поэта - придворного льстеца, которое ему дает Гизо. Он постоянно воспевал деревенские виды и спокойствие, простоту и безмятежность деревенской жизни, суетливые заботы богача и благополучие тех, кто довольствуется малым. Он презирал и осмеивал городские нравы и роскошь. В своих обращениях к покровителям, друзьям и любовнице он постоянно манил их в свое Сабинское загородное уединение; а искренность всего, что он выражал, он доказал тем, что не принял выгодного места личного секретаря, которое предложил ему Август. Это такие наклонности, которые не свойственны придворным. - Издат.)

32) См. Цицерон, Philipp. 1,6, Юлиан, in Caesaribus. Inque Deum templis jurabit Roma per umbras - вот с каким негодованием выражается Лукан, но это скорее негодование патриота, нежели негодование благочестивого человека.

33) (Это слишком неопределенно. Преемники Александра не были первыми монархами, которых обоготворяли. Многим прежде царствовавшим египетским царям и царицам поклонялись как божествам. Греческий Олимп был населен божествами, переселившимися туда со своих земных тронов. Самому Ромулу были оказаны почести апофеоза задолго до Александра и его преемников (Ливий, кн. 1, гл. 16). Почести, которые оказывались римским наместникам провинций возведением в их честь храмов и алтарей, не должны быть смешиваемы с апофеозами императоров. Это была дань уважения, приносимая признательными людьми добродетелям их благодетеля, а не религиозное поклонение, так как тут не было ни священнослужителей, ни жертвоприношений. Августа строго осуждали за то, что он позволил воздать ему божеские почести в провинциях (Тац., Анн., 1, 10). Он не вызвал бы этого порицания, если бы он не делал более того, что делали наместники. Апофеозы умерших императоров были столько же выставкой чванства, сколько политическим расчетом. Они не предназначались только для хороших правителей, а были также уделом нескольких тиранов. Но первым из них, как, например, Антонинам, поклонялись даже с большим благоговением, чем старым богам. Так как Гиббон был недоволен Ван-Далем, то он мог бы просмотреть более удовлетворительное сочинение Шёпфлина "De Consecratione Imperatorum Romanorum" (см. его Исторические и критические заметки, Базель, 4-to. 1741, стр. 1-84). Он рассматривал этот предмет и со знанием, и с разборчивостью. - Венк). (Не происходил ли восточный обычай обоготворения от аватаров, посредст-

вом которых небесные существа низводились на землю и принимали формы смертных или "накладывали свой отпечаток" на какое-нибудь божественное исчадие? Это можно проследить от самых древних времен до позднейших периодов истории, а также во многих религиях. - *Издат.*)

34) Октавин, называвшийся просто К.Октавием до его усыновления Цезарем, а после того носивший имя К.Юлия Цезаря Октавиана, происходил не от незнатной фамилии, но от такой, которая принадлежала к сословию всадников. Его отец К.Октавий имел хорошее состояние, был претором, наместником Македонии, был приветствован титулом императора и ожидал своего назначения консулом, когда его настигла смерть. Мать Октавия была дочь Аттия Бальба, который также исполнял должность претора. Антоний ставил Октавию в укор то, что он родился в Ариции; однако это был муниципальный и довольно большой город, и возражение Цицерона (Philip. 3, гл.6) доказало, что быть оттуда родом нисколько не унизительно. - *Венк.* (Под словами "от незнатной семьи" Гиббон разумел родство с отцовской стороны, так как в этом родстве не было никого более знатного, чем отец Октавия. Вся его знатность происходила от его матери, которая была дочерью сестры Юлия Цезаря, Юлии. Это были те узы, которые связывали его с родом Юлиев и, вероятно, способствовали возвышению его отца до тех отличий, на которые указывает Венк. Вергилий, из лести, отыскал предка Аттиев в Атисе, который принадлежал к числу товарищей Аскания , - Genus unde Atii duxere Latini (Энеида, 5, 568), но он не был в состоянии выдумать предка для Октавиев, - *Издат.*)

35) Дион, Кассий, кн. 53, стр. 710 с интересными примечаниями Реймара.

36) (Члены императорского семейства, принадлежавшие к фамилии Цезарей или по своему рождению, или вследствие усыновления, принимали имя Цезаря. После смерти Нерона это имя обозначало самое императорское достоинство, а впоследствии обозначало избранного преемника. Нет возможности с точностью определить то время, когда оно было впервые употреблено в этом последнем значении. Бах (Hist. jurispr. rom., стр. 304) утверждает, ссылаясь на Тацита (Ист., кн. 1, гл.15) и Светония (Гальба, гл. 17.), что Гальба дал Пизону Лициниану титул Цезаря и что отсюда ведет свое начало значение этого названия; но оба историка говорят только, что Пизон был усыновлен Гальбой в качестве преемника, и не упоминают названия Цезаря, которое, как кажется, не было им знакомо в качестве титула. Аврелий Виктор (In Traj., стр. 348 изд. Арнтцена) говорит, что Адриан первый получил его, когда был усыновлен; но так как факт усыновления Адриана сомнителен и во всяком случае трудно поверить, что Траян на своем смертном одре стал создавать новый титул для своего преемника, то более вероятно, что этот титул был впервые дан Элию Веру в то время, когда он был усыновлен Адрианом (Спартиан., In Aelio Vero, гл. 1 и 2). - *Венк*)

37) Когда Октавиан приближался к праздничному столу Цезарей, его наружность изменялась, как у хамелеона: он был сначала бледен, потом покраснел, затем почернел и, наконец, принял кроткий вид Венеры и Граций("Цезари" Юлиана, стр. 309). Эта картина, нарисован-

ная остроумной фантазией Юлиана, верна и изящна, но когда он смотрит на эти изменения характера как на действительно происходившие и приписывает их влиянию философии, то он делает слишком много чести и философии, и Октавиану.

38) Через двести лет после установления монархии император Марк Антонин указывал на характер Брута как на лучший образец римских добродетелей.

39) Нельзя не пожалеть об утрате того места, где Тацит говорит об этой сделке. Мы принуждены довольствоваться слухами, сообщаемыми Иосифом, и неполными сведениями, которые находим у Диона и Светония.

40) Август восстановил прежнюю строгость дисциплины. По окончании междоусобных войн он перестал обращаться к войскам с ласковым словом "товарищи", а стал называть их просто солдатами (Светоний, Жизнь Августа, гл. 25). См., как Тиберий воспользовался влиянием сената, чтобы подавить восстание легионов, стоявших в Паннонии (Тацит, Анн.).

41) (Калигула (настоящее имя которого Кай; этим именем его называли древние писатели, а имя Калигула было лишь прозвище, данное ему солдатами) погиб вследствие заговора военачальников преторианской гвардии, но его прислуга не принимала в этом заговоре никакого участия, а Домициан, вероятно, не был бы умерщвлен, если бы на это не было дано одобрения двумя начальниками преторианцев. - *Венк*)

42) Эти слова, как кажется, были способом выражения, установленным законами. См. Тацит, Анн., XIII, 4).

43) Первым из этих бунтовщиков был Камилл Скрибониан, который восстал в Далмации против Клавдия и через пять дней был покинут своими войсками; вторым был Л.Антоний, восставший в Германии против Домициана, а третьим - Авидий Кассий, поднявший знамя бунта в царствование М.Антонина. Двое последних продержались по нескольку месяцев и были умерщвлены своими собственными приверженцами. Следует заметить, что и Камилл и Кассий прикрывали свои человеколюбивые замыслы желанием восстановить республику, а Кассий утверждал, что достижение этой цели специально предназначено его имени и его семейству.(Солдаты едва ли заслуживают высказанной здесь похвалы. Клавдий должен был купить их согласие на свое возведение на престол; подарки, которые он раздавал им как по этому случаю, так и впоследствии, истощили государственную казну. Жестокости тиранов также нередко встречали одобрение со стороны этой могущественной гвардии, расположение которой приобреталось огромными подарками и пагубной распущенностью дисциплины. Правда, ее безобразия совершались преимущественно внутри Рима, но так как это было местопребывание правительства, то они отзывались повсюду. Восстания в отдаленных частях империи случались более часто, чем полагает Гиббон. При Тиберии германские легионы попытались возвести на престол Германика. Когда при Веспасиане взбунтовался Клавдий Цивилис, галльские легионы убили своего командующего и предложили свою помощь восставшим туземным жителям. Юлий Сабин был провозглашен императором и пр. Субординация была в значительной мере

восстановлена на некоторое время благодаря войнам, доставлявшим занятие войскам при Траяне, Адриане и Антонинах, благодаря строгой дисциплине, введенной этими императорами, и благодаря их личным достоинствам. - Венк)

44) Веллей Патеркул, кн. 2, гл.121. Светоний, Жизнь Тиберия, гл. 20. (Тиберий получил трибунские, проконсульские и императорские полномочия; вместе с тем он получил и цензорские полномочия, но без титула цензора, которого императоры никогда не носили. В те же звания Тит был возведен Веспасианом, а Траян - Нервой. Императорского титула не мог получить тот, кто не был проконсулом; поэтому этого титула и не мог получить Агриппа, которого Август возвысил лишь до звания консула. Все эти звания дают долю участия в управлении, но все носившие их были подчинены Августу. М.Антонин подал первый пример назначения совершенно равного императору товарища, давши титул Августа Л.Веру, который был его братом вследствие усыновления. Сравн. Pagi Crit. Baron. T.J. ad A., гл. 71. - Венк)

45) Светоний, Жизнь Тита, гл. 6. Плиний, предисловие к Hist . Natur.

46) Эта мысль часто и настоятельно высказывается Тацитом, Истор., I. 5, 16; II. 76.

47) Император Веспасиан, со свойственным ему здравым смыслом, насмехался над теми, кто доказывал происхождение его рода от Флавия, основателя Реата (места его родины) и одного из товарищей Геркулеса. Свет., Жизнь Веспасиана, гл.12.

48) (Происхождение Веспасиана, бесспорно, было незнатное, в особенности по сравнению с тем, чем наградила его впоследствии фортуна, однако его родственники не были такими ничтожными людьми, какими их считает Гиббон. Его дед был не простой солдат, а центурион, то есть капитан, хотя римский начальник над сотней солдат, может быть, и не пользовался по своему рангу таким же почетом, как в наше время командир роты. Его отец занимал выгодную должность по сбору государственных доходов в Азии, и жители тех провинций, которые были ему подведомственны, воздвигли статую в память его мягкого управления. После того он занимался в широких размерах ремеслом менялы, как это делали всадники. Его мать была дочь военного трибуна и сестра сенатора. Если в иных случаях он, подобно многим старикам, заходил в своей бережливости слишком далеко, то он делал это всегда с какой-нибудь благородной целью. Он копил деньги не для себя, а для республики. Ни один император не восстановил в такое короткое время и так успешно слабевшие силы государства, ни один не украсил его более великолепными общественными сооружениями и ни один не награждал достоинства с более великодушной щедростью. Тильемон в своей "Hist. des Emp.", ч. 2, стр. 25-27, говорит, что в тех случаях, когда государственные нужды заставляли Веспасиана быть до крайности бережливым, его скупость хотя и была менее достойна строгого порицания, но тем не менее была неизвинительна. - Венк)

49) (Этот тиран нашел себе более надежных покровителей в своих солдатах. Воспоминания о Тите могли только сделать его еще более ненавистным, так как существовало подозрение, что он был отчасти виновником смерти Тита. - Венк)

50) Дион, кн. 68, стр. 1121. Плиний, In Panegyric.
51) Felicior Augusto, melior Trajano. Евтроп., YIII, 5.
52) Дион (кн. 69, стр. 1249), утверждая, что все это не верно, ссылается на авторитет своего отца, который был наместником той провинции, где умер Траян, и потому имел возможность знать, как было дело. Однако Додвелль (Paelect. Camden.,17) утверждал, что еще при жизни Траяна Адриану была дана некоторая надежда, что он будет императором.
53) Дион, кн. 70, стр. 1174. Аврелий Виктор.
54) Обоготворение Антиноя, его медали, статуи, храмы, город, оракулы и созвездие всем хорошо известны и до сих пор пятнают память Адриана. Впрочем, следует заметить, что из первых пятнадцати императоров только один Клавдий не нарушал в любовных делах законов природы. Касательно почестей, которые были оказаны Антиною, см. Шпангейм,Commentaires sur les Caesars de Julien, стр. 80.
55) Ист. эпохи Цезарей, стр. 13. Аврелий Виктор, In Epitom.
56) Без помощи медалей и надписей мы не знали бы этого факта, делающего большую честь Антонину Благочестивому (Антонин Благочестивый не совершал того великодушного поступка, который приписывает ему Гиббон, или по меньшей мере не находился в таком положении, чтобы иметь случай совершить такой поступок. Он был усыновлен с непременным условием, что он должен усыновить М.Аврелия и Л.Вера; к тому же оба его сына умерли в детстве; один из них, по имени Галерий, не долго пережил восшествие своего отца на престол. Поэтому Гиббон ошибается, когда говорит, что существование этих двух мальчиков оставалось бы неизвестным для нас "без помощи медалей и надписей". Капитолин говорил (гл.1): Filii mares duo, duae feminae. Медали познакомили нас только с их именами. Pagi Critic. Baron. ad A.C., 161, ч. 1, стр. 33. Изд. Парижское. - *Венк*). (Вероятно, из того же источника Капитолин почерпнул знакомство с этим фактом, потому что он писал лишь по истечении почти 130 лет. - *Издат.*)
57) В течение двадцатитрехлетнего царствования Антонина Благочестивого Марк только две ночи не ночевал до дворце, и то в разное время. История эпохи Цезарей, стр. 25.
58) (Такое определение истории не может быть принято за руководство для какого бы то ни было исторического сочинения. Оно может годиться для какого-нибудь мрачного исторического периода или быть выражением мрачных взглядов на прошлое, возникших в более светлые времена. Благодаря своей мудрости и своему могуществу Антонин действительно стоял выше всякого соблазна или выше всякой необходимости предпринимать большие войны, которые доставляют столь значительную долю исторического материала. Но потомство много потеряло оттого, что не имеет более подробных сведений о всех действиях этого превосходного государя, с которым не может равняться ни один из римских императоров ни по правдивости, ни по чистоте нравов. Неполнота наших сведений о нем происходит от утраты многих ценных исторических произведений и оттого, что мы вынуждены черпать эти сведения лишь из жидких отрывков сочинений Юлиана Капитолина, Евтропия, Виктора и им подобных. Лучший сборник извлечений из этих писателей сделан Гантен

де Сибером в его "Vies des Empereurs Tite Antonin et Marc Aurele". 12-mo, Париж, 1769. Касательно Т.Антонина см. стр. 1-118. Но ему недостает дарований критика и более близкого знакомства с медалями и надписями. - Венк)

59) Он очень любил театр и не был равнодушен к прелестям женского пола. Марк Антонин, кн. 16. Истор. эпохи Цезарей, стр. 20-21. Юлиан, In Caesar.

60) Враги Марка обвиняли его в лицемерии и в недостатке той простоты, которой отличался Антонин Благочестивый и даже Вер (Ист. эп.Цезарей, YI, 34). Это неосновательное обвинение может служить доказательством того, что люди придают более цены личным качествам, нежели общественным добродетелям. Даже Марка Антонина иные называли лицемером, но даже самый нелепый скептик не мог бы утверждать, что Цезарь был трус или что Цицерон был глупец. Это потому, что ум и храбрость проявляются в более несомненном виде, чем человеколюбие или любовь к справедливости.

61) Тацит охарактеризовал в немногих словах принципы Зенона: Doc ores sapientiae secutus est, qui sola bona quae honesta mala tantum quae turpia; potentiam, nobilitatem; caetera que extra animum, neque bonis neque malis adnumerant (Тацит, Истор., IУ, 5).

62) Перед тем, как предпринять второй поход против германцев, он в течение трех дней читал римскому народу лекции о философии. Он делал то же самое в греческих и азиатских городах. (Истор. эпохи цезарей, In Cassio, гл. 3).

63) (Авидий Кассий был умерщвлен своими собственными приверженцами (Vulcat. Gallic., In Cassio, гл. 7; Дион, стр. 1192). - Венк)

64) Дион, кн. 71, стр. 1190, Истор. эпохи цезарей, In Avid. Cassio.

65) Истор. эпохи Цезарей, In Marc. Antonin, гл. 18.

66) (Это, может быть, и верно по отношению к дурным императорам, но не верно по отношению к хорошим. И Людовик XI и Христиан II не более как ничтожные тираны (если только они достойны этого названия) в сравнении с Тиберием, Нероном и Домицианом. Христианству мы обязаны общим улучшением нравов, и оно было главной причиной происшедшей перемены. В средние века влияние религиозных орденов и духовенства сдерживало порочные наклонности монархов, а в более близкие к нам времена эти наклонности сдерживались союзами государств, соперничеством государей и даже личной враждой, всегда готовой воспользоваться ошибками противника. Но римский император стоял одиноким на вершине могущества, и кругом его были лишь рабы. С другой стороны, те же самые обстоятельства, которые сдерживали дурные наклонности новейших правителей, были не менее благоприятны для развития их добродетелей. Я не понимаю, почему такие государи, как Генрих IУ, Елизавета и Густав Адольф, не могли бы служить примером того высшего совершенства, которое Гиббон приписывает Августу, Траяну и Адриану. Характеры этих последних представляли смешение очень разнообразных свойств. Сам Гиббон несколько раз замечал это, когда говорил об Августе и Адриане. Траян неумеренно предавался пьянству, а его честолюбие не раз вовлекало империю в войны, которые вовсе не были необходимы. М.Аврелий был педант и, вследствие неуместной снисходительности, позволял проконсулам грабить управ-

ляемые ими провинции. Также следует заметить, что величие и могущество Римской империи придавало добродетелям ее правителей особый блеск, который мы должны откладывать в сторону, когда хотим изучать их настоящий характер. О лучших из них мы имеем лишь краткие и поверхностные рассказы, тогда как мелкие подробности касательно всякого шага новейших монархов дают нам возможность близко знакомиться с их личностью. Люди точно так же, как и большие картины, много выигрывают, когда на них смотрят издали. Не следует забывать и того, что ни один из пяти примерных императоров - Нервы и его преемников - не родился и не воспитывался в императорской мантии. Эти люди созревали в освежающей тени частной жизни и достигли престола благодаря своим личным достоинствам. - Венк) Венк неправильно истолковал мысль Гиббона, который вовсе не ставит римских императоров выше новейших монархов. Он замечает вполне основательно, что римские императоры проявляли в своих действиях такие противоположные крайности, такие чрезмерные пороки и добродетели, какие мы стали бы тщетно искать в позднейшие времена. Венк также упустил из виду значение того факта, что постоянно возраставшие в течение последних двухсот лет влияние и умственное развитие народа контролировали тех, кто им управлял. Было бы также желательно, чтобы бесспорное господство религии над человеческими страстями было объяснено с большей ясностью. В настоящее время мы вправе надеяться, что это влияние будет постоянно увеличиваться. - Издат.

67) Вителлий издержал на одну еду в течение около семи месяцев по меньшей мере шесть миллионов ф. ст. О его пороках нельзя говорить не только с достоинством, но даже без нарушения приличий. Тацит называет его свиньей, но при этом заменяет это грубое выражение изящной картиной: "At Vitellius, umbraculis hortorum abditus, ut ignava animalia, quibus si cibum suggeras jacent torpentque, praeterita, instantia, futura, pari oblivione dimiserat. Atque illum nemore Aricino desidem et marcentem" и пр. Тацит, Истор., III, 36; II, 95, Светоний, in Vitell., гл. 13. Дион Кассий, кн. 65, стр. 1062.

68) Казнь Гелвидия Приска и добродетельной Эпонины запятнала царствование Веспасиана.

69) Путешествие Шардена в Персию, ч. 3, стр. 293.

70) Обыкновение назначать рабов на высшие должности еще более в ходу у турок, нежели у персов. Грузия и земля черкесов снабжают правителями бóльшую часть Востока.

71) Шарден говорит, что европейские путешественники распространили между персами понятия о свободе и о мягкости наших правительств. Они этим оказали персам очень плохую услугу.

72) Они ссылались на пример Сципиона и Катона (Тацит Анн., III, 66). Марцелл Эпир и Крис Вибий приобрели таким способом в царствование Нерона 2 500 000 ф. ст. Их богатство, еще более увеличивавшее тяжесть их преступлений, охраняло их при Веспасиане. См. Тац., Истор., I У , 43, Dialog. de orator., гл. 8. Регул, который был предметом заслуженных сатирических нападок со стороны Плиния, получил от сената за одну обвинительную речь консульские украшения и подарок в 60.000 ф.ст.

73) Оскорблением величества сначала считалась измена римскому

народу. В качестве народных трибунов Август и Тиберий относили это оскорбление к своим личностям и дали ему самое широкое значение. (Ему впервые дал такое значение Тиберий, а не Август. См. Бах, Траян, стр. 27 и сл. - Венк)

74) После того как добродетельная и несчастная вдова Германика была казнена смертию, Тиберий получил от сената изъявления признательности за свое милосердие: она не была удавлена публично и ее труп не стаскивали крючьями в преисподнюю вместе с трупами обыкновенных преступников. См. Тацит, Анн., У1, 25; Светоний, In Tiberio, гл.53.

75) Сериф был небольшой утесистый остров в Эгейском море; его население было презираемо за свое невежество и ничтожество. Место ссылки Овидия хорошо известно благодаря его основательным, но малодушным жалобам. Ему, как кажется, только было дано приказание выехать из Рима в известный срок и отправиться в Томи. В стражах и тюремщиках не было надобности.

76) В царствование Тиберия один римский всадник попытался бежать к парфянам. Он был задержан в Сицилийском проливе; но его пример внушал так мало опасений, что самый недоверчивый из тиранов не нашел нужным подвергать его наказанию. Тацит, Анн., У1, 14.*)

77) Цицерон, ad Familiares, 1У, 7.

---

*) Интерпретация этого события у Тацита несколько иная: "А к Рубрию Фабату была приставлена стража, т. к. его заподозрили в том, что, тяготясь сложившимися в Римском государстве порядками, он пытался бежать к парфянам, рассчитывая найти у них дружелюбный прием. В самом деле, обнаруженный у Сицилийского пролива и доставленный в Рим центурионом, он не мог привести никаких правдоподобных причин в объяснение своего пребывания в столь удаленном от его дома месте; тем не менее он остался в живых скорее потому, что о нем забыли, чем вследствие снисходительности" (Анн., VI, 6, 14; перев. А. С. Бобовича).

ГЛАВА IV
Жестокости, безрассудства и умерщвление Коммода. - Избрание Пертинакса. - Его попытки произвести реформы в государстве. - Его умерщвление преторианской гвардией

Кротость Марка Аврелия, которую не могла искоренить суровая дисциплина стоиков, составляла в одно и то же время и самую привлекательную и самую слабую сторону его характера[1]. Его ясный ум был нередко вовлекаем в заблуждения доверчивою добротою его сердца. Люди, изучившие слабые стороны государя и умевшие ловко скрывать свои собственные, вкрались в его доверие под личиной философской святости и приобрели богатства и почести, делая вид, будто презирают их[2]. Его чрезмерная снисходительность к брату[3], жене и сыну вышла из пределов домашних добродетелей и превратилась в оскорбление общественной нравственности вследствие заразительности их примера и пагубных последствий их пороков.

Дочь Антонина Пия и жена Марка Аврелия — Фаустина прославилась столько же своими любовными интригами, сколько своей красотой. Серьезная простота философа не могла нравиться живой и ветреной женщине, не могла удовлетворить той безграничной страсти к разнообразию, которая нередко заставляла ее находить личные достоинства в самых низких представителях человеческого рода[4]. Древний Купидон был вообще очень сладострастное божество, а любовные интриги, требующие со стороны такой высокопоставленной женщины, как императрица, самых решительных заискиваний, редко отличаются сентиментальной деликатностью. Марк был единственный человек в империи, по-видимому, ничего не знавший о поведении Фаустины или не обращавший на него никакого внимания, а в силу существовавшего во все века предрассудка поведение жены пятнало честь мужа. Он назначил некоторых из ее любовников на почетные и выгодные должности[5] и в течение тридцатилетней супружеской связи постоянно относился к ней с самым нежным доверием и с уважением, которое не прекратилось даже с ее смертью. В своих "Размышлениях" он благодарит богов за то, что они послали ему такую верную, такую кроткую и

такую простую в обхождении жену[6]. По его настоятельному требованию услужливый сенат признал ее богиней. В воздвигнутых в честь ее храмах ее изображали с атрибутами Юноны, Венеры и Цереры, и было объявлено декретом, что молодые люди обоего пола в день своей свадьбы должны произносить супружеский обет перед алтарем этой целомудренной богини[7].

Чудовищные пороки сына набросили тень на чистоту добродетелей отца. Марка Аврелия упрекали в том, что он пожертвовал счастьем миллионов людей для нежной привязанности к недостойному мальчику и что он избрал себе преемника в своем собственном семействе, а не в республике. Впрочем, ни заботливый отец, ни призванные им на помощь добродетельные и ученые люди не пренебрегали ничем, что могло бы развить ограниченный ум молодого Коммода, заглушить зарождавшиеся в нем порочные наклонности и сделать его достойным престола, для которого он был назначен. Но образование оказывает благотворное влияние лишь только на одни счастливо одаренные натуры, для которых оно почти излишне. Нашептывания развратного фаворита тотчас изглаживали из памяти юноши неприятные для него наставления серьезного философа, и сам Марк Аврелий уничтожил плоды этого тщательного образования, разделив со своим сыном императорскую власть, когда ему было только четырнадцать или пятнадцать лет. После этого он прожил только четыре года, но этого промежутка времени было достаточно, чтобы заставить его раскаиваться в неблагоразумной мере, давшей запальчивому юноше возможность сбросить с себя узы рассудка и авторитета[8].

Большая часть преступлений, нарушающих внутреннее спокойствие общества, происходит от того, что необходимое, но неравномерное распределение собственности налагает стеснения на вожделения человеческого рода, предоставляя лишь очень немногим пользование тем, к чему стремятся все. Из всех наших страстей и наклонностей жажда власти есть самая высокомерная и самая вредная для общества, так как она внушает человеческой гордости желание подчинять других своей воле. Среди сумятицы внутренних раздоров законы общества утрачивают свою силу, и редко случается, чтобы их заменяли законы человеколюбия. Горячность борьбы, гордость победы, отчаяние в успехе, воспоминание о

прошлых унижениях и страх предстоящих опасностей - все это разгорячает умы и заглушает голос сострадания. Вот те причины, по которым почти каждая страница истории запятнана кровью междоусобицы; но ни одною из этих причин нельзя объяснить ничем не вызванных жестокостей Коммода, который мог наслаждаться всем и которому ничего не оставалось желать. Возлюбленный сын Марка Аврелия наследовал своему отцу при радостных приветствиях сената и армии[9], а при своем восшествии на престол этот счастливый юноша не видел вокруг себя ни соперников, которых нужно бы было устранить, ни врагов, которых нужно бы было побороть. На таком спокойном и высоком посту он, естественно, должен бы был предпочитать любовь человеческого рода его ненависти и добрую славу своих предшественников позорной участи Нерона и Домициана.

Впрочем, Коммод не был таким тигром, каким его описывали, - он не чувствовал от рождения ненасытной жажды крови и не был с самого детства способен на бесчеловечные поступки[10]. От природы он был скорее слабодушен, нежели зол. Его простодушие и застенчивость делали его рабом окружающих, которые мало-помалу развратили его. Его жестокость, вначале бывшая результатом посторонних наущений, превратилась в привычку и в конце концов сделалась его господствующей страстью[11].

Со смертью отца[12] на Коммода легла стеснительная обязанность командовать огромной армией и вести трудную войну с квадами и маркоманами. Раболепные и развратные юноши, которые были удалены от двора Марком Аврелием[13], скоро вновь приобрели и прежнее положение, и прежнее влияние на нового императора. Они преувеличивали трудности и опасности кампании в диких странах по ту сторону Дуная и уверяли беспечного монарха, что достаточно страха, внушаемого его именем, и военных доблестей его полководцев, чтобы довершить победу над упавшими духом варварами или чтобы вынудить у них такие мирные условия, которые более выгодны, чем всякое завоевание. Зная его склонность к чувственным наслаждениям, они сравнивали спокойствие, блеск и утонченные удовольствия Рима с тревожной лагерной жизнью в Паннонии, где он не имел бы ни досуга, ни удобств роскоши[14]. Коммод с удовольствием выслушивал столь приятные для него советы, но, в то время как

он колебался, поступить ли согласно со своими собственными влечениями или же сообразоваться с указаниями отцовских советников, к которым он еще не перестал питать уважение, лето незаметно прошло, и его торжественный въезд в столицу был отложен до осени. Его привлекательная наружность15), приветливое обхождение и воображаемые добродетели внушали общее к нему сочувствие; почетный мир, который он только что даровал варварам, распространял всеобщую радость16); его нетерпеливое желание возвратиться в Рим приписывали его любви к родине, а его безнравственные забавы не казались достойными порицания в девятнадцатилетнем государе.

В течение первых трех лет его царствования и формы и дух прежней администрации поддерживались теми преданными советниками, которым Марк поручил своего сына и к мудрости и бескорыстию которых Коммод все еще чувствовал невольное уважение. Молодой государь предавался вместе со своими распутными любимцами дикому разгулу неограниченной власти, но его руки еще не были запятнаны кровью, и по одному случаю он даже выказал такое благородство чувств, которое могло бы развиться в солидную добродетель17). Но одна несчастная случайность дала его неустановившемуся характеру определенное направление.

Однажды вечером, когда император возвращался во дворец через темный и узкий портик амфитеатра18), поджидавший его на дороге убийца бросился на него с обнаженным мечом и громко воскликнул: "Вот что присылает вам сенат!" Угроза и предотвратила успех попытки; убийца был схвачен гвардейцами и тотчас назвал виновников заговора, который был составлен не в государстве, а внутри дворца. Сестра императора и вдова Луция Вера Луцилла тяготилась своим второстепенным положением и из зависти к царствующей императрице вложила оружие в руки убийцы. Она не осмелилась сообщить о своем преступном намерении своему второму мужу, Клавдию Помпейяну, принадлежавшему к числу самых достойных сенаторов и самых преданных императору людей; но в толпе своих любовников (так как она во всем подражала Фаустине) она нашла разорившихся людей с необузданным честолюбием, которые готовы были удовлетворять как самые дикие, так и самые нежные ее страсти. Заговорщики понесли

заслуженное наказание, а покинутая всеми матрона была наказана сначала ссылкой, а потом лишением жизни19).

Но слова убийцы глубоко запали в душу Коммода и оставили в ней неизгладимые впечатления страха и ненависти к сенату во всем его составе20). Тех, кого он до тех пор боялся как надоедливых приближенных, он стал подозревать как тайных врагов. Доносчики, не находившие поощрения при прежних царствованиях и почти совершенно исчезнувшие, снова ожили, лишь только они заметили, что император будет доволен, если они откроют недоброжелателей и изменников в сенате. Это собрание, считавшееся при Марке Аврелии верховным государственным советом, состояло из самых выдающихся римлян, но отличия какого бы то ни было рода скоро сделались преступными. Обладание богатством усиливало усердие сыщиков; строгая добродетель считалась за молчаливое порицание распутств Коммода; важные заслуги свидетельствовали об опасном превосходстве личных достоинств, а дружба отца всегда была ручательством ненависти сына. Подозрение было равносильно доказательствам виновности, а предание суду было то же, что произнесение обвинительного приговора. Казнь влиятельного сенатора сопровождалась лишением жизни всех тех, кто мог бы оплакивать ее или отомстить за нее, а после того как Коммод отведал человеческой крови, его сердце сделалось недоступным ни для сострадания ни для угрызений совести.

Между этими невинными жертвами тирании ничья смерть не возбудила таких сожалений, как смерть двух братьев из дома Квинтилиана - Максима и Кондиана. Их братская любовь спасла их имена от забвения и сделала их память дорогой для потомства. Их познания, их занятия, их служебные обязанности и их удовольствия были одни и те же. Они были богаты, но им никогда не приходила мысль разобщить свои денежные интересы; до нас дошли отрывки сочинения, которое они писали вдвоем, и все, что они делали, могло заставить думать, что в их двух телах жила только одна душа. Антонины, ценившие их добродетели и с удовольствием смотревшие на их дружбу, возвели их в один и тот же год в звание консулов, а Марк впоследствии поручил им гражданское управление Грецией и начальство над большой армией, во главе которой они одержали значительную победу над гер-

манцами. Жестокосердие Коммода в конце концов соединило их и в одновременной смерти[21].

После того как ярость тирана насытилась кровью самых благородных членов сената, она обратилась наконец на того, кто был главным орудием его жестокостей. В то время как Коммод утопал в крови и в распутстве, он поручил дела управления Переннису - раболепному и честолюбивому министру, который умертвил своего предшественника, чтобы занять его место, но который обладал большой энергией и недюжинными дарованиями. Он нажил громадное состояние путем вымогательств и благодаря тому, что присваивал себе конфискованные имения знатных людей, принесенных в жертву его алчности. Преторианская гвардия состояла под его непосредственным начальством, а его сын, уже успевший выказать блестящие военные дарования, находился во главе иллирийских легионов. Переннис добивался престола или - что в глазах Коммода было одинаково преступно - был способен добиваться его, если бы его не предупредили, не захватили врасплох и не предали смертной казни. Падение министра - не важное событие в общей истории империй, но оно было ускорено одним чрезвычайным событием, доказавшим, до какой степени уже успела ослабнуть дисциплина. Британские легионы, недовольные управлением Перенниса, составили депутацию из тысячи пятисот избранных людей и отправили ее в Рим с поручением изложить их жалобы перед императором. Эти вооруженные просители выражались с такой энергией, сеяли между гвардейцами такие раздоры, преувеличивали силы британской армии в такой степени, что навели страх на Коммода и вынудили у него согласие на казнь министра как на единственное средство загладить причины их неудовольствия[22]. Эта смелость армии, находившейся так далеко от столицы, и познанное ею на опыте бессилие правительства были верным предзнаменованием самых страшных внутренних потрясений.

Вскоре вслед за тем небрежность администрации обнаружилась в новых беспорядках, казавшихся вначале самыми незначительными. В войсках стала распространяться склонность к дезертирству, и, вместо того чтобы спасаться бегством или укрываться, дезертиры стали грабить на больших дорогах. Один простой солдат, отличавшийся необыкновенной отвагой, по имени Матерн, собрал эти шайки грабителей

в маленькую армию, растворил двери тюрем, объявил, что рабы должны воспользоваться этим случаем, чтобы приобрести свободу, и стал безнаказанно грабить богатые и беззащитные города Галлии и Испании. Правители этих провинций, долгое время бывшие безмолвными свидетелями, а может быть, и соучастниками его разбоев, наконец были выведены из своего нерадивого бездействия полученными от императора грозными приказаниями. Матерн, видя себя окруженным со всех сторон, понял, что ему невозможно спастись, если он не сделает последнего отчаянного усилия: он приказал своим приверженцам рассеяться в разные стороны, с помощью разных переодеваний перебраться через Альпы небольшими кучками и собраться в Риме ко времени празднования Кибелы, обыкновенно сопровождавшегося самой бесчинной сумятицей[23]. Его намерение убить Коммода и вступить на вакантный престол разоблачало в нем честолюбие, не свойственное простому разбойнику. Принятые им меры были так хорошо задуманы, что его переодетые воины уже наполняли улицы Рима. Один из его сообщников выдал его из зависти и разрушил эти странные замыслы в тот самый момент, когда все было готово для их исполнения[24].

Недоверчивые монархи нередко возвышают людей самого низкого звания, будучи в ошибочном убеждении, что тот, кто не имеет другой опоры, кроме их милостивого расположения, не будет иметь никаких других привязанностей, кроме привязанности к своему благодетелю. Преемник Перенниса Клеандр был родом из Фригии; он принадлежал к племени, отличавшемуся таким непреклонным и вместе с тем раболепным характером, что на него можно было влиять только путем физических насилий[25]. Он был послан со своей родины в Рим в качестве раба. В этом же качестве он получил доступ в императорский дворец, сумел угодить Коммоду, потакая его страстям, и быстро достиг самого высокого положения, какого только может желать подданный. Его влияние на ум Коммода было еще более сильно, нежели влияние его предшественника, потому что у него не было ни таких дарований, ни таких добродетелей, которые могли бы внушить императору зависть или недоверие. Алчность была его господствующей страстью и главным принципом его управления. Звания консула, патриция, сенатора продавались публично, и тот, кто отказался бы от приобретения этих пус-

тых и унизительных почестей ценою большей части своего состояния, был бы причислен к разряду недовольных[26]. Чиновники, занимавшие в провинциях доходные места, грабили народ и делили добычу с министром, а правосудие было продажно и руководилось произволом. Богатый преступник не только мог добиться отмены осуждавшего его справедливого приговора, но и мог подвергнуть любому наказанию и обвинителя, и свидетелей, и судью.

Этими способами Клеандр накопил в течение трех лет такое состояние, какого никогда не имел ни один вольноотпущенный[27]. Коммод был совершенно удовлетворен великолепными подарками, которые хитрый царедворец клал к его стопам в такие минуты, когда это было всего более кстати. Чтобы заставить молчать завистников, Клеандр стал воздвигать от имени императора бани, портики и здания для телесных упражнений, предназначавшиеся для народа[28]. Он льстил себя надеждой, что ослепленные и удовлетворенные такой щедростью римляне будут более хладнокровно относиться к кровавым сценам, ежедневно разыгрывавшимся перед их глазами, что они позабудут о смерти сенатора Бирра, который благодаря своим высоким достоинствам получил от покойного императора в замужество одну из его дочерей, и что они простят ему казнь Ария Антонина, последнего представителя имени и добродетелей Антонинов. Бирр провинился тем, что, руководствуясь долгом чести, а не осторожностью, попытался раскрыть перед глазами своего зятя настоящий характер Клеандра, а Арий Антонин погубил себя тем, что, бывши проконсулом в Азии, произнес справедливый приговор над одним из негодных любимцев фаворита[29]. После падения Перенниса опасения Коммода приняли на короткое время такую форму, что можно было ожидать возврата к более благородным чувствам. Он отменил самые гнусные распоряжения этого министра, предал его память публичному проклятию и приписал его пагубным советам все ошибки своей неопытной юности. Но его раскаяние продолжалось только тридцать дней, и тирания Клеандра нередко заставляла с сожалением вспоминать об управлении Перенниса.

Моровая язва и голод переполнили чашу бедствий, испытанных римлянами[30]. Последний говорит, что в течение довольно значительного времени в Риме ежедневно умирало по две тысячи человек. Первое из них можно было приписывать

лишь справедливому негодованию богов, но непосредственной причиной второго считали монополию хлебной торговли, захваченную богачами и поддержанную влиянием министра[31]. Неудовольствие народа, выражавшееся сначала вполголоса, разразилось на собрании в цирке. Народ отказался от своих любимых развлечений для того, чтобы предаться более приятному удовольствию отмщения, и с гневными криками потребовал казни общественного врага. Клеандр, командовавший преторианской гвардией[32], приказал отряду кавалерии разогнать мятежную толпу. Народ бросился бежать к городу; многие были убиты, и многие были затоптаны до смерти; но когда кавалерия проникла в улицы, она была остановлена в своем преследовании градом камней и стрел, сыпавшихся на нее с крыш и из окон домов. Пешая стража[33], давно уже ненавидевшая преторианскую кавалерию за ее прерогативы и за ее наглость, перешла на сторону народа. Мятеж превратился в настоящее сражение и грозил общей резней. Преторианцы наконец отступили перед численным превосходством противника, и массы ожесточенного народа снова устремились с удвоенною яростью к воротам дворца, где Коммод утопал в наслаждениях, ничего не зная о вспыхнувшей междоусобице. Сообщить ему эту неприятную новость значило рисковать своею жизнью. Он мог погибнуть от своей беспечности, если бы его старшая сестра Фадилла и его любимая наложница Марция не отважились ворваться к нему. Они бросились к его стопам с растрепанными волосами и обливаясь слезами и с тем убедительным красноречием, которое внушается страхом, рассказали испуганному императору о преступлениях министра, о ярости народа и о том, что он может через несколько минут погибнуть под развалинами своего дворца. Коммод пробудился от своего сладкого усыпления и приказал бросить народу голову Клеандра. Это столь желанное зрелище тотчас прекратило волнение, и сын Марка Аврелия еще мог бы в ту пору вернуть себе привязанность и доверие своих подданных[34].

Но в душе Коммода угасли все чувства благородства и человеколюбия. В то время как он оставлял бразды правления в руках недостойных фаворитов, он ценил в верховной власти только возможность ничем не стесняться при удовлетворении своих чувственных наклонностей. Он проводил свое время в серале, состоявшем из трехсот красивых женщин и

стольких же мальчиков всякого звания и из всяких провинций; а когда все хитрости соблазна оказывались недейственными, грубый любовник прибегал к насилию. Древние историки[35)] подробно описывали эти сцены разврата, при которых нарушались в одинаковой мере и законы природы, и правила пристойности; но их слишком точные описания невозможно передать приличным языком нашего времени. В промежутках между чувственными наслаждениями Коммод предавался самым низким развлечениям. Ни просвещение того времени, ни усиленные старания воспитателей не могли влить в его грубый и скотский ум ни малейшей дозы знания, и он был первый из римских императоров, которому были совершенно незнакомы умственные наслаждения. Даже Нерон был знатоком или выдавал себя за знатока изящных искусств, музыки и поэзии, и мы не ставили бы ему этого в упрек, если бы он не превратил приятное препровождение времени в предмет честолюбия и в главную цель своей жизни. Но Коммод с раннего детства выказывал отвращение ко всем умственным и благородным занятиям и находил удовольствие только в развлечениях черни - в играх цирка и амфитеатра, в боях гладиаторов и в травле диких зверей. Марк Аврелий окружил сына самыми опытными наставниками по всем отраслям знаний, но молодой наследник относился к их урокам без внимания и с отвращением, тогда как мавры и парфяне, учившие его метать дротик и стрелять из лука, нашли в нем прилежного ученика, скоро достигшего одинаковой со своими наставниками верности глаза и ловкости движений.

Раболепная толпа царедворцев, основывавшая свою фортуну на пороках своего повелителя, рукоплескала этим низким наклонностям. Гнусный голос лести напоминал ему, что благодаря точно таким же подвигам, благодаря поражению Немейского льва и Эриманского вепря, греческий Геркулес*) занял место среди богов и приобрел бессмертную славу на земле. Но при этом умалчивалось о том, что, когда общественная жизнь была еще в зародыше и когда лютые звери оспаривали у людей обладание невозделанной землей, успешная борьба с этими жестокими врагами была одним из самых невинных и самых полезных для человечества упражнений героя. При цивилизованном положении Римской им-

*) Более правильно - греческий Геракл. (*Примеч. ред.*)

перии дикие звери давно уже удалились от людских глаз и от населенных городов. Ловить их в их уединенных убежищах и перевозить в Рим для того, чтобы они падали, при пышной обстановке, от руки императора, значило ставить в смешное положение государя и налагать новое бремя на народ[36]. Не понимавший этой разницы Коммод жадно ухватился за блестящее сходство и прозвал себя *Римским Геркулесом* (как это видно из надписей на медалях[37]. Палица и львиная шкура фигурировали подле трона в числе других символов верховной власти, и были воздвигаемы статуи, в которых Коммод изображался в позе и с атрибутами того бога, храбрости и ловкости которого он старался подражать в своих ежедневных свирепых забавах[38].

Возгордившись от похвал, мало-помалу заглушивших в нем врожденное чувство стыдливости, Коммод решился выставить римлянам напоказ те физические упражнения, которые до тех пор всегда совершались внутри дворцовых стен и в присутствии немногих любимцев. В назначенный день громадное число зрителей собралось в амфитеатре частью из лести, частью из страха, частью из любопытства, и необыкновенная ловкость императора-актера вызвала заслуженные рукоплескания. Все равно, метил ли он в голову или в сердце животного, удар всегда был верен и смертелен. С помощью стрелы, заостренной с конца в форме полумесяца, Коммод останавливал быстрый бег страуса и рассекал надвое его длинную костлявую шею[39]. На арену выпускают барса, и стрелок ждет, пока он бросится на одного из дрожащих от страха преступников; в этот самый момент стрела летит, зверь падает мертвым, а его жертва остается нетронутой. Из логовищей, устроенных при амфитеатре, выпускают сразу сто львов, но сто стрел, пущенных верной рукой Коммода, поражают их в то время, как они в ярости бегают по арене. Ни громадное туловище слона, ни чешуйчатая кожа носорога не были в состоянии предохранить их от его гибельного удара. Эфиопия и Индия доставляли ему своих самых редких животных, и в числе тех, которые были избиваемы в амфитеатре, были такие, о которых мы имеем понятие только из произведений живописи или из произведений фантазии[40]. На всех этих представлениях принимались самые строгие меры предосторожности, чтобы охранить Римского Геркулеса от какого-нибудь отчаянного прыжка дикого зверя, спо-

собного пренебречь и его императорским достоинством, и его божеской святостью[41].

Но даже люди самого низкого звания краснели от стыда и негодования при виде монарха, выступающего на арене в качестве гладиатора и гордящегося такой профессией, которую и римские законы, и римские нравы заклеймили самым заслуженным позором[42]. Коммод избрал одеяние и оружие secutor'а, борьба которого с retiarius'ом представляла одну из самых оживленных сцен в кровавых забавах амфитеатра. Вооружение secutor'а состояло из шлема, меча и щита; у его нагого противника была только широкая сеть и трезубец; первой он старался опутать своего врага, а вторым - проколоть его. Если его первый взмах был неудачен, он был вынужден бежать от преследования secutor'а, пока не приготовится закинуть свою сеть вторично[43]. Император выдержал бой этого рода семьсот тридцать пять раз. Описание этих славных подвигов было тщательно занесено в летописи империи, а в довершение своего гнусного поведения Коммод взял из общего фонда гладиаторов такое громадное денежное вознаграждение, что оно обратилось в новый налог, самый унизительный из всех, какие лежали на римском народе[44]. Нетрудно поверить, что в этих состязаниях властелин мира был всегда победителем; в амфитеатре его победы не часто бывали кровопролитны, но, когда он испытывал свою ловкость в школе гладиаторов или в своем собственном дворце, его несчастные противники нередко удостаивались смертельного удара от руки императора и таким образом имели возможность запечатлеть своею кровью раболепное преклонение перед его превосходством[45]. Коммод скоро стал пренебрегать прозванием Геркулеса; его слуху стало приятно только имя Павла, которое носил один знаменитый secutor. Оно было вырезано на его колоссальных статуях и повторялось с восторженными рукоплесканиями впавшим в отчаяние сенатом[46], который был вынужден одобрять все безрассудства императора[47]. Добродетельный супруг Луциллы Клавдий Помпейян был единственный сенатор, не уронивший достоинство своего звания. В качестве отца он позволил своим сыновьям иметь в виду их личную безопасность при посещении амфитеатра. В качестве римлянина он объявил, что его собственная жизнь находится во власти императора, но что он никогда не будет свидетелем того, как сын Марка Аврелия

публично унижает и свою личность, и свое достоинство. Несмотря на такое мужество, Помпейян избегнул мстительности тирана и вместе со своею честью имел счастье спасти свою жизнь[48].

Коммод достиг в эту пору самой высшей степени разврата и позора. Среди рукоплесканий придворных льстецов он не был в состоянии скрыть от самого себя, что он был достоин презрения и ненависти со стороны всех здравомыслящих и добродетельных людей. Его свирепость усиливалась и вследствие сознания, что его ненавидят, и вследствие зависти к каким бы то ни было личным достоинствам, и вследствие основательных опасений за свою жизнь, и вследствие привычки проливать кровь, развившейся в нем среди его обычных ежедневных забав. История сохранила длинный список сенаторов-консуляров, принесенных в жертву его легкомысленной недоверчивости, которая с особенной заботливостью разыскивала всех хотя бы самых дальних родственников семейства Антонинов, не щадя при этом даже тех, кто был орудием его преступлений и его забав[49]. В конце концов его жестокость оказалась гибельной для него самого. Он безнаказанно проливал кровь самых благородных римских граждан, но он погиб, лишь только его стали бояться его собственные приближенные[50]. Его любимая наложница Марция, его приближенный Эклект и преторианский префект Лэт, испуганные печальной участью своих товарищей и предшественников, решились предотвратить ежеминутно висевшую над их головами гибель или от безумной прихоти тирана, или от внезапного взрыва народного негодования. Марция, воспользовавшись удобным случаем, подала своему любовнику чашу с вином, после того как он возвратился усталым с охоты на каких-то диких зверей. Коммод лег спать; но в то время как он метался от действия яда и от опьянения, один здоровый юноша, по профессии борец, вошел в его комнату и задушил его, не встретив никакого сопротивления[51]. Труп был тайно вынесен из дворца прежде, нежели могло возникнуть в городе или даже при дворе малейшее подозрение в смерти императора. Таков был конец сына Марка Аврелия, доказавший, как нетрудно было избавиться от ненавистного тирана, в течение тринадцати лет угнетавшего с помощью искусственных средств управления столько миллионов подданных,

из которых каждый имел одинаковые со своим повелителем и личные силы, и личные дарования[52].

Заговорщики привели в исполнение свой план с такой хладнокровной обдуманностью и с такой быстротой, каких требовала важность задуманного дела. Они решили немедленно посадить на вакантный престол такого императора, который не стал бы их преследовать за совершенное преступление. Они остановили свой выбор на бывшем сенаторе-консуляре, городском префекте Пертинаксе, выдающиеся достоинства которого заставили забыть незнатность его происхождения и возвысили его до высших государственных должностей. Он попеременно управлял многими провинциями империи и на всех своих важных должностях, как военных, так и гражданских, отличался твердостью, благоразумием и бескорыстием[53]. Он был почти единственный из друзей и приближенных Марка Аврелия, оставшихся в живых, и когда он был разбужен в поздний час ночи известием, что его желают видеть императорский камергер и префект, он встретил их с неустрашимым мужеством и пригласил исполнить приказания их повелителя. Но вместо смертного приговора они принесли ему приглашение вступить на римский престол. В течение нескольких минут он относился с недоверием к их предложениям и настояниям. Убедившись, наконец, в смерти Коммода, он принял императорское звание с непритворной неохотой, происходившей от сознания как обязанностей, так и опасностей, сопряженных с верховной властью[54].

Лэт немедленно повез нового императора в лагерь преторианцев, распуская по городу слух, что Коммод внезапно умер от паралича и что добродетельный Пертинакс *уже* вступил на престол. Гвардейцы были скорее удивлены, нежели обрадованы, подозрительной смертью государя, который только к ним одним был добр и щедр; но необходимость немедленно принять какое-нибудь решение, а также авторитет их префекта, репутация Пертинакса и народные возгласы заставили их заглушить свое тайное неудовольствие, принять обещанные новым императором подарки, принести ему присягу в верности и сопровождать его с радостными восклицаниями и лавровыми листьями в руках до здания сената, для того чтобы согласие армии было подтверждено гражданской властью.

Бóльшая часть этой тревожной ночи уже прошла; сенато-

ры ожидали, что на другой день, который был днем нового года, они будут с раннего утра приглашены присутствовать на унизительной для них церемонии. Несмотря на все увещания со стороны тех из своих фаворитов, которые еще сохранили некоторое уважение к требованиям благоразумия и приличия, Коммод решил, что он проведет эту ночь в школе гладиаторов, а оттуда отправится принимать консульское звание в одежде гладиатора и в сопровождении этой гнусной толпы. Перед рассветом сенаторы неожиданно получают приглашение собраться вместе с гвардией в храме Согласия, для того чтобы утвердить избрание нового императора[55]. Они сидели несколько минут в безмолвной нерешительности, не веря в свое неожиданное спасение и подозревая какую-нибудь коварную проделку Коммода; но когда наконец они убедились, что тиран действительно умер, они предались радостным восторгам и вместе с тем выражениям своего негодования. Пертинакс скромно отговаривался незнатностью своего происхождения и указывал им на некоторых знатных сенаторов, более его достойных императорского звания, но они почтительно настояли на том, чтобы он взошел на престол и принял все титулы императорской власти, сопровождая свои настояния самыми искренними выражениями преданности.

Память Коммода была заклеймена вечным позором. Слова "тиран, гладиатор, общественный враг" раздавались во всех углах храма. После шумной подачи голосов сенаторы решили, что все почетные звания Коммода будут отменены, что его титулы будут стерты с публичных зданий, что его статуи будут низвергнуты и его труп для удовлетворения народной ярости будет стащен крючьями в комнату, где раздеваются гладиаторы; вместе с тем они выразили свое негодование против тех усердных прислужников, которые хотели укрыть смертные останки своего господина от исполнения над ним сенатского приговора. Но Пертинакс приказал воздать умершему последние почести - частью из уважения к памяти Марка Аврелия, частью уступая слезам своего первого покровителя Клавдия Помпейяна, который горевал не столько о страшной участи своего зятя, сколько о том, что эта участь была заслуженной[56].

Эти излияния бессильной ярости против умершего императора, бывшего в течение своей жизни предметом самой низ-

кой лести со стороны сената, обнаруживали жажду мщения хотя и основательную, но лишенную благородства. Впрочем, легальность упомянутых декретов опиралась на принципы императорской конституции. Порицать, низвергать или наказывать смертью первого сановника республики, употребившего во зло вверенную ему власть, было древним и бесспорным правом римского сената[57]; но это бессильное собрание было вынуждено довольствоваться тем, что налагало на павшего тирана кары правосудия, от которых он в течение своей жизни и своего царствования был огражден страшной силой военного деспотизма.

Пертинакс нашел более благородный способ осудить память своего предшественника: он выказал в ярком свете свои добродетели в противоположность порокам Коммода. В день своего восшествия на престол он передал своей жене и сыну все свое личное состояние, чтобы они не имели предлога просить милостей в ущерб государству. Он не захотел потакать тщеславию первой дарованием ей титула Августы и не захотел развращать неопытную юность второго возведением его в звание Цезаря. Тщательно отделяя обязанности отца от обязанностей государя, он воспитывал сына в суровой простоте, которая, не давая ему положительной надежды наследовать отцу, могла со временем сделать его достойным этой чести. На публике Пертинакс был серьезен и приветлив. Он проводил время в обществе самых достойных сенаторов (будучи частным человеком, он изучил настоящий характер каждого из них), не обнаруживая ни гордости, ни зависти, и смотрел на них как на друзей и товарищей, с которыми он разделял все опасности при жизни тирана и вместе с которыми он желал наслаждаться безопасностью настоящего времени. Он часто приглашал их на бесцеремонные вечерние развлечения, возбуждавшие своей простотой насмешки со стороны тех, кто еще не забыл и сожалел о пышной расточительности Коммода[58].

Пертинакс задал себе приятную, но грустную задачу - залечить, насколько это было возможно, раны, нанесенные рукой тирана. Еще находившиеся в живых невинные жертвы Коммода были возвращены из ссылки или освобождены из тюремного заключения; им возвратили и прежние отличия,и отобранное у них имущество. Лишенные погребения трупы убитых сенаторов (ведь жестокосердие Коммода старалось

проникнуть и за пределы гроба) были похоронены в их фамильных склепах; честь их имени была восстановлена, и было сделано все, что можно, чтобы утешить их разоренные и погруженные в скорбь семьи. Между этими утешениями самым приятным для всех было наказание доносчиков, этих опасных врагов и государя, и добродетели, и отечества. Но даже в преследовании этих опиравшихся на букву закона убийц Пертинакс выказал твердость своего характера, предоставив их судьбу правосудию и совершенно устранив влияние народных предрассудков и народной жажды мщения.

Государственные финансы требовали самых тщательных забот со стороны императора. Несмотря на всевозможные беззакония и вымогательства, совершавшиеся с целью наполнять императорскую казну имуществом подданных, хищничество Коммода не могло достигнуть одного уровня с безрассудством его трат, так что после его смерти в казначействе оказалось только тысяч восемь ф. ст.[59] как на текущие расходы управления, так и на щедрые подарки, обещанные новым императором преторианской гвардии. Но и при таком стеснительном положении Пертинакс имел достаточно великодушия и твердости, чтобы отменить все обременительные налоги, придуманные Коммодом, и прекратить все несправедливые взыскания в пользу казначейства. В изданном от имени сената декрете он объявил, что предпочитает честно управлять бедной республикой, нежели приобретать богатства путем тирании и бесчестия. Он считал бережливость и трудолюбие самыми чистыми и естественными источниками богатства и в скором времени извлек из них обильные средства для удовлетворения государственных нужд. Дворцовые расходы были немедленно сокращены наполовину. Пертинакс приказал продать с публичного торга[60] все предметы роскоши, как-то: золотую и серебряную посуду, колесницы особой конструкции, излишние шелковые и вышитые одежды и множество красивых рабов и рабынь, сделав в этом последнем случае только одно внушенное человеколюбием исключение в пользу тех рабов, которые, родившись свободными, были отняты силой у своих родителей. Заставляя недостойных любимцев тирана возвращать часть незаконно приобретенных богатств, он в то же время удовлетворял справедливые требования государственных кредиторов и выплачивал за честные заслуги те суммы, которые

долго оставались в долгу за казначейством. Он отменил стеснительные ограничения, наложенные на торговлю, и раздал все невозделанные земли в Италии и в провинциях тем, кто хотел их обрабатывать, освободив их на десять лет от всяких налогов[61].

Этот благоразумный образ действий доставил Пертинаксу самую благородную для государя награду - любовь и уважение его народа. Те, кто сохранили воспоминание о добродетелях Марка Аврелия, с удовольствием замечали в новом императоре черты этого блестящего образца и льстили себя надеждой, что еще долго будут наслаждаться благотворным влиянием его управления. Но излишняя торопливость, с которой Пертинакс старался уничтожать злоупотребления, и недостаток той осмотрительности, которой можно бы было ожидать и от его лет, и от его опытности, оказались гибельными и для него самого, и для его отечества. Его честная неосмотрительность восстановила против него ту раболепную толпу, которая находила в общественной неурядице свою личную выгоду и предпочитала неумолимой справедливости законов милости тирана[62].

Среди всеобщей радости мрачный и гневный вид преторианской гвардии обнаруживал ее тайное неудовольствие. Она неохотно подчинилась Пертинаксу, так как она боялась строгостей прежней дисциплины, которую он хотел восстановить, и сожалела о своеволии, которому предавалась в предшествовавшее царствование. Ее неудовольствие втайне поддерживалось ее префектом Лэтом, слишком поздно заметившим, что новый император готов награждать за службу, но не позволит управлять собою фавориту. В третий день царствования Пертинакса солдаты захватили одного сенатора с целью отвезти его в свой лагерь и провозгласить императором. Вместо того чтобы прельститься такой опасной честью, испуганная жертва преторианцев спаслась от их насилий и нашла себе убежище у ног императора.

Вскоре после того один из выбиравшихся на год консулов, Созий Фалько, - отважный юноша[63], принадлежавший к древнему и богатому роду, - увлеченный честолюбием, воспользовался отъездом Пертинакса на короткое время из Рима, чтобы составить заговор, который был подавлен благодаря поспешному возвращению императора в столицу и его энергичному образу действий. Фалько был бы приговорен,

как общественный враг, к смертной казни, если бы его не спасло настоятельное и чистосердечное заступничество оскорбленного императора, который упросил сенат не допустить, чтобы чистота его царствования была запятнана кровью даже виновного сенатора.

Эти обманутые ожидания только усиливали раздражение преторианской гвардии. 28 марта - только через восемьдесят шесть дней после смерти Коммода - в ее лагере вспыхнуло общее восстание, которого не могли или не хотели подавить военачальники. От двух- до трехсот самых отчаянных солдат, с оружием в руках и с яростью во взорах, направились около полудня к императорскому дворцу. Им отворили ворота товарищи, стоявшие на часах, и служители прежнего двора, вступившие в заговор против жизни не в меру добродетельного императора. Узнав об их приближении, Пертинакс не захотел искать спасения ни в бегстве, ни в укрывательстве, а выйдя к ним навстречу, стал доказывать им свою собственную невиновность и напоминать о святости недавно принесенной ими присяги. При виде почтенной наружности и величавой твердости своего государя они как будто устыдились своего преступного намерения и простояли несколько минут в безмолвной нерешительности, но отсутствие всякой надежды на помилование снова возбудило в них ярость, и один варвар, родом из Тонгра[64], нанес первый удар Пертинаксу, который тотчас вслед за тем пал от множества смертельных ран. Его голова, отрезанная от туловища и воткнутая на пику, была с триумфом отнесена в лагерь преторианцев на глазах опечаленного и негодующего народа, оплакивавшего незаслуженную гибель отличного государя и скоропреходящие благодеяния такого царствования, воспоминания о котором могли только усилить горечь предстоявших бедствий[65].

---

1) (Философия стоиков скорее способствовала увеличению этой кротости тем, что научала быть равнодушным к внешним случайностям, быть строгим к самому себе и справедливым к другим. Когда темперамент согласуется с принципами, он делает чудеса. - Венк)

2) См. Жалобы Авидия Кассия в "Ист. эп. Цез.", стр. 45. Правда, это жалобы бунтовщика, но и бунтовщики склонны скорее преувеличивать, чем выдумывать.

3) (Здесь идет речь о Л. Вере, который был его братом вследствие

усыновления и товарищем по управлению. У Марка не было другого брата. - Венк)

4) Faustinam satis constat apud Cajetam. conditiones sibi et nauticas et gladiatorias, elegisse (Ист. эпохи Цезарей, стр. 30). Лампридий объясняет, каких достоинств искала Фаустина и какие она устанавливала условия. Ист. эп. Цезарей, стр. 102.

5) Ист. эпохи Цезарей, стр. 34.

6) Размышл., кн. 1. Все смеялись над доверием Марка, но г-жа Дасье уверяет нас (а женщине нельзя не верить), что муж всегда будет обманут, если только жена даст себе труд притворяться.

7) Дион Кассий, кн. 71, стр. 1195. Ист. эпохи Цезарей, стр. 33. Комментарии Шпангейма к "Цезарям" Юлиана, стр. 289. Обоготворение Фаустины есть единственный недостаток, усмотренный Юлианом в безукоризненном характере Марка.

8) (Это возвышение не дало Коммоду (L.Aurel. Commodus Antoninus) возможности "сбросить с себя узы рассудка и авторитета". Чтобы понять это выражение в его настоящем смысле, необходимо разъяснить его некоторыми замечаниями. Коммод получил трибунские полномочия, титул императора и, наконец, титул Августа ("Augustus junior", как значится на медалях), но он оставался в зависимости от отца и как сын, и как младший император. Нет никаких доказательств того, чтобы М.Аврелий когда-либо раскаивался в такой мере, которую он принял, без сомнения, обдуманно, так как он хорошо знал, что упадок его физических сил не позволял ему рассчитывать на долгую жизнь, и так как он желал познакомить сына, под своим собственным руководством, с делами управления. Сбивчивый рассказ Лампридия, писавшего во времена Диоклетиана и не ссылавшегося ни на какой более надежный авторитет, чем на fertur или dicitur (in M.Aurel., гл. 27, 28), сообщает нам только то, что М.Аврелий, перед своею смертью, предвидел и оплакивал дурное управление своего сына. Дион in Xiphilia (стр. 1203) делает точно такое же предположение. Геродиан (кн. 1, гл. 3,4) рассказывает, что перед своею смертью М.Аврелий заботился о том, чтобы его сын не отклонился от тех правил, в которых был воспитан, и чтобы, освободясь в ранней молодости от всяких стеснений, не поддавался тем соблазнам, которыми его окружит абсолютная власть. В этих видах и руководствуясь воспоминанием о многих юных монархах, впавших в пороки, он настоятельно советовал сыну быть очень осмотрительным в выборе его правителей и военачальников. Из всего этого рассказа, равно как из слов умирающего императора и из поведения самого Коммода, который сопровождал отца во время войны с германцами и не тотчас после его смерти дал полный простор своим развратным наклонностям, можно заключить, что М.Аврелий не был дурного мнения о своем сыне и не имел основания быть недовольным его поведением. Юлиан (Цезари, стр. 30, изд.Гейзингера) говорит, что, когда Марка упрекали за то, что он оставил империю в руках такого развратного юноши, он отвечал, что он не предвидел пороков сына, которые никогда не обнаруживались до тех пор, пока он не сделался один императором. Юлиан, без сомнения, мог черпать сведения из исторических сочинений того времени, более полных, чем те, которые дошли до нас, Геродиан (кн. 1, гл. 2) говорит, что он начал свою

историю со смерти М.Аврелия, потому что его управление уже было описано многими отличными историками. Эти историки не могли быть так плохи, как Капитолин. - Венк)

9) Коммод был первый Porphyrogenitus (родившийся на свет после вступления отца на престол). Вследствие особого рода лести на египетских медалях отмечались одними и теми же числами и годы его жизни, и годы его царствования, как будто и те и другие равнозначащи. Tillemont, Hist. des Empereurs, ч. 2 стр. 752.

10) Ист. эпохи Цезарей, стр. 46 (Лампридий (In Commod, гл.1) утверждает, что Коммод был с детства чудовищем. Писатели этого покроя вообще выражаются в таком тоне. По их мнению, и тираны, и добродетельные государи бывают такими от рождения, и все хороши или дурны в одном роде. - Венк)

11) Дион Кассий, кн. 72, стр. 1203.

12) По словам Тертуллиана (Apolog., гл.25), он умер в Сирмии. Но положение Виндобоны, или Вены, которую оба Виктора считают местом его смерти, легче согласовать с ходом военных действий против маркоманнов и квадов. (Квады занимали страну, называемую теперь Моравией; маркоманны сначала жили на берегах Рейна и Майна; они удалились оттуда в царствование Августа и выгнали бойев из Богемии (Balohemum); тогда эти последние переселились в Бойоарию, нынешнюю Баварию. Маркоманны были в свою очередь выгнаны из Богемии сарматами или славинами, которые занимают ее и до сих пор. См. Анвилль, Geogr. anc., ч. 1, стр. 131. - Гизо)

13) (Мне не известно, на каких доказательствах основано это мнение Гиббона. - Венк)

14) Герод., кн. 1, стр. 12.

15) Там же, стр.16.

16) Эта всеобщая радость очень хорошо описана (по медалям и историческим сведениям) Воттоном в "Истории Рима", стр. 192, 193.

17) Пользовавшийся полным доверием Авидия Кассия его секретарь Манилий был арестован после того, как он скрывался в течение нескольких лет. Император великодушно успокоил встревоженную публику, отказавшись его видеть и приказав сжечь его бумаги, содержания которых он даже не захотел узнать. Дион Кассий, кн. 72, стр. 1209.

18) См. Маффеи, degli Amphitheatri, стр. 126 (Очень вероятно, что это случилось в то время, когда император шел в амфитеатр; убийца ожидал его в темном входе. - Венк)

19) Дион, кн. 72, стр. 1205. Геродиан, кн. 1, стр. 16. Ист. эпохи Цезарей, стр. 46.

20) (Заговорщики были сенаторы, и сам Квинтилиан, который должен был нанести смертельный удар, был сенатор. Геродиан, кн. 4, гл. 8. - Венк)

21) В примечаниях к "Истор. эпохи Цезарей" Казобон собрал много подробностей об этих двух знаменитых братьях. См. 96 стр. его ученого комментария (Их сочинение имело предметом земледелие и, на него нередко ссылались позднейшие писатели. См. П.Нидгам, Prolegomena ad Geoponica, in 8-vo, Кэмбридж, 1704, стр. 17 и сл. - Венк). (Филострат в жизнеописании софиста Герода говорит, что

Квинтилианы не были древними римскими гражданами, а были родом из Трои. См. упомянутый выше комментарий Казобона. - Гизо)
22) Дион, кн. 72, стр. 1210; Геродиан, кн. 1, стр. 22; Ист.эпохи Цезарей, стр. 48. Дион не находит характер Переннисе таким отвратительным, каким его изображают другие историки, а его умеренность может служить ручательством за его правдивость. (Гиббон отдает справедливость умеренности, с которой Дион говорит о Переннисе, а между тем он придерживается рассказов Геродиана и Лампридия. Тон Диона в его отзывах о Переннисе более чем умеренный, так как в нем слышатся восторженные похвалы. Дион изображает Перенниса великим человеком, который бескорыстно и благородно посвящал свою жизнь общему благу и умер невинным, а Геродиан и Лампридий изображают его характер таким, какой, по-видимому, должен быть всего более естествен в приближенном Коммода и всего лучше согласуется с ходом последующих событий. Очень может быть, что Дион, получивший в ту пору звание сенатора, был обязан фавориту своей служебной карьерой и ожидал от него новых милостей. Очень может быть, что он был так же пристрастен в своих похвалах дурному министру, бывшему его благодетелем, как он был пристрастен в своих дурных отзывах о таких истинно великих людях, какими были Цицерон и Сенека, так как в его отзывах об этих последних слышится та зависть, с которой греки относились к литературным достоинствам римлян. Но удивительно то, что Гиббон, приняв мнение Геродиана и Лампридия о префекте, заимствовал от Диона неправдоподобный рассказ о его смерти. Трудно поверить, чтобы тысяча пятьсот человек, направляясь в Рим, прошли через Галлию и Италию без всякого предварительного соглашения с преторианской гвардией, без ведома Перенниса, который был их префектом, и не встретив никакого препятствия. Такие вооруженные посольства могут отправляться только в теперешний Рим и от таких монархов, как Людовик Х1У. Вероятно, вследствие сознания этой несообразности Гиббон присовокупил, что эти "вооруженные просители сеяли раздоры между гвардейцами и преувеличивали силы британской армии", хотя численный состав этой армии, без сомнения, был хорошо известен правительству. Впрочем, Дион положительно утверждает, что они не дошли до Рима, и порицает императора за то, что он выехал к ним навстречу вместо того, чтобы выслать против них такой отряд преторианцев, который мог бы остановить их. Геродиан сообщает, что Коммод, узнав от одного солдата о честолюбивых замыслах Перенниса и его сына, командовавшего иллирийскими легионами, приказал, чтобы их схватили в ночное время и умертвили. - Венк.). (Когда у историков встречаются столь резкие противоречия, необходимо принимать в соображение те источники, из которых они черпали свои сведения. Дион Кассий был в полном расцвете жизни, когда происходили описанные события. Когда он писал свой рассказ о них, никакое ожидание награды не могло заставить его льстить памяти давно умершего Перенниса, да и прежнее покровительство со стороны этого последнего основано на одних догадках. Его честность была так безупречна, что Пертинакс, занимавший после Коммода престол в течение нескольких месяцев, дал ему важную должность, на которой его удержали и последовавшие затем императоры. Бла-

годаря этой должности для него, без сомнения, сделались доступными такие документы, из которых он мог почерпнуть факты, остававшиеся до тех пор никому не известными. Геродиан писал пятьюдесятью годами позже, и если, как он утверждает, он не сообщал ничего такого, чего он не видел собственными глазами (под этими словами он, конечно, разумеет то, что происходило в его время), он все-таки был очень молод во время падения Перенниса. Лампридий писал еще сотней лет позже и принадлежит к числу второстепенных авторитетов. - Издат.)

23) Во время второй Пунической войны римляне заимствовали из Азии поклонение Матери богов. Ее праздник Megalesia начинался 4 апреля и продолжался шесть дней. Тогда на улицах становилось тесно от веселых процессий, театры наполнялись зрителями, а за общественными столами мог садиться всякий, кто хотел. Порядок и полицейский надзор прекращались, и забава делалась единственным серьезным занятием всего города. См. Овидий, de Fasti, кн. 4, стр. 189 и пр.

24) Геродиан, кн. 1, стр. 23, 28.

25) Цицерон, pro Flacco, гл. 27.

26) Одно из таких купленных дорогой ценой назначений вызвало остроту, что Юлий Солон был сослан в сенат.

27) Дион (кн. 72. стр. 12,13) замечает, что ни один вольноотпущенный не имел таких богатств, как Клеандр. Впрочем, состояние Палланта превышало 2 500 000 ф.ст. - ter millies.

28) Дион, кн. 72, стр. 12, 13. Геродиан, кн. 1, стр. 29; Ист. эпохи Цезарей, стр. 52. Эти бани находились подле Porta Capena. См. Нардини, Roma Antica, стр. 79.

29) Ист. эпохи Цезарей, стр. 48.

30) Геродиан, кн. 1, стр. 28; Дион, кн. 72, стр. 1215 .

31) (Это не более как догадка Гиббона. Из противоречивых рассказов Диона и Геродиана можно заключить только то, что некоторые злоупотребления по поставке хлеба возбудили неудовольствие в народе. Касательно этого предмета Лампридий (гл. 7) не говорит почти ничего, но он указывает на другое обстоятельство, которое могло содействовать катастрофе, а именно ненависть к Клеандру за казнь Ария Антонина. - Венк)

32) *Tunc que primum tres praefecti praetorio fuere: inter quos libertinus.* Некоторый остаток скромности заставил Клеандра отказаться от титула префекта преторианцев, хотя он и был облечен властью этого сановника. Так как другие вольноотпущенные носили названия a rationibus, abepistolis сообразно с должностями, которые они занимали, то Клеандр назвал себя apuqione, то есть таким лицом, на которое возложена обязанность охранять особу его господина. Салмазий и Казабон ограничились очень неудовлетворительными объяснениями этой цитаты. (Текст Лампридия не дает никакого основания думать, что Клеандр был тот из числа трех преторианских префектов, который назывался apuquione; Салмазий и Казобон, как кажется, также этого не думали. См. Истор. эп. Цезарей, стр. 48; комментарий Салмазия, стр. 116, комментарий Казобона, стр. 95. - Гизо)

33) Геродиан, кн. 1, стр. 31. Трудно решить, говорит ли этот автор о

преторианской пехоте или о городских когортах, которые состояли из шести тысяч человек, но не имели ни такого ранга, ни такой дисциплины, которые соответствовали бы их численному составу. Ни Тильемон, ни Воттон не пытались разрешить этот вопрос. (Я не нахожу здесь никаких поводов для недоразумений. Геродиан ясно обозначает городские когорты. Ср. Дион, стр. 797. - *Венк*)

34) Дион Кассий, кн. 72, стр. 1215; Геродиан, кн. 1, стр. 32; Ист. эпохи Цезарей, стр. 48.

35) Sororibus suis constupratis. Ipsas cjoncubinas suas sub oculis suis stuprori jubebat, Nec irruentium in se juvenum carebat infamia, omni parte corporis atque ore in sexum utrumque pollutus. Ист. эпохи Цезарей, стр. 47.

36) Африканские львы, когда их мучил голод, безнаказанно опустошали беззащитные селения и возделанные поля. Эти животные предназначались для забав императора и столицы, и несчастный крестьянин, убивший одного из них, хотя бы для своей личной защиты, подвергался очень тяжелому наказанию. Этот необычайный закон был смягчен Гонорием и окончательно отменен Юстинианом. Код. Феод., ч. 5 стр. 92 и коммент. Готофр.

37) Шпангейм, de Numismat, диссертация 12, ч. 2, стр. 493.

38) Дион, кн. 72, стр. 1216. Ист. эпохи Цезарей, стр. 49.

39) Шея страуса имеет три фута длины и состоит из семи позвонков. См. Бюффон. Натур. истор.

40) Коммод убил камелопарда, или жирафа (Дион, кн. 72, стр. 1211), - самое большое, самое кроткое и самое бесполезное из всех крупных четвероногих. Это оригинальное животное находится только во внутренних частях Африки; оно ни разу не было видано в Европе со времени возрождения наук, и хотя Бюффон (Натур. ист., ч. 13) попробовал описать его, однако не решился его нарисовать. (Едва ли нужно замечать, что с тех пор, как это примечание было написано Гиббоном, жираф сделался очень хорошо знакомым Европе. - *Издат.*)

41) Геродиан, кн. 1, стр. 37, Ист. эпохи Цезарей, стр. 50.

42) Добродетельные и даже только благоразумные императоры запрещали сенаторам и всадникам вступать в эту постыдную профессию под страхом позора или - что было еще более страшно для этих распутных негодяев - под страхом ссылки. А тираны, напротив того, прибегали к угрозам и к наградам, чтобы вовлечь их в это унижение. Нерон однажды вывел на арену сорок сенаторов и пятьдесят всадников. См. Липсий,Saturnalia, кн. 2, гл. 2. Этот ученый очень удачно исправил одно место у Светония в "Жизни Нерона", гл. 12.

43) Липсий, кн. 2, гл. 7,8. Ювенал очень живо описывает в восьмой сатире подобный бой.

44) Ист. эпохи Цезарей, стр. 50. Дион, кн. 72, стр. 1220. Он каждый раз получал decies, то есть около 8000 фунт. ст.

45) Виктор рассказывает, что Коммод дозволял своим противникам употреблять только свинцовое оружие, вероятно опасаясь последствий их отчаяния.

46) Сенаторы были обязаны повторить шестьсот двадцать шесть раз: "Павел - первый из secutor'ов" и пр. (Дион Кассий говорит об этой фразе как о надписи, а не как о возгласе, который он будто бы был

принужден повторять в качестве сенатора. Впрочем, Лампридий, от которого Гиббон заимствовал это примечание (Ист. эп. Цезарей, 1,114), как кажется, хотел сказать, что возглас был повторен при шестистах двадцати различных случаях, а не подряд столько раз. Вот его собственные слова: "Appellatus est sane, inter caetera triumphalia nomina, etiam sexcenties vicies, Paulus primus secutorum". - Издат.)
47) Дион, кн. 72, стр. 1221. Он говорит о своей собственной низости и об опасности, которая ему угрожала.
48) Впрочем, он присовокупил к своему мужеству некоторую дозу осторожности и проводил время большею частью в деревенском уединении, ссылаясь на свои преклонные лета и на слабость зрения. "Я никогда не видал его в сенате, - говорил Дион, - иначе как во время непродолжительного царствования Пертинакса". Тогда все его недуги внезапно исчезли, но они так же внезапно возвратились со смертью этого превосходного императора. Дион, кн. 73, стр. 1227.
49) Префекты сменялись почти ежедневно, а капризы Коммода нередко были гибельны для самых любимых его приближенных. Ист. эпохи Цезарей, стр. 46,51.
50) (Геродиан (кн. 1, гл.17) подробно рассказывает о том, как Коммод решился казнить их смертью в следующую ночь и как они предупредили его ради своего собственного спасения. - Венк.)
51) (Когда Коммод освободился от яда благодаря сильной рвоте, он заподозрил ее причину и стал грозить заговорщикам, которые тогда послали за борцом Нарциссом. - Венк)
52) Дион, кн. 72, стр. 1222. Геродиан, кн. 1, стр. 43. Ист. эпохи Цезарей, стр. 52.
53) Пертинакс был родом из Альбы Помпейи, в Пиемонте, и был сыном торговца строевым лесом. Последовательное изменение рода его занятий (описанное Капитолином) достойно внимания тем, что оно знакомит нас с формой правления и с нравами того времени. 1. Он был центурионом. 2. Префектом когорты в Сирии во время войны с парфянами и потом в Британии. 3. Он получил ala, или командование эскадроном кавалерии, в Мезии. 4. Он был начальником провиантского ведомства на Эмилиевой дороге. 5. Он командовал флотом на Рейне. 6. Был правителем Дакии с ежегодным окладом почти в 1600 ф. ст. 7. Командовал ветеранами одного легиона. 8. Получил звание сенатора. 9. Звание претора. 10. Начальство над первым легионом в Реции и Норике. 11. Был консулом около 175 года. 12. Сопровождал Марка Аврелия на Восток. 13. Командовал армией на Дунае. 14. Был легатом-консуляром в Мезии. 15. В Дакии. 16. В Сирии. 17. В Британии. 18. Заведовал общественным продовольствием в Риме. 19. Был проконсулом в Африке. 20. Префектом Рима. Геродиан отдает справедливость его бескорыстию, но Капитолин, всегда повторявший ходившие в народе слухи, говорит, что он имел большое состояние, приобретенное лихоимством.
54) Юлиан (Цезари) говорит, что он участвовал в умерщвлении Коммода.
55) (Сенат обыкновенно собирался ночью накануне первого января, для того чтобы отпраздновать наступление нового года (см. Саварон, Sidon. Appolinar., кн. 8, письмо 6). Это делалось без всяких особых приглашений; никаких приглашений не рассылалось и в том слу-

чае, о котором здесь идет речь. Слова Гиббона "безмолвная нерешимость" сената скорее продукт фантазии, нежели выражение исторического факта. Дион (стр. 1227) говорит только, что большая часть жителей Рима, и в особенности наместники провинций, не верили известиым о смерти Коммода, хотя горячо желали, чтобы оно было верным. Тот, кто сам находился в тот момент в сенате, говорит, что сенат тотчас высказался в пользу Пертинакса, и это подтверждают и Геродиан, и Капитолин, и Виктор. - Венк)

56) Капитолин сообщает нам подробности об этих сенатских решениях; он говорит, что они были предложены одним из сенаторов и потом повторены или, скорее, пропеты всеми членами собрания. Ист. эп. Цезарей, стр. 52. (Эта "шумная подача голосов", о которой говорит Гиббон, была не что иное, как возгласы или рукоплескания, о которых так часто упоминается в истории императоров. Это обыкновение, зародившееся в театре, перешло на собрания форума, а оттуда в сенат. Плиний Младший сообщает нам (Paneg., гл. 75), что во времена Траяна императорские декреты прежде всего утверждались одобрительными восклицаниями. После того как декрет был прочитан одним из сенаторов, одобрение остальных выражалось чем-то вроде пения или метрической формой одобрения. Вот некоторые из возгласов, с которыми сенаторы обращались к Пертинаксу, выражая свое неодобрение Коммоду: "Host patriae honores detrahantur!"; "Parricidae honores detrahantur!"; "Ut salvi simus, Jupiter Optime Maxime, serva nobis Pertinacem!" Некоторые из этих возгласов повторялись, и в некоторых декретах говорилось, сколько раз они были повторены; вот пример: "Auguste Claudi, Dite nobis praestant!" dictum sexagies. Это обыкновение существовало не только на собственно так называемых государственных совещаниях, но и на всех собраниях сената, имевших какую бы то ни было цель, и сообразно с характером царствующего государя оно служило выражением или искреннего восторга, или раболепного страха. Хотя такой обычай может показаться несообразным с достоинством христианской церкви, первые христиане придерживались его на своих собраниях и синодах, хотя его и не одобряли многие из отцов церкви, и между прочими св. Иоанн Златоуст. См. бессвязный, но старательно составленный сборник Франц. Берн. Феррария: De veterum Plausu et Acclamatione, in Graevii Thesaur. Antiq. Rom., ч. VI - Венк) (Все содержание этого критического замечания скорее подтверждает, нежели исправляет выражение, употребленное Гиббоном. - Издат.)

57) Сенат осудил Нерона на смертную казнь more majorum. Светон., гл. 49. (Это право сената не было признано никаким специальным законом. Оно проистекало само собою из древних конституционных принципов республики. После того как народ был лишен своих прав и комиции были перенесены в сенат, вся верховная власть сосредоточилась в этом собрании, которое передавало ее императорам. Если теория и практика нам кажутся в этом случае не совсем согласными между собою, то это происходит от первоначальной нелегальности императорского управления, расстроившего всю систему и подготовившего падение империи. Гиббон, как кажется, понимает цитату из Светония в том смысле, что сенат осудил Нерона на смертную казнь в силу своего древнего права (more majorum). Но эти слова

Светония относятся не к самому приговору, а к роду смерти, который был назначен согласно с древним законом Ромула. (См. Виктор, Epitome, изд. Арицена, стр. 484, прим. 7). - Венк)
58) Дион (кн. 73, стр. 1223) говорит об этих развлечениях как такой сенатор, который ужинал вместе с императором, а Капитолин (Ист. эпохи Цезарей, стр. 58) - как раб, добывший свои сведения от одного из поваренков.
59) Decies. Благодаря своей благоразумной бережливости Антонин Благочестивый оставил своему преемнику сокровище, состоявшее из vicies septies millies, то есть почти из 22 000 000 ф. ст. (Дион, кн. 73, стр. 1231).
60) Кроме намерения превратить эти бесполезные украшения в деньги Пертинакс, по словам Диона (кн. 73, стр. 1229), руководствовался еще двумя тайными мотивами: он хотел выставить напоказ пороки Коммода и, судя по тому, кто будет покупать эти предметы, узнать, кто те люди, которые всего более на него похожи.
61) Хотя Капитолин передает много пустых толков о частной жизни Пертинакса, он заодно с Дионом и Геродианом восхищается его общественной деятельностью.
62) Leges, rem surdam, inexorabilem esse. Т. Ливий XI,3.
63) По словам Капитолина (который, впрочем, не заслуживает полного доверия), Фалько держал себя с самой дерзкой непристойностью перед Пертинаксом в день его восшествия на престол. Благоразумный император ограничился замечанием, что он слишком молод и неопытен. Истор. эпохи Цезарей, стр. 55.
64) Теперешнее Люттихское епископство. Этот солдат, вероятно, принадлежал к числу батавских конных гвардейцев, которые набирались большей частью в герцогстве Гельдернском и в соседних землях и отличались как своей храбростью, так и смелостью, с которой они переплывали верхом на своих конях через самые широкие и самые быстрые реки. Тацит, Истор., IV, 12, Дионк, кн. 55, стр. 797. Липсий, de Magnitudine Romana, кн. I, гл. 4.
65) Дион, кн. 73, стр. 1252. Геродиан, кн. 2, стр. 60. Ист. эп. Цезарей, стр. 58. Виктор in Epitom. et in Caesaribus; Евтропий, VIII, 16. (Геродиан (кн. 2, гл. 5,6), напротив того, говорит, что убийцы укрывались от народа и что преторианцы готовились защищаться в своем лагере от неожиданного нападения. Лишь только народ узнал о совершенном преступлении, разъяренная толпа бросилась отыскивать виновных, но не могла их найти. - Венк)

ГЛАВА V
Преторианская гвардия публично продает империю Дидию Юлиану. - Клавдий Альбин в Британии, Песценний Нигер в Сирии и Септимий Север в Паннонии восстают против убийц Пертинакса. - Междоусобная война и победа Севера над его тремя соперниками. - Распущенность дисциплины. - Новые принципы управления

Влияние военной силы более ощутимо в обширных монархиях, нежели в мелких государственных единицах. По вычислениям самых компетентных политиков, всякое государство придет в конце концов в истощение, если оно будет держать более одной сотой части своих членов под ружьем и в праздности. Но если бы эта пропорция и была повсюду одинакова, все-таки влияние армии на остальную часть общества будет различно, смотря по тому, как велика ее действительная сила. Выгоды, доставляемые военной тактикой и дисциплиной, утрачиваются, если надлежащее число солдат не соединено в одно целое и если это целое не оживлено одним духом. В небольшой кучке людей такое единство не привело бы ни к каким серьезным результатам, а в неповоротливой громадной массе людей оно было бы практически неприменимо, так как сила этой машины одинаково уничтожается и от чрезмерной тонкости, и от чрезмерной тяжести ее пружин. Чтобы понять справедливость этого замечания, достаточно только сообразить, что не существует такого превосходства природных сил, искусственных орудий или упражнением приобретенной ловкости, которое сделало бы одного человека способным держать в постоянном подчинении целую сотню его собратьев; тиран одного города или небольшого округа скоро поймет, что сотня вооруженных приверженцев будет плохой для него охраной от десяти тысяч крестьян или граждан; но сто тысяч хорошо дисциплинированных солдат будут деспотически повелевать десятью миллионами подданных, а отряд из десяти или пятнадцати тысяч гвардейцев будет способен наводить ужас на многочисленное население громадной столицы.

Численный состав преторианской гвардии, неистовства ко-

торой были первым симптомом и главной причиной упадка Римской империи, едва ли достигал последней из вышеупомянутых цифр[1]. Она вела свое начало от времен Августа. Этот хитрый тиран, понимавший, что законы могут только приукрасить незаконно захваченную им власть, но что одна только вооруженная сила может ее поддержать, мало- помалу организовал этот сильный отряд гвардейцев, всегда готовый охранять его особу, внушать страх сенату и предупреждать или подавлять всякую попытку восстания. Он отличил эти привилегированные войска от остальной армии двойным жалованьем и высшими правами, а так как их страшный вид мог встревожить и раздражить жителей Рима, то он оставил в столице только три когорты, а остальные разместил по соседним городам[2]. Но по прошествии пятидесяти лет мира и рабства Тиберий отважился на решительную меру, навсегда заклепавшую кандалы его отечества. Под благовидным предлогом освобождения Италии от тяжелого бремени военного постоя и введения более строгой дисциплины между гвардейцами он собрал их в Риме и поместил в постоянном лагере[3], который был укреплен с искусным старанием[4] и по своему положению господствовал над городом[5].

Такие грозные слуги всегда необходимы, а нередко и гибельны для деспотизма. Вводя преторианских гвардейцев во внутренность дворца и в сенат, императоры предоставляли им возможность узнать их собственную силу и слабость гражданского правительства, а также случай относиться к порокам своего повелителя с фамильярным презрением и откладывать в сторону тот почтительный страх, который тогда только внушается мнимым величием, когда это величие созерцается издали и когда оно покрыто таинственностью. Среди пышной праздности богатого города их гордость находила для себя пищу в сознании их непреодолимой силы; и от них невозможно было скрыть, что в их руках находились и особа государя, и авторитет сената, и государственная казна, и столица империи. Чтобы отвлечь преторианские шайки от таких опасных размышлений, самые твердые и самые влиятельные императоры были вынуждены примешивать ласки к приказаниям и награды к наказаниям; они были вынуждены льстить их гордости, доставлять им развлечения, смотреть сквозь пальцы на их безобразия и покупать их ненадежную преданность щедрыми подарками, которых они требовали со

времен Клавдия как своего законного вознаграждения при восшествии на престол каждого нового императора[6].

Заступники гвардейцев подыскивали аргументы для оправдания их влияния, опиравшегося до тех пор лишь на силу оружия, и старались доказать, что в силу основных принципов конституции *их* согласие необходимо при назначении императора. Они говорили, что, хотя выбор консулов, военачальников и высших должностных лиц и был незадолго перед тем незаконно присвоен сенатом, он составлял древнее и несомненное право римского народа[7]. Но где же можно было отыскать этот народ? Конечно, не в смешанной толпе рабов и иноземцев, наполнявших улицы Рима, конечно, не среди черни, внушавшей презрение столько же своей нищетой, сколько низостью своих чувств. Защитники государства, выбранные из самой лучшей италийской молодежи[8] и воспитанные в военном ремесле и в уважении к добродетели, были настоящими представителями народа и более, чем кто-либо другой, имели право выбирать военного главу республики. Хотя эти аргументы и не удовлетворяли требованиям здравого смысла, они сделались неопровержимыми с того момента, как неистовые преторианцы перетянули на свою сторону весы, бросив на них, подобно варварскому завоевателю Рима, свой меч[9].

Преторианцы нарушили святость престола зверским умерщвлением Пертинакса, а своим последующим поведением они унизили его величие. Их лагерь остался без начальника, так как даже префект Лэт, возбудивший всю эту бурю, благоразумно уклонился от взрывов общественного негодования. Тесть императора, римский губернатор Сульпиций, посланный в лагерь при первом известии о мятеже, старался среди общего беспорядка успокоить бушевавшую толпу, но его слова были заглушены шумными возгласами убийц, несших на пике голову Пертинакса. Хотя история постоянно доказывает нам, что все наши принципы и страсти подчиняются всесильным внушениям честолюбия, однако нам верится с трудом, что в ту ужасную минуту Сульпиций задумал достигнуть престола, обрызганного кровью столь близкого родственника и столь превосходного государя. Он уже поднял единственный вопрос, который в данном случае мог привести его к желаемой цели: он завел переговоры о покупке императорского достоинства. Но самые предусмотрительные из пре-

торианцев опасались, что частная сделка не даст им настоящей цены за столь дорогой товар; поэтому они выбежали на вал и громогласно объявили, что Римская империя достанется тому, кто предложит на публичном аукционе высшую цену[10].

Это гнусное предложение, доказывавшее, что наглое своеволие солдат достигло своих крайних пределов, вызвало в городе всеобщую скорбь, стыд и негодование. Наконец, оно дошло до слуха богатого сенатора Дидия Юлиана, который, оставаясь равнодушным к общественному бедствию, предавался наслаждениям роскошной кухни[11]. Его жена и дочь, его вольноотпущенные и блюдолизы без труда уверили его, что он достоин престола, и настоятельно упрашивали воспользоваться таким благоприятным случаем. Тщеславный старик поспешно отправился в лагерь преторианцев, с которыми Сульпиций еще вел переговоры, и, стоя у подножия вала, стал надбавать цену. Этот постыдный торг велся через посредство доверенных лиц, которые поочередно переходили от одного кандидата к другому и извещали каждого из них о цене, предложенной его соперником. Сульпиций уже наобещал каждому солдату по 5 000 драхм (немного более 160 ф. ст.), но Юлиан, горевший нетерпением одержать верх, зараз возвысил сумму подарка до 6 250 драхм, или более чем до 200 ф. ст. Тогда лагерные ворота тотчас отворились перед покупателем; он был объявлен императором и принял присягу на подданство от солдат, которые обнаружили по этому случаю свое человеколюбие, поставив ему непременным условием, чтобы он простил и предал забвению соперничество Сульпиция.

На преторианцах лежала теперь обязанность исполнить условия продажи. Своего нового государя, которого они презирали,хотя и сами выбрали, они поместили посреди своих рядов, со всех сторон прикрыли его своими щитами и, двинувшись вперед в боевом порядке, провели его по пустынным городским улицам. Сенат получил приказание собраться, и те сенаторы, которые были или личными друзьями Пертинакса, или личными врагами Юлиана, нашли нужным выказывать более нежели обыкновенную радость по поводу такого счастливого переворота[12]. Наполнив здание сената вооруженными солдатами, Юлиан произнес длинную речь, в которой говорил о свободе своего избрания, о своих собствен-

ных высоких достоинствах и о своей полной уверенности в преданности сената. Раболепное собрание выразило ему и свою собственную и общую радость, принесло ему присягу в верности и возложило на него все разнообразные полномочия, составлявшие принадлежность императорского достоинства13). В сопровождении того же военного конвоя Юлиан был отведен из сената во дворец. Первыми предметами, бросившимися ему в глаза, были: обезглавленный труп Пертинакса и приготовленный для него скромный ужин. На труп он посмотрел с равнодушием, а на ужин - с презрением. По его приказанию был приготовлен великолепный пир, и он забавлялся долго за полночь игрой в кости и пляской знаменитого танцора Пилада. Однако не остался незамеченным тот факт, что, когда толпа льстецов разошлась, оставив его во мраке и в одиночестве, он предался страшным размышлениям и провел всю ночь без сна; он, вероятно, размышлял о своем опрометчивом безрассудстве, о судьбе своего добродетельного предшественника и о непрочности и опасности высокого положения, которое не было приобретено личными заслугами, а было куплено за деньги14).

И он имел основание трепетать от страха. Сидя на троне, с которого он господствовал над целым миром, он не имел ни одного друга и даже ни одного приверженца. Сами гвардейцы стыдились государя, которого они посадили на престол только из жадности к деньгам, и не было ни одного гражданина, который не считал бы его возвышение отвратительным и в высшей степени оскорбительным для римского имени. Высшие классы общества, вынужденные держать себя крайне осторожно по причине своего видного положения и ради своих огромных имений, скрывали свои чувства и на притворные любезности императора отвечали приветливыми улыбками и изъявлениями преданности. Но люди из простого народа, ничего не боявшиеся благодаря своей многочисленности и незнатности, давали полный простор своим чувствам негодования. На улицах и площадях Рима раздавались протесты и проклятия. Разъяренная толпа оскорбляла Юлиана, отвергала его щедрые дары и, сознавая бессилие своего собственного гнева, громко взывала к легионам, стоявшим на границах империи, приглашая их восстановить поруганное величие Римской империи.

Общее неудовольствие скоро распространилось от центра

империи до ее границ. Армии, стоявшие в Британии, Сирии и Иллирии, оплакивали смерть Пертинакса, вместе с которым или под началом которого они так часто сражались и побеждали. Они с удивлением, негодованием и, может быть, с завистью узнали необычайную новость о продаже преторианцами империи с публичного торга и решительно отказались утвердить эту постыдную денежную сделку. Их немедленное и единодушное восстание оказалось гибельным для Юлиана, но оно в то же время оказалось гибельным и для общественного спокойствия, так как легаты названных армий Клавдий Альбин, Песценний Нигер и Септимий Север думали не столько о том, чтобы отомстить за умерщвление Пертинакса, сколько о том, чтобы достигнуть престола. Их силы были совершенно одинаковы. Каждый из них находился во главе трех легионов[15] и многочисленного отряда союзников, и, хотя характеры их были различны, все они были опытные и способные военачальники.

Легат Британии Клавдий Альбин превосходил обоих своих соперников знатностью происхождения, так как в числе его предков было несколько самых знаменитых людей древней республики[16]. Но та ветвь, от которой он вел свое происхождение, впала в бедность и переселилась в одну из отдаленных провинций. Трудно составить себе верное понятие о его характере. Его упрекали в том, что под суровой маской философа он скрывал многие из таких пороков, которые унижают человеческую натуру[17]. Но его обвинителями были те продажные писатели, которые преклонялись перед фортуной Севера и попирали ногами прах его несчастного противника. Если не сама добродетель, то ее внешний вид доставил Альбину доверие и уважение Марка Аврелия, а тот факт, что он внушал сыну такое же сочувствие, какое находил в отце, служит по меньшей мере доказательством большой гибкости его характера. Милостивое расположение тирана не всегда служит доказательством того, что предмет этого расположения лишен всяких личных достоинств; может случиться, что тиран бессознательно награждает человека достойного и знающего или находит полезной для себя служебную деятельность такого человека. Альбин, как кажется, никогда не был ни орудием жестокостей сына Марка Аврелия, ни даже товарищем в его забавах. Он занимал важный и почетный пост вдалеке от столицы, когда получил секретное письмо от им-

ператора, который извещал его об изменнических замыслах некоторых недовольных военачальников и уполномочивал его провозгласить себя охранителем и наследником престола, приняв титул и знаки отличия Цезаря[18]. Легат Британии благоразумно отклонил от себя эту опасную честь, которая сделала бы его предметом зависти и могла бы вовлечь его самого в ту гибель, которая неминуемо ожидала Коммода. Чтобы достигнуть верховной власти, он прибегнул к более благородным или, по меньшей мере, к более благовидным средствам. Получив преждевременное известие о смерти императора, он собрал свои войска, объяснил им в красноречивых выражениях неизбежный вред деспотизма, описал им счастье и славу, которыми наслаждались их предки под консульским управлением, и объявил о своей твердой решимости возвратить сенату и народу их законные права. Эта популярная речь вызвала радостные возгласы британских легионов и была принята в Риме с тайным ропотом одобрения. Считая себя самостоятельным хозяином вверенной ему провинции и находясь во главе армии, которая, правда, отличалась не столько своей дисциплиной, сколько своим численным составом и храбростью[19], Альбин не обращал никакого внимания на угрозы Коммода, относился к Пертинаксу с гордой и двусмысленной сдержанностью и тотчас восстал против узурпации Юлиана. Происшедшие в столице волнения придали еще более веса его патриотическим чувствам или, правильнее сказать, его патриотическим заявлениям. Чувство приличия побудило его отказаться от высоких титулов Августа и императора; он, может быть, хотел следовать примеру Гальбы, который, находясь точно в таком же положении, назвал себя наместником сената и народа[20].

Благодаря только своим личным достоинствам Песценний Нигер, несмотря на незнатность своего происхождения, возвысился до прибыльного и важного командования в Сирии, которое при внутренних междоусобицах могло проложить ему путь к престолу. Впрочем, по своим дарованиям он, как кажется, был годен скорее для второстепенного, нежели для высшего, поста в империи; он не мог равняться со своими соперниками, хотя и мог бы быть отличным помощником для Севера, который впоследствии выказал величие своего ума, приняв некоторые из полезных учреждений, введенных его побежденным врагом[21]. Во время своего управления Нигер

приобрел уважение солдат и любовь местного населения. Суровой строгостью дисциплины он поддержал в армии мужество и повиновение, а изнеженные жители Сирии восхищались не столько мягкой твердостью его управления, сколько его приветливым обхождением и тем, что он с удовольствием посещал их беспрестанные роскошные празднества[22]. Лишь только известие о зверском умерщвлении Пертинакса достигло Антиохии, вся Азия пожелала, чтобы Нигер отомстил за его смерть и сам принял императорское достоинство. Легионы, стоявшие на восточной границе, приняли его сторону; все богатые, но безоружные провинции, лежащие между Эфиопией[23] и Адриатическим морем, охотно подчинились его власти, а цари по ту сторону Тигра и Евфрата поздравили его с избранием и предложили ему свои услуги. Но Нигер не имел достаточной твердости ума, чтобы уметь воспользоваться таким внезапным наплывом благоприятных обстоятельств; он льстил себя надеждой, что его восшествие на престол не встретит препятствий, со стороны каких-либо соперников и что оно не будет запятнано пролитием крови в междоусобице, и в то время, как он наслаждался суетным блеском своего триумфа, он ничего не предпринимал, чтобы обеспечить победу. Вместо того чтобы войти в переговоры с могущественными западными армиями, которые были в состоянии решить судьбу империи или по меньшей мере сильно повлиять на нее, и вместо того чтобы немедленно двинуться в Рим и в Италию, где с нетерпением ожидали его прибытия[24], Нигер тратил среди наслаждений Антиохии те невозвратимые минуты, которыми деятельно пользовался решительный и предприимчивый Север[25].

Паннония и Далмация, занимавшие все пространство между Дунаем и Адриатическим морем, принадлежали к числу самых поздних завоеваний римлян и стоили им всего более усилий. Двести тысяч тамошних варваров взялись за оружие для защиты своей национальной свободы, навели страх на престарелого Августа и заставили Тиберия быть крайне бдительным и осторожным, несмотря на то что он находился во главе всех военных сил империи[26]. Паннония в конце концов подчинилась военной силе и учреждениям Рима. Но ее недавнее покорение, соседство и даже примесь непобежденных племен и, может быть, климат, как было замечено благоприятствовавший размножению крупной породы людей с

ограниченными умственными способностями[27)], - все это содействовало тому, что ее жители сохранили некоторые остатки своей прежней свирепости и под смиренной личиной римских подданных нередко обнаруживали отвагу своих предков. Их воинственная молодежь была неистощимым запасом рекрутов для тех легионов, которые были расположены по берегам Дуная и которые вследствие беспрестанных войн с германцами и сарматами приобрели репутацию самых лучших войск империи.

Паннонийская армия находилась в ту пору под командованием африканского уроженца Септимия Севера, который, мало-помалу возвышаясь по службе, умел скрывать свое отважное честолюбие, никогда не отвлекавшееся от своей постоянной цели ни приманкой удовольствий, ни страхом опасностей, ни чувствами человеколюбия[28)]. При первом известии об умерщвлении Пертинакса он собрал свои войска, описал им самыми яркими красками преступления, дерзость и слабость преторианской гвардии и воодушевил легионы воззванием к восстанию и к отмщению. Он окончил свою речь (и это окончание все нашли в высшей степени красноречивым) тем, что обещал каждому солдату около 400 ф. ст., то есть вдвое больше той гнусной подачки, за которую Юлиан купил империю[29)]. Армия тотчас приветствовала Севера именами Августа, Пертинакса и императора, и он таким образом наконец достиг того высокого положения, на которое его призывало сознание своих достоинств, а также длинный ряд снов и предсказаний, бывших продуктом или его суеверий, или его политики[30)].

Новый кандидат на императорский престол понимал выгоды своего положения и умел ими пользоваться. Управляемая им страна простиралась до Юлианских Альп, через которые было нетрудно проникнуть в Италию, и он помнил слова Августа, что паннонийская армия может появиться через десять дней под стенами Рима[31)]. Действуя со скоростью, соответствовавшей важности предприятия, он мог основательно надеяться, что он успеет отомстить за смерть Пертинакса, наказать Юлиана и сделаться с согласия сената и народа законным императором прежде, нежели его соперники, отделенные от Италии огромными водяными и сухопутными пространствами, узнают о его успехах или даже только о его избрании. Во время всего похода он позволял себе останавли-

ваться лишь на самое короткое время для сна и для утоления голода; он шел во главе своих колонн пешком и в полном вооружении, старался внушать войскам доверие и привязанность, поощрял их усердие, внушал им бодрость, поддерживал их надежды и охотно разделял с простыми солдатами все лишения, помня, как велика ожидаемая им за то награда.

Несчастный Юлиан ожидал, что ему придется оспаривать верховную власть у легата Сирии, и считал себя достаточно к этому подготовленным, но в непреодолимом и быстром приближении паннонийской армии он видел свою неизбежную гибель. Прибытие каждого курьера усиливало его основательные опасения. Он получил одно за другим известия, что Север перешел через Альпы, что италийские города, не желавшие или не бывшие в состоянии остановить его наступательное движение, встречали его с самыми горячими изъявлениями радости и преданности, что важный город Равенна сдался ему без сопротивления и что адриатический флот был в руках победителя. Неприятель уже находился в двухстах пятидесяти милях от Рима, и с каждой минутой суживалась сфера деятельности и власти Юлиана.

Впрочем, он попытался если не предотвратить, то по крайней мере отдалить свою гибель. Он стал искать опоры в продажной преданности преторианцев, наполнил город бесплодными военными приготовлениями, воздвиг укрепления вокруг предместий и даже укрепил дворец, как будто была какая-нибудь возможность защитить этот последний оплот против победоносного врага, когда не было никакой надежды на помощь извне. Страх и стыд не позволили гвардейцам покинуть его знамена, но они трепетали при одном имени паннонийских легионов, находившихся под командованием опытного легата и привыкших одерживать победы над варварскими обитателями холодных берегов Дуная[32]. Они со вздохом отказались от приятного препровождения времени в банях и в театрах для того, чтобы взяться за оружие, владеть которым они почти совсем отучились и тяжесть которого казалась им обременительной. Они надеялись, что вид слонов наведет ужас на северную армию, но эти дурно выученные животные сбрасывали на землю своих седоков, а неуклюжие военные маневры моряков, вызванных из Мисены, служили для черни предметом насмешек; между тем сенаторы смот-

рели с тайным удовольствием на затруднительное положение и бессилие узурпатора[33].

Во всех своих действиях Юлиан обнаруживал страх и нерешительность. Он то настоятельно требовал, чтобы сенат признал Севера общественным врагом, то выражал желание разделить с командиром паннонийской армии императорскую власть[34]. Он то отправлял к своему сопернику официальных послов консульского звания для ведения переговоров, то подсылал к нему тайных убийц. Он приказал, чтобы весталки и жрецы вышли в своих облачениях и в торжественной процессии навстречу паннонийским легионам, неся священные символы римской религии, но в то же самое время он старался узнать волю богов и умилостивить их путем магических церемоний и постыдных жертвоприношений[35].

Север, не боявшийся ни его военных приготовлений, ни волшебных чар, старался ограждать себя только от одной опасности - от тайного заговора и с этой целью окружил себя отрядом из шестисот избранных людей, которые никогда не покидали его и не снимали своих лат ни ночью ни днем в течение всего похода. Постоянно продвигаясь быстрым шагом вперед, он перешел без затруднений ущелья Апеннин, склонив на свою сторону войска и послов, которые были отправлены к нему навстречу с целью задержать его движение, и остановился на короткое время в Интерамне, почти в семидесяти милях от Рима. Его торжество уже было несомненно, но оно могло бы стоить много крови, если бы преторианцы стали от отчаяния сопротивляться, а Север был одушевлен похвальным честолюбием вступить на престол, не обнажая меча[36]. Его агенты, рассыпавшись по столице, уверяли гвардейцев, что, если только они предоставят на волю победителя судьбу своего недостойного государя и судьбу убийц Пертинакса, Север не будет возлагать на всю гвардию ответственность за это печальное событие[37]. Вероломные преторианцы, сопротивление которых не имело много основания, кроме злобного упорства, с радостью согласились на столь легкие для них условия, захватили почти всех убийц и объявили сенату, что они более не намерены служить Юлиану. Собравшись по приглашению консула на заседание, это собрание единогласно признало Севера законным императором, декретировало божеские почести Пертинаксу и произнесло над его несчастным преемником приговор, присуждавший

его к низвержению с престола и к смертной казни. Юлиан был отведен в одну из дворцовых бань и обезглавлен как самый обыкновенный преступник*). Таков был конец человека, купившего ценой огромных сокровищ шаткий и окруженный опасностями престол, на котором он продержался только шестьдесят шесть дней[38]. А почти невероятный поход Севера, совершившего во главе многочисленной армии в столь короткое время переход от берегов Дуная до берегов Тибра, свидетельствует и об изобилии продуктов земледелия и торговли, и о хорошем состоянии дорог, и о дисциплине легионов, и, наконец, о бесстрастной покорности провинций[39].

Север прежде всего позаботился об отмщении за смерть Пертинакса, а затем о воздании надлежащих почестей праху покойного императора; первую из этих мер ему внушила политика, вторую - чувство приличия. Перед своим вступлением в Рим он приказал преторианцам ожидать его прибытия на большой равнине близ города и при этом быть безоружными, но в парадных мундирах, в которых они обыкновенно сопровождали своего государя. Эти кичливые войска исполнили его приказание не столько из раскаяния, сколько вследствие овладевшего ими страха. Избранный отряд иллирийской армии окружил их со всех сторон с направленными против них копьями. Не будучи в состоянии ни спастись бегством, ни сопротивляться, они ожидали своей участи с безмолвной покорностью. Север взошел на свой трибунал, сделал им строгий выговор за их вероломство и подлость, с позором отставил их от службы, отнял у них роскошные украшения и сослал их, под страхом смертной казни, на расстояние ста миль от столицы. Во время этой экзекуции другой отряд войск был послан с приказанием отобрать их оружие, занять их лагерь и предупредить всякую отчаянную попытку с их стороны[40].

Затем совершено было погребение и обоготворение Пертинакса со всем великолепием, какое возможно при столь печальной церемонии[41]. С удовольствием, смешанным с грустью, отдал сенат этот последний долг превосходному государю, которого он любил и о потере которого еще сожалел. Печаль Севера была, по всей вероятности, менее искренна. Он уважал Пертинакса за его добродетели, но эти добродете-

*) Лишение головы - обычная казнь римского гражданина за уголовные и политические преступления (см. ниже, казнь Клодия Альбина). (*Примеч. ред.*)

ли всегда служили бы преградой для его честолюбия и заграждали бы ему путь к престолу. Он произнес надгробное слово с выработанным красноречием, с чувством самодовольства и с притворным чувством скорби; этим почтительным преклонением перед добродетелями Пертинакса он внушил легковерной толпе убеждение, что *он один* достоин занять место покойного. Впрочем, хорошо понимая, что не пустыми церемониями, а только оружием можно поддержать свои притязания на верховную власть, он по прошествии тридцати дней покинул Рим и, не обольщаясь своим легким успехом, стал готовиться к борьбе с более опасными противниками.

Имея в виду редкие дарования Севера и его блестящий успех, один изящный историк сравнил его с первым и величайшим из Цезарей[42]. Но это сравнение по меньшей мере не полно. Разве можно отыскать в характере Севера то душевное величие, то благородное милосердие и тот обширный ум, которые умели согласовать и соединять склонность к удовольствиям, жажду знания и пыл честолюбия?[43] Этих двух людей можно сравнивать между собою только в том, что касается быстроты их военных движений и побед, одержанных в междоусобных войнах. Менее чем в четыре года[44] Север подчинил себе и богатый Восток, и воинственный Запад. Он осилил двух славившихся своими дарованиями соперников и разбил многочисленные армии, так же хорошо вооруженные и так же хорошо дисциплинированные, как его собственная. В то время искусство фортификации и правила тактики были хорошо знакомы всем римским военачальникам, а потому постоянное превосходство Севера было превосходством артиста, пользовавшегося теми же орудиями, что и его соперники, но с бóльшим искусством и с большей предприимчивостью. Я не имею намерения подробно описывать эти военные операции; так как обе междоусобные войны - и та, которую он вел против Нигера, и та, которую он вел против Альбина, - сходны между собой и по способу их ведения, и по выдающимся фактам, и по их последствиям, то я ограничусь соединением в одно целое тех интересных обстоятельств, которые всего лучше уясняют и характер победителя, и положение империи. Хотя вероломство и неискренность кажутся несовместимыми с достоинством государственного управления, однако в этой сфере они возмущают

нас менее, нежели в частной жизни. В этой последней они свидетельствуют о недостатке мужества, а в государственных делах они служат лишь признаком бессилия; но так как даже самый даровитый государственный человек не имеет достаточной личной силы, чтобы держать в повиновении миллионы подчиненных ему существ и миллионы врагов, то ему как будто с общего согласия разрешается употреблять в дело лукавство и притворство под общим названием политики. Тем не менее хитрости Севера не могут быть оправданы даже самыми широкими привилегиями, обыкновенно предоставляемыми ведению государственных дел. Он давал обещания только для того, чтобы обманывать, он льстил только для того, чтобы погубить, и, хотя ему случалось связывать себя клятвами и договорами, его совесть, повиновавшаяся велениям его интересов, всегда освобождала его от бремени стеснительных обязательств[45].

Если бы два его соперника осознали общую для них обоих опасность и немедленно двинули против него все свои силы, Север, может быть, не устоял бы против их соединенных усилий. Если бы даже каждый из них напал на него по своим особым соображениям и только со своими собственными силами, но в одно и то же время, борьба могла бы быть продолжительной и исход ее был бы сомнителен. Но они поодиночке и один вслед за другим сделались легкой добычей как коварств, так и военных дарований хитрого врага, который усыпил их кажущейся умеренностью своих желаний и подавил быстротой своих движений. Сначала он двинулся против Нигера, который по своей репутации и по своему могуществу внушал ему всего более опасений, но он воздержался от всяких проявлений своей вражды, ни разу не произнес имени своего соперника и только заявил сенату и народу о своем намерении восстановить порядок в восточных провинциях. В частных разговорах он отзывался о своем старом приятеле и вероятном преемнике[46] Нигере с самым сердечным уважением и чрезвычайно одобрял его за великодушное намерение отомстить за убийство Пертинакса. Он полагал, что каждый римский военачальник исполнил бы свой долг, наказав низкого узурпатора, и совершил бы преступление лишь в том случае, если бы оказал вооруженное сопротивление законному императору, признанному сенатом[47]. Сыновья Нигера попали в его руки вместе с детьми других наместников про-

винций, задержанными в Риме в качестве заложников за верность их родителей[48]. Пока могущество Нигера внушало страх или только уважение, они воспитывались с самой нежной заботливостью вместе с детьми самого Севера, но они очень скоро были вовлечены в гибель их отца; сначала изгнание, а потом смерть удалили их от взоров сострадательной публики[49].

Север имел основание опасаться, что, в то время как он будет занят войной на Востоке, легат Британии переправится через пролив, перейдет через Альпы, займет вакантный императорский престол и воспротивится его возвращению, опираясь на авторитет сената и на военные силы Запада. Двусмысленный образ действий Альбина, выразившийся в непринятии императорского титула, открывал полный простор для ведения переговоров. Забыв и свои патриотические заявления, и свое стремление к верховной власти, этот легат принял зависимое положение от Цезаря как награду за свой пагубный нейтралитет. Пока борьба с Нигером не была доведена до конца, Север всячески выражал свое уважение и внимание к человеку, гибель которого была решена в его уме. Даже в письме, в котором он извещает Альбина о победе над Нигером, он называет Альбина своим братом по душе и товарищем по управлению, передает ему дружеские приветствия от своей жены Юлии и от своих детей и просит его поддерживать в войсках и в республике преданность их общим интересам. Лицам, отправленным с этим письмом, было приказано приблизиться к Цезарю с уважением, испросить у него частную аудиенцию и воткнуть их мечи в его сердце[50]. Заговор был открыт, и слишком доверчивый Альбин наконец переправился на континент и стал готовиться к неравной борьбе с противником, устремившимся на него во главе испытанной и победоносной армии.

Трудности, с которыми пришлось бороться Северу, по-видимому, были незначительны в сравнении с важностью его военных успехов. Только два сражения - одно близ Геллеспонта, а другое в узких ущельях Киликии - решили судьбу его сирийского соперника, причем европейские войска выказали свое обычное превосходство над изнеженными уроженцами Азии[51]. Битва при Лионе, в которой участвовали сто пятьдесят тысяч[52] римлян, была одинаково гибельна для Альбина. Мужество британской армии долго и упорно боро-

лось со стойкой дисциплиной иллирийских легионов. Были такие минуты, когда казалось, что Север безвозвратно загубил и свою репутацию, и самого себя, но этот воинственный государь сумел ободрить свои упавшие духом войска и снова двинуть их вперед к решительной победе[53]. Этим достопамятным днем война была кончена.

Междоусобные войны, раздиравшие Европу в более близкие к нам времена, отличались не только свирепостью вражды между борющимися сторонами, но и упорной настойчивостью. Они обыкновенно велись из-за какого нибудь принципа или по меньшей мере возникали из-за какого-нибудь предлога, основанного на религии, на привязанности к свободе или на чувстве долга. Вожаками их были люди из высшего сословия, обладавшие независимым состоянием и наследственным влиянием. Солдаты сражались как люди, заинтересованные исходом борьбы, а так как воинственное настроение и свойственное политическим партиям рвение одушевляли всех членов общества, то побежденный вождь был немедленно заменяем кем-нибудь из своих приверженцев, готовым проливать свою кровь за то же самое дело. Но римляне сражались после падения республики только из-за выбора своего повелителя. Под знамена какого-нибудь популярного кандидата на императорский престол иные, и очень немногие, стекались из личной преданности, иные из страха, иные из личных расчетов, но никто из-за принципа[54]. Легионы вовлекались в междоусобицы не духом партий, а щедрыми подарками и еще более щедрыми обещаниями. Поражение, отнимавшее у вождя возможность исполнить свои обязательства, освобождало его последователей от продажной присяги в верности и заставляло их заблаговременно покидать погибшее дело ради своей личной безопасности. Для провинций было безразлично, от чьего имени их угнетали или ими управляли; они повиновались импульсу, исходившему от господствовавшей в данную минуту власти, и лишь только эта власть должна была преклониться перед превосходством чьих-либо сил, они спешили вымолить прощение у победителя, который был вынужден для уплаты своего громадного долга приносить самые виновные провинции в жертву алчности своих солдат. На обширном пространстве Римской империи было очень мало укрепленных городов, способных служить оплотом для разбитой армии, и вовсе не бы-

ло ни таких личностей, ни таких семейств, ни таких корпораций, которые были бы способны без поддержки со стороны правительства поправить дела ослабевшей партии[55].

Впрочем, во время борьбы между Нигером и Севером один город представлял почтенное исключение из общего правила. Так как через Византий шел один из главных путей, соединявших Европу с Азией, то этот город был снабжен сильным гарнизоном, а в его гавани стоял на якоре флот из пятисот судов[56]. Но стремительность Севера разрушила этот хорошо задуманный план обороны; он предоставил своим генералам осаду Византия, завладел плохо оберегаемым переходом через Геллеспонт и, горя нетерпением померяться с менее недоступным врагом, устремился навстречу своему сопернику. Византий, атакованный многочисленной и постоянно увеличивавшейся армией, а впоследствии и всеми морскими силами империи, выдержал трехлетнюю осаду и остался верным имени и памяти Нигера. И граждане, и солдаты (нам неизвестно, по какой причине) сражались с одинаковым ожесточением; некоторые из главных военачальников Нигера, не надеявшиеся на милосердие победителя или не желавшие унижать себя просьбой о помиловании, укрылись в этом последнем убежище, укрепления которого считались неприступными и для обороны которого один знаменитый инженер воспользовался всеми усовершенствованиями по части механики, какие были известны древним[57]. В конце концов Византий был взят голодом. Должностные лица и солдаты были лишены жизни, стены были разрушены, привилегии были отменены, и будущая столица Востока превратилась в открытую со всех сторон деревню, поставленную в унизительную зависимость от Перинфа[58].

Историк Дион, восхищавшийся цветущим положением Византия и оплакивавший его разрушение, обвинял Севера в том, что он отнял у римского народа самый сильный оплот против варваров Понта и Азии[59]. Основательность этого замечания вполне оправдалась в следующем столетии, когда готский флот переплыл Евксинский Понт и проник через незащищенный Босфор в самый центр Средиземного моря.

Нигер и Альбин были захвачены во время бегства с поля битвы и преданы смерти. Их участь не возбудила ни удивления, ни сострадания. Они рисковали своей жизнью в надежде достигнуть верховной власти и поплатились тем же, чем за-

ставили бы поплатиться своего соперника, а Север не имел никаких притязаний на то высокомерное душевное величие, которое позволяет побежденному противнику доживать свой век частным человеком. Но его мстительность, подстрекаемая алчностью, вовлекла его в такие жестокости, которые не оправдывались никакими опасениями. Зажиточные жители провинций, не питавшие никакого личного нерасположения к счастливому кандидату на престол и лишь исполнявшие приказания поставленного над ними наместника, были наказаны или смертью, или ссылкой и непременно конфискацией их имений. Многие из азиатских городов были лишены своих старинных привилегий и должны были внести в казну Севера вчетверо больше, чем они платили на нужды Нигера[60].

Пока война не была доведена до решительной развязки, жестокосердие Севера сдерживалось в некоторой мере и неуверенностью в будущем, и его притворным уважением к сенату. Голова Альбина, присланная вместе с угрожающим письмом, дала знать римлянам, что он решился не щадить ни одного из приверженцев своих несчастных соперников. Он был раздражен не лишенными основания подозрениями, что он никогда не пользовался искренней преданностью сената, и, обнаруживая свое нерасположение к этому собранию, ссылался на только что открытую изменническую переписку. Впрочем, он по собственному побуждению помиловал тридцать пять сенаторов, обвиненных в том, что они поддерживали партию Альбина, и своим последующим образом действий старался внушить им убеждение, что он не только простил, но и позабыл их предполагаемую вину. Но в то же самое время им были осуждены на смертную казнь сорок один[61] сенатор, имена которых сохранила история; их жены, дети и клиенты также подверглись смертной казни, и самых благородных жителей Испании и Галлии постигла такая же участь. Такая суровая справедливость, как называл ее сам Север, была, по его мнению, единственным средством для обеспечения общественного спокойствия и безопасности государя, и он снисходил до того, что слегка скорбел о положении монарха, который, чтобы быть человеколюбивым, вынужден сначала быть жестокосердым[62].

Истинные интересы абсолютного монарха обыкновенно совпадают с интересами его подданных. Их число, богатство, спокойствие и безопасность составляют лучшую и единст-

венную основу его настоящего величия, и если бы даже он не был одарен никакими личными достоинствами, одно благоразумие могло бы заменить их и заставить его держаться этой точки зрения. Север смотрел на Римскую империю как на свою собственность и, лишь только упрочил обладание ею, тотчас занялся разработкой и улучшением столь драгоценного приобретения. Полезные законы, исполнявшиеся с непоколебимой твердостью, скоро исправили большую часть злоупотреблений, заразивших после смерти Марка Аврелия все отрасли управления. В отправлении правосудия решения императора отличались вниманием, разборчивостью и беспристрастием; если же ему случалось уклониться от строгих правил справедливости, он делал это обыкновенно в интересах бедных и угнетенных, не столько из чувства человеколюбия, сколько из свойственной деспотам наклонности унижать гордость знати и низводить всех подданных до общего им всем уровня абсолютной зависимости. Его дорогие постройки и траты на великолепные зрелища, а главным образом беспрестанные и щедрые раздачи хлеба и провизии служили для него самым верным средством для приобретения привязанности римского народа[63]. Бедствия, причиненные внутренними раздорами, были забыты; провинции снова стали наслаждаться спокойствием и благоденствием, и многие города, обязанные своим возрождением щедротам Севера, приняли название его колоний и свидетельствовали публичными памятниками о своей признательности и о своем благосостоянии[64]. Слава римского оружия была восстановлена этим воинственным и счастливым во всех предприятиях императором[65], и он имел полное основание похвастаться тем, что, когда он принял империю, она страдала под гнетом внешних и внутренних войн, но что он прочно установил в ней всеобщий, глубокий и согласный с ее достоинством мир[66].

Хотя раны, нанесенные междоусобной войной, по-видимому, совершенно зажили, их нравственный яд еще тек в жилах конституции. Север был в значительной мере одарен энергией и ловкостью, но для того, чтобы сдерживать наглость победоносных легионов, едва ли было бы достаточно отваги первого Цезаря или глубокой политической мудрости Августа. Из чувства ли признательности, или из ошибочных политических соображений, или вследствие кажущейся необходимости Север ослабил узы дисциплины[67]. Он потворст-

вовал тщеславию своих солдат, позволяя им носить в знак отличия золотые кольца, и заботился об их удобствах, позволяя им жить в лагерях в праздности вместе с женами*). Он увеличил их жалованье до небывалых размеров и приучил их ожидать, а вскоре вслед за тем и требовать подарков всякий раз, как государству угрожала какая-нибудь опасность или совершалось какое-нибудь публичное празднество. Возгордившись своими отличиями, изнежившись от роскоши и возвысившись над общим уровнем подданных благодаря своим опасным привилегиям[68], они скоро сделались неспособными выносить трудности военной службы, обратились в бремя для страны и перестали подчиняться справедливым требованиям субординации. Их военачальники заявляли о превосходстве своего звания еще более расточительной и изящной роскошью. До нас дошло письмо Севера, в котором он жалуется на распущенность армии и советует одному из своих легатов начать необходимые реформы с самих трибунов, потому что, как он основательно замечает, офицер, утративший уважение своих солдат, не может требовать от них повиновения[69]. Если бы император продолжил нить этих размышлений, он пришел бы к тому заключению, что эту всеобщую испорченность нравов следует приписать если не примеру, то пагубной снисходительности верховного начальника.

Преторианцы, умертвившие своего императора и продавшие империю, понесли справедливое наказание за свою измену, но необходимое, хотя и опасное, учреждение гвардии было восстановлено Севером по новому образцу, а число гвардейцев было увеличено вчетверо против прежнего числа[70]. Первоначально эти войска пополнялись италийскими уроженцами, а когда соседние провинции мало- помалу усвоили себе изнеженность столицы, их стали пополнять жителями Македонии, Норика и Испании. Взамен этих изящных войск, более способных придавать блеск двору, нежели годных для войны, Север решил, что во всех пограничных легионах**) будут выбирать солдат, отличающихся силой, муже-

*) Солдаты при Севере получили право вступать в законный брак и жить с семьей, хотя режим лагерной жизни не отменялся. И до Севера рядом с постоянными римскими лагерями жили солдатские семьи, теперь же это положение было легализовано. Некоторые пограничные войска стали получать землю, из которой давались небольшие наделы солдатам. Мобильность пограничных частей падала вследствие этого. (*Примеч. ред.*)

**) Преторианская гвардия комплектовалась теперь из солдат главным образом придунайских и сирийских легионов. (*Примеч. ред.*)

ством и верностью, и будут переводить их в знак отличия и награды на более выгодную службу в гвардии[71]. Вследствие этого нововведения италийская молодежь стала отвыкать от военных занятий, и множество варваров стало наводить ужас на столицу и своим внешним видом, и своими нравами. Но Север льстил себя надеждой, что легионы будут смотреть на этих отборных преторианцев как на представителей всего военного сословия и что, всегда имея наготове пятьдесят тысяч человек, более опытных в военном деле и более щедро оплачиваемых, нежели какие-либо другие войска, он навсегда оградит себя от восстаний и обеспечит престол за собой и за своим потомством.

Командование этими привилегированными и страшными войсками скоро обратилось в самый высший пост в империи. Так как система управления извратилась в военный деспотизм, то преторианский префект, вначале бывший не более как простым командиром гвардии, был поставлен не только во главе армии, но и во главе финансов и даже юстиции[72]. В каждом отделе администрации он являлся представителем императора и пользовался его властью. Любимый приближенный Севера Плавтиан был первый префект, облеченный и злоупотреблявший этой громадной властью. Его владычество продолжалось около десяти лет, пока брак его дочери со старшим сыном императора, по-видимому долженствовавший упрочить его положение, не сделался причиной его гибели[73]. Дворцовые интриги, раздражавшие честолюбие Плавтиана и внушавшие ему опасения, грозили взрывом революции; тогда Север, все еще любивший его, был вынужден согласиться на его казнь[74]. После гибели Плавтиана многосторонние обязанности преторианского префекта были возложены на знаменитого правоведа Папиниана.

До Севера все добродетельные и даже просто здравомыслящие императоры отличались если не искренней преданностью, то наружным уважением к сенату и относились с почтительной деликатностью к нежной ткани политических учреждений, введенных Августом. Но Север провел свою молодость в лагерях, где привык к безусловному повиновению, а в более зрелом возрасте в качестве военачальника освоился лишь с деспотизмом военной власти. Его надменный и непреклонный ум не мог понять или не хотел сознаться, что для него было бы выгодно поддержать такую власть, которая

могла бы быть посредницей между императором и армией, хотя бы она и была только воображаемая. Он не хотел унижаться до того, чтобы выдавать себя за покорного слугу такого собрания, которое ненавидело его и трепетало при малейшем выражении его неудовольствия; он отдавал приказания, когда простая просьба с его стороны имела бы точно такую же силу; он держал себя и выражался, как властелин и победитель, и открыто пользовался всеми правами как законодательной, так и исполнительной верховной власти.

Победа над сенатом была нетрудна и не доставляла никакой славы. Все внимание было устремлено на верховного сановника, который располагал военными силами государства и его казной и от которого зависели интересы каждого, тогда как сенат, не находивший для себя опоры ни в народном избрании, ни в военной охране, ни в общественном мнении, пользовался лишь тенью власти, основанной на непрочном и расшатанном фундаменте старых привычек. Прекрасная теория республиканского правления постепенно улетучивалась, уступая место более естественным и более насущным влечениям, находящим для себя удовлетворение при монархической форме правления. Так как свобода и права римских граждан сделались мало-помалу достоянием жителей провинций, или вовсе незнакомых со старой системой управления, или вспоминавших о ней с отвращением, то республиканские традиции постепенно предавались забвению. Греческие историки, писавшие в век Антонинов[75], со злорадством замечают, что хотя римские государи и не называли себя царями из уважения к устарелым предрассудкам, но тем не менее пользовались всеми прерогативами царской власти. В царствование Севера сенат наполнился образованными и красноречивыми уроженцами восточных провинций, объяснявшими свою льстивую покорность теоретическими принципами рабства. Когда эти новые защитники императорских прерогатив проповедовали обязанность пассивного повиновения и объясняли неизбежность пагубных последствий свободы, при дворе их слушали с удовольствием, а среди народа с терпением. Юристы и историки также поучали, что верховная власть не была вверена сенатом на время, а была безвозвратно передана императору, что император не обязан стесняться законами, что жизнь и имущество его подданных находятся в его безотчетной власти и что он может распола-

гать империей как своей частной собственностью. Самые знаменитые юристы, и в особенности Папиниан, Павл и Ульпиан, процветали при императорах из рода Севера, а римская юриспруденция, вступившая в тесную связь с монархической системой, как полагают, достигла в этот период времени своего полного развития и совершенства[76].

Современники Севера, наслаждавшиеся спокойствием и славой его царствования, простили ему те жестокости, путем которых он доставил им эти блага. Но потомство, познакомившееся на опыте с пагубными последствиями его принципов и указанного им примера, основательно считало его главным виновником упадка Римской империи[77].

---

1) Первоначально она состояла из девяти или десяти тысяч человек (Тацит и Дион не сходятся между собою касательно этого предмета), разделенных на столько же когорт. Вителлий увеличил этот состав до шестнадцати тысяч человек, и, сколько нам известно из надписей, это число впоследствии никогда не уменьшалось много ниже этой цифры. См. Липсий, de Magnitudine Romana, I, 4.

2) Светоний, Жизнь Августа, гл. 49.

3) Тацит, Анн., IV, 2. Светоний, Жизнь Тиберия, гл. 37, Дион Кассий, кн. 57, стр. 867.

4) Во время междоусобной войны между Вителлием и Веспасианом лагерь преторианцев был атакован и оборонялся с помощью машин, употреблявшихся при осаде городов, укрепленных наилучшим образом. Тацит, Истор., III, 84.

5) Подле самых городских стен, на широкой вершине Квиринала и Виминального холма. См. Нардини, Roma Antica, стр. 174. Donatus, de Roma Antica, стр. 46.

6) Возведенный на престол солдатами Клавдий был первый император, наградивший их подарками: он дал каждому из них quina dena, то есть по 120 ф. ст. (Светоний, Жизнь Клавдия, гл. 10). Когда Марк Аврелий вошел спокойно на престол вместе со своим товарищем Луцием Вером, он дал каждому гвардейцу vicena, т.е. по 160 ф. ст. Ист. эпохи Цезарей, стр. 25. (Дион, кн. 73, стр. 1231). Мы можем составить себе некоторое понятие о размере этих сумм из того факта, что Адриан жаловался на то, что его возведение в звание Цезаря стоило ему ter millies, т.е. 2 500 000 ф. ст.

7) Цицерон, de Legibus, III, 3. Первая книга Ливия и вторая книга Дионисия Галикарнасского доказывают, что народ имел влияние даже на избрание царей.

8) Первоначально они набирались в Лации, Этрурии и в старых колониях (Тацит, Анн., IV, 5). Император Отон старался удовлетворить их тщеславие, давая им следующие лестные титулы: Italiae alumni, Romana vera juventus. Тацит, Истор., кн. 84.

9) Во время осады Рима галлами. См. Ливий V, 48. Плутарх, Жизнь Камилла, стр. 143.

10) Дион, кн. 73, стр. 1234. Геродиан, кн. 2, стр. 63. Ист. эпохи Цезарей, стр. 60. Хотя все эти три историка утверждают, что это был настоящий аукцион, один Геродиан говорит, что сами солдаты объявили, что продажа будет производиться с аукциона.

11) Спартиан старается смягчить все, что было самого отвратительного в характере и в возвышении Юлиана. (Юлиан был многим обязан за оказанное ему предпочтение своим коварным намекам, что Сульпиций непременно захочет отомстить за смерть своего зятя. Дион, стр. 1234 и Геродиан, кн. 2, гл. 6. - Венк)

12) Дион Кассий, бывший в то время претором, был личный враг Юлиана, кн. 72, стр. 1135.

13) Ист. эпохи Цезарей, стр. 61. Отсюда мы знакомимся с тем любопытным фактом, что новый император, какого бы он ни был происхождения, немедленно причислялся к родам патрициев.

14) Дион, кн. 73, стр. 1235. Ист. эпохи Цезарей, стр. 61. Я постарался согласовать кажущиеся противоречия этих двух писателей и соединить их в один последовательный рассказ. (Эти противоречия не согласованы и не могут быть соединены в один последовательный рассказ, потому что они не кажущиеся, а существенные. Вот слова Спартиана (Ист. эпохи Цезарей, стр. 61): "Etiam hi primum qui Julianum odijse coeperunt, disseminarunt prima statim sic Pertinacis coena dispecta, luxuriosum parasse convivium ostreis et alitibus et piscibus adornatum, quod falsum fuisse constat; nam Julianus tantae parsimoniae fuisse perhibetur, ut per triduum porcellum, per triduum leporem, divideret, si quis ei forte misisset; saepe autem, nulla existente religione, oleribus, leguminibusque contentus, sine carne coenaverit. Deinde neque coenavit priusquam sepultus esset Pertinax et tristissimus cibum ob ejus necem sumpsit, et primam noctem vigiliis contunuit de tanta necessitate sollicitus". (Те, которые с самого начала возненавидели Юлиана, распространили слух, что, отворотившись с презрением от ужина, приготовленного для Пертинакса, он заказал роскошный ужин из устриц, живности и рыб. Это все неверно, так как его привычки были в такой степени скромны, что когда ему дарили зайца или поросенка, он ел их в течение трех дней. Даже тогда, когда этого не требовали правила воздержания, предписываемые религией, он нередко довольствовался ужином из одних овощей без всякого мяса. Сверх того, он в первый вечер не ужинал, пока не похоронили Пертинакса; по причине смерти этого императора он ел в грустном настроении и, будучи подавлен тяжелыми мыслями, провел ночь без сна.) Вот латинский перевод того, что говорит Дион Кассий (кн. 73, стр. 1255): "Hoc modo quam imperium senatus consultis stabilisset, in palatium proficiscitur; ubi cum invenisset coenam paratam Pertinaci, derisit illam vehementer, et arcessitis unde et quoquo modo tum potuit, pretiosissimis quibusque rebus, mortuo adhuc intus jacente, semel ingurgitavit, lusit aleis, et Pyladem saltatorem cum aliis quibusdam adsumpsit". (Когда сенатские декреты утвердили его в императорском достоинстве, он отправился во дворец. Гневно надсмеявшись над ужином, приготовленным для Пертинакса, он приказал достать, откуда бы то ни было и какими бы то ни было средствами, самые дорогие кушанья и ел их в то время, как труп его предшественника еще находился внутри стен дворца; он также играл в кос-

ти и с удовольствием смотрел на пляску Пилада и других.) Гиббон присовокупил к рассказу Диона последнюю фразу из рассказа Спартиана, но это не значило согласовать оба рассказа. Реймар не попытался объяснить столь явное противоречие; он взвесил достоинства обоих писателей и предпочел свидетельство Диона, которое, впрочем, подтверждается и Геродианом (11,7,1) См. его комментарий к вышеприведенным словам Диона. - Гизо). (Взвешивая достоинства этих писателей, мы не должны забывать, что Дион жил и состоял при должности в то самое время, что Геродиан жил после него, а Спартиан жил на сто лет позже. Гиббон, без сомнения, имел это в виду; точно так же он, конечно, имел в виду, какой ход таких переговоров был самый правдоподобный и какой образ действий заинтересованных лиц был самый естественный. - Изд.)

15) Дион, кн. 73, стр. 1235.

16) Постумий и Цейоний; первый из них был возведен в консульское звание на пятом году после его учреждения.

17) Спартиан в своих необработанных компиляциях смешивает вместе все добродетели и все пороки, входящие в состав человеческой натуры, и приписывает их одному лицу. Действительно, таковы многие характеристики в Ист. эпохи Цезарей.

18) Ист. эпохи Цезарей, стр. 80,84.

19) Пертинакс, управлявший Британией за несколько лет перед тем, был оставлен между убитыми во время солдатского мятежа. Ист. эпохи Цезарей, стр. 54. Впрочем, солдаты любили его и жалели о нем; admirantibus eam virtutem cui irascebantur.

20) Светоний, Жизнь Гальбы, гл 10.

21) Ист. эпохи Цезарей, стр. 76.

22) Герод., кн. 2., стр. 68. Хроника антиохийца Иоанна Малалы доказывает, как сильно были привязаны его соотечественники к этим празднествам, удовлетворявшим в одно и то же время и их суеверия, и их склонность к развлечениям.

23) В "Ист. эпохи Цезарей" говорится о царице Фив (в Египте) как о союзнике и даже личном друге Нигера. Если Спартиан не ошибается, - в чем я сильно сомневаюсь, - то он познакомил нас с династией подчиненных государей, которая была до тех пор совершенно неизвестна.

24) Дион, кн. 73, стр. 1238. Герод., кн. 2, стр. 67. Стих, который был в то время на устах каждого, по-видимому, выражал общее мнение об этих трех соперниках: Optimus est Niger, bonus Afer, pessimus Albus. Ист. эпохи Цезарей, стр. 75.

25) Геродиан, кн. 2, стр. 71.

26) См. описание этой достопамятной войны у Веллея Патеркула (11,110 и пр.), служившего в армии Тиберия.

27) Это замечание принадлежит Геродиану, кн. 2, стр. 74. Современные нам австрийцы едва ли согласятся с тем, что именно таково влияние тамошнего климата.

28) В упомянутом выше письме к Альбину Коммод обвиняет Севера в том, что он принадлежит к числу честолюбивых полководцев, порицающих его поведение и желающих занять его место. История эпохи Цезарей, стр. 80.

29) Паннония была слишком бедна, чтобы быть в состоянии доста-

вить такую сумму денег. Эта награда, вероятно, была обещана в лагере, а выплачена в Риме после победы. В определении суммы я придерживался предположения Казобона. См. Ист. эпохи Цезарей, стр. 66. Коммент.,стр. 115.
30) Геродиан, кн. 2, стр. 78. Север был провозглашен императором на берегах Дуная, или, как утверждает Спартиан (Ист. эпохи Цезарей, стр. 65), в Карнунте, или же, как утверждает Виктор, в Сабарии. Юм полагал, что происхождение и звание Севера были слишком неважны в сравнении с императорской короной и что он вступил в Италию в качестве простого легата; но Юм не изучил этого вопроса со своим обычным тщанием (Essay on the Original Contract). (Карнунт находился напротив того места, где Морава впадает в Дунай; его положение неизвестно в точности; полагают, что он находился между Петронелем и Гэмбургом. Название Алтенбурга, которое носит находящаяся между ними небольшая деревня, по-видимому, обозначает древнее место населения. Д'Анвилль, Geogr. Anc., ч. 1, стр. 154. Сабария носит теперь название Сарвара. - Гизо)
31) Веллий Патеркул, кн. 2, гл. 3. Следует предполагать, что в этом случае поход начался бы от крайних пределов Паннонии и что Рим был виден на расстоянии двухсот миль. (Северу, по всей вероятности, не были известны эти слова, и потому ему не могло прийти на ум того, что припомнил Гиббон. - Венк)
32) Это не пустая риторическая фигура, а намек на действительный факт, рассказанный Дионом, кн. 71, стр. 1181. Он, вероятно, случался не раз.
33) Дион, кн. 73, стр. 1233. Геродиан, кн. 2, стр. 81. Нет более верного доказательства военного искусства римлян, как тот факт, что они сначала преодолели неосновательный страх, который внушали им слоны, а потом и совсем перестали прибегать к опасной помощи этих животных.
34) (Эти действия не будут казаться противоречащими одно другому, если мы примем в соображение то, что он держался одной системы, когда надеялся удержать власть, и противоположной системы, когда утрачивал всякую надежду. - Венк)
35) Ист. эпохи Цезарей, стр. 62, 63.
36) Виктор и Евтропий (VIII, 17) упоминают о сражении подле Мульвиева моста (Ponte Molle); но лучшие и более древние писатели вовсе не упоминают об этом сражении.
37) (Он не ограничился только посылкою тайных агентов, так как, по словам Диона и Спартиана, он с этой же целью распространял прокламации. - Венк)
38) Дион, кн. 73, стр. 1240. Геродиан, кн. 2, стр. 83. Ист. эпохи Цезарей, стр. 63.
39) Из этих шестидесяти шести дней мы должны прежде всего вычесть шестнадцать дней, так как Пертинакс был умерщвлен 28 марта, а Север был избран в императоры, по всей вероятности, 13-го апреля (см. Ист. эпохи Цезарей, стр. 65 и Tillemont, Hist. des Empereurs, т. 3, стр. 393, прим. 7). Сверх того, мы не можем допустить, чтобы не прошло десяти дней со дня его избрания до того момента, когда он двинул в поход свою многочисленную армию. Значит, он совершил свой быстрый переход в сорок дней; а так как от Рима до окрестно-

стей Вены должно быть около восьмисот миль, то отсюда следует, что армия Севера, подвигаясь вперед без остановок и перерывов, делала каждый день по двадцать миль.

40) Дион, кн. 74, стр. 1241. Геродиан, кн. 2, стр. 84.

41) По описанию Диона (кн. 74, стр. 1244), присутствовавшего на этой церемонии в качестве сенатора, она отличалась чрезвычайной пышностью.

42) Геродиан, кн. 3, стр. 112. (Геродиан не делал такого сравнения: хотя он был посредственный историк, ему все-таки не могла прийти в голову подобная мысль. Он говорит только то, что великие подвиги были совершены Суллой и Марием как в войнах междоусобных, так и в войнах внешних; что так же велики были подвиги Цезаря в борьбе с Помпеем и Августа в борьбе с Антонием и сыновьями Помпея (или,вернее, с его сыном Секстом), но что еще не было такого полководца, который восторжествовал бы, подобно Северу, над тремя могущественными императорами. В этом отзыве есть преувеличение, но Геродиан вовсе не сравнивает Севера с Цезарем, точно так же как он не сравнивает Севера ни с Суллой, ни с Марием, ни с Августом. - *Венк*). (В этих размышлениях можно найти достаточно оснований для подкрепления общих соображений Гиббона. - *Издат.*)

43) Хотя Лукан, конечно, не имел намерения превозносить характер Цезаря, однако он на самом деле написал самый благородный панегирик этому великому человеку, когда в десятой книге своей поэмы "Pharsalia" рассказывает, каким образом Цезарь одновременно вел любовную интригу с Клеопатрой, выдерживал осаду против всех военных сил Египта и беседовал с мудрецами этой страны.

44) Считая со дня его избрания, состоявшегося 13 апреля 193 г.,и до смерти Альбина, последовавшей 19 февраля 197 г. См. Tillemont, Chronology.

45) Геродиан, кн. 2, стр. 85.

46) Во время опасной болезни Севера его приверженцы тщательно распускали слух, что он намеревается назначить Нигера и Альбина своими преемниками. Так как он не мог быть в этом случае искренен по отношению к ним обоим, то, стало быть, обманывал обоих. Впрочем, Север дошел в своем лицемерии до того, что даже в своих мемуарах говорит об этом намерении.

47) Ист. эпохи Цезарей. стр. 65.

48) Это обыкновение, введенное Коммодом, оказалось очень полезным для Севера. Он нашел в Риме детей многих главных приверженцев своих соперников и не раз пользовался ими для того, чтобы застращать,или для того, чтобы склонить на свою сторону их родителей.

49) Геродиан, кн. 3, стр. 96. Ист. эпохи Цезарей, стр. 67,68.

50) Ист. эпохи Цезарей, стр. 84. Спартиан сообщает полное содержание этого интересного письма.

51) См. третью книгу Геродиана и семьдесят четвертую книгу Диона Кассия. (Было три сражения - одно близ Кизика, неподалеку от Геллеспонта, другое подле Никеи, в Вифинии, третье подле Исса, в Киликии, где Александр одержал победу над Дарием. Дион, стр. 1247-1249. Геродиан, кн. 3, гл. 2-4 - *Венк*)

52) Дион, кн. 75, стр. 1260.

53) Дион, кн. 75, стр. 1261. Геродиан, кн. 3, 110. Ист. эпохи Цезарей, стр. 68. Сражение произошло на равнине Треву, в трех или четырех милях от Лиона. См. Tillemont, ч. 3, стр. 406, прим. 18. (По словам Геродиана, один из полководцев Севера, Лэт, воодушевил войска и выиграл сражение, которое было уже почти проиграно Севером. Это не тот Лэт, который, будучи префектом, составлял заговоры против Коммода и Пертинакса; он был казнен Юлианом. Дион также (стр. 1261) приписывает этому военачальнику главную долю в одержанной победе. Впоследствии Север казнил его смертию, может быть, за подозрительное или изменническое поведение во время этого сражения, а может быть, - и это более правдоподобно - из зависти к привязанности, которую питала к нему армия. - Венк)
54) (Мы, конечно, должны извинить историку-философу преувеличения, встречающиеся в некоторых местах его сочинения. Если мы будем принимать факты в их буквальной точности, то мы найдем, что при императорском управлении было немало междоусобиц, во время которых римляне сражались за какой-нибудь принцип, усвоенный особой политической партией. Так, например, и в настоящем случае многие люди из простонародья и многочисленный класс знати приняли сторону Альбина, потому что он происходил от знатного рода; предусмотрительные люди предпочитали его Северу, потому что боялись той системы управления, которой стал бы придерживаться этот последний. А сирийцы поддерживали Нигера из личной к нему привязанности. - Венк)
55) Монтескье, Considerations sur la Grandeur et la Decadence des Romains, гл. 12.
56) Следует полагать, что это были большею частью небольшие суда; впрочем, между ними были и галеры в два и в три ряда весел.
57) Имя этого инженера - Приск. Его искусство спасло ему жизнь, и он поступил на службу к победителю. Касательно подробностей осады см. Диона Кассия (кн. 75, стр. 1251) и Геродиана (кн. 3, стр. 95). Можно также справиться с сочинением кавалера де Фолара, который излагает теорию осады, руководствуясь более своей фантазией. См. Полибий, ч. 1, стр. 76.
58) Перинф, на берегу Пропонтиды, впоследствии носил название Гераклеи. Он был разрушен, но в новейшем названии возникшего на его развалинах Эрекли сохранилось воспоминание о Гераклее. (Д'Анвилль, Geogr. Anc., ч. 1, стр. 291). Со своей стороны и Византий превратившись в Константинополь, сделался причиной упадка Гераклеи. - Гизо)
59) Несмотря на свидетельство Спартиана и некоторых новейших греческих писателей, Дион и Геродиан убеждают нас в том, что Византий находился в развалинах через несколько лет после смерти Севера. (Мы не находим никакого противоречия между рассказом Диона и рассказами Спартиана и некоторых новейших греческих писателей. Дион не говорит, что Север разрушил Византий, а говорит только, что Север отнял у этого города его права и привилегии, конфисковал имения его жителей, срыл его укрепления и поставил его в административную зависимость от его старинных врагов, жителей Перинфа, которые стали обходиться с ним как с ничтожным выселком. Для некоторых из этих кар можно найти какие-нибудь оправда-

ния, но срытие укреплений было наказанием и потерей скорее для самой империи, нежели для византийцев. Поэтому когда Спартиан, Свидас и Седрен говорят (см. Реймара о Дионе, стр. 1254, прим. 81), что Север и его сын возвратили Византию его прежние привилегии, выстроили театры, храмы, бани и пр., то вовсе не трудно согласовать эти слова с рассказом Диона. Можно также предполагать, что этот последний еще яснее высказался в этом смысле в тех частях своей истории, которые утрачены. Ни один из этих писателей не говорит, что Север и Каракалла вновь выстроили стены и укрепления Византия. Дион только сожалеет об их разрушении. Выражения Геродиана, очевидно, преувеличены точно так же, как и выражения многих других историков касательно этого предмета, а написанная им история Севера в особенности полна неточностей. Так как он не знал, что между Евфратом и Тигром есть округ, называемый Аравией, и что главный город этого округа - Атра, он рассказывает в третьей книге своего сочинения (гл. IX), что Север прямо перешел из Месопотамии и Адиабене (по ту сторону Тигра) в Счастливую Аравию, овладел несколькими городами, безуспешно осаждал Атру, затем посадил всю свою армию на суда и, будучи занесен бурей к берегам Парфии, высадился подле ее столицы Ктесифона. Здесь явное незнание географии. - Венк)

60) Дион, кн. 74, стр. 1250.

61) Дион, кн. 75, стр. 1264. Он упоминает только о двадцати девяти сенаторах, а о сорока одном сенаторе говорится в "Ист. эп. Цезарей" (стр. 69), и в том числе находятся шесть сенаторов, носящих имя Перценния. Геродиан (кн. 3, стр. 115) говорит вообще о жестокостях Севера, (Нет никаких достоверных свидетельств об умерщвлении жен, детей и клиентов сорока одного сенатора, и самый факт такого умерщвления не правдоподобен. Семейства и родственники Нигера и Альбина были все без исключения лишены жизни. Когда Север прибыл в первый раз в Рим и когда его положение еще не было обеспечено, он дал сенату клятву, что ни один член этого собрания не будет подвергнут смертной казни. По его желанию даже был издан декрет, в силу которого тот, кто осудит сенатора на смерть, хотя бы то был сам император, и всякий, кто приведет в исполнение такой приговор, будет объявлен врагом государства вместе со всем своим семейством. Это обещание, подобно всем другим его клятвам, не было исполнено, и тот самый сенатор, который по его требованию ,предложил издать упомянутый декрет, был прежде всех подвергнут смертной казни. - Венк)

62) Аврелий Виктор.

63) Дион, кн. 76, стр. 1272. Ист. эпохи Цезарей, стр. 67. Север праздновал Столетние игры с чрезвычайным великолепием и оставил в общественных магазинах запасы зернового хлеба на семь лет, рассчитывая по 75.000 modll, или почти по 2.500 четвертей на каждый день. Я убежден, что хлебные амбары Севера вмещали в себя запасы на долгое время, но я не менее убежден, что, с одной стороны, политика, а с другой - лесть преувеличили количество этих запасов.

64) См. трактат Шпангейма о древних медалях и надписях, а также рассказы наших ученых-путешественников Шпона, Уилера, Шо, Покока и других, которые нашли в Африке, Греции и Азии столько па-

мятников царствования Севера, сколько не оставил после себя ни один из римских императоров.

65) Он проник до столиц Парфянской монархии Селевкии и Ктесифона. Я еще буду иметь случай говорить об этой войне в своем месте.

66) Etiam in Britannis (даже в Британии) было его собственное верное и меткое выражение. Ист. эпохи Цезарей, стр. 73.

67) Геродиан, кн. 3, стр. 115. Ист. эпохи Цезарей, стр. 68.

68) Касательно наглости солдат и их привилегий можно найти некоторые сведения в шестнадцатой сатире, ошибочно приписываемой Ювеналу; ее слог и характер заставляют меня думать, что она была написана или в царствование Севера, или в царствование его сына.

69) Ист. эпохи Цезарей, стр. 73. (В этом письме говорится об упадке дисциплины не во всей армии, а только в той ее части, которая находилась в Галлии. Оно доказывает, что Север искренно желал восстановить дисциплину повсюду, где она пришла в упадок, и это желание вполне согласно с его характером. Из всех историков один Геродиан обвинял его в том, что он ослабил дисциплину, но в этом случае Геродиан впал в преувеличение. Подобного мнения не высказывал ни один из тех писателей, которые обыкновенно не скупились на порицания. Во время обширных войн, которые вел Север, и даже во время его последней войны с парфянами и каледонцами,в поведении войск, участвовавших в этих войнах, не было никаких признаков своеволия. Как деспот, полагавшийся только на своих солдат, он, без сомнения, смотрел на многое сквозь пальцы и нередко раздавал солдатам подарки, но он всегда старался держать их в известных границах. После его смерти они сбросили с себя всякие стеснения. - Венк)

70) Геродиан, кн. 3, стр. 131.

71) Дион, кн. 74, стр. 1243.

72) (Преторианский префект никогда не был "простым капитаном гвардии". Десятью тысячами человек не мог командовать офицер столь низкого ранга. Когда Август учредил эту должность, он придал ей большое значение и большую власть, но для того, чтобы ею не злоупотребляли, он разделил ее между двумя префектами, которые всегда должны были избираться из сословия всадников. Первая часть этих установлений была отменена Тиберием и его преемниками, очень усилившими власть префектов, а вторая часть была отменена Александром Севером, который приказал назначать префектами только сенаторов. Преторианские префекты получили при Коммоде право отправлять правосудие, но это право распространялось только на Италию; оно не распространялось даже на Рим и на окружающую территорию, которая была подчинена "городскому префекту". Заведование финансами и сбором податей в провинциях было предоставлено им только после важных перемен, произведенных в организации империи первым Константином. По крайней мере я нигде не нашел указаний на то, чтобы им была предоставлена такая власть прежде названной эпохи; их также нет у Дракенборха, рассматривавшего этот вопрос в своей диссертации "De officio praefectorum praetorio" (гл. VI). - Венк). (И Венк и Гизо неправильно поняли выражение Гиббона. Мы часто употребляем слово "капитан" не в смысле ротного командира, а для обозначения гораздо более

высокого военного звания. В этом последнем смысле слово "капитан" было употреблено и Гиббоном. Он был достаточно хорошо знаком с военными терминами, чтобы быть в состоянии употреблять их правильно; и его выражение "простой капитан" означает, что преторианский префект вначале был не более как простой начальник гвардии. - Издат.)

73) Одним из его самых смелых и бесстыдных насилий было оскопление ста свободных римлян, в числе которых было несколько женатых людей и даже отцов семейств; он сделал это для того, чтобы его дочь, в день вступления в брак с сыном императора, была сопровождаема толпой евнухов, достойных какой-нибудь восточной царицы. Дион, кн. 76, стр. 1271. (Плавтиан был родом из одного города с Севером, состоял с ним в родстве и с детства вел с ним дружбу. Император питал к нему полное доверие и долго ничего не знал о его злоупотреблениях, так как не было никакого канала, через который могли бы доходить до него подобные сведения. Когда, наконец, он узнал о них от брата Геты, он принял меры предосторожности, которые оскорбили Плавтиана. Брак Плотиллы с Каракаллой был несчастлив, и неохотно согласившийся на него молодой наследник грозил, что, когда вступит на престол, погубит и отца и дочь. После этого возникли опасения, что Плавтиан может употребить еще остававшуюся в его руках долю власти во вред императорскому семейству; он был лишен жизни в присутствии Севера вследствие обвинения в заговоре, который, по мнению Диона, был вымышлен, но о котором Геродиан передает все подробности, хотя его рассказ в высшей степени неправдоподобен. Реймар о Дионе, стр. 1272, прим. 18, 20 - Венк)

74) Дион, кн. 76, стр. 1274. Геродиан, кн. 3, стр. 122, 129. Александрийский грамматик - как это часто случалось - знал лучше римского сенатора подробности этой таинственной интриги и был более уверен в виновности Плавтиана. (Историк Геродиан и "Александрийский грамматик" Геродиан были две различные личности. Гиббон не обратил внимания на доказательства этого различия, приводимые Фабрицием (Biblioth. Graec. ч. 7, стр. 11) и Тильемоном (Histoire des Emp., ч. 2, стр. 76). - Издат.)

75) Аппиан In Proem.

76) Дион Кассий, по-видимому, имел в виду только одну цель - соединить все эти мнения в историческую систему, а Пандекты доказывают, что и юристы со своей стороны усиленно трудились на пользу императорских прерогатив.

77) (Однако и административная деятельность, и разумные распоряжения, и самая строгость Севера (Imperator sui nominis) содействовали восстановлению силы и могущества империи. Даже та система управления, которую, по словам Гиббона, ввел Север, не имела бы пагубных последствий, если бы его непосредственные преемники были похожи на него. К несчастию, это были самые неспособные и самые недостойные представители человеческого рода. Север предсказал то, что случилось на самом деле: "Firmum imperium Antoninis meis relinquo, si boni erunt; imbecillum, si mali" (Спартиан, гл. 23). Впоследствии римляне восхищались отцом и приписывали падение империи его сыновьям и преемникам. - Венк). (Здесь не лишним будет заметить, что инсубординация преторианской гвардии, пороки и

тирания императоров, роскошь и изнеженность царедворцев, обеднение народа вследствие хищений со стороны войска и вымогательств со стороны императоров были лишь симптомами, а не причинами зла. Здоровая и энергичная система управления излечила бы все эти хронические недуги. Болезнь имела более глубокие корни, и ее развитие может проследить всякий способный вдумываться читатель. Вся система управления была проникнута бессилием и дряхлостью, отнимавшими у населения способность к сопротивлению и всякую надежду на скорое выздоровление. - *Издат.*)

ГЛАВА VI.
Смерть Севера. - Тирания Каракаллы. - Узурпация Макрина. - Безрассудства Элиогабала. - Добродетели Александра Севера. - Своеволие армии. - Положение римских финансов

Как бы ни был крут и опасен путь, который ведет к верховной власти, он имеет для деятельного ума ту привлекательность, что доставляет ему случай осознавать и упражнять свои собственные силы; но обладание престолом не может надолго удовлетворить честолюбца. Север ясно сознавал эту грустную истину. Счастье и личные достоинства вознесли его из скромного положения на самое высокое место среди человеческого рода. По его собственному выражению, он был все, но ничему не придавал большой цены[1]. Среди постоянных забот не о приобретении, а о сохранении империи он страдал под гнетом старости и недугов, сделался равнодушным к славе[2] и пресытился властью, а при таких условиях жизнь ничего не обещала ему в будущем. Желание упрочить величие своего семейства сделалось единственной мечтой его честолюбия и отцовской привязанности.

Подобно большинству африканских уроженцев, Север со страстью предавался бесполезному изучению магии и ворожбы, был очень сведущ по части объяснения снов и предзнаменований и хорошо знал судебную астрологию, сохранявшую свое господство над человеческими умами почти во все века, за исключением настоящего. Он лишился своей первой жены в то время, когда был правителем Лионской Галлии[3]. При выборе второй жены он руководствовался желанием породниться с какой-нибудь любимицей фортуны и лишь только узнал, что одна молодая женщина из Эмезы, в Сирии, родилась при таких предзнаменованиях, которые предвещали ей царский престол, он тотчас предложил ей свою руку[4]. Юлия Домна (так называлась эта дама) была достойна всего, что ей предсказывали звезды. Она даже в зрелом возрасте отличалась привлекательной красотой[5] и соединяла с пылкостью фантазии твердость духа и проницательность ума, редко составляющие удел ее пола. Ее привлекательные свойства никогда не производили глубокого впечатления на мрачный и

недоверчивый характер ее мужа, но во время царствования ее сына она руководила самыми важными делами империи с таким благоразумием, которое укрепило авторитет молодого императора, и с такой сдержанностью, которая иногда заглаживала его необузданные выходки[6]. Юлия сама занималась с некоторым успехом литературой и философией и составила себе блестящую репутацию. Она была покровительницей всех искусств и другом всех гениальных людей[7]. Признательная лесть ученых превозносила ее добродетели, но, если верить злословию древних историков, целомудрие вовсе не принадлежало к числу самых выдающихся добродетелей императрицы Юлии[8].

Два сына - Каракалла[9] и Гета - были плодом этого брака и должны были наследовать престол. Но сладкие надежды Севера и всего Римского мира были скоро уничтожены этими тщеславными юношами, проводившими время в праздной беспечности, столь свойственной наследникам престола, и воображавшими, что фортуна может заменить личные достоинства и трудолюбие. Хотя ни у одного из них не было ни таких доброделетей, ни таких талантов, которые могли бы возбуждать соревнование, они почувствовали с самого детства непреодолимое отвращение друг к другу. Это отвращение усиливалось с годами и поддерживалось интригами фаворитов, подстрекаемых своими личными расчетами; оно выражалось сначала в детских ссорах, потом мало-помалу стало вызывать более серьезные столкновения и, наконец, разделило театр, цирк и двор на два лагеря, воодушевлявшиеся надеждами и опасениями своих руководителей. Предусмотрительный император употреблял всевозможные меры, чтобы уничтожить эту постоянно усиливавшуюся вражду, и прибегал то к увещаниям, то к приказаниям. Пагубные раздоры его сыновей омрачили все его блестящие надежды на будущее и грозили ниспровержением престола, воздвигнутого с таким трудом, упроченного столь обильным пролитием крови и охранявшегося всеми способами, какие только возможны для начальника огромной армии и обладателя громадных сокровищ. Стараясь поддерживать между ними равновесие, он раздавал им свои милости с беспристрастным равенством и дал каждому из них звание Августа вместе со священным именем Антонина; таким образом, Рим в первый раз имел трех императоров[10]. Но даже это равномерное рас-

пределение милостей повело лишь к усилению вражды, так как надменный Каракалла заявлял о своих правах первородства, а более кроткий Гета старался приобрести расположение народа и армии. Обманутый в своих ожиданиях Север со скорбью в сердце предсказал, что более слабый из его сыновей падет под ударами более сильного, который в свою очередь погибнет от своих пороков[11])

При таком печальном положении дел Север с удовольствием узнал о новой войне в Британии и о вторжении в эту провинцию живших на севере от нее варваров. Хотя бдительности его военачальников, вероятно, было бы достаточно для того, чтобы отразить врага, он решился воспользоваться этим уважительным предлогом, чтобы отвлечь своих сыновей от роскошной жизни в Риме, расслаблявшей их ум и возбуждавшей их страсти, и для того, чтобы приучить их с молодости к тяжелым военным и административным трудам. Несмотря на свои преклонные лета (ему было тогда почти шестьдесят лет) и на подагру, заставлявшую его пользоваться носилками, он сам отправился на этот отдаленный остров в сопровождении двух своих сыновей, всего двора и многочисленной армии. Он немедленно перешел стену Адриана и Антонина и вступил в неприятельскую страну с намерением довершить много раз не удававшееся завоевание Британии. Он достиг северной оконечности острова, нигде не встретив неприятеля. Но засады каледонцев, неожиданно нападавших на арьергард и фланги его армии, суровость климата и трудности переходов в зимнее время через горы и болота Шотландии, как уверяют, стоили римлянам более пятидесяти тысяч человек. Каледонцы не могли долее устоять против такого сильного и упорного нападения, стали просить мира, отдали часть своего оружия и уступили значительную часть своей территории. Но их притворная покорность прекратилась, лишь только исчез страх, который внушало им присутствие неприятеля. Немедленно вслед за отступлением римских легионов они свергли с себя иго зависимости и возобновили военные действия. Их неукротимое мужество побудило Севера послать в Каледонию новую армию с бесчеловечным приказанием не покорять туземцев, а истреблять их. Их спасла только смерть их заносчивого противника[12])

Эта каледонская война, не ознаменовавшаяся ни решительными событиями, ни важными последствиями, не стоит

сама по себе нашего внимания; но некоторые полагают, и не без основания, что вторжение Севера находится в связи с самыми блестящими периодами британской истории или британских баснословных преданий. Один из новейших английских писателей оживил в нашей памяти рассказы о подвигах Фингала, его героях и его бардах. Фингал, как уверяют, сам командовал каледонцами в эту достопамятную войну, умел уклониться от мощных ударов Севера и одержал на берегах Каруна важную победу, причем *сын короля всего мира* Каракул бежал от него *по полям своей гордости*[13]. Эти шотландские традиции прикрыты от наших взоров каким-то туманом, которого до сих пор не могли разогнать самые остроумные исследования новейших критиков[14]; но если бы мы могли с некоторым вероятием допустить предположение, что Фингал действительно жил, а Оссиан действительно воспевал, то для всякого философского ума была бы крайне интересна резкая противоположность между двумя враждовавшими народами в том, что касается их положения и нравов. Если мы сопоставим неумолимую мстительность Севера с великодушным милосердием Фингала, трусливое и грубое жестокосердие Каракаллы с храбростью, чувствительностью и изящным умом Оссиана, наемных вождей, служивших из страха или из личного интереса под императорскими знаменами, со свободнорожденными воинами, бравшимися за оружие по призыву короля морвенов, - одним словом, если мы посмотрим, с одной стороны, на свободных каледонцев, блиставших добродетелями, которые внушает сама природа, а с другой стороны, на развращенных римлян, зараженных теми низкими пороками, которые зарождаются в роскоши и в рабстве, то сравнение не будет выгодно для самого цивилизованного из этих двух народов.

Расстроенное здоровье и последняя болезнь Севера воспламенили в душе Каракаллы его необузданное честолюбие и дикие страсти. Горя нетерпением царствовать и будучи недоволен тем, что ему придется разделить власть с братом, он несколько раз пытался сократить жизнь своего престарелого отца и старался, но без успеха, возбудить бунт в армии[15]. Север не раз осуждал неблагоразумную снисходительность Марка Аврелия, который мог бы одним актом правосудия избавить римлян от тирании своего недостойного сына. Находясь точно в таком же положении, он узнал на опыте, как су-

ровость судьи легко заглушается отцовской привязанностью. Он собирался с силами, он угрожал, но казнить он был не в состоянии, и этот последний и единственный случай, когда он выказал свое милосердие, был более пагубен для империи, нежели длинный ряд его жестокостей[16] Его душевная тревога усилила его физические страдания; он с нетерпением желал смерти и ускорил ее этим нетерпением. Он умер в Йорке на шестьдесят пятом году своей жизни и на восемнадцатом году славного и счастливого царствования. В свои последние минуты он советовал сыновьям жить в согласии и поручил их армии. Его спасительный совет не дошел не только до сердца, но даже до ума запальчивых юношей, но более послушные войска, не забывшие своей клятвы в верности, исполнили волю своего умершего повелителя: они не поддались настояниям Каракаллы и провозгласили обоих братьев римскими императорами. Вновь назначенные монархи скоро оставили каледонцев в покое, возвратились в столицу и отдали божеские почести праху своего отца; и сенат, и народ, и провинции с радостью признали их законными государями. Старшему брату, как кажется, были предоставлены некоторые преимущества ранга, но оба они управляли империей с равной и самостоятельной властью[17]

Такое разделение верховной власти могло бы сделаться источником раздоров даже между двумя братьями, связанными самой нежной взаимной привязанностью. Оно не могло долго продолжаться между двумя непримиримыми врагами, которые и не желали примирения, и, если бы оно состоялось, не могли бы верить в его искренность. Очевидно, что только один из них мог царствовать и что другой должен был погибнуть; каждый из них приписывал своему сопернику такие же замыслы, какие питал в собственной душе, и каждый из них с самой недоверчивой бдительностью охранял свою жизнь от яда или меча. Их быстрый переезд через Галлию и Италию, во время которого они никогда не были за одним столом и не спали в одном доме, познакомил провинции с отвратительным зрелищем братской вражды. После своего прибытия в Рим они немедленно разделили между собою обширный императорский дворец[18] Все сообщения между их апартаментами были закрыты, двери и проходы были тщательно укреплены, и часовые сменялись с такой же аккуратностью, как в осажденном городе. Императоры встречались только на

публичных церемониях и в присутствии огорченной матери, и при этом каждый из них был окружен многочисленной вооруженной свитой. Даже в этих случаях придворный этикет не мог скрыть от глаз присутствующих кипевшей в их сердцах злобы[19].

Так как эта тайная вражда отзывалась на всех делах государственного управления, то враждующим братьям предложили проект соглашения, по-видимому одинаково выгодный для обоих. Ввиду того что примирение между ними было невозможно, им посоветовали разобщить свои интересы и разделить между собой империю. Условия такого соглашения уже были установлены с некоторой точностью. Было решено, что Каракалла, в качестве старшего брата, удержит за собой обладание Европой и Западной Африкой и предоставит господство над Азией и Египтом Гете, который мог избрать для своей резиденции Александрию или Антиохию, мало уступавшие самому Риму по своему богатству и значению; многочисленные армии, постоянно расположенные лагерем по обеим сторонам фракийского Босфора, охраняли бы границы двух враждующих монархий; сенаторы европейского происхождения признали бы своим государем римского императора, а те из них, которые были родом из Азии, последовали бы за восточным императором. Слезы императрицы Юлии прекратили переговоры, одна мысль о которых наполняла сердце каждого римлянина удивлением и негодованием. Обширные завоеванные страны были так тесно связаны между собой рукою времени и политики, что пришлось бы прибегать к самому крайнему насилию, чтобы оторвать их одну от другой. Римляне имели полное основание опасаться, что междоусобная война скоро соединит разрозненные члены под властью одного повелителя и что, если бы такое разделение провинций сделалось постоянным, оно привело бы к распадению империи, единство которой до тех пор постоянно было неприкосновенным[20].

Если бы это соглашение было приведено в исполнение, повелитель Европы скоро сделался бы завоевателем Азии, но Каракалла достиг путем преступления более легкой победы. Он притворился, будто не может устоять против настоятельных просьб матери, и согласился на свидание в ее апартаментах с братом под видом готовности к примирению. В то время как они разговаривали друг с другом, несколько центурио-

нов, спрятавшихся в комнате, устремились из своей засады с обнаженными мечами на несчастного Гету. Растерявшаяся мать обвила его своими руками, чтобы предохранить от опасности, но во время бесполезной борьбы была ранена в руку, обрызгана кровью своего младшего сына и видела, как ее старший сын словами и собственным примером[21)] возбуждал ярость убийц. Лишь только преступление было совершено, Каракалла устремился скорыми шагами и с ужасом на лице в лагерь преторианцев, как в свое единственное убежище, и пал ниц перед статуями богов-покровителей[22)]. Солдаты подняли его и стали утешать. Дрожащим от волнения и нередко прерывавшимся голосом он сообщил им о своем спасении от угрожавшей ему опасности, постарался уверить их, что ему удалось предупредить замыслы своего врага, и объявил им, что решился жить и умереть вместе со своими верными войсками. Гета был любимцем солдат, но сожаления с их стороны были бы бесполезны, а отмщение было бы опасно; к тому же они все еще не утратили уважения к сыну Севера. Их неудовольствие выразилось лишь в бессильном ропоте и затихло, а Каракалла скоро убедил их в справедливости своего дела, раздав им сокровища, накопленные в царствование его отца[23)]. Для поддержания своего могущества и для своей безопасности он нуждался только в расположении солдат. Коль скоро они приняли его сторону, сенат был вынужден выражать ему свою преданность. Это рабски покорное собрание всегда было готово подчиниться приговору фортуны, но так как Каракалла старался смягчить первые взрывы народного негодования, то он отнесся к памяти Геты с приличным уважением и приказал похоронить его с почестями, подобающими римскому императору[24)]. Потомство предало забвению пороки Геты из сострадания к его несчастной участи, и мы, со своей стороны, смотрим на этого молодого государя как на невинную жертву честолюбия его брата, охотно забывая, что он не совершил точно такого же отмщения и убийства не потому, что не хотел, а потому, что не мог[25)].

Преступление Каракаллы не осталось безнаказанным. Ни деловые занятия, ни развлечения, ни лесть не были в состоянии заглушить в нем угрызений совести; он сам признавался, что в минуты душевных страданий его расстроенному воображению представлялось, будто его отец и брат гневно встают из гроба и осыпают его угрозами и упреками[26)]. Соз-

нание своей вины должно бы было внушить ему желание загладить своими добродетелями воспоминания о том, что случилось, и тем доказать перед целым миром, что одна только роковая необходимость могла заставить его совершить столь страшное дело. Но душевные страдания Каракаллы навели его лишь на то, что он стал истреблять все, что могло напоминать ему о его преступлении или о его убитом брате. Возвратившись из сената во дворец, он застал свою мать в обществе нескольких знатных дам, оплакивавших преждевременную смерть ее младшего сына. Разгневанный император пригрозил им немедленной смертной казнью; эта угроза была приведена в исполнение над последней дочерью Марка Аврелия Фадиллой, и даже сама Юлия была вынуждена прекратить свой плач, удерживать свои вздохи и обращаться к убийце с радостной и одобрительной улыбкой. Полагают, что более двадцати тысяч человек обоего пола были казнены смертью под тем пустым предлогом, что они были в дружбе с Гетой. Ни телохранители Геты, ни его вольноотпущенные, ни министры, занимавшиеся с ним делами управления, ни товарищи, с которыми он проводил часы досуга, ни те, которые получили от него какую-нибудь должность в армии или в провинциях, ни даже многочисленные подчиненные этих последних не избежали смертного приговора, под который старались подвести всякого, кто имел какие-либо сношения с Гетой, кто оплакивал его смерть или даже только произносил его имя[27]. Гелвий Пертинакс, сын носившего это имя государя, был лишен жизни за неуместную остроту[28]. Единственным преступлением Фразея Приска было его происхождение от такого рода, в котором любовь к свободе была, так сказать, наследственным отличием[29]. Наконец все личные поводы для клеветы и подозрения истощились, и, когда какого-нибудь сенатора обвиняли в том, что он принадлежит к числу тайных врагов правительства, император считал достаточным доказательством его виновности тот факт, что он человек богатый и добродетельный. Установив такой принцип, он нашел ему самое кровожадное применение.

Казнь стольких невинных граждан втайне оплакивали их друзья и родственники, но смерть преторианского префекта Папиниана оплакивали все как общественное бедствие. В последние семь лет царствования Севера он занимал самые важные государственные должности и своим благотворным

влиянием направлял императора на путь справедливости и умеренности. Вполне полагаясь на его добродетели и знания, Север на смертном одре умолял его пещись о благоденствии и внутреннем согласии императорского семейства[30]. Честные старания Папиниана исполнить волю покойного императора только разожгли в сердце Каракаллы ненависть, которую он уже прежде того питал к министру[*] своего отца. После умерщвления Геты префект получил приказание употребить всю силу своего таланта и своего красноречия на сочинение тщательно обработанной апологии зверского преступления. Философ Сенека, будучи поставлен в такое же положение, согласился написать послание к сенату от имени сына и убийцы Агриппины[31]. Но Папиниан[32], ни минуты не колебавшийся в выборе между потерей жизни и потерей чести, отвечал Каракалле, что легче совершить смертоубийство, нежели оправдать его. Эта непреклонная добродетель, остававшаяся чистой и незапятнанной среди придворных интриг, деловых занятий и трудностей его профессии, придает имени Папиниана более блеска, нежели все его высокие должности, многочисленные сочинения и громкая известность, которою он пользовался в качестве юриста во все века римской юриспруденции[33].

К счастью для римлян, до той поры все добродетельные императоры были деятельны, а порочные ленивы; в тяжелые времена это могло служить хоть каким-нибудь утешением. Август, Траян, Адриан и Марк Аврелий сами объезжали свои обширные владения, повсюду оставляя следы своей мудрости и благотворительности. Тирания Тиберия, Нерона и Домициана, почти никогда не покидавших Рима или окрестных вилл, обрушивалась только на сенат и на сословие всадников[34]. Но Каракалла был врагом всего человеческого рода. Почти через год после умерщвления Геты он покинул столицу и никогда более не возвращался в нее. Остальное время своего царствования он провел в различных провинциях империи, преимущественно на Востоке, и каждая из этих провинций была поочередно свидетельницей его хищничества и

*) Папиниан при Септимии Севере занимал должность префекта претория; причем из двух префектов претория (с 205 г.) один рассматривал только гражданские дела (это был Папиниан), другой занимался военными. Употребляемое весьма часто Гиббоном слово "министр" совсем не подходит к римской эпохе. Со времени Септимия Севера роль верховного органа в Римской империи стал играть совет императора (consilium principis), решения которого иногда заменяли сенатские постановления. В этот совет входили крупнейшие юристы того времени. (*Примеч. ред.*)

жестокосердия. Сенаторы, из страха сопровождавшие его в этих причудливых переездах, издерживали громадные суммы денег, чтобы доставлять ему ежедневно новые удовольствия, которые он с пренебрежением предоставлял своим телохранителям, и воздвигали в каждом городе великолепные дворцы и театры, которые он или не удостаивал своим посещением, или приказывал немедленно разрушить. Самые зажиточные семьи были разорены денежными штрафами и конфискациями, а большинство его подданных было обременено замысловатыми и усиленными налогами[35]. Среди общего спокойствия и по поводу самого ничтожного оскорбления он приказал умертвить всех жителей Александрии. Заняв безопасное место в храме Сераписа, он руководил избиением нескольких тысяч граждан и иноземцев, не обращая никакого внимания ни на число жертв, ни на то, в чем заключалась их вина, потому что, как он сам хладнокровно выражался в послании к сенату, *все* жители Александрии одинаково виновны, как те, которые погибли, так и те, которые спаслись[36].

Благоразумные наставления Севера никогда не оказывали прочного влияния на ум его сына, который хотя и был в некоторой мере одарен умом и красноречием, но вовсе был лишен и здравомыслия, и человеколюбия[37]. Сохранять привязанность армии и не обращать никакого внимания на остальных подданных - таков был опасный и достойный тирана принцип, которого придерживался Каракалла[38]. Но щедрость его отца сдерживалась благоразумием, а его снисходительность к солдатам умерялась его твердостью и личным влиянием, тогда как беспечная расточительность сына была политическим расчетом в течение всего его царствования и неизбежно вела к гибели и армию и империю. Энергия солдат, вместо того чтобы крепнуть от строгой лагерной дисциплины, улетучивалась среди роскоши городской жизни. Чрезмерное увеличение жалованья и подарков[39] истощало население для обогащения военного сословия, тогда как честность и бедность - главные условия для того, чтобы солдат держал себя скромно в мирное время и был годен для дела во время войны. Каракалла со всеми обходился надменно и гордо, но среди своих войск он забывал даже о свойственном его положению достоинстве, поощрял их дерзкие фамильярности и, пренебрегая существенными обязанностями воена-

чальника, старался подражать простым солдатам в одежде и в привычках.

Ни характер, ни поведение Каракаллы не могли внушить ни любви к нему, ни уважения, но, пока его пороки были выгодны для армии, он был огражден от опасностей мятежа. Тайный заговор, вызванный его собственной недоверчивостью, оказался гибельным для тирана. Преторианская префектура была разделена между двумя приближенными. Военный департамент был поручен Адвенту, скорее опытному, нежели способному военачальнику, а заведование гражданскими делами находилось в руках Опилия Макрина, который возвысился до такого важного поста своей опытностью в делах и своими достоинствами. Но доверие, которым он пользовался, менялось вместе с причудами императора, и его жизнь зависела от малейшего подозрения и от самых непредвиденных случайностей. Один африканец, очень хорошо умевший предсказывать будущее, стал распускать - из злобы или из фанатизма - опасный слух, что Макрину и его сыну суждено стоять во главе империи. Этот слух распространился по провинциям, и, когда предсказателя доставили в Рим закованным в цепи, он не переставал утверждать в присутствии городского префекта, что его предсказание сбудется. Этот сановник, получивший самое настоятельное приказание собирать сведения о *преемниках* Каракаллы, немедленно сообщил о данных африканцем на допросе показаниях императору, который находился в то время в Сирии. Но, несмотря на спешность казенных курьеров, один из друзей Макрина нашел возможность известить его о приближающейся опасности. Император получил письма из Рима, но так как он был в ту минуту занят тем, что происходило на бегу, то он, не раскрыв, передал их преторианскому префекту с приказанием распорядиться касательно неважных дел, а о самых важных сделать ему доклад. Макрин узнал из писем об ожидавшей его участи и решился предотвратить ее. Он воспользовался неудовольствием нескольких военачальников низшего ранга и употребил в дело готового на всякое преступление солдата по имени Марциал, который был оскорблен тем, что его не произвели в центурионы. Благочестие Каракаллы внушило ему желание отправиться из Эдессы на богомолье в знаменитый храм Луны, находившийся в Карре[40]. Его сопровождал отряд кавалерии; но когда ему пона-

добилось сделать во время пути небольшую остановку и когда его телохранители стояли в почтительном от него отдалении, Марциал подошел к нему, как будто для того, чтобы оказать ему какую-то услугу, и заколол его кинжалом. Смелый убийца был тотчас убит одним скифским стрелком из лука, принадлежавшим к императорской гвардии. Таков был конец чудовища, которое своей жизнью позорило человеческий род, а своим царствованием доказывало, до какой степени были терпеливы римляне[41].

Признательные солдаты забыли о его пороках, вспоминали только о том, как он был к ним щедр, и заставили сенат запятнать и свое собственное достоинство, и достоинство религии возведением его в число богов. В то время как этот бог жил на земле, Александр Великий был единственный герой, которого он находил достойным своего удивления. Он принял имя и внешние отличия Александра, организовал из гвардейцев македонскую фалангу, искал знакомства с учениками Аристотеля и с ребяческой восторженностью обнаруживал единственное чувство, в котором проглядывало уважение к добродетели и славе. Нам не трудно понять, что после сражения при Нарве и после завоевания Польши Карл XII (хотя у него и не было тех наиболее изящных достоинств, которыми отличался сын Филиппа) мог похвастаться тем, что выказал одинаковое с ним мужество и великодушие, но Каракалла не обнаружил ни в одном из деяний своей жизни ни малейшего сходства с македонским героем, за исключением только того, что умертвил множество и своих собственных друзей, и друзей своего отца[42].

После того как пресекся род Севера, римский мир оставался в течение трех дней без повелителя. Армия (на бессильный сенат, находившийся слишком далеко от места действия, не обращали внимания) колебалась в выборе нового императора, так как не имела в виду ни одного кандидата, который мог бы своим высоким происхождением и своими достоинствами внушить ей привязанность и всех расположить в свою пользу. Решающее влияние преторианской гвардии возбудило надежды в ее префектах, и эти могущественные министры стали заявлять свои *законные* притязания на вакантный императорский престол[43]. Впрочем, старший префект Адвент, сознававший преклонность своих лет, слабость своего здоровья, недостаток громкой известности и еще более

важный недостаток дарований, уступил эту опасную честь своему лукавому и честолюбивому товарищу Макрину, который так искусно притворился огорченным смертью Каракаллы, что никто не подозревал его участия в умерщвлении этого императора[44]. Войска не питали к нему ни любви, ни уважения. Они ожидали, что явится какой-нибудь соискатель престола, и наконец неохотно склонились на его обещания быть безгранично щедрым и снисходительным. Вскоре после восшествия на престол он дал своему сыну Диадумениану, которому было только десять лет, императорский титул и популярное имя Антонина. Это было сделано в том предположении, что красивая наружность ребенка и подарки, раздававшиеся по случаю его возведения в императорское звание, доставят ему любовь армии и укрепят шаткий трон Макрина.

И сенат и провинции с радостью одобрили выбор нового государя. Все были в восторге от того, что неожиданно избавились от ненавистного тирана, и не считали нужным справляться о личных достоинствах преемника Каракаллы. Но лишь только стихли первые взрывы радости и удивления, все начали со строгой критикой взвешивать права Макрина на престол и стали осуждать торопливый выбор армии. До той поры постоянно считалось за основной принцип конституции, что императора должен выбрать сенат и что верховная власть, которой не может пользоваться это собрание в своем полном составе, передается им одному из своих членов. Но Макрин не был сенатором[45]. Внезапное возвышение одного из преторианских префектов обратило внимание на незнатность их происхождения, тем более что сословию всадников все еще принадлежало право занимать эту высокую должность, отдававшую в их бесконтрольное распоряжение и жизнь, и состояние сенаторов. Повсюду слышался ропот негодования по поводу того, что человек незнатного[46] происхождения, никогда не отличавшийся никакими выдающимися заслугами, осмелился облечься в императорскую мантию, вместо того чтобы уступить ее одному из знатных сенаторов, более достойных императорского звания и по своему рождению, и по своему сану. Лишь только масса недовольных стала внимательно изучать характер Макрина, она без большого труда нашла в нем некоторые пороки и много недостатков. Его основательно порицали за выбор его приближенных, а недовольный народ со своим обычным добродушием стал жа-

ловаться в одно и то же время и на беспечную слабость, и на чрезмерную суровость своего государя[47].

Опрометчивое честолюбие вознесло Макрина на такую высоту, на которой было не легко удержаться и с которой невозможно было пасть иначе, как с немедленным лишением жизни. Новый император, занимавшийся всю свою жизнь только придворными интригами и соблюдением внешних форм гражданского управления, трепетал в присутствии буйных и недисциплинированных народных масс, над которыми он вздумал властвовать; его военные дарования считались ничтожными, а в его личное мужество не верили; в лагере стали распространяться слухи, раскрывшие роковую тайну заговора против покойного императора и усилившие вину убийцы явными доказательствами его низкого лицемерия; тогда к презрению, которое питали к императору, присоединилась ненависть. Чтобы окончательно не расположить к себе солдат и подготовить себе неизбежную гибель, недоставало только одной черты в характере императора - склонности к преобразованиям; но в том-то и заключалась горькая участь Макрина, что обстоятельства заставили его взять на себя ненавистную роль реформатора. Разорение и неурядицы были следствием расточительности Каракаллы, и, если бы этот низкий тиран был способен понять, к каким результатам неизбежно ведет его поведение, он, может быть, нашел бы для себя новое наслаждение в предвидении тех затруднений и бедствий, которые выпадут на долю его преемника.

Макрин приступил к введению необходимых реформ с такой благоразумной осторожностью, которая могла бы легко и почти незаметным образом восстановить нравственные силы и физическое мужество римской армии. Солдатам, уже состоявшим на службе, он был вынужден оставить чрезмерное жалованье и опасные привилегии, дарованные им Каракаллой; но новым рекрутам он стал выдавать более скромное, хотя и вполне достаточное, содержание, назначенное Севером, и стал мало-помалу приучать их к скромности и повиновению[48]. Одна пагубная ошибка уничтожила благотворные результаты этого благоразумного плана. Вместо того чтобы немедленно разместить по различным провинциям многочисленную армию, собранную покойным императором на Востоке, Макрин оставил ее в полном составе в Сирии в

течение всей зимы, которая последовала за его возведением на престол. Среди роскошной праздности лагерной жизни солдаты пришли к осознанию своей силы и своей многочисленности, стали сообщать друг другу о своих неудовольствиях и стали соображать, как был бы для них выгоден новый переворот. Ветераны, вместо того чтобы довольствоваться предоставленными им выгодами и отличиями, были испуганы первыми мероприятиями императора, усматривая в них предзнаменование будущих реформ. Новые рекруты неохотно поступали на службу, которая сделалась более тяжелой и вознаграждение за которую было сокращено скупым и лишенным воинственного духа императором. Ропот армии безнаказанно перешел в мятежные жалобы, а некоторые частные восстания доказали, что неудовольствие и нерасположение к императору ждут только какого-нибудь ничтожного повода, чтобы разразиться общим восстанием. Для настроенных таким образом умов этот повод скоро нашелся.

Императрица Юлия испытала на себе все превратности фортуны. Из самого скромного положения она возвысилась до вершины земного величия только для того, чтобы вкусить всю ее горечь. Ей пришлось оплакивать смерть одного из ее сыновей и образ жизни другого. Ужасная участь Каракаллы, хотя и должна была казаться ей неизбежной, расшевелила в ней чувства матери и императрицы. Несмотря на то что узурпатор относился к вдове Севера с почтительной вежливостью, ей было тяжело примириться с положением подданной, и, чтобы избавиться от такой тревожной и унизительной зависимости, она скоро лишила себя жизни[49]. Ее сестре Юлии Мезе было приказано удалиться от двора и из Антиохии. Она переехала в Эмезу с огромным состоянием, накопленным в течение тех двадцати лет, когда на нее сыпались милости императора. Ее сопровождали две ее дочери - Соэмия и Мамея, которые обе были вдовы и имели по одному сыну[50]. Сын Соэмии Бассиан[51] был посвящен в высокое звание главного жреца в храме Солнца; эта святая профессия, избранная или из расчета, или из суеверия, проложила юному сирийцу путь к престолу. Близ Эмезы был расположен многочисленный отряд войск, а так как строгая дисциплина, введенная Макрином, заставляла их проводить зимнее время в лагерях, то они горели нетерпением отомстить за такие непривычные для них стеснения. Солдаты, толпами отправ-

лявшиеся в храм Солнца, смотрели с благоговением и наслаждением на изящное облачение и красивое лицо юного первосвященника; они находили или воображали, что находят, сходство между ним и Каракаллой, память которого была для них так дорога. Хитрая Меза заметила это расположение солдат и постаралась им воспользоваться; она охотно пожертвовала репутацией своей дочери для счастья своего внука и стала распускать слух, что Бассиан был незаконный сын убитого государя. Денежные подарки, которые она раздавала щедрой рукой через посредство своих агентов, заглушили всякие возражения, а их огромный размер был убедительным доказательством если не родственной связи, то сходства между Бассианом и Каракаллой. Молодой Антонин (так как он принял это почтенное имя для того, чтобы запятнать его) был провозглашен стоявшими в Эмезе войсками императором, заявил о своих наследственных правах на престол и обратился к армиям с воззванием, приглашая их стать под знамена молодого и великодушного государя, взявшегося за оружие с целью отомстить за смерть своего отца и за угнетения, которым подвергают военное сословие[52].

В то время как женщины и евнухи с быстротой и энергией приводили в исполнение хорошо задуманный план заговора, Макрин, который мог бы одним решительным ударом раздавить своего юного противника, колебался между противоположными крайностями страха и беспечности и бездействовал в Антиохии. Дух мятежа распространился во всех лагерях и гарнизонах Сирии; отряды войск стали один за другим убивать своих военачальников[53] и присоединяться к бунтовщикам, а запоздалое возвращение солдатам прежнего жалованья и прежних привилегий приписывалось давно всеми известной слабости характера Макрина. Наконец он выступил из Антиохии навстречу все увеличивавшейся числом и полной усердия армии молодого претендента. Его собственные войска отправлялись в поход, по-видимому, робко и неохотно, но в пылу сражения[54] преторианская гвардия выказала превосходство своего мужества и своей дисциплины, как бы поневоле подчиняясь своим естественным импульсам. Ряды мятежников были прорваны; тогда мать и бабка сирийского претендента, согласно восточным обычаям сопровождавшие армию, поспешно вышли из своих закрытых колесниц и стали ободрять оробевших солдат, стараясь возбудить в них

чувство сострадания. Сам Антонин, никогда в течение всей остальной своей жизни не обнаруживавший свойственного мужчине мужества, выказал себя в эту критическую минуту настоящим героем: он сел на коня и с мечом в руке устремился во главе ободренных войск в самую середину неприятельской армии, а евнух Ганнис[55], проведший всю свою жизнь в уходе за женщинами среди изнеживающей азиатской роскоши, выказывал тем временем дарования способного и опытного полководца. Исход битвы еще был сомнителен и Макрин еще мог остаться победителем, но он сам испортил дело, обратившись в постыдное и торопливое бегство. Его трусость продлила его жизнь только на три дня и запятнала его несчастную участь заслуженным позором. Едва ли нужно прибавлять, что его сына Диадумениана постигла такая же участь. Лишь только непреклонные преторианцы убедились, что они сражаются за государя, постыдно покинувшего их, они сдались победителю; тогда солдаты двух противоположных лагерей стали со слезами обмениваться выражениями радости и дружбы и соединились вместе под знаменами воображаемого сына Каракаллы, а восточные провинции радостно приветствовали первого императора азиатского происхождения.

Макрин удостоил сенат письменным уведомлением о незначительных беспорядках, вызванных в Сирии самозванцем; вслед за этим был издан декрет, признававший мятежника и его семейство общественными врагами и обещавший прощение тем из его приверженцев, которые немедленно возвратятся к своему долгу. В течение двадцати дней, прошедших между провозглашением Антонина и его победой (именно в такой короткий промежуток времени была решена судьба Римской империи), столица и в особенности восточные провинции страдали от внутренних раздоров, вызванных надеждами и опасениями враждующих сторон, и от бесполезного пролития крови в междоусобицах, так как империя должна была принадлежать тому из двух соперников, который возвратится из Сирии победителем. Письма, которыми юный победитель извещал послушный сенат о своем торжестве, были наполнены уверениями, свидетельствовавшими о его добродетелях и умеренности; он намеревался принять за главное руководство для своего поведения блестящий пример Марка Аврелия и Августа и с гордостью указывал на поразительное

сходство своего возраста и своей судьбы с возрастом и судьбой Августа, который в самой ранней молодости отомстил успешной войной за смерть своего отца. Называя себя Марком Аврелием Антонином, сыном Антонина и внуком Севера, он напоминал о своих наследственных правах на императорский престол, но он оскорбил деликатность римских предрассудков тем, что присвоил себе трибунские и проконсульские полномочия, не дожидаясь, чтобы они были дарованы ему сенатским декретом. Это небывалое и неблагоразумное нарушение конституции, вероятно, было внушено ему или его невежественными сирийскими царедворцами, или его надменными военными приверженцами[56].

Так как внимание нового императора был сосредоточено на самых пустых забавах, то он употребил несколько месяцев на свое пышное путешествие из Сирии в Италию; он провел в Никомедии первую зиму после своей победы, а свой торжественный въезд в столицу отложил до следующего лета. Впрочем, еще до своего прибытия в Рим он прислал туда свой портрет, который был поставлен по его приказанию на алтарь Победы в храме, где собирался сенат, и который дал римлянам верное и вместе с тем унизительное для них понятие о личности и характере их государя. Он был изображен в священническом одеянии из шелка и золота, широком и длинном по обычаю мидийцев и финикиян; его голова была покрыта высокой короной, и на нем было надето множество ожерельев и браслетов, украшенных самыми редкими драгоценными каменьями. Его брови были окрашены в черный цвет, а на его щеках видны были следы румян и белил[57]. Сенаторы должны были с грустью сознаться, что, после того как Рим так долго выносил грозную тиранию своих собственных соотечественников, ему наконец пришлось преклониться перед изнеженной роскошью восточного деспотизма.

В Эмезе поклонялись Солнцу под именем Элиогабала[58] и в виде черного остроконечного камня, который, по убеждению народа, упал с неба на это священное место. Покровительству этого бога Антонин, не без некоторого основания, приписывал свое восшествие на престол. Выражение суеверной признательности было единственной серьезной задачей его царствования. Торжество эмезского божества над всеми религиями было главной целью его усердия и тщеславия, а

священное имя Элиогабала*) (которое он счел себя вправе носить в качестве первосвященника и любимца) было для него дороже всех титулов, обозначавших императорское величие. В то время как торжественная процессия проходила по римским улицам, ее путь был усеян золотым песком; украшенный драгоценными каменьями черный камень был поставлен на колесницу, которую везли покрытые богатой сбруей шесть белых, как молоко, лошадей. Благочестивый император сам держал вожжи и, опираясь на своих приближенных, слегка опрокидывался назад, для того чтобы постоянно наслаждаться присутствием божества. В великолепном храме, воздвигнутом на Палатинском холме, поклонение Элиогабалу совершалось с самой пышной торжественностью. К его алтарю приносили самые тонкие вина, самые избранные жертвы и самые редкие благовония. Вокруг алтаря толпа сирийских девушек исполняла сладострастные танцы под звуки варварской музыки, а самые важные государственные и военные сановники, одетые в длинные финикийские туники, исполняли низшие обязанности священнослужителей с притворным усердием и тайным негодованием[59)].

Увлекаясь своим фанатизмом, император задумал перенести в этот храм, как в общий центр религиозного поклонения, Ancilia, Palladium[60)] и все священные символы религии Нумы. Толпа низших богов занимала различные должности при верховном эмесском боге, но его двор был не полон, пока у него не было подруги высшего ранга, которая разделяла бы с ним брачное ложе. Паллада была сначала назначена ему в супруги, но так как можно было опасаться, что ее воинственный вид напугает сирийского бога, привыкшего к самой нежной деликатности, то было решено, что Луна, которую обоготворяли африканцы под именем Астарты, будет более приличной супругой для Солнца. Ее изображение вместе с богатыми приношениями, которые находились в ее храме и которые она приносила мужу в приданое, было перенесено с торжественной помпой из Карфагена в Рим, а день этого мистического бракосочетания был днем общего празднества в столице и во всей империи[61)].

Рассудительный сластолюбец с покорностью подчиняется законам воздержанности, установленным самой природой; он старается придать своим чувственным наслаждениям осо-

*) В совр. лит. - Элагабал (см. примеч. 58).

бую привлекательность, соединяя их с обменом мыслей и сердечной привязанностью и приукрашивая их изяществом вкуса и фантазией. Но Элиогабал (я говорю об императоре с этим именем), которого развратили страсти его юности, нравы его родины и неожиданные дары фортуны, предался самым грубым наслаждениям с необузданной яростью и среди своих удовольствий скоро почувствовал отвращение и пресыщение. Тогда пришлось прибегать к искусственным средствам возбуждения; чтобы пробудить в нем ослабевшие чувственные влечения, толпа женщин принимала сладострастные позы, а за столом ему подавали самые тонкие вина, самые разнообразные кушанья и приправы.

Новые термины и новые открытия в этих науках, единственных, какие изучал и каким покровительствовал монарх[62], ознаменовали его царствование и покрыли его позором в глазах потомства. Причудливая расточительность заменяла вкус и изящество, а в то время, как Элиогабал тратил сокровища своего народа на самые нелепые прихоти, льстецы превозносили до небес государя, превзошедшего великодушием и роскошью всех своих робких предшественников. Самым приятным для него развлечением было не подчиняться требованиям времени года и климата[63], издеваться над чувствами и предрассудками своих подданных и нарушать все законы природы и приличия. Его бессильных страстей не могли удовлетворить ни многочисленные наложницы, ни быстро сменявшие одна другую жены, в числе которых была одна весталка, похищенная им из ее священного убежища[64]. Повелитель римского мира подражал женскому полу в одежде и нравах, предпочитал прялку скипетру и бесчестил высшие государственные должности, раздавая их своим многочисленным любовникам; один из таких любовников был публично облечен титулом и властью императора, или - как выражался Элиогабал - титулом и властью мужа императрицы[65].

Пороки и безрассудства Элиогабала, быть может, были преувеличены фантазией и очернены клеветой[66], однако если мы ограничимся только теми публичными сценами, которые происходили перед глазами всего римского населения и достоверность которых засвидетельствована серьезными современными историками[67], то мы должны будем сознаться, что никакой другой век и никакой другой народ не были сви-

детелями таких гнусностей. Разврат восточного монарха скрыт от любопытных взоров толпы неприступными стенами сераля. Чувство чести и светские приличия внесли в жизнь новейших европейских монархов вкус к более утонченным наслаждениям, соблюдение правил благопристойности и уважение к общественному мнению[68)], но развратная и богатая римская знать усваивала себе все пороки, какие заносил в столицу сильный наплыв самых разнообразных национальных нравов. Уверенная в безнаказанности и равнодушная к порицаниям, она жила без всяких стеснений в терпеливом и покорном обществе своих рабов и паразитов. Император, в свою очередь, смотрел на все классы своих подданных с таким же презрительным равнодушием и бесконтрольно пользовался правами своего высокого положения для удовлетворения своего сладострастия и расточительности.

Самые недостойные представители человеческого рода склонны осуждать в других те самые пороки, которые позволяют самим себе, и без труда находят оправдание своему пристрастию в каких-нибудь особенностях возраста, характера или общественного положения. Своевольные солдаты, возведшие на престол распутного сына Каракаллы, сами стыдились своего позорного выбора и, отворачиваясь с отвращением от этого чудовища, с удовольствием смотрели на зарождавшиеся добродетели его двоюродного брата Александра, сына Мамеи. Хитрая Меза ясно видела, что ее внук Элиогабал неизбежно должен погибнуть от своих собственных пороков, и потому запаслась другой, более надежной подпорой для своего семейства. Воспользовавшись одной из тех минут, когда юный император был более всего склонен к мягкосердечию и благочестию, она убедила его усыновить Александра и дать ему титул Цезаря для того, чтобы его собственные благочестивые занятия не прерывались заботами о земных интересах. Занимая второй пост в империи, Александр скоро снискал общую любовь; этим он возбудил зависть в тиране, который решил положить конец этой опасной для него конкуренции или развратив своего соперника, или лишив его жизни. Однако все его хитрости были безуспешны; его планы, заранее всем известные благодаря его собственной болтливости, разрушались теми добродетельными и преданными друзьями, которыми предусмотрительная Мамея окружила своего сына. В порыве гнева Элиогабал решил достигнуть пу-

тем насилия того, чего не мог достигнуть путем обмана: он отдал деспотическое приказание лишить его двоюродного брата звания и почестей Цезаря. Сенат отвечал молчанием на его приказание,а в лагере оно возбудило неистовый гнев. Преторианцы поклялись защищать Александра и отомстить за такое унижение императорского престола. Их справедливое негодование смягчилось при виде слез и обещаний испуганного Элиогабала, который умолял их только о том, чтобы они пощадили его жизнь и не отнимали у него милого Гиероклеса; они ограничились тем, что поручили своим префектам наблюдать за безопасностью Александра и за поведением императора[69].

Не было возможности верить ни в прочность такого примирения, ни в то, что Элиогабал, при всей своей низости, согласится управлять империей при столь оскорбительной зависимости. Он скоро пустился на опасную хитрость из желания испытать преданность солдат. Слух о смерти Александра и естественно возникавшее подозрение, что он убит, разожгли страсти солдат до бешенства, и буря утихла только благодаря прибытию и влиянию популярного юноши. Оскорбленный этим новым доказательством привязанности войск к его двоюродному брату и их презрения к его особе, император дерзнул подвергнуть казни некоторых вожаков восстания. Его неуместная строгость привела к немедленной гибели и его фаворитов, и его матери, и его самого. Элиогабал был умерщвлен негодующими преторианцами; его обезображенный труп тащили по улицам и сбросили в Тибр. Его память сенат заклеймил вечным позором, а потомство подтвердило справедливость этого приговора[70].

Вместо Элиогабала преторианцы возвели на престол его двоюродного брата Александра. Новый государь находился точно в таких же, как и его предшественник, родственных связях с семейством Севера, имя которого он себе присвоил[71]; его добродетели и опасности, через которые он прошел, уже сделали его дорогим для римлян, а сенат в избытке усердия облек его в один день всеми титулами и правами императорского достоинства[72]. Но так как Александр был скромный и почтительный к старшим семнадцатилетний юноша, то бразды правления попали в руки двух женщин, его матери Мамеи и его бабки Мезы. Эта последняя недолго пережила

возвышение Александра; после ее смерти Мамея одна осталась регентшей и над сыном, и над империей.

Во все века и во всех странах самый разумный или по меньшей мере самый сильный пол присваивал себе государственную власть, предоставляя другому полу лишь заботы и удовольствия семейной жизни. Впрочем, в наследственных монархиях, и в особенности в монархиях новейшей Европы, дух рыцарской вежливости и законы наследования приучили нас к странным исключениям из общего правила: нередко случается, что женщину признают абсолютной государыней большого королевства, в котором она не считалась бы способной занимать самую скромную гражданскую или военную должность. Но так как римские императоры все еще считались военачальниками и сановниками республики, то их жены и матери, хотя и носили имя Августы, никогда не разделяли с ними их личных почестей, и царствование женщины было бы ничем не изгладимым нарушением общих правил в глазах тех коренных римлян, которые вступали в браки без любви или которые любили без деликатности и уважения[73]. Правда, надменная Агриппина задумала присвоить себе отличия императорской власти, которую она доставила своему сыну, но ее безрассудное честолюбие внушало отвращение всем гражданам, дорожившим честью Рима, и нашло себе преграду в хитрости и твердости Сенеки и Бурра[74]. Следовавшие затем императоры, руководствуясь здравым смыслом или, может быть, просто из равнодушия, не пытались оскорблять предрассудки своих подданных, и беспутный Элиогабал был первый император, давший своей матери право заседать рядом с консулами и подписывать декреты Законодательного собрания в качестве его постоянного члена. Более благоразумная сестра ее Мамея отказалась от этой бесполезной и для всех ненавистной прерогативы; тогда был издан закон, навсегда исключавший женщин из сената и предававший адским богам всякого, кто нарушит его святость[75]. Мужское честолюбие Мамеи искало не блеска власти, а ее сущности. Она умела сохранить безусловное и непрерывное влияние на ум своего сына и не хотела делить его привязанность ни с какой соперницей. С ее согласия Александр женился на дочери одного патриция, а его уважение к тестю и любовь к императрице не совмещались с привязанностью или с интересами Мамеи. Патриций был казнен по

пустому обвинению в измене, а жена Александра была с позором выгнана из дворца и сослана в Африку[76].

Несмотря на этот акт жестокосердия, внушенный ревностью, и несмотря на то, что Мамею нередко обвиняли в скупости, ее управление было вообще полезно и для ее сына, и для империи. Она избрала с одобрения сената шестнадцать самых мудрых и самых добродетельных его членов и организовала из них постоянный государственный совет, который должен был рассматривать и решать все важные дела. Знаменитый Ульпиан, отличавшийся столько же знанием римских законов, сколько своим уважением к ним, был поставлен во главе этого собрания. Благоразумная твердость этой аристократии восстановила порядок и уважение к правительству. Лишь только она очистила город от памятников азиатского суеверия и роскоши, воздвигнутых капризной тиранией Элиогабала, она стала удалять его недостойных любимцев из всех сфер общественного управления и стала заменять их людьми добродетельными и способными. Знания и любовь к справедливости сделались единственной рекомендацией для занятия гражданских должностей, а храбрость и привязанность к дисциплине - единственными качествами, дававшими право на занятие должностей военных[77].

Но главное внимание Мамеи и ее мудрых советников было обращено на нравственное развитие молодого императора, от личных свойств которого в конце концов должно было зависеть счастье или несчастье всей империи. Хорошая почва облегчает труд того, кто ее возделывает, и даже вовсе не нуждается в этом труде. Здравый ум Александра скоро убедил его в преимуществах добродетели, в пользе образования и в необходимости труда. Природная мягкость и умеренность его характера предохранила его от взрывов страстей и от приманок порока. Его неизменное внимание к матери и его уважение к мудрому Ульпиану оградили его неопытную юность от яда лести.

Дневник его обыкновенных занятий рисует нам привлекательный портрет полного совершенств императора[78] и, за некоторыми исключениями вследствие различия нравов, мог бы служить предметом подражания для монархов нашего времени. Александр вставал рано и посвящал первые минуты дня исполнению своих религиозных обязанностей; его домашняя капелла была наполнена изображениями тех героев,

которые улучшили или преобразовали условия человеческой жизни и тем заслужили признательное уважение потомства[79]. Но так как он полагал, что самое приятное для богов поклонение заключается в служении человеческому роду, то он проводил большую часть утренних часов в совете, где обсуждал общественные дела и разрешал частные тяжбы с терпением и рассудительностью, которые были не по его летам. Сухие деловые занятия сменялись более привлекательными занятиями литературой, и он каждый день уделял часть свободного времени на изучение поэзии, истории и философии. Сочинения Вергилия и Горация, "Республика" Платона и "Республика" Цицерона развивали его вкус, расширяли его ум и внушали ему самые возвышенные понятия о назначении человека и назначении правительства. За умственными упражнениями следовали упражнения физические, и Александр, будучи высок ростом, деятелен и силен, редко находил себе равных по ловкости в гимнастике. Освежив себя ванной и подкрепив легким обедом, он принимался с новыми силами за текущие дела, и до самого ужина, который считался у римлян тем, что мы называем обедом в тесном значении этого слова, он работал со своими секретарями, при помощи которых отвечал на письма, мемуары и прошения, естественно стекавшиеся в огромном числе к повелителю большей части мира. Его стол отличался самой бережливой простотой, и всякий раз, когда он мог, ничем не стесняясь, действовать согласно со своими собственнымм влечениями, его общество состояло из немногих избранных друзей, людей ученых и добродетельных, в числе которых всегда был приглашаем и Ульпиан. Разговор был дружеский и всегда был поучителен; его перерывы иногда оживлялись чтением какого-нибудь интересного сочинения, заменявшим плясунов, комедиантов и гладиаторов, которых так часто созывали к себе в обеденные часы богатые и сластолюбивые римляне[80]. Одевался Александр просто и скромно, а в обхождении был вежлив и приветлив; в назначенные часы его дворец был открыт для всех подданных, но в это время раздавался голос глашатая, произносившего такое же, как в Элевсинских таинствах, благотворное увещание: *пусть только тот проникает внутрь этих священных стен, кто сознает свою душевную чистоту и невинность*[81].

Этот однообразный образ жизни, не оставлявший ни одной

свободной минуты ни для пороков, ни для безрассудств, служит более убедительным доказательством мудрости и справедливости управления Александра, нежели все мелочные подробности, которыми наполнена компиляция Лампридия. Со времени восшествия на престол Коммода римский мир был в течение сорока лет жертвой различных пороков четырех тиранов. Со смерти Элиогабала он наслаждался счастьем тринадцатилетнего спокойствия. Провинции, освобожденные от тяжелых налогов, придуманных Каракаллой и его мнимым сыном, процветали в мире и благоденствии под управлением должностных лиц, знавших по опыту, что самое верное и единственное средство приобрести милостивое расположение государя заключается в приобретении любви его подданных. Отеческая заботливость Александра, наложив некоторые стеснения на привычки римского народа к роскоши, уменьшила цену съестных припасов и размер денежных процентов, а его благоразумная щедрость, не обременяя налогами трудящиеся классы населения, удовлетворяла склонность простого народа к развлечениям. Достоинство, свобода и авторитет сената были восстановлены, и каждый добродетельный сенатор мог приближаться к особе императора без страха и не краснея от стыда[82].

Имя Антонина, облагороженное добродетелями Антонина Благочестивого и Марка Аврелия, досталось путем усыновления распутному Веру и по праву рождения жестокосердому Коммоду. Оно служило почетным отличием для сыновей Севера, было дано молодому Диадумениану и в конце концов было опозорено пороками эмезского первосвященника. Несмотря на настойчивые и, может быть, искренние просьбы сената, Александр великодушно отказался от блеска чужого имени, а между тем делал все, что мог, чтобы восстановить славу и счастье века настоящих Антонинов[83].

В делах гражданского управления мудрость Александра опиралась на авторитет правительства*), и сознававший общее благоденствие народ платил за него своему благодетелю любовью и признательностью. Но оставалась еще неисполненной более важная и необходимая, а вместе с тем и более трудная задача - преобразование военного сословия. Руководствуясь лишь своими собственными интересами и не же-

*) Правительством следует считать императорский совет. Но в правление Александра Севера установилось согласие между императором и сенатом, что пробудило надежды сенаторского сословия на совместное правление империей императора и сената. (*Примеч. ред.*)

лая отказываться от привычек, укоренившихся благодаря долгой безнаказанности, оно тяготилось строгостями дисциплины и не придавало никакой цены благотворным результатам общественного спокойствия. При исполнении своего плана император старался выказать свою любовь к армии и скрыть страх, который она ему внушала. Благодаря строгой бережливости во всех других отраслях администрации он накопил большие запасы золота и серебра для выдачи войскам как постоянного жалованья, так и экстренных наград. Он освободил их от обязанности носить во время похода на плечах провизии на семнадцать дней. На больших дорогах были устроены обширные склады съестных припасов для армии, а когда она вступала на неприятельскую территорию, длинный ряд мулов и верблюдов был готов к услугам ее спесивой лености. Так как Александр не надеялся отучить солдат от их склонности к роскоши, то он постарался направить эту склонность на предметы воинского блеска и на воинские украшения - на приобретение красивых лошадей, роскошного оружия и оправленных в серебро и золото щитов[84]. Он подвергал самого себя всем тем лишениям, каких был вынужден требовать от других, посещал больных и раненых, составлял подробные заметки об их службе и о полученных ими наградах и при всяком удобном случае выражал самое искреннее уважение к тому классу людей, благосостояние которого, как он старался уверить, было так тесно связано с благосостоянием государства[85]. Он прибегал к самым деликатным уловкам, чтобы внушить буйной черни чувство долга и чтобы восстановить хоть слабую тень той дисциплины, которая доставила римлянам господство над столькими более их воинственными и более их могущественными народами. Но его благоразумие оказалось бесполезным, его мужество - для него гибельным, а его попытки реформ лишь усилили то зло, которое должны были искоренить.

Преторианцы были искренно привязаны к юному Александру. Они любили его как нежного питомца, которого они спасли от ярости тирана и сами возвели на императорский престол. Этот добрый государь сознавал оказанную ему услугу, но так как его признательность не выходила за пределы здравого смысла и справедливости, то добродетели Александра скоро возбудили в них более сильное неудовольствие, чем то, которое внушали им пороки Элиогабала. Их пре-

фект, мудрый Ульпиан, был друг законов и народа, но считался врагом солдат, и все планы реформ приписывались его пагубным советам. По какому-то ничтожному поводу их неудовольствие перешло в неистовый бунт; признательный народ оборонял от их нападений этого превосходного министра, и в течение трех дней в Риме свирепствовала междоусобная война. Народ, испуганный видом нескольких загоревшихся домов и угрозами преторианцев, что они обратят весь город в пепел, наконец прекратил сопротивление и предоставил добродетельного и злосчастного Ульпиана его горькой участи. Преторианцы вторглись вслед за ним внутрь императорского дворца и умертвили его у ног его повелителя, тщетно пытавшегося прикрыть его своей императорской мантией и вымолить его прощение у безжалостных солдат[86].

Такова была слабость правительства, что даже сам император не был в состоянии отомстить за своего убитого друга и за свое оскорбленное достоинство иначе, как при помощи терпеливости и притворства. Главный зачинщик мятежа Эпагат был удален из Рима путем почетного для него назначения на должность египетского префекта; с этого высокого поста его перевели на менее важную должность префекта острова Крит, и, наконец, когда время и отсутствие изгладили его имя из памяти преторианцев, Александр осмелился подвергнуть его запоздалому, но заслуженному наказанию за его преступление[87]. В царствование этого справедливого и добродетельного государя тирания армии грозила немедленной смертью каждому из его честных министров, если только он был заподозрен в намерении положить конец невыносимому своеволию солдат. Историк Дион Кассий, командуя стоявшими в Паннонии легионами, старался подчинить их правилам старой дисциплины. Преторианцы, заинтересованные в том, чтобы своеволие армии нигде не подвергалось стеснениям, приняли сторону паннонийских легионов и потребовали казни реформатора. Александр не уступил их мятежническим требованиям, а, напротив того, назначил Диона, в награду за его достоинства и заслуги, своим товарищем по званию консула и покрыл из своей собственной казны все расходы, сопряженные с возведением в это пустое звание; но так как можно было опасаться, что при виде Диона, облаченного в отличия его новой должности, солдаты захотят выместить на нем нанесенное им оскорбление, то человек, номи-

нально считавшийся первым сановником в государстве, удалился по совету императора из города и провел бо́льшую часть своего консульства в своих поместьях в Кампании[88].

Кротость императора служила поощрением для дерзости солдат; легионы стали следовать примеру преторианцев и стали отстаивать свои права на своеволие с таким же, как преторианцы, яростным упорством. Все царствование Александра прошло в бесплодной борьбе против развращенности его века. В Иллирии, Мавритании, Армении, Месопотамии и Германии беспрестанно вспыхивали новые мятежи; присланных императором военачальников убивали, над его властью издевались и, наконец, принесли его собственную жизнь в жертву негодующей армии[89]. Впрочем, нам известен один выдающийся случай, когда солдаты возвратились к своему долгу и к повиновению; он стоит того, чтобы мы его рассказали, так как он очень хорошо обрисовывает нравы солдат. Когда император, выступивший в поход против персов (о котором мы будем подробно говорить далее), остановился на некоторое время в Антиохии, один солдат был подвергнут наказанию за то, что пробрался в женскую баню; это наказание возбудило мятеж в легионе, к которому принадлежал солдат. Тогда Александр взошел на свой трибунал и со скромной твердостью стал говорить вооруженному сборищу о безусловной необходимости и о своей непреклонной решимости исправить порочные привычки, введенные его недостойным предшественником, и поддержать дисциплину, ослабление которой неизбежно привело бы к унижению римского имени и к гибели империи. Его кроткие упреки были прерваны шумными возгласами солдат. "Воздерживайтесь от ваших криков, - сказал неустрашимый император, - пока не выступите в поход против персов, германцев и сарматов. Вы должны молчать в присутствии вашего государя и благодетеля, который раздает вам хлеб, одежду и деньги провинций. Молчите, иначе я перестану называть вас солдатами, а буду называть квиритами[90], если только люди, не признающие римских законов, достойны стоять в рядах самого низкого класса народа". Его угрозы воспламенили ярость легиона, солдаты обнажили свое оружие, и жизнь императора подверглась серьезной опасности. "Вы сделали бы более благородное употребление из вашего мужества, - снова обращаясь к ним, сказал Александр, - если бы вы выказали его на поле

битвы; вы можете лишить меня жизни, но не можете застращать, а строгая справедливость республики накажет вас за преступление и отомстит за мою смерть". Мятежные крики не прекращались; тогда император произнес громким голосом свой решительный приговор: "Граждане! Сложите ваше оружие и расходитесь по домам". Буря тотчас стихла; смущенные и пристыженные солдаты безмолвно осознали справедливость понесенного ими наказания и обязанности дисциплины, сложили свое оружие и знамена и, вместо того чтобы отправляться в свой лагерь, разошлись по разным городским гостиницам. Александр наслаждался в течение тридцати дней назидательным зрелищем их раскаяния и возвратил им их прежние места в армии только после того, как наказал смертью тех трибунов, потворство которых было причиной мятежа. Признательный легион верно служил императору в течение всей его жизни и отомстил за его смерть[90].

Толпа обыкновенно подчиняется в своих решениях впечатлениям данной минуты, поэтому каприз страстей одинаково мог внушить мятежным легионам и готовность сложить свое оружие у ног императора, и желание вонзить это оружие в его грудь. Если бы какой-нибудь проницательный философ постарался объяснить нам внутреннее значение этого странного факта, мы, может быть, узнали бы от него тайные причины смелости государя и покорности войск; а если бы этот факт был рассказан нам каким-нибудь здравомыслящим историком, мы, может быть, нашли бы, что геройское поведение, по-видимому достойное самого Цезаря, сопровождалось такими обстоятельствами, которые придают ему более правдоподобия и низводят его до общего уровня характеристических особенностей Александра Севера. Дарования этого прекрасного государя, как кажется, не достигали одного уровня с трудностями его положения, а твердость его образа действий не могла равняться с чистотою его намерений. Его добродетели, точно так же как и пороки Элиогабала, получили отпечаток слабости и изнеженности от мягкого климата Сирии, откуда он был родом. Впрочем, он стыдился своего иноземного происхождения и снисходительно выслушивал уверения льстецов, что он происходит из древнего римского аристократического рода[92]. Гордость и жадность его матери омрачили блеск его царствования, а тем, что она заставляла его в зрелых летах оказывать ей такое же повиновение, ка-

кого она требовала от его неопытной юности, Мамея подвергала насмешкам и себя, и своего сына[93]. Трудности войны с персами возбудили неудовольствие в армии, а ее неудачный исход лишил императора репутации хорошего полководца и даже хорошего солдата[94]. Таким образом, все причины подготовляли и все обстоятельства ускоряли переворот, навлекший на Римскую империю длинный ряд междоусобиц и общественных бедствий.

И распутная тирания Коммода, и внутренние раздоры, вызванные его смертью, и новые принципы управления, установленные государями из дома Севера, - все способствовало усилению опасного могущества армии и уничтожению еще не совсем изгладившихся в душе римлян слабых следов уважения к законам и к свободе. Мы постарались с возможной последовательностью и ясностью объяснить причины этой внутренней перемены, расшатавшей коренные основы империи. Личный характер императоров, их победы, законы, безрассудства и судьба могут интересовать нас только в той мере, в какой они находятся в связи с общей историей упадка и разрушения монархии. Но несмотря на то что все наше внимание сосредоточено на этом важном предмете, мы не можем обойти молчанием чрезвычайно важного эдикта Антонина Каракаллы, предоставлявшего всем свободным жителям империи звание и привилегии римских граждан. Впрочем, эта безмерная щедрость не была внушена великодушием, а была результатом гнусной алчности; чтобы убедиться в этом, необходимо сделать краткий обзор положения римских финансов с блестящих времен республики до царствования Александра Севера[95].

Осада Вейи в Тоскане, которая была первым значительным предприятием римлян, тянулась более девяти лет не столько по причине неприступности городских укреплений, сколько вследствие неопытности осаждающих[96]. Непривычные лишения в течение стольких зимних кампаний на расстоянии почти двадцати миль от дома[97] требовали каких-нибудь особых поощрений для армии; тогда сенат благоразумно предотвратил взрыв народного неудовольствия, назначив солдатам постоянное жалованье, которое оплачивалось общим налогом, разложенным на всех граждан соразмерно с их состоянием[98]. В течение более двухсот лет после взятия Вейи победы республики увеличивали не столько богатство,

сколько могущество Рима. Италийские провинции уплачивали дань лишь военной службой, а огромные морские и сухопутные военные силы, участвовавшие в Пунических войнах, содержались за счет самих римлян. Этот великодушный народ (такой благородный энтузиазм нередко внушается свободой) безропотно подчинялся самым тяжелым и добровольным лишениям в основательной уверенности, что он скоро будет наслаждаться обильными плодами своих тяжелых усилий. Он не обманулся в своих ожиданиях. В течение немногих лет богатства Сиракуз, Карфагена, Македонии и Азии были с торжеством перевезены в Рим. Одни сокровища Персея простирались почти до 2 000 000 ф. ст., и римский народ, сделавшийся повелителем стольких племен, был навсегда освобожден от тяжести налогов[99]. Постоянно возраставшие доходы с провинций оказались достаточными для покрытия обыкновенных расходов на содержание армии и правительства, а излишние запасы золота и серебра складывались в храме Сатурна и предназначались на непредвиденные нужды государства[100].

История, может быть, ни разу еще не понесла более важного или более непоправимого ущерба, чем тот, который ей причинила утрата завещанной Августом сенату интересной записки, в которой этот опытный государь с такой точностью вывел баланс доходов и расходов Римской империи[101]. Не имея возможности справляться с этим ясным и полным документом, мы вынуждены собирать в одно целое отрывочные сведения из сочинений тех древних писателей, которые случайно отклонялись от блестящих сюжетов исторического повествования для того, чтобы заняться сюжетами более полезными. Нам известно, что благодаря завоеваниям Помпея азиатские налоги возросли с 50 до 135 миллионов драхм, то есть почти до 4 500 000 ф. ст.[102] При последнем и самом беспечном государе из рода Птолемеев доходы Египта, как уверяют, простирались до двенадцати с половиной тысяч талантов, то есть более чем до 2 500 000 ф. ст. на наши деньги, но впоследствии они значительно увеличились благодаря строгой бережливости римлян и благодаря расширению торговли с Эфиопией и Индией[103]. Источником обогащения для Египта служила торговля, а для Галлии—военная добыча; однако размер налогов, которые уплачивались этими двумя провинциями, был почти один и тот же[104]. Те десять тысяч евбей-

ских или финикийских талантов, составлявших на наши деньги около 4 000 000 ф. ст.[105] которые побежденный Карфаген должен был выплатить в течение пятидесяти лет, были весьма скромным свидетельством превосходства римских сил[106] и не могут выдерживать ни малейшего сравнения с размерами тех податей, которыми были обложены земли и денежные капиталы местных жителей, когда плодородные берега Африки обратились в римскую провинцию[107]

По какой-то странной, роковой необходимости Испания сделалась для древнего мира тем же, чем были Перу и Мексика для нового. Открытие финикиянами богатого западного континента и угнетение простодушных туземцев, принужденных разрабатывать свои собственные рудники в пользу иностранцев, представляют точно такую же картину, как и недавняя история испанских владений в Америке[108] Финикиянам были знакомы только морские берега Испании, а движимые столько же корыстолюбием, сколько честолюбием римляне и карфагеняне проникли с оружием в руках внутрь страны и нашли, что тамошняя почва содержит в себе множество меди, серебра и золота. Историки упоминают об одной руде вблизи от Картагены, дававшей ежедневно по 25 000 тысяч драхм серебра, или почти по 300 000 ф. ст. в год[109] А из Астурии, Галиции и Лузитании ежегодно получалось по 20 000 фунтов золота[110]

У нас нет ни времени, ни необходимых материалов для того, чтобы продолжать это интересное исследование, и для того, чтобы определить размер налогов, которые уплачивались столькими сильными государствами, слившимися в одну Римскую империю. Впрочем, мы можем составить себе некоторое понятие о доходах с тех провинций, где значительные богатства были накоплены или самой природой, или человеческим трудом, если обратим внимание на строгость, с которой взыскивались налоги с самых малообитаемых и бесплодных местностей. Однажды Август получил прошение от жителей Гиара, которые униженно умоляли его сложить с них третью часть обременительных налогов. А все эти налоги не превышали ста пятидесяти драхм, или пяти фунтов стерлингов. Но Гиар был маленький островок или скорее утес на берегу Эгейского моря; на нем нельзя было найти ни свежей воды, ни самых необходимых условий для существования, и все его население состояло из нескольких бедных рыбаков[111]

Из всех этих неполных и отрывочных сведений мы находим возможность сделать следующие выводы: во-первых, что при всех переменах, какие вызывались временем и обстоятельствами, общая сумма дохода с римских провинций редко доходила менее чем до 15 или до 20 миллионов ф. ст. на наши деньги[12]; и во-вторых, что такой большой доход должен был вполне покрывать все расходы скромной системы управления, введенной Августом, так как обстановка его двора походила на скромную семейную обстановку простого сенатора, а его военные силы содержались в размере, необходимом для охранения границ, без всяких стремлений к завоеваниям и без всяких серьезных опасений иностранного нашествия.

Несмотря на кажущееся правдоподобие обоих этих выводов, последний из них положительно опровергается и тем, что говорил, и тем, как поступал Август. Трудно решить, действовал ли он в этом случае как человек, отечески заботившийся об общей пользе, или как человек, стремившийся к уничтожению свободы, и имел ли он в виду облегчить положение провинций, или старался довести до обеднения сенаторов и сословие всадников. Но лишь только он взял в свои руки бразды правления, он стал часто намекать на недостаточность налогов и на необходимость возложить часть общественных расходов на Рим и на Италию[13]. Впрочем, к осуществлению этого непопулярного плана он приближался осторожными и строго размеренными шагами. За введением таможенных пошлин[14] следовало введение акциза, и проект общего обложения был окончательно приведен в исполнение благодаря искусному привлечению к уплате налогов с недвижимой и движимой собственности римских граждан, отвыкших в течение полутора столетий от каких бы то ни было денежных взносов[15].

I. В такой обширной империи, как Римская, естественное равновесие денежных средств должно было установиться постепенно и само собою. Мы уже имели случай заметить, что богатства провинций притягивались в столицу мощным влиянием побед и верховного владычества, но что промышленные провинции снова притягивали их к себе путем развития торговли и изящных искусств. В царствование Августа и его преемников пошлины были наложены на всякого рода товары, стекавшиеся тысячами каналов в великий центр богатств и роскоши, но, какова бы ни была установленная форма их

взыскания, в конце концов они уплачивались римскими покупателями, а не провинциальными торговцами[16]. Размер пошлин колебался между восьмой и сороковой частью стоимости товаров, и мы имеем основание думать, что в этом случае римское правительство руководствовалось неизменными политическими соображениями, что оно облагало предметы роскоши более высокими пошлинами, нежели предметы первой необходимости, и что оно относилось к продуктам мануфактурной деятельности римских подданных более снисходительно, чем к вредным или по меньшей мере непопулярным продуктам Аравии и Индии[17]. До нас дошла длинная, хотя и не совершенно полная роспись восточных товаров, которые оплачивались пошлинами во времена Александра Севера[18]; сюда входят: корица, мирра, перец, имбирь, различные благовонные вещества, множество различных драгоценных каменьев, между которыми бриллианты занимали первое место по цене, а изумруды по красоте[19], парфянские и вавилонские кожаные и бумажные изделия, шелк в сыром и обработанном виде, черное дерево, слоновая кость и евнухи[20]. Здесь будет уместно заметить, что эти изнеженные рабы все более и более входили в употребление и возвышались в цене по мере того, как империя приходила в упадок.

II. Акцизные пошлины[21], введенные Августом после окончания междоусобных войн, были чрезвычайно умеренны, но падали на всех без исключения. Они редко превышали один процент, но взыскивались со всего, что продавалось на рынках или с публичного торга, начиная с самых значительных покупок земель и домов и кончая теми мелкими предметами, ценность которых обусловливается их громадным количеством и ежедневным потреблением. Эти пошлины, падая на всю народную массу, постоянно вызывали жалобы и неудовольствие, так что один император, хорошо знакомый с нуждами и средствами государства, был вынужден объявить путем публичного эдикта, что содержание армии зависит в значительной мере от дохода, доставляемого этими пошлинами[22].

III. Когда Август решился постоянно содержать отряд войск для защиты правительства от внешних и внутренних врагов, он назначил особый денежный фонд на уплату жалованья солдатам, на награды ветеранам и на экстраординар-

ные военные расходы. Хотя огромные доходы от акцизных пошлин употреблялись специально на этот предмет, они скоро оказались недостаточными. Для покрытия этого дефицита император придумал новый налог на завещания и наследства в размере пяти процентов. Но римская знать более дорожила своим состоянием, нежели свободой. К ее негодованию и ропоту Август отнесся со своей обычной сдержанностью. Он передал этот вопрос на рассмотрение сената и просил его найти какой-нибудь другой, менее ненавистный способ для удовлетворения государственных нужд. Так как сенаторы расходились в мнениях и не знали, на что решиться, то император объявил им, что их упорство заставит его предложить введение общей поземельной и подушной подати. Тогда они безмолвно утвердили первый проект императора[23]. Впрочем, новый налог на завещания и наследства был смягчен некоторыми ограничениями. Он взыскивался только с имуществ, имевших известную стоимость, как кажется, только с таких, цена которых была не менее пятидесяти или ста золотых монет[24], и от него был освобожден самый близкий родственник с отцовской стороны[25]. После того как права, основанные на законах природы и на бедности, были таким образом ограждены, уже не трудно было согласиться с тем, что иноземец или дальний родственник, неожиданно получивший наследство, должен будет пожертвовать двадцатую часть этого наследства в пользу государства[26].

В богатом государстве такой налог мог доставлять большие доходы; к тому же он был очень хорошо приспособлен к нравам римлян, так как давал им возможность руководствоваться в своих завещаниях прихотью и не стесняться никакими законами о наделе сыновей или о приданом, придуманными в наше время. Вследствие различных причин отцовские привязанности нередко не имели никакого влияния на суровых патриотов времен республики и на безнравственную знать времен империй, и, если отец оставлял своему сыну четвертую часть своего состояния, он этим устранял всякий повод для законных жалоб[27]. Но богатый бездетный старик делался у себя в доме тираном, и его власть росла вместе с его годами и немощами. Раболепная толпа, к которой нередко примешивались преторы и консулы, заискивала его расположения, лелеяла его скупость, восторгалась его безрассудствами, угождала его страстям и с нетерпением ожидала его

смерти. Искусство ухаживания и лести превратилось в очень выгодную науку; те, которые сделали себе из него профессию, получили особое название, и весь город, по живописному выражению сатирика, оказался разделенным между двумя партиями - между охотниками и их добычей[128]. Однако, хотя ежедневно случалось, что лукавство диктовало, а безрассудство подписывало несправедливые и сумасбродные завещания, бывали и такие примеры, что завещание было результатом сознательного уважения и добродетельной признательности. Цицерон, так часто защищавший жизнь и состояние своих сограждан, был за это вознагражден завещанными ему суммами, которые доходили в общем итоге до 170 000 ф. ст.[129]; и друзья Плиния Младшего, как кажется, не были менее щедры в изъявлениях своей признательности этому симпатичному оратору[130]. Но каковы бы ни были мотивы, которыми руководствовался завещатель, казначейство требовало двадцатую часть его состояния; таким образом, в течение двух или трех поколений все достояние подданных должно было мало-помалу перейти в государственную казну.

В первые и лучшие годы своего царствования Нерон, из желания сделаться популярным и, может быть, из бессознательного влечения к добру, задумал уничтожить обременительные таможенные и акцизные пошлины. Самые благоразумные из сенаторов одобрили такое великодушие, но отклонили его от исполнения намерения, которое могло ослабить республику, уменьшив ее денежные средства[131]. Если бы эта мечта фантазии действительно могла быть осуществлена на деле, такие государи, как Траян и Антонины, наверно, с жаром взялись бы за такой удобный случай оказать столь важную услугу человеческому роду; однако они ограничились облегчением государственных налогов, но не пытались совершенно отменить их. Их мягкие и ясные законы определили правила и размеры податного обложения и охранили подданных всех сословий от произвольных толкований, несправедливых притязаний и наглых притеснений со стороны людей, бравших государственные доходы на откуп[132]; нельзя не подивиться тому, что самые лучшие и самые мудрые римские правители во все века римской истории придерживались этого пагубного способа собирания доходов, и в особенности собирания акцизных и таможенных пошлин[133].

Каракалла руководствовался иными соображениями, чем Август, и самое положение его не было похоже на положение Августа. Он вовсе не заботился об общей пользе или скорее был ее противником, а между тем он был поставлен в необходимость удовлетворять ненасытную алчность, которую сам возбудил в армии. Между всеми налогами, введенными Августом, не было более доходного и более всеобщего, чем взыскание двадцатой части с наследств и завещаний. Так как он не был ограничен пределами Италии, то его доходность увеличивалась вместе с постепенным распространением прав римского гражданства. Новые граждане хотя и должны были в одинаковом размере со всеми[34] нести новые налоги, которых они не платили, когда считались не более как римскими подданными, однако находили для себя достаточное за это вознаграждение в более высоком общественном положении, в приобретаемых ими привилегиях и в том, что их честолюбию открывался доступ к почестям и блестящей карьере. Но это почетное отличие оказалось ничего не стоящим. По причине расточительной щедрости Каракаллы титул римского гражданина лишь наложил на жителей провинций новые обязанности. Сверх того, жадный сын Севера не удовольствовался тем размером налогов, который казался достаточным его предшественникам. Вместо двадцатой части он стал взыскивать десятую часть со всех завещаний и наследств и в течение своего царствования (так как прежний размер был восстановлен после его смерти) дал почувствовать тяжесть своего железного скипетра всем частям империи в одинаковой мере[35].

Когда все жители провинций стали нести налоги, составлявшие особенность римских граждан, они этим самым, по-видимому, освобождались от податей, которые они прежде уплачивали в качестве подданных. Но такие принципы пришлись не по вкусу Каракалле и его мнимому сыну. С провинций стали одновременно собирать и старые и новые налоги. Добродетельному Александру было суждено в значительной мере облегчить им это невыносимое бремя тем, что он понизил подати до третьей части той суммы, какая взыскивалась в момент его восшествия на престол[36]. Трудно догадаться, какие соображения побудили его сохранить этот ничтожный остаток общественного зла; но от того, что эти зловредные плевелы не были вырваны с корнем, они стали

разрастаться с новой силой и поднялись на такую высоту, что в следующем веке омрачили своей смертоносной тенью весь римский мир. При дальнейшем изложении этой истории нам еще не раз придется упоминать о поземельной и подушной подати и об обременительных сборах зернового хлеба, вина, масла и мяса, которые доставлялись из провинций на потребление армии и столичного населения.

Пока Рим и Италия пользовались уважением, подобающим центру правительственной власти, национальный дух поддерживался старыми гражданами и незаметным образом впитывался в умы новых. Высшие посты в армии замещались людьми, получившими хорошее образование, изучавшими законы и литературу и возвышавшимися шаг за шагом по лестнице гражданских и военных должностей[137] Их влиянию и личному примеру можно отчасти приписать скромное повиновение легионов в течение двух первых столетий империи.

Но после того как Каракалла низвергнул последний оплот римской конституции, различие профессий мало-помалу заменило различие рангов. Жители внутренних провинций, как более образованные, оказались всех более годными для занятия судебных и административных должностей. Военное ремесло, как более грубое, было предоставлено крестьянам и пограничным варварам, которые не знали иного отечества, кроме своего лагеря, не знали никакой науки, кроме военной, не имели понятия о гражданских законах и едва ли были знакомы с правилами военной дисциплины. Со своими окровавленными руками, со своими дикими нравами и отчаянной смелостью, они иногда охраняли императорский престол, но гораздо чаще ниспровергали его.

---

1) Ист. эпохи Цезарей, стр. 71, "Omnia fui et nihil expedit".
2) Дион Кассий, кн. 77, стр. 1284.
3) Это случилось в 186 г. Тильемон очень затруднялся объяснением того места у Диона, где говорится, что императрица Фаустина, умершая в 175 г., содействовала браку Севера с Юлией (кн. 74, стр. 1243). Ученый компилятор позабыл, что Дион рассказывает не действительно случившийся факт, а сон Севера; но сны не подчиняются законам времени и расстояний. Уж не воображал ли Тильемон, что браки действительно совершались в храме Венеры в Риме? Hist. des Empereurs, ч. 3, стр. 389, прим. 6.
4) Ист. эпохи Цезарей, стр. 65.
5) Там же, стр. 85.

6) Дион Кассий, кн. 77, стр. 1304, 1314.
7) См. диссертацию Менажа, в конце его издания Диогена Лаэрция, de Foeminis Philosophis.
8) Дион, кн. 76, стр. 1285. Аврелий Виктор.
9) Сначала он получил имя Бассиана в честь деда с материнской стороны. Во время своего царствования он принял имя Антонина, под которым его обозначали юристы и древние историки. После его смерти его подданные из чувства негодования прозвали его Тарантом и Каракаллой. Первое из этих прозвищ было заимствовано от одного знаменитого гладиатора, второе происходило от длинных галльских одеяний, которые он раздавал народу в Риме.
10) Аккуратный Тильемон относит возвышение Каракаллы к 198 г., а возвышение Геты - к 208 г.
11) Геродиан, кн. 3, стр. 130. См. жизнь Каракаллы и Геты в "Ист. эпохи Цезарей".
12) Дион, кн. 76, стр. 1280 и пр. Геродиан, кн. 3, стр. 132 и пр.
13) Поэмы Оссиана, ч. 1, стр. 175.
14) Вопрос о том, следует ли считать Каракула, о котором упоминает Оссиан, за Каракаллу, о котором повествует римская история, есть единственный вопрос, касающийся британской древности, насчет которого и Макферсон и Уайтекер одного мнения, а между тем это мнение вызывает возражения. Во время каледонской войны сын Севера был известен только под именем Антонина; поэтому должно казаться странным, что шотландский бард называет его прозвищем, которое было придумано через четыре года после того, которое едва ли употреблялось римлянами при его жизни и редко встречается у самых древних историков. Дион, кн. 77, стр. 1317. Ист. эпохи Цезарей, стр. 89. Аврелий Виктор. Евсевий In Chron. ad. ann. 214. (Вовсе не трудно отвечать на возражение против того мнения, что Оссианов Каракул был Каракалла, известный нам из римской истории. Это последнее название было в употреблении еще при жизни этого императора, и он вообще был известен под этим именем после своей смерти, которая последовала скоро. Поэтому Оссиан мог познакомиться с этим прозвищем путем сношений между каледонцами и их соседями римлянами или британцами, и это могло случиться вскоре после окончания войны, если поэтические произведения, в которых говорится о Каракуле, уже были в то время написаны или, правильнее сказать, если в то время их уже распевали, - так как искусство письма еще не было знакомо шотландцам. Но Оссиан сочинил большую часть своих поэм в преклонных летах, после смерти своего отца Фингала, которую Макферсон относил к 283 году, согласно ирландским преданиям. Понятно, что кельтский бард должен был охотнее употреблять название, происходящее из его собственного языка, нежели название Антонина, которое было бы для него менее удобно. - Венк)
15) Дион, кн. 76, стр. 1282. Ист. эпохи Цезарей, стр. 71. Аврелий Виктор.
16) Дион, кн. 76, стр. 1283. Истр. эпохи Цезарей, стр. 89.
17) Дион, кн. 76, стр. 1284. Геродиан, кн. 3, стр. 135.
18) Юм имел полное основание удивляться тому, что Геродиан (кн. 4, стр. 139), говоря по этому поводу об императорском дворце, прида-

ет ему размеры, равные размерам остального Рима. Палатинский холм, на котором он был построен, имел в окружности не более одиннадцати или двенадцати тысяч футов (Notitia и Victor в сочинении Нардини "Roma Antica"). Но мы не должны забывать, что богатые сенаторы почти совершенно окружили город своими обширными садами и великолепными дворцами, которые с течением времени были большею частью конфискованы императорами. Если Гета жил на Яникуле среди тех садов, которые носили его имя, а Каракалла жил в садах Мецената на Эсквилинском холме, то братья-соперники были отделены друг от друга расстоянием в несколько миль; промежуточное пространство занимали императорские сады Саллюстия, Лукулла, Агриппы, Домициана, Кайя и др., которые опоясывали город и соединялись между собой и с дворцом мостами, переброшенными через Тибр и через улицы. Если бы это место у Геродиана стоило объяснений, то потребовалась бы особая диссертация с планом древнего Рима.

19) Геродиан, кн. 4, стр. 139.

20) Там же, стр. 144.

21) Каракалла освятил в храме Сераписа меч, которым - как он сам хвастался - он заколол своего брата Гету. Дион, кн. 77, стр. 1307.

22) Геродиан, кн. 4, стр. 147, В каждом римском лагере была небольшая капелла вблизи от главной квартиры; в ней хранились статуи богов-покровителей, и в ней им поклонялись. Орлы и прочие военные знамена занимали между этими божествами первое место; это было прекрасное обыкновение, так как оно придавало дисциплине религиозную санкцию. См. Липсий, de Militia Romana, IV, 5; V, 2.

23) Геродиан, кн. 4, стр. 148. Дион, кн. 77, стр. 1289.

24) Гета был причислен к богам. Sit divus, dum non sit vivus, сказал его брат (Ист. эпохи Цезарей, стр. 91). На медалях еще сохранились некоторые следы обоготворения Геты.

25) (Хорошее мнение потомства о Гете не было внушено одним только чувством сострадания. Оно подтверждается общим мнением римлян и свидетельством современных писателей. Он не в меру предавался наслаждениям роскошной кухни и был до крайности недоверчив к брату, но он был добр, приветлив и образован и нередко смягчал суровые приказания отца и брата. Геродиан, кн. 4, гл. 3. Спартиан, In Geta, гл. 4. - Венк)

26) Дион, кн. 77, стр. 1307.

27) Дион, кн. 77, стр. 1290. Геродиан, кн. 4, стр. 150. Дион (стр. 1298) говорит, что комические стихотворцы не смели употреблять имя Геты в своих сочинениях и что имения тех, кто упоминал это имя в своем сочинении, подвергались конфискации.

28) Каракалла стал носить этнонимы некоторых побежденных народов, а так как он одержал несколько побед над готами или гетами, то Пертинакс заметил, что к названиям Парфянского, Алеманнского и пр. было бы уместно прибавить название Гетического. Истор. эпохи Цезарей, стр. 89.

29) Дион, кн. 77, стр. 1291. Он, как кажется, происходил от Гелвидия Приска и Фразея Пэта, известных патриотов, отличавшихся непоколебимыми, но бесполезными и неуместными добродетелями, которые обессмертил Тацит. (Добродетель не такое достояние, цену ко-

торого можно бы было определять количеством приносимого ею дохода; ее высшее торжество заключается в том, что она остается непреклонной даже тогда, когда она "бесполезна" для общества и "неуместна" среди окружающих ее пороков; а таковой именно и была добродетель Фразея Пэта. Ad postremum Nero virtutem ipsam exscindere voluit, interfecto Thrasea Paeto. (Подвергая Фразея Пэта смертной казни, Нерон надеялся искоренить самую добродетель.) Так выражается Тацит. Как холодны выражения Гиббона в сравнении с воодушевленными выражениями Юста Липсия, который, заговорив об этом знаменитом человеке, восклицает: Salve! O Salve! vir magne, et inter Romanos sapientes sanctum mihi nomen! Tu magnum decus Gallicae gentis; tu ornamentum Romanae curiae; tu aureum sidus tenebrosi illius aevi. Tua, inter homines, non hominis vita; nova probitas, constantia, gravitas; et vitae et mortis aequalis tenor! (Приветствую тебя, великий муж! твое имя священно для меня среди имен римских мудрецов! Ты слава галльской расы, ты украшение римской курии, ты блестящая звезда, освещавшая эти времена мрака. Хотя ты жил среди людей, твоя жизнь была нечеловеческая; твои честность, твердость и мудрость были беспримерны, и только твоя смерть может сравняться с твоею жизнью!) Даже Нерон не считал добродетели Фразея бесполезными; вскоре после смерти этого мужественного сенатора, которого он так страшился и так ненавидел, он дал следующий ответ одному недовольному, жаловавшемуся на то, что Фразей будто бы несправедливо решил одно тяжебное дело: "Я желал бы, чтобы Фразей был в такой же мере моим другом, в какой он был бескорыстным судьей!" Плутарх, Mor., гл. 14. - Гизо)

30) Полагают, что сам Папиниан был в родстве с императрицей Юлией.

31) Тацит, Анн., XIV, 2.

32) Ист. эпохи Цезарей, стр. 88.

33) Касательно Папиниана см. "Historia juris romani" Гейнекция, кн. 330 и сл. (Папиниан не был в эту пору преторианским префектом. После смерти Севера Каракалла устранил от дел этого надоедливого опекуна. Это утверждает Дион (стр. 1287), а к утверждению Спартиана, что Папиниан оставался при должности до своей смерти, нельзя относиться с таким же доверием, какого заслуживают слова сенатора, жившего в Риме. Каракалла всегда ненавидел Папиниана за его суровую добродетель и за то, что он принадлежал к числу друзей Геты. - Венк)

34) Тиберий и Домициан никогда не покидали окрестностей Рима, а Нерон совершил непродолжительное путешествие в Грецию. "Et *laudatorum principum usus ex aequo quam vis procul agentibus. Saevi* proximis ingruunt". Тацит. Ист., IV, 75.

35) Дион, кн. 77, стр. 1294.

36) Дион, кн. 77, стр. 1307. Геродиан, кн. 4, стр. 158. Первый из них говорит, что это было ужасное избиение, а второй - что в этом деле участвовало и коварство. Жители Александрии, как кажется, прогневили тирана своими насмешками, а может быть, и уличными беспорядками. (После этой резни Каракалла уничтожил в Александрии общественные зрелища и банкеты; он разделил город стеной на две части и окружил его укреплениями, так что взаимные сношения жи-

телей сделались затруднительными. Дион говорит: "Вот как обошелся с несчастной Александрией дикий зверь Авзонии". Этот эпитет был дан Каракалле оракулом, и так ему понравился, что он часто им хвастался. Дион, кн. 77, стр. 1307. - *Гизо*)

37) Дион, кн. 77, стр. 1266.

38) Дион, кн. 76, стр. 1284. Воттон (История Рима, стр. 330) подозревает, что Каракалла сам придумал этот принцип, но приписывал его своему отцу.

39) Дион (кн. 78, стр. 1343) сообщает, что чрезвычайные подарки, которые Каракалла раздавал армии, доходили ежегодно до суммы в семьдесят миллионов драхм (около 2 350 000 ф. ст.). У Диона есть другое место, где идет речь о военном жалованье; оно было бы чрезвычайно интересно, если бы не было темновато, неполно и, вероятно, извращено. Из его слов, как кажется, можно заключить, что солдаты преторианской гвардии получали ежегодно по тысяче двести пятьдесят драхм (по 40 ф. ст.) (Дион, кн. 77, стр. 1307). При Августе они получали по две драхмы или денария в день, т. е. по семисот двадцати драхм в год (Тацит, Анн., I, 17). Домициан, увеличивший жалованье солдат на одну четверть, должно быть, повысил содержание преторианцев до девятисот шестидесяти драхм в год (Гроновий, de Pecunia Veteri, кн. 3, гл. 2). Эти постоянные увеличения жалованья разорили империю, так как вместе с увеличением жалованья увеличивалось и число солдат. Мы уже видели, что в одной только преторианской гвардии численный состав был увеличен с десяти тысяч человек до пятидесяти тысяч. (Валезий и Реймар объяснили очень просто и очень правдоподобно то место у Диона, которого, как мне кажется, Гиббон не понял: Дион, кн. 77, стр. 1307 (Он приказал выдавать солдатам более прежнего в награду за их службу - преторианцам тысячу двести пятьдесят драхм, а остальным пять тысяч драхм). Валезий полагает, что здесь цифры были переставлены и что Каракалла прибавил к наградам преторианцев пять тысяч драхм, а к наградам легионных солдат - тысячу двести пятьдесят. Преторианцы действительно всегда получали более других: ошибка Гиббона заключается в предположении, что здесь шла речь о *ежегодном жалованье* солдат, тогда как здесь говорится о сумме, которую они получали в награду за свою службу при выходе в отставку: athlon tes strateias (греч.) - значит награда за службу. Август установил, что преторианцы после шестнадцати кампаний должны получать пять тысяч драхм, а легионные солдаты получали только три тысячи после двадцатилетней службы. Каракалла прибавил пять тысяч драхм к наградам преторианцев и тысячу двести пятьдесят к наградам легионных солдат. Гиббон, как кажется, впал в заблуждение, смешав эти награды при отставке с ежегодным жалованьем и не обратив внимания на замечание Валезия касательно перестановки цифр в тексте Диона. - *Гизо*)

40) На этом месте, находящемся между Эдессой и Низибом и называемом в настоящее время Гарраном, был разбит Красс. Оттуда выступил Авраам, отправляясь в землю Ханаанскую. Местное население всегда отличалось своею привязанностью к сабеизму.

41) (Дион, кн. 78, стр. 1312. Геродиан, кн. 4, стр. 168. - *Гизо*)

42) О том, как любил Каракалла имя и внешние отличия Александра,

свидетельствуют медали этого императора. См. Шпангейм, de Usu Numismatum, диссерт. 12. Геродиан (кн. 4, стр. 154) видел странные рисунки, на которых была изображена фигура, с одной стороны похожая на Александра, а с другой - на Каракаллу.

43) (Сами префекты не могли воображать, что их притязания законны. Им были хорошо известны права сената, и они знали, что еще никогда ни один префект не был возведен в императорское звание. Макрин надеялся получить это звание от армии, которая уже столько раз раздавала его и на которую он мог рассчитывать благодаря той должности, которую в ней занимал. Адвент по гордости и по простоте позволил себе сказать, что если хотят сделать префекта императором, то должны отдать ему предпочтение как старшему, но что он, по причине своих преклонных лет, готов уступить этот пост Макрину. - Венк)

44) Геродиан, кн. 4, стр. 169. Ист. эпохи Цезарей, стр. 94.

45) Дион, кн. 88, стр. 1350. Элиогабал упрекал своего предшественника за то, что он осмелился воссесть на престол, тогда как в качестве преторианского префекта он не мог бы войти в сенат, после того как публике было приказано удалиться. Личное влияние Плавтиана и Сеяна дало им возможность не подчиняться этому правилу. Они, правда, происходили из сословия всадников, но сохранили звание префектов вместе со званием сенаторским и даже консульским.

46) Он был родом из Цезареи, в Нумидии, и начал свою карьеру тем, что служил в доме Плавтиана, который едва не увлек его за собой при своем падении. Его враги утверждали, что он родился в рабстве, занимался разными низкими профессиями, и между прочим профессией гладиатора. Привычка забрасывать грязью происхождение и жизнь противников, как кажется, не прекращалась со времен греческих ораторов и до времен ученых грамматиков прошедшего столетия.

47) Дион и Геродиан говорят о добродетелях и пороках Макрина со сдержанностью и с беспристрастием. Но автор биографии этого императора, помещенной в "Ист. эпохи Цезарей", как кажется, без разбора заимствовал свои сведения от тех продажных писателей, которых нанимал Элиогабал с целью очернить своего предшественника.

48) Дион, кн. 83, стр. 1836. Смысл слов автора так же ясен, как и намерение императора, но Воттон не понял ни того, ни другого, отнеся это различие не к ветеранам и рекрутам, а к старым и новым легионам. Ист. Рима, стр. 347.

49) Дион, кн. 78, стр. 1330. Сокращенное изложение Ксифилина хотя и менее подробно, но в настоящем случае более ясно, чем оригинал. (Когда эта правительница узнала о смерти Каракаллы, она задумала лишить себя жизни голодом, но решилась жить, когда Макрин отнесся к ней с уважением, дозволив ей сохранить при себе свою свиту и свой двор; впрочем, урезанный текст Диона и неудовлетворительное, сокращенное изложение Ксифилина дают повод думать, что она увлеклась честолюбивыми замыслами и попыталась захватить верховную власть. Она хотела идти по следам Семирамиды и Нитокриды, родина которых была в соседстве с ее собственной. Макрин приказал ей немедленно выехать из Антиохии и удалиться, куда за-

хочет; тогда она возвратилась к своему первоначальному намерению и уморила себя голодом. Дион, кн. 78, стр. 1330. - Гизо) (И здесь, и в следующем примечании Гиббон называет Макрина узурпатором; однако он достиг престола таким же способом, как и многие из его предшественников; он был признан сенатом и провинциями, и древние писатели упоминали о нем в числе законных императоров. По своей кратковременности и по своей развязке его царствование походило на многие другие. Тот факт, что Элиогабал считал годы своего царствования со смерти Каракаллы, доказывает только гордость и злобу этого императора, но из этого нельзя заключить, что Макрин был узурпатор. - Венк)

50) (Меза вышла замуж за Юлия Авита, который имел звание консула и был назначен Каракаллой сначала наместником Месопотамии, а потом наместником Кипра. Их дочь Соэмия (или правильнее Соэмис) была вдовой Вария Марцелла, римского сенатора родом из Апамеи; а другая их дочь, Мамеа, была вдовой Гессия Марсиана, знатного сирийца родом из Арсы. - Венк)

51) (Это имя было ему дано в честь его прапрадеда с материнской стороны, у которого были две дочери - Юлия Домна, жена Септимия Севера, и Юлия Меза, бабка Элиогабала. Виктор (в Epitome) - почти единственный историк, который дал нам ключ к пониманию этой генеалогии, когда сказал о Каракалле: "Hic Bassianus ex avi materni nomine dictus". И Каракалла, и Элиогабал, и Александр Север поочередно носили это имя. - Гизо)

52) По словам Лампридия (Ист. эпохи Цезарей, стр. 135), Александр Север жил двадцать девять лет, три месяца и семь дней. Так как он был убит 19 марта 235 г., то, стало быть, он родился 12 декабря 205 г. Ему было тогда тринадцать лет, а его двоюродному брату около семнадцати. Этот расчет времени легче применим к истории этих двух молодых наследников, нежели расчет Геродиана, по которому каждый из них был тремя годами моложе (кн. 5, стр. 181). С другой стороны, этот автор продлил царствование Элиогабала на два года. Подробности заговора можно найти у Диона, (кн. 78, стр. 1339) и у Геродиана, кн. 5, стр. 184.

53) В силу крайне опасной прокламации претендента каждый солдат, приносивший голову своего офицера, получал все его состояние и его военный чин).

54) Дион, кн. 78, стр. 1345. Геродиан, кн. 5,стр. 186. Сражение происходило подле деревни Иммэ, почти в двадцати двух милях от Антиохии.

55) (Ганнис был гуляка, а не евнух. Дион говорит (стр. 1355), что Соэмия позволила ему заменить ее мужа. - Венк)

56) Дион, кн. 79, стр. 1353.

57) Дион, кн. 79, стр. 1363. Геродиан, кн. 5, стр. 189.

58) Ученые производят это имя от двух сирийских слов: ela - бог и gabel - создавать; создающий или пластический бог - это очень уместное и даже удачно придуманное название для солнца. Воттон, Ист. Рима, стр. 378. (Имя Элиогабала извращалось многоразличным образом: Геродиан называет его Elaiagabalos (греч.) ; Лампридий и позднейшие писатели обратили это имя в Гелиогабала; Дион называет его Elegabalos (греч.) ; но его настоящее имя Элагабал, как это

видно на медалях (Экгель, de Doct. Num. Vet., ч. 7, стр. 252). Что касается его этимологии, то та, которую приводит Гиббон, заимствована от Бошара (Chan., кн. 2, гл. 5); но Салмазий с бóльшим основанием (Not. ad Lamprid., In Elagab.) производит это имя Элагабала от идола этого бога, который описан Геродианом и на медалях под видом горы (по-еврейски gibel) или большого камня, имеющего форму конуса со знаками, изображающими солнечные лучи. Так как в Гиераполисе, в Сирии, было запрещено делать статуи Солнца и Луны, потому что и без того можно видеть эти светила, то Солнце было изображено в Эмезе под видом большого камня, будто бы упавшего с неба. Шпангейм, Caesar. (примеч.), стр. 46. - Гизо)

59) Геродиан, кн. 5, стр. 190.

60) Он силою проник в святилище Весты и унес оттуда статую, которую он принял за Palladium; но весталки хвастались тем, что путем благочестивого подлога они дали богохульному похитителю поддельное изображение божества. Ист. эпохи Цезарей, стр. 103.

61) Дион, кн. 79, стр. 1360. Геродиан, кн. 5, стр. 193. Подданные императора были обязаны делать щедрые подарки новобрачным; при управлении Мамеи с них было тщательно взыскано все, что они обещали при жизни Элиогабала.

62) Изобретатель нового соуса получал щедрое вознаграждение, но если соус не понравился, изобретатель не смел есть никакого другого кушанья до тех пор, пока не выдумает другого, более приятного для императорского желудка. Ист. эпохи Цезарей, стр. 111.

63) Он никогда не ел морской рыбы иначе как на большом расстоянии от моря; тогда он раздавал крестьянам огромное количество самых редких сортов рыбы, доставка которой стоила огромных расходов. История эпохи Цезарей, стр. 109.

64) Дион, кн. 79, стр. 1358. Геродиан, кн. 5, стр. 192.

65) Этой чести удостоился Гиероклес; но он был бы заменен неким Зотиком, если бы ему не удалось, при помощи лекарственного напитка, ослабить физические силы своего противника, который оказался на деле недостойным своей репутации и был с позором выгнан из дворца. Дион, кн. 79, стр. 1363, 1364. Один танцовщик был назначен городским префектом, один кучер - префектом стражи, а один брадобрей - префектом съестных припасов. Главное достоинство этих трех префектов, равно как и многих других должностных лиц менее высокого ранга, заключалось в enormitate membrorum. Ист. эпохи Цезарей, стр. 105.

66) Даже легковерный компилятор, описавший его жизнь (Ист. эпохи Цезарей, стр. 111), склонен думать, что его пороки были преувеличены.

67) (Дион и Геродиан. То, что рассказывают эти писатели, и в особенности первый из них, заставляет верить всем остальным подробностям или по меньшей мере находить их достойными Элиогабала. Гиббон должен бы был также заметить, что жестокосердие этого императора было на одном уровне со всеми другими его пороками. - Венк)

68) (Эту удивительную перемену в нравах произвела христианская религия, и не только в жизни монархов, но и в жизни всех народов, которые ее исповедовали, так как в других странах все осталось по-

старому. Разве "чувство чести" (в его обыкновенном значении, которое и здесь подразумевается) и "утонченные наслаждения" не были так же хорошо знакомы римлянам, как и новейшим народам? Разве они улучшили нравственность Неронов, Домицианов, Коммодов, Элиогабалов или нравственность самого народа в какой бы то ни было период истории, до или после царствования этих чудовищ? И возможно ли найти во всей истории христианских государств, в самые грубые времена и при самых развратных дворах, хоть тень подобных распутств? - *Венк*) (Гизо, говорит в Предисловии к своему переводу сочинения Гиббона, что главная заслуга этого писателя заключается в доказательстве того, что "как под древней тогой, так и под теперешним одеянием, как в римском сенате, так и в современных нам собраниях люди все одни и те же и что восемнадцать столетий тому назад течение событий было такое же, как и теперь". Это доказывает, что цель религии еще не вполне достигнута. Поэтому, выражая наше порицание языческим порокам, мы не должны считать себя более совершенными, чем это оказывается на деле, и не должны забывать, что мы еще не выполнили лежащей на нас обязанности. - *Издат.*)

69) Дион, кн. 79, стр. 1365. Геродиан, кн. 5, стр. 195-201. Ист. эпохи Цезарей, стр. 105. Последний из этих трех историков, по-видимому, придерживался самых лучших писателей, когда писал свой рассказ об этом перевороте.

70) Время смерти Элиогабала и восшествия на престол Александра было предметом ученых и остроумных исследований Пажи, Тильемона, Валсекки, Виньоли и епископа Адрии Торре. Это вопрос, без сомнения, весьма запутанный, но я все-таки присоединяюсь к мнению Диона, так как основательность его соображений неопровержима, а верность его изложения подтверждают и Ксифилин, и Зонара, и Седрен. Элиогабал царствовал три года, девять месяцев и четыре дня после своей победы над Макрином, а убит он был 10 марта 222 г. Но что могли бы мы возразить против медалей, несомненно подлинных, которые упоминают о пятом годе его трибунских полномочий? Мы возразим вместе с ученым Валсекки, что узурпация Макрина не принималась в расчет, что сын Каракаллы вел начало своего царствования со времени смерти своего отца. Устранив это главное затруднение, мы без труда развяжем или разрежем все мелкие узелки этого вопроса. (Содержание этого примечания заимствовано из примечания Реймара о Дионе, стр. 1352, но там ссылки сделаны с большею ясностью. Canon Paschalis S. Hippolyti мог бы доставить Гиббону убедительные доказательства точности Диона, так как там смерть Элиогабала и восшествие на престол Александра отнесены к 1-му, а не 10-му марта. В 1551 г. была найдена вблизи от Рима статуя св. Ипполита. Он изображен сидящим в кресле, по обеим сторонам которого выгравирован восточный календарь. Оттуда видно, что его праздновали 13 апреля в первом году царствования Александра. Стало быть, в это время Элиогабала уже не было в живых, и, стало быть, он не мог быть умерщвлен в сентябре, как это все предполагали. Фабриций в своем издании сочинений Ипполита (Гамбург, 1716, tom. 11, f. 9, T.1) собрал все аргументы касательно этого вопроса. Ср. с ними примечание Гейне к "Всеобщей истории" Гутри, ч. 4, стр.

1075. - Венк). (Это мнение Валсекки было опровергнуто Экгелем, который доказал, что нет возможности согласовать его с медалями Элиогабала, и который более удовлетворительным образом объяснил пять трибунатов этого императора. Элиогабал вступил на престол и получил трибунские полномочия 16 мая 971 г., считая со времени основания Рима, а 1 января следующего 972 г. он снова принял звание трибуна, согласно обыкновению, установленному прежними императорами. В течение 972, 973 и 974 гг. он пользовался званием трибуна и вступил в это звание в пятый раз в 975 г., в течение которого он был убит 10 марта. Экгель, de Doct. Num. Veter. 7. 8, стр. 430 и след. - Гизо)

71) (Лампридий говорит, что солдаты дали ему это имя впоследствии за его строгую дисциплину. Ламприд. In. Alex. Sev., гл. 12 и 25. - Венк)

72) Ист. эпохи Цезарей, стр. 114. Этой необычайной поспешностью сенат надеялся разрушить надежды других претендентов и предотвратить раздоры в армии.

73) Цензор Метелл Нумидий сказал в публичной речи перед римским народом, что если бы благая натура дала нам возможность родиться на свет без помощи женщин, то она избавила бы нас от очень беспокойного товарища; поэтому он смотрел на брак как на принесение в жертву нашего личного счастья ради общественного долга. Авл Геллий, 1, 6. (Этот упрек хотя и основателен по отношению к более древним временам, но выражен в слишком резкой форме и не должен бы был устранять чувство уважения. В своем "Essal sur les Femmes" (Oeuvres, т. 4, стр. 321) Томас приводит многие факты, говорящие в пользу римских матрон. Так, например, суровые республиканские герои, возвратившись с поля брани, клали свои трофеи к ногам своих целомудренных жен с таким же уважением, с каким герцоги и пэры преклонялись перед какой-нибудь Клерон. - Венк)

74) Тацит, Анн., XIII, 5.

75) Ист. эпохи Цезарей, стр. 102, 107.

76) Дион, кн. 80, стр. 1369. Геродиан, кн. 6, стр. 206. Ист. эп. Цезарей, стр. 131. Геродиан считает этого патриция невиновным. Историки эпохи Цезарей, опираясь на авторитет Дексиппа, обвиняют его в заговоре с целью лишить жизни Александра. Трудно решить, кто из них прав; но беспристрастный Дион свидетельствует о ревности и жестокосердии Мамеи к молодой императрице, жалкую участь которой Александр оплакивал, но не осмелился предотвратить.

77) Геродиан, кн. 6, стр. 203. Ист. эпохи Цезарей, стр. 119. По словам этого последнего историка, когда дело шло об издании нового закона, на совещание приглашались способные юристы и опытные сенаторы, мнения которых давались отдельно и излагались письменно.

78) См. его жизнь в "Истории эп. Цезарей". Неразборчивый компилятор перемешал эти интересные факты с множеством пустых и вовсе неинтересных подробностей.

79) (Александр допускал в своей капелле все формы религиозного поклонения, какие существовали в империи: он допускал поклонение Иисусу Христу, Аврааму, Орфею, Аполлонию Тианскому и другим. (Лампридий, Истор. эпохи Цезарей, гл. 29). Почти не подлежит сомнению, что его мать Мамея познакомила его с нравственными

принципами христианства. Историки вообще держатся того мнения, что она перешла в эту веру; по меньшей мере есть основание думать, что она чувствовала влечение к христианским принципам (см. Тильемона об Алекс. Сев.). Гиббон не упомянул об этом и, по-видимому, даже старался унизить характер этой императрицы; он постоянно придерживался рассказа Геродиана, который, по словам Капитолина (In Maximino, гл. 13), ненавидел Александра. Он мог бы, не придавая веры преувеличенным похвалам Лампридия, не придерживаться несправедливой строгости Геродиана и главным образом не забывать того, что Александр Север оставил евреям их прежние привилегии и позволил исповедовать христианскую религию (Ист. эпохи Цезарей, стр. 121). Когда христиане стали совершать свое богослужение в одном публичном месте, харчевники стали просить, чтобы им отдали это место не в собственность, а во временное пользование; Александр отвечал им, что пусть лучше это место служит для поклонения Богу в какой бы то ни было форме, нежели для помещения харчевни. - *Гизо.*)

80) См. тринадцатую сатиру Ювенала.

81) Ист. эпохи Цезарей, стр. 119.

82) (Описывая с видимым наслаждением добродетели Александра и усматривая в них причину общего благосостояния Римской империи, Гиббон не принял в соображение некоторых исторических фактов, о которых он сам упоминает впоследствии. Иначе, мог ли бы он сказать, что народ "наслаждается счастием тринадцатилетнего спокойствия"? Вследствие волнений и беспорядков, нарушавших общественное спокойствие в этот период времени, империя напоминала скорее владычество Мамелюков, нежели старую римскую систему управления. И в городе, и в провинциях деспотическое своеволие солдат было единственным законом; они убивали чиновников, не умевших им угодить; восстания возникали одно за другим; появлялись претенденты на престол; а наемные защитники империи покидали свои ряды и присоединялись к неприятелю. Благонамеренный император не был в состоянии прекратить или, по меньшей мере, не прекратил этих волнений, свидетельствовавших о непрочности империи, и ограничивался бесплодным выражением своих хороших намерений. Восток тревожили персы, Галлию германцы, не говоря уже о менее важных войнах в Мавритании и Иллирии. При таких условиях даже фантазия не способна создать общественного или индивидуального благосостояния. - *Венк*) (В своем последнем примечании Гизо укоряет Гиббона за то, что он слишком сдержан в своих похвалах Александру Северу, а Венк, напротив того, находит эти похвалы преувеличенными. Поэтому следует полагать, что на самом деле Гиббон держался середины между двумя противоположными крайностями, в которых его обвиняют французский и немецкий переводчики. Последний из них не должен бы был забывать того, что описанное Гиббоном благосостояние римского народа было лишь сравнительное в противоположность с предшествовавшими сорока годами тирании; а д-р Мильман основательно заметил первому из них, что факты, которые, по его словам, Гиббон не принял в соображение, изложены в других частях его истории. - *Издат.*)

83) См. в "Ист. эпохи Цезарей", стр. 116, 117, подробности касатель-

но спора между Александром и сенатом, извлеченные из сенатских журналов. Этот спор возник 6-го марта, вероятно, в 223 г., то есть в такое время, когда римляне успели насладиться в течение почти целого года благодеяниями его управления. Прежде нежели предложить ему почетное название Антонина, сенат выжидал, не захочет ли он сделать из этого имени свое родовое название.

84) (Это еще более усилило высокомерие и истощило государственную казну, не принеся никакой существенной пользы. - Венк)

85) Император часто говаривал: "Se milites magis servare, quam seipsum; quod salus publica in his esset". Ист. эпохи Цезарей, стр. 130).

86) (Вследствие неправильного понимания слов Диона Гиббон соединяет вместе два отдельных происшествия: трехдневное столкновение народа с преторианцами и умерщвление этими последними Ульпиана. Историк говорит прежде всего о последнем из этих двух происшествий, а потом, возвращаясь, по свойственной ему привычке, к предшествовавшим событиям, говорит, что при жизни Ульпиана, но не из-за него, уже раз происходила трехдневная междоусобная война между народом и солдатами. Поводом к этой войне послужили, по его словам, самые ничтожные обстоятельства. Но восстание против Ульпиана он приписывает тому, что в свою бытность преторианским префектом он осудил на смертную казнь двух своих предшественников - Креста и Флавиана и что войска хотели отомстить ему за это. Зосим (кн. I, гл. II) приписывает произнесенный над ними приговор Мамее, но войска приписывали его Ульпиану, для которого он был выгоден и которого они ненавидели. - Венк) (Венк забывает точно так же, как он это уже не раз забывал заодно с Гизо, что Гиббон имел в виду изложение общих выводов, а не точное и вовсе ненужное отдельное изложение всех мелких фактов. - Издат.)

87) Хотя автор "Жизни Александра" (Ист. эпохи Цезарей, стр. 132) и упоминает о восстании солдат против Ульпиана, он умалчивает о катастрофе, так как она могла бы служить доказательством того, как была слаба администрация в царствование его героя. По этому преднамеренному умолчанию можно судить о достоинствах этого автора и о доверии, которого он заслуживает. (Гиббон приписывает автору то, чего он вовсе не утверждает. Дион - единственный писатель, упоминающий о наказании Эпагата; он говорит только, что Эпагат был назначен префектом Египта, по-видимому, в виде отличия, а на самом деле для того, чтобы его удалить в такое место, где его можно бы было безопасно казнить. Из Египта он был переведен на Крит и там казнен. Автор не говорит, что он был назначен префектом этого острова. - Венк)

88) (Из урезанного окончания "Истории" Диона (кн. 80, стр. 1371) можно видеть, какова была участь Ульпиана и каким опасностям подвергался сам Дион. (У Диона не было поместий в Кампании, и он вообще был небогат. Он только говорит, что император посоветовал ему жить во время его консульства где-нибудь вне Рима, что он возвратился в город по истечении годового срока этой должности и что он имел случай беседовать со своим государем в Кампании. В то время он просил и получил позволение провести остаток своей жиз-

ни на своей родине, в Никее, в Вифинии, где он и довел свою историю до конца своего второго консульства. Заходя далее этой эпохи, мы не можем рассчитывать на помощь со стороны этого просвещенного писателя. - Венк)

89) Annotation Reymar ad Dion Cass., кн. 80, стр. 1369.

90) Юлий Цезарь укротил бунт "солдат" тем же словом quirites, которое употреблялось в противоположность со словом "солдаты" в смысле презрения и низводило виновных на более низкое общественное положение, нежели положение простых граждан. Тацит, Анн., кн. 43.

91) Ист. эпохи Цезарей, стр. 132.

92) От Метеллов. Ист. эпохи Цезарей, стр. 119. Этот выбор был удачен. В короткий двенадцатилетний период времени Метеллы удостоились семь раз консульского звания и пяти триумфов. См. Веллей Патеркул, гл. 2, стр. 11 и Fasti.

93) Жизнь Александра в "Истор. эп. Цезарей" изображает его образцом всех совершенств; это не что иное, как слабое подражание "Киропедии". Рассказ о его царствовании, написанный Геродианом, отличается рассудительностью и умеренностью и вообще согласен с ходом исторических событий того времени, а некоторые из встречающихся в нем возмутительных подробностей подтверждаются отрывками из сочинения Диона. Однако большинство новейших писателей, из-за пустого предубеждения, не доверяют Геродиану и повторяют то, что находят в "Ист. эпохи Цезарей" (см. Тильемона и Воттона). Из-за противоположного предубеждения император Юлиан (In Caesaribus, стр. 315) с видимым удовольствием описывает изнеженность и слабость сирийца и смешную жадность его матери.

94) О результате войны с персами историки отзываются различно. Один Геродиан называет его неудачным; Лампридий, Евтропий, Виктор и некоторые другие говорят, что эта война покрыла славой Александра, что он разбил Арташира в большом сражении и заставил его отступить от границ империи. Положительно известно, что Александр, по возвращении в Рим, был удостоен почестей триумфа (Лампридий, Ист. эпохи Цезарей, гл. 56, стр. 133, 134) и сказал в своей речи к народу: "Quirites, vicimus Persas, milites divites reduximus, vobis congiarium pollicemur, cras ludos circenses persicos dabimus". (Квириты! Мы победили персов. Наши солдаты возвратились домой, обогатившись добычей. Вам также будет сделана денежная раздача. Завтра будут исполняться в цирке персидские игры.) По словам Экгеля, Александр был так скромен и благоразумен, что не позволил бы воздавать ему такие почести, на которые дает право победа, если бы он их не заслужил; он ограничился бы тем, что стал бы скрывать свою неудачу (Экгель, Doct. Numis. Vet., ч. 7, стр. 176). На медалях он изображен триумфатором; на одной из них он представлен увенчанным Победой среди двух рек - Евфрата и Тигра с надписью: "P. M. TR. P. XII. Cos. III. P. P. Imperator paludatus D. hastam, S. parazonium stat inter duos fluvios humi jacentes et ab accedente retro Victoria coronatur. Ae. max. mod. (Mus. Reg. Gall.)". Хотя Гиббон обсуждает этот вопрос более подробно, когда говорит о Персидской монархии, тем не менее я счел нужным изложить здесь то, что противоречит его мнению. - Гизо)

95) (Иные, может быть, найдут, что отступление по поводу римских финансов было бы более уместно в третьей главе или в изложении истории Каракаллы, нежели в истории царствования Александра Севера, так как здесь оно не имеет никакой связи ни с тем, что ему предшествует, ни с тем, что следует далее. - Венк)

96) (Так как древним народам не были известны разрушительные снаряды, бросаемые в неприятеля при помощи огня или пороха, то они брали осаждаемые города блокадой или голодом или же прибегали к хитростям, в которых сила не играла главной роли. - Венк)

97) По словам более аккуратного Дионисия, этот город находился от Рима на расстоянии только ста стадиев, или двенадцати с половиной миль, хотя некоторые передовые римские отряды, может быть, и заходили далее по направлению к Этрурии. Нардини опровергал в особом трактате и установившееся мнение, и авторитет двух пап, полагавших, что Вейи находились там, где находится теперь Civita Castellana; он полагает, что этот древний город занимал маленькое местечко, называемое Isola и находящееся на полпути между Римом и озером Браччиано.

98) См. четвертую и пятую книги Ливия. В римском цензе собственность, влияние и обложение податями в точности соразмерялись.

99) Плиний, Hist. Natur., кн. 33, гл. 3. Цицерон, de Offic., II, 22. Плутарх, Жизнь Павла Эмилия, стр. 275.

100) См. в поэме Лукана "Pharsalia" (кн. 3, V. 155 и пр.) прекрасное описание этих сокровищ, накопленных веками.

101) Тацит, Анн., I, II. Эта записка, как кажется, еще существовала во времена Аппиана. (Касательно Rationarium Imperii см. кроме Тацита Светония (in. Aug. c. ult.) и Диона Кассия (стр. 832). Другие императоры также вели подобные записки и сообщали их содержание во всеобщее сведение. См. академическую диссертацию д-ра Волля "De Rationario Imperii Romani" (Лейпциг, 1773). В последней книге Аппиана также были некоторые статистические сведения о Римской империи, но эта книга утрачена. - Венк)

102) Плутарх, Жизнь Помпея, стр. 642. (Это вычисление неверно. По словам Плутарха, ежегодный доход из азиатских провинций до времен Помпея простирался до пятидесяти миллионов драхм и был увеличен им до восьмидесяти пяти миллионов, или почти до 2 744 791 ф. ст. Плутарх также сообщает нам, что Антоний собрал в Азии в один раз громадную сумму в 200 000 талантов, или почти в 38 750 000 ф. ст. Аппиан говорит, что это был доход за десять лет, из чего следует заключить, что ежегодный доход был в десять раз меньше этой суммы. - Венк)

103) Страбон, кн. 17, стр. 798. (Из сочинения Арбутно "О древних монетах" (стр. 192) видно, что 12 500 талантов равнялись 2 421 875 ф. ст. Эту цифру Страбон заимствовал из одной речи Цицерона и прибавил списанное у него Гиббоном замечание, что она была очень увеличена римлянами. По словам Иосифа (De Bell. Iud., кн. 2, гл. 16, стр. 190, издан. Гаверкампа), царь Агриппа сказал иудеям, что они за целый год не собрали столько податей, сколько жители одной Александрии уплатили в один месяц. Кассий, будучи наместником Сирии после смерти Цезаря, получил с Иудеи (Иосиф, Ant. Iud., кн. II, гл. II) 700 талантов, или 135 625 ф. ст. Если взять эту сумму двенадцать раз,

мы получим 1 637 500 ф. ст. Доход с Александрии, должно быть, был очень значителен, так как это было складочное место восточных товаров, которые были обложены большими пошлинами. В блестящие времена Египта, при первых Птолемеях, царские счетные книги, на которые Аппиан, сам принадлежавший к числу уроженцев Александрии, ссылается (In Praefatl.) как на существовавшие в то время, доказывают, что в государственной казне иногда бывало до 74 мириад талантов, или более 143 375 006 ф. ст. - Венк)

104) Веллей Патеркул, кн. 2, гл. 39. Он, по-видимому, считает доходы с Галлии более значительными. (Цезарь извлек из Галлии quadringenties (Светон., In Jul., гл. 25. Евтроп., кн. 6, гл. 17), то есть около 1 927 000 крон, или 322 900 ф. ст. Так как эта сумма казалась слишком незначительной, то Липсий полагает, что речь шла о quatermillies, то есть о сумме вдесятеро большей. Выражение Гиббона, что "источником обогащения для Галлии служила военная добыча", очень неясно. Он, может быть, разумел основанные в более раннюю пору галльские колонии, некоторые из которых разбогатели, как, например, колония, основанная в Азии. Но эти давнишние факты не имели никакой связи с тем периодом времени, о котором здесь идет речь; к тому же Галлии не было никакой пользы от такого обогащения, так как те, которые разбогатели, никогда уже не возвращались на родину. Незначительные морские разбои, которыми занимались галльские венеты и некоторые другие, не могли приносить больших выгод. Вообще, как кажется, судьба Галлии, или Франции, заключалась не столько в том, чтобы грабить, сколько в том, чтобы быть ограбленной в старину римлянами и германцами, а в новейшее время - откупщиками государственных доходов и английскими крейсерами. - Венк) (Предположение Венка касательно смысла этого неясного выражения, по всему вероятию, основательно, так как о таких выселениях из Галлии Гиббон упоминает впоследствии несколько раз. Гиббон не расследовал достоверности этих сказаний, иначе он узнал бы, что мнимые хищнические экспедиции галлов на самом деле предпринимались галльскими (галатическими или кельтскими) племенами, жившими на Востоке, тогда как коренное племя мало- помалу передвигалось к западу, отступая перед готами. - Издат .)

105) Евбейские, финикийские и александрийские таланты весили вдвое более, нежели аттические. См. Гупер, О древних весах и мерах, ч. 4, гл. 5. Весьма вероятно, что употребление таких талантов перешло из Тира в Карфаген.

106) Полиб., кн. 15, гл. 2 (В силу мирного договора, которым окончилась вторая Пуническая война, карфагеняне были обязаны уплатить эти десять тысяч талантов в пятьдесят равных взносов, так что им пришлось уплачивать ежегодно только по двести талантов. - Венк)

107) Аппиан In Punicis, стр. 84.

108) Диодор Сицилийский, кн. 5. Кадис был основан финикиянами с небольшим за тысячу лет до Р. Х. См. Веллей Патеркул, кн. 2.

109) Страбон, кн. 3, стр. 148. (Такие руды существовали в нескольких местах. Подобные примеры относительно других провинций приведены у Бурмана, Vectigalia Pop. Rom., In 4-to, Лейден, 1734, стр. 77-93. - Венк)

110) Плиний, Hist. Natur., кн. 33, гл. 3. Он также упоминает о серебряных рудах в Далмации, приносивших государству ежедневно по пятидесяти фунтов.

111) Страбон, кн. 10, стр. 485. Тацит, Анн., III, 69 и IV, 30. См. у Турнефора (Voyages au Levant, lettre 8) очень живое описание теперешней бедности Гиара.

112) Липсий (de Magnitudine Romana, кн. 2, гл. 3) определяет сумму этих доходов в сто пятьдесят миллионов золотых крон; но хотя его сочинение полно учености и остроумия, оно обнаруживает в нем слишком пылкое воображение. (Если Юст Липсий преувеличил сумму доходов Римской империи, то Гиббон, со своей стороны, уменьшил ее. Даже при помощи самых достоверных данных нелегко вычислить, с некоторой точностью, доходы обширной империи. А в настоящем случае это еще более трудно вследствие недостатка точных сведений. Впрочем, следующие соображения могут пролить некоторый свет на этот предмет: 1. Гиббон определяет сумму доходов в 15 или 20 миллионов фунтов стерлингов. Но одни налоги с названных им провинций должны были по меньшей мере давать эту сумму, в особенности после того, как Август увеличил налоги в Египте, Галлии и Испании. ("Opus novum et inadsuetum Gallis" - слова, приписываемые императору Клавдию. Липс. Excurs. K. ad. Tac. Ann. I). Но к этой сумме следует прибавить доходы с Италии, Реции, Норика, Паннонии, Далмации, Дакии, Мезии, Македонии, Фракии, Греции, Британии, Сицилии, Кипра, Крита и множества других островов. 2. В настоящее время Франция уплачивает своему королю ежегодно по сто миллионов крон, а другие бывшие римские провинции уплачивают своим правителям пропорционально столько же. Неужели можно допустить, что вся Римская империя приносила не более того, что приносит теперь одна из ее провинций? Размер существовавших в ней налогов, конечно, изменялся при различных императорах, но эти налоги удивляют нас своим высоким размером и своим разнообразием; их взимание совершалось с суровой строгостью, так как снисходительность никогда не принадлежала к числу добродетелей, которыми отличаются сборщики податей. 3. Всякий, кто внимательно изучает римскую историю, найдет на каждом шагу доказательства громадности доходов, которые получались в древности. При этом следует принять в соображение большие дороги, ведшие от одного конца империи до другого, и такие общественные здания и учреждения, которым не было подобных ни в одном государстве, не говоря уже о других чрезвычайных расходах. Август не редко раздавал гражданам суммы денег (congiaria), которые, по умеренному расчету, простирались до двадцати миллионов крон и даже более; то же самое делали его преемники; даже бережливый Север однажды роздал пять тысяч мириад драхм, то есть более миллиона крон. Самые дурные императоры были самыми щедрыми раздавателями подарков войскам и не стесняли себя ни в каких других расходах. Так, например, суммы, растраченные в короткий промежуток времени Нероном и Вителлием, были громадны. Царствовавший вслед за ними император Веспасиан говорил, что ему нужно "quadringenties millies" (Светон. Жизнь Веспасиана, 16; но некоторые без всякой ссылки на доказательства читают "quadragies"), то есть более 1 937

миллионов крон, для приведения финансов в надлежащий порядок. Однако, несмотря на все эти расходы, многие из императоров оставляли после своей смерти большие сокровища; так, например, Тиберий оставил "vicies ac septies milies" (около 131 миллиона крон, или 22 миллиона ф. ст.) и Антонин Благочестивый такую же сумму. Гиббон имел в виду только последние времена республики, тогда как Юст Липсий, которого он опровергал, имел в виду времена империи. Если бы провинции не давали более значительных доходов, в особенности вследствие их возрастания, то их недостало бы на покрытие таких громадных расходов. Автор "Всеобщей истории" (ч. 12, стр. 86) определяет приблизительно в 40 миллионов ф. ст. сумму государственных доходов в последние годы Римской республики. - Венк .) (Это длинное примечание вызвано неправильным объяснением слов Гиббона. Он говорит о сумме доходов с римских провинций , а Венк, стараясь его опровергнуть, говорит о доходах со всей Римской империи. Вся остальная часть настоящей главы посвящена сведениям о том, что к указанной сумме провинциальных налогов присоединялись таможенные и акцизные пошлины, равно как пошлины с наследств, взыскивавшиеся с римских граждан, что сумасбродные императоры, путем расширения этих прав гражданства, получали добавочные суммы на удовлетворение своих прихотей и что, когда Каракалла дал права гражданства всем своим подданным, жители провинций были обязаны уплачивать и старые налоги, и новые в качестве граждан. - Издат .)

113) (Такие намеки со стороны Августа не должны удивлять нас, так как щедрые подарки сделались необходимой статьей расхода в новой финансовой системе. При Нероне сенат также объявил, что государство не может существовать без налогов не только в том размере, в каком они прежде взимались, но даже в том увеличенном размере, который был установлен Августом (Тацит, Анн., кн. 13, гл. 50). Когда Италия была освобождена от денежных взносов безрассудным законом, утвержденным в 646 г. *), и законом Юлиана в 694 - 695 гг., когда правительство отказалось от ренты с казенных земель, пастбищ и лесов (Scriptura), а претор Цецилий Метелл Непот в 694 г. отменил все подати, государство стало получать со всей страны только пять процентов от увольнения рабов (*vecessima manumissionum*). Цицерон много раз выражал по этому поводу сожаления, и в особенности в своих письмах к Аттику. См. письмо 15 г., кн. 2. - Венк)

114) (Таможенные пошлины (portoria) существовали при древних римских царях. Они были уничтожены в Италии в 694 г. претором Цецилием Метеллом Непотом и были впервые восстановлены Августом. См. предыдущее примечание. - Венк) (Древний portorium не соответствует нашим новейшим понятиям о таможнях. Это был в сущности налог, частью внутренний, как, напр., portorium castrorum, но вообще обозначал портовую пошлину, которую уплачивали корабли при входе в гавань или при выходе из нее, равно как и за право вести там торговлю. Ливий, Плиний и Тацит отличают ее от vectigal, и этим объясняется то, что говорит Страбон (кн. 4, стр. 306) о доходе, который получали римляне с Британии во времена Августа

*) Даты (зд. и в след. прим.) даны от основания Рима - от 753 г. до н. э. (*Прим. ред.*)

и Тиберия и которому Бакстер (Gloss. art. Brit.., стр. 225) дает название portorium. Дюфресн объясняет этот термин (ч. 5, стр. 65) как "praestatio, quae datur pro navium applicatione, seu statione et mercatione quacunque, facta in portu". Римляне давали своим государственным налогам название "tituli fiscales" (Дюфресн, VI, 1157), а башня при входе в гавань, служившая и маяком и местом сбора portorium'a, называлась tituli lapis. Первое из этих двух слов кельты и саксы сократили в Tol, Toill или Thol, и в этом виде мы находим их в "Археологии" Люида и в лексиконе Сомнера. Немецкое слово Zoll хотя и употребляется теперь, как, напр., в выражении Zollverein, для обозначения таможенных пошлин, но было также взято отсюда и сначала имело то же значение. В законах Эдуарда Исповедника (Вилькинс, стр. 202) Thol означает "libertatem vendendi et emendi", а слово Tollingpeni встречается в старинных дарственных актах в пользу монастырей (Дугдаль, Monast. Ang., ч. 2, стр. 286). После норманнского завоевания portorium, как кажется, еще существовал в Англии в виде королевской подати, так как король получал в своих гаванях "fourpence for every ship of bulk, and twopence for every boat". Блумфильд, Ист. Норфолька, in 8o, ч. 3, стр. 81. - Издат .)

115) (Они были свободны в течение столь длинного периода времени только от личных налогов; от всех остальных они были освобождены не ранее 649, 694 и 695 гг. См. предыдущее примечание. - Венк)

116) Тацит, Анн., XIII, 31.

117) См. Плиния (Hist. Natur., кн. 6, гл. 23, кн. 12, гл. 18). Его замечание, что индийские товары продавались в Риме во сто раз дороже своей первоначальной цены, может дать нам некоторое понятие о доходе от таможенных пошлин, так как эта первоначальная цена превышала 800 000 ф. ст.

118) (В Пандектах, кн. 39, тит. 4, de Publican. Сравн. Цицерон, in Verrem, 2, гл. 72 и 74. - Венк)

119) Древним не было знакомо искусство обделывать бриллианты.

120) Бушо в своем сочинении "De l'Impot chez les Romains" выписал эту роспись из Дигест и попытался объяснить ее в очень подробной заметке.

121) (Римляне называли их "vectigal rerum venalium", "venalitium", или, смотря по свойству продаваемого предмета и по размеру пошлины, "vicesima quinta", "quinquagesima", "centesima" или "ducentesima". См. Бурман, стр. 68. Финансовая система римлян до сих пор еще не была объяснена и изложена вполне удовлетворительно. Сочинение Бурмана достойно внимания, но оно требует дополнений и исправлений со стороны новейших знатоков статистики. Сверх того, оно обнимает лишь одну часть предмета, и на эту часть трудолюбивый исследователь смотрел глазами антиквария. - Венк). (Это примечание еще более ясно доказывает, что латинское слово portorium нельзя употреблять в смысле наших таможенных пошлин . Это слово, очевидно, обозначало то, что платилось за свободу или за удобства торговли, а слово vectigal обозначало пошлину, которая взималась со всего, что привозилось на рынок. - Издат .)

122) Тацит, Анн. 1, 78. Через два года после того завоевание бедной Каппадокии дало Тиберию повод уменьшить эти пошлины вдвое; но это облегчение было непродолжительно.

123) Дион Кассий, кн, 55, стр. 794; кн. 56, стр. 825. (Дион ничего не говорит ни о таком предложении, ни о поголовной подати. Он только говорит, что император установил поземельный налог и разослал комиссаров для составления росписи, но не назначил, как или сколько каждый должен платить. Сенаторы, желая избежать еще более значительных потерь, подчинились налогу на завещания и наследства. Это произошло в 759-760 гг., незадолго до смерти Августа. - Венк)
124) Эта сумма назначена только по догадкам.
125) В течение многих столетий cognati, или родственники с материнской стороны, не участвовали в наследовании. Это суровое узаконение мало-помалу утрачивало свои силы благодаря чувствам человеколюбия и было окончательно отменено Юстинианом.
126) Плиний, Panegyric, гл. 37.
127) См. Гейнеццкий, Antiquit. Juris Romani, кн. 2.
128) Гораций, кн. 2, сат. 5. Петроний, гл. 116 и сл. Плиний, кн. 2, письмо 20.
129) Цицерон, Philipp, 2, гл. 16.
130) См. его письма. Каждое из этих завещаний доставляло ему случай выказать его уважение к умершим и его справедливость к находящимся в живых. Он умел соединить эти два чувства в своих отношениях к сыну, который был лишен своей матерью наследства. (V, 1.)
131) Тацит, Анн., XIII, 50. Esprit des Loix, кн. 12, гл. 19.
132) См. "Панегирик" Плиния, "Истор. эпохи Цезарей" и "de Vectigal. passim." Бурмана.
133) Подати (в собственном смысле этого слова) не отдавались на откуп, так как добрые императоры нередко прощали по нескольку миллионов недоимок.
134) Положение новых граждан подробно описано Плинием (Панегирик, гл. 37, 38). Траян издал закон, который был очень выгоден для них.
135) Дион, кн. 77, стр. 1295. (Гиббон придерживается общепринятых мнений Шпангейма и Бурмана, которые приписывают Каракалле издание эдикта, возводившего всех жителей провинций в звание римских граждан. Но эти мнения нельзя считать бесспорными. То место у Диона, на которое они опираются, весьма подозрительно. Оно не было известно писателям, делавшим из него извлечения, - Ксифилину и Зонаре. Оно известно нам в форме отрывка из Excerpta императора Константина Порфирородного, но мы не можем иметь к этому отрывку полного доверия. Из некоторых мест в сочинениях Спартиана, Аврелия Виктора и Аристида можно заключить, что этот эдикт был издан философом Марком Антонином. Тем, кто интересуется этим вопросом, я советую обратиться к ученой диссертации, написанной очень дурным латинским языком, но очень тщательно обработанной и носящей следующее заглавие: "Joh. P. Mahneri Commentatio de Marco Aurelio Antonino, constitutionis de civitate universo orbi Romano data auctore. Halae, 8-vo. 1772". Марк Аврелий, как кажется, вставил в свой эдикт статьи, освобождавшие жителей провинций от некоторых обременительных обязанностей, наложенных на них правами римского гражданства, и отнимавшие у них некоторые выгоды, сопряженные с этим званием. Эти статьи Каракалла отменил и таким образом превратил привилегию в обиду. - Венк)

136) Кто платил десять aurei, составлявшие обыкновенный размер подати, должен был уплачивать только третью часть одного aureus, и соразмерно с этим были вычеканены новые золотые монеты по приказанию Александра (Ист. эпохи Цезарей, стр. 127 с комментарием Салмазия).

137) См. жизнеописания Агриколы, Веспасиана, Траяна, Севера, трех соперников этого последнего и вообще всех замечательных людей того времени.

ГЛАВА VII

Возведение на престол и тирания Максимина. - Восстания в Африке и в Италии под влиянием сената. - Междоусобные войны и мятежи. - Насильственная смерть Максимина и его сына, Максима и Бальбина и трех Гордианов. - Узурпация и столетние праздничные зрелища Филиппа

Из всех форм правления, когда-либо существовавших в мире, наследственная монархия, по-видимому, представляет самые основательные поводы для насмешек. Разве можно смотреть без негодования и смеха на то, как целый народ, точно стадо волов, переходит после смерти отца в собственность к его малолетнему сыну, еще ничем не заявившему о себе ни человечеству, ни самому себе, и как самые храбрые воины и самые мудрые государственные люди, отказываясь от своих естественных прав на верховную власть, приближаются к королевской колыбели с преклонением колен и с уверениями в своей неизменной преданности? Однако, какими бы яркими красками ни рисовали эту картину сатирики и декламаторы, здравомыслящий человек не перестанет относиться с уважением к полезному предрассудку, который устанавливает порядок наследования, не зависящий от человеческих страстей, и охотно согласится на какой бы то ни было способ отнять у народной толпы опасное и поистине идеальное право избирать себе повелителя.

В тиши уединения вовсе не трудно придумывать фантастические формы правления, при которых скипетр всегда будет переходить в руки самого достойного путем свободного и неподкупного всеобщего голосования; но опыт разрушает эти воздушные замки, доказывая нам, что в обширном государстве нельзя предоставлять выбор монарха ни самой образованной, ни самой многочисленной части населения. Только одно военное сословие достаточно сплочено для того, чтобы задаться одной целью, и достаточно сильно для того, чтобы подчинить своему решению всех остальных своих сограждан; но солдаты, привыкшие в одно и то же время и к насилиям,и к рабскому повиновению, не могут быть надежными охранителями законной или гражданской конституции. В них са-

мих так слабы чувства справедливости и человеколюбия и так мало политической мудрости, что они не в состоянии ценить эти достоинства в других. Храбростью можно снискать их уважение, щедростью можно купить их преданность, но первое из этих качеств нередко совмещается с самым необузданным жестокосердием, а второе может проявляться только на счет публики, и оба они могут быть направлены смелым честолюбцем против обладателя престола.

Из всех отличий, существующих в человеческих обществах, прерогативы высокого происхождения всех более естественны и всех менее внушают зависть, если только они освящены временем и общественным мнением. Всеми признанное право заглушает мечты честолюбцев, а сознание безопасности смягчает суровость монарха. Прочному установлению этого принципа мы обязаны и мирными возведениями на престол, и мягкостью администрации в европейских монархиях, а его непризнанию мы должны приписать те непрерывные междоусобные войны, путем которых азиатский деспот вынужден прокладывать себе путь к престолу своих предков. Однако даже на Востоке в соперничестве этого рода обыкновенно участвуют только члены царствующего дома, и лишь только самому счастливому из них удастся устранить своих братьев с помощью кинжала или петли, он не питает ни малейшего недоверия к низшим разрядам своих подданных.

Но Римская империя - после того как авторитет сената перестал внушать малейшее уважение - сделалась сценой страшной неурядицы. Царствовавшие в провинциях семьи и даже провинциальная знать давно уже были унижены тем, что были принуждены шествовать впереди триумфальных колесниц надменных республиканцев. Древние римские роды мало-помалу пришли в совершенный упадок под тиранией Цезарей, а в то время, как эти монархи тяготились республиканскими формами управления и постоянно обманывались в своих надеждах сохранить верховную власть в руках своего потомства[1)], понятие о наследовании престола никак не могло укорениться в умах их подданных. Так как никто не мог заявлять притязаний на престол по праву рождения, то всякий мог заявлять их на основании своих личных достоинств. Отважным замыслам честолюбцев было открыто широкое поприще вследствие отсутствия ка-

ких-либо благотворных стеснений со стороны законов и предрассудков, и самый ничтожный из представителей человеческого рода мог надеяться, что храбростью и счастьем он достигнет такого высокого поста в армии, на котором только при помощи одного преступного деяния он будет в состоянии вырвать скипетр мира из рук своего слабого и непопулярного повелителя. После умерщвления Александра Севера и возведения на престол Максимина ни один император не мог считать себя в безопасности на своем троне и каждый варварский крестьянин, живший вблизи от римской границы, мог надеяться когда-нибудь достигнуть этого высокого, но вместе с тем и опасного общественного положения.

За тридцать два года перед тем, как это случилось, император Север на возвратном пути из одной восточной экспедиции остановился во Фракии для того, чтобы отпраздновать военными играми день рождения своего младшего сына Геты. Народ стекался толпами, чтобы посмотреть на своего государя; тогда один молодой варвар гигантского роста стал настоятельно просить на своем грубом диалекте, чтобы ему было дозволено участвовать в состязании из-за премии, назначенной борцам. Так как торжество фракийского крестьянина над римским солдатом могло бы оскорбить гордость армии, то варвару дозволили вступить в борьбу с самыми надежными силачами из числа лагерной прислуги. Он одолел, одного вслед за другим, шестнадцать таких противников и был награжден за свою победу незначительными подарками и позволением вступить в ряды армии. На следующий день можно было видеть, как он ликовал и плясал свой национальный танец среди толпы рекрутов, над которой он возвышался на целую голову. Лишь только он заметил, что Север обратил на него внимание, он тотчас подошел к лошади императора и долго бежал за нею без малейших признаков усталости. "Фракиец, - сказал, обращаясь к нему, удивленный Север, - будешь ли ты теперь в состоянии бороться?" "С большим удовольствием", - отвечал неутомимый юноша и в один миг поборол семерых самых сильных солдат, какие только были в армии. Золотое ожерелье было наградой за его необыкновенную силу, и он был переведен на службу в конную гвардию, всегда сопровождавшую императора[2)].

Максимин - так звали этого юношу - хотя и родился на территории, принадлежавшей к империи, но был по своему

происхождению варвар. Его отец был гот, а мать родом из аланов. Он при всяком удобном случае выказывал свою храбрость, равнявшуюся его физической силе, но свою природную свирепость он скоро стал смягчать или прикрывать благодаря своему знакомству со светом. В царствование Севера и его сына он получил место центуриона и пользовался расположением и уважением этих обоих государей, из которых первый был очень опытен в оценке воинских достоинств. Чувство признательности не позволяло Максимину оставаться на службе при убийце Каракаллы*), а чувство чести заставило его избегать оскорблений от Элиогабала. С восшествием на престол Александра он возвратился ко двору и получил от этого государя назначение, полезное для интересов службы и почетное для него самого. Четвертый легион, над которым он был назначен трибуном, скоро сделался под его руководством самым дисциплинированным во всей армии. При общем одобрении солдат, давших своему любимому герою имена Аякса и Геркулеса, он мало-помалу достиг высших военных должностей[3], и, если бы он не сохранил в себе слишком много следов своего варварского происхождения, может быть, император согласился бы на брак своей родной сестры с его сыном[4].

Вместо того чтобы укреплять в нем чувство преданности, эти милости лишь разжигали честолюбие фракийского крестьянина, воображавшего, что его положение не будет соответствовать его личным достоинствам, пока он будет вынужден признавать над собою чью-либо высшую власть. Хотя он не отличался выдающимися умственными способностями, он не был лишен прозорливости, благодаря которой успел заметить, что привязанность армии к императору ослабела, и сумел воспользоваться неудовольствием солдат для своей личной пользы. Пристрастие и клевета могут без всякого препятствия метать свои ядовитые стрелы в самых лучших государей и могут нападать даже на их добродетели, искусно смешивая эти последние с теми пороками, с которыми они находятся в самом близком сродстве. Войска охотно внимали подстрекательствам агентов Максимина. Они краснели от стыда при мысли, что в течение тринадцати лет они подчинялись стеснительным правилам дисциплины, которые были введены изнеженным сирийцем, рабски преклонявшимся пе-

*) Макрине. (*Примеч. ред.*)

ред своей матерью и перед сенатом. Наконец пора, говорили они, отбросить этот ни к чему не годный призрак гражданской власти и выбрать себе государем и военачальником взросшего среди лагерной жизни и опытного в военном деле генерала, который поддержал бы честь армии и разделил бы между своими товарищами сокровища империи. В это время большая армия была сосредоточена на берегах Рейна под начальством самого императора, который, почти немедленно вслед за своим возвращением из Персидского похода, был вынужден выступить против германских варваров. На Максимина была возложена важная обязанность наблюдать за обучением новобранцев и делать им смотры. Однажды, когда он прибыл на поле, где происходило учение, солдаты по внезапному импульсу или вследствие заранее составленного заговора приветствовали его императорским титулом, своими усиленными возгласами заглушили его упорные возражения и поспешили завершить свое восстание умерщвлением Александра Севера.

Подробности его смерти рассказываются различно. Те писатели, которые полагают, что он умер, ничего не зная о неблагодарности и честолюбии Максимина, утверждают, что, слегка пообедав перед глазами армии, он удалился уснуть и что около седьмого часа дня некоторые из его собственных телохранителей вторглись в императорскую палатку и нанесли несколько смертельных ран своему добродетельному и доверчивому государю[5)]. Если верить другому рассказу, который, по-видимому, более правдоподобен, Максимин был облачен в императорскую мантию многочисленным отрядом войск, расположенных в нескольких милях от главной квартиры, и рассчитывал не столько на публичные заявления главной армии, сколько на ее тайные желания. Александр имел достаточно времени, чтобы пробудить в войсках сознание своего долга, но их вынужденные уверения в преданности смолкли при появлении Максимина, который объявил себя другом и покровителем военного сословия и был единогласно признан легионами римским императором. Обманутый и всеми покинутый сын Мамеи удалился в свою палатку, для того чтобы не подвергать себя в свои последние минуты оскорблениям толпы. За ним скоро последовали туда один трибун и несколько центурионов, которым было приказано лишить его жизни, но вместо того, чтобы ожидать неизбеж-

ной смерти с мужественной твердостью, он опозорил последние минуты своей жизни бесполезными криками и мольбами, превратившими в презрение то справедливое сострадание, которое должны бы были внушать его невиновность и жалкая судьба[6]. Его мать Мамея, гордость и алчность которой он во всеуслышание признавал за причину своего падения, погибла вместе со своим сыном. Самые преданные из его друзей сделались жертвой ярости солдат; некоторые другие были оставлены в живых для того, чтобы сделаться впоследствии жертвами обдуманного жестокосердия узурпатора, а те, с которыми обошлись самым снисходительным образом, были лишены своих мест и с позором удалены от двора и из армии[7].

Прежние тираны - Калигула и Нерон, Коммод и Каракалла - были легкомысленные и неопытные юноши[8], воспитанные на ступенях трона и развратившиеся от сознания своего высокого положения, от распущенности римских нравов и от коварства окружавших их льстецов. Но жестокосердие Максимина истекало из иного источника - из опасения внушить к себе презрение. Хотя его положение зависело от привязанности солдат, уважавших в нем те добродетели, которые были свойственны им самим, это не мешало ему сознавать, что его низкое и варварское происхождение, его свирепый вид и его совершенное невежество во всем, что касалось искусств и общественных учреждений[9], представляли крайне неблагоприятный для него контраст с симпатичным характером злосчастного Александра. Он вспомнил, что в дни его ничтожества ему нередко случалось стучаться в двери гордых римских аристократов и что наглые рабы не допускали его до своих господ. Он не позабыл и немногочисленных друзей, помогавших ему, когда он был беден, и поддерживавших его честолюбивые надежды. Но и те, которые выказывали к нему презрение, и те, которые оказывали ему покровительство, были виновны в одном и том же преступлении - в том, что хорошо знали его низкое происхождение. За это преступление многие были наказаны смертью, а, лишая жизни некоторых из своих благодетелей, Максимин начертил кровавыми буквами историю своего незнатного происхождения и своей неблагодарности[10].

Мрачная и кровожадная душа тирана была доступна для всяких подозрений к тем из его подданных, которые особен-

но отличались знатностью своего происхождения и своими достоинствами. Лишь только он бывал встревожен слухом об измене, его жестокость не знала границ и была неумолима. Был открыт, или, вероятнее, был выдуман, заговор против его жизни, и на сенатора-консуляра Магнуса указывали как на главного зачинщика. Без допроса свидетелей, без суда и не имея возможности что-либо сказать в свое оправдание, Магнус был лишен жизни вместе с четырьмя тысячами своих предполагаемых сообщников. Бесчисленные шпионы и сыщики рассыпались по Италии и по всей империи. Самых знатных римлян, управлявших провинциями, командовавших армиями и удостоившихся консульских отличий и триумфа, сажали в цепях на дроги и везли к императору вследствие самых ничтожных обвинений. Конфискация имений, ссылка и простая смерть считались необыкновенными доказательствами его милосердия. Некоторых из несчастных страдальцев он приказывал зашивать в кожи убитых животных, других отдавал на съедение диким зверям, третьих приказывал бить до смерти дубинами. В течение своего трехлетнего царствования он не удостоил своим посещением ни Рима, ни Италии. Его лагерь, перенесенный по некоторым случайным причинам с берегов Рейна на берега Дуная, был центром его жестокого деспотизма, попиравшего все принципы законности и справедливости и открыто опиравшегося на могущество меча[11] Он не выносил, чтобы в среде его приближенных был хоть один человек, отличавшийся знатностью происхождения, выдающимися дарованиями, знаниями или административными способностями, и двор римского императора стал напоминать тех древних вождей рабов и гладиаторов, о которых одно воспоминание внушало ужас и отвращение[12]

Пока жестокости Максимина обрушивались только на знаменитых сенаторов или на тех смелых авантюристов, которые добровольно подвергают себя при дворе или в армии всем прихотям фортуны, народ смотрел на эти страдания с равнодушием или даже, может быть, с удовольствием. Но алчность тирана, возбуждаемая ненасытными требованиями солдат, наконец посягнула и на общественное достояние. У каждого города в империи были специальные суммы, предназначенные на покупку хлеба для народа и на устройство общественных игр и увеселений. Одним актом верховной

власти все эти капиталы были конфискованы в пользу императорской казны. У храмов были отобраны все ценные золотые и серебряные жертвоприношения, а статуи богов, героев и императоров были обращены в слитки, из которых стали чеканить монету. Этих нечестивых распоряжений нельзя было привести в исполнение, не вызывая восстаний и убийств, так как во многих местах народ был готов скорее умереть, защищая свои алтари, нежели допустить, чтобы среди мира город подвергался хищениям и всем ужасам войны. Сами солдаты, между которыми делились плоды этого святотатственного грабежа, краснели от стыда, принимая такие подарки, и, несмотря на свою привычку ко всяким насилиям, опасались основательных упреков со стороны своих друзей и родственников. По всей Римской империи раздавались крики негодования и мольбы о том, чтобы этот враг всего человеческого рода понес заслуженное наказание; наконец одна мирная и безоружная провинция подняла знамя бунта[13]

Африканский прокуратор был достойным слугою такого господина, который считал денежные штрафы и конфискации одной из самых доходных статей императорского бюджета. Он вынес несправедливый приговор, в силу которого несколько богатых юношей из местного населения должны были лишиться большей части своего состояния. В этой крайности они с отчаяния решились на такое предприятие, которое должно было или довершить их гибель, или предотвратить ее. Они с трудом вымолили у жадного казначея трехдневную отсрочку и воспользовались этим временем для того, чтобы созвать из своих имений множество рабов и крестьян, вооруженных дубинами и топорами и слепо преданных своим господам. Вожаки заговора, добившись аудиенции у прокуратора, закололи его кинжалами, которые были спрятаны у них под одеждой, завладели при помощи собранной ими бесчинной толпы небольшим городом Физдром[14] и водрузили знамя восстания против повелителя Римской империи. Они основывали свои надежды на общей ненависти к Максимину и приняли благоразумное решение противопоставить этому ненавистному тирану такого императора, который уже успел снискать своими кроткими добродетелями любовь и уважение римлян и влияние которого на провинцию могло придать более веса и прочности их предприятию. Их проконсул Гор-

диан, на котором остановился их выбор, отказывался с непритворным отвращением от этой опасной чести, со слезами прося у них позволения спокойно окончить долгую и безупречную жизнь и не пятнать своих преклонных лет кровью своих сограждан. Их угрозы принудили его принять императорское достоинство, которое, впрочем, было его единственным убежищем от завистливого жестокосердия Максимина, так как тираны обыкновенно придерживаются такого правила, что всякий, кого считают достойным престола, достоин смертной казни, а всякий, кто только обсуждал подобный вопрос, уже провинился в мятеже[15].

Род Гордиана был один из самых знаменитых в среде римского сената. С отцовской стороны Гордиан происходил от Гракхов, с материнской - от императора Траяна. Большое состояние давало ему возможность поддерживать достоинство своего происхождения, а в пользовании этим состоянием он обнаруживал изящный вкус и склонность к благотворительности. Дворец в Риме, в котором когда-то жил великий Помпей, принадлежал в течение нескольких поколений роду Гордиана[16]. Он был украшен старинными трофеями морских побед и новейшими произведениями живописи. Вилла Гордиана, находившаяся на дороге в Пренесту, славилась оригинальной красотой и обширностью своих бань, тремя роскошными галереями, имевшими по сто футов в длину, и великолепным портиком, который поддерживали двести колонн, сделанных из четырех самых редких и самых дорогих сортов мрамора[17]. Публичные зрелища, которые он устраивал за свой счет и во время которых появлялись на арене сотни диких зверей и гладиаторов[18], по-видимому, должны были превышать денежные средства подданного; тогда как щедрость других сановников ограничивалась несколькими публичными празднествами в Риме, Гордиан в бытность эдилом проявлял свое великодушие раз в месяц, а в бытность консулом распространял его на главные города Италии. Он был два раза возводим в это последнее звание - Каракаллой и Александром Севером, так как он обладал редкой способностью внушать добродетельным государям уважение, а в тиранах не возбуждать зависти. Его долгая жизнь протекала безупречно в занятиях литературой и в наслаждениях мирными отличиями в Риме, и, пока он не был назначен проконсулом Африки по выбору сената и с одобрения Александра[19],

он, как кажется, уклонялся и от командования армиями, и от управления провинциями. При жизни этого императора Африка была счастлива под управлением его достойного наместника, а когда Максимин захватил верховную власть, Гордиан старался облегчить несчастья, которых он не был в состоянии предотвратить. Когда он принял против воли императорское достоинство, ему было более восьмидесяти лет; на него смотрели как на последнего и достойного представителя счастливого века Антонинов, добродетели которых он воскресил своим управлением и воспел в изящной поэме, состоявшей из тридцати книг. Вместе с почтенным проконсулом был провозглашен императором и его сын, сопровождавший его в Африку в качестве помощника. Его нравы были менее чисты, чем нравы его отца, но его характер был так же симпатичен. Двадцать две официальные наложницы и библиотека из шестидесяти двух тысяч томов свидетельствовали о разнообразии его наклонностей, а из того, что от него осталось после его смерти, можно заключить, что и женщины и книги служили не для одного удовлетворения пустого тщеславия[20]. Римский народ находил в чертах лица молодого Гордиана сходство со Сципионом Африканским[21] и, с удовольствием припоминая, что его мать была внучка Антонина Благочестивого, возлагал свои упования на те скрытые добродетели, которые, по его предположению, должно быть, таились под праздной роскошью частной жизни.

Лишь только Гордианы восстановили спокойствие, нарушенное участием народа в их избрании, они перенесли свой двор в Карфаген. Африканцы встречали их с выражениями восторга, так как чтили их добродетели и так как со времени посещения Африки Адрианом не имели случая созерцать величие римского императора. Но от этого восторженного приема нисколько не увеличивались и не упрочивались права Гордианов на императорский престол, и они решились, частью из принципа, частью из личных расчетов, ходатайствовать о признании этих прав сенатом. Депутация из самых знатных жителей провинции была немедленно отправлена в Рим для того, чтобы оправдать образ действий их соотечественников, так долго с терпением выносивших все угнетения и наконец решившихся принять энергичные меры. Новые императоры выражались в своих письмах к сенату скромно и почтительно; они объясняли, почему они были вынуждены

принять императорский титул, но подчиняли свое избрание и свою судьбу верховному решению сената[22].

Желания этого собрания не могли вызывать сомнений и были единодушны. Происхождение и родственные связи Гордианов тесно связывали их с самыми знатными римскими семьями. Их богатства доставили им много приверженцев между сенаторами, а своими личными достоинствами они приобрели много друзей. Их мягкое управление подавало надежды не только на восстановление гражданской формы правления, но даже на восстановление республики. Опасение насилий со стороны армии, сначала заставившее сенат позабыть об умерщвлении Александра и утвердить избрание варварского крестьянина[23], теперь имело противоположные последствия и заставило его вступиться за нарушенные права свободы и человечества. Ненависть Максимина к сенату была явная и непримиримая; самая униженная покорность не могла смягчить его ожесточения; самое осторожное и безупречное поведение не могло предохранить от его подозрений; наконец даже заботы о своей личной безопасности заставляли сенаторов принять участие в рискованном предприятии, неуспех которого обрушился бы прежде всего на них самих. Эти мотивы и, может быть, некоторые другие особые соображения обсуждались на предварительных совещаниях консулов и должностных лиц. Лишь только было постановлено окончательное решение, сенат был созван в своем полном составе в храм Кастора в закрытое заседание[24], согласно с древним обычаем, установленным с целью обратить особое внимание сенаторов на обсуждаемый предмет и скрыть от публики содержание их декретов.

"Римские сенаторы, - сказал консул Силлан, - два Гордиана, оба облеченные званием консулов, из которых один состоит вашим проконсулом, а другой - вашим заместителем, провозглашены императорами по общему желанию африканских провинций". "Выразим нашу признательность, - продолжал он с отвагой, - юношеству Физдра, выразим нашу признательность верному карфагенскому населению, избавившему нас от отвратительного чудовища. Отчего вы отвечаете на мои слова такой холодностью и робостью? Отчего вы со страхом посматриваете друг на друга? К чему колебаться? Максимин - общественный враг! Пожелаем, чтобы его вражда исчезла вместе с ним самим и чтобы мы могли

долго наслаждаться плодами мудрости и счастья Гордиана-отца, мужества и твердости Гордиана-сына!"[25]

Благородный пыл консула воодушевил нерешительных сенаторов. Избрание Гордиана было утверждено единогласным решением; Максимин, его сын и его приверженцы были объявлены врагами отечества, а щедрые награды были обещаны тем, кто будет иметь смелость и счастье избавить от них империю.

В отсутствие императоров отряд преторианской гвардии оставался в Риме для охраны столицы или скорее для того, чтобы держать ее в повиновении. Префект Виталиан доказал свою преданность Максимину тем, что усердно исполнял его жестокосердные приказания и даже предугадывал их. Одна только его смерть могла оградить авторитет сената от унижения, а жизнь сенаторов от опасности. Прежде нежели принятое ими решение сделалось кому-либо известным, на одного квестора и нескольких трибунов было возложено поручение лишить префекта жизни. Они исполнили это приказание с отвагой и с успехом и, держа в руках свои окровавленные мечи, бегали по улицам, объявляя народу и солдатам об удачном результате переворота[26]. Энтузиазм свободы был поддержан обещаниями щедрых наград землями и деньгами; статуи Максимина был ниспровергнуты; столица империи с восторгом признала власть обоих Гордианов и сената[27], а примеру Рима последовала и остальная Италия.

Сенат, столь долго и терпеливо выносивший гнет развратного деспотизма и военного своеволия, проникся новым духом. Он взял в свои руки бразды правления и с хладнокровным мужеством приготовился защищать дело свободы вооруженной силой. Между сенаторами-консулярами, приобретшими расположение Александра Севера своими личными достоинствами и заслугами, нетрудно было выбрать двадцать человек, способных командовать армиями и руководить военными действиями. Им-то и вверили защиту Италии. Каждому из них был поручен отдельный округ с правом набирать рекрутов в среде итальянской молодежи и обучать их и с обязанностью укреплять порты и большие дороги, чтобы быть в состоянии отразить ожидаемое вторжение Максимина. В то же время несколько депутатов, избранных из самых достойных представителей сената и сословия всадников, были посланы к губернаторам некоторых провинций для того, чтобы

настоятельно умолять их о помощи и напомнить народам об их старинных узах дружбы с римским сенатом и народом. Общее уважение, с которым встречали этих депутатов, а также усердие, с которым Италия и провинции старались исполнять требования сената, ясно доказывают, что подданные Максимина были доведены до того крайне бедственного положения, при котором народная масса ожидает бо́льших зол от угнетения, нежели от восстания. Сознание этой грустной истины внушает такую упорную ярость, какой редко отличаются междоусобные войны, искусственно разжигаемые в интересах нескольких мятежных честолюбцев[28].

Но в то время как дело Гордианов встречало такое общее сочувствие, самих Гордианов уже не было на свете. Слабый карфагенский двор был встревожен быстрым приближением губернатора Мавритании Капелиана, который с небольшим отрядом ветеранов и многочисленным сбродом свирепых варваров напал на одну из провинций, преданных новому императору, но не способных к обороне. Молодой Гордиан выступил навстречу неприятелю во главе небольшого отряда гвардии и многочисленной недисциплинированной толпы, выросшей в роскоши и праздности карфагенской жизни. Его храбрость оказалась полезной лишь в том отношении, что доставила ему случай с честью кончить свою жизнь на поле битвы. Его престарелый отец, процарствовавший только тридцать шесть дней, лишил себя жизни, лишь только получил известие о поражении. Беззащитный Карфаген отворил свои ворота победителю, и Африка сделалась жертвой жестокосердой жадности раба, который, чтобы угодить своему повелителю, должен был явиться перед ним не иначе как с огромными сокровищами и с руками, обагренными кровью множества граждан[29].

Неожиданная гибель Гордианов наполнила сердца римлян справедливым ужасом. Сенат, созванный на заседание в храм Согласия, делал вид, будто намерен заниматься обыкновенными текущими делами; он не имел духу поднять вопрос об опасности, угрожавшей и ему самому, и государству. В собрании господствовали молчание и смятение, пока один из сенаторов, носивший личное и родовое имя Траяна[30], не пробудил своих товарищей от их пагубной летаргии. Он стал доказывать им, что для них давно уже прошло то время, когда можно было ограничиваться осторожными полумерами,

что неумолимый от природы и раздраженный оскорблениями Максимин приближается к Италии во главе всех военных сил империи и что им остается выбирать одно из двух - или встретиться с ним на поле битвы, или с покорностью ожидать пыток и позорной смерти, составляющих удел всякого бунтовщика, который не имел успеха. "Мы лишились,-продолжал он, - двух превосходных государей; но если только мы не изменим самим себе, надежды республики нельзя считать погибшими со смертью Гордианов. Между нами немало таких сенаторов, которые по своим добродетелям достойны императорского звания и которые способны поддержать его честь. Итак, выберем двух императоров, из которых один руководил бы военными действиями против общественного врага, а другой оставался бы в Риме во главе гражданского управления. Я охотно подвергаю себя опасностям и неприятностям, сопряженным с предложением кандидатов на это звание, и подаю мой голос за Максима и Бальбина. Утвердите мой выбор или назначьте вместо них других, более достойных верховной власти". Всеми овладевшее чувство страха заглушило чувства зависти; достоинства обоих кандидатов были единогласно признаны, и зала огласилась искренними выражениями общей радости: "Долгая жизнь и победа императорам Максиму и Бальбину. Вы, по мнению сената, счастливы; пусть и республика будет счастлива под вашим управлением!"[31)]

Добродетели и репутация новых императоров основательно внушали римлянам самые блестящие надежды. Различные свойства их талантов, по-видимому, заранее предназначали одного из них специально для военного дела, а другого - для гражданского управления, не оставляя при этом места ни для зависти, ни для соперничества. Бальбин был превосходный оратор, составивший себе хорошую репутацию поэт и вместе с тем способный администратор, заслуживший всеобщее одобрение, когда находился во главе гражданского управления поочередно почти во всех внутренних провинциях империи. Он был знатного происхождения[32)], имел хорошее состояние, отличался великодушием и приветливостью в обхождении; чувство достоинства умеряло его склонность к наслаждениям, а его привычка к роскоши не заглушала его способностей к деловым занятиям. Характер Максима был более грубого закала. Будучи самого низкого происхожде-

ния, он возвысился благодаря своей храбрости и своим дарованиям до самых высших гражданских и военных должностей. Его победы над сарматами и германцами, его суровый образ жизни и строгое беспристрастие его приговоров в то время, как он был городским префектом, доставили ему уважение народа, тогда как более симпатичный Бальбин пользовался общею любовью. Оба они были консулами (Бальбин два раза был удостоен этого почетного отличия), и оба принадлежали к числу двадцати заместителей, избранных сенатом; а так как одному из них было шестьдесят лет, а другому - семьдесят четыре[33], то оба они уже достигли полной зрелости ума, приобретаемой годами и опытностью.

После того как сенат возложил на Максима и Бальбина в равной мере консульские и трибунские полномочия, дал им титул отцов отечества и совокупное звание первосвященника, они взошли на Капитолий, чтобы отблагодарить богов - покровителей Рима[34]. Но торжественный обряд жертвоприношения был нарушен народным мятежом. Своевольная толпа не любила сурового Максима и не боялась кроткого и человеколюбивого Бальбина. Постоянно увеличиваясь числом, она окружила храм Юпитера, стала настоятельно заявлять о принадлежащем ей праве утверждать своим согласием избрание ее государя и с притворной скромностью потребовала, чтобы к двум императорам, избранным сенатом, был прибавлен третий из рода Гордианов в знак признательности императорам этого имени, пожертвовавшим своей жизнью для республики. Во главе городской гвардии и юношей из сословия всадников, Максим и Бальбин попытались проложить себе дорогу сквозь толпу мятежников. Вооруженный палками и каменьями народ оттеснил их назад в Капитолий. Благоразумие требует уступчивости в тех случаях, когда, чем бы ни кончилась борьба, она непременно должна привести к гибели обеих сторон. Тринадцатилетний мальчик - внук старшего Гордиана и племянник[35] младшего - был представлен народу в облачении и с титулом Цезаря. Мятеж был прекращен этой неважной уступкой, и оба императора, беспрекословно признанные в этом звании римлянами, стали готовиться к обороне Италии от общего врага.

В то время, как в Риме и в Африке перевороты следовали одни за другими с такой поразительной быстротой, Максимин предавался самому неистовому гневу. Он, как рассказы-

вают, отнесся к известию о восстании Гордианов и о низвергавшем его с престола сенатском декрете не с приличным мужчине хладнокровием, а с яростью дикого зверя; а так как он не мог излить эту ярость на сенат, который был от него слишком далеко, то он стал грозить смертной казнью своему сыну, своим друзьям и всякому, кто осмеливался приблизиться к его особе. Вслед за приятным известием о смерти Гордианов он скоро узнал, что сенат, отказавшись от всяких надежд на помилование или на соглашение, заменил их двумя императорами, достоинства которых были весьма известны. Максимину не оставалось другого утешения, кроме надежды на отмщение, но отомстить он мог только при помощи армии. Он находился во главе лучших легионов, собранных Александром со всех концов империи. Три удачные кампании против германцев и сарматов возвысили их славу, укрепили их дисциплину и даже увеличили их численный состав, наполнив их ряды цветом варварской молодежи. Максимин провел всю свою жизнь в занятиях военным ремеслом, и беспристрастная история не может не признать за ним ни мужества солдата, ни дарований опытного военачальника[36].

Следовало ожидать, что государь с таким характером не даст восстанию времени окрепнуть, что он немедленно двинется с берегов Дуная к берегам Тибра и что его победоносная армия, подстрекаемая ненавистью к сенату и воодушевляемая жаждой добычи, ожидавшей ее в Италии, будет с нетерпением стремиться к столь легкому и столь выгодному завоеванию. Однако, насколько можно верить запутанной хронологии этого периода[37], какая-то внешняя война заставила Максимина отложить итальянскую экспедицию до следующей весны. Из осторожного образа действий этого императора можно заключить, что дикие черты его характера были преувеличены духом партий, что его страсти хотя и были буйны, но подчинялись голосу рассудка и что в душе этого варвара было что-то похожее на великодушие Суллы, который прежде всего победил врагов Рима и уже после того позволил себе заняться мщением за свои личные обиды[38].

Когда войска Максимина, подвигавшиеся вперед в отличном порядке, достигли подножия Юлихских Альп, они пришли в ужас от безмолвия и разорения, господствовавших на границах Италии. При их приближении жители деревень и беззащитных городов покидали свои жилища, угоняли

скот, увозили или уничтожали съестные припасы, разрушали мосты и не оставляли в целости ничего, что могло бы служить для неприятеля убежищем или пропитанием. Таковы были благоразумные распоряжения назначенных сенатом легатов; их план заключался в том, чтобы продлить войну, ослабить армию Максимина медленным действием голода и истощить ее силы в осаде главных городов Италии, которые были ими в избытке снабжены и людьми и провизией из покинутой населением местности.

Аквилее пришлось выдержать первый натиск вторгшейся армии. Потоки, впадающие в северную оконечность Адриатического залива, вышли из своих берегов вследствие таяния снегов[39] и оказались неожиданным препятствием для дальнейшего движения армии Максимина. Наконец с большим искусством и большим трудом был построен оригинальный мост из больших бочек; Максимин перевел через него свою армию на противоположный берег реки, приказал вырвать с корнем прекрасные виноградники, находившиеся в окрестностях Аквилеи, разрушил предместья и употребил их строительные материалы на сооружение машин и башен, с помощью которых он напал на город со всех сторон. Городские стены, пришедшие в разрушение в течение многих лет безопасности и спокойствия, были наскоро исправлены, но самая надежная защита Аквилеи заключалась в мужестве ее граждан, которые, вместо того чтобы приходить в отчаяние, воодушевлялись при виде опасности и при мысли, что от безжалостного тирана им нельзя ожидать помилования. Двое из представителей сената, Криспин и Менофил, успевшие запереться в городе вместе с небольшим отрядом регулярных войск, поддерживали мужество населения и руководили им. Несколько раз возобновлявшиеся нападения армии Максимина были отражены с успехом, его машины были уничтожены искусственным огнем, лившимся на них с городских стен, а благородный энтузиазм жителей Аквилеи превратился в уверенность в победе благодаря убеждению, что Белен, их бог и покровитель, сам лично сражается за своих поклонников[40].

Император Максим, приблизившийся к Равенне с целью прикрыть эту важную крепость и ускорить военные приготовления, взвешивал шансы успеха на более верных весах рассудка и политики. Он очень хорошо понимал, что город,

предоставленный своим собственным средствам защиты, не в состоянии противиться беспрестанно возобновляющимся нападениям большой армии, и опасался, чтобы неприятель, утомленный упорным сопротивлением Аквилеи, не прекратил бесполезную осаду и не двинулся прямо на Рим[41]. Тогда судьба империи и дело свободы зависели бы от случайностей битвы, а какие войска мог он противопоставить испытанным рейнским и дунайским легионам? Небольшое число войск, которые состояли из рекрутов, набранных среди храброй, но изнеженной италийской молодежи, и отряд германских вспомогательных войск, на верность которого было бы опасно положиться в критическую минуту. Во время этих тревожных забот заговор, составленный приближенными Максимина, наказал этого императора за его преступления и избавил Рим и сенат от тех бедствий, которыми сопровождалось бы торжество разгневанного варвара.

Жителям Аквилеи почти вовсе не пришлось испытать на себе обычных бедствий осады; их лавки были в избытке наполнены съестными припасами, а несколько родников, находившихся внутри городских стен, служили для них неистощимым запасом свежей воды. Напротив того, солдаты Максимина страдали и от непогоды, и от заразных болезней, и от голода. Окрестности города были разорены, а ручьи наполнены трупами и окрашены кровью. Войска начали роптать и впадать в отчаяние, а так как они не получали никаких известий извне, то они вообразили, что вся империя приняла сторону сената и что на их долю выпала роль жертв, обреченных на гибель под неприступными стенами Аквилеи. Свирепый тиран приходил в отчаяние от неудач, которые он приписывал трусости своей армии, а его неблагоразумная и неуместная жестокость, вместо того чтобы наводить страх, внушала ненависть и справедливое желание мести. Наконец несколько преторианцев, опасавшихся за жизнь своих жен и детей, которые находились подле Рима в лагере Альбы, привели в исполнение приговор сената. Покинутый своими телохранителями Максимин был убит в своей палатке; вместе с ним были убиты его сын (с которым он разделил почести императорского звания), префект Анулин и главные пособники его тирании[42]. При виде их голов, воткнутых на оконечности копий, жители Аквилеи поняли, что осада кончилась; они отворили городские ворота[43] и снабдили рынок

припасами для голодных войск Максимина; тогда вся армия торжественно поклялась в верности сенату, римскому народу и законным императорам Максиму и Бальбину. Такова была заслуженная участь грубого варвара, лишенного, как все уверяли, всяких чувств, свойственных не только цивилизованному, но даже всякому человеческому существу. Его тело было такое же, как и его душа. Его рост превышал восемь футов, а касательно его необыкновенной физической силы и необыкновенного аппетита рассказывались почти невероятные подробности[44]. Живи он в менее просвещенном веке, традиция и поэзия могли бы отнести его к разряду тех чудовищных гигантов, которые постоянно употребляли свою сверхъестественную силу на истребление человеческого рода.

Легче вообразить, нежели описать, общую радость при известии о падении тирана, доставленном из Аквилеи в Рим, как уверяют, через четыре дня после этого события. Возвращение Максима в Рим походило на триумфальное шествие; его сотоварищ и молодой Гордиан выехали к нему навстречу, и три императора совершили свой въезд в столицу в сопровождении послов почти от всех городов Италии; их осыпали богатыми подарками, свидетельствовавшими как о признательности, так и о суеверии населения, а сенат и римский народ встретили их с непритворными выражениями радости в полной уверенности, что вслед за железным веком настанет век золотой[45]. Поведение обоих императоров соответствовало таким ожиданиям. Они лично отправляли правосудие, и строгость одного из них умерялась мягкосердечием другого. Тяжелые пошлины, наложенные Максимином на завещания и наследства, были отменены или по меньшей мере уменьшены. Правила дисциплины снова вступили в силу, и по указанию сената несколько мудрых законов были изданы императорами, старавшимися восстановить гражданскую конституцию на развалинах военной тирании. "Какой награды можем мы ожидать за то, что избавили Рим от чудовища?" - спросил Максим в дружеской и свободной беседе. Бальбин отвечал ему без колебаний: "Любви сената, народа и всего человеческого рода". "Увы! - возразил более дальновидный его товарищ, - я опасаюсь ненависти солдат и пагубных последствий их неудовольствия"[46]. Эти опасения вполне оправдались дальнейшими событиями.

В то время как Максим готовился защищать Италию против общего врага, Бальбин, остававшийся в Риме, был свидетелем кровавых сцен и внутренних раздоров. Между сенаторами господствовали взаимное недоверие и зависть; даже в храмах, где они собирались, они носили явно или скрытно оружие. Во время одного из их совещаний два гвардейских ветерана, движимые любопытством или, может быть, каким-нибудь дурным намерением, имели смелость проникнуть в храм и пробраться за алтарь Победы. Консуляр Галликан и преторианский сенатор Меценат с негодованием заметили их дерзость и приняли их за шпионов: обнажив свои мечи, они положили их мертвыми у подножия алтаря и затем, подойдя к дверям сената, необдуманно обратились к толпе с приглашением убивать преторианцев, как тайных приверженцев тирана. Те из преторианцев, которые успели спастись от первых взрывов народной ярости, укрылись в своем лагере, который стали оборонять, с очевидным превосходством сил, от несколько раз возобновлявшихся нападений народа и нашли себе помощников в многочисленных отрядах гладиаторов, составлявших собственность богатых аристократов. Междоусобица продолжалась несколько дней, и среди общего смятения было пролито с обеих сторон немало крови. Когда трубы, снабжавшие лагерь водой, были изломаны, положение преторианцев сделалось невыносимым; тогда они сделали несколько отчаянных вылазок, ворвались в город, зажгли много домов и перебили множество жителей. Император Бальбин пытался положить конец борьбе бесполезными эдиктами и ненадежными перемириями. Но стихавшая на короткое время вражда вспыхивала с удвоенной силой. Солдаты, ненавидевшие сенат и народ, стали презирать слабодушного государя, у которого недоставало ни мужества, ни силы, чтобы привести своих подданных в повиновение[47].

После смерти тирана его могущественная армия признала - скорее по необходимости, чем по добровольному выбору - власть Максима, который немедленно отправился в лагерь под Аквилеей. Приняв от нее присягу в верности, он обратился к ней с увещаниями, полными кротости и сдержанности; он не упрекал солдат за страшные беспорядки, а сожалел о них и уверял, что из прошлого поведения армии сенат сохранит воспоминание только о том, что она покинула тирана и добровольно возвратилась к своему долгу. Максим

подкрепил свои увещания щедрыми подарками, освятил лагерь торжественным очистительным жертвоприношением и разослал легионы по различным провинциям в надежде, что они прониклись чувствами признательности и покорности[48]. Но ничто не могло заглушить неудовольствие гордых преторианцев. Они сопровождали императоров в достопамятный день их торжественного въезда в Рим; но среди общих радостных возгласов печальные лица гвардейцев ясно доказывали, что они считают себя скорее жертвами, нежели участниками торжества. Когда все они собрались в своем лагере, те из них, которые служили при Максимине, и те, которые оставались в Риме, стали сообщать друг другу о своих неудовольствиях и своих опасениях. Императоры, выбранные армией, говорили они, погибли с позором, а императоры, выбранные сенатом, восседают на троне[49]. Продолжительные раздоры между властями гражданской и военной привели к войне, в которой первая из них одержала полную победу. Теперь солдаты должны подчиняться новому для них принципу покорности перед сенатом, и, как бы ни старалось это политическое собрание казаться милосердным, они опасаются с его стороны медленного мщения, прикрытого названием дисциплины и основанного на благовидном предлоге общественной пользы. Но их судьба находится в их руках, и если у них достанет мужества, чтобы не обращать внимания на пустые угрозы бессильной республики, им будет нетрудно доказать всему миру, что те, у кого в руках оружие, должны располагать верховной властью.

Когда сенаторы избрали двух императоров вместо одного, они, по-видимому, заботились только о том, чтобы разнородные сферы военного и гражданского управления находились в опытных руках; но ими, вероятно, также руководило при этом и тайное намерение ослабить деспотизм верховного сановника путем разделения его власти[50]. Их план удался, но он оказался гибельным и для них самих, и для императоров. Соперничество из-за власти скоро дошло до ожесточения вследствие различия характеров. Максим презирал в Бальбине изнеженного аристократа и со своей стороны внушал своему сотоварищу презрение незнатностью своего происхождения. Их разномыслие не высказывалось явно, но выражалось в образе их действий[51], так как их взаимное недоверие мешало им принимать сообща какие-либо энергичные

меры против их общих врагов-преторианцев. В то время как весь город был занят Капитолийскими играми, императоры, оставшиеся почти одни во дворце, были испуганы приближением толпы отъявленных убийц. Не зная намерений друг друга, так как они занимали апартаменты, очень отдаленные одни от других, и не решаясь ни помочь друг другу, ни просить о помощи, они потеряли дорогое для них время в пустых спорах и бесплодных взаимных обвинениях. Прибытие гвардейцев положило конец этой неуместной распре: они схватили *сенатских* императоров, которым дали это прозвище в знак своего к ним презрения, сорвали с них все знаки отличия и повлекли их с наглым торжеством по римским улицам с намерением подвергнуть их медленной и мучительной смерти. Но пытке страдальцев преторианцы скоро положили конец, так как опасались, чтобы не пришли на помощь императорам служившие в их гвардии верные германцы; трупы убитых императоров, изуродованные множеством ран, были оставлены на поругание или на сострадание черни[52)].

В течение нескольких месяцев шесть государей пали под ударами меча. Гордиан, уже облеченный титулом Цезаря, был в глазах солдат единственный человек, достойный возведения на вакантный престол[53)]. Они привели его в свой лагерь и единогласно провозгласили Августом и императором. Его имя было дорого сенату и народу; его нежный возраст обещал своеволию армии продолжительную безнаказанность, а согласие Рима и провинций на выбор преторианцев избавило республику - хотя и в ущерб ее свободе и достоинству - от ужасов новой междоусобной войны в самом центре столицы[54)].

Так как третьему Гордиану было только девятнадцать лет, когда он кончил свою жизнь, то его биография - если бы она была известна нам с достаточной точностью - должна бы была состоять почти исключительно из подробностей его воспитания и из описания деятельности приближенных, злоупотреблявших или руководивших простодушием неопытного юноши. Немедленно вслед за своим вступлением на престол он попал в руки евнухов своей матери, этих восточных гадов, наводнявших дворец римских императоров со времен Элиогабала. Путем искусно веденной интриги эти негодяи сумели скрыть от простодушного государя угнетения, которым подвергались его подданные, ввели в заблуждение всех,

кто рассчитывал на добродетельные наклонности Гордиана, и стали без его ведома публично продавать высшие государственные должности самым недостойным людям. Нам неизвестно, благодаря какой счастливой случайности император избавился от этой постыдной рабской зависимости и возложил свое доверие на министра, благоразумные советы которого не имели иной цели, как славу его государя и счастье народа. Следует полагать, что Мизифей попал в милость к Гордиану путем любви и учености. Молодой государь женился на дочери своего преподавателя риторики и возвел своего тестя на самые высшие должности империи. До нас дошли два прелестных письма, которыми обменялись тесть и зять. Министр со свойственным добродетели достоинством поздравляет Гордиана по поводу того, что он избавился от тирании евнухов[55], и еще более по поводу того, что он сознает всю цену своего избавления. Император с некоторым смущением сознается в своих прошлых заблуждениях и жалуется на неприятное положение монарха, от которого продажная толпа царедворцев постоянно старается скрывать истину[56].

Мизифей провел свою жизнь в занятиях литературой, а не военным ремеслом, однако такова была гибкость ума этого великого человека, что, когда он был назначен преторианским префектом, он выказал много энергии и таланта в исполнении сопряженных с этой должностью военных обязанностей. Персы вторглись в Месопотамию и угрожали Антиохии. Молодой император отказался, по совету своего тестя, от удобств столичной жизни, открыл храм Януса (в истории нет сведений о том, чтобы эта церемония когда-либо повторялась после того) и выступил в поход на Восток. Персы, узнав, что он приближается во главе многочисленной армии, вывели свои гарнизоны из городов, которыми успели завладеть, и отступили от Евфрата к Тигру[57]. Гордиан имел удовольствие сообщить сенату о первых успехах своего оружия, которые он из скромности и признательности приписывал мудрости своего тестя и префекта. Во время всей экспедиции Мизифей заботился о нуждах армии и о поддержании в ней дисциплины, предупреждая опасный ропот неудовольствия тем, что снабжал лагерь в изобилии съестными припасами и устроил во всех пограничных городах большие склады уксуса, соленого мяса, соломы, ячменя и пшеницы[58]. Но счастье Гордиана кончилось вместе с жизнью Мизифея, который

умер от кровавого поноса, вызванного, как сильно подозревали, отравлением. Преемник Мизифея в звании префекта, Филипп, был родом араб, и, стало быть, в раннюю пору своей жизни был по профессии разбойником. Его возвышение из такого низкого положения до высших государственных должностей, по-видимому, свидетельствует о его предприимчивости и дарованиях. Но его предприимчивость внушала ему желание достигнуть престола, а своими дарованиями он воспользовался не для пользы своего кроткого повелителя, но для того, чтобы занять его место. Он нарочно устроил так, чтобы в лагере оказался недостаток в съестных припасах, и этим раздражил умы солдат, которые стали приписывать свои лишения молодости и неспособности императора. Мы не имеем данных, чтобы описать постепенное развитие заговора и открытый бунт, кончившийся гибелью Гордиана. В память его был воздвигнут надгробный памятник на том месте[59], где он был убит, - неподалеку от впадения в Евфрат небольшой речки Аборы[60]. Филипп, возведенный в императорское звание по выбору солдат, нашел и в сенате, и в провинциях готовность признать его власть[61].

Мы не можем воздержаться от того, чтобы не цитировать следующее остроумное, хотя и несколько фантастическое, мнение, высказанное одним знаменитым новейшим писателем, о военном управлении Римской империи: "Так называемая Римская империя была в ту пору чем-то вроде беспорядочной республики, несколько похожей на аристократию[62] Алжира[63], где располагающая верховною властью милиция назначает и низлагает сановника, называемого деем; действительно, может быть, следует считать за общее правило, что военное управление в некоторых отношениях более проникнуто республиканским духом, нежели монархическим. И нельзя сказать, что солдаты принимали участие в управлении только своим непослушанием и своими бунтами: разве речи, с которыми обращались к ним императоры, не сделались в конце концов похожими на те, с которыми консулы и трибуны когда-то обращались к народу?[64] И несмотря на то что армии не имели особых мест для сходок, что они не придерживались никаких определенных форм, что они большею частью не обладали хладнокровием, что они мало рассуждали и много действовали, разве они не располагали по своему произволу общественным достоянием? И что такое был им-

ператор, как не министр опиравшегося на насилие правительства, избранный только для пользы солдат?

Когда армия избрала в товарищи к императору Филиппа, который был преторианским префектом при третьем Гордиане, этот последний просил, чтобы ему была предоставлена вся верховная власть, и не мог получить на это согласия. Он стал просить армию поровну разделить между ними власть и не мог получить на это согласия; он стал умолять, чтобы ему оставили титул Цезаря, и ему было в этом отказано; он стал просить, чтобы его назначили преторианским префектом, и его просьба была отвергнута; наконец, он стал просить, чтобы ему оставили жизнь. Постановя все эти разнообразные приговоры, армия действовала в качестве верховного судьи". По словам историка, сомнительный рассказ которого воспроизводит Монтескьё, Филипп, хранивший мрачное молчание в продолжение этих переговоров, хотел пощадить жизнь своего благодетеля, но, сообразив, что его невинность может внушить всеобщее и опасное сострадание, приказал, необращая внимания на его крики и мольбы, схватить его и, сняв все отличия, немедленно предать смерти. После минутного колебания этот бесчеловечный приговор был приведен в исполнение[65].

После своего возвращения с Востока в Рим Филипп, желая загладить воспоминание о своих преступлениях и приобрести любовь народа, отпраздновал Столетние игры с небывалой пышностью и великолепием. Со времени их учреждения или возобновления Августом[66] они праздновались Клавдием, Домицианом и Севером, а теперь они были возобновлены в пятый раз по случаю того, что завершился тысячелетний период со времени основания Рима. Все, что входило в состав этих игр, было искусно приспособлено к тому, чтобы внушать суеверным людям самое глубокое благоговение. Длинные промежутки между ними[67] выходили за пределы человеческой жизни, и точно так, как ни один из зрителей еще не видел их, ни один из них не мог льстить себя надеждой, что увидит их вторично. Мистические жертвоприношения совершались в течение трех ночей на берегах Тибра, а Марсово поле, освещенное бесчисленными лампами и факелами, оглашалось музыкой и оживлялось танцами. Рабы и иностранцы не могли принимать никакого участия в этих национальных торжествах. Хор из двадцати семи юношей и стольких

же девственниц, которые принадлежали к знатным семьям и родители которых еще находились в живых, молил милосердных богов о ниспослании всех благ настоящему поколению и об оправдании надежд, возлагаемых на будущее поколение, - молил в своих религиозных гимнах, чтобы боги оправдали доверие к древним оракулам и сохранили добродетели, счастье и могущество римского народа[68]. Великолепие устроенных Филиппом зрелищ и увеселений приводило в изумление толпу; благочестивые люди были заняты суеверными обрядами, и только немногие призадумывались над прошедшей историей и будущей судьбой империи.

С тех пор как Ромул с небольшой кучкой пастухов и разбойников укрепился на холмах подле Тибра, уже прошло десять столетий[69]. В течение первых четырех столетий римляне приобрели в школе труда и бедности способность к войне и к управлению; благодаря энергичному применению этих способностей к делу и при помощи счастья они в течение следующих трех столетий достигли абсолютного господства над многими странами Европы, Азии и Африки. Остальные триста лет протекли среди наружного благоденствия и внутреннего разложения. Нация, состоявшая из солдат, должностных лиц и законодателей, делившихся на тридцать пять триб, исчезла в общей массе человеческого рода и смешалась с миллионами раболепных провинциалов, получивших право называться римлянами[70], но нисколько не проникнувшихся духом этого народа. Продажная армия, набранная между подданными и пограничными варварами, представляла единственный класс людей, сохранивший свою самостоятельность и употреблявший ее во зло. Благодаря ее мятежным избраниям сириец, гот или араб возводились на римский престол и получали деспотическую власть и над завоеваниями Сципионов, и над их родиной.

Границы Римской империи все еще простирались от Западного океана до Тигра и от гор Атласа до Рейна и Дуная. В глазах толпы Филипп был такой же могущественный монарх, как Адриан или Август. Форма была все та же, но в ней уже не было прежнего здоровья и энергии. Длинный ряд угнетений ослабил в народе дух предприимчивости и истощил его силы. После того как исчезли всякие другие добродетели, дисциплина легионов стала единственной опорой государственного величия; но и она была поколеблена честолюбием

или ослаблена малодушием императоров. Безопасность границы, которую обеспечивали не столько укрепления, сколько воинские доблести, мало-помалу сделалась ненадежной, и самые лучшие провинции пали жертвою алчности или честолюбия варваров, скоро приметивших упадок римского могущества.

---

1) Не было примера, чтобы три поколения занимали престол одно за другим; было только три случая, что сыновья наследовали своему отцу. Несмотря на то, что разводы были дозволены и что к ним часто прибегали, браки Цезарей были большей частью бесплодны.
2) Ист. эпохи Цезарей, стр. 138.
3) Ист. эпохи Цезарей, стр. 440. Геродиан, кн. 6, стр. 223. Аврелий Виктор. Сравнивая этих писателей, мы приходим к тому мнению, что Максимину было поручено начальство над Трибалийской кавалерией и вместе с тем надзор за дисциплиной рекру[illegible]во всей армии. Его биограф должен бы был с большей точностью описать его подвиги и указать все военные должности, которые он постепенно проходил.
4) См. подлинное письмо Александра Севера: Ист. эпохи Цезарей, стр. 149.
5) Ист. эпохи Цезарей, стр. 135. Я смягчил некоторые из самых неправдоподобных подробностей, сообщаемых этим плохим биографом. Из его рассказа следовало бы заключить, что буфон Александра, случайно войдя в императорскую палатку, разбудил спавшего монарха и из опасения быть за это наказанным убедил недовольных солдат совершить смертоубийство.
6) Геродиан сообщает только, что Александр ожидал убийц в своей палатке; ходил слух, что он сетовал и упрекал свою мать; но ни один писатель не говорит, что он выказал перед трибуном неприличное мужчине малодушие или что он унизился до бесполезных просьб о пощаде. Он, как кажется, встретил смерть с мужеством. - Венк)
7) Геродиан, кн. 6, стр. 223-227.
8) Старшему из этих четырех императоров - Калигуле было только двадцать пять лет, когда он вступил на престол; Каракалле было двадцать три года, Коммоду - девятнадцать, Нерону - не более семнадцати.
9) Он, как кажется, вовсе не знал греческого языка, который вследствие общего обыкновения употреблять его в разговоре и в литературных произведениях составлял существенную принадлежность хорошего воспитания.
10) Ист. эпохи Цезарей, стр. 141. Геродиан, кн. 7, стр. 237. Последнего из этих историков неосновательно обвиняли в том, что он снисходительно относился к порокам Максимина.
11) Жена Максимина, давая ему благоразумные советы с женской кротостью, иногда умела внушать тирану чувства справедливости и человеколюбия. См. Аммиана Марцеллина, кн. 14, гл. 1; здесь он намекает на один факт, о котором говорит более подробно при изложении истории царствования Гордианов. Мы знаем из надписей на медалях, что эта добрая императрица носила имя Паулины, а из того,

что ее называли Diva, следует заключить, что она умерла прежде Максимина. (Валезий ad loc. cit. Ammian.) Шпангейм, de U. et P. N., ч. 2, стр. 300. (Это примечание опущено Венком, равно как и следующее прибавление к нему, которое сделал Гизо: "Если верить Синцеллу и Зонаре, Максимин сам лишил ее жизни". - Издат .)
12) Его сравнивали со Спартаком и Афенионом. Ист. эпохи Цезарей, стр. 141.
13) Геродиан, кн. 7, стр. 238. Зосим., кн. 1, стр. 15.
14) Он находился на плодородной территории Бизакия, в ста пятидесяти милях к югу от Карфагена. Он, по всему вероятию, обязан Гордианам титулом колонии и прекрасным амфитеатром, который до сих пор очень хорошо сохранился. См. Itineraria Весселинга, стр. 59; и "Путешествия" Шо, стр. 117.
15) Геродиан, кн. 7, стр. 239. Ист. эпохи Цезарей, стр. 153.
16) Ист. эпохи Цезарей, стр. 152. Марк Антоний завладел знаменитым домом Помпея in carinis, а после смерти триумвира этот дом сделался собственностью императоров. Император Траян дозволял богатым сенаторам и даже поощрял их покупать такие великолепные и бесполезные дворцы (Плин. Panegyric., гл. 50), и, вероятно, по этому случаю дом Помпея перешел в собственность прадеда Гордиана.
17) Клавдиевский, Нумидийский, Каристский и Синнадский. Цвета римских мраморов не были описаны с достаточной ясностью, поэтому нет возможности точно определить их различия. Впрочем, есть основание думать, что Каристский мрамор имел зеленоватый цвет морской воды, а Синнадский был белого цвета, смешанного с красными пятнышками овальной формы. См. Салмазия, ad Hist. August., стр. 164. (Не следует понимать в самом тесном смысле слова Гиббона, что эти четыре сорта мраморов были самые редкие и самые дорогие. Греческие мраморы более ценились римлянами, хотя и не превосходили достоинством мраморы некоторых других провинций; так, например, зеленый цвет Каристского мрамора, доставлявшегося из Африки, был не хуже Лакедемонского мрамора. Вообще можно отнести ко всем древним мраморам сожаление Гиббона о недостаточности наших сведений о римских мраморах, под которыми он, без сомнения, разумел мраморы, бывшие в употреблении у римлян. Лучшие о них сведения можно найти в последней книге "Естественной истории" Плиния. Но Плиний не объясняет, чем именно отличались одни сорта мрамора от других, и вовсе не упоминает некоторые сорта, о которых говорят более древние писатели. Блазий Карифил (De antiquis Marmoribus, 4-to. Утрехт, 1473) очень старательно собрал разнообразные сведения об этом предмете, разбросанные у древних писателей. - Венк)
18) Ист. эпохи Цезарей, стр. 151, 152. Он иногда приказывал выводить на арену пятьсот пар гладиаторов и никогда менее ста пятидесяти. Однажды он дал цирку 70 сицилийских и столько же каппадокийских лошадей. Для охоты преимущественно назначались медведи, кабаны, быки, олени, лоси, дикие ослы и пр. Слоны и львы, как кажется, предназначались исключительно для императоров.
19) См. в Ист. эпохи Цезарей, стр.152, подлинное письмо, свидетельствующее об уважении Александра и к авторитету сената, и к про-

консулу, назначенному этим собранием. (Геродиан (кн. 7, гл.5) положительно утверждает, что он управлял несколькими провинциями прежде своего назначения проконсулом Африки. - *Венк*)

20) Молодой Гордиан имел от каждой из своих наложниц по три и по четыре ребенка. Его литературные произведения хотя и не были столь многочисленны, однако не вполне лишены достоинств. (Свою библиотеку Гордиан получил по завещанию от своего наставника Серена Саммоника, который, как кажется, был автором сохранившейся до сих пор поэмы о медицине. Из его собственных произведений ни одно не дошло до нас; поэтому мы не можем составить себе о них какое-либо понятие. *Капитолин (гл. 20) говорит, что они не имели* большой цены. Конечно, нельзя полагаться на приговор такого писателя, который сам был ниже всякой посредственности. Огромное число детей, будто бы произведенных на свет Гордианом, неправдоподобно и,без всякого сомнения, преувеличено. Капитолин в подтверждение этого факта не ссылается ни на какой авторитет, довольствуясь словом fertur. - *Венк*)

21) (Римляне не находили такого сходства в чертах его лица, а считали его за потомка Сципионов (Капитол., гл.9). Он был в родстве с ними через Гракхов. За добродетели, напоминавшие Сципионов, отец получил от африканцев прозвище Новый Сципион (Капитол., 5). И отец и сын получили и сохранили прозвание Африканских, намекавшее на их родство со Сципионами и на ту страну, в которой они были провозглашены императорами. - *Венк*)

22) Геродиан, кн. 7, стр. 243. Ист. эпохи Цезарей, стр. 144.

23) Quod tamen patres, dum periculosum existimant, inermes armato resistere approbaverunt (Аврелий Виктор).

24) Удаляли даже домашнюю прислугу и писцов и пр., и их обязанности исполнялись самими сенаторами. Мы обязаны Истории эп.Цезарей, стр.159, тем, что до нас дошли эти интересные сведения о старых республиканских установлениях.

25) Эта одушевленная речь, заимствованная нами из Ист. эпохи Цезарей, стр.156, как кажется, была списана с подлинных сенатских журналов.

26) (Гордиан поручил исполнить приговор над Виталианом своему собственному квестору, состоявшему при нем, когда он был проконсулом, и дал ему в помощь нескольких центурионов. Это поручение было исполнено с успехом, как о том подробно рассказывает Геродиан (гл.6); а что касается одобрения сената, то это видно из десятой главы у Капитолина. - *Венк*)

27) Геродиан, кн.7, стр. 244.

28) Геродиан, кн. 7, стр. 247; кн. 8, стр. 277. Ист. эпохи Цезарей, стр. 156, 158. (Многие губернаторы провинций остались верны Максимину и некоторых из депутатов, присланных сенатом, лишили жизни, а некоторых отослали к Максимину. Геродиан, кн. 7, гл. 7. - *Венк*)

29) Геродиан, кн. 7, стр. 254. Ист. эпохи Цезарей, стр. 150-160. Вместо одного года и шести месяцев следует читать, согласно с Казобоном и Панвинием, один месяц и шесть дней. См. Комментар., стр. 193. Зосим рассказывает (кн. 1, стр. 17), что оба Гордиана погибли от бури во время морского плавания: странное незнание истории или странное злоупотребление метафорами! (Капелиан был старый друг

старшего Гордиана, в то время как этот последний был частным человеком; приняв императорское достоинство, Гордиан назначил ему преемника и приказал ему подать в отставку. Для защиты самого себя и своего повелителя, от которого получил свою должность, Капелиан взялся за оружие. В конце семнадцатого столетия история Гордианов вызвала ученые споры. Жан Бапт. дю Бо издал in 12-mo в Париже в 1695 г. свою Histore des quatre Gordiens, prouvée et illustrée par les medailles. В этом сочинении он утверждал, что вместе с двумя Гордианами, погибшими в Африке, был убит третий Гордиан, который был сын младшего Африканского и уже был провозглашен Цезарем, и что бывший впоследствии Цезарем и Августом Гордиан Благочестивый был четвертый из Гордианов. На это возражали: Ant Calland в своем Lettre, touchant l'histoire des quatre Gordiens, 12-mo, Paris, 1696, и Gisbert Kuper в своей Historia trium Gordianorum ex numis matibus, 8-vo, Deventer, 1697. Им обоим дю Бо отвечал в своих Vindiciae pro quatuor Gordianorum historia, 12-mo, Paris, 1700. Но он достиг только того, что доказал возможность с талантом защищать неправое дело. - Венк)

30) (Он назывался Векцием Савином и принадлежал к роду Ульпианов, чрез посредство которого находился в родственных связях с родом Траянов. (Капитол. in Max. et Balb., гл. 2.) - Венк)

31) См. Ист. эпохи Цезарей, стр. 166, по сенатским журналам; число, очевидно, неверно, но эту ошибку нетрудно исправить, так как оно совпадало с празднованием игр в честь Аполлона.

32) Он происходил от знатного испанца Корнелия Бальба, который был усыновлен греческим историком Феофаном. Бальб получил права римского гражданства от щедрот Помпея, а сохранил их благодаря красноречию Цицерона (см. Orat. pro Cornel. Balbo). Дружба Цезаря (которому он оказал чрезвычайно важные тайные услуги во время междоусобной войны) возвысила его до званий консула и первосвященника, которых еще не достигал ни один иностранец. Племянник этого Бальба одержал победу над гарамантами. См. в Dictionnaire de Bayle слово Balbus; там перечислены многие носившие это имя и, с свойственной автору аккуратностью, исправлены ошибки прежних писателей касательно этого предмета.

33) Зонара, кн. 12, стр. 622. Нельзя, однако, полагаться на авторитет новейшего греческого писателя, который был так мало знаком с историей третьего столетия, что создал нескольких воображаемых императоров и перепутал тех, которые действительно существовали.

34) Геродиан (кн. 7, стр. 256) полагает, что сенат был сначала созван в Капитолии, и очень красноречиво это рассказывает. Ист. эп. Цезарей (стр. 116), как кажется, заслуживает гораздо большого доверия.

35) (Некоторые утверждают, что он был сын младшего Гордиана. - Гизо)

36) У Геродиана, кн. 7, стр. 249 и в Ист. эпохи Цезарей мы находим три различные речи Максимина к армии по поводу восстаний в Африке и Риме. Тильемон основательно заметил, что нет возможности согласовать их ни одну с другой, ни с истиной. (Histoire des Empereurs, ч. III, стр. 792).

37) Небрежность писателей этого времени ставит нас в странное затруднение. 1) Нам известно, что Максим и Бальбин были убиты во

время Капитолийских игр (Геродиан, кн. 8, стр. 285). Свидетельство Ценсорина (de Die Natali, гл. 18) дает нам право с достоверностью отнести эти игры к 238 году, но оставляет нас в неизвестности на счет месяца и дня. 2) Избрание Гордиана сенатом можно с такой же достоверностью отнести к 27 мая, но мы не в состоянии решить, произошло ли оно в том же году или в предшествовавшем. Тильемон и Муратори, придерживающиеся двух противоположных мнений, ссылаются на множество сомнительных свидетельств, догадок и предположений. Один из них слишком растягивает ряд событий, происшедших между этими двумя периодами, а другой слишком суживает его, и мнения их обоих трудно согласовать со здравым смыслом и с историей. А между тем необходимо согласиться с одним из них. (Рассказы древних историков об этом периоде времени так же непоследовательны и сбивчивы, как и события, которые они описывали. Однако не заслуживающий никакого доверия Капитолин утверждает, что он разрешил этот вопрос, и нападает на "historicorum inter se certantium imperitiam", произведения которых частью утрачены. Противоположные мнения, на которые ссылается Гиббон, более стары, но были поддерживаемы двумя учеными, которых он называет. По мнению Муратори, все события со времени первого восстания в Африке против Максимина до смерти Максима и Бальбина произошли в течение 238 года. По мнению Тильемона, эти события начались весной 237 года и окончились в начале лета 238 года. Всякий, кто сравнит резоны, приводимые последним из этих писателей, с авторитетами, на которые он ссылается, и с самыми событиями, согласится с ним без всяких колебаний. Для этого нет надобности предполагать, что Максимин был занят внешней войной и заслужил сравнение с Суллой, как это делает без всякого серьезного основания Гиббон. Напротив того, он сосредоточил все свое внимание на беспорядках в Италии с такой безотлагательностью, какой требовала важность событий. Сначала он отправил в Рим послов в надежде достигнуть миролюбивого соглашения. Потом он собрал как можно более войск и выступил в поход, но подвигался вперед очень медленно, как это утверждает Геродиан, указывающий и причины этой медленности (кн.7, гл.8). Таким образом прошли осень и часть зимы. В Италии он встретил затруднения, которые снова замедлили его движение вперед, а осада Аквилеи, на которую Тильемон полагает только три недели, должна была потребовать более времени, как это доказывает все, что нам известно об этой осаде. - Венк) (Экгель в более близкое к нам время обсудил эти хронологические вопросы с такой ясностью, которая придает большое правдоподобие его выводам; отложив в сторону всех историков, противоречия которых нет возможности согласовать одни с другими, он стал справляться только с надписями на медалях и установил следующую последовательность между занимающими нас фактами. В 990 году от основания Рима Максимин, победив германцев, возвратился в Паннонию, расположился на зимних квартирах в Сирмии и стал готовиться к войне с северными народами. В 991 г., в январские календы, он начал свой четвертый трибунат. Гордианы были избраны в Африке императорами, вероятно, в начале марта. Сенат с радостью утверждает это избрание и объявляет Максимина врагом Рима. Через пять дней после

того, как он узнал об этом восстании, Максимин выступил со своей армией из Сирмия и направился к Италии. Эти события происходили в начале апреля: вскоре после того Гордианы убиты в Африке прокуратором Мавритании Капеллианом. Испуганный сенат назначает императорами Бальбина и Максима Папиена и поручает этому последнему ведение войны против Максимина. На своем пути Максимин задержан подле Аквилеи недостатком съестных припасов и таянием снегов; он приступает к осаде Аквилеи в конце апреля. Папиен собирает свою армию в Равенне. Максимин и его сын умерщвлены солдатами, которых раздражало сопротивление Аквилеи; это случилось, вероятно, в половине мая. Папиен возвращается в Рим и царствует вместе с Бальбином: они убиты в конце июля. Гордиан Младший вступает на престол. Экгель, de Doct. Num. Yet., ч. 7, стр. 295. - Гизо)
38) Веллей Патеркул, кн.2, гл. 24. Президент Монтескьё в своем Dialogue entre Sylla et Eucrate выражает чувства диктатора в очень остроумной и даже возвышенной форме.
39)Муратори (Annali d'Italia, ч. 2, стр. 294) полагает, что таяние снегов указывает скорее на июнь или июль месяц, нежели на февраль. Мнение человека, проведшего свою жизнь между Альпами и Апеннинами, имеет, бесспорно, большой вес; тем не менее я замечу: 1) что продолжительная зима, на которую ссылается Муратори, упоминается лишь в латинском переводе, а не в греческом тексте Геродиана; 2) что солнце и дождь, попеременно беспокоившие солдат Максимина (Геродиан, кн. 8, стр.277), служат признаком скорее весны, нежели лета. Мы можем также заметить, что эти различные потоки, сливаясь в одно русло, образуют так называемый Тимав, так поэтично (во всех значениях этого слова) описанный Вергилием. Они текут почти в двенадцати милях к востоку от Аквилеи. См. Клювье, Italia, ч. 1, стр. 189 и пр.
40) Геродиан, кн. 8, стр. 272, Этот кельтский бог, как полагают, был Аполлон и получил под этим именем выражения признательности сената. Был также выстроен храм в честь Венеры Плешивой в память об аквилейских женщинах, обрезавших свои волосы на веревки для военных машин.
41) (Если верить Геродиану (кн. 8, гл. 5), это не могло случиться. Капитолин говорит только, что Максим оставался в Равенне и опасался Максимина. - Венк)
42) Геродиан, кн. 8, стр. 279. Истор. эпохи Цезарей, стр. 146. Ни один писатель не определил с точностью продолжительность царствования Максимина, кроме Евтропия, который говорит, что он царствовал три года с несколькими днями (кн.9, 1); мы можем положиться на то, что текст его слов не был искажен, так как латинский оригинал сходен с греческим переводом Пэания. (Молодой Максимин получил только звание Цезаря и Princeps Juventutis. - Венк)
43) (Ворота не могли быть отворены, так как жители Аквилеи боялись впустить в город привыкшую к своеволию армию, состоявшую преимущественно из варваров. Но они в избытке снабдили ее съестными припасами вне городских стен (Геродиан, кн. 8, гл. 6.). - Венк)
44) Восемь римских футов с одной третью равны с небольшим восьми английским футам, так как эти величины относятся одна к другой как 967 к 1000. См. диссертацию Грева о римском футе. Рассказыва-

ют, будто Максимин мог выпить в день одну amphora (или около семи галлонов) вина и съесть тридцать или сорок фунтов мяса. Он мог двигать нагруженную телегу, переломить лошадиную ногу ударом кулака, раздавить в руке камень и вырвать с корнем небольшие деревья. См. его жизнеописание в Ист. эпохи Цезарей.

45) См. в Истор. эпохи Цезарей поздравительное письмо консула Клавдия Юлиана к двум императорам.

46) Ист. эпохи Цезарей, стр. 171.

47) Геродиан, кн. 8, стр.258.

48) Ibid., кн. 8., стр. 213.

49) Это замечание было неосторожно сделано самим сенатом, в то время как он выражал свою радость; по отношению к солдатам оно имело вид ничем не вызванного оскорбления. Истор. эпохи Цезарей, стр. 170.

50) (Геродиан (кн. 8, гл. 10) положительно утверждает, что это служило главным мотивом для избрания двух императоров. - Венк)

51) Discordiae tacitae, et quae intelligerentur potius quam viderentur*). Ист. эпохи Цезарей, стр. 170). Это удачное выражение заимствовано от какого-нибудь лучшего писателя.

52) Геродиан, кн. 8, стр. 287, 288.

53) Quia non alius erat in praesenti**). (Ист. эпохи Цезарей)

54) Квинт Курций (кн. 10, гл. 9) поздравляет царствовавшего в его время императора с тем, что своим счастливым возведением на престол он уничтожил столько поводов для внутренних раздоров, заставил вложить в ножны столько мечей и положил конец вредной системе разделения верховной власти. Внимательно взвесив каждое слово этой фразы, я прихожу к тому мнению, что она гораздо лучше применима к возведению на престол Гордиана, нежели к какому-либо другому периоду римской истории. В таком случае она могла бы разрешить для нас вопрос о том, в каком веке писал Квинт Курций. Те, которые относят его ко временам первых Цезарей, основывают это мнение на чистоте его слога, но их приводит в замешательство тот факт, что Квинтилиан вовсе не упоминает о Квинте Курции в своем тщательно составленном списке римских историков. (Предположение Гиббона касательно времени, в которое писал Квинт Курций, едва ли может быть одобрено. Выдержки, на которые он ссылается, неприменимы к тем событиям, которые предшествовали возведению на престол Гордиана. Слова "fidus noctis supremae" указывают на какое-то решительное событие, случившееся ночью, а слова "exstinctae faces" и "gladii conditi" указывают на только что окончившуюся междоусобную войну: слова "discordia membra sine suo capite" не могли быть сказаны о верховной власти, разделенной между двумя законными императорами, а относились скорее к борьбе между соперниками из-за верховной власти. Все эти выражения более подходят к тем периодам, которые указываются другими комментаторами. (См. в издании Шнабенбурга предисловие и стр. 304, 5.) Их легче согласовать с началом царствования Веспасиана, нежели с началом царствования Гордиана. Слог Квинта Курция

*) Их разногласия были тайными, но для понимающего заметными. (*Примеч. ред.*)

**) Потому что никого другого просто не было. (*Примеч. ред.*)

также напоминает о более раннем периоде. Квинтилиан не составлял полного списка римских историков; он переименовал (X, 1, 101) только пятерых и прибавил к этому, что есть еще и другие не лишенные достоинств историки, но что он не упоминает о них, потому что его цель заключалась только в том, чтобы назвать нескольких писателей по каждому отделу литературы. И нельзя причислять Квинта Курция к разряду лучших историков; его главные достоинства заключаются в том, что он выражался хорошим латинским языком и был красноречив; но это красноречие отзывается формализмом и схоластикой. - Венк). (Это предположение Гиббона не имеет никакого основания. Некоторые места в сочинении Квинта Курция, очевидно, доказывают, что он жил в более раннюю эпоху; так, например, говоря о парфянах, он пишет: "Hinc in Parthienen perventum est; tunc ignohilem gentem; nunc caput omnium, quae, post Euphraten et Tigrim omnes sitae Rubro mari terminantur" (Кн.6, гл. 2) (Парфянская империя имела такой обьем только в первом веке нашей эры, стало быть, к этому веку и следует отнести Квинта Курция. "Хотя критики, - говорит Сен-Круа, - и делали много предположений касательно этого предмета, тем не менее они большею частью кончили тем, что согласились с мнением, относящим Квинта Курция ко времени царствования Клавдия". См. Юста Липсия, ad Ann. Tac., кн. 2, гл. 20; Michel le Tellier. Praef. in Curt; Tillemont, Hist. des Emp., ч.1, стр. 251; Du Bos, Reflex. crit. sur la poesie, втор. часть, гл. 13; Тирабоски, Storia della Letter.Ital., ч. 2, стр. 149; Eman. crit. des histor. d'Alex., 2-е изд., стр. 104, 849, 850. - Гизо .) Декан Мильман основательно заметил, что аргумент Гизо не дает права делать какие-либо заключения, потому что латинские писатели часто употребляли слово "парфяне" вместо слова "персы". А кто же стал бы разрешать какой-либо спорный вопрос ссылками на географию Квинта Курция? И наконец если бы этот "вечный вопрос" и был разрешен, какая была бы от того польза? Это один из тех пустых вопросов, на которые тратится много труда и дарований для того, чтобы прийти к нулю. - Издат)

55) Ист. эп. Цезарей, стр. 161. По некоторым намекам, заключающимся в этих двух письмах, я догадываюсь, что выгнать евнухов из дворца можно было лишь путем легкого насилия и что молодой Гордиан скорей одобрил совершившийся факт, нежели дал предварительное согласие.

56) Duxit uxorem filiam Misithei, quem causa eloquentiae dignum parentela sua putavit; et praefectum statim fecit; post quod, non puerile jam et contemptibile videbatur imperium*).

57) (Они были разбиты несколько раз. Капитол. V, 26. - Венк)

58) Ист. эпохи Цезарей, стр. 162. Аврелий Виктор. Порфирий in Vit. Plotin. ap. Fabricium. Biblioth. Graec., кн. 4, гл. 36. Философ Плотин следовал за армией из любви к знанию и в надежде проникнуть до Индии.

59) Почти в двадцати милях от маленького городка Цирцезия на границе двух империй (он называется теперь Керкизия и находится

*) Он взял в жены дочь Мизифея, который вследствие своего красноречия был достоин рассчитывать на эту родственную связь, и сразу же назначил его префектом претория, после этого императорское правление (Гордиана) уже не казалось ребяческим и заслуживающим презрения (Ист. эп. Цезарей.; Горд. Тр., XXIII) — *Пер. ред.*

внутри треугольника, образуемого устьем Хаборы, или Ал-Хабура, и Евфратом. Эта местность показалась Диоклетиану такой выгодной, что он воздвиг на ней укрепления, чтобы сделать из нее оплот империи в этой части Месопотамии (Д'Анвилль, Geogr. anc., ч.2, стр. 196). - Гизо .) (При всяком подобном слиянии рек переселения кочующих народов останавливались, и благодаря натуральной крепости позиций такие местности избирались для первых постоянных поселений диких племен. По этим пунктам можно проследить поселения кельтских жителей, начиная с Азии и через всю Европу; указаниями в этом случае служат названия местностей, в настоящее время нередко извратившиеся, но вначале означавшие "слияние рек". В числе таких названий, как кажется, были Хаборы. Это Хебар, или Габор, и Цирцезий, или Кархемиш, упоминаемый в Св.Писании. См. Лэйяра Nineveh and Babylon, стр. 234, 284 и сл. - Издат .)

60) Надпись, заключавшая в себе очень странную игру слов, была выскоблена по приказанию Лициния, считавшего себя в родстве с Филиппом (Ист. эп. Цезарей, стр. 165), но tumulus, или земляная насыпь, составлявшая могилу, еще существовала во времена Юлиана. См. Аммиана Марцеллина, XXIII, 5.

61) Аврелий Виктор. Евтроп. IX, 2. Орозий, VII, 20. Аммиан Марцеллин, XXIII, 5. Зосим, кн. 1, стр. 19. Филипп был родом из Бостры; ему было около сорока лет. (Теперь Босра. Она когда-то была метрополией провинции, носившей название Аравии, и главным городом Авранитиды, название которой сохранилось до сих пор в форме Белад-Гаурана и границы которой терялись в степях Аравии. (D'Auville, Geogr. anc., ч. 2, стр. 188. По словам Аврелия Виктора (In Caesar.), Филипп был родом из Трахонитиды, тоже аравийской провинции. - Гизо)

62) Разве можно применить слово аристократия к алжирскому правительству? Всякое военное управление колеблется между двумя крайностями - между абсолютной монархией и необузданной демократией.

63) Военная республика мамлюков в Египте могла бы доставить Монтескьё (см. Considerations sur la Grandeur et la Decadence des Romains, гл.16) повод для более основательного и более благородного сравнения.

64) Различие заключалось в том, что власть сената и народа была законная, а войска, присваивая себе руководство общественными делами, совершали насилие. Это очень хорошо сознавалось самими императорами; тираны делали из армии опору своего управления и орудие своих преступлений, а хорошие императоры льстили силе, которую они не могли ослабить, точно так как льстят деспотическим узурпаторам те, чья участь находится в их руках. - Венк

65) Ист. эпохи Цезарей (стр. 163, 164) не может быть в настоящем случае согласована ни с самой собой, ни с правдоподобием. Как мог Филипп осудить на смерть своего предшественника и вместе с тем освятить его память? Как мог он приказать предать его публичной казни и в своих письмах к сенату слагать с себя вину в его смерти? Филипп хотя и был честолюбивый узурпатор, но отнюдь не был безумным тираном. Тильемон и Муратори, сверх того, нашли некоторые хронологические опровержения того, что Филипп был избран в

товарищи императора. (Эти кажущиеся противоречия в Истор. эпохи Цезарей нетрудно согласовать между собою. Капитолин не говорит, что Филипп приказал подвергнуть Гордиана публичной казни. Вместо in conspestum следует читать е conspectu, как это доказано Салмазием и Грутером на основании очень хороших манускриптов. После того как Гордиан был низложен под предлогом его молодости и неспособности к управлению, Филипп заключил его в тюрьму; но приказание лишить его жизни - как это положительно утверждает Капитолин - не было приведено в исполнение немедленно; это исполнение было отсрочено на несколько дней, в течение которых он умер от болезни, о чем Филипп и известил римский сенат. Это подтверждает и Зосим (кн. 1, гл.19). В том, что Филипп причислил Гордиана к богам, не было ничего нового. Каракалла, Макрин и некоторые другие императоры обоготворяли своих предшественников или сотоварищей согласно известной поговорке: Sit divus, modo non sit vivus*). Возражения Тильемона и Муратори доказывают, что Филипп, в последние дни жизни Гордиана, разделял с ним императорскую власть, но не носил императорского титула. - Венк)

66) Все, что нам рассказывают о происходившем будто бы в последний раз праздновании этих игр, так сомнительно и неясно, хотя это и происходило в век Просвещения, что выбор между этими двумя предположениями, как кажется, не может возбуждать сомнений. Когда Бонифаций VIII установил папские юбилеи, представлявшие копию Столетних игр, этот хитрый папа утверждал, что он только восстанавливает старинное учреждение. См. Le Chaix, Lettres sur Jubiles.

67) Этот промежуток был в сто лет или в сто десять лет. Варрон и Тит Ливий держались первой цифры, но непогрешимый авторитет сивилл говорит за вторую. (Цензорин, de Die Natal., гл. 17). Впрочем, императоры Клавдий и Филипп не относились к этому оракулу со слепым уважением.

68) Чтобы составить себе ясное понятие о Столетних играх, следует обратиться к поэме Горация и к описанию Зосима, кн. 2, стр. 167 и сл.

69) Уже доказано, что это мнение ошибочно. Дионис. Галикар., кн. 1, стр. 4, 72, 75, изд. Сильбург. - Венк

70) По вычислениям Варрона, Рим был основан за семьсот пятьдесят четыре года до Р.Х.; но хронология древних времен Рима так непрочно установлена, что Исаак Ньютон относит то же самое событие к 627 году. (Римские хронологи, которым было легче, чем нам, установить год основания Рима, расходятся в своих вычислениях только несколькими годами. В своем примечании к "Всеобщей истории" Гутри, ч. 4, стр. 98, Гейне разъяснил этот вопрос коротко, но ясно и привел мнения других писателей. Ньютон не похож на самого себя в своих исторических и хронологических парадоксах, к которым применимо выражение "Le grand Newton fit son Apocalypse". - Венк)

---

*) Пусть божественный, лишь бы не живой. (*Пер. ред.*)

ГЛАВА VIII
О положении Персии после восстановления этой монархии Арташиром

Всякий раз, когда Тацит отклоняется от своего сюжета для того, чтобы заняться внутренними делами германцев или парфян, его главная цель - дать отдых читателю, утомленному однообразным зрелищем пороков и бедствий. С царствования Августа до времен Александра Севера Рим знал только внутренних врагов - тиранов и солдат, а перевороты, совершавшиеся по ту сторону Рейна и Евфрата, имели крайне слабое влияние на его благосостояние. Но когда военное сословие, в разгаре анархии, ниспровергло и власть монарха, и законы сената, и даже дисциплину лагерей, северные и восточные варвары, бродившие вблизи от римских границ, смело напали на провинции разрушающейся монархии. Их беспокойные набеги превратились в грозные нашествия, и после длинного ряда превратностей фортуны, сопровождавшихся невзгодами то для одной, то для другой стороны, некоторые неприятельские племена утвердились в провинциях Римской империи. Чтобы составить себе ясное понятие об этих важных событиях, мы должны предварительно изучить характер, силы и стремления тех народов, которые отомстили за Ганнибала и Митридата.

В самые отдаленные века всемирной истории, когда покрывавшие Европу леса служили убежищем для перекочевывавших с места на место дикарей, обитатели Азии уже жили в больших городах и уже сплотились в обширные империи, в которых процветали искусства, роскошь и деспотизм. Ассирийцы господствовали на Востоке[1] до тех пор, пока скипетр Нина и Семирамиды не выпал из рук их изнеженных преемников. Мидяне и вавилоняне разделили между собой их владения и потом сами были поглощены персидской монархией, распространившей свои завоевания за пределы Азии. Один из потомков Кира, Ксеркс, вторгся, как рассказывают, с двумя миллионами *людей* в Грецию. Но для завоевания Персии было достаточно тридцати тысяч *солдат*, предводимых сыном Филиппа Александром, которому греки поручили поддержать их славу и отомстить за них. Государи из рода Селевка захватили македонские завоевания на Востоке, но ско-

ро лишились их. Почти в то самое время, как они постыдным мирным договором уступили римлянам страну, лежащую по сю сторону Тавра, они были вытеснены из всех провинций Верхней Азии диким племенем скифского происхождения - парфянами. Владычество парфян, распространившееся от Индии до пределов Сирии, было в свою очередь ниспровергнуто Арташиром, или Артаксерксом, основателем новой династии, которая под именем Сасанидов владела Персией до вторжения арабов[2]. Этот важный переворот, оказавший пагубное влияние на судьбу Рима, совершился на четвертом году царствования Александра Севера и в двести двадцать шестом году после Р.Х.[3]

Арташир служил с большим отличием в армии последнего парфянского царя Артабана и, как кажется, был отправлен в ссылку, а потом поднял знамя бунта вследствие царской неблагодарности, этой обычной награды за высокие достоинства. Его происхождение было покрыто мраком и благодаря этому служило поводом как для оскорблений со стороны его врагов, так и для лести со стороны его приверженцев. Первые уверяют, что Арташир произошел от любовной связи между женой кожевника и простым солдатом[4]. Вторые утверждают, что он происходил от одной ветви древних персидских царей, хотя время и несчастья мало-помалу низвели его предков до скромного положения простых граждан[5]. В качестве законного наследника монархии он заявил свои права на престол и задался благородной целью освободить персов от гнета, под которым они томились более пяти столетий со смерти Дария. Парфяне были разбиты в трех больших сражениях[6]. В последнем из этих сражений их царь Артабан был убит, и воинственный дух нации навсегда угас[7]. Власть Арташира была торжественно признана на большом собрании, проходившем в городе Балке, в Хорасане. Два юных принца из царского дома Аршакидов были в числе сатрапов, преклонявшихся перед победителем, но третий, помышлявший не о настоящей минуте, а о прошлом величии, попытался удалиться с многочисленной толпой вассалов к своему родственнику, королю Армении; этой небольшой армии, состоявшей из дезертиров, был отрезан путь, и она была истреблена благодаря бдительности победителя[8], который смело возложил на себя двойную корону и принял титул царя царей (или шахиншаха. - *Примеч. ред.*), по примеру своего

предшественника. Впрочем, эти пышные титулы не служили для него удовлетворением тщеславия, а напоминали ему его обязанности и разжигали в его душе честолюбивое намерение восстановить во всем их блеске и религию и империю Кира.

I. Во время продолжительного рабства Персии под македонским и парфянским игом народы Европы и Азии заимствовали друг у друга религиозные суеверия и извращали их разными примесями. Правда, Аршакиды исповедовали религию магов, но они примешали к ней различные языческие понятия, заимствованные от иностранцев. Имя древнего персидского пророка и философа Заратуштры[9] еще чтили на Востоке; но устарелый и таинственный язык, на котором написана Зенд-Авеста[10], открывал обширное поле для споров между семьюдесятью сектами, которые различно объясняли основные правила своей религии и служили предметом насмешек для неверующих, не признававших божественного призвания и чудес пророка. Арташир задумал уничтожить идолопоклонство, примирить раскольников и доказать заблуждение неверующих путем непогрешимого решения общего собора и с этой целью созвал магов из всех частей своего государства. Эти священнослужители, так долго томившиеся в пренебрежении и неизвестности, приняли приятное для них приглашение и в назначенный день собрались в числе почти восьмидесяти тысяч человек. Но так как столь шумное сборище не могло подчиняться в своих прениях голосу разума и так как не было возможности проводить в нем какие-либо политические идеи, то число членов персидского синода было постепенно низведено до сорока тысяч, до четырех тысяч, до четырехсот, до сорока и, наконец, до семи магов, пользовавшихся самым большим уважением за свою ученость и благочестие. Один из них, по имени Эрдавираф, еще молодой, но уже прославившийся своею святостью прелат, получил из рук своих сотоварищей три чаши со снотворным вином. Он выпил их и мгновенно впал в продолжительное и глубокое усыпление. После своего пробуждения он рассказал царю и толпе верующих о своем путешествии на небеса и о своей интимной беседе с Божеством. Это сверхъестественное доказательство заглушило все сомнения, и все статьи веры Заратуштры получили одинаковый авторитет и определенность[11]. Мы считаем не лишним сделать краткий очерк этой знаменитой системы не только для того, чтобы уяснить ха-

рактер персидской нации, но и для того, чтобы пролить более яркий свет и на ее мирные сношения с Римской империей, и на происходившие между ними войны[12)]

Главная и основная статья этой системы содержит в себе знаменитое учение о двух принципах; это была смелая и неблагоразумная попытка восточной философии согласовать существование нравственного и физического зла с атрибутами благого Создателя, управляющего Вселенной. Высшее и самобытное существо, в котором или благодаря которому существует Вселенная, называется в писаниях Заратуштры *беспредельным временем*; впрочем, следует признаться, что это беспредельное существо более похоже на метафизическую абстракцию ума, нежели на реальный предмет, одаренный самосознанием и обладающий нравственными совершенствами. Это беспредельное время, очень напоминающее хаос у греков, породило от века веков - неизвестно, актом ли сознательной воли или бессознательно, - два второстепенных, но активных принципа Вселенной, Ахура-Мазду и Аримана, каждый из которых обладает творческой силой, но по своей неизменяемой натуре склонен пользоваться этой силою для различных целей[13)] Принцип добра вечно объят светом, принцип зла вечно погружен в мрак. Мудрая благость Ахура-Мазды сделала человека способным к добродетели и обильно снабдила его красивое жилище тем, что необходимо для его счастья. Его бдительная предусмотрительность направляет движение планет, поддерживает порядок времен года и гармонию элементов. Но зложелательство Аримана давно уже проникло в яйцо Ахура-Мазды или, другими словами, нарушило гармонию между его творениями. Со времени этого пагубного вторжения самые мелкие частицы добра и зла попеременно примешиваются одна к другой и приходят в брожение; самые сильные яды появляются среди самых благотворных растений; наводнения, землетрясения и действие огня свидетельствуют о происходящей в природе борьбе, а крошечный мир, в котором живет человек, беспрестанно потрясается от пороков и бедствий. В то время как весь остальной человеческий род несет цепи рабства, наложенные на него безжалостным Ариманом, только один верный перс воздает религиозное поклонение своему другу и покровителю Ахура-Мазде и сражается под его знаменем света в полной уверенности, что в последний день будет участвовать в славе

его триумфа. В этот решительный момент блестящая мудрость благости доставит власти Ахура-Мазды превосходство над яростной злобой его соперника. Ариман и его последователи будут обезоружены, покорены[14] и погрузятся в свой природный мрак, а добродетель навсегда упрочит мир и гармонию Вселенной[15].

Теология Заратуштры казалась туманной иностранцам и даже большинству его последователей; но философская простота персидского культа поражала даже самого поверхностного наблюдателя. "Этот народ, - говорит Геродот[16], - отвергает употребление храмов, алтарей и статуй и смеется над безрассудством тех народов, которые воображают, что боги произошли от людей или что они имеют какое-нибудь сходство с человеческой натурой. Персы совершают свои жертвоприношения на вершинах самых высоких гор. Их богослужение заключается главным образом в гимнах и молитвах; Высшее Существо, наполняющее обширные небесные пространства, есть тот предмет, к которому они обращаются". Однако греческий писатель в то же время обнаруживает склонность к политеизму, так как приписывает персам поклонение земле, воде, огню, ветрам, солнцу и луне. Но персы во все века протестовали против этого и старались объяснить свой двусмысленный образ действий, подавший повод к таким обвинениям. Они относились с религиозным уважением к названным элементам, и в особенности к огню, свету и солнцу, которое они называли Митрой[17], потому что считали их за самые чистые символы, за самые благородные произведения и за самых могущественных агентов Божественной Власти и Природы[18].

Всякая религия тогда только производит глубокое и прочное впечатление на человеческий ум, когда она равивает в нас привычку к повиновению, предписывая такие правила благочестия, причина которых нам непонятна, и тогда только внушает нам уважение, когда налагает на нас нравственные обязанности, соответствующие внушениям нашего собственного сердца. Религия Заратуштры вполне удовлетворяла первому из этих требований и в значительной мере второму. Лишь только верующий перс достигал возмужалости, на него надевали таинственный пояс как залог божеского покровительства, и с этой минуты все его действия, даже самые неважные или вызванные необходимостью, освящались осо-

быми мотивами, возгласами и коленопреклонениями, и если бы он, при каких бы то ни было обстоятельствах, не исполнил этих обрядов, он впал бы в грех не менее тяжкий, чем нарушение нравственного долга[19].

Впрочем, и нравственные качества, как-то: справедливость, милосердие, щедрость и пр., также требовались от всякого последователя Заратуштры, который желал избавиться от преследований Аримана и жить с Ахура-Маздой в блаженной вечности, где степень счастья будет в точности соразмеряться с добродетелями и благочестием верующего[20].

Впрочем, местами Заратуштра откладывает в сторону роль пророка и, принимая на себя роль законодателя, обнаруживает такую великодушную заботливость о счастье каждого и об общественном благе, которая редко встречается в низких или химерических теориях суеверия. Пост и безбрачие - эти обычные способы приобретения божеских милостей - он с отвращением осуждает, усматривая в них преступное отречение от лучших даров Провидения. Религия магов требует от благочестивого человека, чтобы он производил на свет детей, разводил полезные деревья, истреблял вредных животных, проводил воду для орошения сухой почвы Персии и вообще достигал спасения своей души путем земледельческих занятий. Мы можем цитировать из Зенд-Авесты следующее мудрое и благотворное правило, вознаграждающее нас за множество встречающихся в ней нелепостей: "Кто засевает землю вниманием и усердием, совершает более важную религиозную заслугу, нежели тот, кто повторяет десять тысяч молитв"[21]. Весной ежегодно устраивалось празднество, которое должно было напоминать о первобытном равенстве людей и о теперешней их взаимной зависимости. Тогда гордые цари Персии меняли свою пустую пышность на более существенное величие, смешиваясь с самыми незнатными, но самыми полезными классами своих подданных. В этот день все земледельцы без различия могли садиться за стол царя и его сатрапов. Монарх принимал их прошения, выслушивал их жалобы и беседовал с ними как с равными. "От ваших трудов, - говорил он им (и говорил если не искренно, то правдиво), - вы получаете ваши средства существования, а ваше спокойствие вы получаете от нашей бдительности; стало быть, мы взаимно необходимы друг для друга; будем же жить, как братья, в согласии и любви"[22]. В богатой и де-

спотически управляемой стране такое празднество, конечно, должно было походить на театральное представление, но по крайней мере это была комедия, достойная царского присутствия и способная служить хорошим уроком для молодого государя.

Если бы все предписания Заратуштры отличались таким же возвышенным характером, его имя могло бы быть поставлено в ряд с именами Нумы и Конфуция, а его система вполне заслуживала бы тех одобрений, с которыми относились к ней некоторые из наших богословов и даже некоторые из наших философов. Но в его разноцветном произведении попеременно отражаются то здравый смысл, то страсти, то восторженность, то личный расчет и к самым полезным и возвышенным истинам примешиваются самые отвратительные и опасные суеверия. Число магов, то есть членов жреческого сословия, было чрезвычайно велико, так как их собралось на собор - как мы заметили выше - восемьдесят тысяч. Их влияние усиливалось еще тем, что между ними господствовала строгая дисциплина. Правильно организованная иерархия имела своих представителей во всех провинциях Персии, а архимаг, имевший постоянное местопребывание в Балхе, пользовался общим уважением в качестве видимого главы церкви и законного преемника Заратуштры.[23] Маги имели в своем распоряжении очень значительные денежные средства. Кроме того, что они владели большим количеством самых плодородных земель Мидии[24], они собирали налог со всех имений и продуктов промышленной деятельности персов[25].

"Хотя бы ваши добрые дела, - говорит корыстолюбивый пророк, - превосходили числом древесные листья, капли дождя, небесные звезды или песчинки на морском берегу, они не принесут вам пользы, если их не одобрит *дестур*, то есть жрец. Чтобы получить одобрение этого путеводителя всех жаждущих спасения, вы должны аккуратно уплачивать ему десятую часть со всего, что вам принадлежит, - с ваших имуществ, с ваших земель и с ваших капиталов. Если *дестур* будет доволен, ваша душа избавится от адских мучений, вы будете удостоены похвал в этой жизни и будете счастливы в будущей, потому что *дестуры* - руководители в религии; им все известно, и они - избавители всех людей"[26].

Эти правила покорности и слепой веры маги, без сомнения, с тщанием старались запечатлевать в умах юношества,

так как в их руках было воспитание и им поручали даже королевских детей[27]. Персидское духовенство, отличавшееся спекулятивным умом, изучало тайны восточной философии и, путем ли высшего знания, или путем высшего искусства, приобрело репутацию, что оно хорошо знакомо с некоторыми тайными науками, получившими свое название от слова "магия"[28]. Те из членов этого сословия, которые были более деятельны, проводили время в светском обществе при дворе и в городах; даже в делах управления Арташир большей частью руководствовался советами жреческого сословия, которому он возвратил его прежний блеск или из политических расчетов, или из благочестия[29].

Первый совет, который маги дали Арташиру, был согласен с духом нетерпимости, которым отличалась их религия[30], с привычками прежних царей[31] и даже с примером их законодателя, который пал жертвою религиозной войны, возбужденной его собственным не выносившим иноверия усердием[32]. Эдиктом Арташира было строго запрещено исповедовать какую бы то ни было религию, кроме религии Заратуштры. Храмы парфян и статуи их обоготворенных монархов были с позором ниспровергнуты[33].

Меч Аристотеля (это было название, данное на Востоке политеизму и философии греков) был без труда разбит в куски[34]; пыл преследования скоро настиг самых непреклонных из всех - евреев и христиан[35]; не были пощажены даже еретики, принадлежавшие к персидской национальности и исповедовавшие персидскую религию. Величие Ахура-Мазды, не терпевшего соперников, нашло себе подмогу в деспотизме Арташира, не терпящего людей непокорных, и еретики скоро были низведены в его обширных владениях до незначительного числа - восьмидесяти тысяч[36]. Этот дух преследований набрасывает пятно бесчестья на религию Заратуштры, но так как он не вызывал никаких внутренних потрясений, то он способствовал усилению новой монархии, соединив всех разнородных жителей Персии узами религиозного рвения.

II. Благодаря своему мужеству и своей энергии, Арташир вырвал скипетр Востока из рук древнего парфянского царского дома. Но ему предстояла более трудная задача - ввести на всем обширном пространстве Персии однообразную и сильную администрацию. Слабые и кроткие Аршакиды розда-

ли своим сыновьям и братьям главные провинции и высшие государственные должности в качестве наследственных владений. *Витаксы*, или восемнадцать самых могущественных сатрапов, имели право носить царский титул, а пустое тщеславие монарха находило для себя удовлетворение в номинальном господстве над столькими вассальными царями. Даже жившие среди гор варварские племена и рассчитывавшие на прочность своих стен греческие города Верхней Азии[37] неохотно признавали над собой власть Арташира и редко ей подчинялись; а Парфянская империя представляла собой живое подобие феодальной системы[38], впоследствии преобладавшей в Европе. Но деятельный завоеватель лично обошел все провинции Персии во главе многочисленной и хорошо дисциплинированной армии. Победы над самыми отважными мятежниками и взятие самых сильных крепостей[39] распространили славу его оружия и подготовили мирное признание его верховенства. Упорное сопротивление кончалось гибелью вождей, но с их приверженцами победитель обращался милостиво[40]. Добровольное подчинение награждалось почестями и богатствами, но осторожный Арташир никому не дозволял носить титул царя и уничтожил всякую посредническую власть между троном и народом. Его владения, почти равнявшиеся объемом современной нам Персии, ограничивались со всех сторон морями или большими реками - Евфратом, Тигром, Араксом, Оксом, Индом, Каспийским морем и Персидским заливом[41]. В прошедшем столетии в этой стране насчитывалось пятьсот пятьдесят четыре города, шестьдесят тысяч деревень и около сорока миллионов жителей[42]. Если мы сравним управление Сасанидов с управлением государей из рода Сефи, а политическое влияние религии магов с политическим влиянием мусульманской религии, то мы придем к тому выводу, что государство Арташира заключало в себе по меньшей мере столько же городов, деревень и жителей. Но при этом следует заметить, что во все века недостаток портов на приморских берегах и редкость свежей воды внутри страны очень препятствовали развитию торговли и земледелия персов, которые при вычислении населения, как кажется, прибегали к мелочным, но весьма обыкновенным хитростям для удовлетворения своего национального тщеславия.

Лишь только честолюбивый Арташир сломил сопротивле-

ние своих вассалов, он стал угрожать соседним государствам, безнаказанно оскорблявшим Персию во время продолжительной дремоты его предшественников. Он одержал несколько легких побед над дикими скифами и изнеженными индийцами, но, чтобы отомстить за оскорбления, которые не раз наносились Персии[43] римлянами, ему пришлось употребить в дело все свои военные силы. После завоеваний Траяна наступил сорокалетний мир, плод его мужества и умеренности. В промежуток времени между вступлением на престол Марка Аврелия и царствованием Александра Севера два раза вспыхивали войны между империями Римской и Парфянской, и, хотя все военные силы Аршакидов боролись только с одной частью военных сил римлян, успех постоянно был на стороне последних. Правда, император Макрин, вследствие осознания непрочности своего положения и вследствие своей трусости, купил мир ценой почти двух миллионов ф.ст. на наши деньги[44], но военачальники Марка Аврелия, император Север и его сын получили немало победных трофеев в Армении, Месопотамии и Ассирии. Так как описание их подвигов некстати прервало бы нить рассказа о более важных переворотах, совершившихся внутри Римской империи, то мы расскажем только о неоднократных бедствиях, которым подвергались два важных города - Селевкия и Ктесифон.

Селевкия, находившаяся на западном берегу Тигра, почти в сорока пяти милях к северу от древнего Вавилона, была главным городом македонских завоеваний в Верхней Азии[45]. После того как могущество македонян пришло в упадок, Селевкия в течение многих столетий все еще сохраняла существенные особенности греческих колоний - любовь к искусствам, военные доблести и любовь к свободе. Эта независимая республика управлялась сенатом, состоявшим из трехсот представителей высшего сословия; народ состоял из шестисот тысяч граждан; городские стены были крепки, и пока различные сословия жили во взаимном согласии, они относились с презрением к могуществу парфян; но ожесточение политических партий иногда доходило до того, что они обращались к помощи общего врага, стоявшего почти у самых ворот города[46]. Парфянские монархи, подобно могольским монархам Индостана, вели бродячий образ жизни своих предков скифов, и императорский лагерь нередко разбивался в

равнине Ктесифона на восточном берегу Тигра, на расстоянии только трех миль от Селевкии[47]. Роскошь и деспотизм привлекали ко двору массу людей, и маленькая деревушка Ктесифон незаметно разрослась до размеров большого города[48]. В царствование Марка Аврелия римские полководцы доходили до Ктесифона и Селевкии. Греческая колония принимала их как друзей, и когда они нападали на место пребывания парфянских царей, они не переставали относиться дружески к обоим названным городам. Но разорение и сожжение Селевкии и избиение трехсот тысяч ее жителей запятнали славу римского триумфа[49]. Селевкия, и без того уже обессиленная соседством слишком могущественного соперника, не могла оправиться от гибельного удара; но Ктесифон в такой мере восстановил свои силы через тридцать три года, что был в состоянии выдержать упорную осаду против императора Севера. Впрочем, город был в конце концов взят приступом; царь, лично участвовавший в его обороне, спасся бегством, а сто тысяч пленных и богатая добыча были наградой римским солдатам за их усилия[50]. Несмотря на эти бедствия, Ктесифон заменил Вавилон и Селевкию в качестве одной из самых больших восточных столиц. В летние месяцы персидский монарх наслаждался в Экбатанах освежающими ветрами, дувшими с гор Мидии, а для своей зимней резиденции он предпочитал Ктесифон из-за мягкости его климата.

Из этих успешных вторжений римляне не извлекли для себя никаких существенных или прочных выгод; впрочем, они и не пытались удержать за собой такие далекие завоевания, отделявшиеся от провинций империи обширными степными пространствами. Завоевание Осренского царства было менее блестящим военным подвигом, но принесло им гораздо более существенную пользу. Это маленькое государство занимало северную и самую плодородную часть Месопотамии между Евфратом и Тигром. Его столица Эдесса находилась почти в двадцати милях по ту сторону первой из этих рек, а ее население, со времен Александра, состояло из смеси греков, арабов, сирийцев и армян[51]. Слабые осренские государи, находясь на окраине двух враждебных одна другой империй, были по склонности привязаны к парфянам, но превосходство римского могущества вынудило их покориться, о чем до сих пор свидетельствуют их медали. После окончания парфянской войны при Марке Аврелии предусмотрительность заста-

вила римлян запастись каким-нибудь надежным ручательством в их преданности. С этой целью были построены в различных частях страны форты, а в укрепленном городе Нисибине был поставлен римский гарнизон. Во время беспорядков, вспыхнувших после смерти Коммода, осренские владетели попытались свергнуть с себя иго, но твердая политика Севера упрочила их зависимость[52], а вероломство Каракаллы довершило это легкое завоевание. Последний эдесский царь Абгар был отправлен в Рим в цепях, его владения были обращены в провинцию, а его столица была удостоена названия колонии; таким образом, за десять лет до падения Парфянской монархии римляне достигли прочного господства по ту сторону Евфрата[53].

И благоразумие, и жажда славы могли бы служить оправданием для воинственных замыслов Арташира, если бы его намерения ограничивались защитой или приобретением выгодной границы. Но честолюбивый перс открыто признавался в стремлении к более обширным завоеваниям и считал себя способным поддержать свои чрезмерные притязания и доводами разума, и силою оружия. Он ссылался на то, что Кир первый завоевал всю Азию - до Пропонтиды и Эгейского моря, а его преемники долго владели этими землями; что во время их царствования провинции Кария и Иония управлялись персидскими сатрапами и весь Египет до пределов Эфиопии признавал над собой их власть[54]. Пользование их правами было временно прервано продолжительной узурпацией, но эти права не были уничтожены, и, лишь только он благодаря своему происхождению и мужеству надел на свою голову персидскую корону, он счел первым своим долгом восстановить прежние границы и прежнее величие монархии. Поэтому великий царь (таким высокопарным слогом выражались его послы, отправленные к императору Александру) приказывал римлянам немедленно удалиться из всех провинций, принадлежавших его предкам, и, уступив персам господство над Азией, довольствоваться бесспорным господством над Европой. Исполнение этого дерзкого поручения было возложено на четырехсот самых высоких и самых красивых персов, которые должны были заявить о величии своего повелителя красотою своих коней, великолепием своего оружия и богатством своей одежды[55]. Такого рода послание скорее походило на объявление войны, нежели на

предложение вести переговоры. Тогда и Александр Север и Арташир собрали все свои силы и ввиду важности предстоявшей борьбы сами приняли начальство над своими армиями.

Если верить свидетельству, которое, по-видимому, достовернее всех исторических повествований, а именно той дошедшей до нас речи, которую сам император произнес в сенате, то мы должны допустить, что победа Александра Севера ничем не уступала тем победам, которые были одержаны над персами сыном Филиппа. В армии великого царя было сто двадцать тысяч лошадей, покрытых стальной броней, семьсот слонов, на спине которых были прикреплены башни, наполненные стрелками, и тысяча восемьсот колесниц, вооруженных косами. О такой громадной армии еще ни разу не упоминалось ни в летописях Востока, ни даже в восточных сказках[56]; тем не менее она была разбита в большом сражении, в котором Александр выказал себя и неустрашимым солдатом, и искусным военачальником. Великий царь обратился в бегство, а громадная добыча и завоевание Месопотамии были непосредственными плодами этой победы. Таковы были подробности этого блестящего и неправдоподобного сообщения, которое, как это видно слишком ясно, было внушено тщеславием монарха и бесстыдным раболепием льстецов, но было принято без возражений отдаленным от места действия и рабски покорным сенатом[57]. Но мы не только не верим, чтобы армия Александра одержала какую-либо значительную победу над персами, а даже имеем основание подозревать, что весь этот блеск воображаемой славы прикрывал случившуюся на самом деле неудачу[58].

Наши подозрения подтверждаются авторитетом одного современного историка, отзывавшегося о добродетелях Александра с уважением, а о его недостатках с беспристрастием. Он сначала рассказывает, в чем заключался благоразумный план ведения войны, задуманный Александром. Три римские армии должны были вторгнуться в Персию в одно время различными путями. Но хотя военные операции были хорошо задуманы, они не были ведены с искусством и успехом. Лишь только первая из этих армий вступила в болотистые равнины Вавилонии и приблизилась к искусственному слиянию Евфрата с Тигром[59], она была окружена превосходящими в числе силами и уничтожена неприятельскими стрелами. Вторая римская армия могла легко проникнуть в самую

середину Мидии благодаря союзу с королем Армении[60] Хосроем и благодаря гористой местности, в которой персидская кавалерия не могла действовать. Эти храбрые войска опустошили соседние провинции и благодаря некоторым военным успехам как будто оправдали тщеславие императора. Но отступление этой победоносной армии было дурно направлено или по меньшей мере неудачно. При обратном переходе через горы множество солдат погибло от трудности пути и от сурового зимнего холода. Было решено, что в то время, как эти два больших отряда проникнут в противоположные оконечности персидских владений, главная армия, находившаяся под начальством самого Александра, поддержит их нападение и вторгнется в самую середину царства. Но неопытный юноша, находившийся под влиянием советов своей матери, а может быть, и под влиянием своих собственных опасений, покинул свои храбрые войска и отказался от надежды восторжествовать над противником; проведя лето в Месопотамии в бездействии, он отвел назад в Антиохию армию, уменьшившуюся числом вследствие болезней и раздраженную неудачей. Совершенно иначе вел себя Арташир. Быстро переезжая от холмов Мидии к болотистым берегам Евфрата, он повсюду лично руководил обороной и при всех переменах фортуны соединял с искусством самое непреклонное мужество. Однако в нескольких упорных битвах с ветеранами римских легионов персидский монарх потерял цвет своей армии. Даже его победы лишь истощали его силы. Он не умел воспользоваться ни отсутствием Александра, ни беспорядками, вызванными смертью этого императора. Вместо того чтобы выгнать римлян из Азии, как он намеревался, он даже не был в состоянии вырвать из их рук небольшую провинцию Месопотамию[61].

Царствование Арташира, продолжавшееся со времени последнего поражения парфян только четырнадцать лет, составляет достопамятную эпоху в истории Востока и даже в истории Рима. Его характер, по-видимому, носил на себе отпечаток отваги и энергии, которыми вообще отличаются государи, достигающие верховной власти не по наследству, а путем побед. До самого последнего периода Персидской монархии его свод законов лежал в основе гражданского и религиозного управления Персии[62]. Некоторые из высказанных им мнений дошли до нас. В особенности одно из них доказывает

его проницательность в том, что касается системы управления. "Власть государя, - сказал Арташир,- должна опираться на военную силу; эта сила может быть поддерживаема только при помощи налогов; все налоги в конце концов падают на земледелие, а земледелие может процветать только под покровительством справедливости и умеренности"[63]. Арташир завещал свою новую империю и свои честолюбивые замыслы против римлян сыну своему Шапуру, который не был недостоин своего великого отца; но эти замыслы были слишком обширны для могущества Персии и лишь вовлекли обе нации в длинный ряд разорительных войн и обоюдных бедствий.

Персы, давно уже цивилизовавшиеся, вовсе не были одарены ни той воинственной любовью к независимости, ни той душевной и физической неустрашимостью, которые доставили северным варварам владычество над Европой. Военные науки, составлявшие главную силу Греции и Рима, точно так же как они составляют в наше время главную силу Европы, никогда не делали больших успехов на Востоке. Персам вовсе не были знакомы те основанные на дисциплине военные эволюции, которые придают единство громадной массе людей и которые влагают в нее одну душу. Они были одинаково несведущи и в возведении правильных укреплений, и в осаде их, и в обороне. Они полагались на свою многочисленность более, нежели на свою храбрость, и более на свою храбрость, нежели на свою дисциплину. Их пехота была не что иное, как плохо вооруженная, бездушная толпа собранных наскоро крестьян, которых привлекала под знамена приманка грабежа и которые разбегались так же точно после победы, как и после поражения. Монарх и его вельможи переносили в лагерь блеск и роскошь сераля. Их военным операциям много мешали сопровождавшие их женщины, евнухи, лошади и верблюды; сверх того, нередко случалось, что среди удачной военной кампании персидская армия должна была разделиться на части или совершенно гибла от неожиданно постигшего ее голода[64].

Однако привыкшие к роскоши и к деспотизму персидские аристократы отличались личной храбростью и глубоким чувством национального достоинства. С семилетнего возраста их учили говорить правду, стрелять из лука и ездить верхом; в особенности в этих двух последних занятиях они отличались необыкновенным искусством[65]. Самые способные юно-

ши воспитывались на глазах своего монарха, занимались своими телесными упражнениями внутри его дворца и во время своих продолжительных и утомительных занятий охотой приучались к хладнокровию и повиновению. В каждой провинции сатрапы содержали этого рода школы, развивавшие в молодежи воинские доблести. Персидские вельможи (так свойственно человеческой натуре понятие о феодальной зависимости) получали от щедрот царя земли и дома с обязательством служить ему в случае войны. Они были готовы по первому призыву сесть на коня и в сопровождении воинственной и блестящей свиты из своих приверженцев присоединиться к многочисленным отрядам гвардейцев, набиравшихся со строгой разборчивостью между самыми сильными рабами и самыми отважными авантюристами Азии. Эти армии, состоявшие из легкой и из тяжелой кавалерии, были страшны столько же стремительностью атаки, сколько быстротой своих движений и висели, подобно грозной туче, над восточными провинциями приходившей в упадок Римской империи[66].

---

1) Один древний хронолог, на которого ссылается Веллей Патеркул (кн. 1, гл. 6), замечает, что ассирийцы, мидяне, персы и македоняне господствовали над Азией в течение тысячи девятисот девяноста пяти лет, со времени восшествия на престол Нина и до поражения Антиоха. Так как последнее из этих важных событий случилось за двести восемьдесят девять лет до Р.Х., то первое может быть отнесено к две тысячи сто восемьдесят четвертому году до Р.Х. Астрономические наблюдения, найденные в Вавилоне Александром, заходят пятьюдесятью годами далее.

2) "История Персии" упоминает о следующих четырех династиях, царствовавших с древнейших времен до вторжения арабов: Пискдадиды, Цеаниды, Ашканиды, или Аршакиды и Сасаниды. Основателем первой из них был Кайомаро, которого часто смешивают с Ноем. То были баснословные времена, и потому иные царствования продолжались семьсот и даже девятьсот лет. Эти первые цари сражались с giels, или злыми духами, и вступали в мелочные споры с dews, или волшебницами; эти распри так же смешны, как ссоры Юпитера, Венеры, Марса и других греческих богов. История династии Цеанидов напоминает греческих героев или наших рыцарей: в ней рассказывается о геройских подвигах Ростама и его сражениях с Аффендиаром, старшим сыном Густаспа. Во время царствования этой династии великий Кир был настоящим основателем Персидского царства. Последний из этих царей, Искандер, поручил управление сатрапиями вельможам; один из этих последних, Асхек, или Арзас, провозгласил себя королем и сделался основателем династии Арзасидов, или Аршакидов. Персидские историки сохранили имена только очень не-

многих из этих монархов, династия которых была наконец свергнута Ардшир-Бабеканом, или Арташиром, основателем династии Сасанидов, царствовавшей четыреста двадцать пять лет. См. диссертацию Фрерэ "Memoires de l'Acad. des Inscript, et Belles-Lettres", т. XVI. - Гизо

3) На пятьсот тридцать восьмом году эры Селевка. См. Агафия, кн. 2, стр. 63. Так велика небрежность восточных писателей, что Евтихий относит это важное событие к слишком ранней эпохе - к десятому году царствования Коммода, а Моисей Хоренский - к слишком поздней эпохе, ко времени царствования Филиппа. Аммиан Марцеллин черпал из хороших источников, но переписывал находившиеся у него в руках материалы с такой раболепной точностью (XXIII, 6), что, по его словам, род Аршакидов еще занимал персидский престол в половине четвертого столетия.

4) Имя кожевника было Бабек, а имя солдата - Сасан; от первого Арташир получил прозвание Бабегана, а от последнего все его преемники получили название Сасанидов.

5) D'Herbelot, Bibliotheque Orientale, Ardshir.

6) Согласно с приведенным выше сообщением Агафия, это была одна битва, продолжавшаяся с большим упорством в течение трех дней. - Шрейтер

7) Дион Кассий, гл. 80. Геродиан, кн. 6, стр. 207. Абуль-Фарадж, Dynast., стр. 80.

8) См. Моисея Хоренского, кн. 2, гл. 65-71.

9) Гайд и Придо, составившие из персидских легенд и из своих собственных догадок очень приятный исторический рассказ, называют Заратуштру современником Дария Гистаспа. Но достаточно будет заметить, что греческие писатели, жившие почти в одном веке с Дарием, единогласно полагают, что эра Заратуштры предшествовала их собственному времени несколькими сотнями или даже целой тысячью лет. Мойль основательно опроверг мнения своего дяди Придо и отстоял против него древность персидского пророка. См. его сочинение, ч. 2.

10) Эта древняя идиома называлась зенд . Язык комментария пехлеви хотя и гораздо более нов, но уже много сотен лет тому назад перестал принадлежать к числу живых языков. Один этот факт (если его признать достоверным) служит достаточной порукой за древность тех произведений, которые Анкетиль привез в Европу и перевел на французский язык. (Зенд значит жизнь, живой. Это слово обозначает или собрание канонических книг последователей Заратуштры или самый язык, на котором они написаны. Это те книги, которые содержат в себе слово жизни, потому что язык первоначально носил название зенд или потому, что ему дали это название по причине содержания книг. Авеста значит оракул, откровение, урок; это слово также обозначает не какое-либо особое сочинение, а собрание книг Заратуштры, как откровение Ахура-Мазды. Поэтому это собрание называется то Зенд-Авестой, то просто Зендом. Зенд был древним языком Мидии, как это доказывается его сходством с диалектами армянским и грузинским; он был мертвым языком при Аршакидах в тех самых странах, которые были театром происшествий, описываемых в Зенд-Авесте. Некоторые критики, и

между прочими Ричардсон и сэр В.Джонс, сомневались в древности этих книг: первый из них полагал, что зенд никогда не был языком, употреблявшимся в письме и в разговоре, что он был изобретен в более поздние времена магами для того, чтобы служить орудием их искусства; но Клёкер в своих исследованиях, прибавленных к исследованиям Анкетиля и аббата Фушэ, доказал:
1) что зенд действительно когда-то был живым языком, на котором говорили в некоторых частях Персии; 2) что язык, на котором написаны книги, заключающие в себе учение Заратуштры, есть действительно древний зенд; стало быть, они могли быть написаны не иначе как в то время, когда этот язык был еще живым и когда на нем говорили; 3) что с тех пор, как зенд сделался разговорным языком, на нем перестали писать; стало быть, книги, написанные на этом языке, могли быть написаны не иначе как в то время, когда зенд был живым языком. - Что касается эпохи, в которую зенд был разговорным языком и в которую жил Заратуштра, то она до сих пор служит предметом споров между учеными: одни, как, например, Гайд и даже Анкетиль полагают, что Заратуштра жил при той династии персидских царей, которая ведет свое начало от Кира, и считают его современником Дария Гистаспа; отсюда следовало бы заключить, что он жил в половине шестого столетия до Р.Х.; другие, как-то: Тихсен, Геерен и пр., полагают, что он жил при мидийской династии и что царь Густасп, в царствование которого жил Заратуштра, как он сам это утверждает, был то же, что Киаксар 1-й из мидийского рода, царствовавший за семьдесят лет до Кира и за сто лет до Дария Гистаспа. Это мнение опирается на некоторые места Зенд-Авесты и кажется самым правдоподобным: описание провинций и главных городов царства Густаспа, принадлежащее самому Заратуштре и находящееся в начале его Вендидада, не подходит к персидским царям, а предполагает мидийскую династию. Некоторые критики, и между прочими аббат Фушэ, признают существование двух Заратуштр, из которых самый древний (иначе называемый Зердустом) был настоящим основателем религии магов и, должно быть, жил при Киаксаре 1-м, а другой был простой реформатор, живший при Дарии Гистаспе. Это мнение основано лишь на одном месте у Плиния Старшего, авторитет которого очень сомнителен, потому что сведения греков и латинов о Заратуштре неточны и противоречивы. См. Гайда, de Rel. vet. Pers., стр. 303, 312, 335, диссертацию профессора Тихсена de Religionum Zoroastricarum, apud veteres gentes, vestigiis. In comment. soc. Goet., ч. 2, стр. 112, и диссертацию аббата Фушэ о личности Заратуштры, Memoires de l'Academie des Inscript. et Belles-Lettres, ч. 27, стр. 253-394. Пехлеви был языком стран, соседних с Ассирией, и, вероятно, самой Ассирии. Пехлеви значит сила, геройство; это был также язык древних героев и персидских царей, вообще людей сильных.
В нем много армянских корней. Анкетиль полагает, что он образовался из зенда; Клёкер не разделяет этого мнения. "Пехлеви, - говорит он, - имеет более плавности, и в нем не так много гласных букв, как в зенде". Книги Заратуштры, сначала написанные на зендском языке, были впоследствии переведены на языки пехлеви и фарси. Пехлеви уже вышел из употребления при династии Сасанидов, но ученые все еще писали на нем. Фарси, первоначально занесенный из

Парса, или Фарсистана, был в то время господствующим наречием. См. Kleukers Anhang zum Zend-Avesta, т.2, ч. 1, стр. 158; ч. 2, стр. 3 и след. - Гизо). (Вместе с немецким переводом сочинения Анкетиля Клёкер дал нам приложение к Зенд-Авесте, а в первой части поместил различные диссертации французских писателей, и между прочим Фушэ, о вопросах, касающихся религии, философии и истории персов. Здесь переводчик обнаружил свою склонность к двусмысленным выражениям, а также проявляющуюся в других его произведениях склонность облекать мраком все, что было бы желательно выяснить. С другой стороны, проф. Мейнерс с большим хладнокровием проверял историю Заратуштры и приписываемых ему книг. Результаты его исследований помещены частью в третьем томе Bibliotheca Philologica Nova и частью в восьмом томе Commentaria Societatis Gottingensis. Талантливый знаток Востока сэр Уильям Джонс пошел по его следам; перевод его письма к Анкетилю касательно этого предмета был еще подробнее недавно рассмотрен Августом Геннигом в его "Очерке истории ост-индской литературы", причем проверена и подлинность Зенд-Авесты (Гамбург, 1786). Все эти исследования вовсе не привели к таким фактам, которые говорили бы в пользу подлинности Зенд-Авесты, и придают вес сомнениям, выраженным Гиббоном. То же самое можно сказать и об отрывках, которые цитировались из этих книг с целью объяснить, в чем заключалось учение самой древней персидской религии. - Шрейтер)

11) Гайд, de Religione veterum Pers., гл. 21.

12) Я извлек эти сведения о Зенд-Авесте преимущественно из сочинения Анкетиля и из Саддера, приложенного к трактату д-ра Гайда. Тем не менее я должен сознаться, что преднамеренная неясность пророка, фигурный язык Востока и способное вводить в заблуждения посредничество французского или латинского перевода могли вовлечь меня в ошибки и ересь при составлении этого краткого изложения персидской теологии.

13) (Здесь ошибка: Ариман не принужден делать зло по своей неизменяемой натуре; Зенд-Авеста положительно утверждает (см. Ицешне), что он родился добрым, что вначале он был свет, но зависть сделала его злым; он позавидовал могуществу и атрибутам Ахура-Мазды: тогда свет превратился в тьму и Ариман был низвергнут в преисподнюю. См. сокращенное изложение учения древних персов в начале Зенд-Авесты Анкетиля, гл. 2, 2. - Гизо)

14) (По словам Зенд-Авесты, Ариман не будет уничтожен или навсегда низвергнут в преисподнюю; при воскресении мертвых он будет совершенно побежден Ахура-Маздой; его могущество будет уничтожено, его царство будет потрясено в самых основаниях; он сам будет очищен в потоках объятого огнем металла; его сердце и воля изменятся; он сделается святым, прекрасным, утвердит в своих владениях закон и поучения Ахура-Мазды, соединится с ним узами вечной дружбы, и оба они будут петь похвальные гимны в честь Предвечного. См. вышеупомянутое сокращенное изложение: Ibid; Kleukers Anhang, ч. 3, стр. 85, N 36; Ицешне, одна из книг Зенд-Авесты. - Согласно с более новым произведением "Саддер Бун-Дегеш", Ариман будет уничтожен; но это не согласно ни с самим текстом Зенд-Авесты, ни с понятием, которое дает нам автор о том, каким будет цар-

ство Предвечного по прошествии двенадцати тысяч лет, в течение которых должна продолжаться борьба между добром и злом. - Гизо)

15) Новейшие парсы (и в некоторой мере Саддер) возводят Ахура-Мазду в степень первоначальной и всемогущей причины, а Аримана низводят в степень низшего, но мятежного духа. Их желание угодить мусульманам, может быть, побудило их усовершенствовать их теологическую систему.

16) Геродот, кн.1, гл. 131. Но д-р Придо не без основания полагает, что употребление храмов было впоследствии дозволено в религии магов.

17) Митра не был то же, что солнце у персов; Анкетиль с успехом опроверг мнение тех, которые их смешивают, и оно очевидно несогласно с текстом Зенд-Авесты. Митра - первый из духов, или изедов , созданных Ахура-Маздой: он печется о всей природе; отсюда и произошло то, что многие греки полагали, будто Митра был Summus Deus персов. У него тысяча ушей и десять тысяч глаз. Халдеи, как кажется, приписывали ему более высокое положение, нежели персы. Он тот, кто дал Земле свет Солнца: таким образом, Солнце, называемое Хор (блеск), есть низший дух, который вместе со многими другими духами участвует в исполнении обязанностей Митры. Такие духи, помогающие другому духу, называются его камкарами, но никогда не смешиваются с ним в Зенд-Авесте. В дни, посвященные одному из духов, перс должен читать не только те молитвы, с которыми следует обращаться к этому духу, но и те, с которыми должно обращаться к его камкарам ; вот почему гимн к Митре исполняется в день, посвященный Солнцу (Хору) и vice versa. Это, вероятно, и было причиной того, что этих двух духов смешивали одного с другим; но Анкетиль заметил эту ошибку, на которую также указали Клёкер и все те, кто изучал Зенд-Авесту. См. восьмую диссертацию Анкетиля; Kleukers Anhang, ч. 3, стр. 132. - Гизо .

18) Гайд, de Relig. Pers., гл. 8. Несмотря на все их объяснения и протесты, которые, как кажется, были искренними, их тираны-мусульмане постоянно клеймили их обвинением в языческом поклонении огню.

19) В том, что касается обрядов, Заратуштра был гораздо менее требователен, чем жившие после него служители его религии: таково обычное развитие всех религий; их культ, который вначале бывает чрезвычайно прост, с течением времени все усложняется разными мелочными обрядами. Нижеприведенное правило Зенд-Авесты доказывает, что Заратуштра не придавал этим обрядам такого значения, какое предполагает Гиббон. Это доказывает то самое правило, которое цитирует сам Гиббон: "Кто засевает землю с вниманием и усердием, совершает более важную религиозную заслугу, нежели тот, кто повторяет десять тысяч молитв". К тому же Гиббон извлек доказательство своего мнения не из Зенд-Авесты, а из Саддера, который был написан много позже. - Гизо

20) См. Саддер, самая незначительная часть которого состоит из нравственных правил. Обряды, которые приказывалось исполнять, были бесконечны и мелочны. Благочестивый перс должен был совершать пятнадцать коленопреклонений, молитв и пр. всякий раз, как

он обрезывал свои ногти, удовлетворял естественную нужду или надевал священный пояс. Саддер, стр. 14, 50, 60.
21) Зенд-Авеста, ч. 1, стр. 224 и Précis du Système de Zoroastre, ч. 3.
22) Гайд, de Religione Persarum, гл. 19.
23) Гайд, de Religione Persarum, гл. 28. И Гайд, и Придо, говоря о иерархии магов, употребляют термины, принятые в христианской иерархии.
24) Аммиан Марцеллин, XXIII, 6. Он сообщает нам (если только можно вполне ему верить) две интересные подробности: 1) что маги заимствовали некоторые из своих самых сокровенных догматов от индийских браминов и 2) что маги составляли не только особое сословие, но также особое племя или род.
25) Достоин внимания тот факт, что десятина считалась божеским установлением и по закону Заратуштры, и по закону Моисея. Те, которые желали бы объяснить это сходство, могут - если это их удовлетворяет - предполагать, что во времена не столь отдаленные маги внесли в писания своего пророка это полезное для них правило. (Слова, которые цитирует Гиббон, взяты не из писаний самого Заратуштры, а из Саддера; это сочинение, как я уже прежде заметил, появилось гораздо позднее, чем книги, составляющие Зенд-Авесту, и было написано каким-то магом для народного употребления; поэтому то, что в нем содержится, не должно быть приписываемо Заратуштры. Странно, что Гиббон впал по этому случаю в заблуждение, так как даже Гайд не приписывал Саддера Заратуштре, и заметил, что он написан стихами, тогда как Заратуштра всегда писал прозой. (Гайд, гл. 1, стр. 27.) Что бы мы ни думали об этом последнем мнении, которое мы считаем не совсем основательным, более позднее появление Саддера не подлежит сомнению: аббат Фушэ даже не думает, чтобы это было извлечение из книг Заратуштры. См. его диссертацию, о которой уже было упомянуто ранее, - Mem. de l'Acad.des Inscript. et Belles-Lettres, ч. 27. - Гизо) (Когда Гизо писал эти замечания, он, по-видимому, упустил из виду тот факт, что главной целью Гиббона было не изложение религии Заратуштры в том виде, как он ее первоначально проповедовал, а объяснение той формы, в которой она воспламеняла умы персов во время их войн с Римом. В то время Саддер еще не существовал, но он, без сомнения, только привел в систематический порядок и письменно изложил основанные на преданиях и давно практиковавшиеся злоупотребления. - Издат .)
26) Саддер, статья.8.
27) Платон в "Алкивиаде".
28) Плиний (Hist.Natur., кн.30, гл.1) замечает, что магия опутывала человеческий род тройными цепями религии, медицины и астрономии. (Новейшие исследования о происхождении и истории магии были поощрены наградами, которые были назначены Королевской Академией наук в Геттингене. Они доказывали, что слово "магия" вошло в употребление лишь в более поздний период времени и что неоплатоники сделали из него науку. См. трактат проф. Тидемана и объяснения проф. Эбергарда в последней части его "Литературной мысли" - Шрейтер)
29) Агафий, кн.4, стр. 134.

30) Юм в своей "Натуральной истории религии" основательно замечает, что самые утонченные философские секты более всех других склонны к религиозной нетерпимости. (Религиозная нетерпимость магов проще объясняется их желанием охранять или увеличивать их огромные доходы, о которых было только что говорено. Юм и Гиббон принадлежали к самой "философской" из всех сект, но разве они согласились бы с тем, что они больше всех склонны к религиозной нетерпимости? - Издат .)
31) Цицерон, de Legibus,11, 10. Ксеркс по совету магов разрушил греческие храмы.
32) Гайд, de Relig. Persar., гл. 23, 24; d'Herbelot, Bibliothèque Orientale, Zerdusht. Жизнь Заратуштры во 2-й части Зенд-Авесты.
33) Сравн. Моисея Хоренского, кн.2, гл.74, с Аммианом Марцеллином, XXIII, 6. Впоследствии я воспользуюсь этими местами.
34) Раввин Авраам, в Tarikh Schicard, стр. 108, 109.
35) Basnage, Histoire des Juifs, кн.8, гл.3. Созомен, кн.2, гл.1. Мани, который был подвергнут позорной смерти, можно считать за отступника от религии магов точно так же, как и за отступника от христианской религии.
36) Гайд, de Religione Persar., гл. 21.
37) Эти колонии были чрезвычайно многочисленны. Селевк Никатор основал тридцать девять городов, которым дал свое собственное имя или имена некоторых из своих родственников (см. Аппиана, In Siriac., стр. 124). Эра Селевка, которая до сих пор еще в употреблении между восточными христианами, обозначается до 508 (196 года христианской эры) на медалях греческих городов в пределах Парфянской империи. См. сочинения Мойля, ч.1 стр. 273 и сл. и Freret, Mem. de l'Academie, ч.19.
38) Новейшие персы обозначают этот период как период династии царей всех народов. См. Плиния Hist.Natur.,VI,25.
39) Евтихий (ч.1, стр.367, 371, 375) рассказывает об осаде острова Мезена на Тигре с такими подробностями, которые напоминают историю Низа и Скиллы.
40) Агафий, 11,164. Владетели Сегестана обороняли свою независимость в течение многих лет. Так как сочинители рассказов обыкновенно относят события своего собственного времени к древним временам, то нет ничего невозможного в том, что баснословные подвиги принца Сегестанского Рустана были повторением этих действительно случившихся событий.
41) Едва ли можно причислять к составу Персидской монархии морской берег Гедрозии или Макрана, который тянется вдоль Индийского океана от мыса Жаск (Капелла) до мыса Гоадель. Во времена Александра и, вероятно, в течение нескольких следующих веков эта местность была густо населена диким племенем икфиофагов или рыбаков, которые не знали никаких искусств, не признавали над собою никакого повелителя и были отделены от остального мира негостеприимными степями (см. Аппиана de Reb.Indicis). В двенадцатом столетии маленький городок Таиц (по предположению Анвилля это был Тефа, упоминаемый Птолемеем) был населен и обогатился от арабских купцов (см. Geographie Nubienne, стр.58 и Анвилль, Geographie Ancienne, ч.2, стр. 283). В прошедшем столетии вся страна была раз-

делена между тремя государями, из которых один был мусульманин, а другие двое язычники; они сохранили свою независимость от преемников шаха Аббаса (Voyages de Tavernier, ч.1, кн.5, стр.635).
42) Chardin, ч.3, гл. 1-3.
43) Последнее из этих оскорблений было, без сомнения, нанесено бесстыдным коварством Каракаллы. Он предложил дочери Артабана вступить с ним в брак, и это предложение было принято ее отцом. Под предлогом встречи своей невесты он приблизился во главе многочисленной армии к персидской столице, внезапно напал на доверчивого монарха, приготовившегося встретить его как зятя, и вместо свадебного пиршества устроил сцену кровопролития и разрушения. Это сообщает Геродиан (кн.4, гл.10), а один французский писатель называет этот поступок "le modele ou du moins l'ebauche de la St. Barthelemi de Catherine de Medicis". - Шрейтер
44) Дион, кн.28, стр.1335.
45) Чтобы ознакомиться в точности с географическим положением городов Вавилона, Селевкии, Ктесифона, Модэна и Багдада, которые часто смешиваются один с другим, см, превосходную диссертацию Анвилля в Mem. de L'Academie, ч.30 (см. также Лэйяра "Ниневия и Вавилон", стр, 472,483, 570 и пр. - Издат .)
46) Тацит, Анн.,. XI, 42. Плиний. Hist. Natur., VI,26.
47) Это можно заключить из слов Страбона, кн.16, стр.743.
48) Весьма интересный путешественник Бернье, следовавший за лагерем Аурангзеба от Дели до Кашмира, с большой подробностью описывает этот огромный передвижной город. Конная гвардия состояла из тридцати пяти тысяч человек, а пешая - из десяти тысяч. Считали, что в лагере находилось: сто пятьдесят тысяч лошадей, мулов и слонов, пятьдесят тысяч верблюдов, пятьдесят тысяч волов и от трехсот до четырехсот тысяч людей. Почти все население Дели следовало за двором, который поддерживал своим великолепием его промышленность.
49) Дион, кн.71, стр.1178. Ист. эпохи Цезарей, стр.38. Евтропий, VIII, 10, Евсевий In Chronic. Квадрат (слова которого цитируются в Истор. эпохи Цезарей) старался оправдать римлян тем, что жители Селевкии первые нарушили свою клятву.
50) Дион, кн.75, стр.1263. Геродиан, кн.3, стр.120. Ист. эпохи Цезарей, стр.70.
51) Цивилизованные жители Антиохии называли жителей Эдессы смесью варваров. Впрочем, в пользу этих последних говорит тот факт, что в Эдессе говорили на арамейском наречии, которое считалось самым чистым и самым изящным из трех сирийских наречий. Это замечание Бейер (Hist. Edess., стр.5) заимствовал от сирийского писателя Георгия Малатийского.
52) Дион, кн.75, стр.1248-1250. Бейер не воспользовался этим важным указанием.
53) Со времен Осроя, давшего новое название этой стране, и до последнего царя Абгара, это царство просуществовало триста пятьдесят три года. См. ученое сочинение Бейера Historia Osrhoena et Edessena.
54) Ксенофонт, в предисловии к Киропедии, дает ясное и блестящее понятие об обширности владений Кира. Геродот (кн.3, гл.79 и пр.) да-

ет нам интересное и подробное описание двадцати больших сатрапий, на которые была разделена Персидская империя Дарием Гистаспом.

55) Геродиан, VI,202,212.

56) В армии Дария во время сражения при Арбелах было двести колесниц с косами. В огромной армии Тиграна, над которой одержал победу Лукулл, только семнадцать тысяч лошадей были вполне покрыты броней. Антиох вывел против римлян пятьдесят четыре слона. Так как он часто вел с индийскими владетельными князьями то войны, то мирные переговоры, то ему удалось собрать сто пятьдесят этих громадных животных; но едва ли случалось, чтобы самый могущественный из монархов Индостана был в состоянии выставить на поле битвы семьсот слонов. Уверяли, что Великий Могол имел в своем распоряжении от трех до четырех тысяч слонов, но Тавернье (Voyages, ч.2. кн.1, стр.1, 198) открыл путем самых точных исследований, что у него было только пятьсот слонов для его багажа и восемьдесят или девяносто для войны. Греки расходились в мнениях касательно числа слонов, которое выставил на поле битвы Пор, но Квинт Курций (VIII,13), оказывающийся в этом случае благоразумным и скромным, довольствуется восемьюдесятью пятью слонами, отличавшимися своей необыкновенной величиной и силой. В Сиаме, где эти животные водятся в самом большом числе и всего более ценятся, восемнадцать слонов считаются достаточными для каждой из девяти бригад, на которые разделена армия; а общая сумма из ста шестидесяти двух слонов, годных для войны, может быть иногда удваиваема. Hist. des Voyages, ч.IX, стр.260.

57) Ист. эпохи Цезарей, стр.133.

58) См. в главе 6-й примечание касательно этого предмета. - Гизо .

59) Тильемон уже заметил, что географические сведения у Геродиана несколько сбивчивы.

60) Моисей Хоренский (Ист.Армен., кн.2, гл.71) поясняет это вторжение в Мидию, утверждая, что царь Армении Хосрой разбил Арташира и преследовал его до пределов Индии. Но военные подвиги Хосроя были преувеличены; он действовал как зависимый от римлян союзник.

61) Подробности этой войны можно найти у Геродиана, кн. 6, стр.209, 212. Старинные сократители и новейшие компиляторы слепо придерживались Истор.эпохи Цезарей.

62) Евтихий, ч.2, стр.180, vers. Pocock. Великий Хосрой Нуширван разослал свод законов Арташира всем своим сатрапам для того, чтобы они приняли его за неизменное руководство.

63) D'Herbelot, Bibliotheque Orientale, слово Ardshir. Мы можем заметить, что после древнего периода баснословных сказаний и после длинного промежутка полного мрака новейшая история Персии приобретает вид правдоподобия со времени царствования династии Сасанидов.

64) Геродиан, кн.6, стр.214. Аммиан Марцеллин, кн.23, гл.6.Между этими двумя историками есть некоторые разногласия, являющиеся естественным последствием тех перемен, которые произошли в течение полутора столетий.

65) Персы до сих пор самые ловкие кавалеристы, а их лошади самые лучшие на всем Востоке.

66) Я извлек из сочинений Геродота, Ксенофонта, Геродиана, Аммиана, Шардена и др. те правдоподобные сведения о персидской аристократии, которые или могут быть отнесены к каждому веку, или должны быть отнесены преимущественно к веку Сасанидов.

ГЛАВА IX

Положение Германии до вторжения варваров во времена императора Деция

Мы остановили наше внимание на системе управления и религии Персии, потому что они имели некоторую связь с упадком и разрушением Римской империи. Нам придется упоминать мимоходом о скифских или сарматских племенах, которые, влача вслед за собой своих лошадей, свои стада, своих жен и детей, бродили по громадным равнинам, расстилающимся от Каспийского моря до Вислы и от пределов Персии до пределов Германии[1]. Но воинственные германцы должны занимать более важное место в этой истории и вообще заслуживают более сосредоточенного и, так сказать, более всеобщего внимания, потому что они первые осмелились сопротивляться римлянам, первые вторглись в их владения и в конце концов ниспровергли их владычество на западе Европы. Самые цивилизованные нации новейшей Европы вышли из лесов Германии, а в грубых учреждениях этих варваров мы до сих пор еще распознаем первоначальные принципы наших теперешних законов и нравов. В то время как германцы находились в своем первобытном состоянии простоты и независимости, их изучал своим проницательным умом и описывал мастерским пером первый историк, применивший философию к изучению фактов, - Тацит. Выразительная сжатость его рассказа была предметом усидчивых исследований со стороны бесчисленных антиквариев и дала повод историкам-философам нашего собственного времени упражнять их ум и прозорливость. Впрочем, хотя сюжет рассказа разнообразен и важен, его уже обсуждали так часто, с таким талантом и с таким успехом, что для читателя он уже близко знаком, а для писателя труден. Поэтому мы ограничимся напоминанием некоторых наиболее важных подробностей касательно климата, нравов и учреждений, благодаря которым даже германские варвары сделались столь страшными для римского могущества.

Древняя Германия, за исключением одной провинции на западном берегу Рейна, подпавшей под иго римлян, занимала третью часть Европы. Почти вся теперешняя Германия,

Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Ливония, Пруссия и бо́льшая часть Польши были заселены различными племенами одной великой нации, которые по своему характеру, нравам и языку, очевидно, были одного происхождения и сохраняли поразительное между собой сходство[2]. На западе древняя Германия отделялась от Галлии Рейном, а на юге Дунай отделял ее от иллирийских провинций Римской империи. Хребет гор, которые тянутся от самого Дуная и называются Карпатскими, прикрывал Германию со стороны Дакии или Венгрии. Восточная граница не имела ясных очертаний по причине взаимной вражды между германцами и сарматами и нередко изменялась вследствие того, что племена, принадлежавшие к этим двум нациям, то вступали между собой в войну, то заключали союзы. О севере древние всегда имели очень неясные понятия, и лишь в общих чертах упоминали о замерзшем океане, находящемся по ту сторону Балтийского моря и по ту сторону полуострова или островов[3] Скандинавии.

Некоторые остроумные писатели[4] полагали, что Европа была прежде гораздо холоднее, нежели теперь, а самые древние описания климата Германии, по-видимому, подтверждают это предположение. Но едва ли можно придавать серьезное значение жалобам на сильный холод и никогда не прекращающиеся зимы, так как мы не имеем возможности подвести под точную мерку термометра чувства или выражения писателя, родившегося в более теплом климате Греции или Азии. Тем не менее я могу указать два замечательных факта, достаточно достоверных: 1. Две большие реки, служившие границами для империи, Рейн и Дунай, часто замерзали и могли выносить самые громадные тяжести. Варвары, нередко выбиравшие именно это суровое время года для своих вторжений, безопасно переправляли свои многочисленные армии, свою кавалерию и тяжелые обозы через этот обширный и крепкий железный мост[5]. В новейшие времена мы не были свидетелями подобного факта. 2. Северный олень, оказывавший северным дикарям так много услуг в тяжелых условиях их существования, не только выносил самые сильные холода, но по своей натуре даже не мог обойтись без них. Его находят на утесах Шпицбергена, в десяти градусах от полюса; он точно у себя дома среди снегов Лапландии и Сибири, но в настоящее время он не может не только размножаться,

но даже существовать в какой-либо из стран к югу от Балтийского моря[6]. Во времена Цезаря северный олень, точно так же как лось и дикий бык, жил в Герцинианских лесах, покрывавших в то время большую часть Германии и Польши[7]. Результаты человеческого труда достаточно объясняют причины уменьшения холода. Громадные леса, закрывавшие землю от солнечных лучей, были мало-помалу уничтожены[8], болота высыхали, и по мере того, как возделывалась почва, климат становился более умеренным. В наше время Канада представляет точную копию с древней Германии. Хотя эта страна находится под одним градусом широты с лучшими провинциями Франции и Англии, холода в ней чрезвычайно сильны, северные олени живут в очень большом числе, почва бывает долго покрыта глубокими снегами, а река Св.Лаврентия постоянно замерзает в такое время года, когда Сена и Темза обыкновенно бывают свободны от льда[9].

Трудно определить, но не трудно преувеличить влияние климата древней Германии на умственные и физические свойства ее туземного населения. Некоторые писатели предполагали, а некоторые положительно утверждали, - хотя, по-видимому, и без достаточных оснований, - что в суровом холоде северных стран люди живут дольше и размножаются скорее, что и мужчины и женщины там более плодовиты, нежели в теплом и умеренном климате[10]. Мы можем с гораздо большей уверенностью утверждать, что резкий климат Германии способствовал физическому развитию местных уроженцев, отличавшихся более высоким ростом, нежели жители юга[11], что он придавал им такую энергию, которая более годна для порывистых усилий, нежели для терпеливого труда, и что он влагал в их душу то мужество, которое зависит от наших нервов и от нашего душевного настроения. Суровый зимний холод, отнимавший бодрость у римских войск, почти вовсе не тревожил северного уроженца[12], который в свою очередь не мог выносить летней жары, впадал в изнеможение и заболевал под жгучими лучами итальянского солнца[13].

На земном шаре невозможно указать ни одной обширной территории, которая вовсе не была бы населена или о первых обитателях которой мы имели бы достоверные исторические сведения. Поэтому, хотя пытливый ум философа и доискивается точных сведений о детстве великих народов, его любо-

знательность истощается в утомительных и бесплодных исследованиях. Принимая во внимание чистоту германской крови и отталкивающий вид страны, Тацит был готов признать этих варваров за indigenae, то есть за уроженцев этой территории. Мы со своей стороны можем с уверенностью и, как кажется, вполне согласно с истиной утверждать, что древняя Германия не была первоначально населена путем заведения на ней иностранных колоний, уже заранее сложившихся в политическое общество[14], но что это имя и эта нация ведут свое начало от мало-помалу совершавшегося объединения некоторых бродячих племен из Герцинианских лесов. Затем, если бы мы стали утверждать, что эти дикари были продуктом той почвы, на которой они жили, мы высказали бы незрело обдуманную мысль, которую религия осуждает, а разум не в состоянии подкрепить доводами.

Но такие основательные сомнения не уживаются с национальным тщеславием. У тех народов, которые придерживаются рассказанной Моисеем истории мира, Ноев ковчег играл такую же роль, какую вначале играла между греками и римлянами осада Трои. На узком фундаменте несомненной истины была воздвигнута громадная, но грубая надстройка, состоявшая из вымыслов, и как дикий ирландец[15], так и дикий татарин[16] указывали на какого-нибудь из сыновей Иафета как на родоначальника, от которого произошли в прямой линии их предки.В прошедшем столетии было немало очень ученых, но очень легковерных антиквариев, которые при тусклом свете легенд, преданий, догадок и этимологий заставили правнуков Ноя прогуляться после Вавилонского столпотворения до самых оконечностей земного шара. Самым забавным из этих остроумных исследователей был профессор Упсальского университета Олав Рудбек[17]. Этот горячий патриот приписывал своей родине все, что история и басня рассказывают самого достопримечательного. Из Швеции (составляющей столь значительную часть древней Германии) сами греки, по его словам, заимствовали и свою азбуку, и свою астрономию, и свою религию. И Платонова Атлантида, и страна гиперборейцев, и сады Гесперид, и острова Фортуны, и даже Елисейские поля могли дать лишь весьма слабое и неполное понятие об этой прелестной стране (так как именно такой представлялась она взорам туземца). Страна с таким прекрасным климатом не могла долго оста-

ваться ненаселенной после потопа. Ученый Рудбек сообщает нам, что семейство Ноя, состоявшее из восьми человек, размножилось в несколько лет почти до двадцати тысяч человек. Затем он разделил их на маленькие колонии, которые рассеялись по всей земле для распространения человеческого рода. Германский или шведский отряд (находившийся, если не ошибаюсь, под предводительством Аскеназа, сына Гомера, который был сыном Иафета) отличился более нежели обыкновенным усердием в исполнении столь важного предприятия. Из этого северного улья жизнь разлилась по большей части Европы, Африки и Азии, и (по живописному выражению автора) кровь стала приливать от оконечностей к сердцу.

Но все такие тщательно обработанные системы германской древности разбиваются в прах только от одного факта, который так достоверно засвидетельствован, что не допускает ни малейших сомнений и имеет такое решающее значение, что не оставляет места для каких-либо возражений. В веке Тацита германцам не было знакомо искусство письма, которое и составляет главное отличие цивилизованного народа от сборища дикарей, погруженных в невежество и не способных мыслить[18]). Без этой искусственной подпоры человеческая память скоро или вовсе утрачивает, или извращает полученные ею впечатления; самые благородные способности человеческого ума мало-помалу утрачивают свою силу за недостатком образцов или материалов, рассудок становится слабым и бездеятельным, а воображение - вялым и склонным к химерам. Чтобы вполне освоиться с этой важной истиной, стоит только сообразить, как велика в цивилизованном обществе разница между человеком образованным и *безграмотным* крестьянином. Первый путем чтения и размышления увеличивает массу сведений, приобретаемых опытом, и переносится умом в отдаленные века и в далекие страны, тогда как последний, будучи прикован к одному месту и к узким рамкам только своей собственной жизни, упражняет свои умственные способности немного больше, чем его помощник в материальных трудах - вол. Такое же и даже еще большее различие существует между целыми народами, и мы можем с уверенностью утверждать, что без помощи какого-либо рода письменности ни один народ никогда не сохранял верных сведений о своей истории, никогда не делал

сколько-нибудь значительных успехов в отвлеченных науках и никогда не достигал какой-либо степени совершенства в искусствах, приносящих в нашей жизни пользу или удовольствие.

Древние германцы были вовсе незнакомы с такими искусствами. Они проводили свою жизнь в невежестве и бедности, которые были разукрашены некоторыми декламаторами под именем добродетельной простоты. В новейшей Германии насчитывают около двух тысяч трехсот городов, обнесенных стенами[19]. На гораздо более обширной территории географ Птолемей отыскал только девяносто селений, которые он украсил названиями городов[20], хотя, по нашему мнению, они не заслуживали такого громкого названия. Это, вероятно, были не что иное, как топорные укрепления, выстроенные в середине лесов для того, чтобы служить убежищем для женщин, детей и домашнего скота, в то время как мужчины шли отражать неожиданное нашествие[21]. Но Тацит положительно подтверждает факт, по его мнению всем хорошо известный, что в его время у германцев *не было* городов[22] и что они выказывали презрение к римским сооружениям, которые казались им более похожими на тюрьмы, нежели на безопасные убежища[23]. Их постройки даже не были смежны и не составляли правильных селений[24], так как каждый дикарь самостоятельно устраивал себе постоянное жилище на том месте, которое привлекало его к себе близостью поляны, леса или ручейка. При возведении этих легких построек не требовалось ни камня, ни кирпича, ни черепицы[25]. В сущности это были не что иное, как низенькие лачуги кругообразной формы, выстроенные из необтесанных бревен, покрытые соломой и с отверстием вверху для выхода дыма. В самые суровые холода германец довольствовался короткой одеждой, сделанной из кожи какого-нибудь животного. Племена, жившие на севере, одевались в меха, а женщины сами приготовляли для своей одежды какую-то грубую ткань[26]. Дичь разного рода, водившаяся в лесах Германии в большом количестве, служила для их обитателей пищей и доставляла им удовольствия охоты[27]. Их громадные стада, правда не столько отличавшиеся красотой пород, сколько пользой[28], которую они приносили, составляли их главное богатство. Зерновой хлеб в небольшом количестве был единственный продукт, который они извлекали из почвы; у них не было ни

фруктовых садов, ни искусственно засеянных лугов; впрочем, и нельзя бы было ожидать каких-либо усовершенствований в земледелии от такого народа, который ежегодно подвергал свои пахотные земли новому дележу и который, во избежание ссор при этой странной операции, оставлял значительную часть своих полей без обработки[29].

Золото, серебро и железо были чрезвычайно редки в Германии. Ее варварские обитатели не имели ни умения, ни терпения для разработки тех богатых серебряных руд, которые впоследствии так щедро вознаградили усилия государей Саксонии и Брауншвейга. Швеция, снабжающая в наше время Европу железом, также ничего не знала о скрывавшихся в ее недрах богатствах, а внешний вид употреблявшегося германцами оружия служит ясным доказательством того, как мало было у них железа, так как они почти вовсе не находили ему того употребления, которое должно казаться воинственному народу самым благородным. Войны и мирные договоры познакомили с некоторыми римскими монетами (преимущественно с серебряными) те народы, которые жили неподалеку от берегов Рейна и Дуная; но более отдаленные племена были вовсе незнакомы с употреблением денег, вели свою необширную торговлю путем обмена продуктов и давали своим глиняным сосудам одинаковую цену с серебряными вазами, которые раздавались римлянами в подарок их князьям и посланникам[30]. Для ума, способного вникать в самую сущность предмета, эти руководящие факты более поучительны, нежели скучные рассказы о разных второстепенных подробностях. Ценность денег была установлена по общему согласию для того, чтобы мы могли выражать наши нужды и могли знать цену того, что имеем, точно так как письмена были выдуманы для того, чтобы мы могли выражать наши мысли; оба эти изображения усиливают деятельность и энергию человеческих способностей и страстей и тем способствуют умножению предметов, для которых они должны служить выражением. Польза золота и серебра в значительной мере искусственная, но мы были бы не в состоянии перечислить все важные и разнообразные услуги, оказанные земледелию и всем искусствам железом, после того как люди научились размягчать его при помощи огня и придавать ему такую форму, какую пожелают. Одним словом, деньги служат самым всеобщим возбуждением к деятельности, а железо самым мо-

гущественным для нее орудием, и было бы чрезвычайно трудно понять, каким путем народ, лишенный этих двух вспомогательных средств, мог бы выйти из самого грубого варварства[31)].

Беспечная праздность и беззаботность составляют главные отличительные черты характера всех диких народов во всех странах земного шара. В цивилизованном государстве все человеческие способности развиваются и находят для себя применение, а громадная цепь взаимной зависимости связывает между собою членов общества. Самая многочисленная его часть постоянно занята полезными трудами, а немногие избранные, не знакомые благодаря своему богатству, ни с какими материальными нуждами, проводят свое время в стараниях достигнуть власти или славы, в улучшении своих имений или в обогащении своего ума, в исполнении своих обязанностей, в удовольствиях и даже в безрассудствах общественной жизни. У германцев не было такого разнообразия ресурсов. Заботы о доме и семействе, возделывание земли и уход за скотом возлагались на стариков и на увечных, на женщин и на рабов. Склонный к лени воин, не знакомый ни с каким искусством, на которое он мог бы употреблять часы своего досуга, проводил дни и ночи в удовлетворении животных наклонностей к сну и пище. А между тем вследствие какого-то странного разнообразия их натуры (подмеченного одним писателем, который проник в самые тайные ее уголки) те же самые варвары бывают попеременно то чрезвычайно ленивы, то в высшей степени неусидчивы. Они находят наслаждение в праздности, но ненавидят спокойствие[32)]. Их томившаяся от бездействия душа тяготилась своим собственным бременем и тревожно искала каких-нибудь новых и сильных ощущений, а только война и сопряженные с нею опасности могли служить приятным развлечением для таких необузданных натур. Звуки, призывавшие германца к оружию, были приятны для его слуха; они пробуждали его от неприятного усыпления, указывали ему цель для деятельности и заставляли его более ясно сознавать свое существование, доставляя ему случай предаваться усиленным телесным упражнениям и сильным душевным эмоциям. Во время скучных промежутков мирного времени эти варвары с увлечением предавались игре и самому невоздержному пьянству; одно из этих занятий возбуждало их страсти, другое заглушало в них

голос рассудка, а оба они избавляли их от необходимости думать. Они хвастались тем, что проводили целые дни и ночи за столом, и нередко кровь друзей и родственников пятнала их многочисленные и пьяные сборища[33]. Они уплачивали с самой романической аккуратностью долги чести (такое понятие о долгах по игре перешло к нам от них). Несчастный игрок в кости, который прозакладывал свою личность и свою свободу, терпеливо подчинялся приговору фортуны; его более слабый, но более счастливый антагонист мог, без всякого сопротивления с его стороны, связать его, подвергнуть мучительным наказаниям и продать в отдаленные страны в рабство[34].

Крепкое пиво - напиток, который извлекался без особого искусства из пшеницы или из ячменя и (по энергичному выражению Тацита)[35] *портился* в нечто похожее на вино, - оказывалось вполне удовлетворительным для грубых вкусов германских гуляк. Но те из них, которые имели случай познакомиться с прекрасными винами Италии, а впоследствии и Галлии, вздыхали об этом более приятном роде опьянения. Однако они не пытались разводить виноградники на берегах Рейна и Дуная (что было впоследствии сделано с таким успехом) и не старались добывать путем какой-либо промышленной деятельности материалы для выгодной торговли. Добывать трудом то, что можно добыть силою оружия, казалось унизительным для германца[36]. Чрезмерная склонность к крепким напиткам нередко побуждала варваров делать набеги на те провинции, в которых благодаря искусству или природе эти дары были в изобилии. Тосканцы, передавшие свое отечество в руки народов кельтского происхождения, привлекли их в Италию продуктами более счастливого климата, прекрасными фруктами и прелестными винами[37]; точно так и во время междоусобных войн шестнадцатого столетия германские вспомогательные войска охотно шли во Францию, полагаясь на обещание, что в Шампани и Бургундии у них будет вина вдоволь[38]. Пьянство, которое в наше время принадлежит к числу самых низких, но не самых опасных пороков, могло у менее цивилизованных народов сделаться причиной битвы, войны и даже революции.

Климат древней Германии сделался более мягким, а ее почва более плодородной благодаря труду десяти столетий, протекших со времен Карла Великого. Та же самая террито-

рия, на которой теперь живет в довольстве и избытке миллион земледельцев и ремесленников, не могла доставлять самых необходимых средств существования для сотни тысяч праздных воинов[39]. Германцы пользовались своими обширными лесами только для удовольствий охоты; самую значительную часть своих земель они оставляли под пастбищами; лишь небольшую ее часть обрабатывали самым первобытным и самым небрежным образом и потом жаловались на бедность и неплодородие страны, не способной пропитать своих жителей.Когда голод ясно доказывал им необходимость искусств, они облегчали общую нужду тем, что высылали из страны третью, а может быть, и четвертую часть своей молодежи[40]. Обладание и пользование собственностью привязывает цивилизованный народ к возделанной почве его родины. Но германцы, которые всюду влачили за собой все, что имело в их глазах цену, - оружие, домашний скот и жен, охотно расставались с безмолвием своих обширных лесов, когда их манила надежда грабежа и завоевания. Громадные массы людей, выходившие из этого громадного *запасного магазина народов*, были преувеличены страхом побежденных и легковерием следующих столетий. А из этих преувеличений мало-помалу сложилось мнение, которое разделяли некоторые из лучших писателей, что во времена Цезаря и Тацита население Севера было более многочисленным, нежели в наше время[41]. Более серьезные исследования причин умножения населения наконец, как кажется, убедили новейших мыслителей в ошибочности и даже в невозможности такой гипотезы. Таким писателям, как Мариана и Макиавелли[42], мы можем противопоставить не менее почтенные имена Робертсона и Юма[43].

Такой воинственный народ, как германцы, у которого не было ни городов, ни литературы, ни искусств, ни денег, мог находить некоторое вознаграждение за свою дикость в пользовании свободой. Их бедность служила охраной для их вольностей, так как самыми крепкими оковами деспотизма служат наши желания и наша привязанность к собственности. "Между свионами,- говорит Тацит,- очень уважается богатство. Вследствие этого они подчинены абсолютному монарху, который, вместо того чтобы предоставить всякому свободное употребление оружия, как это делается в остальной Германии, отдает его на хранение не гражданину и да-

же не вольноотпущенному, а рабу. Соседи свионов ситоны дошли до более низкого положения, чем рабство; они повинуются женщине"[44]. Указывая на эти исключения, великий историк ясно сознает основательность высказанного нами общего принципа теории управления. Нам только нелегко понять, какими путями богатство и деспотизм могли проникнуть в отдаленный уголок Севера и погасить там ту пламенную любовь к свободе, которая проявляла себя с такой необузданностью вблизи от границ римских провинций, и каким образом предки датчан и норвежцев, отличавшихся в более поздние времена необузданностью своего характера, могли так легко утратить отличительные черты германской свободы[45]. Некоторые племена, жившие по берегам Балтийского моря, действительно признавали над собою власть королей, не отказываясь при этом от своих человеческих прав[46], но в большей части Германии форма правления была демократическая, состоявшая не столько под контролем общих и положительных законов, сколько под контролем случайного влияния знатности происхождения или храбрости, красноречия или суеверий[47].

Всякая гражданская система управления в своей первоначальной форме есть добровольная ассоциация в интересах общей безопасности. Для достижения желаемой цели безусловно необходимо, чтобы каждая отдельная личность признавала себя обязанной подчинять свои мнения и поступки приговору большинства своих сочленов. Германские племена довольствовались этими грубыми, но смелыми понятиями о политическом обществе. Лишь только родившийся от свободных родителей юноша достигал возмужалости, его вводили в общее собрание его соотечественников, торжественно вручали ему щит и копье и делали его равным со всеми другими членами военной республики. Собрание воинов целого племени созывалось в определенные эпохи или по внезапно возникшему поводу. Оно отправляло правосудие и путем свободной подачи голосов выбирало должностных лиц и решало важные вопросы о войне и мире. Впрочем, иногда случалось, что эти важные вопросы предварительно рассматривались и подготавливались к окончательному решению в более тесном кружке лиц, избранных из народных вождей[48]. Но должностные лица могли только обсуждать и предлагать; только народ мог постановлять решения и приводить их в исполне-

ние, а в своих решениях германцы были большею частью торопливы и запальчивы. Варвары, привыкшие считать за свободу удовлетворение минутной страсти, а за храбрость - пренебрежение ко всем будущим последствиям своих поступков, относились с негодованием и презрением к требованиям справедливости и политики и обыкновенно выражали свое отвращение к таким робким советам глухим ропотом. Но всякий раз, как какой-нибудь популярный оратор предлагал отомстить за обиду, нанесенную самому последнему из граждан, всякий раз, как он приглашал своих соотечественников поддержать честь нации или решиться на какое-нибудь опасное, но блестящее предприятие, горячее одобрение собравшихся выражалось громким бряцанием щитов и копий. Так как германцы всегда приходили на эти собрания вооруженными, то можно было постоянно опасаться, как бы эта буйная толпа, воспламенившись от вражды или от крепких напитков, не вздумала поддерживать или выражать свои свирепые намерения при помощи оружия. По этому поводу не лишним будет припомнить, как часто на польских сеймах лилась кровь и как часто самая многочисленная политическая партия была вынуждена уступать партии более заносчивой и буйной[49].

В случае опасности племя выбирало себе военачальника, а если опасность была крайняя и общая, несколько племен сообща выбирали одного военачальника. Это звание обыкновенно выпадало на долю самого храброго воина, на которого возлагалась обязанность вести своих соотечественников на поле битвы, увлекая их за собой не столько приказаниями, сколько собственным примером. Впрочем, хотя его власть была ограниченной, она все-таки возбуждала недоверие. Она прекращалась вместе с войной, а в мирное время германские племена не признавали над собой никакого верховного начальника[50]. Однако на общих собраниях назначались princes для отправления правосудия или скорее для улаживания споров[51], возникавших в отведенных им округах. При выборе этих должностных лиц принимались в соображение как отличие происхождения, так и личные достоинства[52]. При каждом из них была стража и совет из ста человек, а главный из этих князей, как кажется, пользовался в том, что касается ранга и почестей, первенством, которое иногда и заставляло римлян величать его королевским титулом[53].

Чтобы составить себе ясное понятие о всей системе германских нравов, достаточно только сравнить между собой полномочия должностных лиц в двух различных сферах их деятельности. Им было предоставлено безусловное распоряжение земельной собственностью внутри их округов, и они подвергали ее ежегодно новому дележу[54]. В то же самое время они не имели права ни наказывать простого гражданина смертью, ни подвергать его тюремному заключению, ни даже ударить его[55]. Понятно, что народ, который так хорошо оберегал свою личность и так мало заботился о своей собственности, не мог быть знаком ни с промышленностью, ни с искусствами и что он был в высшей степени проникнут чувством чести и независимости.

Германцы уважали только те обязанности, которые возлагали на себя сами. Даже простой солдат считал для себя унизительным подчиняться власти должностного лица. Самые знатные юноши не стыдились звания товарищей какого-нибудь прославившегося вождя, которому они обязывались служить с неизменной преданностью. Между этими товарищами возникало благородное соревнование из-за того, кто из них будет первым во мнении их вождя, а между вождями возникало соревнование из-за того, кто из них привлечет к себе всего более храбрых товарищей. Вожди гордились тем, что их постоянно окружала толпа избранных юношей, составлявшая их силу; в мирное время она служила для них украшением, а во время войны охраной. Слава таких вождей распространялась между соседними племенами. Им присылали подарки и заискивали их дружбы, а слава их подвигов нередко обеспечивала торжество той партии, сторону которой они принимали. В минуту опасности считалось стыдом для вождя, если его товарищи превзошли его в храбрости, а для товарищей считалось стыдом, если они не выказали себя достойными своего вождя. Если он пал на поле битвы, пережить его считалось неизгладимым позором. Охранять его особу и прославлять его своими собственными подвигами считалось за самую священную из их обязанностей. Вожди сражались для победы, а товарищи - для своего вождя. Самые благородные воины покидали свою родину, когда она погружалась в мирную праздность, и отправлялись в сопровождении своих многочисленных товарищей искать где-нибудь далеко такого поприща, на котором они могли бы удов-

летворить свою неутолимую жажду деятельности и стяжать новые лавры, добровольно подвергая себя новым опасностям. От щедрот своего вождя товарищи ожидали только таких наград, которые достойны воина, - боевого коня и покрытого вражеской кровью копья. Избыток грубых яств за его гостеприимной трапезой был единственной платой, которую он мог предложить им и которую они согласились бы принять. Война, грабеж и добровольные приношения его друзей были те источники, из которых он добывал средства для такой роскоши[56]. Хотя в некоторых случаях такие порядки бывали причиной слабости германских республик, но они придавали особую энергию общим свойствам характера германцев и даже развивали в них верность, мужество, гостеприимство и услужливость, то есть все те добродетели, которые доступны для варваров и которые много времени спустя сделались отличительными особенностями веков рыцарства. Один остроумный писатель полагал, что почетные отличия, которыми вождь награждал своих храбрых товарищей, были первыми зачатками тех ленных поместий, которые после завоевания римских провинций раздавались варварскими государями своим вассалам на таких же условиях преданности и военной службы[57]. Однако эти условия совершенно противны принципам древних германцев, которые любили обмениваться подарками, но не налагая на других и не принимая на себя никаких обязательств[58].

Во времена рыцарства, или, выражаясь правильнее, во времена романтизма, все мужчины были храбры и все женщины были целомудренны, и несмотря на то, что последняя из этих добродетелей приобретается и сохраняется с бо́льшим трудом, нежели первая, она приписывалась, почти без исключения, всем женам древних германцев. Многоженство существовало только между принцами, но и то только ради приобретения новых родственных связей. Разводы воспрещались не столько законами, сколько нравами. Прелюбодеяния наказывались как редкое и неизгладимое преступление; обольститель не мог найти оправдания ни в чьем-либо примере, ни в обычаях[59]. Нам нетрудно приметить, что Тацит с удовольствием противопоставляет добродетели варваров легкому поведению знатных римлянок; тем не менее в его рассказах есть такие выдающиеся подробности, которые придают наружный вид истины или по меньшей мере правдоподо-

бия тому, что он сообщает нам о супружеской верности и целомудрии германцев.

Хотя успехи цивилизации, без сомнения, способствовали смягчению самых лютых человеческих страстей, но они, по-видимому, были менее благоприятны для целомудрия, потому что самый опасный враг этой добродетели - душевная нежность. Утонченность нравов вносит более благопристойности во взаимные отношения между мужчинами и женщинами, но вместе с тем вносит в них и более разврата. Грубые любовные вожделения становятся более опасными, когда они облагораживаются или, вернее, когда они прикрываются сентиментальностью страсти. Изящество в одежде, в движениях, в обхождении придает красоте внешний блеск и, действуя на воображение, воспламеняет чувственные влечения. Вечера, на которых царствует роскошь, танцы, которые продолжаются за полночь, театральные зрелища, в которых нарушаются правила благопристойности, - все это служит соблазном и поощрением для слабостей женской натуры[60]. От таких опасностей необразованные жены варваров были ограждены и своей бедностью, и одиночеством, и тяжелыми условиями домашней жизни. Германские лачуги, открытые со всех сторон для глаз нескромного или ревнивого наблюдателя, были для супружеской верности более надежной охраной, нежели стены, запоры и евнухи персидских гаремов. К этим причинам можно прибавить еще одно соображение более уважительного характера. Германцы обходились со своими женами с уважением и доверием, советовались с ними в самых важных делах и охотно верили, что в их душе таилась сверхъестественная святость и мудрость. Некоторые из этих истолковательниц человеческой судьбы - как, например, Веледа во время войны с батавами - управляли от имени божества самыми гордыми германскими племенами[61]. Остальные представительницы нежного пола хотя и не удостаивались поклонения, подобающего богиням, но пользовались уважением в качестве свободных товарищей воинов, с которыми они, по смыслу брачной церемонии, должны были делить всё - и труды, и опасности, и славу[62]. Во время больших нашествий лагерь варваров был наполнен множеством женщин, сохранявших свое мужество и бесстрашие среди шума оружия и разнообразных сцен разрушения и даже при виде ран своих сыновей и мужей[63]. Отступавшие перед неприятелем

германские армии не раз снова бросались в бой и одерживали победу благодаря отчаянным усилиям женщин, гораздо менее боявшихся смерти, чем рабства. Когда битва была безвозвратно проиграна, они собственными руками избавляли и самих себя, и своих детей от унижений перед победителями[64]. Героини этого закала имеют полное право на наше уважение, но они, конечно, не могли ни внушать любви, ни увлекаться этим чувством. Заимствуя от мужчин их суровые добродетели, они неизбежно должны были отказаться от той привлекательной нежности, в которой главным образом и заключается прелесть и слабость женщины. Гордость заставляла германских женщин заглушать в себе всякую нежную эмоцию, несовместимую с чувством чести, а главная честь женского пола всегда заключалась в целомудрии. Чувства и поведение этих гордых матрон можно считать за причину и следствие, а также за доказательство характеристических особенностей всей нации. Впрочем, храбрость женщин - все равно,внушена ли она фанатизмом или развилась вследствие привычки, - может быть лишь слабым и неполным подражанием храбрости мужчин, особенно характеризующей некоторые века и некоторые страны.

Религиозная система германцев (если можно так назвать грубые верования дикарей) была внушена их нуждами, опасениями и невежеством[65]. Они поклонялись поражавшим их взоры явлениям природы и ее главным действующим силам - солнцу и луне, огню и земле - и вместе с тем разным созданным воображением божествам, будто бы имевшим наблюдение за самыми важными занятиями человеческой жизни. Они были убеждены, что путем некоторых странных видов ворожбы они могут узнать волю высших существ и что человеческие жертвы являются для этих существ самым ценным и самым приятным приношением. Некоторые писатели слишком поспешно пришли в восторг от возвышенных понятий германцев о божестве, которое они не запирали внутри стен храма и не изображали в человеческой форме; но если мы припомним, что германцы были неискусны в архитектуре и совершенно незнакомы со скульптурой, то нам нетрудно будет понять настоящий мотив их понятий о божестве, возникших не из умственного превосходства, а из недостатка умственной изобретательности. У германцев не было других храмов, кроме мрачных и древних рощ, освященных чувст-

вом благоговения бесчисленных поколений. Таинственный мрак этих рощ, служивший воображаемым местопребыванием для какой-то невидимой силы, не представлял уму никакого определенного предмета для боязни или для поклонения и тем самым внушал еще более сильный религиозный ужас[66], а грубые и необразованные священнослужители научились на опыте разного рода хитростям, с помощью которых они поддерживали и укрепляли в умах впечатления, столь хорошо соответствовавшие их собственным интересам.

То же самое невежество, которое делает варвара неспособным понимать или признавать пользу налагаемых законами стеснений, лишает его всякой возможности бороться с безрассудными ужасами, которые внушает ему суеверие. Германские священнослужители воспользовались столь благоприятным для них настроением своих соотечественников для того, чтобы присвоить себе даже в светских делах такую власть, какой не осмелились бы пользоваться на деле даже высшие должностные лица, а кичливые воины с покорностью подчинялись взысканиям, которые налагались на них не человеческой волей, а приказаниями, непосредственно исходившими от бога войны[67]. Недостатки гражданского управления нередко восполнялись путем вмешательства духовной власти. Эта последняя постоянно заботилась о поддержании тишины и порядка в народных собраниях, а иногда простирала свое влияние и на более важные дела управления. В тех местностях, которые носят теперь название Мекленбурга и Померании, устраивались по временам торжественные процессии. Неизвестный символ *земли*, покрытый густым покрывалом, ставили на колесницу, запряженную коровами, и вывозили из его постоянной резиденции на острове Рюген; везомая таким образом богиня посещала некоторые соседние племена, состоявшие из ее поклонников. Во время этого странствования воинственный пыл стихал, ссоры прекращались, оружие откладывалось в сторону и неугомонные германцы наслаждались благодеяниями мира и согласия[68]. *Божий мир*, который так часто и так бесполезно был провозглашаем духовенством в одиннадцатом столетии, был, очевидно, подражанием этому древнему обыкновению[69].

Но влияние религии скорее разжигало, чем обуздывало буйные страсти германцев. Ее служители, из личных интересов и фанатизма, нередко поощряли верующих на самые

смелые и самые безрассудные предприятия, обещая им покровительство небес и верный успех. Священные знамена, долго хранившиеся в заповедных рощах как предметы суеверного поклонения, были выставляемы впереди сражающихся[70)], а неприятельскую армию предавали со страшными проклятиями в жертву богам войны и грома[71)].

В глазах солдат (а все германцы были солдатами) трусость была самым непростительным из всех грехов. Храбрый человек был достойным любимцем их воинственных богов, а несчастный, потерявший свой щит, был исключаем из религиозных и гражданских собраний своих соотечественников. Некоторые северные племена, как кажется, верили в учение о переселении душ[72)], а некоторые другие выдумали грубый рай, в котором идет вечное пьянство[73)]. Но все сходились в том мнении, что жизнь, проведенная в боях, и славная смерть на поле битвы были самыми верными ручательствами за счастье в будущей жизни как в этом мире, так и в том.

Но бессмертие, которое тщетно сулили германским героям их священнослужители, доставляли им в некоторой мере их барды. Этот оригинальный класс людей вполне заслуженно привлекал к себе внимание всякого, кто изучал древности кельтов, скандинавов и германцев. Тщательные исследования достаточно выяснили нам их дух и характер, и всем известно, каким они пользовались уважением благодаря своему высокому призванию. Но нам не так легко объяснить или даже понять причину того восторженного влечения к битвам и к славе, которое они возбуждали в душе своих слушателей. У цивилизованных народов любовь к поэзии служит скорее развлечением для фантазии, нежели пищей для душевных страстей. А между тем, когда мы в тишине уединения читаем гомеровские или тассовские описания битв, мы незаметно увлекаемся живостью вымысла и на мгновение сами воодушевляемся воинственным пылом. Но как слабы и холодны те ощущения, которые выносит в своем одиночестве спокойный ум из чтения! Не иначе как перед самой битвой или во время празднования победы воспевали барды славу древних героев и предков тех воинственных вождей, которые с восторгом внимали их безыскусственным, но воодушевленным напевам. Вид оружия и опасности усиливал впечатление воинственной песни, а страсти, которые она старалась воспламе-

нить, - влечение к славе и презрение к смерти - были обычными чувствами в душе германцев[74].

Таково было положение и таковы были нравы этого народа. И климат, и отсутствие науки, искусств и законов, и понятия о чести, благородстве и религии, и влечение к свободе, и нерасположение к мирным занятиям, и жажда смелых предприятий - все это способствовало тому, чтобы сделать из него воинственную нацию. А между тем нам известно, что в течение более двухсот пятидесяти лет, протекших от поражения Вара до царствования императора Деция, эти грозные варвары лишь изредка совершали незначительные нападения и не наводили большого страха на богатые и впавшие в рабство провинции империи. Их дальнейшие успехи были приостановлены недостатком оружия и дисциплины, а их воинственный пыл нашел себе занятие во внутренних раздорах древней Германии.

1. Кто-то остроумно и не без основания заметил, что обладание железом скоро доставит нации и обладание золотом. Но грубым германским племенам, не обладавшим ни одним из этих двух столь ценных металлов, пришлось добывать их мало-помалу своими собственными силами, без всякой посторонней помощи. Внешний вид германской армии уже ясно доказывал, как велик был у германцев недостаток в железе. Они редко употребляли мечи и длинные копья. Их frameae (как они сами называли их) были длинные дротики с острым, но тонким железным наконечником, которые они, смотря по надобности, или метали в неприятеля издали, или употребляли в дело в рукопашном бою. Все вооружение их кавалерии состояло из такого дротика и щита. Дополнительным ресурсом для их пехоты служило то, что она метала множество стрел с невероятной силой[75]. Их военная одежда - если только она у них была - состояла из широкого плаща. Разнообразие цветов было единственным украшением их деревянных или ивовых щитов. Немногие из их вождей носили латы, и почти ни один не носил шлема. Хотя в Германии лошади не отличались ни красотой, ни быстротой, ни способностью выделывать те эволюции, которыми занимались в римских манежах, некоторые из германских племен славились своей кавалерией; но главная сила германцев заключалась в их пехоте[76], которая выстраивалась в густые колонны сообразно с разделением на племена и роды. Эти полувооружен-

ные бойцы, не любившие никаких задержек и неохотно выносившие усталость, устремлялись в битву в беспорядке с дикими криками и благодаря своей природной храбрости иногда одерживали верх над вынужденным и более искусственным мужеством римских наемников. Но так как варвары истрачивали весь свой пыл на первом натиске, то в случае неудачи не умели ни вновь собраться с силами, ни отступить. Отраженное нападение было для них то же, что полное поражение, а поражение почти всегда сопровождалось совершенным их истреблением. Когда мы припоминаем, в чем состояло полное вооружение римских солдат и какие были у них правила дисциплины, военные упражнения, эволюции, укрепленные лагеря и боевые машины, мы невольно удивляемся тому, что почти нагие варвары, рассчитывавшие только на свою храбрость, осмеливались вступать в бой с легионами и со состоявшими при легионах союзными войсками. Бой был слишком неравен до тех пор, пока привычка к роскоши не ослабила энергию римских армий, а дух непокорности и мятежа не ослабил их дисциплину. Включая в состав своих армий варварские вспомогательные войска, римляне сами подвергали себя явной опасности, так как давали германцам возможность мало-помалу познакомиться с военным искусством и с политикой римлян. Хотя эти войска принимались в незначительном числе и с большими предосторожностями, все-таки пример Цивилиса должен был доказать римлянам, что опасность не была воображаемая и что их предосторожности не всегда были достаточны[77]. Во время междоусобных войн, вспыхнувших после смерти Нерона, этот хитрый и неустрашимый батавец, удостоившийся от своих врагов сравнения с Ганнибалом и Серторием[78], задумал освободить свою родину от ига римлян. Восемь батавских когорт, прославившихся в различных войнах и в Британии и в Италии, перешли под его знамена. Он ввел германскую армию в Галлию, склонил на свою сторону сильные города Трир и Лангр, разбил римские легионы, разрушил их укрепленные лагеря и употребил в дело против римлян те военные познания, которые приобрел, состоя у них на службе. Когда после упорной борьбы Цивилис наконец был вынужден преклониться перед могуществом империи, он обеспечил и свою судьбу, и судьбу своей родины почетным мирным договором. Батавы по-

прежнему заняли острова на Рейне[79], но уже не в качестве слуг римской монархии, а в качестве ее союзников.

II. Могущество древней Германии должно казаться весьма грозным, если сообразить, каких результатов она могла бы достигнуть, если бы действовала своими соединенными силами. Ее обширная территория вмещала в себя, вероятно, не менее миллиона воинов, так как всякий, кто был в таком возрасте, что мог носить оружие, был по своему нраву склонен употреблять это оружие в дело. Но эта необузданная масса людей, не способная ни обдумать какое-либо великое национальное предприятие, ни привести его в исполнение, предавалась разнородным влечениям, которые нередко были несовместимы одно с другим. Германия была разделена более нежели на сорок самостоятельных государств, и даже в каждом из этих государств связь между входившими в его состав племенами была слаба и непрочна. Варвары легко раздражались; они не были способны простить беду и еще менее оскорбление; их мстительность была кровава и беспощадна. Споры, которые так часто возникали на их шумных попойках или в то время, как они предавались удовольствиям охоты, были достаточным поводом для того, чтобы целые племена приходили в волнение, так как личная вражда всякого сколько-нибудь влиятельного вождя разделялась его приверженцами и союзниками. И наказание обидчика, и нападение на беззащитного одинаково были поводами к войне. Некоторые из самых больших германских государств старались окружить свою территорию широкой полосой необитаемой и совершенно опустошенной земли. Тот факт, что их соседи держались на большом от них отдалении, служил свидетельством страха, внушаемого их оружием, и до некоторой степени предохранял их от опасности неожиданных вторжений[80].

"Бруктеры"[81] (как выражается Тацит) "были совершенно истреблены соседними племенами[82], которые были вызваны на это их дерзостью и приманкой добычи, а может быть действовали по внушению богов - покровителей империи. Более шестидесяти тысяч этих варваров были уничтожены не римским оружием, но в наших глазах и к нашему удовольствию. Если бы все народы, которые питают вражду к Риму, всегда так сильно ненавидели друг друга! Мы достигли теперь такого высокого благосостояния[83], что нам остается

просить у Фортуны только одной милости - чтобы эти варвары жили во взаимных раздорах"[84]. Эти чувства, свидетельствующие не столько о человеколюбии, сколько о патриотизме Тацита, служат выражением неизменных принципов той политики, которой придерживались его соотечественники[85]. Римляне находили, что гораздо удобнее сеять между варварами раздоры, нежели сражаться с ними, тем более что победа не доставила бы им ни славы, ни особых выгод. При помощи денег и под предлогом мирных переговоров они проникали в самое сердце Германии и, не роняя своего достоинства, прибегали ко всякого рода приманкам, чтобы приобрести расположение тех племен, которые по своей близости к Рейну и Дунаю могли сделаться из беспокойных врагов самыми полезными для Рима друзьями. Они льстили тщеславию самых известных и влиятельных германских вождей, раздавая им самые пустячные подарки или в знак отличия, или только как предметы роскоши. Во время внутренних раздоров самая слабая партия старалась усилить свое влияние тем, что вступала в тайные сношения с губернаторами пограничных провинций. Все распри между германцами поддерживались римскими интригами, и всякий план, клонившийся к объединению племен или к общей их пользе, встречал непреодолимое препятствие во взаимной зависти и в частных интересах[86].

В царствование Марка Антонина римляне были объяты ужасом при известии о заговоре, в который вошли не только все германские племена, жившие между устьями Рейна и Дуная, но даже сарматы[87]. Мы не в состоянии решить, какой мотив вызвал эту конфедерацию - необходимость, рассудок или страстное увлечение, но мы можем положительно утверждать, что она не была вызвана ни нерадением римского монарха, ни его честолюбием. Чтобы отразить это опасное вторжение, нужна была вся твердость и предусмотрительность Марка. Он отправил на различные пункты вторжения самых опытных полководцев, а сам принял командование над самыми важными провинциями, лежавшими на Верхнем Дунае. После продолжительной и упорной борьбы варвары наконец покорились. Всех строже были наказаны квады и маркоманны[88], так как они были вожаками движения. Им было приказано удалиться за пять миль[89] от принадлежавших им берегов Дуная и выдать римлянам своих лучших молодых людей, которые были немедленно отправлены в Бри-

танию в качестве заложников для службы в римской армии[90]. Ввиду того что квады и маркоманны часто бунтовали, раздраженный император решил обратить их страну в римскую провинцию. Его план не осуществился по причине его смерти. Эта грозная конфедерация - единственная, о которой упоминается в истории двух первых столетий империи, - совершенно распалась, не оставив после себя в Германии никаких следов.

В этой вступительной главе мы ограничились общим очерком нравов Германии, не пытаясь описывать или отличать различные племена, населявшие эту обширную страну во времена Цезаря, Тацита и Птолемея. По мере того как древние или новые племена будут выступать на сцену при дальнейшем ходе событий, мы будем вкратце объяснять их происхождение, положение и особенности характера. Новые народы представляют собой сложившиеся в определенную и прочную форму общежития, связанные одно с другим общими законами и одним правительством и привязанные к родной почве промыслами и земледелием, а германские племена были добровольными и непрочными ассоциациями воинов или скорее дикарей. На одной и той же территории население не раз менялось вследствие наплыва новых обитателей, вызванного завоеванием или переселениями. Одни и те же общины, соединяясь между собой для обороны или вторжения, давали своей новой конфедерации и новое название. Распадение старой конфедерации возвращало самостоятельным племенам их специальное, но давно забытое название. Нередко случалось, что победившее государство давало побежденному народу свое собственное название. Случалось, что толпы волонтеров стекались со всех сторон под знамена какого-нибудь любимого вождя, что его лагерь делался для них отечеством и что какое-нибудь случайное обстоятельство придавало всей этой смешанной толпе общее наименование. Эти свирепые племена сами постоянно изменяли названия, отличавшие их друг от друга, и совершенно сбивали с толку удивленных подданных Римской империи[91].

Войны и дела государственного управления составляют главное содержание истории, но число лиц, действующих на этой сцене, бывает различно, смотря по тому, в каких условиях находится общество. В великих монархиях миллионы

послушных подданных предаются своим полезным занятиям в мире и в неизвестности. Тогда внимание как писателя, так и читателя сосредоточивается на дворе, на столице, на регулярной армии и на тех местностях, которые случайно делаются театром войны. Но когда какой-нибудь варварский народ живет в полной свободе, когда возникают внутренние потрясения или когда общество организовалось в маленькую республику92), тогда почти для каждого члена общины открывается поле деятельности и вместе с тем случай приобрести известность. Неправильные разделения и неугомонные передвижения германских племен поражают наше воображение и как бы увеличивают их число. Но ввиду бесконечного перечисления королей и воинов, армий и народов мы не должны забывать, что одни и те же предметы беспрестанно появляются перед нашими глазами с новыми названиями и что самые блестящие названия нередко давались самым незначительным предметам.

---

1) Даже по мнению древних писателей, скифы не то, что сарматы. Греки, которые разделяли все население земного шара на греков и варваров, разделили этих последних на четыре главных класса: кельтов, скифов, индийцев и эфиопов. Они называли кельтами всех жителей Галлии. Скифия простиралась от Балтийского моря до Аральского; народы, жившие в северо-восточном углу, между страной кельтов и Скифией, были названы кельто-скифами, а сарматы занимали южную часть этого угла. Но эти названия кельтов, скифов, кельтоскифов и сарматов были, по словам Шлецера, вымышлены глубоким невежеством греков в космографии и на самом деле не существовали: это чисто географические разделения, не имеющие ничего общего с действительным происхождением народов. Так, например, всех жителей Галлии большинство древних писателей называет кельтами, между тем как в Галлии жили три совершенно различных народа: белги, аквитанцы и собственно так называемые галлы, "отличавшиеся один от другого", как замечает Цезарь (Comm., гл.1), "и языком, и учреждениями, и законами". Подобно этому, и турки называют всех европейцев франками (Шлецер, Allgemeine Nordische Geschichte, стр.289, 1771). Бейер говорит (De origine et priscis sedibus Scytharum, in Opusc., стр.64): Primus eorum, de quibus constat, Ephorus in quarto historiarum Libro orbem terrarum inter Scythas, Indos, Aethiopas et Celtas divisit. Fragmentum ejus loci Cosmas Indcio pleustes in topographia christiana, f. 148 conservavit. Video igitur Ephorum, cum locorum positus per certa capita distribuere et explicare constitueret, insigniorum nomina gentium vastioribus spatiis adhibuisse; nulla mala fraude at successu infelici. Nam Ephoro quoquo modo dicta pro exploratis habebant Graeci plerique et Romani: ita gliscebat error posteritate. Igitur tot tamque diversae stirpis gentes non modo intra

communem quandam regionem definitae, unum omnes Scytharum nomen his auctoribus subierunt, sed etiam ab illa regionis adpellatione in eandem nationem sunt conflatae. Sic Cimmeriorum res cum Scythicis, Scytharum cum Sarmaticis, Russicis, Hunnicis, Tataricis, commiscentur. - Гизо .) (Это примечание полезно, хотя Гиббон и не впал в ту ошибку, которую оно ему приписывает. По приведенному в нем отрывку из сочинения Эфора, написанного за 350 лет до Р.Х., видно, как неудовлетворительны были в то время географические познания греков. Жители современной нам Европы, естественно, желали бы иметь от них сведения касательно своих предков. Стремясь к этой цели, они нередко были вводимы в заблуждение ошибочными сведениями, которые находятся у древних писателей. Вследствие презрения, с которым греки и римляне относились к варварским наречиям, они не могли черпать сведений из достоверных источников, и даже все, что говорится об этом предмете самыми лучшими из их писателей, или непонятно, или сомнительно. Когда Цезарь сообщает нам, что в Галлии говорили на трех различных языках, мы недоумеваем, не были ли это лишь провинциальные диалекты одного кельтского языка, который вследствие продолжавшегося целые века перерыва во взаимных сношениях жителей получил различные интонации вроде наречий Велшского, Геличского и Ирского. Даже в наше время француз, совершенно незнакомый с английским языком, как Цезарь был не знаком с галльским, услышав наречие поселян сначала в Сомерсетшире, потом в Норфолке и вслед за тем в Йоркшире, непременно вообразил бы, что в Англии говорят на трех различных языках. Древние, давши название какой-нибудь обширной территории, не только применяли это название ко всем жившим там племенам, но и не обращали никакого внимания на постоянно происходившие там перемены населения; поэтому они в течение долгого времени давали все то же название совершенно другим расам единственно потому, что видели эти расы живущими на той же территории. Кто интересуется исследованиями этого рода, постоянно должен иметь в виду тот важный факт, что европейское население постоянно передвигалось с востока к западу, что сначала страна была населена кельтами, что в ранние периоды нашей истории более сильный наплыв готов постоянно теснил кельтов, заставлял их идти дальше и что его впоследствии заменил наплыв славян. Кто будет направляться вслед за этим потоком при содействии филологической критики, тот может достигнуть надежных и успешных результатов. - Издат .)

2) Гизо опровергает это мнение и придерживается мнения Гаттерера (Weltgeschichte, стр.424), что древняя Германия занимала пространство между Рейном, Балтийским морем, Вислой, северными горами Богемии и рекой Майном. Он также ссылается на "Историю немецкого языка" Аделунга (стр.239) и на "Историю Севера" Шлецера (стр. 323-335) в доказательство того, что она была населена не племенами, "принадлежавшими к одной великой нации", а следующими тремя племенами: славянами или словенами на востоке, свевами в ее центральных частях и кимврами на западе. Но следует заметить, что второе из них было одним из многочисленных членов готской расы, а те, которые принадлежали к кельтской расе, еще более ошибочно названы кимврами. В древности не было ни одного сколь-

ко-нибудь значительного или великого народа, который носил бы постоянно это название. Это случилось на самом деле только три раза с большими промежутками времени, а именно когда кельты, сильно теснимые другими племенами, соединились в общее Кумри , или сборище сил. Лишь только этот союз был разорван, название исчезло само собой. Оно было удержано валлийскими кимврами, потому что они никогда не брали отличительных названий новых племен. Местности, называвшиеся Киммерий или Кимвры, были небольшие округа или города, находившиеся подле Куммора, то есть слияния морей или вод. И в древности, и в новейшее время много заблуждений возникло вследствие смешения географических Киммериев и Кимвров с историческими. См. гл.31 - Издат .

3) Новейшие шведские философы сходятся в том мнении, что воды Балтийского моря постепенно понижаются в правильной пропорции, которую они определяют в полдюйма ежегодно. Двадцать столетий тому назад плоская территория Скандинавии, вероятно, была покрыта морем, а возвышения подымались над уровнем вод в виде островов различных форм и размеров. Действительно, именно такое понятие об обширных странах, окружающих Балтийское море, дают нам Мела, Плиний и Тацит. См. в Bibliotheque Raisonnée, ч.XL и XLV длинное извлечение из"Истории Швеции" Далина, написанной на шведском языке. (Эти изменения на берегах Балтийского моря долго вызывали возражения, но теперь, как кажется, вообще всеми признаны. Но новейшие геологи скорее согласны с тем, что земля возвышается, нежели с тем, что уровень моря понижается. Весьма естественно, что изменением должно подлежать то, что более подвижно. Нам известно, что большая часть вод земного шара находится в южном полушарии. А там, где всего более воды, широкие слои наносной земли постоянно возвышаются. Поэтому все, что несут в океан реки нашего полушария, переносится в южное полушарие и там образует наносы. Таким образом, центр главной массы мало-помалу и незаметно передвигается к югу. Вода всегда стремится к этому центру. Путем этого процесса наши северные моря должны быть мало-помалу притягиваемы к югу, и этому еще способствует препятствие, представляемое течению вдающимися в море континентами Африки и Южной Америки. Явления, наблюдаемые на всех берегах, подтверждают это замечание. - Издат .)

4) В особенности Юм, аббат Дю Бо и Пеллутье, Hist.des Celtes, ч.1.

5) Диодор Сицилийский, кн.5, стр.240, изд. Весселя. Геродиан, кн.6, стр.221. Иордан, гл.55. На берегах Дуная нередко приносили к столу вино в больших замерзших кусках frusta vini. Овид. Epist. ex Ponto, кн.4,7,9,10. Вергил. Georgic., кн.3,355. Этот факт подтверждается солдатом и философом, знавшим по опыту, как силен холод во Фракии. См.Ксенофонта Anabasis, кн.7, стр 560, изд.Гутчинсона.

6) Бюффон, Histoire Naturelle, ч.XII, стр.79, 116.

7) Цезарь, de Bello Gallic. VI,23 и сл. Самые любознательные германцы не знали крайних пределов своего отечества, хотя некоторые из них совершали путешествия, длившиеся более шестидесяти дней.

8) Клуверий (Germania Antiqua, кн.3, гл. 47) исследовал небольшие и разбросанные остатки Герцинианского леса.

9) Charlevoix, Histoire du Canada. Указанное здесь сходство не огра-

ничивалось физическими условиями страны; оно распространялось также на характер и нравы народа. Новейшие рассказы о дикарях Северной Америки служат лучшими комментариями к рассказам Тацита о древних германцах. - Шрейтер

10) Олаф Рудбек утверждает, что шведские женщины нередко производят на свет по десяти или двенадцати детей и даже по двадцати и тридцати; но авторитет Рудбека весьма сомнителен.

11) In hos artuc, in haec corpora, quae miramur, excrescunt. Тацит, Германия,III, 20. Клювье, кн.1, гл.14.

12) Плутарх,In Mario. Кимвры ради забавы нередко скатывались со снеговых гор на своих широких щитах.

13) Римлянам приходилось вести войны в самых разнообразных климатах, и благодаря своей отличной дисциплине они в значительной мере умели оберегать свое здоровье и свои силы. Следует заметить, что человек единственное животное, которое может жить и размножаться во всех странах - от экватора до полюсов. В этом отношении свинья более всех других животных похожа на человека.

14) Тацит, Герман., гл.3. Галлы в своих переселениях придерживались течения Дуная и распространились по Греции и Азии. Тациту удалось отыскать только одно незначительное племя, сохранившее некоторые признаки галльского происхождения. (Готины , которых не должно смешивать с готами, племенем свевов. Во времена Цезаря жили вдоль Дуная многие другие племена галльского происхождения, которые не могли долго устоять против нападений свевов. Гельветы, жившие при входе в Шварцвальд, между Майном и Дунаем, были выгнаны оттуда задолго до Цезаря. Он также упоминает о "Volces Tectosages", пришедших из Лангедока и поселившихся подле Шварцвальда. Бойи , проникшие в Шварцвальд и оставившие в слове Богемия следы своего имени, были покорены в первом веке маркоманнами. Бойи, утвердившиеся в Норике, слились впоследствии с лангобардами и получили название Bolo-Avll (баварцы). - Гизо) (Гизо соглашается с мнением Гиббона, что "галлы в своих переселениях распространились по Греции и Азии", а между тем в предыдущем примечании он более основательно утверждает, что население Германии "двигалось от востока к западу". Разве можно согласовать эти два мнения? И почему "готов", это родовое название целой расы, он низводит в простое "племя свевов"? Переселение тевтосагов из Галлии в Азию было басней, выдуманной по поводу того, что два кельтских племени, носившие одно и то же название, были найдены в двух местностях, столь отдаленных одна от другой. Всякий, кто внимательно изучил все, что нам рассказал Геродот о Киромерионах, и критически разобрал то, что сообщают латинские писатели, и в особенности Полибий, касательно галатов, согласится с Нибуром, который говорит: "Необыкновенный факт, что будто кельты эмигрировали из Западной Европы и возвратились во внутренность Азии, противоречит тому правилу, остающемуся ненарушимым даже в истории народов, что поток никогда не возвращается к своему источнику. История Рима, ч.2, стр.264. - Издат.)

15) По словам докт.Китинга (История Ирландии, стр.13,14), гигант Парфолан был сын Сеары, Сеара - сын Эсры, Эсра - сын Сру, Сру - сын Фраманта, Фрамант - сын Фафаклана, Фафаклан - сын Магога, а

этот последний был сын Иафета, сына Ноя. Упомянутый гигант Парфолан будто бы высадился на берегах Мюнстера 14 мая 1978 г. от сотворения мира. Хотя он и имел успех в своем великом предприятии, но легкое поведение его жены отравило его семейное счастье и до такой степени раздражало его, что он убил ее любимую левретку. По этому поводу ученый историк очень кстати замечает, что это был первый пример женской неискренности и неверности в Ирландии.

16) "Генеалогическая история татар" Абцигази Багадур-хана.

17) Его сочинение, носящее заглавие "Атлантики", чрезвычайно редко. Бэйль привел из него два наиболее интересных отрывка. Rèpublique des Lettres, Janvier et Fevrier,1685.

18) Тацит, Герм.,11,19. Literarum secreta viri pariter ac foeminae ignorant. Мы можем довольствоваться этим решительным свидетельством и не касаться запутанных прений о древности рунических письмен. Шведский ученый Цельзий, соединивший знание с философией, полагал, что это было не что иное, как римские буквы, в которых кривые линии были изменены в прямые ради удобства их вырезывания. См. Pelloutier, Histoire des Celtes, кн.2, гл.11. Dictionnaire Diplomatique, ч.1, стр.223. Мы можем к этому прибавить, что древнейшие рунические надписи, как полагают, относятся к третьему столетию, а самый древний писатель, упоминающий о рунических письменах, был Венантий Фортунат (Carm.VII,18), живший в конце 6-го столетия.

"Barbara fraxineis pingatur Runa tabellis".

(Если бы автор принял в соображение свойственное характеру языка употребление этих слов, а также связь, в которую они здесь поставлены, он усмотрел бы, что "literarum secreta" в сущности значит "частная переписка" (geheime Briefe), и не нашел бы в этой фразе столь "решительного" доказательства в пользу своего мнения. - Шрейтер). (Замечание Шрейтера, как кажется, может быть подтверждено текстом, который цитирует Бротье, а также авторитетом этого писателя; Literas quidem noverant, ut patet ex Marobodui et Adgandestrii epistolis (Annot., 11,63 и 88); at amatoria et furtiva literarum secreta viri pariter ac foeminae ignorabant. Впрочем, не стоит оспаривать значение, которое придал Гиббон словам Тацита. - Издат .)

19) Recherches Philosophiques sur les Americains, ч.3, стр. 228. Автор этого интересного сочинения, если не ошибаюсь, был родом немец.

20) Аккуратный Клювье нередко указывает на ошибки александрийского географа.

21) См. Цезаря и "Историю Манчестера" ученого Уайтекера, ч.1.

22) Тацит, Герм.15.

23) Когда германцы приказали жившим в Кельне убиям свергнуть с себя римское иго и, возвратив себе прежнюю свободу, восстановить старые нравы, они потребовали немедленного срытия стен этой колонии. "Postulamus a vobis, muros coloniae, munimenta servitii, detrahatis; etiam fera animalia, si clausa teneas, virtutis obliviscuntur". Тацит. Ист. IV,64.

24) Разбросанные дома, образующие в Силезии деревню, тянутся на несколько миль. См. Клювье, кн.1, гл.13.

25) Через сто сорок лет после Тацита более правильные постройки были возведены вблизи Рейна и Дуная (Геродиан, кн.7, стр.234).

26) Тацит, Герм.,17.
27) Ibid., 5.
28) Цезарь, de Bello Gall., VI,21.
29) Тацит, Герм.,26, Цезарь, VI,22.
30) Тацит, Герм.6.
31) Уверяют, будто мексиканцы и перуанцы, не будучи знакомы ни с употреблением денег, ни с употреблением железа, сделали очень большие успехи в искусствах. Эти искусства и созданные ими памятники были странным образом преувеличены. См. Recherches sur les Americains, ч.2, стр.153 и сл.
32) Тацит. Герм.15.
33) Ibid.,22, 23.
34) Ibid.,24. Германцы, может быть, заимствовали свои игры от римлян, но самая страсть к игре присуща человеческой расе.
35) Potui humor ex hordeo aut frumento in quandam similitudinem vini corruptus. Тацит, Герм., гл.23. - Шрейтер .
36) Тацит, Герм.24.
37) Плутарх, in Camillo. Тит Ливий, V, 33.
38) Dubos, Hist. de la Monarchie Française, ч.1, стр.193.
39) Гельветская нация, которая вела свое происхождение из страны, называемой теперь Швейцарией, состояла из трехсот шестидесяти восьми тысяч человек всякого пола и возраста (Цезарь, de Bello Call., 1,29). А в настоящее время население Ваатланда (небольшого округа на берегу Лемана, отличающегося более благовоспитанностью своего населения, нежели своей промышленностью) состоит из ста двенадцати тысяч пятисот девяносто одного человека. См. превосходную диссертацию Muret в Mémoires de la Societé de Berne.
40) Павел Варнефрид, (гл.1,3), Макиавелли, Давила и другие последователи Павла ошибочно приписывают таким переселениям правильность и обдуманность.
41) Сэр Вильям Темпль и Монтескьё, говоря об этом предмете, по обыкновению увлекались живостью своей фантазии.
42) Макиавелли, Hist. de Firenze, кн.1, Мариана, Hist. Hispan., кн.5, гл.1.
43) Робертсона Карл V.Юма Political Essays.
44) Тацит, Герм.44.45. Френсгемий, посвятивший шведской королеве Христине свои "Дополнения к Титу Ливию", очень недоволен тем, что римлянин выказал так мало уважения к северным королевам.
45) Нет ли основания думать, что деспотизм порожден суеверием? Потомки Одина (род которого не прекращался до 1060 г.), как говорят, царствовали в Швеции более тысячи лет. Упсальский храм был древним центром религии и правительства. В 1153 г., существовал странный закон, воспрещавший употребление оружия и военную профессию всякому, кроме королевских телохранителей. Разве не должно казаться вероятным, что этот закон был издан под предлогом восстановить старое учреждение? См.Историю Швеции Даллин в Bibliothèque Raisonnée, ч. XL и XLV.
46) Тацит, Герм.,гл.49.
47) Ibid., гл.11,13 и пр.
48) Гроций заменяет выражение Тацита pertractantur словом proetractantur; эта замена и основательна и остроумна.

49) Даже в нашем древнем парламенте случалось, что бароны достигали приятного для них разрешения вопроса благодаря не перевесу голосов, а тому, что у них было много вооруженных приверженцев.
50) Цезарь, de Bello Gall.,VI,23.
51) По удачному выражению Цезаря, minuunt controversias.
52) Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt. Тацит, Герм.,7.
53) Клювье, Germ.Ant., кн.1, гл.38.
54) Цезарь, VI,26 Тацит, Герм.,26.
55) Тацит, Герм.,7.
56) Ibid.,13,14.
57) Esprit des Loix, кн.30, гл.3. Впрочем, холодный рассудок аббата де Мабли (Observations sur L'Histoire de France, г.1, стр. 356) исправляет заблуждения, в которые вовлекает Монтескьё его блестящая фантазия.
58) Gaudent muneribus, sed nec data imputant, nec acceptis obligantur. Тац.,Герм. гл.21.
59) Женщину, провинившуюся в прелюбодеянии, водили по всей деревне, осыпая ударами плети. Ни ее богатство, ни ее красота не могли внушить к ней сострадания или доставить ей второго мужа. Тац., Герм.18,19.
60) Овидий тратит двести строк на то, чтобы отыскать место самое благоприятное для любви. Он находит, что театр в особенности способен привлекать римских красавиц и располагать их к нежности и чувственности.
61) Тацит, Ист., IV, 61,65.
62) Брачный подарок состоял из пары волов, из лошадей и оружия. Тац.Герм., гл.18. Тацит, говоря об этом предмете, иногда бывает слишком цветист.
63) Замена слова exigere словом exugere может считаться за очень уместную поправку.
64) Тацит , Герм., гл.7, Плутарх, In Mario. Прежде, нежели жены тевтонов наложили руки на самих себя и на своих детей, они предложили сдаться с тем условием, что они поступят в рабыни к весталкам.
65) Тацит посвятил этому темному вопросу несколько строк, а Клювье - сто двадцать четыре страницы. Первый из них нашел в Германии богов Греции и Рима, а последний положительно утверждает, что под эмблемами солнца, луны и огня его благочестивые предки поклонялись единой Троице.
66) Священная роща, которую Лукан в своем описании облек в такой величественный ужас, находилась неподалеку от Марселя; но в Германии было немало рощ в том же роде. (У древних германцев были уродливые идолы, а когда они стали строить более постоянные жилища, они также стали воздвигать храмы, как, например, храм богини Танфаны, покровительствовавшей ворожбе. См. Аделунга "Древняя история германцев", стр.296. - Гизо) (В Христенберге, подле Марбурга, в герцогстве Гессен-Кассельском, показывают древнюю церковь, которая, как утверждают, была прежде языческим капищем. Она выстроена на вершине высокой горы среди обширного леса. Ее центральная часть представляет грубый свод, по-видимому вовсе не пропускающий света, так как единственные отверстия, че-

рез которые он теперь проходит, были проделаны впоследствии с каждой стороны свода с целью расширить его и сделать годным для теперешнего употребления. Существует предание, что там проповедовал Бонифаций и что название этой церкви происходит от того факта, что она была из числа самых ранних центров христианского богослужения. - Издат.)

67) Тацит, Герм., гл.7.

68) Ibid., гл.40.

69) См.Робертсона "Ист. Карла V", ч.1., прим.10.

70) Тацит, Герм., гл.7. Эти знамена были не что иное, как головы диких зверей.

71) См. пример этого обычая: Тацит. Анналы, XIII, 57.

72) Цезарь, Диодор и Лукан, по-видимому, приписывают это учение галлам, но Пеллутье (Histoire des Celtes, кн.3, гл.18) старается придать их выражениям более ортодоксальный смысл.

73) Касательно этого грубого, но вместе с тем привлекательного учения см. 20-ю басню Эдды в интересном переводе этой книги у Маллэ в его Предисловии к "Истории Дании".(Гиббон хорошо сделал, что сослался только на это место в Эдде. Всякая попытка начертить систему религии и нравственности для севера древней Германии на основании искаженных отрывков Эдды была бы так же трудна, как было бы трудно сделать такое же употребление из Зенд-Авесты. Цель Маллэ заключалась в том, чтобы согласить идеи Эдды с понятиями кельтской религии. В английском переводе, появившемся в 1770 г. под заглавием "Северные древности", были исправлены многие неточности оригинала. Маллэ пользовался неполным изданием Гёренсона, который, будучи явным приверженцем исторических фантазий Рудбека, опускал или переделывал все, что не было согласно с этими фантазиями. - Шрейтер). (После того как появилось в печати это примечание, Бон выпустил в свет исправленное издание "Северных древностей" Маллэ, воспользовавшись самыми новейшими сведениями об этом предмете. - Издат .)

74) См. Тац. Герм. гл. 3. Диодор Сицил., кн. 5. Страбон, кн. 4, стр. 197. Читатель, знакомый с классическими произведениями древности, вероятно, помнит, какое положение занимал Демодок при Фракийском дворе и какой воинственный пыл был внушен Тиртеем упавшим духом спартанцам. Тем не менее едва ли можно допустить, чтоб греки и германцы были один и тот же народ. Наши антикварии не стали бы попусту тратить время на ученые исследования, если бы они приняли в соображение, что сходство в нравах бывает результатом сходства в положении. (Кроме этих воинственных песен у германцев были песни, которые пелись на их праздничных обедах (Тацит, Анналы, кн. 1, гл. 65) и подле трупов умерших героев. Когда король Теодорих, из племени готов, был убит в сражении с Аттилой, его труп несли с поля битвы с песнями (Иордан, гл. 41). Такие же почести были возданы смертным останкам Аттилы (Иордан, гл. 49). Некоторые историки утверждают, что германцы пели также на свадьбах, но мне кажется, что это было бы не согласно с их обычаями, так как у них брак был не что иное как, покупка жены. Впрочем, можно указать только один такой случай: готский король Атольф сам пел брачный гимн, вступая в брак с сестрою императоров Аркадия и Го-

нория, Пласидией (Олимпиодор, стр. 8); впрочем, этот брак был совершен по римским обрядам, в состав которых входили песни. Аделунг, "Древ. ист. германцев", стр. 382. - Гизо.)

75) Missilia spargunt. Тац., Герм., гл. 6. Одно из двух - или этот историк употребил неясное выражение, или он хотел этим сказать, что стрелы метались на удачу, как попало.

76) В этом заключалось их главное отличие от сарматов, которые обыкновенно сражались верхом.

77) Рассказ об этом предприятии занимает большую часть четвертой и пятой книги "Истории" Тацита и более замечателен красноречивым изложением, чем ясностью. Сэр Генри Севиль указал на некоторые в нем неточности.

78) Тацит, Ист., IV, 13. Подобно им, он лишился одного глаза.

79) Эти острова находились между двумя старыми рукавами Рейна, существовавшими до тех пор, пока искусство и природа не изменили внешнего вида страны. См. Клюв. German. Antiq., кн. 3, гл. 30, 37. (Между Утрехтом и Нимвегеном существует большое пространство, на котором различные реки образуют острова. Голландцы называют эти острова De Betuwe и считают их за древние острова, принадлежавшие батавам. - Издат .)

80) Цезарь, de Bello Gall, кн. 6, стр. 23.

81) Они не принадлежали к племени свевов и жили на берегах Липпы, в горах Гарца, к югу от нынешних герцогств Ольденбургского и Люнебургского. Между ними и прославилась в эпоху Веспасиана жрица Велледа. - Гизо

82) Впрочем, Назарий, Аммиан, Клавдиан и др. упоминают о них в четвертом и пятом столетиях как о племени франков. См. Клювье Germ. Antiq., кн. 3, гл. 13. (Это служит образчиком тех преувеличенных выражений, в которых древние писатели рассказывали об этом избиении. - Издат .)

83) Обыкновенно читают urgentibus, но и по здравому смыслу, и по мнению Липсия, и согласно с некоторыми манускриптами следует читать vergentibus.

84) Тац., Герм., гл. 33. Благочестивый аббат де ла Блетери, очень недовольный Тацитом, говорит по этому поводу о дьяволе, который с самого начала был человекоубийцей и пр. и пр.

85) Это те самые принципы, по которым уже прежде действовал Юлий Цезарь. - Шрейтер .

86) Много признаков такой политики заметно из сочинений Тацита и Диона, а зная принципы человеческой натуры, можно полагать, что они были еще более многочисленны.

87) Ист. эпохи Цезарей, стр. 31. Аммиан Марцеллин, кн. 31, гл. 5, Авр. Виктор. Император Марк нашелся вынужденным продать великолепную дворцовую мебель и вербовать в армию рабов и преступников.

88) Маркоманны пришли с берегов Рейна и, поселившись в Богемии и Моравии, образовали особую колонию; в более древние времена они образовали большую и сильную монархию при короле Марободуе. См. Страбона, кн. 7. Велл. Пат. 11, 105. Тацит, Анналы, 11, 63.

89) Воттон (История Рима, стр. 466) полагает, что им было запрещено

приближаться на расстоянии вдесятеро большем. Его мнение правдоподобно, но не разрешает окончательно вопроса. Пяти миль было достаточно для укрепления преграды.

90) Дион, кн. 71 и 72.

91) См. превосходную диссертацию о происхождении и переселениях народов в Mémoires de l'Acadèmie des Inscriptions, ч. 18, стр. 48-74. Редко случается, чтобы в одном и том же лице соединялись так удачно и антикварий, и философ.

92) Можно ли поверить, что в Афинах была только двадцать одна тысяча граждан, а в Спарте было не более тридцати девяти тысяч? См. Юма и Валласа касательно численности человеческого рода в древние и в новые времена.

ГЛАВА X
Императоры Деций, Галл, Эмилиан, Валериан и Галлиен. - Вторжение варваров. - Тридцать тиранов

От Столетних игр, отпразднованных Филиппом, до смерти императора Галлиена прошло двадцать лет, полных позора и бедствий. В течение этого злосчастного периода каждая минута приносила с собой новую беду и каждая провинция страдала от вторжения варваров и от деспотизма военных тиранов так, что разоренная империя, казалось, была близка к моменту своего окончательного распадения. Как царившая в ту пору безурядица, так и бедность исторических сведений ставят в затруднение историка, который желал бы придать своему рассказу ясность и последовательность. Имея под рукою лишь отрывочные сведения, всегда краткие, нередко сомнительные, а иногда и противоречащие одно другому, он вынужден делать между ними выбор, сравнивать их между собою и высказывать догадки; но хотя он и не должен бы был ставить эти догадки в один ряд с достоверными фактами, однако, зная, какое влияние производят разнузданные страсти на человеческую натуру, он в некоторых случаях может восполнять недостатки исторического материала.

Так, например, вовсе не трудно представить себе, что насильственная смерть стольких императоров ослабила узы взаимной преданности, связывавшие государя с его народом, что все полководцы Филиппа были расположены следовать примеру своего повелителя и что каприз армий, давно свыкнувшихся с частыми и насильственными переворотами, мог неожиданно возвести на престол какого-нибудь ничтожного солдата. История может к этому присовокупить только то, что восстание против императора Филиппа вспыхнуло летом 249 года в среде легионов, стоявших в Мезии, и что выбор мятежников пал на одного из военачальников низшего ранга[1] по имени Марин. Филипп встревожился. Он опасался, чтобы измена Мезийской армии не была первой искрой всеобщего пожара. Мучимый сознанием своей вины и угрожавшей ему опасности, он сообщил известие о мятеже сенату. Мертвое молчание - результат страха, а может быть, и нерасположения к императору - царствовало в этом собрании,

пока наконец один из сенаторов, по имени Деций, не воодушевился приличным его благородному происхождению мужеством и не заговорил с той неустрашимостью, которой недоставало самому императору. Он отозвался с презрением о заговоре, как о внезапной и ничтожной вспышке, а о сопернике Филиппа - как о коронованном призраке, который через несколько дней будет низвергнут тем самым капризом, который возвысил его. Скорое исполнение этого предсказания внушило Филиппу справедливое уважение к такому способному советнику, и он вообразил, что Деций - единственный человек, способный восстановить спокойствие и дисциплину в армии, в которой дух мятежа не стихнул и после умерщвления Марина. Деций[2)], долго не соглашавшийся принять на себя это поручение, как кажется, указывал императору на то, что очень опасно ставить честного человека лицом к лицу с солдатами, проникнутыми чувствами злобы и страха; его предсказание еще раз оправдалось на деле. Мезийские легионы заставили своего судью сделаться их сообщником. Они предоставили ему выбор между смертью и императорским достоинством. После такого решительного заявления он уже не мог колебаться в том, что ему следовало делать. Он повел свою армию или скорее последовал за нею в пределы Италии, куда вышел к нему навстречу Филипп, собравший все свои силы для того, чтобы отразить грозного соискателя престола, созданного им самим. Императорские войска имели на своей стороне численный перевес, но мятежная армия состояла из ветеранов, которыми командовал способный и опытный военачальник. Филипп был или убит во время сражения, или умерщвлен через несколько дней в Вероне. Его сын и сотоварищ по званию императора был умерщвлен в Риме преторианцами, и победоносный Деций, гораздо менее преступный, чем большинство узурпаторов того века, был признан и сенатом и провинциями. Немедленно после того, как он принял против воли титул Августа, он, как рассказывают, обратился к Филиппу с секретным письмом, в котором уверял его в своей невиновности и преданности и торжественно клялся, что по своем прибытии в Италию он сложит с себя императорское звание и возвратится в прежнее положение послушного подданного. Может быть, эти уверения и были искренны, но при том высоком положе-

нии, на которое его вознесла фортуна, он едва ли мог прощать или получать прощение[3)].

После того как император Деций провел лишь несколько месяцев в занятиях мирными делами и в отправлении правосудия, вторжение готов заставило его отправиться на берега Дуная. Это был первый значительный случай, когда история упоминает об этом великом народе, впоследствии ниспровергнувшем могущество Рима, разорившем Капитолий и утвердившем свое владычество над Галлией, Испанией и Италией. Так достопамятна роль, которую они сыграли в разрушении Западной империи, что имя готов нередко, хотя и неправильно, употребляется как общее название всех грубых и воинственных варваров.

В начале шестого столетия, когда готы, завоевав Италию, сделались могущественной нацией, они, естественно, находили удовольствие в созерцании как своей прошедшей славы, так и ожидавшей их блестящей будущности. У них явилось желание сохранить воспоминания о своих предках и передать потомству рассказы о своих собственных подвигах. Главный министр Равеннского двора, ученый Кассиодор удовлетворил это желание победителей, написав историю готов, которая состояла из двенадцати частей, и дошла до нас лишь в неудовлетворительном сокращении Иордана[4)]. Эти писатели лишь вкратце упоминали о несчастьях народа, прославляли его мужество, когда ему благоприятствовало счастье, и украшали его торжество азиатскими трофеями, на которые имели гораздо более права скифы. Ссылаясь на старинные песни, которые были недостоверными, но единственными историческими памятниками варваров, они доказывали, что готы были родом с обширного острова или полуострова Скандинавия[5)]. Эта лежавшая на Крайнем Севере страна не была чужою для завоевателей Италии; узы старого единокровия были скреплены новыми дружескими услугами, и один из скандинавских королей добровольно отказался от своего высокого положения среди дикарей для того, чтобы провести остаток своих дней в спокойствии при цивилизованном Равеннском дворе[6)]. О том, что готы когда-то населяли страны, лежащие по ту сторону Балтийского моря, свидетельствуют такие указания, которые никак нельзя отнести к разряду вымыслов, созданных национальным тщеславием[7)]. Со времен географа Птолемея южная часть Швеции, как ка-

жется, постоянно принадлежала той части этого народа, которая была менее воинственна, и до сих пор еще обширная территория делится на восточную и западную Готландию. В средние века (с девятого по двенадцатое столетие), в то время как христианство медленно проникало на север, готы и шведы были двумя различными, а иногда и взаимно враждебными членами одной и той же монархии[8]. Последнее из этих двух названий одержало верх над первым, но не затмило его. Шведы, которые могли бы довольствоваться своею собственной военной славой, заявляли во все века притязание на древнюю славу готов. В минуту раздражения против римского двора Карл Двенадцатый намекнул на то, что его победоносные войска достойны своих храбрых предков, когда-то поработивших царицу мира[9].

В одном из самых значительных шведских и готских городов - Упсале находился знаменитый храм, сохранявшийся до конца одиннадцатого столетия[10]. Он был украшен золотом, добытым скандинавами путем морских разбоев, и был освящен неуклюжими изображениями трех главных божеств - бога войны, богини деторождения и бога грома. Один раз в каждые девять лет происходило торжественное празднество, причем приносились в жертву девять различных пород животных (в этом числе была и человеческая) и окровавленные трупы жертв развешивались в священной роще, которая находилась подле храма[11]. Единственные дошедшие до нас сведения об этих варварских суевериях находятся в *Эдде* - мифологической системе, которая была составлена в Исландии около тринадцатого столетия и которую датские и шведские ученые считали за самый драгоценный остаток их старинных традиций[12].

Несмотря на таинственную неясность Эдды, нам нетрудно различить две отдельные личности, которые смешивались под общим именем Одина - бога войны и великого законодателя Скандинавии[13]. Этот последний был северным Мухаммедом: он установил религию, приспособленную к климату и к народу. Многочисленные племена, жившие по обеим сторонам Балтийского моря, преклонились перед непреодолимым мужеством Одина, перед его убедительным красноречием и перед приобретенной им славой самого искусного чародея. Веру, которую он старался распространять в течение своей долгой и счастливой жизни, он закрепил добровольной

смертью. Опасаясь позорного приближения болезней и немощей, он решился окончить свою жизнь так, как прилично воину. На торжественном собрании шведов и готов он нанес себе девять смертельных ран для того, чтобы скорее отправиться приготовлять (как он выразился своим замирающим голосом) праздник героев во дворце бога войны[14].

Место рождения и обыкновенного пребывания Одина обозначают словом Ас-гард. Случайное сходство этого названия с Ас-бургом или Ас-офом[15], имеющими одинаковое значение, послужило основанием для такой остроумной исторической системы, что мы охотно поверили бы в ее достоверность, если бы имели на то хоть какие-нибудь доказательства. Полагают, что Один был вождем варварского племени, которое жило на берегах Меотийского озера до падения Митридата и до той поры, когда победы Помпея стали грозить Северу порабощением. Преклоняясь с негодованием и гневом перед могуществом, которому он не был в состоянии сопротивляться, Один перевел свое племя от границ азиатской Сарматии в Швецию с намерением создать в этом неприступном убежище свободы такую религию и такой народ, которые когда-нибудь сделаются орудием его бессмертной жажды мщения; он надеялся, что настанет такое время, когда его непобедимые готы, воодушевясь воинственным фанатизмом, выйдут из полярных стран громадными массами для того, чтобы наказать угнетателей человеческого рода[16].

Хотя столько последовательных готских поколений и были способны сохранить темное предание о своем скандинавском происхождении, мы все-таки не вправе ожидать от таких необразованных варваров каких-либо точных сведений о времени и подробностях их переселений. Переправа через Балтийское море была нетрудным и естественным с их стороны предприятием. Жители Швеции располагали достаточным числом больших гребных судов[17], а от Карлскроны до ближайших портов Померании и Пруссии немного более ста миль. Здесь наконец мы вступаем на твердую историческую почву. Нам по крайней мере положительно известно, что в начале христианской эры[18] и не позднее века Антонинов[19] готы уже утвердились в устьях Вислы и в той плодородной провинции, где много позже были основаны торговые города Торн, Эльбинг, Кёнигсберг и Данциг[20]. К западу от готов

многочисленные племена вандалов разместились вдоль берегов Одера и побережья Померании и Мекленбурга.

Поразительное сходство в нравах, в телосложении, в религии и языке, по-видимому, свидетельствовало о том, что вандалы и готы первоначально составляли один великий народ[21]. Эти последние, как кажется, подразделялись на остроготов*), визиготов**) и гепидов[22]. Различия между вандалами были более резко обозначены самостоятельными именами герулов, бургундов, лангобардов и множества других мелких народов, которые в последующие века разрослись в могущественные монархии.

В веке Антонинов готы еще жили в Пруссии. Незадолго до царствования Александра Севера их частые и опустошительные нашествия на римскую провинцию Дакию дали знать о том, как неприятно их соседство[23]. Потому именно к этому семидесятилетнему промежутку времени мы и должны отнести второе переселение готов от Балтийского моря к Эвксинскому Понту; но причину этого переселения невозможно отыскать в массе разнообразных мотивов, под влиянием которых действуют неоседлые варвары. Моровая язва и голод, победа и поражение, прорицание богов и красноречие отважного вождя могли в одинаковой мере служить мотивом для того, чтобы готы направились в более теплые южные страны. Не говоря уже о влиянии воинственной религии, готы были так многочисленны и неустрашимы, что могли смело пускаться на самые опасные предприятия. Благодаря своим круглым щитам и коротеньким мечам они были страшны в рукопашном бою; их благородная преданность наследственным королям придавала им необыкновенное единодушие и упорство во всем, что они предпринимали[24]; а герой того времени и десятый предок короля Италии Теодориха, знаменитый Амал, прибавлял влияние своих личных достоинств к прерогативам своего высокого происхождения, которое он вел от Anses, то есть от полубогов готской нации[25].

Слух о предстоящем великом походе воодушевил самых храбрых воинов в вандальских государствах Германии, и через несколько лет после того, как нам известно, многие из них сражались под общим знаменем готов[26]. Первые движе-

---

*) Остготы или грейтунги. Остроготт - первый предводитель союза остготов (Иорд. Гет., 82). - *Примеч. ред.*

**) Вестготы или тервинги. - *Примеч. ред.*

ния переселенцев привели их к берегам Припека, который считался у древних южным рукавом Борисфена[27]. Эта большая река, извиваясь по равнинам Польши и России, указывала варварам направление, которого они должны держаться, и доставляла им как свежую воду, так и пастбища для их многочисленных стад. Они двигались по течению реки, не зная, куда она их приведет, и, полагаясь на свою храбрость, не боялись, что какая-нибудь сила может их остановить. Первые племена, встреченные ими на пути, были бастарны и венеды, но цвет неприятельской молодежи - неизвестно, охотой или поневоле, - вступил в ряды готской армии. Бастарны жили к северу от Карпатских гор; огромное пространство, отделявшее бастарнов от финляндских дикарей, находилось во власти венедов или, вернее, было ими опустошено[28]; мы имеем некоторое основание полагать, что первый из этих народов, отличившийся в македонской войне[29] и впоследствии разделившийся на сильные племена певкинов, боранов, карпов и пр., вел свое происхождение от германцев[30]. Еще с большей уверенностью можно приписать сарматское происхождение венедам, которые так прославились в средние века[31]. Но смешение племен и нравов на этой неопределенной границе между двумя различными мирами нередко вводило в замешательство самых аккуратных наблюдателей[32]. Приближаясь к Эвксинскому морю, готы повстречались с более чистыми сарматскими расами - язигами, аланами[33] и роксоланами - и, вероятно, были первыми германцами, увидевшими устья Борисфена и Танаиса. Если мы обратим внимание на характеристические особенности народов германского и сарматского, то мы найдем, что эти две великие отрасли человеческого рода отличались одна от другой тем, что у одной были постоянные хижины, у другой - передвижные палатки, у одной плотно прилегавшая к телу одежда, у другой - широко развевающиеся одеяния, у одной единоженство, у другой - многоженство, у одной военные силы состояли большей частью из пехоты, у другой - из кавалерии; сверх того, славонский язык имел то превосходство над тевтонским, что он распространился путем завоеваний от пределов Италии до стран, соседних с Японией*).

На своем пути готы овладели Украиной - страной обшир-

---

*) Эд. Гиббон идентифицирует славян с сарматами. - *Примеч. ред.*

ной и необыкновенно плодородной, пересекаемой судоходными реками, впадающими с обеих сторон в Борисфен, и усеянной обширными и высокими дубовыми лесами. Изобилие дичи и рыбы, бесчисленные пчелиные ульи в дуплах старых деревьев и в углублениях утесов, составлявшие даже в том грубом веке выгодную отрасль торговли, крупный скот, умеренный климат, почва, годная для посева всяких сортов зернового хлеба, роскошная растительность - одним словом, все свидетельствовало о щедрости природы и все приглашало трудолюбивого человека к работе[34]. Но готы не увлеклись ни одной из этих приманок и остались верными своей привычке к праздности, бедности и грабежу.

Скифские орды, жившие с восточной стороны в соседстве с новыми поселениями готов, не представляли ничего привлекательного для их предприимчивости, кроме неверной победы, которая не принесла бы им никакой пользы. Но надежда достигнуть римской территории была гораздо более заманчива; поля Дакии были покрыты богатыми нивами, которые были засеяны руками трудолюбивого народа, но могли быть убраны руками народа воинственного. Преемники Траяна, руководствуясь не столько действительными интересами государства, сколько идеальными понятиями о его достоинстве, удержали за собою земли, завоеванные этим императором по ту сторону Дуная, и тем, как кажется, ослабили империю с этой стороны. Новая и еще не вполне надежная Дакийская провинция не была достаточно сильна, чтобы оказать сопротивление варварам, и вместе с тем не была достаточно богата, чтобы насытить их жадность. Пока далекие берега Днестра считались границей римских владений, укрепления на нижнем Дунае охранялись очень небрежно, а население Мезии жило в беспечной уверенности, что громадные непроходимые пространства вполне ограждают его от всяких варварских нашествий. Вторжение готов, в царствование Филиппа, вывело их из этого пагубного заблуждения. Король или предводитель этого гордого народа прошел с пренебрежением через Дакийскую провинцию и направился через Днестр и Дунай, не встретив никакого сопротивления, способного замедлить его наступательное движение. Дисциплина до того ослабла в римских войсках, что они очистили перед неприятелем многие из вверенных им важных постов и из страха заслуженного наказания стали переходить

большими массами на службу к готам. Значительные отряды варваров появились наконец под стенами Маркианополя - города, выстроенного Траяном в честь его сестры и в то время служившего столицей второй Мезии[35].

Жители согласились уплатить значительную сумму денег в виде выкупа за свою жизнь и собственность, а возвратившиеся в свои степи варвары были более обескуражены, нежели удовлетворены, этим первым успехом своего оружия против государства богатого, но слабого. Вскоре вслед за тем император Деций получил известие, что король готов Книва вторично переправился через Дунай с более грозными силами, что его многочисленные отряды опустошают провинции Мезии, что его главная армия, состоящая из семидесяти тысяч германцев и сарматов, достаточно сильна для самых смелых предприятий и что требуется присутствие римского монарха во главе всех военных сил, какими он может располагать.

Деций нашел готов занятыми осадой Никополя на Ятре - одного из многочисленных памятников победы Траяна[36]. При его приближении они сняли осаду, но лишь для того, чтобы заняться более важным предприятием - осадой фракийского города Филиппополя, основанного отцом Александра почти у самого подножия горы Гемуса[37]. Деций последовал за ними форсированным маршем по местности, представлявшей большие затруднения; но в то время как арьергард готов находился, по его мнению, еще на большом от него расстоянии, Книва быстро повернул назад и с яростью напал на своих преследователей. Застигнутый врасплох лагерь римлян был разграблен и в первый раз их император обратился в беспорядке в бегство перед толпою полувооруженных варваров. Лишенный всякой помощи извне, Филиппополь был взят приступом после долгого сопротивления. Говорят, будто сто тысяч человек лишились жизни при разграблении этого большого города[38]. Многие знатные пленники увеличили ценность добычи, а брат императора Филиппа Приск не постыдился принять на себя императорское достоинство под покровительством злейших врагов Рима[39]. Однако время, потраченное на эту продолжительную осаду, дало Децию возможность ободрить свои войска, восстановить в них дисциплину и пополнить состав своей армии. Он перехватил несколько отрядов карпов и других германцев, спе-

шивших к месту военных действий для того, чтобы воспользоваться плодами победы, одержанной их соотечественниками[40], поручил охрану горных ущелий военачальникам испытанной храбрости и верности[41], исправил и усилил укрепления Дуная и направил все свои усилия к тому, чтобы воспрепятствовать как дальнейшим успехам готов, так и их отступлению. Ободренный тем, что счастье снова стало ему улыбаться, он с нетерпением ожидал удобного случая, чтобы нанести врагам страшный и решительный удар и тем восстановить и свою собственную честь, и честь римского оружия[42].

В то время как Деций боролся с настигшей его грозой, его ум, остававшийся спокойным и осмотрительным среди военных тревог, доискивался общих причин, так сильно поколебавших могущество Рима со времен Антонинов. Он скоро убедился, что нет возможности восстановить это могущество на прочном фундаменте, не восстановив общественных добродетелей, старинных принципов и нравов и уважения к законам. Чтобы исполнить эту благородную, но трудную задачу, он решился прежде всего восстановить устарелую должность цензора - ту должность, которая так много содействовала прочности государства[43], пока она сохраняла свою первобытную чистоту, но которую цезари противозаконно себе присвоили и затем мало-помалу довели до всеобщего пренебрежения[44]. Будучи убежден, что личное расположение государя может облекать властью, но что одно только общее уважение может придавать этой власти авторитет, он предоставил назначение цензора беспристрастному выбору сената. Единогласным решением сенаторы признали, что всех достойнее этого высокого отличия Валериан - тот самый, который был впоследствии императором, а в ту пору с отличием служил в армии Деция. Лишь только император получил уведомление об этом избрании, он собрал в своем лагере верховный совет и, прежде чем утвердить избранного цензора в его звании, объяснил ему трудности и важное значение его высоких обязанностей. "Счастливый Валериан, - сказал монарх, обращаясь к своему знаменитому подданному, - вы заслужили общее одобрение сената и Римской республики! Примите цензорство над человеческим родом и будьте судьей над нашими нравами. Вы укажете тех, которые достойны оставаться членами сената, вы возвратите сословию

всадников его прежний блеск, вы увеличите государственные доходы, стараясь вместе с тем уменьшить тяжесть налогов. Вы разделите разнородную и громадную массу граждан на правильные разряды и тщательно вникнете во все, что имеет связь с военным могуществом Рима, с его богатством, добродетелями и денежными средствами. Ваши решения будут иметь силу законов. И армия, и дворец, и органы правосудия, и высшие должностные лица империи - все будет подчинено вашему трибуналу. Никто не будет исключен, кроме обыкновенных консулов[45], городского префекта, верховного жреца и старшей из девственных весталок (пока она сохраняет свою девственность). И эти немногие, хотя и не будут опасаться строгости римского цензора, будут старательно искать его уважения"[46].

Должностное лицо, облеченное столь широкими полномочиями, по-видимому, походило не столько на министра своего государя, сколько на его сотоварища[47]. Валериан основательно опасался назначения, которое могло навлечь на него столько зависти и подозрений. Он отговаривался, скромно указывая на чрезмерно широкие полномочия, на свою собственную неспособность и на неизлечимую испорченность нравов того времени. Он ловко намекнул на то, что звание цензора нераздельно с императорским достоинством и что слабые силы подданного не в состоянии выносить такое громадное бремя забот и власти[48]. Военные события скоро положили конец попытке осуществить проект, столь благовидный, но вместе с тем неисполнимый, и предохранив Валериана от опасности, избавили императора Деция от разочарования, которое, вероятно, было бы результатом его усилий. Цензор может поддержать чистоту нравов, но не в силах восстановить ее. Такое должностное лицо может употреблять в дело свою власть с пользой для общества или даже с каким-либо успехом только в том случае, если оно найдет для себя опору в сердцах граждан, проникнутых чувствами чести и добродетели, в надлежащем уважении к общественному мнению и в множестве полезных предрассудков, поддерживающих национальные нравы. В такое время, когда эти принципы уничтожены, цензорская юрисдикция неизбежно должна или снизойти до исполнения пустых формальностей, или превратиться в пристрастное орудие угнетения и деспотизма[49]. Легче было победить готов, нежели искоренить обществен-

ные пороки, однако даже в первом из этих предприятий Деций лишился и своей армии, и своей жизни.

Окруженные со всех сторон римскими войсками готы беспрестанно подвергались с их стороны новым нападениям. Цвет их воинства погиб при продолжительной осаде Филиппополя, а истощенная страна уже не могла доставлять средств существования для остального сброда бесчинных варваров. Доведенные до такой крайности готы охотно возвратили бы всю свою добычу и всех пленных, если бы могли купить этой ценой позволение беспрепятственно возвратиться домой. Но уверенный в победе император хотел примерно наказать варваров, чтобы этим навести спасительный страх на северные племена, и потому не хотел слышать ни о каких условиях мирного соглашения. Неустрашимые варвары предпочли смерть рабству. Битва произошла подле незначительного мезийского городка, носившего название Forum Terebonii[50]. Готская армия выстроилась в три линии, и, вследствие ли сознательного выбора местности или вследствие случайности, фронт третьей линии был прикрыт болотом. В самом начале сражения сын Деция, юноша, подававший большие надежды и уже допущенный к соучастию в императорском звании, был убит стрелою на глазах отца; огорченный Деций, не теряя присутствия духа, стал убеждать свою обескураженную армию, что потеря одного солдата не имеет большого значения для республики[51]. Битва была упорная; это была борьба отчаяния против гнева и ярости. Наконец первая линия готов отступила в беспорядке; подошедшая к ней на помощь вторая линия подверглась такой же участи; оставалась в целости только третья линия, готовая не допустить перехода через болото, на который отважился ее самонадеянный неприятель. "Тогда весы фортуны стали склоняться в противоположную сторону и все приняло неблагоприятный для римлян оборот; почва состояла из глубокого слоя тины, и тот, кто останавливался на ней, погружался в нее, а кто хотел идти вперед, скользил и падал; оружие римлян оказалось слишком тяжелым, а вода слишком высокой, и в этом неудобном положении они не могли употреблять в дело своих тяжелых метательных копий. Напротив того, варвары привыкли сражаться на болотистой почве; они имели еще те преимущества перед римлянами, что были более высокого роста и своими длинными копьями могли нано-

сить раны на более далеком расстоянии"[52]. После бесполезной борьбы римская армия безвозвратно погибла в этом болоте, и труп самого императора не мог быть отыскан[53]. Такова была участь, постигшая Деция на пятидесятом году его жизни; это был превосходный монарх, деятельный в войне и приветливый в мирное время[54]; и жизнь и смерть этого государя и его сына были таковы, что их сравнивали с самыми блестящими образцами старинных добродетелей[55].

Этот тяжелый удар смирил на очень короткое время наглость легионов. Они, по-видимому, терпеливо ожидали сенатского декрета касательно назначения нового императора и смиренно подчинились ему. Из уважения к памяти Деция императорское звание было возложено на его единственного оставшегося в живых сына Гостилиана; но точно такое же звание, только с более широкой властью, было возложено на Галла, который по своей опытности и дарованиям казался способным опекать молодого государя и устранить угрожавшие империи опасности[56]. Первой заботой нового императора было освобождение иллирийских провинций от невыносимого угнетения со стороны победоносных готов. Он согласился оставить в их руках плоды их побед - громадную добычу и, что было еще более унизительно, большое число пленников, принадлежавших к числу самых достойных и самых знатных между его подданными. Он в изобилии снабдил их лагерь всем, что могло смягчить их гневное раздражение или способствовать их скорейшему отступлению; он даже обещал выплачивать им ежегодно большую сумму денег с тем условием, чтобы они впредь никогда не опустошали римскую территорию своими набегами[57].

В веке Сципионов самые богатые цари, искавшие покровительства победоносной республики, награждались ничтожными подарками, которым придавала высокую цену только та рука, которая их давала, - как, например, стулом из слоновой кости, грубой одеждой пурпурового цвета, какой-нибудь недорогой посудой или медными монетами[58]. После того как Рим поглотил богатства побежденных им народов, императоры, из желания поддержать свое достоинство и даже из политических расчетов, ввели в обыкновение раздачу умеренных подарков союзникам империи. Они помогали бедным варварам в их нуждах, отличали их за заслуги и награждали за преданность. Этим добровольным актам мило-

сердия придавали такой внешний вид, будто они внушены не страхом, а просто великодушием или признательностью римлян, и, в то время как подарки и субсидии щедро раздавались друзьям и просителям, в них грубо отказывали всякому, кто требовал их как долга[59]. Но условленная ежегодная уплата победоносному врагу известной суммы денег казалась не чем иным, как позорной данью; в ту пору римляне еще не привыкли удовлетворять столь унизительные для них требования варваров, и тот государь, который путем этой вынужденной уступки, вероятно, спас свое отечество, сделался предметом общего презрения и отвращения. Хотя Гостилиан умер во время сильно свирепствовавшей моровой язвы, в его смерти винили Галла[60], и даже поражение покойного императора стали приписывать коварным советам его ненавистного преемника[61]. Спокойствие, которым наслаждалась империя в первые годы его управления[62], скорей усилило, нежели смягчило общее раздражение, и, лишь только опасения войны исчезли, все стали еще более глубоко сознавать позор заключенного мира.

Но римляне пришли еще в более сильное раздражение, когда они узнали, что ценою своей чести они даже не купили себе спокойствия. Опасная тайна богатства и слабости империи раскрылась перед глазами всего мира. Новые массы варваров, ободренные успехом своих соотечественников, но не считавшие себя связанными их договорами, стали опустошать иллирийские провинции и навели на всех ужас, распространившийся до самых ворот Рима. Так как малодушный император, по-видимому, ничего не делал для обороны империи, то за это дело взялся губернатор Паннонии и Мезии Эмилиан; собрав разбросанные военные силы и внушив бодрость упавшим духом войскам, он неожиданно напал на варваров, разбил их и, следуя за ними по пятам, прогнал их за Дунай. Победоносный предводитель раздал деньги, собранные для уплаты дани, солдатам, которые немедленно провозгласили его на поле битвы императором[63]. Галл, вовсе не заботившийся о государственных интересах и проводивший свое время в Италии среди удовольствий, получил одновременно известия и об успехах восстания, и о быстром приближении своего соперника. Он вышел к нему навстречу до равнин, находящихся вблизи от Сполето. Когда обе армии сошлись на близкое расстояние, солдаты Галла стали сравни-

вать позорное поведение своего государя со славными подвигами его соперника. Они восхищались храбростью Эмилиана и прельщались его щедростью, так как он предлагал всем перебежчикам значительное увеличение жалованья[64].

Междоусобная война кончилась с умерщвлением Галла и его сына Волузиана, и сенат придал правам победителя легальную санкцию. Письма Эмилиана к этому собранию представляли смесь скромности с тщеславием. Он уверял сенаторов, что предоставит их опытности дела гражданского управления и, довольствуясь званием их полководца, в скором времени восстановит славу римского оружия и избавит империю от всяких варваров, как северных, так и восточных[65]. Его тщеславие было польщено одобрениями сенаторов, и до нас дошли медали, на которых он изображен под именем и с атрибутами Геркулеса Победителя и Марса Мстителя[66].

Но если бы новый монарх и обладал всеми дарованиями, необходимыми для исполнения таких блестящих обещаний, ему все-таки недостало бы на это времени. От его торжества до его падения прошло менее четырех месяцев[67]. Он восторжествовал над Галлом, но был не в силах бороться с другим соперником, более грозным, чем Галл. Этот несчастный император поручил Валериану, уже носившему почетное звание цензора, привести к нему на помощь легионы, стоявшие в Галлии и в Германии[68]. Валериан исполнил это поручение с усердием и в точности; но он прибыл так поздно, что не мог спасти своего государя, а потому и решился отомстить за него. Святость его звания и в особенности превосходство его армии внушали страх войскам Эмилиана, которые все еще стояли лагерем на равнинах подле Сполето, а так как эти войска не были способны питать к кому-либо личную привязанность, точно так же как они никогда не были способны питать привязанность к конституционным принципам, то они без колебаний омочили свои руки в крови государя, так еще недавно ими самими выбранного[69]. Вся вина в этом преступлении лежала на них, но пользу из него извлек Валериан; этот государь достиг престола хотя и путем междоусобной войны, но с такой невинностью, которая редко встречается в этом веке революций, так как низвергнутый им император не имел никаких прав ни на его признательность, ни на его преданность.

Валериану было почти шестьдесят лет[70], когда он был облечен императорским достоинством не по прихоти черни и не по мятежному выбору армии, а по единодушному желанию всей империи. В то время как он мало-помалу достигал высших государственных должностей, он умел снискивать расположение добродетельных государей и был открытым врагом тиранов[71]. Его знатное происхождение, мягкость и безукоризненность его характера, его ученость, благоразумие и опытность внушали уважение и сенату и народу, и, если бы человеческому роду (по замечанию одного древнего писателя) был предоставлен выбор повелителя, все, без сомнения, указали бы в один голос на Валериана[72]. Может быть, личные достоинства этого императора не соответствовали приобретенной им репутации, может быть, на его способностях или по меньшей мере на его душевной бодрости отразилось расслабляющее влияние преклонного возраста. Как бы то ни было, но он сам сознавал упадок своих сил и потому решился поделиться верховной властью с более молодым и более деятельным товарищем[73]; ввиду затруднительных обстоятельств того времени он должен бы был искать человека, способного быть не только монархом, но и полководцем, а знание людей, приобретенное им в качестве римского цензора, могло бы указать ему, кто по своим военным заслугам всех более достоин императорского звания. Но вместо того чтобы сделать благоразумный выбор, который упрочил бы его власть и сделал бы его память дорогой для потомства, Валериан, руководствуясь лишь чувством отцовской привязанности или тщеславием, немедленно разделил верховную власть со своим сыном Галлиеном, молодым человеком, до тех пор скрывавшим свои порочные наклонности во мраке частной жизни. Совместное управление отца и сына продолжалось около семи лет, а управление одного Галлиена - около восьми. Но весь этот период времени был непрерывным рядом беспорядков и общественных бедствий. Так как Римская империя в одно и то же время подвергалась со всех сторон яростным нападениям внешних врагов и страдала от честолюбивых покушений внутренних узурпаторов, то мы, ради правильности и последовательности повествования, будем придерживаться в распределении исторических событий не порядка времени, а более натуральной группировки по сюжетам. Самыми опасными врагами Рима в царствования Ва-

лериана и Галлиена были: 1. Франки. 2. Алеманны. 3. Готы и 4. Персы. Под эти общие наименования мы будем подводить и военные предприятия менее значительных племен, названия которых, по своей малоизвестности и трудности для произношения, только обременили бы память читателей и утомили бы их внимание.

I. Так как потомки франков составляют одну из самых великих и самых образованных наций Европы, то ученость и остроумие употребили все свои силы на то, чтобы доискаться происхождения их безграмотных предков. Вслед за рассказами, основанными на легковерии, появились целые системы, основанные на вымыслах фантазии. Не была оставлена без тщательного разбора ни одна строка, которая могла бы помочь выяснению этого вопроса, и не была оставлена без тщательного обзора ни одна местность, на которой можно было надеяться найти хоть какие-нибудь слабые признаки происхождения франков. То Паннония[74], то Галлия, то Северная Германия[75] считались колыбелью этой знаменитой колонии воинов. В конце концов самые рассудительные критики отвергли все воображаемые переселения идеальных завоевателей и сошлись между собою на таком мнении, которое благодаря своей простоте кажется нам самым близким к истине[76]. Они полагают, что около 240 года[77] старинные обитатели Нижнего Рейна и Везера составили новую конфедерацию под именем франков. В теперешнем Вестфальском округе, в ландграфстве Гессенском и герцогствах Брауншвейгском и Люнебургском в древности жили хавки, которые изза своих неприступных болот издевались над римским могуществом[78], херуски, которые гордились славой Арминия, катты, сила которых заключалась в их непоколебимой и неустрашимой пехоте, и некоторые другие менее сильные и менее известные племена[79]. Любовь к свободе была господствующей страстью этих германцев; наслаждение ею было лучшим их сокровищем, а слово, выражавшее это наслаждение, было самое приятное для их слуха. Они приняли, сохранили и оправдали почетный эпитет франков, или вольных людей, который вмещал в себе, но не уничтожал особые названия различных государств, входивших в состав конфедерации[80]. Первые законы союза были утверждены молчаливым согласием и внушены общей пользой, а привычка и опыт мало-помалу придали им прочность. Франкскую лигу можно в неко-

тором отношении сравнить с Гельветическим*) союзом, в котором каждый кантон сохраняет самостоятельность своего полновластия и обсуждает вместе со своими сочленами общие интересы, не признавая над собою власти какого-либо верховного главы или какого-либо представительного собрания[81]. Но принципы этих двух конфедераций совершенно различны. Двухсотлетний мир был наградой Швейцарии за ее благоразумную и честную политику. А на характер франков наложили пятно их непостоянство, их склонность к хищничеству и их неуважение к самым торжественным трактатам.

Римляне давно уже познакомились на опыте с дерзкой храбростью народов Нижней Германии. Соединенные силы этих народов стали грозить Галлии еще более грозным нашествием, и Галлиен, наследник престола и сотоварищ императора, нашел необходимым свое личное присутствие на месте военных действий[82]. В то время как этот государь вместе со своим малолетним сыном Солонием тщеславно выказывал в Трире свое величие, его армии с успехом сражались под предводительством талантливого генерала Постума, который хотя впоследствии и изменил семейству Валериана, но всегда был предан интересам монархии. Льстивые выражения панегириков и надписей на медалях гласят о длинном ряде побед. Трофеи и почетные титулы свидетельствуют (если только подобные свидетельства могут что-либо доказать) о славе Постума, который неоднократно называется победителем германцев и спасителем Галлии[83].

Но один только факт, и притом единственный, о котором мы имеем достоверные сведения, почти совершенно уничтожает эти памятники тщеславия и лести. Хотя Рейн и величали названием "стража провинций", он был недостаточной преградой для отважной предприимчивости, воодушевлявшей франков. Их быстрые опустошительные набеги распространялись от берегов этой реки до подножия Пиренеев; даже эти горы не могли остановить их. Испания, никогда не боявшаяся германских нашествий, была неспособна оказать им сопротивление. В течение двенадцати лет, то есть в продолжение почти всего царствования Галлиена, эта богатая страна была театром разорительных войн, в которых она имела дело с военными силами, далеко превосходившими ее собст-

*) Швейцарским. - *Примеч. ред.*

венные. Цветущая столица одной мирной провинции Таррагона была разграблена и почти совершенно разрушена[84], и даже во времена Орозия, который писал в V веке, бедные хижины, разбросанные между развалинами великолепных городов, еще напоминали о ярости варваров[85]. Когда страна до того истощилась, что уже не представляла никакой приманки для грабителей, франки захватили несколько судов, стоявших в испанских портах[86], и переправились на них в Мавританию. Эта отдаленная провинция была поражена при виде свирепых варваров, будто свалившихся на нее из заоблачного мира, так как жителям африканского побережья были одинаково новы и имена, и нравы, и внешний вид новых пришельцев[87].

II. В той части Верхней Саксонии по ту сторону Эльбы, которая носит теперь название маркграфства Лузасского, существовала в древние времена священная роща, наводившая на всех благоговейный ужас, потому что служила средоточением религиозных суеверий свевов. Входить туда дозволялось не иначе как со связанными руками и с раболепными коленопреклонениями в знак сознания, что верующий находится в непосредственном присутствии верховного божества[88]. Зонненвальд, или лес семнонов[89], был обязан своею святостью столько же патриотизму, сколько и благочестию. По общему убеждению, нация впервые получила свое существование на этом священном месте. Многочисленные племена, гордившиеся тем, что они были одной крови со свевами, по временам присылали туда своих послов, а воспоминание об их общем происхождении поддерживалось варварскими обрядами и человеческими жертвоприношениями. Общее название свевов распространялось на всех жителей внутренних областей Германии - от берегов Одера до берегов Дуная. Они отличались от других германцев особенной манерой зачесывать назад свои длинные волосы и связывать их на маковке в толстый узел; они полагали, что благодаря этому украшению их ряды будут казаться неприятелю более высокими и более страшными[90]. Несмотря на то что германцы очень дорожили своей военной славой, они единогласно признавали превосходство свевов, а племена узипетов и тенктеров, выступившие с огромной армией навстречу диктатору Цезарю, объявили ему, что они не считают для себя уни-

зительным бегство перед таким народом, с которым не были бы в состоянии бороться сами бессмертные боги[91].

В царствование императора Каракаллы громадная масса свевов, в своих поисках пищи, добычи или славы, появилась на берегах Майна и неподалеку от римских провинций[92]. Эта армия, состоявшая из собранных на скорую руку добровольцев, мало-помалу сплотилась в великую нацию, а так как она состояла из множества различных племен, то она приняла название алеманнов (All-men - всех людей), указывая этим и на разнообразие своих составных частей, и на общую им всем храбрость[93]. С этой последней римляне скоро познакомились, так как им пришлось отражать беспрестанные вторжения этого народа. Алеманны сражались преимущественно на конях; но их кавалерии придавала еще более грозную силу примесь легкой пехоты, состоявшей из самых храбрых и самых неутомимых юношей, которые путем частых упражнений приучились не отставать от всадников в самых длинных переходах, в самых быстрых атаках и в самых поспешных отступлениях[94].

Этот воинственный германский народ был удивлен громадными приготовлениями Александра Севера и боялся его преемника, который был такой же, как они, храбрый и свирепый варвар. Но он все-таки не переставал бродить вдоль границ империи, усиливая общий беспорядок, наступивший после смерти Деция. Он нанес несколько тяжелых ран богатым галльским провинциям и прежде всех приподнял покров, скрывавший от глаз всего мира слабость италийского величия. Многочисленный отряд алеманнов проник через Дунай и Рецийские Альпы на равнины Ломбардии, дошел до Равенны и развернул победоносное знамя варваров почти в виду Рима[95]. Оскорбление и опасность снова воспламенили в душе сенаторов некоторые искры старых добродетелей. Оба императора были заняты дальними войнами - Валериан на востоке, а Галлиен на Рейне; поэтому римляне могли рассчитывать только на самих себя. В этих затруднительных обстоятельствах сенаторы взяли на себя оборону республики, выстроили в боевом порядке преторианскую гвардию, оставленную в столице в качестве гарнизона, и пополнили ее ряды набором рекрутов из самых сильных и самых усердных плебеев. Алеманны, удивленные внезапным появлением армии более многочисленной, нежели их собственная, отсту-

пили в Германию, унося с собой награбленную добычу, а утратившие воинственный дух римляне сочли их отступление за победу[96].

Когда Галлиен получил известие, что его столица избавилась от варваров, его не порадовало, а напугало мужество сенаторов; он опасался, чтобы это мужество когда-нибудь не внушило им желания избавить столицу от внутренней тирании, точно так, как оно избавило ее от иностранного нашествия. Его трусливая неблагодарность явно выразилась в эдикте, запрещавшем сенаторам занимать какие-либо военные должности и даже приближаться к лагерным стоянкам легионов. Но его опасения были неосновательны. Богатые и привыкшие к роскоши римские аристократы снова предались своим низким наклонностям и отнеслись к этому оскорбительному изъятию из военной службы как к милости; пока они могли спокойно наслаждаться своими банями, театрами и виллами, они охотно предоставляли грубым крестьянам и солдатам опасные заботы о целостности империи[97].

Один из писателей Восточной Римской империи упоминает о другом нашествии алеманнов, которое казалось еще более грозным, но имело более блестящий для римлян исход. Рассказывают, будто триста тысяч этих воинственных варваров были разбиты близ Милана десятью тысячами римлян, находившихся под начальством самого Галлиена[98]. Но эту невероятную победу, по всему вероятию, следует приписать или легковерию историка, или каким-нибудь преувеличенным подвигам одного из императорских наместников. Галлиен прибег к оружию иного рода, чтобы оградить Италию от ярости германцев. Он женился на Пипе, дочери короля маркоманнов - свевского племени, которое часто смешивали с алеманнами в эпоху их войн и завоеваний[99]. В награду за этот родственный союз он дал отцу своей жены обширные владения в Паннонии. Природные прелести дикой красоты, как кажется, внушили непостоянному императору страсть к дочери, и таким образом политические узы были скреплены узами любви. Но гордые римляне не хотели признавать за настоящий брак этот нечестивый союз гражданина с дочерью варвара и заклеймили германскую принцессу позорным названием наложницы Галлиена[100].

III. Мы уже описали переселение готов из Скандинавии

или по меньшей мере из Пруссии к устьям Борисфена и проследили их военные успехи от Борисфена до Дуная. При императорах Валериане и Галлиене римские провинции, для которых эта последняя река служила границей, беспрестанно подвергались нашествиям германцев и сарматов, но римляне защищали их с более чем обыкновенными мужеством и успехом. Провинции, которые были театром войны, доставляли римским армиям неистощимый запас отважных солдат, и нередко случалось, что иллирийские крестьяне достигали высших военных должностей и оказывались очень способными военачальниками. Хотя летучие отряды варваров, беспрестанно бродивших по берегам Дуная, и проникали иногда до пределов Италии и Македонии, императорские наместники или останавливали их наступление, или отрезали им путь к отступлению[101]. Но великий поток готских нашествий принял совершенно иное направление. Утвердившиеся на Украине готы скоро завладели северными берегами Эвксинского Понта: к югу от этого внутреннего моря лежали изнеженные и богатые малоазийские провинции, у которых было все, что могло привлечь варварского завоевателя, но не было ничего, что могло бы служить средством обороны.

Берега Борисфена находятся на расстоянии только шестидесяти миль от узкого пролива[102], ведущего к полуострову крымской Татарии, который был известен древним под именем Херсонеса Таврического[103]. Еврипид, умевший придавать древним вымыслам такую изящную красоту, избрал эти негостеприимные берега сценой для одной из своих самых трогательных трагедий[104]. Кровавые жертвоприношения Диане, прибытие Ореста и Пилада и торжество добродетели и религии над свирепостью дикарей были выражением той исторической истины, что первобытные обитатели полуострова тавры смягчили свои суровые нравы благодаря влиянию греческих колоний, селившихся вдоль морского побережья. Маленькое Боспорское царство, столица которого была построена на берегу пролива, соединяющего Меотийский залив с Эвксинским Понтом, состояло из выродившихся греков и полуцивилизованных варваров. Оно существовало в качестве самостоятельного государства со времен Пелопоннесской войны[105], потом было поглощено честолюбием Митридата[106] и наконец вместе с остальными владениями этого государя преклонилось перед силою римского оружия. Со времен Ав-

густа[107] царя Боспора были смиренными, но не бесполезными союзниками империи. С помощью подарков, небольшой армии и кое-каких укреплений, воздвигнутых поперек перешейка, они с успехом охраняли от бродячих шаек сарматских хищников доступ в страну, которая благодаря своему географическому положению и удобным гаваням господствовала над Эвксинским Понтом и над Малой Азией[108]. Пока скипетр находился в руках династии наследственных царей, эти последние исполняли свою важную обязанность бдительно и успешно. Но внутренние раздоры и частые опасения, частые личные интересы разных узурпаторов, захвативших вакантный престол, открыли готам доступ в самый центр Боспора. Вместе с приобретением вовсе ненужной для них плодородной почвы они сделались хозяевами флота, достаточного для того, чтобы перевозить их армии к берегам Азии[109]. Суда, употреблявшиеся для плавания по Эвксинскому морю, были очень странной конструкции. Это были легкие плоскодонные барки, построенные из одного дерева, без малейшей примеси железа и прикрывавшиеся в случае бури отлогим навесом[110]. На этих плавучих домах готы беспечно пускались в неизвестное им море под руководством матросов, которых они силою заставляли поступать к ним на службу и которые не могли внушать доверия ни своим искусством, ни своей преданностью. Но жажда грабежа заглушала всякую мысль об опасностях, а природное бесстрашие заменяло для них ту более благоразумную уверенность, которая бывает плодом знания и опытности. Такие отважные воины, должно быть, нередко сетовали на трусость своих руководителей, не решавшихся пускаться в море, не будучи уверенными в прочно установившейся хорошей погоде, и даже едва ли отваживавшихся на такое дальнее плавание, что можно бы было потерять из виду берега. По крайней мере таков в наше время обычай турок[111], а их едва ли можно считать менее искусными мореплавателями, нежели древние обитатели Боспора.

Готский флот, миновав находившиеся влево от него берега земли черкесов, появился прежде всего перед Питием[112], на самой крайней границе римских провинций; этот город имел довольно хорошую гавань и был защищен крепкой стеной. Здесь готы встретили более упорное сопротивление, чем могли ожидать от слабого гарнизона отдаленной крепости. Они

были отражены, и их неудача, как казалось, уменьшила страх, который наводило одно их имя. Пока очень способный военачальник высшего ранга Сукцессиан оберегал границу, все их усилия оказывались тщетными, но лишь только он был перемещен Валерианом на более почётную, но менее важную должность, они возобновили нападение на Питий и, разрушив этот город, загладили воспоминание о своей первой неудаче[113].

От Пития до Трапезунда - если плыть, огибая восточный берег Эвксинского моря, - около трехсот миль[114]. На своем пути готы достигли берегов Колхиды, получившей столь громкую известность благодаря экспедиции аргонавтов, и даже попытались - впрочем, без успеха - ограбить богатый храм, воздвигнутый подле устьев реки Фазис. Трапезунд, о котором говорится в "Отступлении десяти тысяч"*) как о древнегреческой колонии[115], был обязан своим богатством и великолепием великодушию императора Адриана, построившего искусственный порт на берегу, которому природа не дала ни одной безопасной пристани[116]. Город был обширен и густо населен; двойной ряд стен, по-видимому, был вполне надежной охраной от ярости готов, а обычный гарнизон был усилен подкреплениями из десяти тысяч человек. Но отсутствие дисциплины и недостаток бдительности не могут быть восполнены никакими другими преимуществами. Многочисленный трапезундский гарнизон, проводивший время в кутежах и удовольствиях, не заботился об охране укреплений, которые он считал неприступными. Готы скоро приметили нерадивую беспечность осажденных; они навалили высокую груду фашин, взобрались ночью на городские стены и проникли в беззащитный город с мечом в руках. Затем началось избиение жителей, между тем как испуганные солдаты спасались бегством через ворота, находившиеся на противоположном конце города. Самые священные храмы, самые великолепные здания не избежали общего разрушения. Добыча, доставшаяся готам, была громадна, так как богатства соседних провинций складывались в Трапезунде как в безопасном убежище. Число пленных было почти невероятное, так как победоносные варвары беспрепятственно рыскали по обширной Понтийской провинции[117]. Награбленным добром был наполнен целый флот, который готы нашли в гавани.

*) "Анабасис" Ксенофонта. - *Примеч. ред.*

Они цепями привязали к своим лодкам самых здоровых юношей, захваченных на морском побережье и, довольные исходом своей первой морской экспедиции, с триумфом возвратились в свои новые поселения в Боспорском царстве[118]

Свою вторую экспедицию готы предприняли с большим числом людей и кораблей, но направились в иную сторону; пренебрегая истощенными провинциями Понта, они стали держаться западных берегов Эвксинского моря, прошли мимо широких устьев Борисфена, Днестра и Дуная и, увеличив свой флот множеством захваченных на пути рыбачьих лодок, достигли узкого пролива, через который Эвксинское море изливает свои воды в Средиземное море и который отделяет Европейский континент от Азиатского. Гарнизон Халкедона был расположен лагерем подле храма Юпитера Урийского на мысе, господствующем над входом в пролив, и превосходил своим численным составом готскую армию, - вот до какой степени были незначительны варварские нашествия, внушавшие такой страх. Но этот отряд войск превосходил готов только своим числом. Он поспешно покинул свою выгодную позицию и предоставил на произвол завоевателей город Халкедон, в изобилии снабженный и оружием и деньгами. В то время как они колебались, отправляться ли далее морем или сухим путем и выбрать ли театром своих военных подвигов Европу или Азию, один вероломный перебежчик указал им как на богатую и легкую добычу на бывшую столицу вифинских царей Никомедию[119], находившуюся от Халкедонского лагеря[120] на расстоянии только шестидесяти миль. Он служил им проводником во время похода, руководил атакой, не встретившей серьезного сопротивления, и получил свою долю добычи, так как готы были достаточно опытными политиками, чтобы награждать изменника, которого они презирали. Города Никея, Пруза, Апамея, Циос[121], когда-то соперничавшие с Никомедией своим великолепием, подверглись такой же участи, и через несколько недель вся Вифинская провинция сделалась театром страшных опустошений. Изнеженные жители Азии, наслаждавшиеся в течение трехсот лет полным спокойствием, отвыкли владеть оружием и не допускали мысли о какой-либо серьезной опасности. Их городские стены были в развалинах, а все доходы самых богатых городов употреблялись на сооружение бань, храмов и театров[122].

Когда город Сизик выдержал самые усиленные нападения Митридата[123] он управлялся мудрыми законами, располагал морскими силами, состоявшими из двухсот галер, и имел три арсенала, наполненные оружием, военными машинами и зерновым хлебом[124] Он и до настоящей поры не утратил своих богатств и привычек к роскоши, но от его прежнего могущества не оставалось ничего, кроме выгодного географического положения на одном из небольших островов Пропонтиды, соединявшемся с Азиатским континентом только двумя мостами. После разграбления Прузы готы приблизились к этому городу на расстояние восемнадцати миль[125] с целью разрушить его; но гибель Сизика была отложена до другого времени благодаря одной счастливой случайности. Погода стояла дождливая, и Аполлонийское озеро, служившее резервуаром для всех вод, ниспадавших с горы Олимп, поднялось на необычайную высоту. Вследствие этого вытекавшая из озера небольшая речка Риндак превратилась в широкий и быстрый поток, помешавший дальнейшему движению готов. Их отступление к приморскому городу Гераклее, где они, вероятно, оставили свой флот, сопровождалось длинным рядом повозок, нагруженных награбленною в Вифинии добычей, и освещалось пожаром Никеи и Никомедии, которые были преданы пламени из пустого каприза[126] Есть некоторые неясные указания на какое-то сражение, выдержанное ими для того, чтобы расчистить себе путь к отступлению[127] Но даже полная победа не могла бы принести им большой пользы, потому что приближение осеннего равноденствия напоминало им о необходимости скорее возвращаться домой. Плавание по Эвксинскому морю перед наступлением мая или после наступления сентября считается турками нашего времени за самое бесспорное свидетельство опрометчивости и безрассудства[128]

Когда нам рассказывают, что третий флот, снаряженный готами в гаванях Боспора, состоял из пятисот парусных судов[129] наше воображение готово придать этим вооружениям громадные размеры; но достойный нашего доверия Страбон[130] уверяет нас, что пиратские суда, употреблявшиеся варварами Понта и Малой Скифии, не могли вмещать в себе более двадцати пяти или тридцати человек, поэтому мы можем положительно утверждать, что в этой огромной экспедиции участвовали, по большей мере, пятнадцать тысяч вои-

нов. Горя нетерпением проникнуть за пределы Эвксинского моря, они направили свое разрушительное нашествие от Киммерийского Босфора к Фракийскому. Когда они были уже почти на половине пролива, они были внезапно отброшены ветрами к его входу; но на следующий день поднялся попутный ветер, и они в несколько часов достигли спокойного Пропонтидского моря или, скорее, озера. Их высадка на маленький островок Сизик сопровождалась разрушением древнего и славного города этого имени. Выйдя оттуда снова через узкий Геллеспонтский проход, они продолжали свое извилистое плавание промеж многочисленных островов, разбросанных по Архипелагу или Эгейскому морю. Они, вероятно, крайне нуждались в пленниках и дезертирах, способных направлять их суда то к берегам Греции, то к берегам Азии. Наконец готский флот бросил якорь в Пирейской гавани, в пяти милях от Афин[131], которые попытались сделать некоторые приготовления к энергичной обороне. Один из инженеров, на которых было возложено императором поручение укреплять приморские города против готов, по имени Клеодам, уже приступил к ремонту старинных городских стен, разваливавшихся мало- помалу со времен Суллы. Но все его искусство и все его усилия оказались бесполезными: родина муз и искусств сделалась добычей варваров. Но в то время как победители предавались грабежу и всякого рода бесчинствам, их флот, стоявший под слабой охраной в Пирейской гавани, был неожиданно атакован храбрым Дексиппом, который успел спастись вместе с инженером Клеодамом во время разграбления Афин, собрал на скорую руку отряд волонтеров, состоявший частью из крестьян, и в некоторой мере отомстил за несчастья своей родины[132].

Но хотя этот подвиг и озарил некоторым блеском увядавшую славу Афин, он скорее раздражил, нежели смирил непреклонный нрав северных завоевателей. Пламя пожара разлилось по всей Греции. Фивы и Аргос, Коринф и Спарта, когда-то прославившиеся столькими военными подвигами во время своих междоусобиц, оказались теперь неспособными ни выставить в поле армию, ни даже защищать свои развалившиеся укрепления. Пламя войны, как на суше, так и на море, распространилось от восточной оконечности Суния до западных берегов Эпира. Готы зашли так далеко, что уже были в виду берегов Италии, когда приближение столь явной

опасности пробудило беспечного Галлиена от его сладкого усыпления. Император взялся за оружие, и его появление во главе армии, как кажется, смирило задор врагов и внесло разлад в ряды их армии. Вождь герулов Навлобат согласился на почетную для него капитуляцию, вступил вместе со значительным отрядом своих соотечественников в римскую службу и был удостоен отличий консульского звания, которые до тех пор еще ни разу не были осквернены рукою варвара[133]. Множество готов, не желавших подвергать себя опасностям и трудностям утомительного переезда, проникли в Мезию с намерением пробраться через Дунай в свои украинские поселения. Эта смелая попытка неизбежно окончилась бы истреблением варваров, если бы раздоры римских генералов не доставили им средств к спасению[134]. Остальная и немногочисленная часть этой армии грабителей снова села на свои суда и, отправившись в обратный путь через Геллеспонт и Босфор, мимоходом опустошила берега Трои, слава которой, воспетая Гомером, вероятно, переживет воспоминания о готских завоеваниях. Лишь только они почувствовали себя в безопасности внутри бассейна Эвксинского моря, они высадились в Анхиале, во Фракии, у подножия горы Гемуса и отдохнули от своих трудов, наслаждаясь тамошними целебными теплыми ваннами. Оттуда им предстоял уже небольшой переезд, не представлявший никаких затруднений[135]. Таков был исход этой третьей и самой важной из их морских экспедиций. Могло бы показаться непонятным, каким образом армия, состоявшая первоначально только из пятнадцати тысяч воинов, могла вынести потери в людях, неизбежные при таком смелом предприятии, и могла раздробляться на столько отдельных отрядов. Это объясняется тем, что убыль, происходившая от сражений, от кораблекрушений и от влияния жаркого климата, постоянно восполнялась бандитами и дезертирами, стекавшимися под знамя грабежа, а также множеством беглых рабов, нередко германского или сарматского происхождения, с радостью пользовавшихся удобным случаем для приобретения свободы и для мщения. В этих экспедициях большую долю славы и опасностей присваивали себе готы; но плохие историки того времени иногда обозначают особыми именами племена, сражавшиеся под знаменем готов, а иногда смешивают их с этими последними; а так как флот варваров, по-видимому, выходил в море из устьев Та-

наиса, то всю эту смесь различных племен нередко называли неопределенным, но хорошо всем знакомым именем скифов[136])

При описании общих бедствий человеческого рода от нашего внимания легко ускользают и смерть замечательного человека, как бы высоко он ни был поставлен, и разрушение здания, как бы ни была велика его известность. Тем не менее мы не можем позабыть того, что храм Дианы Эфесской, семь раз восстававший из своих развалин[137]) с постоянно возрастающим великолепием, был окончательно сожжен готами во время их третьей морской экспедиции. Искусство Греции и богатства Азии общими силами способствовали сооружению этого священного и великолепного здания. Оно поддерживалось ста двадцатью семью мраморными колоннами ионического ордера. Это были подарки благочестивых монархов, и каждая из них имела шестьдесят футов в вышину. Алтарь был украшен мастерскими скульптурными произведениями Праксителя, может быть заимствовавшего из любимых местных легенд свои сюжеты - рождение божественных детей Латоны, удаление Аполлона после умерщвления циклопов и милосердие Бахуса к побежденным амазонкам[138]) Однако в длину Эфесский храм занимал только четыреста двадцать пять футов, то есть около двух третей того пространства, какое занимает собор Св. Петра в Риме[139]) В остальных своих размерах он был еще более незначителен по сравнению с этим образцовым произведением новейшей архитектуры. Распростертые руки христианского креста требуют большей ширины, нежели продолговатые храмы язычников, и самый смелый из древних художников был бы приведен в крайнее смущение, если бы ему предложили соорудить купол одной вышины и одних размеров с Пантеоном. Тем не менее храмом Дианы восхищались как одним из чудес света. И персы, и македоняне, и римляне чтили его святость и обогащали его своими приношениями[140]) Но грубые дикари с берегов Балтийского моря не имели склонности к изящным искусствам и относились с презрением к воображаемым ужасам иностранного суеверия[141])

Касательно этих нашествий рассказывают еще одну подробность, которая заслуживала бы нашего внимания, если бы мы не имели основания подозревать, что она была фантастическим вымыслом одного из новейших софистов. Нам

рассказывают, что во время разграбления Афин готы собрали все находившиеся в городе библиотеки и готовы были зажечь этот погребальный костер греческой учености, но что один из их вождей, более образованный, чем его соотечественники, убедил их отказаться от этого намерения, обратив их внимание на то обстоятельство, что пока греки будут предаваться изучению книг, они никогда не будут уметь владеть оружием[142] Если мы признаем достоверность этого факта, мы должны будем заметить, что этот глубокомысленный советник рассуждал как невежественный варвар. У самых образованных и самых могущественных народов гений проявлял себя одновременно во всех сферах человеческой деятельности, и век просвещения всегда был также веком воинских доблестей и побед.

IV. Новые персидские государи, Арташир и его сын Шапур, одержали верх (как уже было говорено выше) над домом Аршакидов. Из числа многих принцев этого древнего рода один царь Армении Хосрой сохранил и свою жизнь, и свою независимость. Его средствами обороны были и естественные силы его страны, и постоянный наплыв перебежчиков и недовольных, и союз с римлянами, и главным образом его собственное мужество. После тридцатилетней успешной борьбы он был лишен жизни убийцами, подосланными персидским царем Шапуром. Армянские сатрапы, желавшие из патриотизма поддержать независимость и достоинство короны, просили римского покровительства для законного наследника престола Тиридата. Но сын Хосроя был еще ребенок, союзники были далеко, а персидский монарх приближался к границам во главе громадной армии. Молодой Тиридат, на которого Армения возлагала все свои надежды, спасся благодаря преданности одного из своих слуг, а Армения сделалась провинцией Великой персидской монархии и оставалась в этом зависимом положении в течение почти двадцати семи лет[143] Возгордившись этим легким завоеванием и рассчитывая на затруднительное положение и на слабость римлян, Шапур принудил сильные гарнизоны Карра и Нисибина сдать ему эти крепости и стал опустошать страны по обеим сторонам Евфрата.

Потеря важной пограничной позиции, гибель верного и естественного союзника и быстрые военные успехи честолюбивого Шапура пробудили в римлянах чувство оскорбленного

достоинства и сознание опасности, которая им угрожала. Валериан льстил себя надеждой, что бдительность его наместников будет достаточна для охраны Рейна и Дуная, но для обороны Евфрата он решился лично отправиться на место военных действий, несмотря на свои преклонные лета. Его прибытие в Малую Азию на время прекратило морские экспедиции готов и доставило этой несчастной провинции временное и обманчивое спокойствие. Он переправился через Евфрат, встретил персидского монарха под стенами Эдессы, был разбит и взят в плен Шапуром. О подробностях этого важного события мы имеем неясные и неполные сведения, но из некоторых данных мы усматриваем со стороны римского императора длинный ряд неосторожностей, ошибок и заслуженных бедствий. Он возложил полное доверие на преторианского префекта Макриана[144], тогда как этот недостойный министр сделал своего повелителя страшным лишь для его угнетенных подданных, а в глазах врагов Рима - достойным презрения[145]. Вследствие его неблагоразумных или злонамеренных советов императорская армия была поставлена в такое положение, в котором ничего не могут сделать ни храбрость, ни военное искусство[146]. Энергичные попытки римлян пробить себе дорогу сквозь ряды персидской армии были отражены с большим кровопролитием[147], и Шапур, окруживший римский лагерь с превосходящими силами, терпеливо ожидал, чтобы постоянно усиливавшиеся голод и моровая язва обеспечили ему победу. Легионы стали роптать и винить Валериана в своих страданиях; наконец они решительно потребовали немедленной капитуляции. Персам была предложена огромная сумма денег за позволение совершить позорное отступление. Но сознававшие свое превосходство персы с негодованием отвергли это предложение; задержав присланных к нему уполномоченных, Шапур придвинул свою армию в боевом порядке к подножию римского укрепленного вала и настоятельно потребовал личного совещания с императором. Валериан нашелся вынужденным вверить свою жизнь и свое достоинство честному слову своего врага. Свидание окончилось так, как и следовало ожидать. Император был задержан в плену, а его удивленные войска сложили оружие[148]. В момент этого блестящего триумфа, гордость и политика внушили Шапуру желание посадить на вакантный римский престол такого человека, который был бы

готов во всем исполнять его волю. Погрязший в пороках всякого рода незнатный антиохийский выходец Кириад был назначен на то, чтобы обесчестить римский престол, а выбор персидского победителя был, конечно, утвержден одобрительными, хотя и вынужденными, возгласами пленной армии[149].

Коронованный раб поспешил заслужить милостивое расположение своего повелителя изменой своему отечеству. Он направил Шапура через Евфрат и далее через Халкиду к метрополии Востока. Передвижения персидской кавалерии были так быстры, что, если верить одному очень рассудительному историку[150], город Антиохия был застигнут врасплох в то время, как праздная толпа наслаждалась театральными зрелищами. Великолепные здания Антиохии, как частные, так и общественные, были частью ограблены, частью совсем разрушены, а ее многочисленные жители были частью перебиты, частью уведены в плен[151]. Мужество эмесского верховного жреца на минуту приостановило разливавшееся во все стороны пламя опустошения. Облекшись в свои священнические одеяния, он стал во главе многочисленной толпы фанатичных крестьян, вооруженных одними пращами, и защитил своего бога и его собственность от нечестивых последователей Заратуштры[152]. Но разорение Тарса и многих других городов служит ясным доказательством того, что, за исключением этого единственного случая сопротивления, персидская армия почти без всяких затруднений овладела Сирией и Киликией. Римляне даже не воспользовались узкими ущельями Тавра, которые было бы нетрудно оборонять от неприятеля, которого главные силы заключались в кавалерии, неспособной действовать в гористой местности; таким образом, ничто не помешало Шапуру предпринять осаду столицы Каппадокии Кесарии, которая хотя и принадлежала к разряду второстепенных городов, но, как полагают, имела четыреста тысяч жителей. Демосфен принял главное начальство над городом не столько по поручению императора, сколько по добровольной готовности быть полезным своему отечеству. Он долго отражал все нападения, и наконец, когда измена одного доктора предала Кесарию в руки неприятеля, он пробился сквозь ряды персов, которым было приказано непременно захватить его живым. Этот отважный военачальник ускользнул из рук врага, который, может быть, наказал бы его, а может быть, и почтил бы за упорное мужест-

во, но многие тысячи его сограждан погибли в общей резне. Шапура обвиняли в том, что он обходился с пленными с бесполезной и неумолимой жестокостью[153]. В этих обвинениях, без сомнения, многое было преувеличено чувством национальной ненависти, а также униженной гордостью и бессильным желанием отмщения; тем не менее по всему видно, что тот же самый монарх, который выказал себя в Армении благодетельным законодателем, относился к римлянам со строгой суровостью завоевателя. Так как он не считал возможным прочно утвердить свою власть над какой-либо частью римской территории, то он заботился только об одном - чтобы позади его осталась необитаемая пустыня; с этой целью он переселял в Персию местных жителей и перевозил туда сокровища провинций[154].

В то время как Восток трепетал при одном имени Шапура, этот государь получил подарок, который не мог бы показаться малоценным даже величайшим из царей, - длинный ряд верблюдов, нагруженных самыми редкими и самыми дорогими товарами. Это богатое приношение сопровождалось почтительным, но не раболепным письмом от одного из самых знатных и самых богатых сенаторов Пальмиры - Одената. "Кто такой этот Оденат, осмеливающийся так дерзко писать своему господину? - сказал надменный победитель и приказал бросить подарки в Евфрат. - Если он надеется смягчить свое наказание, пусть он падет ниц у подножия нашего трона со связанными на спине руками. Если же он будет колебаться, немедленная гибель постигнет и его самого, и весь его род, и его отечество"[155]. Критическое положение, в которое был поставлен пальмирец, вызвало к деятельности все сокровенные силы его души. Он явился перед Шапуром, но явился с оружием в руках. Вдохновив своим собственным мужеством небольшую армию, набранную в сирийских деревнях[156] и под шатрами степных жителей[157], он тревожил персидскую армию во время ее отступления, отнял часть забранных ею сокровищ и - что было дороже всяких сокровищ - захватил нескольких жен великого царя, который был наконец вынужден перейти обратно через Евфрат с явными признаками торопливости и расстройства[158]. Этим подвигом Оденат заложил фундамент своей будущей славы и блестящей карьеры. Таким образом величие Рима, униженное пер-

сом, нашло себе защитника в сирийце или пальмирском арабе.

Голос истории, который нередко бывает отголоском или ненависти, или лести, винит Шапура в том, что он надменно злоупотреблял своими правами завоевателя. Рассказывают, что будто закованного в цепи, но вместе с тем облаченного в императорскую мантию Валериана выставляли напоказ, как живое изображение павшего величия, и что всякий раз, как персидский монарх садился на коня, он ставил ногу на шею римского императора. Шапур оставался непреклонным, несмотря на то что его союзники не раз убеждали его не полагаться на неизменчивость фортуны, остерегаться новых нападений со стороны римлян и сделать из своего знаменитого пленника залог мира. Когда Валериан испустил дух под этим бременем позора и скорби, его кожу набили соломой, придали ей формы человеческого тела и выставили в самом знаменитом из персидских храмов, где она сохранялась в течение многих веков; это был более правдивый памятник триумфа, чем все фантастические бронзовые и мраморные трофеи, которые так часто воздвигались римским тщеславием[159].

Все эти подробности очень поучительны и трогательны, но в их достоверности можно усомниться. Дошедшие до нас письма восточных государей к Шапуру, очевидно, поддельны[160], и было бы неестественно допустить, чтобы монарх, имевший столь высокое о себе мнение, захотел, даже в лице своего соперника, публично унижать царское достоинство. Впрочем, независимо от того, как обходились с несчастным Валерианом в Персии, нам по меньшей мере достоверно известно, что единственный римский император, попавший в руки неприятеля, до самой смерти влачил свою жизнь в плену без всякой надежды на спасение.

Император Галлиен, давно уже тяготившийся цензорской взыскательностью своего отца и соправителя, принял известие о постигших его несчастиях с тайным удовольствием и с явным равнодушием. "Я знал, - сказал он, - что мой отец смертен, а так как он вел себя, как прилично храброму человеку, то я доволен". В то время как Рим оплакивал жалкую участь своего государя, раболепные царедворцы превозносили грубое равнодушие его сына как доказательство геройской и стоической твердости[161]. Нелегко описать ветреный, изменчивый и непостоянный характер, которому Галлиен

дал полную волю с той минуты, как он сделался единственным хозяином империи. Благодаря живости своего ума он успевал во всем, за что бы ни взялся, а так как его уму недоставало здравого смысла, то он брался за все искусства, кроме искусства вести войну и управлять государством. Он был мастером в различных интересных, но бесполезных науках; он был находчивый оратор, изящный поэт[62], искусный садовник, отличный повар и самый негодный государь. В то время как серьезные государственные дела требовали его присутствия и внимания, он вел беседы с философом Плотином[63], тратил свое время на пустые или безнравственные развлечения, готовился к своему посвящению в греческие мистерии или просил для себя места в афинском ареопаге. Его чрезмерная роскошь казалась оскорбительной насмешкой над общей нищетой, а смешная пышность его триумфов заставляла еще глубже сознавать всю тяжесть общественных бедствий[64]. Беспрестанно получавшиеся известия о вторжениях, поражениях и восстаниях он принимал с беспечной улыбкой и, указывая с притворным презрением на какой-нибудь местный провинциальный продукт, небрежно спрашивал: неужели Рим погибнет, если ему не будут доставлять полотно из Египта или материи из Арраса? Впрочем, в жизни Галлиена изредка бывали непродолжительные промежутки, когда он приходил в ярость от какой-нибудь обиды и внезапно превращался в неустрашимого воина и жестокого тирана; но это продолжалось лишь до тех пор, пока он, насытившись кровью или утомившись от оказываемого ему сопротивления, незаметно возвращался к свойственным его характеру мягкости и беспечности[65].

Нет ничего удивительного в том, что, когда бразды правления находились в таких слабых руках, в провинциях появлялось множество узурпаторов, не признававших над собою власти Валерианова сына. Число их доводится в "Истории эпохи Цезарей" до знаменитого числа тридцати, вероятно, из желания придать более интереса рассказу сопоставлением тридцати римских тиранов с тридцатью афинскими[66]. Но такое сравнение во всех отношениях произвольно и неосновательно. Разве можно найти какое-нибудь сходство между советом из тридцати членов, соединившихся между собою для того, чтобы угнетать один только город, и неопределенным числом самостоятельных честолюбцев, то возвышав-

шихся, то погибавших без всякой правильной преемственности на обширном пространстве громадной империи? И даже чтобы достигнуть цифры тридцати, пришлось бы включить в число тиранов тех женщин и детей, которые были удостоены императорского титула. В царствование Галлиена, как оно ни было богато внутренними смутами, было только девятнадцать претендентов на престол: Кириад, Макриан, Балиста, Оденат и Зенобия на востоке; Постум, Лелиан, Викторин и его мать Виктория, Марий и Тетрик в Галлии и в западных провинциях; Ингенуй, Регалиан и Авреол в Иллирии и на дунайской границе, Сатурнин[67] в Понте, Требеллиан в Исаврии, Пизон в Фессалии, Валент в Ахаии, Эмилиан в Египте и Цельс в Африке. Если бы мы захотели изложить малоизвестные подробности жизни и смерти каждого из этих претендентов, мы взяли бы на себя тяжелый труд, который не доставил бы нам ни пользы, ни удовольствия. Поэтому мы ограничимся изложением тех характерных особенностей, которые всего ярче обрисовывают условия того времени, а также нравы узурпаторов, их притязания, их мотивы, их судьбы и пагубные последствия их узурпации[68].

Отвратительное название *тирана*, как известно, нередко употреблялось в древности для обозначения противозаконного захвата верховной власти, но под ним вовсе не подразумевалось злоупотребление этой властью[69]. Многие из претендентов, поднявших знамя бунта против императора Галлиена, были блестящими образцами добродетели, и почти все они обладали в значительной мере и энергией и талантами. Благодаря своим личным достоинствам они приобрели расположение Валериана и благодаря тем же достоинствам мало-помалу возвысились до самых важных должностей в империи. Военачальники, принявшие титул Августа, или приобрели уважение своих войск искусными распоряжениями и строгой дисциплиной, или действовали на их воображение храбростью и военными успехами, или были любимы за свою щедрость и великодушие. Их нередко провозглашали императорами на том самом поле сражения, на котором была одержана победа, и даже самый ничтожный из всех этих кандидатов на престол, оружейный мастер Марий, отличался неустрашимой храбростью, необычайной физической силой и грубой честностью[70]. Только что покинутое им низкое ремесло, правда, придавало его избранию вид чего-то смеш-

ного и странного, но его происхождение не могло быть более низко, чем происхождение большей части его соперников, которые родились в крестьянском звании и поступили в армию простыми солдатами[71]. В эпохи внутренних неурядиц всякий деятельный ум находит для себя то место, которое указано ему самой природой, а среди смут, порождаемых всеобщей войной, военные заслуги есть тот путь, который ведет к славе и могуществу. Из девятнадцати тиранов только один Тетрик был сенатор и только один Пизон был знатного происхождения. Кровь Нумы текла, через двадцать восемь последовательных поколений, в жилах Кальпурния Пизона[72], который, будучи связан родством с самыми знатными родами путем брачных союзов, имел право украшать свой дом изображениями Красса и великого Помпея[73]. Его предки неоднократно удостаивались всех тех отличий, какие могла дать республика, и из всех древних римских родов только род Кальпурниев пережил тиранию цезарей. Личные качества Пизона придавали новый блеск его роду. Узурпатор Валент, по приказанию которого он был лишен жизни, признавался с глубоким раскаянием в душе, что даже враг должен бы был уважать святость Пизона, и, несмотря на то что он умер, сражаясь против Галлиена, сенат с великодушного разрешения императора декретировал триумфальные почести в память столь добродетельного мятежника[74].

Наместники Валериана, искренно привязанные к отцу, которого они уважали, не хотели служить его недостойному сыну, проводившему время в праздной роскоши. Так как власть римских императоров не имела опоры в чувстве династической преданности, то измену такому недостойному монарху можно было в некоторой мере оправдывать патриотизмом. Однако, если мы внимательно рассмотрим поведение этих узурпаторов, мы найдем, что они были вовлечены в мятежи не столько своим честолюбием, сколько страхом. Они боялись подозрительности и жестокости Галлиена, но не менее боялись своенравия своих войск и их склонности к насилиям. Если опасная преданность армии необдуманно провозглашала их достойными престола, они были обречены на верную гибель; в таком случае даже благоразумие требовало, чтобы они, не дожидаясь смерти от руки палача, присвоили себе хоть на короткое время верховную власть и попытались удержать ее в своих руках силою оружия. Когда эти

жертвы солдатского насилия были против своей воли облечены в императорское достоинство, они нередко втайне скорбели об ожидавшей их участи. "Вы лишились,- сказал Сатурнин в день своего провозглашения императором,- вы лишились полезного начальника и сделали из меня очень жалкого императора"[175)]

Опасения Сатурнина оправдывались результатами происходивших на его глазах восстаний. Из девятнадцати тиранов, поднявших знамя бунта в царствование Галлиена, ни один не наслаждался спокойной жизнью и ни один не умер естественной смертью. Лишь только они были облачены в обагренную кровью императорскую мантию, они внушали своим приверженцам точно такие же опасения и точно такие же честолюбивые надежды, какие послужили мотивом для их собственного восстания. Окруженные домашними заговорами, военными бунтами и междоусобной войной, они с трепетом едва удерживались на краю той пропасти, в которую неизбежно должны были пасть после более или менее продолжительных тревог. Хотя армии и провинции, повиновавшиеся этим недолговечным императорам, воздавали им все должные почести, их основанные на мятеже права никогда не получали законной санкции и не заносились на страницы истории. Италия, Рим и сенат постоянно стояли за Галлиена, так как он один считался повелителем империи. Впрочем, этот государь признал военные заслуги Одената, который был достоин этого почетного отличия, потому что всегда относился с уважением к сыну Валериана. С общего одобрения римлян и с согласия Галлиена сенат дал храброму пальмирцу титул Августа и этим как бы упрочил за ним управление восточными провинциями, которыми он и без того уже заведовал с такой самостоятельностью, что передал их, как частную собственность, по завещанию своей знаменитой жене Зенобии[176)]

Такие быстрые и беспрестанно возобновлявшиеся переходы от хижины к престолу, а от престола к могиле могли бы казаться забавными для равнодушного философа, если бы только философ мог оставаться равнодушным при виде общих бедствий человеческого рода. И избрание этих недолговечных императоров, и их владычество, и их смерть оказывались одинаково пагубными и для их подданных, и для их приверженцев. В награду за свое возвышение они немедлен-

но выдавали войскам громадные денежные суммы, которые вымогались из кармана и без того уже истощенного народа. Как бы ни был благороден их характер, как бы ни были чисты их намерения, они не могли избежать печальной необходимости поддерживать свою узурпацию беспрестанными актами хищничества и жестокости. Когда они гибли, они вовлекали в свою гибель и армии и провинции. До нас дошел варварский указ, посланный Галлиеном к одному из его министров после падения Ингенуя, провозгласившего себя императором в Иллирии. "Недостаточно, - писал этот изнеженный, но бесчеловечный государь, - чтобы вы истребляли тех, кто выступал с оружием в руках; случайности войны могли бы доставить мне такую же выгоду. Мужское население всякого возраста должно быть вырвано с корнем с тем только условием, что, подвергая смертной казни детей и стариков, вы должны найти средства, чтобы спасти нашу репутацию. Пусть умирает всякий, кто проронил хоть одно слово, кто возымел хоть какую-нибудь мысль против меня, - против меня, сына Валериана, отца и брата стольких принцев[177]. Не забывайте, что Ингенуй был сделан императором, терзайте, убивайте, рвите на куски. Я пишу вам собственноручно и желал бы внушить вам мои собственные чувства"[178]. В то время как военные силы государства бесполезно расходовались на личные раздоры, беззащитные провинции были легкой добычей для всякого, кто хотел напасть на них. Самые храбрые из узурпаторов были вынуждаемы трудностями своего положения заключать с общим врагом унизительные мирные договоры, покупать нейтралитет или услуги варваров обременительными для народа данями и вводить независимые и враждебные племена в самое сердце Римской монархии[179].

Таковы были варвары и таковы были тираны, которые в царствования Валериана и Галлиена расчленили провинции и довели империю до такого унижения и разорения, от которых, казалось, она никогда не будет в состоянии поправиться. Мы постарались изложить главные события этого бедственного периода в порядке и с последовательностью, на сколько это возможно при скудости исторического материала. Нам еще остается описать некоторые отдельные события, которые могут бросить яркий свет на представленную нами

страшную картину, а именно: I. Беспорядки в Сицилии. II. Смуты в Александрии и III. Восстание исавров.

I. Когда мы видим, что многочисленные шайки разбойников, размножающиеся вследствие своих успехов и безнаказанности, открыто издеваются над провосудием вместо того, чтобы увертываться от него, мы можем с полной уверенностью сказать, что самые низшие слои общества сознают крайнее бессилие правительства и злоупотребляют им. Географическое положение Сицилии предохранило ее от нашествий варваров, а узурпаторы не могли бы найти для себя опоры в такой провинции, где вовсе не было войск. Но удары, от которых пришлось страдать этому когда-то цветущему и до сих пор еще плодородному острову, были нанесены руками более низких людей. Бесчисленная толпа рабов и крестьян господствовала в течение некоторого времени над разоренной страной и напоминала те войны, которые Рим вел в старые времена со взбунтовавшимися рабами[180]. Опустошения, в которых землепашцы являлись или жертвами, или соучастниками, разорили земледелие в Сицилии, а так как самые большие имения, иногда не уступавшие размером некоторым из древних республик, составляли собственность богатых римских сенаторов, то не трудно поверить, что эти смуты отзывались на столице гораздо сильнее, чем все завоевания готов и персов.

II. Основание Александрии, задуманное и приведенное в исполнение сыном Филиппа, служит памятником его гения. Этот красивый и правильно выстроенный город, уступавший в великолепии лишь одному Риму, имел пятнадцать миль в окружности[181] и был населен тремя стами тысячами свободных граждан и по меньшей мере таким же числом рабов[182]. Его гавань служила складочным местом для дорогих продуктов Аравии и Индии, направлявшихся в столицу империи и в ее провинции. Праздность была там незнакома. Множество рук было занято выделкой стекла, тканьем материй из льна и производством папируса. Каждый пол и каждый возраст был занят какой-нибудь промышленной деятельностью; даже слепые и увечные находили работу по своим силам[183]. Но население Александрии, представлявшее смесь различных наций, соединяло в себе тщеславие и непостоянство греков с суевериями и упрямством египтян. Самое ничтожное обстоятельство - временный недостаток в мясе и чечевице, остав-

ленное без обычного ответа приветствие, допущение в публичные бани не по порядку старшинства и даже спор из-за какого-нибудь религиозного вопроса [184] - могло возбудить мятеж в этой громадной толпе, свирепой и неумолимой, когда она увлекалась жаждой мщения [185] Когда пленение Валериана и беспечность его сына ослабили авторитет законов, александрийцы предались своим страстям с необузданной яростью, и их несчастное отечество сделалось театром междоусобной войны, которая продолжалась (за исключением немногих непродолжительных и несоблюдавшихся в точности перемирий) более двенадцати лет [186] Все сношения между различными кварталами несчастного города были прерваны. Не было улицы, которая не была бы запятнана кровью, не было ни одного большого здания, которое не обратили бы в крепость, и смуты продолжались до тех пор, пока значительная часть Александрии не была обращена в развалины. Обширный и великолепный Брухонский квартал, в котором находились дворцы и музей и который был резиденцией королей и философов, имел, по дошедшим до нас рассказам, слишком через сто лет после того такой же вид мрачной пустыни, как и в настоящее время [187]

III. Неважное восстание Требеллиана, возложившего на себя императорскую корону в небольшой малоазиатской провинции Исаврии, сопровождалось оригинальными и достопамятными последствиями. Один из генералов Галлиена скоро уничтожил этот призрак верховной власти, но приверженцы Требеллиана, не надеясь быть помилованными, решились разорвать как те верноподданнические узы, которые привязывали их к императору, так и те, которые привязывали их к империи, и возвратились к жизни дикарей, от которой они еще не успели совсем отвыкнуть. Их неприступное убежище охранялось утесистыми скалами, составляющими часть широкой цепи гор, известной под именем Тавра. Обработка некоторых плодородных равнин [188] доставляла им то, что нужно для жизни, а хищничество - то, что нужно для роскоши. Несмотря на то что они были со всех сторон окружены римскими владениями, исавры долго оставались нацией диких варваров. Преемники Галлиена, не будучи в состоянии привести их в покорность ни силою оружия, ни политическими хитростями, были вынуждены явно сознаться в своем бессилии, так как они приказали окружить эту враждебную

и независимую территорию цепью сильных укреплений [189]; но и эти укрепления нередко оказывались недостаточными для того, чтобы предохранить римские владения от вторжений этих внутрених врагов. Исавры мало-помалу распространили свои владения до морского побережья и покорили западную гористую часть Киликии, служившую в прежние времена гнездом для тех отважных пиратов, в борьбе с которыми республиканская армия когда-то напрягала все свои усилия под предводительством великого Помпея [190].

Человечество так привыкло считать свою судьбу тесно связанной с законами, управляющими Вселенной, что этому мрачному периоду истории приписывали разные наводнения, землетрясения, появления необыкновенных или преувеличенных чудес [191]. Но продолжительный и всеобщий голод оказался серьезным бедствием. Он был неизбежным последствием хищничества и угнетений, которые уничтожали и находившиеся налицо земные продукты, и надежды на будущую жатву. Вслед за голодом почти всегда появляются эпидемические болезни, возникающие от недостаточности и недоброкачественности пищи. Впрочем, вероятно, были и другие причины, содействовавшие распространению страшной моровой язвы, которая свирепствовала без перерыва с 250 по 265 г. во всех римских провинциях, во всех городах и почти во всех семьях. В течение некоторого времени в Риме умирало ежедневно по пяти тысяч человек, и многие города, спасшиеся от нашествия варваров, совершенно опустели [192].

Нам достоверно известен один интересный факт, из которого можно извлечь некоторую пользу, когда приходится подводить итоги бедствиям человечества. В Александрии аккуратно велся список всех граждан, имевших право пользоваться даровой раздачей зернового хлеба. Оказывается, что прежнее число просителей в возрасте от сорока до семидесяти лет равнялась числу всех тех просителей в возрасте от четырнадцати до восьмидесяти лет, которые остались в живых после царствования Галлиена [193]. Применяя этот достоверный факт к самым аккуратным спискам смертности, мы, очевидно, должны прийти к тому заключению, что в Александрии вымерло более половины ее населения; если же мы позволим себе судить по аналогии о том, что должно было происходить в других провинциях, то мы должны будем до-

пустить, что войны, моровая язва и голод истребили в несколько лет половину человеческого рода [194])

---

1) Зосим и Зонара употребляют такое выражение, из которого трудно понять, командовал ли Марин центурией, или когортой, или легионом.

2) Он родился в Бубалии, небольшой деревне, находившейся в Паннонии (Евтроп. IX, Виктор in Caesarib. epitom.). Этот факт, если только он не был случайным, противоречит предположению, что он происходил из рода Дециев. Шестисотлетняя слава облагородила Дециев, но в начале описываемого периода они были не более как выдающимися плебеями и принадлежали к числу тех, кто впервые стали разделять консульское звание с гордыми патрициями. "Plebeiae Deciorum animae" и пр. Ювенал, сат. 8, 254. См. воодушевленную речь Деция у Ливия, X, 9, 10.

3) Зосим, кн. 1, стр. 20. Зонара, кн. 12, стр. 624, Луврское издание.

4) См. предисловия Кассиодора и Иордана. Странно, что последнее из этих предисловий не вошло в превосходное издание готских писателей Гроция.

5) Ссылаясь на авторитет Аблавия, Иордан цитирует некоторые готские хроники, написанные стихами. De Reb. Geticis, гл. 4. (Это, по всему вероятию, была "ultima Thule" какого-нибудь латинского или греческого писателя. - Шрейтер). (Готы жили в Скандинавии, но не были оттуда родом. Эта великая нация принадлежала к древнему племени свевов; во времена Тацита и еще задолго до того она занимала Мекленбург, Померанию, южную Пруссию и северо-восточную часть Польши. Незадолго до Р.Х. и в первые годы, следовавшие за этим событием, они входили в состав монархии короля маркоманнов, Марбода; но молодой готский принц Котуальда освободил их от этой тирании и сам утвердил свою власть над королевством маркоманнов,уже очень ослабленным победами Тиберия. В эту пору могущество готов, должно быть, было довольно велико; вероятно, от них Балтийское море получило название Sinus Codanus, подобно тому как оно называлось mare Suevicum и mare Venedicum во времена владычества свевов и венедов. Время переселения готов в Скандинавию неизвестно. См. Адел." Древн. ист. Алем"., стр. 200; Гаттерер, Опыт всеобщ. ист., стр. 458. - Гизо) (В одной из следующих глав Гиббон сам сознается, что он впал в заблуждение. Названию готов действительно придавали несвойственное ему значение. Между прочим, впадали в ту ошибку, что употребляли родовое имя для обозначения племени, а это племя считали лишь за незначительную часть великой семьи народов. Напрасно некоторые ссылаются как на авторитет на поверхностные сведения, почерпаемые от таких историков и географов, которые расходятся между собою в мнениях. Когда затрудняются такие аккуратные наблюдатели, как Тацит и Плиний, нам приходится искать истины в течении событий, в изучении языков и в генеалогиях существующих поколений. Мы также должны избегать нашего неправильного мягкого произношения латинской буквы с в словах Celtae и Scythae, так как эта буква должна звучать как грече-

ская каппа. Это неправильное произношение было причиной невнимания к происхождению этих языческих терминов и причиной сбивчивости в их применении. Название готов встречается очень рано в извращенной форме - массагетов, скуфов (скифов) и гетов, которая обозначает их движение из Азии в Западную Европу, всегда совершавшееся промеж кельтских и сарматских или славонских рас. Установившееся впоследствии обыкновение обозначать таким именем эту промежуточную волну в потоке народных переселений, а также все, что с ней случалось на пути, свидетельствуют о его происхождении. Между этими ранними и поздними фазами существует масса недоразумений, в которую можно ввести некоторую ясность только путем приведения ее отдельных частей в гармоническую связь. Кроме общего названия готов различные подразделения этой расы носили отличительные названия остготов, вестготов, свевов, маркоманнов и пр.; а когда они вступали между собой в союзы, они называли себя гар-маннами или алеманнами. Они делались известны римлянам то под своим родовым именем, то под конфедеративным, то под разрядным; а так как римляне не понимали ни их языка, ни их взаимных отличий, то они принимали слово "готы" за название какого-нибудь отдельного племени и разнообразили свое заблуждение, придавая этому названию такие формы, как готоны, готини, гуттоны, юты и пр. Когда они наконец добыли более точные сведения и, может быть, когда сами племена получили более правильную организацию, вся эта нация была признана за готов. Хотя в последующие периоды истории готы, подобно саксам, принадлежали к числу отдаленных племен и, подобно франкам, были сочетанием различных рас, они заняли передовое место в истории. Это объяснение должно устранить все затруднения и согласить все противоречия, а между тем оно дает последовательное понятие о единообразном движении народов с востока на запад. Готы, поселившиеся в Скандинавии, вероятно, прошли туда через Россию, Финляндию и острова Ботнического залива, и это передвижение произошло в очень отдаленные времена, которые нет возможности определить с точностью. - Издат .)

6) Иордан, гл.3.

7) Интересные сведения об этом предмете, равно как тщательное сравнение кажущихся противоречий между старинными географами, можно найти в трактатах барона фон Ведель Иарлсберга о древней скандинавской истории кимвров и готов. - Шрейтер .

8) См. во вступительном объяснении Гроция большие выдержки из Адама Бременского и Саксона Грамматика. Первый из них писал в 1077, а последний славился около 1200 года.

9) Вольтер, Histoire de Charles XII, кн. 3. Когда австрийцы просили у римского двора помощи против Густава-Адольфа, они выдавали этого завоевателя за преемника Алариха, нисходящего от него по прямой линии. Гарт., История Густава, ч. 2, стр. 123.

10) Некоторые полагают, что этот храм находился в Сигтупе, а не в Упсале. - Шрейтер .

11) См. Адама Бременского во вступительном объяснении Гроция, стр. 104. Упсальский храм был разрушен шведским королем Инго, который начал свое царствование с 1075 г.; через лет восемьдесят

после того на развалинах этого храма был выстроен христианский собор. См. Далина "Историю Швеции".

12) Сведения о религии и нравах суеверных народов, доставляемые так называемой Эддой, нельзя назвать ни единственными, ни самыми важными из всех. Этот сборник, который вовсе не был с достаточной тщательностью рассмотрен Иром в его сочинении об Исландской Эдде, никак нельзя назвать "мифологической системой". См. примечание к предыдущей главе. - Шрейтер .

13) Исторические исследования возбуждают немало сомнений касательно существования великого скандинавского законодателя и пророка. Шлецер, Исланд. лит., стр. 128, примечание 28. - Шрейтер .

14) Маллэ, Introductionàl' Histoire du Dannemarc.

15) Маллэ, гл. 4, стр. 55, извлек из Страбона, Плиния, Птолемея и Стефана Византийского слабые следы существования такого города и такого народа. (Это не верно. Бейер доказал, что город Азов не существовал до двенадцатого столетия. См. его диссертацию об истории Азова во втором томе сборника "Русск. Истории". - Гизо .) (Asgard - по этимологии этого слова должно быть то же, что Asans, то есть выходцы из Азии. Так как в Эдде говорится о древнем Ас-гарде, то дальновидные толкователи пришли к заключению, что, должно быть, существовал новый Ас-гард и что это был знаменитый Упсал, тогда как первое из названий должно было обозначать славную Трою! В своем следующем примечании Гиббон приводит другое, еще более мистическое, толкование. - Шрейтер)

16) Эта удивительная экспедиция Одина, объясняющая вражду между готами и римлянами такими достопамятными мотивами, что могла бы служить содержанием для эпической поэмы, тем не менее не может быть выдаваема за достоверный исторический факт. Согласно с ясным смыслом Эдды и с толкованием самых опытных критиков, Асгард не был названием действительно существовавшего города Азиатской Сарматии, а был вымышленным названием местопребывания богов, или скандинавского Олимпа; оттуда, как полагают, вышел пророк, когда он стал проповедовать новую религию готским племенам, уже утвердившимся в южных частях Швеции. (Касательно этого предмета есть интересное письмо канцелярского советника в Упсале, шведа Ира; оно издано в Упсале Эдманом в 1772 г. и переведено на немецкий язык Шлецером; этот перевод издан в Геттингене Дитрихсом в 1773 г. - Гизо .)

17) Тацит, Герм. гл. 44.

18) Тацит, Анналы., II, 62. Если бы могли верить морским путешествиям Пифея Марсельского, то мы должны бы были допустить, что готы переправились через Балтийское море по меньшей мере за триста лет до Р.Х. (Шлецер, Исланд. лит., стр. 112, очень основательно определил степень доверия, которой заслуживает рассказ о Пифее. - Шрейтер).

19) Птолемей, кн. 2.

20) Германскими колониями, которые возникали вслед за военными успехами тевтонских рыцарей. Завоевание Пруссии и ее обращение в христианскую веру были довершены этими искателями приключений в тринадцатом столетии.

21) Плиний (Hist.Natur., IV,14) и Прокопий (In Bell. Vandal., кн.1, гл.1) соглашаются с этим мнением. Они жили в разные века и прибегали к различным способам, чтобы доискаться истины. (В этом мнении мало правдоподобия. Вандалы и готы одинаково составляли крупное подразделение свевов, но это были два совершенно различных племени. Те, которые занимались этим отделом истории, как мне кажется, не обратили внимания на тот факт, что древние почти всегда давали слабым и побежденным племенам название народа сильного и победоносного; так, например, Плиний называет вандалами (Vindili) все народы северо-восточной Европы, потому что в его время вандалы были племенем завоевателей. Напротив того, Цезарь называет свевами многие из тех племен, которые Плиний называет общим именем вандалов, потому что собственно так называемые свевы были в то время самым могущественным племенем в Германии. Когда готы сделались в свою очередь завоевателями и покорили жившие на их пути племена, эти мелкие народы утратили вместе со свободой и свое название и стали считаться народами готского происхождения. Даже вандалы считались в то время за готов; та же участь постигла герулов, гепидов и др. Таким образом, одинаковое происхождение было приписано таким народам, которые были соединены вместе лишь путем завоевания, а это смешение был причиной исторических заблуждений. - Гизо .)

22) Ostro и Visi, то есть восточные и западные, готы получили эти названия от первоначальных мест своего пребывания в Скандинавии. При всех следующих передвижениях и поселениях они сохранили вместе с этими названиями и свое относительное положение. Когда они в первый раз отплыли из Швеции, зарождающаяся колония умещалась на трех судах. Одно из этих судов, двигавшееся медленнее других, отстало, и его пассажиры, впоследствии разросшиеся в нацию, получили по этому поводу название гепидов или запоздавших (Иордан, гл. 17). (Разделение готов на остготов и вестготов произошло не в Скандинавии, а после их вторжения в Дакию, в третьем столетии: те, которые пришли из Мекленбурга и Померании, были названы вестготами, а те, которые пришли с юга Пруссии и северо-востока Польши, получили название остготов. Адел., Древн. ист. Герм., стр. 202; Гаттерер, Всеобщ. ист., стр. 431. - Гизо .) (Во времена Гиббона археологические исследования о древних расах были очень неполны, а потому его ошибки извинительны. Европейские языки служат указанием коренных племен, населявших Европу. А на обширном пространстве между Атлантическим морем, Северным океаном, Балтийским морем и Эвксинским Понтом они указывают в этом смешении народов только на три расы - кельтскую, готскую и славянскую. К одной из них должно было принадлежать каждое из племен, которые приходится здесь упоминать. Нередко смешивали венедов, которые принадлежали к первой из названных трех рас, с вандалами, принадлежавшими ко второй расе, и с вендами, принадлежавшими к третьей. Вандалы действовали самостоятельно и сообща с другими племенами, называвшимися готами; они передвигались в одном и том же направлении, а затем, как уверяют, совершенно вымерли. Но массы народа не погибают таким путем. Всего вероятнее то, что вандалы слились со своими одноплеменниками готами в Ис-

пании и что их язык, как уже было замечено, уступил место латинскому языку, как более распространенному. - *Издат.*)

23) См. отрывок из сочинения Петра Патриция в Excerpta Legationum; а касательно времени см. Тильемона Hist. des Empereurs, ч. 3, стр. 346.

24) Omnium harum gentium insigne, rotunda scuta, breves gladii et erga reges obsequium. Тацит, Герм., гл. 43. Готы, вероятно, получали железо в обмен на янтарь.

25) Иордан, гл. 13, 14.

26) В особенности упоминаются герулы и урегунды, или бургунды. См. Маску, История германцев, кн. 5. В одном месте Истор. эпохи Цезарей (стр. 28), как кажется, есть намек на это великое переселение. Маркоманнская война отчасти была результатом давления, которое производили варварские племена, отступавшие перед более северными варварами.

27) Анвилль, Géographie Ancienne и третья часть его бесподобной карты Европы.

28) Тацит, Герм., гл. 46.

29) Клювье, Germ. Antiqua, кн. 3, гл. 43.

30) Бастарны не были по своему происхождению германским племенем. Один Плиний утверждает это, но Страбон и Тацит сомневаются в этом; Птолемей и Дион считают их скифами, но в ту пору это было очень неопределенное название. Ливий, Плутарх и Диодор Сицилийский называют их галлами, и это мнение, как кажется, самое близкое к истине. Они происходили от галлов, которых привел в Германию Сиговез; они обыкновенно вступали в союзы с галльскими племенами, как, например, с бойями, таврисками и др., а не с немецкими: имена их вождей или князей - Хлоникса, Хлондика, Дельдона-не немецкие имена. Те из них, которые поселились на острове Певс, на Дунае, приняли название певсинов. О карпах упоминается в 237 году как о свевском племени, вторгшемся в Мезию. Впоследствии они снова появляются на сцену под верховенством остготов, с которыми они, вероятно, слились в одно племя. См. Адел., Древн. ист. Герм., стр. 236 и 278. - *Гизо.*) (Кельты, галаты и галлы - выражения, которые употреблялись древними безразлично для обозначения кельтов. Уже ранее было говорено об отпрысках их расы, оставленных во время их движения к западу, а также о баснословных переселениях из Галлии, выдуманных на их счет. В числе их были скордики, или кордисты, которые, как кажется, были в родственной связи с галльскими племенами, которые, как было упомянуто, жили на западных берегах Эвксинского Понта. Страбон (кн. 7) говорит, что они преимущественно жили на островах Дуная, а Павсаний (кн. 10, de Phocicis) упоминает об одном очень поучительном факте. Он утверждает, что лошадь получила у этого народа название marcas, которое чрезвычайно схоже с теперешними гелическими или валльскими названиями того же животного. Пока победы Александра на Дунае не познакомили греков с этой нацией, они никогда ничего не знали о кельтах (Аппиан, кн. 1, гл. 3; кн. 7, гл. 15). После этого они дали название галатов потомкам киммерийцев в Малой Азии, которые прежде были известны под именем вифинийских фракийцев и которых римляне впоследствии называли галло-греками. Скордиски, по все-

му вероятию, составляли армию галлов, напавшую на Дельфы в 278 г., и, вероятно, были предками албанцев, сходство которых с жителями гористой Шотландии по языку и по наружности было указано майором Leake (Researches in Greece, стр. 237) и лордом Байроном в его примечаниях к "Чайльд Гарольду" (песнь 2, стр. 125). - Издат .)

31) Венеды, славяне и анты были три великих племени одного и того же народа. (Иордан, гл. 24) (Эти три племени составляли великую славянскую нацию. - Гизо .) (Здесь венеды ошибочно приняты за вендов. - Издат .)

32) Тацит бесспорно достоин этого названия, и даже его осторожные оговорки служат доказательством точности его наблюдений.

33) Жак Рейнеггс полагает, что он отыскал в Кавказских горах потомков нации аланов; татары называют их эдеки-алан; они говорят на особом диалекте древнего языка кавказских татар. См. Ж.Рейнеггса "Описание Кавказа" (на нем. языке), стр. 11, 15. - Гизо .

34) "Генеалогическая история татар", стр. 593. Белль (ч. 2, стр. 379) проезжал Украину на пути из Петербурга в Константинополь. Внешний вид страны такой же, каким он был в древности, так как в руках казаков страна до сих пор остается в своем натуральном состоянии.

35) В шестнадцатой главе у Иордана вместо Secundo Moesiam мы можем без большого риска читать Secundam, то есть вторая, Мезия, столицей которой, без сомнения, был Маркианополь (См. Гиероклеса de Provinciis и Весселинга ad locum, стр. 636. Itineraria). Удивительно, как могла такая явная ошибка переписчика остаться не исправленной Гроцием. В настоящее время это болгарский город Пребислав. Анвилль, Geogr. anc., ч. 1, стр. 311. - Гизо .

36) Место, где находился этот город, до сих пор носит название Никопа. Небольшая речка, на берегу которой он был построен, впадает в Дунай. Анвилль, Geographie Ancienne, ч. 1, стр. 307.

37) Стеф. Визант., de Urbibus, стр. 740. Весселинг, Itinerar., стр. 136. Зонара впадает в странное заблуждение, уверяя, что основателем Филиппополя был непосредственный предшественник Деция. (Теперь Филиппополь, или Филиба; так как он окружен тремя холмами, то его называли также Trimontium. Анвилль, Geogr. anc., ч. 1, стр. 295. - Гизо).

38) Аммиан, XXXI, 5.

39) Аврел. Виктор, гл. 29.

40) Слова Victoriae Carpicae, попадающиеся на некоторых медалях Деция, указывают на эти военные успехи.

41) Клавдий (который впоследствии царствовал так бесславно) был поставлен в Фермопильском ущелье с двумястами дарданов, с сотней тяжелой кавалерии, ста шестьюдесятью солдатами легкой кавалерии, шестьюдесятью критскими стрелками из лука и тысячью хорошо вооруженных рекрутов. См. подлинное письмо императора к этому офицеру в Истор. эпохи Цезарей, стр. 200.

42) Иордан, гл. 16-18. Зосим, кн. 1, стр. 22. В рассказах об этой войне не трудно заметить, что готский и греческий писатели увлекались противоположными предрассудками. Они сходятся между собой только в том, что оба были одинаково небрежны.

43) Монтескьё, Grandeur et Décadence des Romains, гл. 8. Он объяс-

няет характер и практическое значение цензорства с своим обычным остроумием и с редкой ясностью.

44) Веспасиан и Тит были последними цензорами. Плиний, Hist. Natur., VII, 49. Ценсорин, de Die Natali. Траян из скромности отказался от чести, которой он был удостоен, а его пример сделался законом для Антонинов. См. Плиния "Панегирик", гл. 45 и 60.

45) Однако, несмотря на такое исключение, Помпей во время своего консульства явился на суд перед этим трибуналом. Повод был действительно странный и вместе с тем делающий честь Помпею. Плутарх In Pomp., стр. 630.

46) См. подлинную речь в Ист. эпохи Цезарей, стр. 173, 174.

47) Это обстоятельство, вероятно, и ввело в заблуждение Зонару, который полагает, что Валериан был на самом деле объявлен сотоварищем Деция, кн. 12, стр. 625.

48) Ист. эпохи Цезарей, стр. 174. Ответ императора опущен.

49) Таков был результат попыток Августа касательно улучшения нравов. Тацит, Анналы, 111, 24.

50) Тильемон, Histoire des Empereurs, ч. 3, стр. 598. Так как Зосим и некоторые из его последователей принимают Дунай за Танаис, то они говорят, что местом битвы были равнины Скифии.

51) Аврелий Виктор полагает, что два Деция погибли в двух различных сражениях; но я предпочел рассказ Иордана.

52) Я позволил себе извлечь из Тацита (Анналы, 1, 64) описание подобного сражения между римской армией и одним германским племенем.

53) Иордан, гл. 18. Зосим, кн. 1, стр. 22 (гл. 23). Зонара, кн. 12, стр. 627. Аврелий Виктор.

54) Деции были убиты ранее конца 251 года, так как новые монархи вступили в консульское звание в следующие январские календы.

55) Ист. эпохи Цезарей, стр. 233, уделяет им очень почетное место наряду с немногими хорошими императорами, царствовавшими в промежутке времени от Августа до Диоклетиана.

56) Haec ubi partes compererе...... decernunt (Виктор In Caesaribus).

57) Зонара, кн. 12, стр. 628.

58) Sella, toga и золотая patera, в которой было пять фунтов весу, были с радостью и признательностью приняты в подарок богатым египетским царем (Ливий, XXVII, 4). Иностранным послам обыкновенно давали в подарок Quina millia aeris, т.е. медную монету, стоившую по своему весу 18 ф. ст.(Лив., XXXI, 9).

59) Чтобы убедиться, какой твердостью отличались римские полководцы даже во времена Александра Севера, см. Excerpta Legationum, стр. 25, Луврское издание.

60) Касательно моровой язвы см. Иордана, гл. 19, и Виктора In Caesaribus.

61) Об этих неправдоподобных обвинениях упоминает Зосим, кн. 1, стр. 23, 24.

62) Иордан, гл. 19. По крайней мере готский писатель соблюдал тот мир, который его победоносные соотечественники обещали соблюдать Галлу.

63) Зосим, кн. 1, стр. 25, 26.

64) Виктор In Caesaribus.

65) Зонара, кн. 12, стр. 628.
66) Banduri, Numismata, стр. 94.
67) Евтропий (кн. 9, гл. 6) говорит tertio mense. Евсевий вовсе не упоминает об этом императоре.
68) Зосим, кн. 1, стр. 28. Евтропий и Виктор говорят, что армия Валериана находилась в Реции.
69) Аврелий Виктор говорит, что Эмилиан умер от болезни; Евтропий, говоря о его смерти, не говорит, что он был убит. - Гизо
70) Ему было около семидесяти лет, когда он был взят в плен персами или - что более правдоподобно - когда он умер. Ист. эпохи Цезарей, стр. 173. Тильемон, Hist. des Empereurs, ч. 3, стр. 893, прим. 1. (Clinton (F.R. II, p. 55) ссылается на Chron. Pasch., p. 272, Д, по словам которой Валериану было пятьдесят пять лет во время его восшествия на престол и шестьдесят один год в то время, как он попал в плен. - Издат .)
71) Inimicus Tyrannorum. Ист. эпохи Цезарей, стр. 173. В славной борьбе сената с Максимином Валериан играл очень видную роль. Ист. эпохи Цезарей, стр. 156.
72) По мнению Виктора, он получил титул императора от армии, а титул августа - от сената.
73) Из слов Виктора и из надписей на медалях Тильемон (ч. 3, стр. 710) очень основательно выводит заключение, что Галлиен был принят в сотоварищи императора около августа месяца 253 года.
74) Много систем было придумано с целью объяснить трудное место в сочинении Григория Турского, кн. 2, гл. 9.
75) "Равеннский географ" (I, II), упомянув о находившейся подле датских границ Mauringania как древнем месте жительства франков, дал повод Лейбницу придумать его остроумную систему.
76) См. Клювье, Germania Antiqua, кн. 3, гл. 20. Фрерэ в Mémoires de l'Académie des Inscriptions, ч. XVIII.
77) Вероятно, в царствование Гордиана. Обстоятельство, послужившее к этому поводом, было всесторонне рассмотрено Тильемоном, ч. 3, стр. 710, 1181.
78) Плин. Hist. Natur., XVI, I. Панегиристы часто намекают на болота, среди которых жили франки.
79) Тацит, Германия, гл. 30, 37. (В конфедерацию франков, как кажется, вошли: 1) хавки (Chauci), 2) сикамбры, жившие в теперешнем герцогстве Бергском, 3) аттуарии, жившие к северу от сикамбров, в княжестве Вальдекском, между Димелем и Эдером, 4) бруктеры, жившие на берегах Липпы и в Гарцких горах, 5) хамавии (Тацитовы Gambrivii), утвердившиеся в стране бруктеров в то время, как образовалась конфедерация франков, 6) катты, жившие в курфюршестве Гессенском. - Гизо .). (В союз франков входили только все независимые племена, жившие вдоль рейнских границ Римской империи. Это географическое положение, а также принятое ими название "вольных" людей свидетельствуют о том, что их целью была взаимная оборонительная и наступательная помощь в борьбе с их могущественным соседом. Политика римлян заключалась в том, чтобы разъединять и подчинять, а опыт научил их необразованных противников соединяться и завоевывать; таким образом эти последние и составили самый удачный и самый прочный союз, какой только можно найти

в истории, так как можно сказать, что этот союз продолжается до сих пор между французскими потомками его основателей. Не только готские племена присоединялись к нему, но в нем было также множество сикамбров, принадлежавших к кельтской расе; вероятно, такое же было происхождение каттов, или хасов, от которых получили свое название гассии, или гессенцы, вследствие часто встречающейся замены гортанных букв придыхательными. Некоторые из этих названий сохранялись в местном употреблении, но широкое применение общего названия видно из того, что это название часто повторяется, как, например, в словах Франкенберг, Франкенштейн, Франкфурт, Франкенталь и пр., на прежней территории союза и в центре его возникновения, в округе Франкония (Frankken).- Издат .)
80) Многие из этих старинных названий упоминаются в эпохи менее отдаленные. Клювье указывает на их следы в Germ. Antiq., кн. 3.
81) Simler, de Republica Helvet. com notis Fuselin.
82) Зосим, кн. 1, стр. 27.
83) Брекиньи (Mémoires de l'Académie, ч. 30) написал очень интересный очерк жизни Постумия. Много раз возникало предположение описать жизнь императоров по медалям и надписям, но до сих пор у нас нет такого сочинения. (Этот недостаток восполнен Экгелем, хранителем кабинета медалей и профессором древней истории в Вене, недавно умершим. Он написал прекрасное сочинение под заглавием: Doctrina Nummorum Veterum conscripta a Jos. Eckhel., 8 vol. in 4o. Vindobonae, 1797. - Гизо)
84) Аврел. Виктор, гл. 33, Вместо poene direpto должно бы было, по смыслу фразы, стоять deleto, хотя, в сущности, весьма трудно исправлять текст как лучших, так и самых плохих писателей.
85) Во времена Авзония (в конце четвертого столетия) Илерда, или Лерида, была вся в развалинах (Авзон. Epist. 25, 58), что, вероятно, было последствием этого нашествия.
86) Поэтому Валезий впадает в заблуждение, полагая, что франки напали на Испанию с моря.
87) Аврел. Виктор. Евтропий, IX, 6.
88) Тацит, Герм., 38.
89) Клювье, Germ. Antiq., III, 25.
90) Sic Suevi a ceteris Germanis, sic Suevorum ingenui a servis separantur. Какое благородное отличие!
91) Цезарь in bello Gallico, IV, 7.
92) Виктор in Caracal. Дион Кассий, кн. 67 стр. 1350.
93) Эта этимология (вовсе не похожая на те, которыми забавляется фантазия ученых) сохранилась до нас благодаря Азинию Квадрату, оригинальному историку, которого цитирует Агафий, кн. 1, гл. 5. (Нация алеманнов первоначально образовалась не из собственно так называемых свевов; эти последние всегда сохраняли свое особое название; вскоре после 357 года по Р.Х. они сделали вторжение в Рецию и лишь много времени спустя после того соединились с алеманнами, но все-таки постоянно отличались от них в архивах: даже теперь народы, живущие в северо-восточной части Шварцвальда, называются швабами, суавами, свевами, тогда как те, которые живут подле Рейна, в Остенау, Бризгау и маркграфстве Баденском, не считают себя швабами и по своему происхождению алеманны. Тенкте-

ры и узипеты, жившие внутри и на севере Вестфалии, были, по мнению Гаттерера, ядром алеманнской нации; они занимали страну, в которой в первый раз появилось название алеманнов, побежденных в 213 г. Каракаллой. По словам Тацита (Germ., гл. 32), они очень ловко сражались на конях, и Аврелий Виктор делает алеманнам такую же похвалу; наконец, они никогда не входили в состав Франкского союза. Алеманны сделались впоследствии центром, вокруг которого сгруппировалось множество германских племен. См. Эвмена, Panegyr., гл. 2; Аммиана Марцеллина XVIII, 2; XXIX, 4. - Гизо) (Постоянные названия многих округов и городов Германии доказывают, что нападавшие на Римскую империю хотя и назывались нациями, но вообще были не более как армии или колонии, состоявшие из названных племен или конфедераций, и что главное их зерно оставалось дома. - Издат .)
94) Точно таким же образом свевы сражались с Цезарем, и этот маневр доставил им одобрение победителя (Bell. Gallic. I, 48).
95) Ист. эпохи Цезарей, стр. 215, 216. Dexippus, Excerpta Legationum, стр. 8. Иероним, Chron. Орозий, VII, 22.
96) Зосим, кн. 1, стр. 34.
97) Аврел. Виктор, in Gallieno et Probo. Его жалобы дышали сильной любовью к свободе.
98) Зонара, кн. 12, стр. 631.
99) Один из Викторов называет его королем маркоманнов, а другой - королем германцев.
100) См. Тильемона Hist. des Empereurs, ч. 3, стр. 398 и сл.
101) См. Ист. эпохи Цезарей, жизнеописания Клавдия, Аврелиана и Проба.
102) Он имеет в ширину около полумили. "Генеалогическая история татар", стр. 598.
103) Пейсоннель, бывший французским консулом в Каффе: "Наблюдения над варварскими народами, жившими на берегах Дуная".
104) Еврипид, "Ифигения в Тавриде". (Сцену этой древней трагедии, сделавшуюся еще более интересной благодаря недавним событиям, очень хорошо описал Гейне в своем мастерском, хотя и кратком очерке истории этого полуострова, помещенном в третьем томе его Opuscula Academica. - Шрейтер .)
105) Страбон, кн. 7, стр. 309. Первые цари Боспора были союзниками афинян.
106) Аппиан, in Mithridat.
107) Это царство было завоевано Агриппой. Орозий, VI, 21. Евтропий, VII, 9. Римляне однажды зашли так далеко, что находились в трех днях пути от Танаиса. Тацит, Анналы, XII, 17.
108) См. Toxaris Лукиана, если только можно верить искренности и добродетелям скифа, описывающего большую войну своих соотечественников с царями Босфора.
109) Зосим, кн. 1, стр. 28.
110) Страбон, кн. 11. Тацит, Истор., III, 47. Они назывались Camarae.
111) См. очень живое описание плавания по Эвксинскому морю в шестнадцатом письме Турнефора.
112) По словам Арриана, пограничный гарнизон находился в Диоскурии, или Севастополе, в сорока четырех милях к востоку от Пития.

Гарнизон Фазиса состоял в его время только из четырехсот пехотинцев. См. "Описание Эвксинского моря". (Пития называется теперь Питчинда*), а Диоскурий - Искуриа. Анвилль, Geogr Anc., ч.2, стр. 115; ч.1, стр. 115. - Гизо .)
113) Зосим, кн. 1, стр.30.
114) Арриан (in Periplo Maris Euxin., стр. 130) определяет это расстояние в две тысячи шестьсот десять стадиев.
115) Ксенофонт, Anabasis, кн. 4, стр. 348; издан. Гутчинсона,
116) Арриан, стр. 129. Общее замечание принадлежит Турнефору.
117) См. цитированное у Маску письмо Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского, V, 37.
118) Зосим, кн.1, стр. 32,33.
119) Она сохранила свое имя с присовокуплением названия той местности и называется Из-Никмид. Анвилль, Geogr. anc., ч.2, стр. 23. - Гизо.
120) Itiner. Hierosolym., стр. 572, Весселинг.
121) Теперешние Исник, Бурса, Монданиия и Гио, или Кемлик. (Анвилль, II, 22). - Гизо
122) Зосим, кн. 1, стр. 32, 33.
123) Он осадил этот город с четырьмястами галерами, со ста пятьюдесятью тысячами пехоты и с многочисленной кавалерией. См. Плутарха in Lucul. Аппиан in Mithridat. Цицерон pro Lege Manilia, гл.8.
124) Страбон, кн. 12, стр. 573.
125) Покока "Описание Востока", кн.2, гл. 23, 24.
126) Зосим, кн. 1, стр. 33.
127) Синцелл рассказывает непонятную историю о принце Оденате, который разбил готов и был убит принцем Оденатом.
128) Voyages de Chardin, ч.1, стр. 45. Он плавал вместе с турками от Константинополя до Каффы.
129) По словам Синцелла (стр. 382), эта экспедиция была предпринята герулами.
130) Страбон, кн. II, стр. 495.
131) Плиний, Hist. Nat., III, 7.
132) Ист. эпохи Цезарей, стр. 181. Виктор, гл. 33, Орозий, VII,42. Зосим, кн. I, стр. 35, Зонара, кн. 12, стр. 635. Синцелл, стр. 382. Чтобы объяснить и согласить их неполные рассказы, требуется много внимания. Впрочем, мы без труда усматриваем признаки пристрастности Дексиппа в его описаниях его собственных подвигов и подвигов его соотечественников.
133) Синцелл, стр. 382. Этот отряд герулов долгое время отличался своей преданностью и храбростью. (Касательно герулов см. гл. 39, примеч. - Издат .)
134) Клавдий, командовавший на Дунае, смотрел на дело верным взглядом и действовал с мужеством. Его товарищ завидовал его славе. Ист. эпохи Цезарей, стр. 181.
135) Иордан, гл. 20.
136) Зосим и другие греческие писатели (как, например, автор Philopatrisa) дают название скифов тем народам, которых Иордан и латинские писатели постоянно выдают за готов. (Это было одно и то же имя в двух различных формах. Но названия фракийцев и скифов,

*) Пицунда. - *Примеч. ред.*

часто употреблявшиеся древними писателями в смысле крайне неопределенном, как кажется, всего чаще применялись ими первое к кельтам, а второе к готам. (Шлецера Nordische Geschichte, стр. 284). - Изд.)

137) Ист. эпохи Цезарей, стр. 178. Иордан, гл. 20.

138) Страбон, кн. 14, стр. 640. Витрувий, кн. 1, гл. 1, предисловие к кн. 7. Тацит, Анналы, III, 61. Плиний, Hist.Nat. XXXVI, 14.

139) Храм св. Петра имеет в длину восемьсот сорок римских пядей, а каждая пядь немного короче девяти английских дюймов, См. Гривса Miscellanies, ч. 1, стр. 233 касательно римского фута.

140) Впрочем, политические соображения заставили римлян сузить размеры святилища или убежища, которые благодаря мало-помалу раздававшимся привилегиям расширились на два стадия вокруг храма. Страбон, кн. 14, стр. 641. Тацит, Анналы, III, 60 и сл.

141) Они не приносили жертв греческим богам См. "Письма Григория Чудотворца".

142) Зонара, кн. 12, стр. 635. Этот анекдот был совершенно во вкусе Монтеня. Этот писатель пользуется им в своем привлекательном очерке педантизма, кн. 1, гл. 24.

143) Моисей Хоренский, кн. 2, гл. 71, 73, 74. Зонара, кн.12, стр. 628. Достоверный рассказ армянского историка может служить поправкой для сбивчивого рассказа греческого историка. Последний говорит о детях Тиридата, который в это время сам был еще ребенком.

144) Ист. эпохи Цезарей, стр. 191. Так как Макриан был врагом христиан, то они обвиняли его в том, что будто бы он был колдун.

145) Зосим, кн. I, стр. 33.

146) Ист. эпохи Цезарей, стр. 174.

147) Виктор In Caesar. Евтропий, IX, 7.

148) Зосим, кн. 1, стр. 33 . Зонара, кн. 12, стр. 630. Петр Патриций в Excerpta Legat., стр.29.

149) Ист. эпохи Цезарей, стр. 185. Из этого сборника следовало бы заключить, что Кириад царствовал прежде смерти Валериана, но я предпочел держаться правдоподобной последовательности событий, а не сомнительной хронологии самого неаккуратного из писателей.

150) Некоторые историки относили разграбление Антиохии к более ранней эпохе, но решительное свидетельство Аммиана Марцеллина относит это событие ко времени царствования Галлиена (XXIII, 5)

151) Зосим, кн. 1, стр. 35.

152) Иоанн Малала, ч. 1, стр. 391. К тому, что нам кажется правдоподобным в этом событии, он прибавляет некоторые баснословные подробности.

153) Зонара, кн. 12, стр. 630. Глубокие долины были наполнены телами убитых. Толпы пленных были потоплены в реке, как животные, и множество из них погибло от голода.

154) Зосим (кн. 1, стр.5) уверяет, что если бы Шапур не предпочитал добычу завоеваниям, он мог бы остаться повелителем Азии.

155) Петр Патриций In Excerpt.Leg., стр. 29.

156) Syrorum agrestium manu. Секст Руф, гл. 23. Если верить Руфу, Виктору, Истории эпохи Цезарей (стр.192) и некоторым надписям, Оденат был пальмирский гражданин.

157) Он пользовался таким уважением между кочующими племенами, что Прокопий (Bell. Persic. кн. 2, гл.5) и Иоанн Малала (ч. 1, ст. 391) называют его князем арабов.
158) Петр Патриций, стр. 25.
159) Языческие писатели сожалеют о несчастьях Валериана, а христиане издеваются над ними. Их разнородные мнения тщательно собраны Тильемоном, ч.3, стр. 739 и сл. История Востока до Мухаммеда так мало была известна, что новейшие персы ничего не знают о таком славном для их нации событии, как победа Шапура. См. Bibliotheque Orientale.
160) Одно из этих писем было от царя Армении Артавасда. Так как Армения была в то время персидской провинцией, то ясно, что имя царя и письмо были подложные.
161) См. его жизнеописание в Ист. эпохи Цезарей.
162) До нас дошла хорошенькая свадебная песня, которую Галлиен сочинил по случаю бракосочетания своих племянников:
Ite ait, O Juvenes, pariter sudate medullis
Omnibus, inter vos; non murmura vestra columbae.
Brachia non hederae, non vincant oscula conchae.
163) Он едва не отдал Плотину один из разоренных городов Кампании для того, чтобы тот попробовал осуществить на деле Платонову республику. См. жизнеописание Плотина, написанное Порфирием, в "Греческой библиотеке" Фабриция, кн.4.
164) Одна медаль с изображением головы Галлиена приводила в смущение антиквариев своею надписью Gallienae Augustae и написанными на оборотной стороне словами Ubique Pax. Шпангейм полагает, что эта медаль была выбита кем-нибудь из врагов Галлиена и что она заключала в себе сатиру на этого изнеженного государя. Но так как ирония казалась несовместимой с серьезными обязанностями римского монетного двора, то Вальемон, основываясь на одном выражении Требеллия Поллиона (История эпохи Цезарей, стр. 198), пришел к остроумному и естественному решению этого вопроса. Галлиена была двоюродная сестра императора. За освобождение Африки от узурпатора Цельса она была награждена титулом Августы. На одной медали, находящейся во французской королевской коллекции, мы читаем в таком же роде надпись Faustina Augusta вокруг головы Марка Аврелия. Что же касается слов Ubique Pax, то их не трудно объяснить тщеславием Галлиена, который, вероятно, воспользовался минутой временного спокойствия. См. Nouvelles de La Republique des Lettres, январь, 1700 г., стр. 21-34.
165) Об этом странном характере до нас дошли, как кажется, вполне точные сведения. Царствование его непосредственного преемника было непродолжительно и полно смут, а историки, писавшие до восшествия на престол рода Константина, не могли находить ни малейшего интереса в изображении ложными красками характера Галлиена.
166) Поллион употребляет самые усиленные старания, чтоб достигнуть этой цифры. (См. список этих претендентов в Fasti Rom. Клинтона, ч. II, стр. 58-63. - *Издат*)
167) Страна, над которой он царствовал, неизвестна в точности; но в

Понте был какой-то тиран, а провинция, бывшая театром восстания всех других тиранов, нам известна.
168) Тильемон, (ч. 3, стр. 1163) перечисляет их несколько иначе.
169) Слово "тиран" обозначало у древних всякого, кто имел в своих руках верховную власть, все равно законно или незаконно. - Издат .
170) См. речь Мария, Ист. эпохи Цезарей, стр. 197. Одно только случайное тождество имен могло побудить Поллиона подражать Саллюстию.
171) Марий был убит одним солдатом, который когда-то служил работником в его лавке и который сказал, нанося ему смертельный удар: "Вот тот меч, который ты сам ковал". Treb.in ejus vita. - Гизо .
172) "Vos, o Pompilius sanguis!" - восклицает Гораций, обращаясь к Пизонам. См. Ars Poetica, V,292, с примечаниями Дасье и Санадона.
173) Тацит, Анналы., XV, 48. Ист., 1, 15. В первом из этих мест мы позволим себе переменить paterna в materna. От времен Августа до времен Александра Севера каждое поколение видело одного или нескольких Пизонов, облеченных в консульское звание. Одного из Пизонов Август считал достойным престола (Тац. Анналы, 1, 13); другой Пизон был во главе грозного заговора против Нерона, а третий был усыновлен Гальбой с титулом Цезаря.
174) Ист. эпохи Цезарей, стр. 195. Сенат, увлекшийся своим энтузиазмом, как кажется, рассчитывал на одобрение Галлиена.
175) Ист. эпохи Цезарей, стр. 196.
176) Это возвышение храброго пальмирца было самым популярным актом в течение всего царствования Галлиена. Ист. эпохи Цезарей, стр. 180.
177) Галлиен дал титул Цезаря и Августа своему сыну Салонину, который был в Кёльне лишен жизни узурпатором Постумием. Второй сын Галлиена унаследовал имя и звание своего старшего брата. Брат Галлиена Валериан также был сотоварищем императора; еще несколько братьев, сестер, племянников и племянниц составляли очень многочисленную императорскую семью. См. Тильемона, ч.3 и Брекиньи в Mémoires de l'Académie, ч.32, стр. 262.
178) Ист. эпохи Цезарей, стр. 188.
179) Региллиан держал у себя на службе несколько отрядов роксолан, а Постумий - отряд франков. Эти последние, может быть, и проникли в Испанию в качестве римских союзников.
180) Ист. эпохи Цезарей (стр. 177) называет эту войну servile bellum. См. Диодора Сицилийского, кн. 34.
181) Плиний, Hist. Natur., V, 10.
182) Диодор Сицил., кн. 17, стр. 590, изд. Весселинга.
183) См. очень интересное письмо Адриана, Ист. Эпохи Цезарей, стр. 245.
184) Как, например, святотатственное умерщвление священной кошки. См. Диодора Сицил. кн. 1.
185) Истор. эпохи Цезарей, стр. 195. Это продолжительное и страшное восстание первоначально возникло из-за ссоры солдата с городским жителем из-за пары башмаков.
186) Дионисий, apud Euseb. Hist. Eccles., ч. 7, стр. 21. Аммиан, XXII, 16.
187) Скалигер, Animadver. ad Euseb. Chiron., стр. 258. Три диссерта-

ции Бонами в Mem. de l'Academie, ч. 9. (Брухионом назывался один из кварталов Александрии, простиравшийся во всю длину самого большого из двух портов и заключавший в себе несколько дворцов, в которых жили Птоломеи. Анвилль, Geogr. anc., ч. 3, стр. 10. - Гизо .) (Проф. Гейне, хорошо известный своими исследованиями, собрал превосходные сведения и объяснения касательно Музея в своем трактате De Genio Saeculi Ptolemaeorum, стр. 119. Opusc Acad., ч. 1. - Шрейтер). (Птоломеи имеют право на более почетное место в истории мира, чем то, которое они занимают в ней теперь. В особенности первые двое из них имели влияние на судьбы человечества, до сих пор еще не всеми ясно сознаваемое. Они были настоящими пионерами христианства. Основанные ими учреждения и покровительство, которое они оказывали философским исследованиям, не только расчистили для христианства путь на Восток, но и доставили ему таких наставников, которые впервые направили на него внимание и исследования греков, доставили ему первых новообращенных, и основали его первую церковь в Греции. Деяния Ап. XI, 20. - Издат .).

188) Страбон, кн. 13, стр. 569.

189) Ист. эпохи Цезарей, стр. 197.

190) См. касательно пределов Исаврии Целлария, Geogr. Antiq., ч. 2, стр. 137.

191) Ист. эпохи Цезарей, стр.177.

192) Ист. эпохи Цезарей, стр. 177. Зосим, кн. 1, стр. 623. Евсевий Chronicon. Виктор in Epitom. Виктор in Caesar. Евтропий, IX, 5. Орозий, VII, 21.

193) Евсевий Hist. Eccles.,VII, 21. Этот факт заимствован из писем Дионисия, который был во время этих смут епископом Александрийским.

194) Во многих приходах оказалось одиннадцать тысяч человек в возрасте между четырнадцатью и восемьюдесятью годами, и пять тысяч триста шестьдесят пять человек в возрасте между сорока и семьюдесятью годами. См. Бюффона Histoire Naturelle, ч. 2, стр. 590.

ГЛАВА XI
Царствование Клавдия. - Поражение готов. - Победы, триумф и смерть Аврелиана

В несчастные царствования Валериана и Галлиена империя была обессилена и почти разрушена солдатами, тиранами и варварами. Она была спасена целым рядом государей, которые вели свое темное происхождение из воинственных иллирийских провинций. В течение почти тридцатилетнего периода времени Клавдий, Аврелиан, Проб, Диоклетиан и их соправители восторжествовали над внешними и внутренними врагами империи, восстановили вместе с военной дисциплиной безопасность границ и заслужили славное название восстановителей Римской империи.

Изнеженный тиран, сходя со сцены, уступил свое место целому ряду героев. Народное негодование винило Галлиена во всех бедствиях, и действительно они большею частью были следствием его разнузданного нрава и беспечного управления. Он даже был лишен того чувства чести, которое так часто восполняет недостаток общественных добродетелей, и, пока он мог спокойно наслаждаться господством над Италией, ни победы варваров, ни потери провинций, ни восстания военачальников не могли прервать обычного течения его приятной жизни. Наконец, стоявшая на Верхнем Дунае значительная армия возвела в императорское достоинство своего вождя Авреола, который, не довольствуясь господством над бесплодной и гористой Рецией, перешел через Альпы, занял Милан, стал угрожать Риму и вызвал Галлиена сразиться с ним в открытом поле из-за господства над Италией. Император, задетый за живое этим оскорблением и испуганный такой близкой опасностью, внезапно проявил ту скрытую энергию, которая иногда прорывалась сквозь беспечность его характера. Добровольно оторвавшись от роскоши дворцовой жизни, он стал во главе легионов и перешел через По навстречу своему сопернику. Искаженное название Pontirolo[1] до сих пор еще напоминает тот мост через Адду, который был во время сражения предметом самых напряженных усилий со стороны обеих армий. Рецийский узурпатор потерпел полное поражение, был опасно ранен и отступил в Милан. Победитель немедленно приступил к осаде это-

го большого города и для разрушения его стен употребил в дело всякого рода военные машины, какие только были известны древним. Авреол, сознававший превосходство неприятельских сил и не питавший никакой надежды на помощь извне, уже соображал в своем уме, какие будут гибельные последствия его неудачного восстания.

Ему оставалось только одно средство спасения - посеять в рядах осаждающих измену. Он приказал разбрасывать в их лагере пасквили, в которых уговаривал войска покинуть недостойного повелителя, который приносит общественное благо в жертву своей привычке к роскоши, а жизнь самых достойных подданных - самым неосновательным подозрениям. Коварные внушения Авреола возбудили опасение и неудовольствие между высшими военачальниками его соперника. Составился заговор, во главе которого находились: преторианский префект Гераклиан, пользовавшийся отличной репутацией полководец Маркиан и начальник многочисленного отряда далматских телохранителей Кекропс. Было решено убить Галлиена; но хотя заговорщики предполагали сначала окончить осаду Милана, они были вынуждены ускорить исполнение своего смелого плана, так как каждая минута промедления была сопряжена с крайней для них опасностью. Поздно вечером, когда император долее обыкновенного засиделся за столом, его известили, что Авреол сделал отчаянную вылазку во главе всех своих сил. Галлиен, у которого никогда не было недостатка в личной храбрости, тотчас вскочил со своего роскошного ложа и, не надевши на себя лат, даже не дожидаясь своих телохранителей, вскочил на коня и стремглав поскакал к месту предполагаемой атаки. Среди темноты и общей суматохи он был окружен явными или тайными врагами, и пущенная неизвестной рукой стрела поразила его насмерть. Чувство патриотизма, заговорившее в душе Галлиена за несколько минут до его смерти, заставило его позаботиться о выборе достойного преемника, и он потребовал, чтобы императорское достоинство было передано Клавдию, командовавшему в то время отдельным отрядом неподалеку от Павии. Слух об этом быстро распространился в армии, и последняя воля императора была охотно исполнена заговорщиками, которые и без того уже условились между собою возвести на престол Клавдия. При первом известии о смерти императора в войсках зародилось подозрение и пос-

лышались угрозы, но розданные каждому солдату в подарок двадцать золотых монет заглушили их подозрение и смягчили их гнев. Затем они одобрили выбор нового императора и отдали справедливость его личным достоинствам[2)].

Хотя лесть и старалась при помощи разных вымыслов[3)] рассеять мрак, окружавший происхождение Клавдия, этот мрак уже сам по себе служит явным доказательством незнатности нового императора. Нам известно только то, что он был уроженец одной из придунайских провинций, что он провел свою молодость в военной службе и что его скромность и храбрость доставили ему милостивое расположение и доверие Деция. Сенат и народ уже давно считали его отличным командиром, достойным самых важных должностей, и упрекали Валериана за то, что он не повышал его из второстепенного звания трибуна. Но император вскоре вслед за тем обратил внимание на заслуги Клавдия, назначил его главнокомандующим на иллирийской границе, поручил ему начальство над всеми войсками, стоявшими во Фракии, в Мезии, Дакии, Паннонии и Далмации, дал ему содержание египетского префекта и служебные отличия африканского проконсула и сверх всего обещал ему в скором будущем консульство. За его победы над готами сенат почтил его статуей, но эти победы возбудили в Галлиене зависть и опасения. Понятно, что этот храбрый полководец не мог уважать такого изнеженного государя и что ему было трудно скрыть свое презрение к нему. Некоторые неосторожные выражения, вырвавшиеся из уст Клавдия, были официально переданы императору. Ответ этого последнего, адресованный к одному из пользовавшихся его доверием военачальников, рисует яркими красками и его собственный характер, и дух того времени: "Ничто не могло бы причинить мне более серьезного огорчения, чем сообщенное вами известие[4)], что какие-то злонамеренные внушения восстановили против нас нашего друга и родственника Клавдия. Во имя преданности, в которой вы мне поклялись, употребите все средства, чтобы смягчить его негодование, но ведите переговоры втайне, так, чтобы о них ничего не знала дакийская армия: она уже и без того очень недовольна, а это могло бы усилить ее раздражение. Я сам послал ему кое-какие подарки; постарайтесь, чтобы он принял их с удовольствием. А главным образом устройте так, чтоб он не подозревал, что мне известна его неосторож-

ность. Опасение моего гнева могло бы заставить его решиться на какое-нибудь отчаянное предприятие"[5]. Письмо, в котором монарх просил примирить его с недовольным подданным, сопровождалось подарками, состоявшими из значительной суммы денег, роскошной одежды и дорогой золотой и серебряной посуды. С помощью этих хитрых уловок Галлиен смягчил негодование и рассеял опасения своего иллирийского полководца, и затем в течение всего этого царствования Клавдий брался за оружие только для того, чтобы служить повелителю, которого он презирал. Правда, он в конце концов принял из рук заговорщиков окровавленную императорскую мантию Галлиена, но он был далеко от их лагеря и не присутствовал на их совещаниях, и хотя он, может быть, радовался падению тирана, мы позволяем себе думать, что он ничего не знал о том, что готовилось (Юлиан (Orat., 1, стр. 6) утверждает, что Клавдий достиг верховной власти справедливым и даже святым способом. Но мы имеем право подозревать его родственника в пристрастии). Когда Клавдий вступил на престол, ему было около пятидесяти четырех лет.

Между тем осада Милана продолжалась, и Авреол скоро убедился, что все его хитрости привели только к тому, что ему придется иметь дело с более энергичным противником. Он попытался предложить Клавдию свой союз и раздел империи. "Скажите ему, - возразил неустрашимый император, - что подобные предложения можно было делать Галлиену, может быть, он выслушал бы их с терпением и взял бы себе сотоварища, столь же достойного презрения, как и он сам"[6]. После этого сурового отказа и еще одной безуспешной попытки пробиться сквозь ряды осаждающих Авреол был вынужден отдать и город, и самого себя на произвол победителя. Армия признала его достойным смертной казни, и Клавдий, после слабого сопротивления, согласился привести это решение в исполнение. Сенаторы высказали не менее горячее рвение услужить своему новому государю. Они утвердили избрание Клавдия с восторгом, который, быть может, не был притворен, а так как его предшественник выказывал личную вражду к их сословию, то они, под личиной справедливости, постарались отомстить за это его друзьям и родственникам. Сенату была предоставлена неблагодарная роль судебного учреждения, произносящего смертные приговоры,

а император удержал за собою приятную и достойную роль примирителя, благодаря посредничеству которого была объявлена всеобщая амнистия[7].

Этот образ действий, пожалуй, можно было бы приписать желанию блеснуть своим великодушием; поэтому он не дает нам такого верного понятия о характере Клавдия, как одно, по-видимому, ничтожное обстоятельство, в котором этот государь, как кажется, руководствовался одними внушениями своего сердца. Вследствие часто возобновлявшихся восстаний в провинциях там почти не было ни одного человека, который не оказывался бы виновным в государственной измене, и не было почти ни одного имения, которое не подлежало бы конфискации; а Галлиен нередко выказывал свою щедрость тем, что раздавал своим офицерам собственность своих подданных. Когда Клавдий вступил на престол, одна престарелая женщина бросилась к его ногам с жалобой на то, что все ее имущество было безвозмездно отдано одному военачальнику, служившему при покойном императоре. Этот военачальник был сам Клавдий, который также не избежал господствовавшей в его время заразы. Император сконфузился от этого упрека, но оправдал доверие, с которым старуха обратилась к его справедливости. Он осознал свою вину и приказал немедленно возвратить просительнице все, что было у нее отнято[8].

Задавшись трудной задачей - восстановить империю в ее прежнем величии, Клавдий должен был прежде всего внушить своим войскам любовь к порядку и готовность к повиновению. Он стал объяснять им, с авторитетом старого заслуженного командира, что ослабление дисциплины было причиной бесчисленных беспорядков, пагубные последствия которых солдаты наконец испытали сами на себе; что народ, разоренный угнетением и впавший в леность от отчаяния, наконец не будет в состоянии доставлять многочисленной армии не только средств для роскоши, но даже средств для существования; что опасения каждого гражданина за свою жизнь усилились вместе с деспотизмом военного сословия, так как государи, трепещущие за свой трон, всегда готовы ради своей безопасности жертвовать жизнью всякого внушающего подозрение подданного. Затем император указал на пагубные последствия своеволия, за которое солдаты расплачиваются своей собственной кровью, так как за их противо-

законными избраниями новых императоров нередко следовали междоусобные войны, во время которых гиб цвет легионов или на поле сражения, или от злоупотребления победой. Он описал самыми яркими красками истощение государственной казны, разорение провинций, унижение римского имени и оскорбительное торжество хищных варваров. Против этих-то варваров, сказал он, и следует направить первые усилия армии, а западные и восточные провинции пусть остаются на время во власти Тетрика и Зенобии[9]. Эти узурпаторы были его личными врагами, но он не мог думать о мщении за личные обиды, пока не будет спасена империя, потому что, если бы угрожающее ей разрушение не было предупреждено вовремя, оно погубило бы и армию и народ.

Различные германские и сарматские народы, сражавшиеся под знаменем готов, уже собрали такие морские силы, какие никогда еще не выходили из Эвксинского моря. На берегах Днестра, одной из больших рек, впадающих в это море, они соорудили флот из двух тысяч или даже из шести тысяч парусных судов[10]; впрочем, как бы ни казалась эта цифра неправдоподобной, такой флот все-таки был бы недостаточен для перевозки их армии, будто бы состоявшей из трехсот двадцати тысяч варваров. Во всяком случае, какова бы ни была действительная сила готской армии, успех этой экспедиции не соответствовал громадности приготовлений. При проходе через Босфор быстрота течения оказалась непреодолимым препятствием для неопытных кормчих, а когда суда столпились в узком проходе, они стали сталкиваться одни с другими или разбиваться о берега. Варвары сделали несколько высадок и на европейском и на азиатском берегу; но незащищенная местность оказалась совершенно опустошенной, а при своих попытках овладеть укрепленными городами они были отражены с позором и с большими потерями. Во флоте обнаружились раздоры и упадок духа, и некоторые из варварских вождей отплыли к островам Крит и Кипр; но главные силы, неизменно придерживаясь своей первоначальной цели, бросили якорь у подножия Афонской горы и напали на богатую столицу всех македонских провинций город Фессалоники. Варвары повели атаку со свойственной им бешеной и направленной без знания военного дела храбростью, но должны были приостановить ее вследствие быстрого приближения Клавдия, который спешил во главе всех свободных

сил империи на театр военных действий, достойный личного присутствия такого воинственного государя. В нетерпеливом желании решительной битвы, готы сняли свой лагерь, бросили осаду Фессалоник, оставили свой флот у подножия Афонской горы, перешли через гористую часть Македонии и устремились далее в надежде на успех, который открыл бы им свободный вход в Италию.

До нас дошло в подлиннике письмо, которое Клавдий написал по этому случаю римскому сенату и народу: "Господа сенаторы, знайте, что триста двадцать тысяч готов вторглись на римскую территорию. Если я одолею их, ваша признательность будет наградой за мои заслуги. Если же я погибну, не забывайте, что я преемник Галлиена. Республика утомлена и истощена. Мы должны сражаться вслед за Валерианом, Ингенуем, Регалианом, Лелианом, Постумом, Цельсом и тысячью других, вызванных к восстанию справедливым презрением к Галлиену. Мы чувствуем недостаток и в стрелах, и в копьях, и в щитах. Самые воинственные провинции империи, Галлия и Испания, находятся в руках узурпатора Тетрика, и мы должны со стыдом признаться, что восточные стрелки из лука служат под знаменем Зенобии. Поэтому, каков бы ни был наш успех, он во всяком случае будет достаточно велик"[11]. Из грустного и вместе с тем энергичного тона этого письма виден герой, который не заботится о своей собственной участи и, сознавая серьезность опасности, возлагает все надежды на свой собственный гений.

Исход войны оправдал и его собственные ожидания,и ожидания всего мира. Своими решительными победами он спас империю от сонма варваров и заслужил от потомства славное название Клавдия Готского. Неполнота исторических сведений об изменчивом ходе военных действий[12] не дает нам возможности описать его подвиги последовательно и подробно; тем не менее мы можем разделить - если нам будет дозволено так выразиться - эту достопамятную трагедию на три акта.

1. Решительная битва произошла подле города Несса[13], в Дардании. Легионы, подавленные многочисленностью неприятеля и обескураженные прежними неудачами, сначала стали подаваться назад. Их гибель была неизбежна, если б их искусный военачальник не позаботился заблаговременно о подкреплении. Многочисленный отряд римских войск, за-

нявший по его приказанию неприступные горные ущелья, внезапно вышел из своей засады и устремился на арьергард победоносных готов. Этой минутой сумел воспользоваться деятельный Клавдий. Он ободрил упавшие духом войска, выстроил их в боевой порядок и напал на варваров со всех сторон. Полагают, что пятьдесят тысяч человек легли на поле битвы при Нессе. Несколько значительных отрядов готской армии прикрыли свое отступление подвижными укреплениями из повозок и удалились или, скорее, спаслись бегством с поля этого побоища.

2. Следует полагать, что какое-нибудь непреодолимое препятствие - усталость или, может быть, неповиновение победителей - помешало Клавдию довершить в этот день истребление готов. Военные действия распространились на провинции Мезию, Фракию и Македонию и состояли как на море, так и на суше из переходов, нечаянных нападений и случайных стычек. Если римлянам случалось потерпеть какую-нибудь неудачу, причиной ее большею частью было их собственное неблагоразумие и трусость; но замечательные военные дарования военачальника, его близкое знакомство с местностью, его благоразумные распоряжения и хороший выбор офицеров в большинстве случаев обеспечивали его войскам победу. Громадная добыча, которая была плодом стольких побед, состояла большею частью из рогатого скота и рабов. Отряд, составленный из избранной готской молодежи, был принят на службу в императорскую армию; остальные пленники были проданы в рабство, а число взятых в плен женщин было так велико, что на долю каждого солдата досталось по две и по три женщины; из того факта, что варвары, отправляясь в морскую экспедицию, захватили с собой свои семейства, можно заключить, что они имели в виду не один только грабеж, а надеялись где-нибудь поселиться на постоянное жительство.

3. Потеря флота, который был частью захвачен римлянами, частью потоплен, пресекла готам путь к отступлению. Римские военные посты, расположенные в форме обширного круга, очень искусно распределенные и хорошо охраняемые, мало-помалу передвигались в направлении к занятому готами центру и тем заставили их удалиться в самую неприступную часть Гемских гор, где они нашли для себя верное убежище, но очень мало средств для продовольствия. В течение

всей суровой зимы императорские войска держали их в осаде, и эта запертая со всех сторон масса варваров постоянно уменьшалась числом от голода, моровой язвы, дезертирства и римского оружия. Когда наступила весна, от всей массы варваров, севших на суда в устье Днестра, осталась только небольшая кучка смелых и отчаянных воинов, способных носить оружие.

Моровая язва, истребившая такое огромное количество варваров, оказалась в конце концов гибельной и для их победителей. После непродолжительного, но славного двухлетнего царствования Клавдий испустил дух в Сирмиуме, сопровождаемый скорбью и восторженными похвалами своих подданных. Перед смертью он созвал высших гражданских и военных сановников и указал им на одного из своих полководцев, Аврелиана[14], как на самого достойного императорской короны и как на более всех способного осуществить великий план, к исполнению которого сам он сделал только первое начало. Добродетели Клавдия, его мужество, приветливость, справедливость и воздержанность, его любовь к славе и к своему отечеству ставят его в число тех немногих императоров, которые придали блеск римскому престолу. Впрочем, эти добродетели отчасти обязаны своей известностью усердию придворных писателей времен Константина, который был правнуком старшего Клавдиева брата Криспа. Голос лести скоро привык повторять, что боги, так скоро оторвавшие Клавдия от его земного поприща, вознаградили его заслуги и благочестие тем, что навсегда упрочили императорское звание за его потомством[15].

Несмотря на эти предсказания, величие рода Флавиев (название, принятое родом Констанция) продлилось лишь немного более двадцати лет, а возвышение Клавдия было причиной гибели его брата Квинтилла, не имевшего достаточно скромности или мужества, чтобы примириться с положением частного человека, на которое его обрек патриотизм покойного императора. Немедленно после смерти Клавдия он имел неосторожность провозгласить себя императором в Аквилее, где он командовал значительным отрядом войск, и, хотя его царствование продолжалось только семнадцать дней[16], он успел в этот короткий промежуток времени получить согласие сената и познакомиться на опыте с военным мятежом. Лишь только он узнал, что Дунайская армия признала импе-

ратором хорошо известного своею храбростью Аврелиана, он преклонился перед славой и достоинствами своего соперника и, приказав открыть себе жилы, благоразумно уклонился от неравной борьбы[17])

Общий план этого сочинения не позволяет нам входить в подробное рассмотрение действий каждого императора после вступления на престол и еще менее позволяет нам подробно описывать их жизнь за то время, когда они были еще частными людьми. Мы только заметим, что отцом Аврелиана был крестьянин, живший на территории Сирмиума и занимавшийся хозяйством на небольшой ферме, которая принадлежала одному богатому сенатору по имени Аврелий. Его сын, питавший сильную склонность к военному ремеслу, вступил в армию простым солдатом и, мало-помалу возвышаясь по службе, был центурионом, легионным префектом, инспектором лагеря, начальником границы и, наконец, во время войны с готами занимал важную должность главнокомандующего кавалерией. Во всех этих званиях он отличался чрезвычайной храбростью[18]), строгой дисциплиной и блестящими подвигами. Он был возведен в звание консула императором Валерианом, который называет его на высокопарном языке того времени освободителем Иллирии, восстановителем Галлии и соперником Сципионов. Один из самых знатных сенаторов, происходивший от одного корня с Траяном, по имени Улпий Кринит, усыновил, по рекомендации Валериана, этого паннонского крестьянина, дал ему в замужество свою дочь и благодаря своему огромному состоянию вывел его из бедности, в которой он постоянно находился[19])

Царствование Аврелиана продолжалось только четыре года и с небольшим девять месяцев, но каждый момент этого непродолжительного периода был ознаменован каким-нибудь достопамятным подвигом. Он довел до конца войну с готами, наказал вторгшихся в Италию германцев, возвратил империи Галлию, Испанию и Британию, вырвав их из рук Тетрика, и уничтожил гордую монархию, основанную Зенобией на Востоке, на развалинах потрясенной империи.

Этими непрерывными военными успехами Аврелиан был обязан тому, что чрезвычайно строго следил за исполнением мельчайших требований дисциплины. Его военный устав изложен в очень коротеньком письме к одному из военачальников низшего ранга с приказанием привести его в исполне-

ние, если только желает сделаться трибуном и если он дорожит своею жизнью. Игра, пьянство и ворожба строго воспрещались. Аврелиан требовал, чтобы его солдаты были скромны, воздержанны и трудолюбивы, чтобы их платье и лошади всегда были готовы для немедленного выступления, чтобы они жили в своих помещениях в целомудрии и воздержании, никогда не портили засеянных полей, никогда не брали самовольно ни овцы, ни курицы, ни даже кисти винограда и не требовали от местных жителей ни соли, ни масла, ни дров. "Того, что им дает государство, достаточно для их продовольствия, а их богатство пусть будет плодом добычи, отнятой у неприятеля, а не плодом слез, пролитых жителями провинций"[20]. Достаточно одного примера, чтобы доказать, до какой степени Аврелиан был строг и даже жесток. Один солдат соблазнил жену своего хозяина. За это виновный был привязан к трем деревьям, которые были силою согнуты к одному месту; затем, когда их внезапно отпустили, у солдата были оторваны ноги. Несколько подобных наказаний навели на армию благотворный ужас. Вообще наказания, к которым прибегал Аврелиан, были ужасны, но ему редко приходилось наказывать более одного раза за одну и ту же вину. Его собственное поведение придавало санкцию его распоряжениям, и привыкшие к своеволию легионы боялись вождя, который, научившись повиноваться, сделался достойным того, чтобы повелевать.

Смерть Клавдия ободрила упавших духом готов. Римские войска, охранявшие ущелья Гемских гор и берега Дуная, были отозваны вследствие опасений междоусобной войны, а готские и вандальские племена, не принимавшие участия в нашествии, как кажется, поспешили воспользоваться этим удобным случаем: они покинули свои поселения в Украине, переправились через реки и присоединились к постоянно убывавшей кучке своих соотечественников. С этими соединенными силами варваров Аврелиан наконец сошелся на поле битвы; кровавый и долго остававшийся нерешительным бой окончился лишь с наступлением ночи[21]. И готы и римляне, измученные столькими страданиями, которые они и сами выносили, и причиняли взаимно друг другу в течение двадцатилетней войны, согласились на заключение прочного и выгодного для обеих сторон мирного договора. Варвары горячо этого желали, а легионы, которым благоразумный Аврелиан

предоставил решение этого важного вопроса, охотно дали на это свое согласие. Готы обязались доставить римской армии вспомогательный отряд из двух тысяч человек, состоящий из одной кавалерии; взамен этого она выговорила себе право беспрепятственного отступления и на берегах Дуная постоянный рынок, о снабжении которого должен был заботиться сам император, но на их собственный счет. Этот договор соблюдался с такой религиозной верностью, что, когда отряд из пятисот варваров вышел из лагеря для грабежа, варварский царь или военачальник приказал схватить и до смерти пронзить стрелами провинившегося вождя этой экспедиции как искупительную жертву за нарушение святости его обязательств. Впрочем, весьма вероятно, что этому миролюбивому настроению варваров содействовало то обстоятельство, что предусмотрительный Аврелиан потребовал в заложники сыновей и дочерей готских вождей. Молодых людей он стал приучать к военному ремеслу и держал вблизи от своей особы, а молодым девушкам он дал римское воспитание и, выдав их замуж за некоторых из своих высших командиров, мало-помалу связал оба народа самыми тесными и самыми дорогими родственными узами[22].

Но самое важное из мирных условий не было выражено в трактате, а лишь подразумевалось. Аврелиан вывел римские войска из Дакии, предоставив эту большую провинцию готам и вандалам[23]. Его здравый ум понял солидные выгоды такого суживания границ империи и научил его не обращать внимания на кажущийся позор такой сделки. Жившие в Дакии римские подданные переселились из этой отдаленной страны, которую они не были в состоянии ни возделывать, ни оборонять, и этим увеличили силу и населенность южной стороны Дуная. Плодородная территория, превратившаяся в пустыню от беспрестанных нашествий варваров, была предоставлена их производительной деятельности, а учреждение новой Дакийской провинции все-таки сохраняло воспоминание о завоеваниях Траяна. Впрочем, территория, прежде носившая это название, сохранила значительное число своих прежних обитателей, боявшихся не столько владычества готов, сколько удаления со своей родины[24]. Эти выродившиеся римляне хотя и отказались от римского подданства, однако продолжали оказывать услуги своему прежнему отечеству тем, что передавали своим завоевателям основные понятия о

земледелии, о полезных искусствах и об удобствах цивилизованной жизни. Между жителями двух противоположных берегов Дуная возникла общность торговых интересов и языка, и, после того как Дакия сделалась независимым государством, она нередко оказывалась самым надежным оплотом империи против вторжений северных дикарей. Сознание своих собственных интересов заставляло этих полуоседлых варваров дорожить их сношениями с Римом, а когда эти интересы неизменны, они очень часто порождают искреннюю и полезную для обеих сторон дружбу. Эта разношерстная колония, поселившаяся в старой римской провинции и незаметно разросшаяся в великую нацию, не переставала признавать за готами превосходство славы и авторитета и заявляла притязание на то, что она скандинавского происхождения. Вместе с тем счастливое, хотя и случайное, сходство названий гетов и готов внушило этим последним убеждение, что в отдаленные века их собственные предки, уже поселившиеся в Дакийских провинциях, получили от Замолксиса свет знания и остановили победоносное шествие Сезостриса и Дария[25].

В то время как Аврелиан своим энергичным и благоразумным образом действий восстанавливал безопасность на иллирийской границе, алеманны[26] нарушили мирные условия, которые были частью куплены у них Галлиеном, частью предписаны им Клавдием; увлекаясь пылом своей воинственной молодежи, они внезапно взялись за оружие. Их армия состояла из сорока тысяч кавалерии[27] и двойного числа пехоты[28]. Несколько городов, лежавших на рецийской границе, сделались первой жертвой алчности алеманнов; но их смелость росла вместе с их успехами, и они быстро дошли от берегов Дуная до берегов По, повсюду оставляя следы опустошений[29].

Император почти одновременно получил известие и о вторжении варваров, и об их отступлении. Собрав войска, годные для скорых переходов, он быстро и без шума прошел вдоль окраины Герцинского леса, и, когда алеманны достигли берегов Дуная с награбленной в Италии добычей, они не подозревали, что римская армия занимала на противоположном берегу выгодную позицию и была готова пресечь их отступление. Аврелиан старался поддерживать их в пагубном заблуждении и не помешал почти половине их армии перей-

ти без всяких предосторожностей через реку. Их критическое положение и удивление, которым они были поражены, обеспечили ему нетрудную победу, а его искусный образ действий еще увеличил плоды этого успеха. Он расположил легионы в форме полукруга, затем стоявшие на обеих оконечностях этой линии войска перевел через Дунай и, внезапно повернув их в направлении к центру, окружил арьергард германской армии. Это привело варваров в замешательство; куда бы они ни обратили свои взоры, они видели перед собой или опустошенную местность, или глубокую и быструю реку, или победоносного и неумолимого врага.

Доведенные до такого отчаянного положения, алеманны стали искать мира. Аврелиан принял их послов во главе своих войск и в такой блестящей военной обстановке, которая должна была внушить варварам уважение и к величию Рима, и к дисциплине римской армии. Легионы стояли в боевом порядке и хранили внушительное молчание. Главные начальники, украшенные внешними отличиями своего ранга, были на конях по обеим сторонам императорского трона. Позади трона, на длинных пиках, покрытых серебром, виднелись высоко в воздухе освещенные изображения императора и его предшественников[30)], золотые орлы и различные титулы легионов, написанные золотыми буквами. Когда Аврелиан занял свое место, его благородная осанка и величественная наружность[31)] внушили варварам уважение как к высокому положению, так и к личности их победителя. Послы пали ниц, не говоря ни слова. Им приказали встать и позволили говорить. Через посредство переводчиков они стали оправдывать свое вероломство, превозносить свои подвиги, распространяться насчет превратностей фортуны и выгод мира и, наконец, с неуместной самоуверенностью потребовали значительной субсидии в награду за союз, который они предложили римлянам. Ответ императора был суров и повелителен. Он отнесся к их предложению с презрением, а к их требованию - с негодованием, упрекнул варваров в том, что им так же мало знакомо военное искусство, как и законы мира, и, наконец, отпуская их, предоставил им на выбор или безусловную сдачу, или самое строгое наказание[32)]. Хотя Аврелиан и уступил готам одну из отдаленных провинций империи, он считал опасным полагаться на вероломных гер-

манских варваров, постоянно державших в страхе не только провинции, но даже Италию.

Немедленно вслед за этим совещанием какое-то неожиданное событие потребовало присутствия императора в Паннонии. Он возложил на своих военачальников заботу об окончательном истреблении алеманнов или оружием, или более верным средством - голодом. Но вызванная отчаянием предприимчивость уже нередко торжествовала над беспечной уверенностью победителя. Не находя возможности ни перейти Дунай, ни прорваться сквозь римский лагерь, варвары пробрались сквозь римские посты, находившиеся у них в тылу и охранявшиеся или более слабо, или более беспечно, и с невероятной быстротой, но другим путем возвратились к горам, через которые идет путь в Италию[33]. Аврелиан, считавший войну уже совершенно конченной, с прискорбием узнал, что алеманны спаслись и что они уже опустошают миланскую территорию. Он приказал легионам со всей скоростью, на которую были способны эти тяжелые войска, преследовать быстро отступавшего неприятеля, у которого пехота передвигалась почти с такой же быстротой, как конница. Через несколько дней после того император сам отправился спасать Италию во главе избранного отряда вспомогательных войск (в составе которых находились заложники и кавалерия вандалов) и всех преторианцев, уже прежде участвовавших в войнах на Дунае[34].

Так как легкие войска алеманнов рассеялись по всей территории от Альп до Апеннин, то непрестанная бдительность Аврелиана и его полководцев была направлена к тому, чтобы отыскивать, разбивать и преследовать их многочисленные отряды. Впрочем, военные действия не ограничились этими отдельными стычками, и нам рассказывают о трех сражениях, в которых упорно боролись между собой главные силы обеих армий[35]. Результаты этих сражений были различны. В первом из них, происходившем подле Пиаченцы, римляне понесли такое поражение, что, по словам одного писателя, очень предубежденного против Аврелиана, можно было опасаться немедленного распада империи[36]. Хитрые варвары, пробравшись незамеченными вдоль опушки леса, неожиданно напали с наступлением ночи на легионы, которые, как кажется, были утомлены длинным переходом и не успели выстроиться в боевой порядок. Ярость их атаки была непреодо-

лима, но, после страшной резни, император наконец успел ободрить свои войска и благодаря своей терпеливости и твердости в некоторой мере восстановил честь римского оружия. Второе сражение произошло близ Фано, в Умбрии, на том самом месте, которое за пятьсот лет перед тем было столь гибельно для Ганнибалова брата[37], - так далеко зашли победоносные Германцы по Эмилиевой и Фламиниевой дорогам с намерением разграбить беззащитную владычицу мира! Но Аврелиан постоянно имел в виду безопасность Рима и, следуя по пятам за неприятелем, наконец нанес ему неподалеку от столицы полное поражение[38]. Спасавшиеся бегством остатки неприятельской армии были уничтожены в третьем, и последнем, сражении при Павии, и Италия была избавлена от нашествий алеманнов.

Страх был прародителем суеверия, и при каждом общественном бедствии трепещущие от ужаса смертные стараются смягчить гнев своих невидимых врагов. Хотя самые основательные свои надежды республика возлагала на храбрость и поведение Аврелиана, общее смятение было так велико, когда ежеминутно ожидали появления варваров у ворот Рима, что сенатским декретом было решено посоветоваться с книгами Сивиллы. Даже сам император - из религиозного или из политического мотива - рекомендовал эту спасительную меру, упрекал сенат за его медлительность[39] и предложил денежные суммы, животных и пленных всяких наций - одним словом, все, что бы ни потребовалось для умилостивления богов. Несмотря на это великодушное предложение, как кажется, не было принесено ни одной человеческой жертвы для искупления ее кровью грехов римского народа.

Сивиллины книги требовали более невинных религиозных церемоний - процессии жрецов, одетых в белые облачения и сопровождаемых хором из юношей и дев, исполнения очистительных обрядов в самом городе и в его окрестностях и жертвоприношений, имевших такое могущественное влияние, что они делали варваров неспособными перейти то таинственное место, на котором они совершались. Как бы ни казались ребяческими эти суеверные обряды, они тем не менее содействовали успешному исходу войны, и, когда в решительном сражении при Фано алеманны вообразили, что они видят армию привидений, сражающихся на стороне Аврелиана, этот последний

нашел для себя существенную помощь в этом воображаемом подкреплении[40].

Но как бы ни было велико доверие римлян к таким идеальным оплотам, уроки прошлого и опасения за будущее заставили их позаботиться об укреплениях более вещественных и более прочных. Преемники Ромула обнесли семь холмов Рима стеной, имевшей в окружности более тринадцати миль[41]. Такая обширная ограда может показаться несоразмерной с силами и населением только что зарождавшегося государства. Но римлянам нужно было защитить свои пастбища и пахотные земли от частых и внезапных нападений латинских племен, постоянно живших во вражде с республикой. С усилением римского могущества и город, и его население мало-помалу увеличились, свободные места были заняты, оказавшиеся ненужными стены перестали служить границей, Марсово поле покрылось зданиями, и по обеим сторонам ведущих из Рима больших дорог возникли великолепные предместья[42]. Новая стена, которую начал строить Аврелиан и которая была окончена в царствование Проба, имела, по общепринятому мнению, около пятидесяти миль[43] в окружности, но, по более точным вычислениям, не превышала двадцати одной мили[44]. Это было огромное, но наводившее грусть сооружение, так как оно было красноречивым свидетельством упадка монархии. В более счастливые времена римляне полагались на храбрость легионов для обороны пограничных лагерей[45] и никак не предполагали, что им когда-нибудь придется укреплять столицу империи против вторжений варваров[46].

Победа Клавдия над готами и успехи Аврелиана в войне с алеманнами уже восстановили прежнее превосходство римского оружия над варварскими народами Севера, а наказание внутренних тиранов и соединение разрозненных частей империи в одно целое были делом второго из этих двух воинственных императоров. Несмотря на то что он был признан и сенатом и народом, его владычество не простиралось далее границ Италии, Африки, Иллирии и Фракии. Галлия, Испания и Британия, Египет, Сирия и Малая Азия все еще находились в руках двух мятежников; из длинного списка узурпаторов только эти двое до сих пор и оставались безнаказанными, а в довершение позора эти два трона были заняты женщинами.

В Галльских провинциях монархи быстро сменялись одни другими. Суровые добродетели Постума послужили лишь к тому, чтобы ускорить его гибель. После того, как он уничтожил одного соперника, провозгласившего себя императором в Майнце, он не позволил своим войскам грабить мятежные города и на седьмом году своего царствования сделался жертвой их неудовлетворенной алчности[47]. Причина смерти его друга и соправителя Викторина была иного рода. Блестящие способности[48] этого государя были запятнаны его безнравственным поведением: он прибегал для удовлетворения своих страстей к насилиям, не обращая внимания ни на законы общежития, ни даже на законы любви[49]. Он был убит в Кёльне сговорившимися оскорбленными мужьями, мщение которых было бы более извинительным, если бы они при этом пощадили его невинного сына. После умерщвления стольких храбрых государей должно казаться странным, что в течение долгого времени повелевала гордыми галльскими легионами женщина, и еще более странным должно казаться то, что эта женщина была мать несчастного Викторина. С помощью разных хитростей и больших богатств Виктория успела возвести на престол сначала Мария, а потом Тетрика и с мужественной твердостью управляла государством от имени этих императоров. И медную, и серебряную, и золотую монету чеканили с ее именем; она приняла титулы Августы и Матери Лагерей, и ее власть прекратилась только с ее жизнью, которую, быть может, сократила неблагодарность Тетрика[50].

Когда Тетрик присвоил себе верховную власть по наущению своей честолюбивой покровительницы, он занимал совершенно подходящую к его характеру и образованию должность правителя мирной Аквитанской провинции. Он процарствовал четыре или пять лет над Галлией, Испанией и Британией, будучи столько же повелителем, сколько и рабом своевольной армии, которой он боялся и которая его презирала. Храбрость и счастье Аврелиана наконец дали Тетрику надежду на скорое освобождение от угнетавшего его тяжелого бремени. Он решился сообщить императору о своем печальном положении и умолял поспешить с освобождением его злополучного соперника. Если бы содержание этой тайной переписки дошло до сведения солдат, Тетрик, вероятно,

поплатился бы за это своей жизнью, и во всяком случае он не мог отказаться от господства над Западом, не совершив измены против самого себя. Он сделал вид, будто намерен вести междоусобную войну, вывел свою армию в поле против Аврелиана, расположил ее самым невыгодным образом, сообщил неприятелю план своих действий и в самом начале сражения дезертировал вместе с несколькими избранными друзьями. Хотя мятежные легионы были приведены в расстройство и в смятение неожиданной изменой их вождя, они защищались с отчаянной храбростью, пока не были совершенно уничтожены в этой кровавой и достопамятной битве, происходившей подле Шалона в Шампанье[51]. Победитель скоро заставил или убедил иррегулярные вспомогательные войска, состоявшие из франков и батавов[52], обратно перейти за Рейн; их удаление восстановило общее спокойствие, и власть Аврелиана была признана от стены Антонина до Геркулесовых Столбов.

Еще в царствование Клавдия город Отён осмелился без всякой посторонней помощи восстать против галльских легионов. После семимесячной осады легионы взяли приступом и ограбили этот несчастный город и без того уже опустошенный моровою язвой[53]. Напротив того, Лион оказал Аврелиану упорное сопротивление. История упоминает о наказании Лиона[54], но ничего не говорит о награждении Отёна. Такова, впрочем, обыкновенная политика тех, кто ведет междоусобные войны, - строго взыскивать за обиды и предавать забвению важные услуги. Отмщение выгодно, а признательность убыточна.

Лишь только Аврелиан успел захватить Тетрика и овладеть признававшими его власть провинциями, он тотчас обратил свое оружие против знаменитой Зенобии, господствовавшей над Пальмирой и над Востоком. Новейшая Европа произвела немало женщин, со славою несших на себе бремя управления целыми империями, и в нашем собственном веке бывали такие примеры. Но если отложить в сторону сомнительные рассказы о подвигах Семирамиды, Зенобия окажется едва ли не единственной гениальной женщиной, сбросившей с себя иго той рабской зависимости, которую налагали на ее пол азиатский климат и азиатские нравы[55]. Она утверждала, что ведет свой род от царствовавших в Египте македонских царей; красотой она равнялась с Клеопатрой, кото-

рую она превосходила целомудрием[56] и храбростью. Она считалась самой привлекательной и вместе с тем самой геройской из всех представительниц ее пола. У нее был смуглый цвет лица (когда идет речь о женщине, эти мелочи получают важное значение), ее зубы были белы как жемчуг, а ее большие черные глаза горели необыкновенным огнем, блеск которого умерялся самою привлекательною нежностью выражений. Голос у нее был звучный и гармоничный. Ей не был совершенно незнаком латинский язык, а языками греческим, сирийским и египетским она владела с одинаковым совершенством. Она составила для своего собственного употребления извлечение из истории Востока и под руководством знаменитого Лонгина сравнивала между собой красоты произведений Гомера и Платона.

Эта одаренная всеми совершенствами женщина вышла замуж за Одената, который из частного человека сделался повелителем Востока[57]. Она скоро сделалась другом и товарищем героя. В промежуток между войнами Оденат со страстью предавался охоте; он с горячностью гонялся за свирепыми обитателями пустыни - львами, барсами и медведями, и Зенобия с не меньшей горячностью предавалась этой опасной забаве. Она приучила себя переносить физическую усталость, пренебрегала употреблением закрытых колесниц, нередко появлялась верхом в военной одежде и делала иногда по семь миль пешком во главе войск. Успехи Одената большей частью приписывались ее необыкновенному благоразумию и мужеству. Их блестящие победы над великим царем, которого они два раза преследовали до самых ворот Ктесифона, положили основание их общей славе и могуществу. Армии, которыми они начальствовали, и провинции, которые были ими спасены, не хотели признавать своими монархами никого другого, кроме своих непобедимых вождей. Римский сенат и народ питали уважение к иностранцу, отомстившему за взятого в плен императора, и даже апатичный сын Валериана согласился разделить с ним императорское звание и назначил его своим соправителем.

После удачной экспедиции против готов, производивших в Азии грабежи, пальмирский государь возвратился в город Эмесу, в Сирию. Там он и погиб от домашней измены после того, как был непобедим в войне с врагами; его любимое развлечение - охота была причиной его смерти или по меньшей

мере доставила изменникам случай убить его[58]. Его племянник Меоний вздумал метать копье прежде своего дяди и, несмотря на сделанное ему замечание, повторил ту же дерзость. Оскорбленный и в качестве монарха, и в качестве страстного охотника, Оденат приказал отнять у безрассудного юноши коня, что считалось у варваров позором, и посадить его на короткое время под арест. Это оскорбление было скоро позабыто, но наказание осталось в памяти виновного, и Меоний, в сообществе нескольких смелых товарищей, убил своего дядю во время большого празднества. Вместе с отцом был убит Герод, сын Одената от другой жены, а не от Зенобии, - молодой человек кроткого и изнеженного характера[59]. Но Меоний достиг этим зверским преступлением только того, что удовлетворил жажду мести. Лишь только он успел принять титул Августа, Зенобия принесла его в жертву памяти своего мужа[60].

При содействии самых верных его друзей она немедленно заняла вакантный престол и в течение более пяти лет управляла с большим искусством Пальмирой, Сирией и Востоком. Со смертью Одената прекращалась та власть, которая была вверена ему сенатом только в знак личного к нему доверия, но его воинственная вдова, презиравшая и сенат и Галлиена, заставила посланного против нее римского полководца удалиться из Азии с потерей своей армии и своей репутации[61]. Зенобия руководствовалась в делах управления не теми мелкими страстями, которые так часто обуревают царствование женщины, а самыми благоразумными политическими принципами. Если было выгодно прощать, она умела сдерживать свое негодование; если было необходимо наказать, она умела заглушать голос сострадания. За ее строгую бережливость ее обвиняли в скупости, но, когда было нужно, она умела быть щедрой и расточительной. Соседние государства - Аравия, Армения и Персия - боялись ее вражды и искали с ней союза. К владениям Одената, простиравшимся от Евфрата до границ Вифинии, его вдова присоединила наследие своих предков - густонаселенное и плодородное Египетское государство[62]. Император Клавдий отдавал справедливость ее достоинствам и был доволен тем, что она поддерживала достоинство империи на Востоке, в то время как он был занят войной с готами. Впрочем, поведение Зенобии было несколько двусмысленным, и нет ничего неправдоподобно-

го в том, что она замышляла основание независимой монархии, которая находилась бы во враждебных отношениях с Римом. С приветливым обхождением римских монархов она соединяла величественную пышность азиатских властителей и требовала от своих подданных таких же раболепных почестей, какие воздавались преемникам Кира. Она дала трем своим сыновьям[63] римское образование и нередко показывала их войскам одетыми в императорскую мантию. Для самой себя она удержала исключительное употребление диадемы вместе с блестящим, но сомнительным титулом царицы Востока.

Когда Аврелиан перешел в Азию для борьбы с такой соперницей, которая уже по своему полу могла внушать презрение, его личное присутствие восстановило покорность Вифинии, уже поколебленную военными успехами и интригами Зенобии[64]. Продвигаясь вперед во главе своих легионов, он принял изъявление покорности от жителей Анкиры и после упорной осады Тианы вступил в этот город при помощи одного изменника. Аврелиан, соединявший с высокомерным нравом великодушие, отдал этого изменника на произвол рассвирепевших солдат, а из суеверного смирения обошелся снисходительно с соотечественниками философа Аполлония[65]. Антиохия была покинута жителями при его приближении, но они возвратились назад вследствие благоразумного декрета императора, обещавшего прощение всякому, кто служил пальмирской царице по необходимости, а не по собственному желанию. Эта неожиданная мягкость обхождения расположила к нему сирийцев, и на всем пути до ворот Эмесы страх, который внушали его военные силы, находил себе союзника в сочувствии к нему народа[66].

Зенобия не оправдала бы своей репутации, если бы беспечно дозволила императору Запада приблизиться к ее столице на расстояние ста миль. Судьба Востока была решена в двух больших сражениях, которые так сходны между собой почти во всех подробностях, что мы могли бы с трудом отличить их одно от другого, если бы первое из них не произошло близ Антиохии[67], а второе - близ Эмесы[68]. В обоих сражениях пальмирская царица воодушевляла свои войска личным присутствием и возложила исполнение своих приказаний на Забдаса, уже выказавшего свои воинские дарования завоеванием Египта. Многочисленная армия Зенобии состояла боль-

шей частью из легких стрелков из лука и из тяжелой кавалерии, покрытой с ног до головы стальными латами. Маврская и иллирийская кавалерия Аврелиана не была в состоянии выдержать тяжеловесный натиск своих противников. Она обратилась в бегство в действительном или в притворном беспорядке, завлекла пальмирских всадников в преследование, стала беспокоить их мелкими стычками и в конце концов опрокинула эту непроницаемую, но вместе с тем и неповоротливую кавалерию. Между тем легкая кавалерия пальмирцев издержала все свои стрелы и в бою на близком расстоянии сделалась безоружной жертвой легионов. В этом бою Аврелиан употребил в дело войска, состоявшие из ветеранов, которые обыкновенно стояли на Верхнем Дунае и храбрость которых уже была испытана в войне с алеманнами69). После поражения при Эмесе Зенобия уже не была в состоянии собрать третью армию. До самых пределов Египта все народы, входившие в состав империи, признали над собою власть победителя, который отрядил самого храброго из своих полководцев, Проба, с приказанием овладеть египетскими провинциями. Последним ресурсом для вдовы Одената была Пальмира. Она заперлась в своей столице и с мужеством героини объявила, что последний момент ее царствования будет вместе с тем и последним моментом ее жизни.

Среди бесплодных степей Аравии изредка встречаются возделанные небольшие пространства земли, точно острова среди песчаного океана. Самое имя Тадмора или Пальмиры означает и на сирийском и на латинском языке массу пальмовых деревьев, дающих в этом умеренном климате тень и зелень. Воздух там чист, а почва, орошаемая бесценными в таком климате источниками, способна производить и фрукты и зерновые хлеба. Местность, обладавшая такими редкими преимуществами и расположенная на недалеком расстоянии[70] и от Персидского залива, и от Средиземного моря, скоро стала привлекать к себе караваны, направлявшиеся в Европу с богатыми продуктами Индии. Пальмира мало-помалу сделалась богатым и независимым городом, а так как через нее шла торговля между римлянами и парфянами, одинаково выгодная для этих обоих народов, то ей дозволяли сохранять скромный нейтралитет до тех пор, пока Римская империя не поглотила эту маленькую республику вслед за победами Траяна; затем она в течение более ста пя-

тидесяти лет процветала в зависимом, но почетном звании колонии. Насколько можно судить по немногим уцелевшим надписям, именно в течение этого мирного периода пальмирцы воздвигали те храмы, дворцы и портики в греческом вкусе, развалины которых, разбросанные на пространстве нескольких миль, возбудили любопытство наших путешественников. Возвышение Одената и Зенобии, по-видимому, придало новый блеск их отечеству, и Пальмира в течение некоторого времени соперничала с Римом; но это соперничество оказалось для нее гибельным, и целые века благосостояния были принесены в жертву одному моменту славы[71].

Во время перехода через песчаную степь, которая отделяет Эмесу от Пальмиры, Аврелиана беспрестанно беспокоили арабы, и он не всегда был в состоянии уберечь свою армию, и в особенности свои багажи, от этих предприимчивых и отважных хищников, выжидавших удобного случая, чтобы нападать врасплох, и быстро увертывавшихся от медленного преследования легионов. Но осада Пальмиры была более трудной и более важной задачей, и император, лично руководивший атакой с неутомимой энергией, сам был ранен стрелой. В одном из своих писем, сохранившемся в подлиннике, император говорит: "Римский народ отзывается с презрением о войне, которую я веду против женщины. Но он не знает ни характера, ни могущества Зенобии. Трудно себе представить, как громадны заготовленные ею запасы камней, стрел и метательных снарядов всякого рода. Каждая часть городских стен снабжена двумя или тремя самострелами, а ее военные машины выбрасывают искусственный огонь. Страх наказания вдохнул в нее отчаянное мужество. Но я все-таки надеюсь на богов - покровителей Рима, до сих пор благоприятствовавших всем моим предприятиям"[72]. Однако, не вполне уверенный ни в покровительстве богов, ни в успехе осады, Аврелиан счел более благоразумным предложить осажденным выгодную капитуляцию: царице он обещал роскошное безопасное убежище, а гражданам - их старинные привилегии. Его предложения были решительно отвергнуты, и отказ сопровождался оскорблением.

Непоколебимое мужество Зенобии поддерживалось надеждой, что голод скоро принудит римскую армию обратно перейти через пустыню, и основательным ожиданием, что восточные цари, и в особенности персидский монарх, возьмутся

за оружие в защиту их естественной союзницы. Но счастье и настойчивость Аврелиана восторжествовали над всеми препятствиями. Случившаяся в ту пору смерть Шапура[73] отвлекла внимание персидского правительства от внешних событий, а незначительные подкрепления, пытавшиеся прийти на помощь Пальмире, были остановлены на пути частью силой, частью щедрыми подарками императора. В римский лагерь аккуратно приходили обозы со съестными припасами, а силы осаждающих возросли вследствие возвращения Проба с его победоносными войсками, только что завершившими завоевание Египта. Тогда Зенобия решилась искать спасения в бегстве. Она села на самого быстроногого из своих дромадеров[74] и уже достигла берегов Евфрата, почти в шестидесяти милях от Пальмиры, когда она была застигнута преследовавшей ее легкой кавалерией Аврелиана; ее схватили и привели как пленницу к императору. Вскоре вслед за тем ее столица сдалась, и победитель обошелся с ее населением с неожиданной мягкостью. Он захватил оружие, лошадей, верблюдов и огромные сокровища, состоявшие из золота, серебра, шелковых тканей и драгоценных камней. Затем, оставив в городе только гарнизон из шестисот стрелков, он возвратился в Эмесу и занялся некоторое время распределением наград и наказаний по случаю окончания такой достопамятной войны, которая восстановила его господство над провинциями, не признававшими над собою римского верховенства со времен пленения Валериана.

Когда сирийская царица предстала перед Аврелианом, он сурово спросил ее, как могла она осмелиться поднять оружие против римских императоров? Ответ Зенобии был благоразумным сочетанием почтительности и твердости: "Я не могла унизиться до того, чтобы считать римским императором какого-нибудь Авреола или Галлиена. Вас одних я признаю за моего победителя и за моего государя"[75]. Но мужество у женщины обыкновенно бывает искусственно, поэтому оно редко соединяется с устойчивостью и последовательностью. В минуты тяжелых испытаний Зенобия утратила свою бодрость духа; она трепетала от страха, слыша гневные крики солдат, которые громко требовали ее немедленной казни; она забыла о благородном отчаянии Клеопатры, которую взяла за образец, и позорно купила свое помилование принесением в жертву и своей славы, и своих друзей. На этих пос-

ледних, как на коварных советников, пользовавшихся слабостью ее пола, она взвалила всю вину в своем упорном сопротивлении и на их головы направила мстительность жестокосердого Аврелиана. Слава Лонгина, который был включен в список многочисленных и, может быть, невинных жертв ее трусости, переживет и славу царицы, которая предала его, и славу тирана, который осудил его на смерть. Гений и ученость не могли смягчить гнев свирепого невежественного солдата, но они вдохнули в душу Лонгина величие и спокойствие. Он не высказал ни одной жалобы и с покорностью последовал за исполнителем приговора, скорбя об участи, постигшей его несчастную повелительницу, и утешая своих огорченных друзей[76].

Окончив завоевание Востока, Аврелиан направился в обратный путь и уже переехал отделяющие Европу от Азии проливы, когда его известили, что пальмирцы, умертвив губернатора и перебив оставленный у них гарнизон, снова подняли знамя бунта. Не колеблясь ни одной минуты, он тотчас снова отправился в Сирию. Антиохия пришла в смятение, узнав о его быстром приближении, а беззащитный город Пальмира испытал на себе непреодолимую силу его мстительности. До нас дошло письмо, в котором Аврелиан сам говорит[77], что страшная экзекуция, которая должна бы была ограничиться только теми, кто был схвачен с оружием в руках, распространилась на стариков, женщин и детей; хотя вслед за тем он, по-видимому, сосредоточил все свое внимание на восстановлении храма Солнца, он вдруг почувствовал сострадание к оставшимся в живых пальмирцам и позволил им вновь выстроить их город и жить в нем. Но разрушить легче, чем снова соорудить. Столица Зенобии, когда-то бывшая средоточием торговли и искусств, мало-помалу превратилась сначала в ничтожный городок, потом в незначительную крепость и, наконец, в бедную деревушку. Теперешние граждане Пальмиры, составляющие тридцать или сорок семейств, построили свои землянки внутри обширного двора когда-то великолепного храма.

Неутомимого Аврелиана ожидала еще одна тяжелая работа, и притом последняя, - усмирение хотя и незнатного, но опасного мятежника, поднявшего знамя бунта на берегах Нила одновременно с восстанием Пальмиры. Фирм, величавший себя названием друга и союзника Одената и Зено-

бии, был не что иное, как богатый египетский купец. Благодаря своим торговым сношениям с Индией он завел дружеские связи с сарацинами и блеммиями, которые, живя по обоим берегам Красного моря, могли легко проникать оттуда в Верхний Египет и содействовать исполнению его замыслов, а египтян он воспламенил надеждой свободы; во главе бешеной народной толпы он проник в Александрию, принял императорский титул, стал чеканить монету, издавать эдикты и собрал армию, которую, по его хвастливому выражению, он был в состоянии содержать одними доходами от своей бумажной торговли. Такие войска были плохой обороной против Аврелиана, и потому нетрудно поверить, что Фирм был разбит наголову, взят в плен, подвергнут пытке и казнен[78]. Тогда Аврелиан мог поздравить сенат, народ и самого себя с тем, что менее чем в три года он восстановил спокойствие и порядок во всей Римской империи. Со времени основания Рима еще ни один полководец не заслужил триумфа более блестящим образом, чем Аврелиан, и никогда еще ни один триумф не был так пышен и великолепен[79]. Торжественное шествие открывалось двадцатью слонами, четырьмя великолепными тиграми и более чем двумястами редкими животными, привезенными из различных стран Севера, Востока и Юга. За ними следовали тысяча шестьсот гладиаторов, назначенных для жестоких забав амфитеатра. Богатства Азии, оружия и знамена стольких побежденных наций, великолепная столовая посуда и гардероб сирийской царицы - все это было выставлено напоказ или в аккуратной симметрии, или в артистическом беспорядке. Послы из самых отдаленных стран - из Эфиопии, Аравии, Персии, Бактрианы, Индии и Китая, обращавшие на себя внимание богатством или оригинальностью своих костюмов, служили свидетельством славы и могущества римского императора, который также выставил напоказ полученные им подарки, и в особенности множество золотых корон, поднесенных ему признательными городами. О победах Аврелиана свидетельствовал длинный ряд пленных готов, вандалов, сарматов, алеманнов, франков, галлов, сирийцев и египтян, фигурировавших против воли на этом торжестве. Каждый из этих народов распознавался по особой надписи, а титул амазонок обозначал десятерых воинственных героинь готской национальности, которые были взяты в плен с оружием в руках[80]. Но взоры вся-

кого, скользя по этой массе пленных, останавливались на императоре Тетрике и на царице Востока. Первый из них шел в сопровождении своего сына, которому он дал титул Августа; на нем были галльские панталоны[81)], туника темно-желтого цвета и пурпуровая мантия. А прекрасная Зенобия несла на себе золотые оковы; раб поддерживал золотую цепь, которая обвивала ее шею, и она с трудом держалась на ногах под невыносимой тяжестью драгоценных камней. Она шла пешком впереди великолепной колесницы, на которой она когда-то надеялась совершить свой въезд в Рим. За этой колесницей следовали две другие, еще более великолепные, из которых одна принадлежала Оденату, а другая - персидскому монарху. Триумфальную колесницу Аврелиана (она прежде принадлежала какому-то готскому царю) везли четыре оленя или четыре слона[82)]. Самые знатные сенаторы, народ и армия замыкали торжественное шествие. Восторженные возгласы толпы выражали непритворную радость, удивление и признательность; но радость сенаторов была омрачена появлением Тетрика; они не были в состоянии воздержаться от глухого ропота на высокомерного монарха, публично выставлявшего на позор личность римлянина и сановника[83)].

Однако, хотя Аврелиан и обнаруживал свое высокомерие в обхождении со своими злополучными соперниками, он относился к ним с таким великодушием и милосердием, какими редко отличались древние завоеватели. Государей, безуспешно защищавших свой трон или свою свободу, обыкновенно лишали жизни, лишь только триумфальное шествие достигало Капитолия. Но те узурпаторы, которые сопровождали триумфальное шествие Аврелиана и измена которых была ясно доказана их поражением, получили позволение доживать свой век в роскоши и в почетном покое. Император подарил Зенобии изящную виллу в Тибуре, или в Тиволи, почти в двадцати милях от столицы; сирийская царица незаметным образом превратилась в римскую матрону, выдала своих дочерей за знатных римлян, и ее род еще не пресекся в V веке[84)]. Тетрику и его сыну были возвращены и их общественное положение, и их состояние. Они построили на Целийском холме великолепный дворец и, лишь только он был готов, пригласили Аврелиана на ужин. Войдя туда, император был приятно поражен картиной, изображавшей странную

историю хозяев дома. Они были представлены подносящими императору гражданский венок и скипетр Галлии и получающими из его рук знаки сенаторского звания. Отец был впоследствии назначен правителем Лукании[85], и Аврелиан, допускавший развенчанного монарха к дружеской беседе, однажды спросил его, неужели управлять Италийской провинцией не лучше, чем царствовать по ту сторону Альп? А сын Тетрика пользовался в качестве сенатора большим влиянием, и в среде римской знати никто не снискал такого, как он, уважения как со стороны самого Аврелиана, так и со стороны его преемников[86].

Триумфальная процессия была так длинна и подвигалась вперед так медленно, что, хотя она и выступила с рассветом, она достигла Капитолия не прежде девятого часа; а когда император возвратился во дворец, было уже темно. За этой блестящей церемонией следовали театральные представления, игры в цирке, травля диких зверей, бои гладиаторов и морские сражения. Армии и народу раздавались щедрые подарки, а основание некоторых учреждений, приятных или полезных для города, увековечило славу Аврелиана. Значительная часть захваченной на Востоке добычи была посвящена богам Рима, и Капитолий и все другие храмы блестели доказательствами его пышного благочестия. Один только храм Солнца получил более пятнадцати тысяч фунтов золота[87]. Этот великолепный храм был воздвигнут императором на одном из склонов Квиринальского холма и вскоре после триумфа был посвящен тому божеству, которому Аврелиан поклонялся как виновнику своей жизни и своего счастья. Его мать была одной из низших жриц в храме Солнца, поэтому счастливый крестьянин с детства питал особое чувство благоговения перед божеством - источником света, и каждый его шаг на пути к престолу, каждая его победа укрепляла это суеверие, присоединяя к нему чувство признательности[88].

Оружие Аврелиана восторжествовало и над внешними и над внутренними врагами республики. Нас уверяют, что благодаря его спасительной строгости во всей Римской империи были вырваны с корнем преступления и склонность к мятежу, вредные замыслы и пагубные заговоры, а также все бедствия, порождаемые слабыми и деспотичными правительствами[89]. Но если мы сообразим, насколько развитие нравственной порчи быстрее ее исцеления, и если мы при-

помним, что годы, проведенные среди общественной неурядицы, были гораздо длиннее, чем те месяцы, которыми считается воинственное царствование Аврелиана, то мы должны будем признать, что нескольких коротких промежутков мирного времени было недостаточно для выполнения трудной задачи общественного переустройства. Даже попытка императора восстановить неподдельность монеты вызвала грозное возмущение. Досада императора выразилась в одном из его частных писем. "Без сомнения,- говорит он, - богам угодно было, чтобы вся моя жизнь протекла в непрерывных войнах. Мятеж, вспыхнувший внутри города, привел к очень серьезной междоусобной войне. На монетном дворе рабочие взбунтовались по наущению Фелициссима, раба, которому я дал место в финансовой администрации. Мятеж подавлен, но во время борьбы убито семь тысяч солдат, принадлежавших к тем войскам, которые обыкновенно стоят в Дакии и в лагерях на берегах Дуная"[90]. Другие писатели, рассказывая об этом происшествии, прибавляют, что оно случилось вскоре после Аврелианова триумфа, что решительное сражение произошло на Целийском холме, что работавшие на монетном дворе мастеровые прибавляли подмесь к монетам и что император восстановил государственный кредит, приказав выдавать хорошую монету взамен дурной, которую велено было приносить обратно в казначейство[91].

Мы могли бы ограничиться рассказом об этом странном происшествии, если бы его несообразность и неправдоподобие не бросались в глаза. Подделка монеты была, конечно, делом, возможным при таком управлении, как управление Галлиена; нет также ничего неправдоподобного в том, что люди, служившие орудием для этого подлога, опасались сурового Аврелианова правосудия. Но лишь очень немногие были соучастниками этого злоупотребления, и лишь немногие могли извлекать из него пользу, поэтому трудно понять, каким образом они могли взбунтовать разоряемый ими народ против императора, которого они обманывали. Можно бы было ожидать, что эти негодяи сделаются предметом общей ненависти вместе с доносчиками и другими орудиями деспотизма и что улучшение монеты будет таким же популярным делом, как уничтожение старых счетов, сожженных по приказанию императора на площади Траяна[92]. В таком веке, когда принципы торговли были еще так мало известны,

может быть, и нельзя было достигнуть желаемой цели иначе как путем суровых и неблагоразумных мероприятий, но скоропреходящее неудовольствие такого рода едва ли было способно разжечь и поддержать пламя серьезной междоусобной войны. Увеличение и без того уже обременительных налогов на земли или на предметы ежедневного потребления могло бы в конце концов возбудить восстание между теми, кто или не хочет, или не может покинуть свое отечество; но этого не могло случиться по поводу какой бы то ни было операции, восстанавливающей настоящую ценность монеты. Временный вред от такой операции был бы очень скоро заглажен постоянной от нее пользой, убыток распределялся бы между огромным числом людей, и если бы немногие богачи потерпели значительное уменьшение своих капиталов, они вместе с утратой своих богатств утратили бы в некоторой мере те вес и влияние, которые доставляло им обладание этими богатствами. Поэтому, хотя Аврелиан и старается скрыть настоящую причину восстания, его монетная реформа могла быть не чем иным, как очень слабым предлогом, за который ухватилась партия людей и сильных и недовольных. Хотя Рим и не пользовался политической свободой, крамолы партий сеяли в нем раздоры. Простой народ, к которому постоянно питал особое расположение император, сам вышедший из простонародья, жил в непрерывной вражде с сенатом, со всадниками и с преторианской гвардией[93]. Только прочный и тайный союз между этими сословиями - между авторитетом первого из них, богатством второго и оружием третьего - мог выставить силу, способную выдержать бой с дунайскими легионами, которые состояли из ветеранов и только что завершили, под предводительством воинственного монарха, завоевание Запада и Востока.

Какая бы ни была причина или цель этого восстания, приписываемого с крайним неправдоподобием рабочим монетного двора, Аврелиан воспользовался своей победой с безжалостной суровостью[94]. Он был от природы склонен к строгости. Так как он и на престоле не переставал быть крестьянином и солдатом, то его нервы нелегко поддавались впечатлениям симпатии и он мог без всякого душевного волнения присутствовать при пытке и смертной казни. Привыкший с раннего возраста к военному ремеслу, он не дорожил жизнью граждан, наказывал расстрелом за малейший проступок и пере-

нес суровую лагерную дисциплину в сферу гражданского управления. Его любовь к справедливости нередко превращалась в слепую и свирепую страсть, и, когда он усматривал опасность лично для себя или для государства, он не обращал никакого внимания на силу приводимых улик и не соблюдал никакой соразмерности между преступлением и наказанием. Ничем не вызванное с его стороны восстание, которым римляне отблагодарили его за все его заслуги, до крайности раздражило его заносчивый нрав. Самые знатные римские семейства навлекли на себя обвинение или подозрение в том, что они участвовали в заговоре, причины которого так трудно доискаться. Нетерпеливая жажда мщения ускоряла ход этой кровавой расправы, которая оказалась гибельной для одного из племянников самого императора. По выражению одного современного поэта, палачи были измучены, тюрьмы были битком набиты, а несчастный сенат скорбел о смерти или об отсутствии многих из своих самых достойных членов[95]. Это собрание было недовольно столько же гордостью Аврелиана, сколько и его жестокостью. Не имея никакого понятия об обязательной силе гражданских учреждений или, может быть, не желая им подчиняться, Аврелиан не хотел признавать никакой другой основы для своей власти, кроме силы меча, и управлял по праву завоевателя империей, которую он спас и поработил[96].

Один из самых здравомыслящих римских монархов заметил, что дарования его предшественника Аврелиана были более применимы к командованию армией, нежели к управлению империей[97]. Сознавая, какого рода деятельность могла выставить во всем их блеске и его природные способности, и приобретенную им опытность, Аврелиан снова взялся за оружие через несколько месяцев после своего триумфа. Он находил нужным занять неугомонные легионы какой-нибудь внешней войной; к тому же персидский монарх, возгордившийся унижением Валериана, все еще безнаказанно оскорблял величие Рима. Во главе армии, страшной не столько своей многочисленностью, сколько своей дисциплиной и храбростью, император дошел до проливов, отделяющих Европу от Азии. Там он узнал на опыте, что самая абсолютная власть служит лишь слабой охраной против людей, доведенных до отчаяния. Он пригрозил одному из своих секретарей, которого обвиняли в вымогательствах, а всем было известно,

что угрозы императора редко остаются без последствий. Виновному оставалось только одно средство спасения - впутать в угрожавшую ему опасность высших военачальников армии или по меньшей мере внушить им такие же опасения, какие мучили его самого. Искусно подделав подпись своего повелителя, он показал им длинный список обреченных на смерть; так как в этом списке находились и их имена, то они, не подозревая подлога, решились убить императора для спасения своей собственной жизни. На пути между Византией и Гераклеей на Аврелиана внезапно напали заговорщики, имевшие право по своему рангу находиться подле его особы, и после непродолжительного сопротивления Аврелиан пал от руки Мукапора, одного из генералов, которого он всегда любил и к которому питал доверие. Он умер, сопровождаемый сожалениями армии, ненавистью сената и общим сознанием, что он был воинственный и счастливый государь и что он предпринимал полезные реформы с такой строгостью, которая может найти для себя оправдание во всеобщей нравственной испорченности[98].

---

1) Pons Aureoli, в тринадцати милях от Бергамо и в тридцати двух от Милана. См. Клювье, Italia Antiq., ч.1, стр. 245. Неподалеку от этого места происходила в 1703 г. упорная битва при Кассано между французами и австрийцами. Отличное описание кавалера де Фолара, который присутствовал при этом сражении, дает очень ясное понятие об этой местности. См. Polybe де Фолара, ч.3, стр. 223-248.

2) О смерти Галлиена писали: Требеллий Поллион (История эпохи Цезарей, стр. 181), Зосим, кн.1, стр. 37; Зонара, кн. 12, стр. 634; Евтропий, IX, 11; Аврелий Виктор in Epitom; Виктор in Caesar. Я сравнил их рассказы, из которых извлек все, что мог, но преимущественно придерживался Аврелия Виктора, который, как кажется, имел под рукою самые верные сведения.

3) Некоторые высказывали странное предположение, что он был незаконный сын молодого Гордиана, другие, ссылаясь на название провинции Дардании, вели его происхождение от Дардана и от древних троянских царей.

4) Notoria были периодические официальные депеши, которые присылались императорам от frumentarii, то есть от агентов, рассеянных по провинциям. Впоследствии мы будем говорить о них подробнее.

5) Ист. эпохи Цезарей, стр. 200. Галлиен описывает посуду, платья и пр. как человек, который любит такие предметы роскоши и который знает им цену.

6) Ист. эпохи Цезарей, стр. 203. У историков встречаются некоторые мелкие разночтечия касательно подробностей последнего поражения и смерти Авреола.

7) Аврелий Виктор in Gallien. Народ громко просил богов, чтобы они

осудили Галлиена на вечные мучения. Сенат декретировал, чтобы трупы его родственников и прислуги были брошены в Тибр. У одного провинившегося в злоупотреблениях чиновника финансового ведомства были вырваны глаза в то время, как производилось о нем следствие.

8) Зонара, кн. 12, стр. 137.

9) Зонара называет по этому случаю Постумия, но сенатские регистры (Ист. эпохи Цезарей, стр. 203) доказывают, что Тетрик был уже в то время императором над западными провинциями.

10) В Ист. эпохи Цезарей приводится низшая из этих цифр, а у Зонары высшая; живая фантазия Монтескьё заставила его предпочесть последнюю из них.

11) Требелл. Поллион (Ист. эпохи Цезарей, стр. 204).

12) Ист. эпохи Цезарей, In Claud. Aurelian. et Prob. Зосим., кн.1, стр. 38-42. Зонара, кн. 12, стр. 638, Аврел. Виктор In Epitom. Виктор Младший, In Caesar. Евтропий, IX, II. Евсевий In Chron.

13) Теперешняя Нисса, родина Константина. Анвилль, 11, 308. - Гизо.

14) По словам Зонары (кн. 12, стр. 638), Клавдий перед смертью возложил на него императорское достоинство, но другие писатели не подтверждают этого странного факта и даже опровергают его.

15) См. "Жизнеописание Клавдия" Поллиона и речи Мамертина, Евмения и Юлиана. См. также "Цезари" Юлиана, стр. 313. Впрочем, Юлиан выражался таким образом не из лести, а из суеверия и тщеславия.

16) Большинство древних историков говорят о таком коротком царствовании; но число медалей Квинтилия и разнообразие вычеканенных на них изображений, по-видимому, требовали более продолжительного времени и придают правдоподобие словам Зосима, который говорит, что Квинтилий царствовал несколько месяцев. - Гизо

17) Зосим, кн.1, стр. 42. Поллион (Ист. эпохи Цезарей, стр. 207) приписывает ему некоторые добродетели и говорит, что, подобно Пертинаксу, он был убит мятежными солдатами. По словам Дексиппа, он умер от какой-то болезни.

18) Феоклий (слова которого цитированы в Истор. эпохи Цезарей, стр. 211) утверждает, что он в один день собственноручно убил сорок восемь сарматов, а в нескольких сражениях - девятьсот пятьдесят. Солдаты удивлялись этой геройской храбрости и воспевали ее в грубых песнях, для которых служили припевом слова "Mille, mille, mille, occidit".

19) Ахолий (прил. к Ист. эпохи Цезарей, стр. 213) описывает церемонию усыновления, происходившую в Византии в присутствии императора и его высших военных должностных лиц.

20) Ист. эпохи Цезарей, стр. 211. Это лаконичное письмо есть настоящее произведение солдата; в нем множество военных фраз и слов, из которых многие нелегко понять. Сальмазий очень хорошо объясняет выражение Ferramenta samiata. Первое из этих слов обозначает всякое оружие, употребляемое для нападения, и противополагается слову arma, обозначающему оборонительное оружие. А второе слово значит: острое и хорошо выточенное.

21) Зосима, кн.1, стр. 45.

22) Дексипп (ap. Excerpta Legat., стр. 12), говоря об этой сделке, называет лишь одних вандалов. Аврелиан выдал одну из готских принцесс за своего генерала Боноза, который был способен пить вместе с готами и выведывать их тайны. Ист. эпохи Цезарей, стр. 247.
23) Ист. эпохи Цезарей, стр. 222, Евтроп. IX, 15, Секст Руф, гл.9, Лактанций de Mortibus Persecutorum, гл.9.
24) Валахи до сих пор сохраняли много следов латинского языка и во все века хвастались тем, что происходят от римлян. Они окружены варварами, но никогда не смешивались с ними. См. записки Анвилля о древней Дакии в Mém. de l'Académie,ч. 30.
25) См. первую главу Иордана. Впрочем, вандалы (гл. 22) сохранили некоторое время свою независимость между реками Маризией и Криссией (Марос и Керес), впадающими в Тиссу. (Конечно, нет возможности привести положительные доказательства того, что геты и готы были один и тот же народ. Единственное затруднение заключается в указанной нами ранее ошибке тех, которые принимают родовое имя расы за название одного племени. Слово "геты", без сомнения, имеет один и тот же корень, что и теперешнее немецкое слово gut и английское good, первоначально обозначавшие обладание теми физическими достоинствами, которые более всего ценились дикими народами. Неопределенность древней номенклатуры заставляет нас решать эти вопросы посредством взвешивания вероятностей, а сходство имен есть более чем счастливая случайность, когда, в соединении со сходством привычек и характеров, оно указывает на существовавшее в различные периоды и на различных сценах тождество грубого народа, передвигавшегося от Азии к Европе. Некоторые сомнительные исторические факты с течением времени уясняются, а другие становятся еще более темными, и нужно иметь очень твердые основания, чтобы придавать им какой-либо вес. - Издат .)
26) Дексипп, стр. 7-12. Зосим, кн. 1, стр. 43, Вописк in Aurelian в Ист. эпохи Цезарей. Хотя эти историки употребляют различные названия (алеманны, юфунги, маркоманны), ясно, что они говорят об одном и том же народе и об одной и той же войне; но понять их и согласить между собой не совсем легко. (Если названия варварских орд были столь мало известны в таком веке, когда язык варваров становился все более и более понятным для римлян и греков, то нетрудно себе представить, какая существовала в этом отношении сбивчивость при общем невежестве более ранних времен. Сверх того, вследствие неправильностей нашего произношения мы делаем такие различия между племенами, как, например, между готами и ютами (Yuti), которые представлялись в ином свете латинам. - Издат .)
27) Кантоклар, со своей обычной аккуратностью, делает из этой цифры триста тысяч; но его перевод не согласен ни со здравым смыслом, ни с грамматикой.
28) Как на пример дурного вкуса можно указать на то, что Дексипп применяет к легкой кавалерии алеманнов технические термины, годные только для греческой фаланги.
29) У Дексиппа мы читаем: "Родан"; Валезий очень основательно заменяет это название словом "Эридан".
30) Император Клавдий, конечно, был в этом числе; но нам неизвест-

но, как далеко заходили эти выражения уважения; если они распространялись на все времена - до Цезаря и Августа, то это была бы весьма внушительная картина целого ряда владык всего мира.
31) Вописк в Ист. эпохи Цезарей, стр. 210.
32) Дексипп влагает в их уста изысканную и многословную речь, достойную греческого софиста.
33) Ист. эпохи Цезарей, стр. 215.
34) Дексипп, стр. 12.
35) Виктор Младший в "Жизнеописании Аврелиана".
36) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 216).
37) Маленькая река или скорее поток Метавр, подле Фано, сделался бессмертным благодаря тому, что имел такого историка, как Ливий, и такого поэта, как Гораций.
38) О нем говорится в одной надписи, найденной в Пезаро. См. Грутера, CCL XXVI, 3.
39) "Иной мог бы подумать, - сказал он, - что вы собрались в христианской церкви, а не в храме всех богов".
40) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 215, 216) сообщает длинные подробности об этих церемониях, извлеченных им из сенатских регистров.
41) Плиний, Hist. Natur., 111, 5. В подтверждение этого мнения мы можем заметить, что уже с давнего времени холм Целийский был покрыт дубовой рощей, а холм Виминальский зарос ивовым кустарником; что в четвертом столетии Авентинский холм был уединенным и необитаемым местом, что до времен Августа Эсквилинский холм был нездоровой местностью, на которой хоронили мертвых, и что многочисленные неровности, которые были усмотрены древними на Квиринальском холме, служат ясным доказательством того, что он не был покрыт зданиями. Из семи холмов только Капитолийский и Палатинский, вместе с примыкавшими к ним долинами, были заняты первобытными жилищами римского народа. Впрочем, этот предмет мог бы быть сюжетом особой диссертации.
42) Exspatiantia tecta multas addidere urbes - так выражается Плиний.
43) Ист. эпохи Цезарей, стр. 222. И Липсий и Исаак Боссий высказались за эту цифру.
44) См. Нардини, Roma Antica, кн., гл. 8.
45) Тацит, Ист., IV, 23.
46) Касательно стены Аврелиана см. Вописка (Ист. эпохи Цезарей, стр. 216, 222); Зосима, кн. 1, стр. 43; Евтропия, IX, 15; Аврел. Викт. In Aurelian; Виктора Младшего In Aurelian; Евсев., Иеронима и Идация In Chronic.
47) Его соперником был Лоллиан или Элиан, если только эти два имени обозначают одну личность. См. Тильемона, ч. 3, стр. 1177. (Медали, которые носят имя Лоллиана, считаются поддельными, кроме одной, находившейся в музее принца Вальдекского; но сохранилось много медалей с именем Лелиана, которое, как кажется, было именем Постумиева соперника. Экг., Doct. Num. Vet., ч. 7, стр. 499. - Гизо .)
48) Характер этого государя так хорошо и беспристрастно описан Юлием Атерианом (в Ист. эпохи Цезарей, стр. 187), что мы считаем не лишним цитировать это описание: "Victorio qui post Iunium

Posthumium Gallias rexit neminem existimo praeferendum; non in virtute Trajanum; non Antoninum in clementia; non in gravitate Nervam; non in gubernando aerario Vespasianum; non in censura totius vitae ac severitate militari Pertinacem vel Severum. Sed omnia haec libido et cupiditas voluptatis mulierariae sic perdidit, ut uemo audeat virtutes ejus in literas mittere, quem constat omnium judicio meruisse puniri.

49) Он изнасиловал жену Аттициана, который был военным агентом (actuary). Ист. эпохи Цезарей, стр. 186. Аврел. Виктор in Aurelian.

50) Поллион помещает ее в числе тридцати тиранов. Ист. эпохи Цезарей, стр. 200.

51) Поллион в Ист. эпохи Цезарей, стр. 196. Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 220). Два Виктора в жизнеописаниях Галлиена и Аврелиана. Евтроп., IX. 13. Евсев. in Chron. Из всех этих писателей только двое последних (и не без серьезных оснований) полагают, что падение Тетрика произошло прежде падения Зенобии. Боз (Academ. des Inscriptions, ч. 30) не желает придерживаться их мнения, а Тильемон (ч. 3, стр. 1189) не решается на это. Я был добросовестнее одного и смелее другого.

52) Виктор Младший in Aurelian. Евмений пишет Batavicae; а некоторые критики, без всякого основания, заменяют это слово словом Bagaudicae.

53) Евмен. in Vet. Panegyr., IV, 8.

54) Вописк, (Ист. эпохи Цезарей, стр. 246). Отен был снова выстроен лишь в царствование Диоклетиана. См. Евмения, De restaurandis Scholis.

55) Почти все, что говорится здесь о характере Одената и Зенобии, заимствовано из их жизнеописания Требеллия Поллиона (Ист. эпохи Цезарей, стр. 192, 198).

56) Она никогда не допускала ласк своего мужа иначе как с целью иметь детей. Если ее ожидание было обмануто, она повторяла попытку в следующем месяце.

57) По словам Зосима, Оденат происходил от одного знаменитого пальмирского семейства, а по словам Прокопия, он был государем сарацинов, живших на берегах Евфрата. Экг. Doct. Num. Vet., ч. 7, стр. 489. - Гизо .

58) Ист. эпохи Цезарей, стр. 192, 193. Зосим, кн. 1. стр. 36. Зонара, кн. 12, стр. 633. Рассказ этого последнего ясен и правдоподобен, а рассказы остальных сбивчивы и не последовательны. Текст Синцелла, если только он не был извращен, совершенно бессмыслен.

59) Оденат и Зенобия часто посылали ему в подарок драгоценности и разные безделушки, взятые у неприятеля, и он принимал их с чрезвычайным удовольствием.

60) На Зенобию возводили совершенно лишенные основания подозрения в том, что она была соучастницей в убийстве ее мужа.

61) Ист. эпохи Цезарей, стр. 180, 181.

62) См. в Ист. эпохи Цезарей, стр. 198, свидетельство Аврелиана о ее достоинствах; а касательно завоевания Египта см. Зосима, кн. 1, стр. 39, 40. (Это весьма сомнительно: Клавдий в течение всего своего царствования назывался императором на александрийских медалях, сохранившихся в большом числе. Если Зенобия и имела какую-нибудь власть над Египтом, это могло случиться не иначе как в начале

царствования Аврелиана. По той же причине очень сомнительно, чтобы ее завоевания простирались до Галатии. Может быть, Зенобия управляла Египтом от имени Клавдия и, сделавшись после смерти этого государя более отважной, подчинила его своей собственной власти. - *Гизо.*)(По словам Требеллия (Клавд., гл. 11), пальмирцы вторглись в Египет во времена Клавдия, в 269 г., но были отражены. - *Издат.*

63) Тимолай, Геррениан и Вабаллаф. Первые двое, как полагают, умерли до начала войны. Последнему Аврелиан дал маленькую армянскую провинцию с титулом царя; некоторые из его медалей сохранились до сих пор. См. Тильемона, ч. 8, стр. 1190.

64) Зосим, кн. 1, стр. 44.

65) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 217) знакомит нас с подлинным письмом и с сомнительным видением Аврелиана. Аполлоний Тианский родился почти в одно время с Иисусом Христом. Его жизнь рассказывается его последователями в таком баснословном виде, что мы затрудняемся решить, был ли этот Аполлоний мудрец, обманщик или фанатик (см. Виланда "Аполлоний Тианский". - *Издат.*).

66) Зосим, кн. 1, стр. 46.

67) В местности, называемой Иммэ. Евтропий, Секст Руф и Иероним упоминают только об этом первом сражении.

68) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 217) упоминает только о втором из этих сражений.

69) Зосим, кн. 1, стр. 44-48. Его рассказ об этих двух сражениях ясен и обстоятелен.

70) Она находилась в пятистах тридцати семи милях от Селевкии и в двухстах трех милях от ближайших берегов Сирии, по вычислению Плиния, превосходно описавшего Пальмиру в немногих словах (Hist. Natur., V, 21).

71) В конце прошедшего столетия несколько английских путешественников, отправившихся из Алеппо, *открыли* развалины Пальмиры. Впоследствии наше любопытство было блестящим образом удовлетворено Вудом и Даукинсом. Для знакомства с историей Пальмиры можно обратиться к мастерской диссертации док-ра Галлея, помещенной в Philosophical Transaction, в сокращении Лоуторпа, ч. 3, стр. 518.

72) Вописк, (Ист. эпохи Цезарей, стр. 218).

73) Из очень сбивчивых хронологических данных я постарался извлечь такое указание времени, которое кажется самым правдоподобным. (Клинтон (F. R. 1. 308), ссылаясь на Агафия и Синцелла, полагает, что годом смерти Шапура был 272 после Р.Х. - *Издат.*)

74) Ист. эпохи Цезарей, стр. 218, Зосим, кн. 1, стр. 50. Хотя верблюд принадлежит вообще к числу животных, употребляемых для переноски тяжестей, принадлежащий к той же или к родственной породе дромадер употребляется жителями Азии и Африки в тех случаях, когда нужна быстрота передвижения. Арабы говорят, что дромадер может пробежать в один день такое же расстояние, какое лучшие их лошади могут пробежать в восемь или в десять дней. См. Бюффона Hist. Naturelle, ч. XI, стр. 222 и Путешествия Шо, стр. 167.

75) Поллион (Ист. эпохи Цезарей, стр. 199).

76) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 219). Зосим, кн. 1, стр. 51.

77) Ист. эпохи Цезарей, стр. 219.
78) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр 220, 422). Как на доказательство его роскоши указывают на то, что у него были стеклянные окна. Он был замечателен своей физической силой, своим аппетитом, храбростью и ловкостью. Из Аврелианова письма можно заключить, что Фирм был последний из бунтовщиков и что, стало быть, Тетрик уже был низложен.
79) См. описание Аврелианова триумфа Вописком. Этот писатель излагает все подробности со своей обычной аккуратностью, и в этом случае приводимые им подробности оказываются интересными. Ист. эпохи Цезарей, стр. 220.
80) У варварских народов женщины нередко сражались рядом со своими мужьями. Но почти невозможно допустить, чтобы когда-либо существовало общество амазонок в Старом или в Новом Свете.
81) Употребление панталон, или braccae, считалось в Италии галльским и варварским обычаем. Впрочем, римляне сами начали принимать этот обычай. Fasciae, или обвязи голеней и бедер, считались во времена Помпея и Горация доказательством слабого здоровья и изнеженности. Во времена Траяна этот обычай держался только между богатыми и изнеженными людьми. Он мало-помалу перешел и в простой народ. См. очень интересное примечание Казобона ad Suet. In August., гл. 82 (То место, на которое здесь делается ссылка, находится в сатирах Горация, кн. 11. 3, 254,
ponas insignia morbi
Fasciolas, cubital.
- Шрейтер .)
82) Вероятно, первые из них; а слоны, изображенные на медалях Аврелиана, обозначают только то (по словам ученого кардинала Норриса), что этот император подчинил Восток.
83) Выражение Калфурния (Eclog. 1, 50) "Nullos dubcet captiva triumphos" в применении к Риму содержит очень ясный намек и порицание.
84) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 199). Иероним In Chron. Проспер In Chron. Бароний полагает, что к ее потомству принадлежал Зиновий, бывший флорентийским епископом во времена св. Амвросия.
85) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 222). Евтропий IX, 13. Виктор Младший. Но Поллион, в Ист. эпохи Цезарей, стр. 196, говорит, что Тетрик был назначен соправителем всей Италии.
86) Ист. эпохи Цезарей, стр. 197.
87) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 222). Зосим, кн. 1, стр. 56. Он поставил там изображения Белла и Солнца, привезенные им из Пальмиры. Храм был освящен на четвертом году царствования Аврелиана (Евсеb. In Chron.), но его постройка, без сомнения, была начата при восшествии Аврелиана на престол.
88) См. в Ист. эпохи Цезарей, стр. 210, предсказания его будущности. О его благочестивой преданности богу Солнца свидетельствуют его письма и медали; о ней говорится в "Цезарях" Юлиана. Комментарий Шпангейма, стр. 109.
89) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 221).
90) Ист. эпохи Цезарей, стр. 222. Аврелиан называет этих солдат Hiberi, Riparienses, Castriani и Dacisci.

91) Зосим, кн. 1, стр. 56. Евтропий, IX, 14. Аврел. Виктор.
92) Ист. эпохи Цезарей, стр. 222. Аврел. Виктор.
93) Эта вражда проявлялась наружу еще до возвращения Авреллана из Египта. См. Вописка, который цитирует одно подлинное письмо. Ист. эпохи Цезарей, стр. 244.
94) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 222). Оба Виктора, Евтропий, IX, 14. Зосим (кн. 1, стр. 43) упоминает только о трех сенаторах и говорит, что они лишились жизни еще до восточной войны.
95) Nulla catenati feralis senatus
Carnificum lassabit opus; nec carcere pleno
Infelix raros numerabit curia patres.
Калпурн. Eclog., 1, 60.
96) По словам Виктора Младшего, он иногда надевал диадему. На его медалях стоят слова Deus и Dominus.
97) Это замечание сделано Диоклетианом. Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 224).
98) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 221). Зосим., кн. 1, стр. 57. Евтроп., IX, 15. Оба Виктора.

ГЛАВА XII
Поведение армии и сената после смерти Аврелиана. - Царствования Тацита, Проба, Кара и его сыновей

Таково было несчастное положение римских императоров, что, каков бы ни был их образ действий, их участь всегда была одна и та же. Все равно, проводили ли они жизнь в наслаждениях или в трудах на пользу общества, все равно, были ли они взыскательны или снисходительны, беспечны или славны своими подвигами, - их всех одинаково ожидала преждевременная могила и почти каждое царствование оканчивалось одной и той же отвратительной сценой измены и убийства. Впрочем, смерть Аврелиана особенно примечательна по своим необыкновенным последствиям. Легионы были глубоко преданы своему победоносному вождю; они скорбели о его смерти и отомстили за него. Обман коварного секретаря был открыт и наказан. Введенные в заблуждение заговорщики присутствовали на погребении своего оклеветанного государя с раскаянием, которое, по-видимому, было искренне, и подписались под единогласным решением военного сословия, выраженным в следующем послании: "Храбрые и счастливые армии к римскому сенату и народу. Преступление одного и заблуждение многих лишили нас покойного императора Аврелиана. Уважаемые отцы-сенаторы, благоволите причислить его к богам и назначьте ему такого преемника, который, по вашему мнению, достоин императорского звания! Ни один из тех, чья вина или заблуждение были причиною понесенной нами утраты, никогда не будет царствовать над нами"[1]. Римских сенаторов вовсе не удивило известие, что еще один император убит в своем лагере; они втайне радовались падению Аврелиана, но, когда в полном собрании сената консул сообщил им содержание скромного и почтительного послания легионов, они были приятно удивлены. Памяти своего умершего государя они стали щедро расточать все почести, какие только мог вынудить у них страх, а может быть, и чувство уважения; вместе с тем они выразили самую искреннюю признательность верным армиям республики, обнаружившим столь правильный взгляд на легальный авторитет сената в вопросе о выборе императора.

Однако, несмотря на столь лестное для сената приглашение, самые осторожные из его членов не захотели ставить свою безопасность и свое достоинство в зависимость от каприза вооруженной толпы. Конечно, сила легионов была залогом их искренности, так как тот, кто может повелевать, редко бывает доведен до необходимости притворяться; но разве можно было ожидать, что внезапное раскаяние уничтожит закоренелые восьмидесятилетние привычки? Если же солдаты снова вовлеклись бы в привычные для них мятежи, то их дерзость могла бы унизить достоинство сената и оказаться пагубной для предмета его выбора. Эти и другие подобные им мотивы заставили сенат издать декрет, в силу которого избрание нового императора предоставлялось военному сословию.

Возникшее отсюда препирательство представляет одно из самых достоверных и вместе с тем самых невероятных событий в истории человеческого рода[2)]. Войска, как будто пресытившиеся властью, которой они до тех пор пользовались, снова умоляли сенат возложить императорское звание на одного из его членов. Сенат упорствовал в своем отказе, а армия - в своем требовании. Обоюдное предложение было сделано и отвергнуто по меньшей мере три раза, а тем временем, как настойчивая скромность сената и армии непременно хотела получить повелителя от противной стороны, незаметно протекло восемь месяцев[3)]: это был приводящий в изумление период спокойной анархии, в течение которого римский мир оставался без монарха, без узурпаторов и без мятежей. Назначенные Аврелианом генералы и должностные лица по-прежнему исполняли свои обязанности, и проконсул Азии был единственным из высших сановников, удаленным от должности в течение всего междуцарствия.

Подобное, но гораздо менее достоверное событие, как полагают, случилось после смерти Ромула, который и по своей жизни, и по своему характеру имел некоторое сходство с Аврелианом. Престол оставался вакантным в течение двенадцати месяцев, пока не был избран сабинский философ, а тем временем общественное спокойствие охранялось благодаря точно такому же единодушию между различными государственными сословиями. Но во времена Нумы и Ромула авторитет патрициев сдерживал самовластие народа, а в маленькой и добродетельной республике было нетрудно сохранять над-

лежащее равновесие между свободными учреждениями4). А римское государство уже было не таким, каким было в своем детстве, и его упадок происходил при таких условиях, которые не позволяли ожидать от междуцарствия ни общей покорности, ни общего единодушия; такой покорности и единодушию препятствовали и громадность шумной столицы, и огромный объем империи, и раболепное равенство перед деспотизмом, и армия из четырехсот тысяч наемников, и привычка к беспрестанным переворотам. Однако, несмотря на все эти источники беспорядка, воспоминание об Аврелиане и введенная им дисциплина сдерживали и мятежные наклонности войск, и пагубное честолюбие их вождей. Цвет легионов оставался в своем лагере на берегах Босфора, а развевавшееся над ними императорское знамя внушало страх менее сильным лагерям, расположенным в Риме и в провинциях. Военное сословие, по-видимому, было воодушевлено благородным, хотя и преходящим, энтузиазмом, и следует полагать, что кучка истинных патриотов старалась поддержать возрождавшееся согласие между армией и сенатом как единственное средство возвратить республике ее прежнее величие и силу.

25 сентября, то есть почти через восемь месяцев после умерщвления Аврелиана, консул созвал сенат и обратил его внимание на шаткое и опасное положение империи. Он слегка намекнул на то, что ненадежная верность солдат может каждую минуту поколебаться, так как она зависит от разных случайностей, и с убедительным красноречием указывал на различные опасности, которые могут возникнуть от дальнейшей отсрочки выбора императора. Уже получено известие, говорил он, что германцы перешли через Рейн и овладели несколькими из самых сильных и самых богатых городов Галлии. Честолюбие персидского монарха постоянно держит в страхе Восток; Египет, Африка и Иллирия легко могут сделаться жертвой внешних или внутренних честолюбцев, а легкомысленные сирийцы всегда готовы предпочесть святости римских законов даже царствование женщины. Затем консул обратился к старшему из сенаторов[5)] - Тациту и просил его высказать свое мнение по важному вопросу о выборе достойного кандидата для замещения вакантного престола.

Если нам будет дозволено отдать предпочтение личным достоинствам пред тем величием, которое зависит от случайно-

сти, то мы должны будем признать происхождение Тацита более знатным, чем происхождение царей. Он вел свой род от того историка-философа, сочинения которого будут служить поучением для самых отдаленных поколений человеческого рода[6]. Сенатору Тациту было в то время семьдесят пять лет[7]. Его продолжительная безупречная жизнь была украшена богатством и почестями. Он был два раза возводим в консульское звание[8] и в пользовании своим большим состоянием в 2 или 3 миллиона ф. ст.[9] выказывал вкус и умеренность. Опытность, приобретенная им при стольких хороших и дурных императорах в промежуток времени, начинавшийся с безрассудных выходок Гелиогабала и кончавшийся полезной строгостью Аврелиана, научила его ясно понимать обязанности, опасности и искушения их высокого звания. А из тщательного изучения сочинений своего бессмертного предка он извлек знакомство с римской конституцией и с человеческой натурой[10]. Голос народа уже указывал на Тацита как на такого гражданина, который более всех достоин императорского звания. Когда слух об этом дошел до его сведения, он, из желания уклониться от такой чести, удалился на одну из своих вилл в Кампании. Проведя два месяца в приятном уединении в Байях, он подчинился требованию консула, приглашавшего его снова занять свое почетное место в сенате и помочь своими советами республике в столь важном случае.

Он встал, чтобы говорить, когда со всех сторон сената раздались возгласы, приветствовавшие его именами Августа и императора: "Тацит Август, да сохранят тебя боги! Мы избираем тебя нашим государем и вверяем твоим попечениям республику и весь мир. Прими верховную власть из рук сената. Тебе дают на нее право и твое высокое звание, и твое поведение, и твои нравы". Лишь только стих шум приветствий, Тацит попытался отклонить опасную честь и выразил свое удивление по поводу того, что в преемники воинственному и энергичному Аврелиану выбирают человека его преклонных лет и удрученного немощами. "Разве эти ноги, отцы-сенаторы, способны выносить тяжесть вооружения или участвовать в лагерных военных упражнениях? Разнообразие климата и лишения военной жизни скоро разрушат слабое здоровье, которое поддерживается только самым внимательным уходом. Мои ослабевшие силы едва ли достаточны для исполне-

ния моих сенаторских обязанностей; насколько же они окажутся недостаточными для тяжелых трудов, требуемых войной и государственным управлением? Неужели вы надеетесь, что легионы будут уважать слабого старика, жизнь которого протекла в спокойствии и в уединении, неужели вы желаете, чтобы я сожалел о благоприятном для меня мнении сената?"[11)]

Отказ Тацита, вероятно вполне искренний, вызвал со стороны сенаторов настойчивые изъявления преданности. Пятьсот голосов зараз повторяли среди общего шума, что величайшие римские монархи Нума, Траян, Адриан и Антонины вступили на престол в преклонных летах, что сенаторы выбирали ум, а не физическую силу, монарха, а не солдата и что они ожидают от него только одного - чтобы его мудрость руководила храбростью легионов. Эти настоятельные и шумные просьбы были поддержаны более правильным изложением общих желаний в речи, которую произнес Мецций Фальконий, занимавший после Тацита первое место на скамье консуляров. Он напомнил сенату о тех бедствиях, в которые вовлекали Рим пороки безрассудных и своенравных юношей, поздравил его с избранием добродетельного и опытного сенатора и затем со смелой развязностью, которая, быть может, была результатом личных расчетов, увещевал Тацита припомнить причины своего избрания и найти себе преемника не в своем собственном семействе, а в республике. Речь Фалькония вызвала общее одобрение. Тогда вновь избранный император подчинился желанию своего отечества и принял от своих бывших сотоварищей добровольные уверения в подданнической преданности. Выбор сената был утвержден римским народом и преторианской гвардией[12)].

Управление Тацита соответствовало всей его жизни и его принципам. Он был признательным слугою сената и считал это национальное собрание источником законов, а самого себя - их исполнителем[13)]. Он старался залечить раны, нанесенные конституции гордостью императоров, внутренними раздорами и солдатскими насилиями, и воскресить хотя бы подобие древней республики в том виде, как оно поддерживалось политикой Августа и добродетелями Траяна и Антонинов. Считаем не лишним перечислить самые важные права, которые, как кажется, были возвращены сенату вследствие избрания Тацита[14)]. 1. Возлагать на одного из своих чле-

нов вместе с титулом императора главное начальство над армиями и управление пограничными провинциями. 2. Устанавливать список, или, как тогда выражались, коллегию консулов. Всех консулов было двенадцать, и они попарно исполняли консульские обязанности в течение двух месяцев и поддерживали достоинство этого древнего звания. Сенат пользовался при избрании консулов такой независимостью и свободой, что не уважил неосновательной просьбы императора о своем брате Флориане. "Сенат, - воскликнул Тацит с честной радостью патриота, - хорошо знает характер избранного им государя!" 3. Назначать проконсулов и президентов провинций и возлагать на всех должностных лиц их гражданскую юрисдикцию. 4. Принимать через посредство городского префекта апелляции от всех трибуналов империи. 5. Придавать своими декретами силу закона тем императорским эдиктам, которые им одобрены. 6. К этим различным отраслям власти мы можем прибавить некоторые права по надзору за финансовым управлением, так как даже в царствование строгого Аврелиана сенаторы нашли возможность похитить некоторую часть доходов, которые должны были идти на удовлетворение государственных нужд[15)]

Всем главным городам империи - Триру, Милану, Аквилее, Фессалоникам, Коринфу, Афинам, Антиохии, Александрии и Карфагену - были посланы письма с требованием их покорности и с уведомлением о счастливом перевороте, возвратившем римскому сенату его прежнее значение. Два из этих посланий дошли до нас. Мы также имеем два интересных отрывка из частной корреспонденции сенаторов по этому случаю. В них видна чрезвычайная радость и проглядывают самые безграничные надежды. "Отбросьте вашу лень, - пишет один сенатор своему приятелю, - откажитесь от вашей уединенной жизни в Байях или в Путеоли. Живите в городе, посещайте сенат. Рим расцвел, и вся республика расцвела. Благодаря римской армии, которая поистине римская, мы наконец восстановили наш законный авторитет и тем достигли цели всех наших желаний. Мы здесь отправляем правосудие, назначаем проконсулов, создаем императоров; может быть, нам удастся даже ограничить их власть - впрочем, умному человеку достаточно и легкого намека"[16)] Но в этих блестящих ожиданиях пришлось разочароваться, да и нельзя было ожидать, чтобы армии и провинции долгое время пови-

новались изнеженной и вовсе не воинственной римской аристократии. Это непрочное здание ее гордости и могущества не имело фундамента и развалилось при самом легком к нему прикосновении. Издыхавший сенат внезапно ожил, на минуту засиял необыкновенным блеском и затем навсегда испустил дух.

Все, что до сих пор совершалось в Риме, было бы не более как театральным представлением, если бы не было одобрено более существенным авторитетом легионов. Предоставив сенаторам вволю предаваться их мечтам о свободе и честолюбии, Тацит отправился во фракийский лагерь и был представлен преторианским префектом собравшимся войскам как тот самый государь, которого они сами просили у сената и которого сенат им даровал. Лишь только префект умолк, император сам обратился к солдатам с речью, которая была красноречива и пристойна. Он удовлетворил их алчность щедрой раздачей денег под видом жалованья и подарков. Он также сумел внушить им уважение своим благородным заявлением, что, хотя его преклонные лета не позволяют ему подавать им пример воинских доблестей, его советы всегда будут достойны римского военачальника, который заменил храброго Аврелиана[17)]

В то время как покойный император готовился ко второй экспедиции на Восток, он вступил в переговоры со скифским народом аланами, раскинувшими свои палатки неподалеку от Меотийского залива. Эти варвары прельстились обещанием подарков и субсидий и обещали вторгнуться в Персию с многочисленным отрядом легкой кавалерии. Они сдержали слово, но, когда они прибыли к римской границе, Аврелиана уже не было в живых, война с Персией была по меньшей мере отложена на неопределенное время, а военачальники, пользовавшиеся во время междуцарствия весьма непрочным авторитетом, не приготовились ни принять их, как следовало, ни отразить их. Оскорбленные таким образом действий, в котором они видели насмешку и коварство, аланы решились отомстить за эту обиду и добыть оружием ту плату, в которой им отказывали; а так как они двигались с обычной для татар быстротой, то они скоро проникли в провинции Понт, Каппадокию, Киликию и Галатию. Легионы, которые с противоположных берегов Босфора почти могли видеть пламя горевших городов и селений, настоятельно просили своего

главнокомандующего, чтобы он повел их против неприятеля. Тацит поступил так, как следовало при его летах и в его положении. Он доказал варварам как добросовестность, так и могущество империи. Значительная часть алан удовлетворилась точным исполнением обещаний, данных им Аврелианом, отдала назад добычу и пленных и спокойно удалилась в свои степи по ту сторону Фасиса. А против тех из них, которые отказались от мирного соглашения, император предпринял успешный поход. Имея в своем распоряжении храбрых и опытных ветеранов, он в несколько недель избавил азиатские провинции от ужасов скифского нашествия[18].

Но слава и жизнь Тацита были недолговечны. Когда ему пришлось переселиться среди зимы из мягкого климата Кампании к подножию Кавказских гор, ему оказались не по силам непривычные для него лишения военной жизни. Физическая усталость усиливалась от душевных тревог. Влечение к гражданским доблестям лишь на короткое время заглушило в солдатах их страсти и себялюбие, которые скоро проявились наружу с удвоенной силой и не только в лагере, но даже в палатке престарелого императора. Кротость и приветливость Тацита не возбуждали ничего, кроме презрения, и его постоянно мучили внутренними раздорами, которых он не был в состоянии укротить, и требованиями, которых не было возможности удовлетворить. Он скоро убедился, что он напрасно обманывал себя надеждой положить конец общественной неурядице и что своеволие армии нисколько не стеснялось бессильными требованиями закона. Душевные страдания и разочарования ускорили приближение смерти. Неизвестно с достоверностью, омочили ли солдаты свои руки в крови этого ни в чем не повинного государя[19], но положительно известно, что их наглость была причиной его смерти. Он испустил дух в Тиане, в Каппадокии, после царствования, продолжавшегося только шесть месяцев и почти двадцать дней[20].

Лишь только Тацит навеки закрыл глаза, его брат Флориан, не дожидаясь согласия сената, захватил верховную власть, доказывая этой поспешностью, что он не был достоин ее.

Уважение к римской конституции было еще достаточно сильно и в армии и в провинциях, чтобы вызвать неодобрение торопливостью Флориана, но оно не было достаточно

сильно, чтобы вызвать сопротивление. Общее неудовольствие, вероятно, ограничилось бы бессильным ропотом, если бы командовавший на Востоке храбрый полководец Проб не взялся отомстить за неуважение к сенату. Впрочем, силы двух соперников, по-видимому, были неравны: даже самый способный полководец, находясь во главе изнеженных египетских и сирийских войск, едва ли мог рассчитывать на успех в борьбе с непобедимыми европейскими легионами, стоявшими на стороне Тацитова брата. Но счастье и предприимчивость Проба восторжествовали над всеми препятствиями. Отважные ветераны его противника, привыкшие к холодному климату, заболевали и умирали от душного жара в Киликии, где лето было в том году особенно вредно для здоровья. Их число постоянно уменьшалось от частых побегов; горные проходы были слабо защищены; Тарс отворил свои ворота перед Пробом; тогда солдаты Флориана, позволившие ему пользоваться императорским титулом около трех месяцев, избавили империю от междоусобной войны, охотно пожертвовав таким государем, которого они презирали[21].

Беспрестанные смены императоров до такой степени искоренили всякую мысль о наследственных правах на престол, что родственники погибшего императора не возбудили в его преемниках ни малейших опасений. Оттого-то детям Тацита и Флориана и было дозволено жить частными людьми и смешаться с общей массой подданных. К тому же их бедность служила добавочной охраной их невинности. Когда Тацит был избран сенатом в императоры, он отдал все свое огромное состояние в государственную казну[22]; по-видимому, это был акт великодушия, но под ним скрывалось намерение передать верховную власть потомству. Единственным утешением для его обедневших родственников служило воспоминание об их мимолетном величии и основанная на каком-то предсказании надежда, что по прошествии тысячи лет взойдет на престол император из рода Тацита, который будет покровителем сената, восстановит могущество Рима и завоюет весь мир[23].

Иллирийские крестьяне, уже давшие разрушавшейся империи таких императоров, как Клавдий и Аврелиан, приобрели новое право на всемирную известность вследствие возвышения Проба[24]. За двадцать с лишним лет перед тем им-

ператор Валериан, со своей обычной прозорливостью, заметил особые дарования в этом молодом солдате и произвел его в трибуны, несмотря на то, что он еще далеко не достиг того возраста, который требовался для этой должности военными уставами. Трибун скоро оправдал это отличие тем, что одержал победу над многочисленным отрядом сарматов и спас в этом сражении жизнь одного из близких родственников Валериана; за это он получил из рук императора ожерелье, браслет, копье, знамя, венки стенной и гражданский и все те почетные отличия, которыми награждал Древний Рим за удачу и храбрость. Проб получил командование сначала третьим, а потом десятым легионом и при каждом новом повышении доказывал, что он способен занимать еще более высокие должности. Африка и Понт, Рейн, Дунай, Евфрат и Нил поочередно доставляли ему случай выказать самым блестящим образом свое личное мужество и свои воинские дарования. Аврелиан был обязан ему завоеванием Египта и еще более обязан тем, что он с честным бесстрашием нередко сдерживал жестокость своего повелителя. Тацит, желая восполнить недостававшие ему самому военные дарования талантами своих военачальников, поручил Пробу главное начальство над всеми восточными провинциями, увеличил его жалованье в пять раз, обещал ему консульство и дал ему право рассчитывать на почести триумфа. Когда Проб вступил на престол, ему было около сорока четырех лет[25]; он пользовался в ту пору заслуженной славой, любовью армии и достигшими полной зрелости умственными и физическими силами.

Благодаря всеми признанным личным достоинствам и благодаря успеху военных действий против Флориана он не имел ни врагов, ни соперников. Однако, если верить его собственным словам, он вовсе не желал верховной власти и принял ее с самым непритворным отвращением. "Но теперь уже не в моей власти, - говорил Проб в одном частном письме,- отказаться от титула, который навлечет на меня зависть и опасности: я вынужден исполнять ту роль, которую возложили на меня солдаты"[26]. Его почтительное послание к сенату было полно таких чувств или по меньшей мере таких выражений, какие приличны римскому патриоту: "Отцы-сенаторы! Когда вы выбрали одного из членов вашего сословия в преемники императору Аврелиану, вы поступили согласно с

вашей справедливостью и мудростью, так как вы законные повелители мира и власть, которую вы получили от ваших предков, перейдет к вашему потомству. То было бы большое счастье, если бы Флориан, вместо того чтобы законно присвоить себе, точно частное наследство, звание своего брата, дождался вашего верховного решения или в его пользу, или в пользу кого-либо другого. Благоразумные солдаты наказали его за эту опрометчивость. Мне предложили они титул Августа. Но я предоставляю на ваше милостивое усмотрение и мои притязания, и мои заслуги"[27]. Когда это почтительное послание было прочитано консулом, сенаторы не были в состоянии скрыть своего удовольствия по поводу того, что Проб снизошел до такой униженной просьбы о скипетре, который уже находился в его руках. Они стали превозносить с самой горячей признательностью его добродетели, военные подвиги и главным образом его скромность. Немедленно был издан, без протеста с чьей-либо стороны, декрет, который утверждал выбор восточных армий и возлагал на их вождя все многоразличные атрибуты императорского достоинства: имена Цезаря и Августа, титул отца отечества, право делать в один и тот же день три предложения сенату[28], звание верховного первосвященника, трибунскую власть и проконсульскую власть. Эта форма инвеституры хотя, по-видимому, и увеличивала объем императорской власти, но в сущности была выражением конституции древней республики. Царствование Проба соответствовало этому прекрасному началу. Сенаторам было предоставлено заведование делами гражданского управления. Их верный полководец поддерживал честь римского оружия и нередко клал к их стопам плоды своих многочисленных побед - золотые короны и отнятые у варваров трофеи[29]. Однако, в то время как он льстил их тщеславию, он не мог не чувствовать втайне презрения к их беспечности и бессилию. Хотя они могли, когда только им вздумается, отменить унизительный для них эдикт Галлиена, эти гордые потомки Сципионов спокойно выносили свое исключение из всех военных должностей. Но их сыновья узнали на опыте, что тот, кто отказывается от меча, должен отказаться и от скипетра.

Военное могущество Аврелиана повсюду восторжествовало над врагами Рима, но после его смерти их ярость и даже их число как будто увеличились. Они были снова побеждены

деятельным и энергичным Пробом, который в свое короткое царствование, продолжавшееся около шести лет[30], сравнялся славой с древними героями и восстановил спокойствие и порядок во всех римских провинциях. Границы Греции он так хорошо оградил, что покинул их без малейшего опасения новых варварских нашествий. Он рассеял бродячие шайки сарматов и навел на этих варваров такой страх, что они возвратили награбленную добычу. Готская нация искала союза с таким воинственным императором[31]. Он напал на исавров в их горных убежищах, осадил и взял некоторые из их самых сильных, укрепленных замков[32] и льстил себя надеждой, что он навсегда уничтожил внутреннего врага, независимость которого была таким глубоким оскорблением для величия империи. Смуты, возбужденные в Верхнем Египте узурпатором Фирмом, еще не были совершенно прекращены, а города Птолемаида и Коптос, опиравшиеся на союз с блеммиями, всё еще были в восстании[33]. Наказание этих городов и помогавших им южных дикарей, как утверждают, встревожило персидское правительство[34], и великий царь тщетно искал дружбы Проба. Многие из военных предприятий, ознаменовавших царствование этого императора, были окончены с успехом благодаря его личной храбрости и опытности, так что историк, описавший его жизнь, удивляется, как мог один человек в столь короткое время вести столько войн на таких громадных расстояниях. Некоторые менее важные экспедиции он поручал своим полководцам, благоразумный выбор которых составляет немалую долю его славы. Кар, Диоклетиан, Максимиан, Констанций, Галерий, Асклепиодат, Аннибалиан и множество других полководцев, впоследствии или занимавших императорский престол, или служивших ему подпорой, изучали военное ремесло в суровой школе Аврелиана и Проба[35].

Но самой важной из всех услуг, оказанных Пробом республике, было освобождение Галлии и взятие семидесяти цветущих городов, которые находились во власти германских варваров, безнаказанно опустошавших эту обширную провинцию после смерти Аврелиана[36]. В этой разнохарактерной массе свирепых опустошителей мы можем с некоторой ясностью различить три большие армии или, скорее, три большие нации, которые были одна вслед за другой побеждены храбрым Пробом. Он прогнал франков назад в их болота, из чего

мы можем заключить, что конфедерация, известная под благородным названием *вольных людей*, уже занимала в то время плоскую приморскую страну, пересекаемую и почти затопляемую стоячими водами Рейна, и что к этому союзу примкнули некоторые племена фризов и батавов. Он победил бургундов - значительное племя вандальской расы[37]. Они бродили в поисках добычи от берегов Одера до берегов Сены. Они считали себя счастливыми тем, что возвратом всей награбленной добычи могли купить себе позволение беспрепятственно отступить. Они попытались уклониться от исполнения этой статьи договора, и наказание их было немедленно и ужасно[38]. Но из всех опустошителей Галлии самыми грозными были лигии - народ, владевший обширными землями на границах Польши и Силезии[39]. В лигийской нации гарии занимали первое место по своей многочисленности и свирепости. "Гарии (так они описаны энергичным слогом Тацита) стараются с помощью разных ухищрений усилить ужас, внушаемый их варварством. У них щиты черного цвета, а их тела также выкрашены в черный цвет. Они выбирают для сражения самый темный час ночи. Когда их войско выступает на бой, оно точно будто покрыто похоронным покрывалом[40], и они редко находят такого врага, который способен устоять против такого странного и адского зрелища, так как в битве прежде всего бывают побеждены глаза"[41]. Однако оружие и дисциплина римлян без большого труда рассеяли эти страшные призраки. Лигии были разбиты в генеральном сражении, и самый знаменитый из их вождей - Семнон попался живым в руки Проба. Этот благоразумный император, не желая доводить храбрый народ до отчаяния, согласился на почетные для них условия капитуляции и позволил им безопасно возвратиться на родину. Но потери, понесенные ими во время похода, в битве и во время отступления, до того ослабили их, что имя лигиев уже более не упоминается ни в истории Германии, ни в истории Римской империи. Рассказывают, что освобождение Галлии стоило жизни четыремстам тысячам варваров; если это правда, то римлянам пришлось много поработать, а императору - издержать много денег, потому что он платил по золотой монете за каждую голову варвара[42]. Но так как слава полководцев основана на истреблении человеческого рода, то весьма естественно, что в нас зарождается подозрение, не была ли эта

цифра преувеличена жадностью солдат и не была ли она принята без строгой проверки щедрым и тщеславным Пробом.

Со времени экспедиции Максимина римские генералы ограничивали свое честолюбие оборонительной войной против германских народов, постоянно придвигавшихся к границам империи. Более смелый Проб, пользуясь одержанными в Галлии победами, перешел через Рейн и водрузил свои победоносные орлы на берегах Эльбы и Неккара. Он был вполне убежден, что варвары не будут расположены жить в мире с римлянами до тех пор, пока не испытают бедствий войны на своей собственной стране. Германия, истощившая свои силы вследствие неудачного исхода последнего нашествия, была поражена его появлением. Девять самых значительных германских князей явились в его лагерь и пали к его стопам. Они смиренно приняли все мирные условия, каких пожелал победитель. Он потребовал аккуратного возвращения всей добычи и всех пленников, забранных ими в провинциях, и заставил их собственных судей подвергать наказанию непокорных грабителей, пытавшихся удержать в своих руках какую бы то ни было часть добычи. Значительных размеров дань, состоявшая из зернового хлеба, рогатого скота и лошадей - единственного богатства, которым обладали варвары, - была назначена на содержание гарнизонов, которые были поставлены Пробом на границах их территории. Он даже питал надежду заставить германцев отказаться от употребления оружия, предоставить свои споры рассмотрению римских судов и вверить охрану своей безопасности могуществу Рима. Для достижения этих благотворных целей было безусловно необходимо постоянное присутствие императорского наместника, опирающегося на многочисленную армию. Поэтому Проб счел за лучшее отложить до другого времени исполнение такого широкого плана, который в сущности едва ли мог принести большую пользу[43)]. Если бы Германия была доведена до положения римской провинции, римляне достигли бы ценой огромных усилий и расходов только того, что им пришлось бы защищать более обширные границы против более свирепых и более предприимчивых скифских варваров.

Вместо того чтобы низводить воинственные германские народы до положения римских подданных, Проб удовольство-

вался более скромной мерой - он воздвигнул оплот против их вторжений. Страна, образующая в настоящее время Швабский округ, оставалась во времена Августа незаселенной вследствие того, что ее прежние жители перекочевали в другое место[44]. Плодородие почвы скоро привлекло туда новых поселенцев из соседних галльских провинций. Толпы авантюристов, привыкших к бродячей жизни и не имевших никаких средств существования, заняли эту местность, не составлявшую ничьей бесспорной собственности, и стали уплачивать Риму десятую часть своих доходов, признавая этим свою зависимость от империи[45]. Чтобы охранять этих новых подданных, римляне поставили целый ряд пограничных гарнизонов, мало-помалу растянувшихся от Рейна до Дуная. Этот способ защиты стал входить в употребление около времени царствования Адриана; тогда для прикрытия гарнизонов и для облегчения их взаимных сношений были устроены крепкие окопы из деревьев и палисад. Взамен таких грубых укреплений император Проб построил довольно высокую каменную стену и придал ей еще большую прочность тем, что устроил на ней башни, расположенные на самом удобном одна от другой расстоянии. От окрестностей Нойштадта и Ратисбонна на Дунае она шла через холмы, равнины, реки и болота до Вимпфена на Неккаре и наконец была доведена до берегов Рейна; ее извилистая линия имела в длину около двухсот миль[46]. Эта сильная оборонительная линия, соединявшая между собой две огромные реки, которые считались оплотом европейских провинций, по-видимому, заграждала то пустое пространство, через которое варвары, и в особенности алеманны, могли всего легче проникать в самое сердце империи. Но опыт всех стран, начиная с Китая и кончая Британией, доказал, как тщетны все попытки укрепить страну на очень длинном протяжении[47]. Деятельный неприятель, имеющий возможность выбирать и изменять по своему усмотрению пункты нападения, в конце концов непременно отыщет какое-нибудь слабое место или уловит момент оплошности. Ни силы, ни внимание защитников не могут быть сосредоточены на одном пункте, а бессознательное чувство страха так сильно действует даже на самые мужественные войска, что они почти немедленно покидают оборонительную линию, которую удалось неприятелю прорвать только в одном пункте. Судьба, которая постигла выстроенную Про-

бом стену, может служить подтверждением этого общего правила. Через несколько лет после его смерти она была разрушена алеманнами. Ее разбросанные развалины, обыкновенно приписываемые какой-то дьявольской силе, лишь возбуждают в наше время удивление швабских поселян.

В числе мирных условий, наложенных Пробом на побежденных германцев, находилось также обязательство поставлять для римской армии шестнадцать тысяч рекрутов, выбранных из самой храброй и самой сильной германской молодежи. Император рассылал этих рекрутов по всем провинциям и, разделив их на большие группы в пятьдесят или шестьдесят человек, распределял эти опасные подкрепления между римскими войсками, руководствуясь тем благоразумным правилом, что помощь, которую государство получает от варваров, должна быть ощутительной, но не бросаться в глаза[48]. А эта помощь была в ту пору очень нужна. Слабое, изнеженное от роскоши население Италии и внутренних провинций уже не было в состоянии выносить тяжести военной службы. Прирейнские и придунайские пограничные провинции еще доставляли бодрых духом и телом людей, которые были годны для военного ремесла, но число их постоянно уменьшалось от непрерывных войн. Браки стали редки, земледелие пришло в совершенный упадок, а отсутствие этих главных условий размножения не только ослабляло тогдашнее население, но и не позволяло рассчитывать на силы будущих поколений. Благоразумие Проба внушило ему широкий и благотворный план оживления истощенных пограничных провинций: он стал заводить там колонии из пленных или беглых варваров, которым раздавал земли, рогатый скот, земледельческие орудия и которых он всячески поощрял на то, чтобы они разводили расу воинов, готовых служить республике. В Британию и, как кажется весьма вероятным, в Кембриджшир[49] он переселил значительный отряд вандалов. Невозможность бежать оттуда заставила их примириться со своим положением, и во время смут, впоследствии возникших на этом острове, они оказались самыми верными слугами римского государства[50]. Множество франков и гепидов было поселено на берегах Дуная и Рейна. Сто тысяч бастарнов, изгнанных из своего отечества, охотно поселились на предложенных им во Фракии землях и скоро усвоили себе нравы и чувства римских подданных[51]. Но ожида-

ния Проба слишком часто оказывались обманчивыми. Неусидчивые и склонные к праздности варвары не были годны для медленных земледельческих работ. Их непреодолимая любовь к свободе не могла уживаться с деспотизмом и влекла их на необдуманные восстания, которые были пагубны как для них самих, так и для населенных ими провинций[52], так что, несмотря на усилия многих следовавших за Пробом императоров, эта искусственная помощь не возвратила пограничным галльским и иллирийским провинциям их прежней природной силы.

Из всех варваров, покидавших свои новые поселения и нарушавших общественное спокойствие, лишь очень немногие возвращались на свою родину. В течение некоторого времени они бродили по империи с оружием в руках, но в конце концов они неизбежно гибли от руки воинственного императора. Только одна смелая попытка франков имела такие достопамятные последствия, что мы не можем обойти ее молчанием. Они были поселены Пробом на побережье Понта для того, чтобы охранять эту пограничную провинцию от нашествий аланов. Флот, стоявший в одной из гаваней Эвксинского моря, попал в их руки, и они решились пуститься в незнакомые им моря с целью пробраться от устьев Фасиса к устьям Рейна. Они без затруднений переплыли Босфор и Геллеспонт и, продолжая свое плавание по Средиземному морю, удовлетворяли свою жажду мщения и грабежа частыми высадками на берега Азии, Греции и Африки. Богатый город Сиракузы, в гавани которого когда-то были потоплены флоты Афин и Карфагена, был разграблен кучкой варваров, перебивших большую часть испуганного населения. От острова Сицилия франки направились к Геркулесовым Столбам, не побоялись войти в открытый океан, обогнули берега Испании и Галлии и, пройдя Британский канал, наконец достигли цели своего удивительного странствования, высадившись на берегах, населенных батавами и фризами[53]. Их пример, раскрывший в глазах их соотечественников выгоды морских поездок и убедивший их в ничтожности сопряженных с этими поездками опасностей, указал этим предприимчивым народам новый путь к богатству и славе.

Несмотря на бдительность и деятельность Проба, он не был в состоянии удерживать в повиновении в одно и то же время все части своих обширных владений. Чтобы разорвать свои

цепи, варвары воспользовались удобным случаем, который им предоставила междоусобная война. Перед тем как выступить на защиту Галлии, император поручил Сатурнину главное начальство над восточными армиями. Этот способный и опытный генерал был вовлечен в восстание отсутствием своего государя, легкомыслием александрийского населения, настоятельными увещаниями своих друзей и своими личными опасениями; но с той минуты, как он был провозглашен императором, он потерял всякую надежду на сохранение не только императорского достоинства, но даже жизни. "Увы! - воскликнул он. -Республика лишилась полезного слуги, и опрометчивость одной минуты уничтожила многолетние заслуги. Вы не знаете, как жалок тот, в чьих руках находится верховная власть; над нашей головой постоянно висит меч. Мы боимся даже наших телохранителей, мы не можем положиться даже на самых близких к нам людей. Мы не можем ни действовать, ни отдыхать, когда этого хотим; и нет ни такого возраста, ни такого характера, ни такого поведения, которые могли бы предохранить нас от порицаний, внушаемых завистью. Возводя меня на престол, вы обрекли меня на тревожную жизнь и на преждевременную смерть. В утешение мне остается только одна уверенность, что я не погибну в одиночестве"[54)]. Первую часть его предсказания оправдало его поражение, но вторая часть не сбылась благодаря милосердию Проба. Этот добрый монарх даже пытался защитить несчастного Сатурнина от ярости солдат. Он не раз убеждал узурпатора отнестись с доверием к великодушию государя, который так высоко ценил его дарования, что подвергнул наказанию доносчика, который прежде всех сообщил ему неправдоподобное известие о его измене[55)]. Может быть, Сатурнин и принял бы это великодушное предложение, если бы его не удержало упорное недоверие его приверженцев. Они были более виновны, чем их опытный вождь, и более его были уверены в успехе восстания.

Лишь только было подавлено восстание Сатурнина на востоке, новые смуты возникли на западе вследствие восстаний Боноза и Прокула в Галлии. Главные отличительные достоинства этих двух генералов заключались в том, что первый из них прославился своими подвигами на службе у Бахуса, а второй - на службе у Венеры[56)]; впрочем, у них обоих не было недостатка ни в храбрости, ни в дарованиях, оба они с че-

стью поддерживали достоинство того сана, который приняли на себя из страха наказания, и оба пали перед военным гением Проба. Император воспользовался победой со своей обычной сдержанностью и пощадил жизнь и состояние невинных родственников этих двух бунтовщиков57).

Воинские дарования Проба наконец уничтожили всех внешних и внутренних врагов государства. Его кроткое, но твердое управление содействовало восстановлению общественного спокойствия, и в провинциях уже не осталось ни одного тирана и даже ни одного грабителя, которые могли бы напоминать о прежней неурядице.Тогда настало для императора время возвратиться в Рим и отпраздновать свои собственные подвиги и общее благополучие. Триумф, приличный заслугам Проба, был устроен с таким великолепием, какое соответствовало его блестящим успехам, и народ, еще так недавно восхищавшийся трофеями Аврелиана, с не меньшим удовольствием глазел на трофеи его героического преемника[58]. Мы не можем не упомянуть по этому случаю об отчаянной храбрости почти восьмидесяти гладиаторов, которые вместе с шестьюстами другими гладиаторами были назначены для бесчеловечных забав амфитеатра. Не желая проливать свою кровь для забавы черни, они перебили своих сторожей, вырвались из места своего заключения и наполнили римские улицы сценами убийства и мятежа. После упорного сопротивления они были истреблены регулярными войсками, но по крайней мере они умерли с честью, удовлетворив справедливую жажду мщения[59].

Военная дисциплина, господствовавшая в лагерях Проба, была менее жестока, чем при Аврелиане, но она была так же сурова и взыскательна. Последний из этих двух императоров наказывал дурное поведение солдат с немилосердной строгостью, а первый из них старался предотвратить такое поведение, употребляя легионы на постоянные и полезные работы. Когда Проб командовал в Египте, он соорудил немало больших зданий для украшения и для пользы этой богатой страны. Для плавания по Нилу, которое имело большую важность для самого Рима, были сделаны улучшения; храмы, мосты, портики и дворцы были построены руками солдат, которые исполняли обязанности то архитекторов, то инженеров, то земледельцев[60]. Рассказывают, будто Ганнибал, желая предохранить свои войска от пагубных последствий

праздности, заставлял их заводить большие плантации оливковых деревьев вдоль берегов Африки[61]. Руководствуясь тем же самым принципом, Проб занимал свои войска разведением виноградников на холмистых местностях Галлии и Паннонии, и нам рассказывают о двух значительных пространствах земли, которые были возделаны и засажены деревьями руками солдат[62]. Одно из этих мест, известное под именем горы Альмо, находилось подле Сирмиума - местности, которая была родиной Проба, к которой он всегда сохранял особенную любовь и признательность которой он постарался приобрести тем, что превратил значительное пространство нездоровой, болотистой почвы в пахотную землю. Армия, так хорошо употреблявшая свое свободное время, составляла едва ли не самую полезную и самую лучшую часть римских подданных. Но даже самые достойные люди при исполнении любимой задачи иногда до того бывают ослеплены честностью собственных намерений, что выходят из границ умеренности; и сам Проб не принял достаточно в соображение выносливости и характера гордых легионных солдат[63]. Опасности военной профессии, как кажется, вознаграждаются лишь приятной и праздной жизнью; но если к обязанностям солдата постоянно будут прибавлять труды, свойственные земледельцам, то он наконец или падет под тяжестью такого бремени, или с негодованием сбросит ее с себя. Неосторожность Проба, как рассказывают, воспламенила в его войсках чувство неудовольствия. Помышляя более об интересах человеческого рода, чем об интересах армии, он выразил напрасную надежду, что водворение всеобщего мира скоро избавит его от необходимости содержать постоянную армию из наемников[64]. Эти неосторожные слова сделались причиной его гибели. В один из самых жарких летних дней он с особенной строгостью понуждал солдат, работавших над осушением вредных для здоровья болот Сирмиума; изнемогавшие от усталости солдаты внезапно побросали свои рабочие инструменты, взялись за оружие и подняли страшный бунт. Сознавая угрожавшую ему опасность, император укрылся в высокой башне, выстроенной для надзора за ходом работ[65]. Солдаты тотчас ворвались в башню, и тысяча мечей пронзили грудь несчастного Проба. Ярость солдат утихла, лишь только она была удовлетворена; тогда они стали сожалеть о своей пагубной торопливости, позабыли о строгости им-

ператора, которого они убили, и поспешили увековечить воспоминание о его добродетелях и победах, воздвигнув ему приличный памятник[66].

Когда легионы удовлетворили и чувство мести, и чувство раскаяния, они единогласно признали, что преторианский префект Кар всех более достоин императорского престола. Все подробности касательно этого государя представляются неясными и сомнительными. Он гордился званием римского гражданина и сравнивал чистоту своей крови с чужестранным и даже варварским происхождением предшествовавших императоров; однако те из его современников, которые делали по этому поводу самые тщательные розыски, нисколько не одобряют его притязаний и расходятся во мнениях на счет того, был ли он родом из Иллирии, из Галлии или из Африки[67]. Хотя по своей профессии он был солдат, он был очень хорошо образован; хотя он был сенатор, он был облечен в высшее военное звание, и в таком веке, когда профессии гражданскую и военную стали резко отделять одну от другой, Кар соединил их вместе в своем лице. Несмотря на то что он подвергнул строгому наказанию убийц Проба, милостям и уважению которого он был обязан своим возвышением, он не мог избежать подозрения в содействии преступлению, открывшему для него путь к престолу. По крайней мере до своего провозглашения императором он считался человеком добродетельным и способным[68]; но суровость его характера мало-помалу перешла в угрюмость и жестокосердие, так что посредственные историки, занимавшиеся его жизнеописанием, недоумевают, не следует ли отнести его к числу римских тиранов[69]. Когда Кар облекся в императорскую мантию, ему было около шестидесяти лет, а двое его сыновей, Карин и Нумериан, уже достигли зрелого возраста[70].

Влияние сената прекратилось вместе с жизнью Проба, а раскаяние солдат не выразилось в том почтительном преклонении перед гражданской властью, какое мы видели после смерти несчастного Аврелиана. Избрание Кара было решено, не дожидаясь одобрения сената, и новый император ограничился тем, что в холодном официальном письме уведомил это собрание о своем восшествии на вакантный престол[71]. Поведение, столь противоположное и любезной вежливости его предшественника, не позволяло ожидать чего-либо хорошего от нового царствования, и лишенные влияния и свобо-

ды римляне заявили мятежным ропотом о своих нарушенных правах[72]. Однако лесть не осталась безмолвной, и до нас дошла эклога, написанная по случаю восшествия Кара на престол; несмотря на то, что ее содержание возбуждает к ней презрение, ее все-таки можно прочесть с удовольствием. Два пастуха, желая укрыться от полуденного зноя, зашли в пещеру Фавна. На широко раскинувшем свои ветви буковом дереве они видят недавно написанные слова.Деревенское божество описало в пророческих стихах благополучие, ожидающее империю в царствование столь великого государя. Фавн приветствует героя, который, приняв на свои плечи тяжесть распадающегося римского мира, должен положить конец войнам и внутренним раздорам и восстановить нравственную чистоту и счастье золотого века[73].

Более чем вероятно, что такие изящные безделушки никогда не доходили до слуха заслуженного полководца, который готовился, с согласия легионов, к исполнению долго откладывавшегося плана войны с Персией. Перед своим отъездом в эту далекую экспедицию Кар возвел в звание цезарей обоих своих сыновей - Карина и Нумериана; первому из них он дал власть почти равную со своей собственной и поручил ему сначала подавить некоторые волнения, возникшие в Галлии, а потом поселиться на постоянное жительство в Риме и вступить в управление западными провинциями[74]. Безопасность Иллирии была обеспечена достопамятной победой над сарматами; шестнадцать тысяч этих варваров легли на поле битвы, а число пленных доходило до двадцати тысяч. Престарелый император, воодушевленный славой и надеждой новой победы, продолжал среди зимы свое наступательное движение через Фракию и Малую Азию и наконец, вместе со своим младшим сыном Нумерианом, достиг границ Персидской монархии. Расположившись лагерем на вершине высокого холма, он указал оттуда своим войскам на богатую, погруженную в роскошь страну, которая должна сделаться их добычей.

Преемник Арташира Варан, или Барам*), хотя и одержал победу над одним из самых воинственных народов Верхней Азии - сегестанами[75], однако был встревожен приближением римлян и попытался остановить их дальнейшее продвижение мирными переговорами. Его послы прибыли в римский ла-

*) Более правильно - Варахран.

герь при солнечном закате в то время, когда войска удовлетворяли свой голод умеренным ужином. Они изъявили желание быть представленными римскому императору. Их подвели к одному солдату, который сидел на траве. Кусок несвежего свиного мяса и сухой горох составляли его ужин. Сшитая из грубой шерстяной материи пурпуровая мантия была единственным признаком его высокого звания. Совещание велось с таким же пренебрежением к внешней обстановке. Кар снял с головы шапку, которую он носил для прикрытия своей плешивой головы, и объявил послам, что если верховенство Рима не будет признано их повелителем, на персидской территории в самом непродолжительном времени не останется ни одного дерева точно так, как на его голове не осталось ни одного волоса[76]. Несмотря на то что в этой сцене можно усмотреть некоторые признаки искусственной подготовки, она все-таки знакомит нас с привычками Кара и со строгой простотой, которую успели ввести в римских лагерях воинственные императоры, занимавшие престол после Галлиена. Послы великого царя пришли в ужас и удалились.

Угрозы Кара не остались тщетными. Он опустошил Месопотамию, преодолел все преграды, какие встречались на пути, овладел важными городами Селевкией и Ктесифоном (который, как кажется, сдался без сопротивления) и проник в своем победоносном шествии по ту сторону Тигра[77]. Он выбрал для нашествия очень благоприятную минуту. Персидское правительство было раздираемо внутренними распрями, и бóльшая часть персидских войск была задержана у пределов Индии. Рим и восточные провинции с восторгом узнали о таких важных успехах. Лесть и надежда уже изображали самыми яркими красками падение Персии, завоевание Аравии, покорение Египта и прочную безопасность от вторжений скифских народов[78]. Но царствованию Кара было суждено доказать неосновательность этих предсказаний.Лишь только они были сделаны, их опровергла смерть самого Кара. Сведения об этом происшествии очень сбивчивы, поэтому мы и ограничимся тем, что рассказывает о нем собственный секретарь императора в письме к городскому префекту: "Наш дражайший император Кар лежал по болезни в постели, когда над лагерем разразилась страшная гроза. Небо покрылось таким густым мраком, что мы не могли узнавать друг друга, а беспрестанный блеск молнии лишал

нас способности видеть все, что происходило среди общего беспорядка. Немедленно вслед за чрезвычайно сильным ударом грома мы внезапно услышали крик, что император умер! Затем мы узнали, что его придворные, придя в исступление от скорби, зажгли императорскую палатку, отчего и возник слух, будто Кар убит молнией. Но, насколько мы были в состоянии доискаться истины, его смерть была натуральным последствием его болезни"[79)].

Хотя престол и оказался вакантным, беспорядков никаких не произошло. Честолюбие тех военачальников, которые втайне мечтали о верховной власти, сдерживалось естественно возникавшими в их уме опасениями, и юный Нумериан вместе с его отсутствующим братом Карином были единогласно признаны римскими императорами. Все ожидали, что преемник Кара пойдет по стопам своего отца и, не давая персам времени оправиться от наведенного на них страха, проникнет с мечом в руке до дворцов Суз и Экбатан[80)]. Но как ни были сильны легионы и своим числом, и своей дисциплиной, они впали в уныние от самого низкого суеверного страха. Несмотря на все старания скрыть причину смерти последнего императора, оказалось, что нет возможности изменить мнение, которое составил себе о ней народ; а сила мнений непреодолима. На то место и на того человека, которые были поражены молнией, древние народы смотрели с благочестивым ужасом и считали их жертвой божеского гнева[81)]. Вспоминали также об одном оракуле, указавшем на Тигр как на предназначенный самой судьбой предел римских завоеваний. Войска, напуганные смертью Кара и ожидавшими их самих опасностями, стали настоятельно требовать от юного Нумериана, чтобы он подчинился воле богов и увел их с этого зловещего театра войны. Слабохарактерный император не был в состоянии осилить их закоренелого предрассудка, и персы были поражены, узнав о неожиданном отступлении победоносного врага[82)].

Весть о таинственной смерти императора быстро долетела от границ Персии до Рима, и как сенат, так и провинции одобрили возведение сыновей Кара на престол. Впрочем, этим счастливым юношам было совершенно чуждо то сознание превосходства рождения или заслуг, которое одно только и делает обладание верховной властью легким и, так сказать, натуральным. Они оба родились и воспитывались

частными людьми и внезапно возвысились до ступеней трона благодаря избранию их отца в императоры, а случившаяся почти через шестнадцать месяцев после того смерть Кара неожиданно дала им в наследство обширную империю. Чтобы воспользоваться с умеренностью столь быстрым возвышением, нужно было иметь недюжинные личные достоинства и благоразумие, но их-то именно и недоставало старшему из двух братьев - Карину. Во время галльской войны он выказал в некоторой мере личную храбрость[83], но с первой минуты своего прибытия в Рим он предался столичным удовольствиям и стал злоупотреблять дарами фортуны. Он был слаб характером, но вместе с тем жесток; он любил развлечения, но вовсе не имел вкуса и, хотя был очень чувствителен ко всему, что затрагивало его тщеславие, не придавал никакой цены общественному о нем мнению. В течение нескольких месяцев он девять раз вступал в брак и девять раз разводился, почти каждый раз оставляя своих жен беременными, и, несмотря на столько законных брачных уз, находил еще время для удовлетворения множества других страстей, покрывая позором и самого себя, и самые знатные римские семьи. В нем возникла непримиримая ненависть ко всякому, кто напоминал о его скромном прошлом или осуждал его теперешнее поведение. Он отсылал в изгнание или наказывал смертью друзей и советников, которым поручил его отец руководить его неопытной юностью, и преследовал с самой низкой злобой школьных друзей и товарищей, не оказывавших надлежащего уважения будущему императору. С сенаторами Карин обращался гордо и повелительно и нередко говорил им о своем намерении раздать их имения римской черни. Среди самых подонков этой черни он выбирал своих фаворитов и даже своих министров. Не только во дворце, но даже за императорским столом можно было видеть певцов, танцовщиков, публичных женщин и представителей всякого рода пороков и дурачеств. Одному из своих привратников[84] он поручил управление городом. На место преторианского префекта, которого он казнил, Карин назначил одного из таких людей, которые помогали ему в его распутных наслаждениях. Другой из таких людей, имевших еще более позорные права на его признательность, был возведен им в консульское звание. Один из его личных секретарей,

умевший с необыкновенной ловкостью подделываться под чужой почерк, избавил ленивого императора, - конечно, с его собственного согласия - от скучной необходимости подписывать свое имя.

Когда император Кар решился предпринять войну с Персией, он частью из отцовской привязанности, частью из политических расчетов обеспечил положение своего семейства тем, что оставил в руках своего старшего сына и западные армии, и западные провинции. Полученные им вскоре вслед за тем сведения о поведении Карина возбудили в нем стыд и скорбь; он не скрывал своего намерения удовлетворить республику строгим актом справедливости и взамен недостойного сына усыновить храброго и добродетельного Констанция, который был в то время губернатором Далмации. Но возвышение Констанция было отложено на некоторое время, а лишь только смерть отца освободила Карина от всяких стеснений, какие налагало на него чувство страха или приличия, римлянам пришлось выносить тиранию императора, соединявшего с сумасбродством Гелиогабала жестокосердие Домициана[85].

Единственная заслуга этого монарха, которая стоит того, чтобы быть занесенной на страницы истории или быть воспетой поэтами, заключалась в необыкновенном блеске, с которым он устроил - от своего имени и от имени своего брата - Римские игры в театре, цирке и амфитеатре. Более чем через двадцать лет после того, когда царедворцы Диоклетиана указывали своему бережливому монарху на славу и популярность его расточительного предшественника, он соглашался с тем, что царствование Карина было поистине веселым царствованием[86]. Но эта тщеславная расточительность могла внушать лишь отвращение благоразумному Диоклетиану, а в римском народе она возбуждала удивление и восторг. Старики, еще не позабывшие публичных зрелищ старого времени - триумфальных въездов Проба и Аврелиана и Столетних игр императора Филиппа, признавались, что Карин превзошел их всех своим великолепием[87].

Чтобы составить себе ясное понятие о зрелищах, которые были устроены Карином, мы должны познакомиться с дошедшими до нас подробностями тех зрелищ, которые устраивались при его предшественниках. Если мы ограничимся одними травлями диких зверей, то, как бы нам ни казались

достойными порицания и основная мысль такой забавы, и жестокосердие тех, кто приводил ее в исполнение, мы все-таки должны будем сознаться, что ни прежде, ни после римлян не было потрачено столько искусства и столько денег для увеселения народа[88]. По приказанию Проба множество деревьев было вырвано с корнем и пересажено в середину цирка. Этот обширный и тенистый лес был немедленно наполнен тысячью страусов, тысячью ланей, тысячью оленей, тысячью кабанов, и вся эта разнообразная дичь была предоставлена на произвол бушующей народной толпы. Трагедия следующего дня заключалась в избиении ста львов, такого же числа львиц, двухсот леопардов и трехсот медведей[89]. Коллекция, которая была заготовлена младшим Гордианом для своего триумфа и которая фигурировала в Столетних играх, устроенных его преемником, была замечательна не столько числом животных, сколько их оригинальностью. Двадцать зебр поражали взоры римского народа изящными формами своего тела и красотой своей кожи[90]. Десять лосей и столько же жирафов - самых высоких и самых безобидных животных между всеми, какие бродят по степям Сарматии и Эфиопии - представляли резкий контраст с тридцатью африканскими гиенами и десятью индийскими тиграми, принадлежащими к числу самых свирепых обитателей жаркого пояса. Безвредной физической силе, которой природа наделила самых больших четвероногих, публика удивлялась, глядя на носорога, на нильского гиппопотама[91] и на величественную группу из тридцати двух слонов[92]. В то время как чернь глазела с глупым изумлением на эту великолепную выставку, для натуралиста, конечно, представлялся удобный случай изучать внешний вид и особенности стольких различных пород, доставленных в римский амфитеатр со всех концов древнего мира. Но случайная польза, которую наука могла извлекать из безрассудства, конечно, не могла служить достаточным оправданием для такой безрассудной траты государственных доходов. Впрочем, во время первой Пунической войны был один случай, когда сенат сумел согласовать народную забаву такого рода с интересами государства. Слоны, захваченные римлянами в значительном числе при поражении карфагенской армии, были приведены в цирк несколькими рабами, которые не имели в руках никакого другого оружия, кроме тупых дротиков[93]. Это зрелище принесло ту

пользу, что внушило римским солдатам справедливое презрение к этим неуклюжим животным, и они перестали их бояться, когда видели их в рядах неприятельской армии.

Травля или выставка диких зверей устраивалась с великолепием, приличным для такого народа, который сам себя называл властителем мира; здание, приспособленное для этих забав, также соответствовало величию Рима. Потомство до сих пор удивляется и еще долго будет удивляться громадным развалинам амфитеатра, который был построен Титом и к которому так хорошо шел эпитет колоссального[94]. Это здание имело эллиптическую форму; в длину оно имело пятьсот шестьдесят четыре фута, а в ширину - четыреста шестьдесят семь; оно поддерживалось восьмьюдесятью арками и возвышалось четырьмя этажами до высоты ста сорока футов[95]. Внешняя сторона здания была обложена мрамором и украшена статуями; вдоль внутренней стороны стен были расставлены шестьдесят или восемьдесят рядов стульев, сделанных из мрамора и покрытых подушками; на них могли удобно умещаться более восьмидесяти тысяч зрителей[96]. Шестьдесят четыре vomitoria (этим именем очень удачно обозначались двери) служили выходом для громадной толпы народа, а входы, проходы и лестницы были устроены так искусно, что каждый посетитель - все равно, будь это сенатор, всадник или плебей, - направлялся к своему месту без всякой помехи или замешательства[97]. Не было оставлено без внимания ничего, что могло бы доставлять зрителям удобства или удовольствие. От солнечных лучей и от дождя их охранял огромный навес, который развертывался над их головами в случае надобности. Воздух постоянно освежался фонтанами и был наполнен благоуханием ароматов. Находившаяся в центре здания arena или сцена была усыпана самым мелким песком и по мере надобности могла принимать самые разнообразные формы. Она то поднималась из земли, как сад Гесперид, то изображала утесы и пещеры Фракии. Проведенные под землей трубы служили неистощимыми запасами воды, и местность, только что имевшая внешний вид гладкой плоскости, могла внезапно превращаться в обширное водяное пространство, покрытое вооруженными судами и наполненное множеством морских чудовищ[98]. В украшениях сцены римские императоры выказывали свое богатство и свою щедрость, и нам нередко случается читать, что все украшения

амфитеатра были сделаны из серебра, или из золота, или из янтаря99). Поэт, который описал устроенные Карином зрелища, назвавшись пастухом, привлеченным в столицу слухом об их великолепии, утверждает, что сети для защиты от диких зверей были сделаны из золотой проволоки, что портики были позолочены и что перегородки, отделявшие ряды зрителей одни от других, были украшены дорогими мозаиками из самых красивых камней[100)].

Среди этой блестящей роскоши уверенный в своей фортуне император Карин наслаждался восторженными возгласами народа, лестью своих царедворцев и песнями поэтов, которые за недостатком других, более существенных достоинств должны были ограничиваться тем, что прославляли божественные прелести его особы[101)]. В это же самое время, но только на расстоянии девятисот миль от Рима его брат испустил дух, и внезапная революция передала в руки чужестранца скипетр, принадлежавший семейству Кара[102)].

Сыновья Кара ни разу не виделись после смерти своего отца. Их новое положение требовало взаимного соглашения, которое, вероятно, было отложено до возвращения младшего брата в Рим, где обоих императоров ожидали почести триумфа в награду за блестящий успех персидской войны[103)]. Неизвестно, намеревались ли они разделить между собой управление провинциями, но едва ли можно поверить, чтобы согласие между ними могло быть продолжительным и прочным. Противоположность их характеров неминуемо возбудила бы между ними соперничество из-за власти. Карин был не достоин жизни даже в самые развращенные эпохи, а Нумериан был бы достоин престола даже в самые лучшие времена. Его приветливое обращение и симпатичные личные качества доставили ему общее уважение и привязанность; он был одарен поэтическими и ораторскими способностями, которые возвышают и украшают людей как самых незнатных, так и самых высокопоставленных. Его красноречие, хотя и вызывало одобрение сената, было не столько по образцу Цицерона, сколько по образцу новейших декламаторов; однако в таком веке, когда поэтические дарования не были редкостью, он состязался из-за премии с самыми знаменитыми из своих соотечественников и все-таки оставался другом своих соперников, - а это обстоятельство служит доказательством или доброты его сердца, или превосходства его ума[104)]. Но дарова-

ния Нумериана располагали его скорее к созерцательной, нежели к деятельной жизни. Когда возвышение его отца заставило его отказаться от уединенной жизни частного человека, тогда стало ясно, что ни по своему характеру, ни по своим познаниям он не годился для командования армиями. Его слабое сложение пострадало от лишений, испытанных во время персидской войны, а от чрезмерной жары[105] у него так разболелись глаза, что во время продолжительного отступления он был принужден укрываться от дневного света или внутри своей палатки, или внутри закрытых носилок. Заведование всеми делами, как гражданскими, так и военными, было возложено на преторианского префекта Аррия Апера, который при своей важной должности пользовался еще особым почетом в качестве Нумерианова тестя. Он поручил самым верным из своих приверженцев охрану императорской палатки и в течение многих дней передавал армии мнимые приказания ее невидимого государя[106].

Римская армия, возвращавшаяся медленными переходами от берегов Тигра, достигла берегов Фракийского Босфора не раньше как через восемь месяцев после смерти Кара. Легионы остановились в Халкедоне, на азиатской территории, а двор переехал в Гераклею, на европейский берег Пропонтиды[107]. Но в лагере скоро распространился слух, что император умер и что его самонадеянный и честолюбивый министр пользовался верховной властью от имени государя, которого уже не было в живых. От тайных перешептываний дело дошло до громких выражений неудовольствия, и солдаты наконец уже не были в состоянии долее оставаться в недоумении. Из желания удовлетворить свое любопытство они ворвались в императорскую палатку и нашли там лишь труп Нумериана[108]. Постепенный упадок его физических сил мог бы заставить их поверить, что его смерть была естественной; но старание скрыть эту смерть считалось за доказательство преступления, а принятые Апером меры с целью обеспечить свое избрание в императоры сделались непосредственным поводом к его гибели. Однако даже среди своих порывов ярости и гнева войска не уклонились от регулярного образа действий, что доказывает, как тверда была дисциплина, восстановленная воинственным преемником Галлиена. В Халкедоне была собрана вся армия для совещания, и Апер был приведен в цепях, как преступник. Посреди лагеря был воздвиг-

нут трибунал и был составлен военный совет из военачальников и трибунов. Они вскоре объявили армии, что их выбор пал на начальника телохранителей Диоклетиана как на такого человека, который всех более способен отомстить за возлюбленного императора и быть его преемником. Судьба этого кандидата зависела столько же от всяких случайностей, сколько и от его собственного поведения. Сознавая, что должность, которую он занимал, могла навлечь на него подозрения, Диоклетиан взошел на трибунал и, обративши свои глаза к солнцу, торжественно поклялся в своей невинности перед лицом этого всевидящего божества[109]. Затем, принимая тон монарха и судьи, он приказал привести Апера в цепях к подножию трибунала. "Этот человек, - сказал он, - убийца Нумериана". И, не давая Аперу времени что-либо сказать в свое оправдание, вынул свой меч и вонзил его в грудь несчастного префекта. Обвинение, подкрепленное таким решительным доказательством, было принято без возражений, и легионы признали многократными возгласами и справедливость, и власть императора Диоклетиана[110].

Прежде чем приступить к описанию достопамятного царствования этого государя, мы должны покончить с недостойным братом Нумериана. Карин имел в своем распоряжении такие военные силы и такие сокровища, которых было вполне достаточно для поддержания его законного права на престол, но его личные пороки уничтожали все выгоды его рождения и положения. Самые преданные слуги отца презирали неспособность сына и опасались его жестокосердого высокомерия. Сердца народа были расположены в пользу его соперника, и даже сенат был готов предпочесть узурпатора тирану. Хитрости, к которым прибегал Диоклетиан, разжигали общее чувство неудовольствия, и зима прошла в тайных интригах и в явных приготовлениях к междоусобной войне. Весной военные силы Востока и Запада встретились на равнинах небольшого города Мезии Марга, неподалеку от Дуная[111]. Войска, еще так недавно возвратившиеся из персидского похода, покрыли себя славой в ущерб своему здоровью и своим численным силам и не были в состоянии выдержать борьбу со свежими силами европейских легионов. Их ряды были прорваны, и в течение некоторого времени Диоклетиан отчаивался и за свою корону, и за свою жизнь. Но успех, доставленный Карину храбростью его солдат, был мгновенно унич-

тожен изменой его военачальников. Один трибун, жену которого соблазнил Карин, воспользовался удобным случаем для мщения и одним ударом потушил пламя междоусобной войны в крови прелюбодея[112]

---

1) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 222). Аврелий Виктор говорит о формальной депутации от войск к сенату.

2) Вописк, который служит для нас главным авторитетом, писал в Риме только через шестнадцать лет после смерти Аврелиана; не говоря уже о том, что описываемые им факты были в то время всем известны, он постоянно извлекал все материалы из сенатских журналов и из подлинных бумаг Ульпианской библиотеки. Зосим и Зонара, как кажется, были совершенно незнакомы с этим фактом, точно так же как они вообще не были знакомы с римской конституцией.

3) Это междуцарствие продолжалось никак не более семи месяцев. Аврелиан был убит почти в половине марта, а Тацит был выбран 25 сентября 1028 года, считая с основания Рима. - Гизо .(Только шесть месяцев (Clinton F. R. 1. 312). - Издат .)

4) Ливий, 1, 17. Дионис. Галикарн., кн. 2, стр. 115. Плутарх In Numa, стр. 60. Первый из этих писателей рассказывает эту историю как оратор, второй - как юрист, а третий - как моралист, но ни один из них, вероятно, не избежал некоторой примеси вымысла.

5) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 227) называет его "primae sententiae consularis" и вскоре вслед за тем "princeps senatus". Весьма естественно предполагать, что римские монархи, из пренебрежения к этому скромному титулу, предоставляли его самому старшему из сенаторов.

6) Против этой генеалогии можно сделать только то возражение, что историк назывался Корнелием, а император - Клавдием. Но в Восточной Римской империи прозвища были чрезвычайно разнообразны и неопределенны.

7) Зонара, кн. 12, стр. 637. Александрийская хроника, по очевидной ошибке, дает эти лета Аврелиану. (Нибур (Чтения о Рим. ист., 111, 288) сомневается в том, чтобы Тацит был так стар. - Издат .)

8) В 273 году он был очередным консулом. Но за много лет перед тем, и, вероятно, в царствование Валериана, он, должно быть, был заместителем консула (suffectus).

9) Bis millies octingenties. Вописк (Ист. эпохи Цезар., стр. 299). Эта сумма, по прежней стоимости монеты, равнялась восьмистам сорока тысячам римских фунтов серебра, из которых каждый стоил 3 ф. стерл. Но в веке Тацита монеты стали ниже и весом и чистотой.

10) После своего восшествия на престол он приказал ежегодно переписывать десять копий с сочинений историка и помещать их в публичные библиотеки. Римские библиотеки давно уже погибли, а самые драгоценные из сочинений Тацита сохранились только в одной рукописи и были найдены в одном из вестфальских монастырей. См. Бэйля Dictionnaire, ст. Tacite; также Липсия ad Annal. 11,9.

11) Вописк, (Ист. эпохи Цезарей, стр. 227).

12) Ист. эпохи Цезарей, 228. Тацит, обращаясь к преторианцам, назы-

вал их Sanctissimi milites, а обращаясь к народу, говорил ему Sacratissimi quirites.

13) Отпуская рабов на волю, он никогда не превышал одной сотни, так как этот предел был назначен законом Каниния, утвержденным при Августе и отмененным при Юстиниане. См. Казобона ad locum Vopisci.

14) См. в Ист. эпохи Цезарей жизнеописания Тацита, Флориана и Проба: можно быть вполне уверенным, что, что бы ни дали солдаты, все уже было дано сенатом.

15) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 216). Это место совершенно ясно, однако и Казобон и Салмазий пытались исправить его.

16) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 230, 232, 233). Сенаторы праздновали эту счастливую реставрацию жертвоприношениями и публичными празднествами.

17) Ист. эпохи Цезарей, стр. 228.

18) Вописк, (Ист. Эпохи Цезарей, стр. 230), Зосим, кн. 1, стр. 57. Зонара, кн. 12, стр. 637. Два места в "Жизнеописании Проба" (стр. 236, 238) убеждают меня, что эти скифы, вторгнувшиеся в Понт, были аланы. Если верить Зосиму (кн. 1, стр. 58), то Флориан преследовал их до Киммерийского Босфора. Но он едва ли имел достаточно времени для такой дальней и трудной экспедиции.

19) Евтропий и Аврелий Виктор говорят только, что он умер, а Виктор Младший прибавляет, что он умер от лихорадки. Зосим и Зонара утверждают, что он был убит солдатами. Вописк упоминает об этих двух рассказах и, по-видимому, не решается в выборе. Но эти противоречивые мнения нетрудно согласовать.

20) По словам обоих Викторов, он царствовал ровно двести дней. (Они расходятся во мнении насчет того, где именно он кончил жизнь: старший говорит, что в Тиане, а младший - в Тарсе. - Издат .)

21) Ист. эпохи Цезарей, стр. 231. Зосим, кн. 1, стр. 58,59. Зонара, кн. 12, стр. 637. Аврелий Виктор говорит, что Проб принял императорское звание в Иллирии; это мнение (хотя оно принадлежит очень ученому человеку) внесло бы бесконечную путаницу в этот период истории.

22) Ист. эпохи Цезарей, стр. 229.

23) Он должен был послать судей парфянам, персам и сарматам, презида - в Тапробану и проконсула - на римский остров (Казобон и Салмазий полагают, что под этим названием следует понимать Британию). Такая история, как моя (говорит Вописк с основательной скромностью), не просуществует тысячу лет и потому не будет в состоянии напомнить об этом основательном или ложном предсказании.

24) Касательно частной жизни Проба см. Вописка, Ист. эпохи Цезарей, стр. 234-237.

25) По словам Александрийской хроники, ему было пятьдесят лет, когда он кончил жизнь.

26) Это письмо было адресовано к преторианскому префекту, которого он обещал оставить при его важной должности, если он будет вести себя хорошо. См. Ист. эпохи Цезарей, стр. 237.

27) Вописк в Ист. эпохи Цезарей, стр. 237. Число, которым помечено

это письмо, очевидно, неверно. Вместо Non. Februar читать Non. August.
28) Ист. эпохи Цезарей, стр. 238. Странно, что сенат обошелся с Пробом не так любезно, как с Марком Аврелием. Этот последний получил еще до смерти Антонина Благочестивого lus quintae relationis. См. Капитолин, Ист. эпохи Цезарей, стр. 24.
29) См. почтительное письмо Проба к сенату после его победы над германцами. Ист. эпохи Цезарей, стр. 239.
30) Время и продолжительность царствования Проба с большой точностью определены кардиналом Норрисом в его ученом сочинении De Epochis Syro - Macedonum, стр. 96-105. В одном месте у Евсевия, второй год царствования Проба связывается с эрами нескольких сирийских городов.
31) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 239).
32) Зосим, (кн. 1, стр. 62-65) рассказывает нам очень длинную и малоинтересную историю исаврийского разбойника Лиция. (Исаврия - небольшая малоазиатская провинция между Писидией и Киликией. Исавры долго занимались ремеслом грабителей и морских разбойников. Их главный город Исавра был разрушен консулом Сервилием, получившим прозвище Исаврийского. Анвилль, Geogr. anc., ч. 2, стр. 86. - Гизо.)
33) Блеммии жили на берегах Нила неподалеку от большого водопада. Анвилль, ч. 3, стр. 48. - Гизо .
34) Зосим, кн. 1, стр. 65. Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 239, 240). Но нам кажется неправдоподобным, чтобы поражение эфиопских дикарей могло произвести какое-либо впечатление на персидского монарха.
35) Кроме этих хорошо известных вождей Вописк называет еще некоторых других (Ист. эпохи Цезарей, стр. 241), о подвигах которых до нас не дошло никаких сведений.
36) См. "Цезарей" Юлиана и Ист. эпохи Цезарей, стр. 238, 240, 241.
37) Не прежде, как в царствование Диоклетиана и Максимиана бургунды, соединившись с алеманнами, вторглись во внутренность Галлии; в царствование Проба они только перешли реку, отделявшую их от Римской империи; они были тогда отражены. Гаттерер полагает, что это была река Дунай, но одно место у Зосима заставляет меня думать, что это был Рейн. Зосим, кн. 1, стр. 37 изд. Генри Этиенна, 1581. - Гизо .
38) Зосим, кн. 1, стр. 62. Ист. эпохи Цезарей, стр. 240. Но последний из этих писателей полагает, что кара была наложена с согласия их царей: если так, то она не была всеобщей, как и само преступление.
39) См. Клювье, Germania Antiqua, кн. 3. По словам Птолемея, в их стране находился город Кализия, вероятно, Калиш, находящийся в Силезии.
40) Тацит говорит Feralis umbra; это выражение, конечно, очень смело.
41) Тацит, Германия, гл. 43.
42) Вописк, Ист. эпохи Цезарей, стр. 238.
43) Ист. эпохи Цезарей., стр. 238, 239. Вописк приводит письмо, в котором император пишет сенату о своем намерении обратить Германию в римскую провинцию.

44) Страбон, кн. 7. По словам Веллея Патеркула (11, 208), Марободуй привел своих маркоманнов в Богемию, а Клювье (German. Antiq., 111, 8) доказывает, что он привел их туда из Швабии.
45) Эти поселенцы, вследствие того что платили десятину, были названы Decumates. Тацит, Герм., гл. 29.
46) См. примечания аббата де ла Блеттери к "Германии" Тацита, стр. 183. Его рассказ об этой стене главным образом заимствован (как он сам говорит) из Alsatia Illustrata Шепфлина.
47) См. Recherches sur les Chinois et les Egyptiens, ч. 2, стр. 81-102. Анонимный автор этого сочинения хорошо знаком с нашим глобусом вообще и с Германией в особенности; в том, что касается этой последней, он ссылается на сочинение Ганзельмана; но он, как кажется, смешивает стену, построенную Пробом против алеманнов, с Маттиакскими укреплениями, построенными неподалеку от Франкфурта против хаттов.
48) Он помещал около пятидесяти или шестидесяти варваров в одно numerus, как тогда выражались; нам неизвестен в точности численный состав таких отрядов.
49) Кэмдена Britannia, Введение, стр. 136; но он опирается на очень сомнительное предположение.
50) Зосим, кн. 1, стр. 62. По словам Вописка, другой отряд вандалов не был так же верен.
51) Ист. эпохи Цезарей, стр. 240. Они, вероятно, были прогнаны готами. Зосим, кн. 1, стр. 66.
52) Ист. эпохи Цезарей, стр. 240.
53) Panegyr. Vet., V, 18. Зосим, кн. 1, стр. 66.
54) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 245, 246). Этот несчастный оратор изучил риторику в Карфагене и потому, вероятно, скорее был мавр (Зосим, кн. 1, стр. 60), чем галл, как его называет Вописк.
55) Зонара, кн. 12, стр. 638.
56) Касательно талантов Прокула рассказывают следующий случай. Он захватил сто сарматских девушек. Остальную часть этой истории пусть он рассказывает сам своими собственными выражениями: Ex his una nocte decem Iniri; omnes tamen, quod in me erat, mulieres intra dies quindecim reddidi. Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 246.).
57) Прокул, который был родом из Албенги, находящейся на генуэзском берегу, вооружил две тысячи своих собственных рабов. Его богатства были очень велики, но они были приобретены грабежом. Впоследствии в его семействе говорили: Nec latrones esse, nec principes sibi placere. Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 247).
58) Ист. эпохи Цезарей, стр. 240.
59) Зосим, кн. 1, стр. 66.
60) Ист. эпохи Цезарей, стр. 236.
61) Аврел. Виктор in Prob. Ни один из более древних писателей не упоминает о такой политике Ганнибала, и она не согласуется с историей его жизни. Он покинул Африку, когда ему было девять лет, возвратился туда, когда ему было сорок пять лет и немедленно вслед за тем лишился своей армии в решительной битве при Заме. Ливий, 30, 37.
62) Ист. эпохи Цезарей, стр. 240. Евтроп. IX, 17. Аврел. Виктор in Prob. Виктор Младший. Он отменил запрещение Домициана и дал

позволение всем жителям Галлии, Британии и Паннонии разводить виноград.
63) Юлиан порицает с чрезмерной взыскательностью строгость Проба, который, по его мнению, был почти достоин постигшей его печальной участи.
64) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 241). По поводу этой тщетной надежды он изливает потоки безрассудного красноречия.
65) Turris ferrata. Эта башня, как кажется, была передвижная и была обита железом.
66) Probus, et vere probus situs est: victor omnium getium barbararum: victor etiam tyrannorum.
67) Однако все эти мнения могут быть легко согласованы. Он родился в Нарбонне, в Иллирии; Евтропий смешивает этот город с другим более известным городом того же имени, находившимся в Галлии. Его отец мог быть африканцем, а его мать - знатной римлянкой. Сам Кар воспитывался в столице. См. Скалигера Animadversion ad Euseb. Chron., стр. 241.
68) Проб просил сенат, чтобы в награду за особые заслуги Кара ему были воздвигнуты конная статуя и мраморный дворец за счет государственной казны. Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 249.)
69) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 242, 249). Юлиан исключает императора Кара и его обоих сыновей из банкета Цезарей.
70) Иоанн Малала, ч. 1, стр. 401. Но авторитет этого невежественного грека очень невелик. Он производит от имени императора Кара название города Карры и провинции Карии, о которой упоминает Гомер.
71) Ист. эпохи Цезарей, стр. 249. Кар поздравлял сенат с тем, что один из его членов сделан императором.
72) Ист. эпохи Цезарей, стр. 242.
73) См. первую эклогу Калпурния. Фонтенель предпочитает ее план плану Вергилиева Поллиона. См. ч. 3, стр. 148.
74) Ист. эпохи Цезарей, стр. 353. Евтропий, IX, 18. Паджи, Annal.
75) Агафий, кн. 4, стр. 135. В Bibliotheque Orientale de d'Herbelot мы находим одно из его изречений: "Определение человеколюбия заключает в себе все другие добродетели".
76) Синезий относит всю эту историю к Карину; во всяком случае она более естественно может быть отнесена к Кару, нежели (как это делают Петавий и Тильемон) к Пробу.
77) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 250), Евтропий , IX, 18. Оба Виктора.
78) К победе Кара над персами я отношу диалог Philopatris, который так долго был предметом споров между учеными. Но чтобы объяснить и оправдать мое мнение, была бы нужна целая диссертация. (Сравн. это замечание с замечаниями Гесснера во введении к его изданию этого диалога (Иена, 1715) и в его отдельном трактате о веке, когда был написан этот диалог, и о его авторе (Лейпциг, 1730.) - Шрейтер .)
79) Ист. эпохи Цезарей, стр. 250. Однако Евтропий, Фест, Руф, оба Виктора, св. Иероним, Сидоний, Аполлинарий, Синцелл, Зонара - все эти писатели говорят, что Кар был убит ударом молнии.
80) См. Немезиана Cynegeticon, V, 71 и сл.

81) См. Феста и его комментаторов на слове Scribonianum. Места, пораженные молнией, были окружаемы стеной, а вещи закапывались в землю с таинственными церемониями.
82) Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 250). Аврелий Виктор, по-видимому, верит в это предсказание и одобряет отступление.
83) Немезиан, Cynegeticon, V, 69. Он был современник, но вместе с тем поэт.
84) Cancellarius. Это слово, столь низкое по своему происхождению, благодаря случайностям фортуны сделалось в европейских монархиях титулом, присвояемым самым высшим государственным сановникам. См. Казобона и Салмазия (Ист. эпохи Цезарей, стр. 253.)
85) Вописк, Ист. эпохи Цезарей, стр. 253, 254. Евтропий, IX, 19. Виктор Младший. Действительно царствование Диоклетиана было так продолжительно и так счастливо, что оно неизбежно должно было вредить репутации Карина.
86) Вописк, Ист. эпохи Цезарей, стр. 254. Он называет его Каром, но смысл достаточно ясен; к тому же имена отца и сына нередко смешивались одно с другим.
87) См. Калпурния Eclog. VII, 43. Мы можем заметить, что зрелища Проба еще были всем памятны и что поэту помогал историк.
88) Философ Монтень (Essais, кн. 3, 6) очень верно и живо описывает великолепие этих зрелищ.
89) Вописк, Ист. эпохи Цезарей, стр. 240.
90) Их называли onagri; но число этих животных было так незначительно, что нет возможности считать их за диких ослов. Купер (de Elephantis Exercitat. II, 7) доказал, ссылаясь на Аппиана, Диона и одного анонимного греческого писателя, что зебр уже прежде видели в Риме. Они были привезены с какого-нибудь острова, находящегося в Океане, - может быть с Мадагаскара).
91) Карин показал одного гиппопотама. (См. Калпурн. Eclog., VI66).
92) Август однажды выставил тридцать шесть крокодилов, но после него, сколько я могу припомнить, ни разу не показывали этих животных (Дион Кассий, кн. 55, стр. 781).
92) Капитолин, Ист. эпохи Цезарей, стр. 164, 165. Нам неизвестно, каких животных он называет archeleontes; иные писатели изменяли это название в argoleontes, а иные - в agrioleontes; но обе эти поправки вздорны.
93) Плиний, Hist. Natur., VIII, 6. Эта подробность заимствована из летописи Пизона.
94) См. Маффеи, Verona Illustrata, стр. 4, кн. 1, гл. 2.
95) Маффеи, кн. 2, гл. 2. Его вышина была преувеличена древними. По словам Калпурния (Eclog., VII, 23), она почти достигала небес, а по словам Аммиана Марцеллина (XVI, 10), ее нельзя было обозреть человеческим глазом. Но как была ничтожна эта вышина в сравнении с вышиной самой большой египетской пирамиды, которая подымается вверх перпендикулярно на 500 футов!
96) В различных копиях сочинений Виктора говорится то о семидесяти семи тысячах зрителей, то о восьмидесяти семи. Но Маффеи (кн. 2, гл. 12) полагает, что на открытых местах могло поместиться не более тридцати четырех тысяч человек. Остальные зрители помещались в верхних закрытых галереях.

97) См. Маффеи, кн. 2, гл. 5-12. Он разъясняет этот трудный предмет со всей возможной ясностью и как архитектор, и как антикварий.
98) Калпурн. Eclog., VII, 64, 73. Эти строки очень интересны, и вся эта эклога служила в высшей степени важной помощью для Маффеи. Калпурний, точно так же как и Марциал (см. его первую книгу), был поэт; но когда они описывали амфитеатр, они рассказывали то, что сами видели, и то, что могло возбуждать интерес в римлянах.
99) См . Плиния Hist. Natur., XXXIII, 16; XXXVII; 11.
100) Balteus en gemmis, en inlita porticus auro, Certatim radiunt, etc. - Калпурн. 7.
101) Et Martis vultus et Appollinis esse putavi, - говорит Калпурний; но Иоан Малала, который, вероятно, имел случай видеть портреты Карина, говорит, что он был толстый, маленький и белый (ч. 1, стр. 493).
102) Касательно того, в какое время праздновались Римские игры, Скалигер, Салмазий и Купер очень постарались внести путаницу в такой предмет, который совершенно ясен.
103) Немезиан (Cynegeticon), по-видимому, предвкушал в своем воображении этот радостный день.
104) Он выиграл все венки, соперничая с Немезианом в дидактической поэзии. Сенат воздвиг статую в честь сына Кара с очень двусмысленной надписью: "Самому могущественному из ораторов". См. Вописка, Ист. эпохи Цезарей, стр. 251.
105) Эта причина по меньшей мере более натуральна, чем та, о которой говорит Вописк (Ист. эпохи Цезарей, стр. 251); этот писатель приписывает болезнь глаз тому, что Нумериан непрерывно плакал об умершем отце.
106) Во время войны с персами Апер навлек на себя подозрение в намерении изменить Кару. Ист. эпохи Цезарей, стр. 250.
107) Мы обязаны Александрийской хронике (стр.274) тем, что нам известны и время и место избрания Диоклетиана в императоры.
108) Ист. эпохи Цезарей, стр. 251. Евтроп. IX, 88. Иеронима Хрон. По словам этих прозорливых писателей, о смерти Нумериана узнали по запаху от его трупа. Неужели в доме императора не было никаких благовонных веществ?
109) Аврелий Виктор. Евтропий, IX, 20. Иероним в Хрон.
110) Вописк, Ист. эпохи Цезарей, стр. 252. Диоклетиан убил Апера (по-латыни вепря) вследствие одного предсказания и игры слов, столько же вздорной, сколько хорошо всем известной.
111) Евтропий обозначает его положение с большой точностью; он находился между Mons Aureus и Viminiacum. Анвилль (Geographie Ancienne, ч. 1, стр. 304) полагает, что Марг находился там, где теперь находится в Сербии Кастолац, - немного выше Белграда и Семендрии.
112) Ист. эпохи Цезарей, стр. 254. Евтропий, IX, 20. Аврелий Виктор in Epitome.

ГЛАВА XIII
Царствование Диоклетиана и его трех сотоварищей - Максимиана, Галерия и Констанция. -Восстановление всеобщего порядка и спокойствия. - Персидская война, победа и триумф. - Новая форма управления. - Отречение и удаление Диоклетиана и Максимиана

Насколько царствование Диоклетиана было более славно, чем царствование какого-либо из его предшественников, настолько же его происхождение было более низко и незнатно. Притязания, опирающиеся на личные достоинства или на грубую силу, нередко одерживали верх над идеальными прерогативами знатности рождения, но до той поры все еще сохранялось резкое различие между свободной частью человеческого рода и той, которая жила в рабстве. Родители Диоклетиана были рабами в доме римского сенатора Аннулина, и сам он не носил другого имени, кроме того, которое было заимствовано от небольшого городка в Далмации, из которого была родом его мать[1)].

Впрочем, весьма вероятно, что его отец приобрел свободу и вскоре вслед за тем получил должность писца, которая была обыкновенно уделом людей его звания[2)]. Благоприятные предсказания или, скорее,сознание высших достоинств пробудили честолюбие в его сыне и внушили ему желание искать фортуны на военном поприще. Очень интересно проследить и его заслуги, и случайности, которые дали ему возможность оправдать те предсказания и выказать те достоинства перед глазами всего мира. Диоклетиан был назначен губернатором Мезии, потом был возведен в звание консула и, наконец, получил важную должность начальника дворцовой стражи. Он выказал свои дарования в персидской войне, а после смерти Нумериана бывший раб, по сознанию и решению его соперников, был признан всех более достойным императорского престола. Злоба религиозных фанатиков, не щадившая необузданного высокомерия его сотоварища Максимиана, старалась набросить сомнение на личное мужество императора Диоклетиана[3)]. Нас, конечно, не легко уверить в трусости счастливого солдата, умевшего приобрести и сохра-

нить как уважение легионов, так и доверие стольких воинственных государей. Однако даже клевета достаточно рассудительна для того, чтобы нападать именно на самые слабые стороны характера. Диоклетиан всегда имел то мужество, какого требовали его обязанности или обстоятельства, но он, как кажется, не обладал той отважной и геройской неустрашимостью, которая ищет опасности и славы, никогда не прибегал к хитростям и заставлял всех невольно преклоняться перед собою. У него были скорее полезные, чем блестящие способности: большой ум, просвещенный опытом и знанием человеческого сердца; ловкость и прилежание в деловых занятиях; благоразумное сочетание щедрости с бережливостью, мягкости со строгостью; глубокое лицемерие, скрывавшееся под личиной воинского прямодушия; упорство в преследовании своих целей; гибкость в выборе средств, а главным образом великое искусство подчинять как свои собственные страсти, так и страсти других людей интересам своего честолюбия и умение прикрывать свое честолюбие самыми благовидными ссылками на требования справедливости и общественной пользы. Подобно Августу, Диоклетиан может считаться основателем новой империи. Подобно тому, кто был усыновлен Цезарем, он был более замечателен как государственный человек, нежели как воин; а ни один из этих государей не прибегал к силе, когда мог достигнуть своей цели политикой.

Диоклетиан воспользовался своим торжеством с необычайной мягкостью. Народ, привыкший превозносить милосердие победителя, когда обычные наказания смертью, изгнанием и конфискацией налагались хотя бы с некоторой умеренностью и справедливостью, смотрел с самым приятным удивлением на тот факт, что пламя междоусобной войны потухло на самом поле битвы. Диоклетиан возложил свое доверие на главного министра из семейства Кара, Аристобула, пощадил жизнь, состояние и служебное положение своих противников и даже оставил при своих должностях большую часть служителей Карина[4]. Нет ничего неправдоподобного в том, что не одно только человеколюбие, но также и благоразумие руководило действиями хитрого Диоклетиана: одни из этих служителей купили милостивое расположение тайной изменой, других он уважал за признательную преданность к их несчастному повелителю. Благоразумная прозорливость

Аврелиана, Проба и Кара заместила различные гражданские и военные должности людьми достойными, удаление которых причинило бы вред государству, но не принесло бы никакой пользы самому императору. Такой образ действий внушал всем римским подданным самые светлые надежды на новое царствование, а император постарался поддержать это благоприятное настроение умов, объявив, что из всех добродетелей его предшественников он будет всего более стараться подражать гуманной философии Марка Антонина[5)].

Первое значительное дело его царствования, по-видимому, служило доказательством как его искренности, так и его умеренности. По примеру Марка он избрал себе сотоварища в лице Максимиана, которому он дал сначала титул Цезаря, а впоследствии и титул Августа[6)]. Но и мотивы его образа действий, и предмет его выбора нисколько не напоминали его славного предшественника. Возводя развратного юношу в императорское звание, Марк уплатил долг личной признательности ценою общественного благополучия. А выбирая в сотоварищи друга и сослуживца в минуту общественной опасности, Диоклетиан имел в виду оборону Востока и Запада от неприятеля. Максимиан родился крестьянином и, подобно Аврелиану, был уроженец Сирмиума. Он не получил никакого образования[7)], относился с пренебрежением к законам, и, даже достигши самого высокого общественного положения, напоминал своей грубой наружностью и своими грубыми манерами о незнатности своего происхождения. Война была единственная наука, которую он изучал. В течение своей долгой военной карьеры он отличался на всех границах империи, и, хотя по своим военным способностям он был более годен для исполнения чужих приказаний, чем для командования, хотя он едва ли когда-либо мог стать в ряд лучших военачальников, он был способен выполнять самые трудные поручения благодаря своей храбрости, стойкости и опытности. Пороки Максимиана были не менее полезны для его благодетеля. Будучи недоступен для чувства сострадания и никогда не опасаясь последствий своих деяний, он был всегда готовым орудием для совершения всякого акта жестокости, на какой только угодно было хитрому Диоклетиану подстрекнуть его. В этих случаях Диоклетиан ловко отклонял от себя всякую ответственность. Если политические соображения или жажда мщения требовали кровавых

жертв, Диоклетиан вовремя вмешивался в дело, спасал жизнь немногих остальных, которых он и без того не был намерен лишать жизни, слегка журил своего сурового сотоварища и наслаждался сравнениями золотого века с железным, которые обыкновенно применялись к их противоположным принципам управления. Несмотря на различие своих характеров, оба императора сохранили на престоле ту дружбу, которую они питали друг к другу, бывши частными людьми. Высокомерие и заносчивость Максимиана, оказавшиеся впоследствии столь пагубными и для него самого, и для общественного спокойствия, почтительно преклонялись перед гением Диоклетиана, признавая превосходство ума над грубой силой[8]. Из гордости или из суеверия два императора присвоили себе титулы - первый *Юпитерова сына* (Jovius), а второй *Геркулесова сына* (Herculius). В то время как движение мира (так выражались продажные ораторы того времени) направлялось всевидящей мудростью Юпитера, непобедимая рука Геркулеса очищала землю от чудовищ и тиранов[9].

Но даже могущества сыновей Юпитера и Геркулеса не было достаточно для того, чтобы выносить бремя государственного управления. Диоклетиан скоро убедился, что со всех сторон атакованная варварами империя требовала повсюду большой армии и личного присутствия императора. По этой причине он решился еще раз разделить свою громадную власть и возложить на двух самых достойных полководцев вместе с менее важными титулами цезарей одинаковую долю верховной власти[10]. Галерий, прозванный Арментарием, потому что был сначала пастухом, и Констанций, которого прозвали Хлором по причине его бледности[11], были те два полководца, которые были облечены второстепенными отличиями императорского достоинства. То, что мы говорили о родине, происхождении и нравах Геркулия, может быть отнесено и к Галерию, которого нередко называли Максимианом Младшим, хотя он и по своим личным достоинствам, и по своим познаниям во многих отношениях был выше Максимиана Старшего. Происхождение Констанция не было так низко, как происхождение его сотоварищей. Его отец, Евтропий, принадлежал к числу самых знатных семейств Дардании, а его мать была племянница императора Клавдия[12]. Хотя Констанций провел свою молодость в занятиях военным

ремеслом, он был одарен мягким и симпатичным характером, и голос народа давно уже признавал его достойным того ранга, которого он наконец достиг. С целью скрепить политическую связь родственными узами каждый из императоров принял на себя звание отца одного из цезарей: Диоклетиан сделался отцом Галерия, а Максимиан - отцом Констанция; сверх того, каждый из цезарей должен был развестись со своей прежней женой и жениться на дочери того императора, который его усыновил[13]. Эти четыре монарха разделили между собой обширную империю. Защита Галлии, Испании[14] и Британии была возложена на Констанция; Галерий расположился лагерем на берегах Дуная, чтобы охранять иллирийские провинции; Италия и Африка считались уделом Максимиана, а Диоклетиан оставил на свою долю Фракию, Египет и богатые азиатские провинции. Каждый из них был полным хозяином на своей территории; но их совокупная власть простиралась на всю монархию, и каждый из них был готов помогать своим сотоварищам своими советами или личным присутствием. Цезари при своем высоком положении не переставали чтить верховную власть императоров, и все три младших монарха, обязанные своим положением Диоклетиану, всегда относились к нему с признательностью и покорностью. Между ними вовсе не было соперничества из-за власти, и это редкое согласие сравнивали с хором, в котором единство и гармония поддерживаются искусством главного артиста[15].

Эта важная мера была приведена в исполнение лишь по прошествии шести лет после того, как Максимиан был принят императором в сотоварищи; этот промежуток времени не был лишен достопамятных событий, но для большей ясности мы нашли более удобным сначала описать изменения, введенные Диоклетианом в систему управления, а потом уже изложить деяния его царствования, придерживаясь более естественного хода событий, нежели весьма неверной хронологической последовательности.

Первый подвиг Максимиана - хотя писатели того времени упоминают о нем лишь в нескольких словах - заслуживает по своей оригинальности быть занесенным на страницы истории человеческих нравов. Он укротил галльских крестьян, которые под именем багаудов[16] подняли знамя всеобщего восстания, очень похожего на те мятежи, которые в четырнад-

цатом столетии волновали и Францию и Англию[17]. Многие из тех учреждений, которые без надлежащих исследований относятся к феодальной системе, как кажется, вели свое начало от кельтских варваров. Когда Цезарь победил галлов, эта великая нация уже разделялась на три сословия - духовенство, дворян и простой народ. Первое из них господствовало с помощью суеверий, второе - с помощью оружия, а третье, и последнее, не имело никакого влияния на общественные дела. Весьма естественно, что плебеи, угнетаемые долгами и притеснениями, просили защиты у какого-нибудь могущественного вождя, который приобретал над их личностью и собственностью такое же абсолютное право, какое у греков и римлян принадлежало господину над его рабами[18]. Таким образом бóльшая часть нации была мало-помалу доведена до рабства, была принуждена работать на полях галльской аристократии и была прикована к почве или тяжестью настоящих цепей, или не менее жестокими и обязательными стеснениями, которые налагались на нее законами. Во время длинного ряда мятежей, потрясавших Галлию, в промежутке времени между царствованием Галлиена и царствованием Диоклетиана положение этих крестьян-рабов было самое бедственное, и они должны были выносить тиранию и своих господ, и варваров, и солдат, и сборщиков податей[19].

Их страдания, наконец, довели их до отчаяния. Они со всех сторон стали восставать массами; вооружение их состояло из одних орудий их ремесла, но их воодушевляла непреодолимая ярость. Землепашец обращался в пехотинца, пастух садился на коня, покинутые жителями деревни и неукрепленные города были предаваемы пламени, и опустошения, причиненные крестьянами, оказались не менее ужасными, чем те, которые совершались самыми свирепыми варварами[20]. Они требовали для себя естественных человеческих прав, но это требование сопровождалось самыми варварскими жестокостями. Галльская аристократия, основательно боявшаяся их мщения, или укрывалась в укрепленных городах, или покидала страну, сделавшуюся театром анархии. Крестьяне господствовали бесконтрольно, и двое из их самых отважных вождей были так безрассудны или так опрометчивы, что возложили на себя знаки императорского достоинства[21]. При приближении легионов их господство

скоро прекратилось. Сила, соединенная с дисциплиной, легко восторжествовала над своевольной и разъединенной народной массой[22]. Те из крестьян, которые были взяты с оружием в руках, были подвергнуты строгому наказанию; остальные разошлись в испуге по домам, а их неуспешная попытка приобрести свободу лишь закрепила их рабскую зависимость. Взрыв народных страстей обыкновенно бывает так силен и вместе с тем так однообразен, что, несмотря на бедность дошедших до нас сведений, мы могли бы описать подробности этой войны; но мы никак не расположены верить, что главные вожаки восстания Элиан и Аманд были христиане[23] или что это восстание, подобное тому, которое вспыхнуло во времена Лютера, имело причиной употребление во зло тех благотворных христианских принципов, которые клонятся к признанию естественной свободы всего человеческого рода.

Лишь только Максимиан успел вырвать Галлию из рук крестьян, он лишился Британии вследствие узурпации Караузия. Со времени опрометчивого, но успешного предприятия франков в царствование Проба их смелые соотечественники построили целые эскадры легких бригантин, на которых отправлялись опустошать провинции, омываемые океаном[24]. Для отражения этих нашествий римляне нашли нужным завести морские силы, и это благоразумное намерение было приведено в исполнение со знанием дела и с энергией. Гессориак, или Булонь, расположенная на берегу Британского канала, была избрана императором для стоянки римского флота, а начальство над этим флотом было поручено Караузию, который хотя был Менапием самого низкого происхождения[25], но давно уже отличался своей опытностью в качестве кормчего и храбростью в качестве солдата. Но честность нового адмирала не стояла на одной высоте с его дарованиями. Когда германские пираты выходили из своих гаваней в море для грабежа, он давал им свободный пропуск, но останавливал их на возвратном пути и отбирал в свою пользу всю награбленную ими добычу. Богатства, которые накопил таким способом Караузий, весьма основательно считались доказательством его виновности, и Максимиан уже дал приказание предать его смертной казни. Но хитрый Менапий предвидел грозу и сумел избежать ожидавшей его кары. Своей щедростью он привязал к себе военачальников находившегося под

его начальством флота и вошел в соглашение с варварами. Из булонской гавани он переплыл в Британию, склонил на свою сторону легионы и вспомогательные войска, охранявшие этот остров, и, присвоив себе звание императора вместе с титулом Августа, поднял знамя мятежа против своего законного государя[26].

Когда Британия была таким образом оторвана от империи, римляне стали более ясно сознавать важность этой провинции и искренно сожалеть о ее утрате. Они стали превозносить и даже преувеличивать размеры этого прекрасного острова, наделенного от природы со всех своих сторон удобными гаванями; они стали восхвалять умеренность его климата и плодородие почвы, одинаково годной и для произрастания зерновых хлебов, и для разведения винограда, и дорогие минералы, которые там были в изобилии, и богатые пастбища, покрытые бесчисленными стадами, и леса, в которых не было ни диких зверей, ни ядовитых змей. А всего более они сожалели об огромных доходах, получавшихся из Британии, и признавались, что такая провинция стоит того, чтобы сделаться самостоятельной монархией[27]. Семь лет она находилась во власти Караузия, и в течение всего этого времени фортуна не изменяла мятежнику, обладавшему и мужеством, и дарованиями. Британский император защитил границы своих владений от живших на севере каледонцев, выписал с континента множество искусных артистов и оставил нам медали, свидетельствующие об изяществе его вкуса и о его роскоши. Будучи родом из соседней с франками провинции, он искал дружбы этого сильного народа и старался льстить ему, перенимая его манеру одеваться и его нравы. Самых храбрых молодых людей этого племени он принимал к себе на службу в армию и во флот, а в награду за доставляемые ему этим союзом выгоды сообщал варварам опасные познания в военном и морском деле. Караузий все еще удерживал в своей власти Булонь и окрестную страну. Его флоты победоносно разгуливали по каналу, господствовали над устьями Сены и Рейна, опустошали берега океана и распространяли славу его имени по ту сторону Геркулесовых Столбов. Британия, которой было суждено сделаться в отдаленном будущем владычицей морей, уже заняла под его управлением свое естественное и почтенное положение морской державы[28].

Тем, что Караузий захватил стоявший в Булони флот, он лишил своего повелителя возможности преследовать его и наказать. А когда, после многолетних усилий, римляне спустили на воду новый флот[29], непривычные к этому элементу императорские войска были без большого труда разбиты опытными моряками узурпатора. Эта неудачная попытка привела к заключению мирного договора. Диоклетиан и его сотоварищ, основательно опасавшиеся предприимчивости Караузия, уступили ему господство над Британией и против воли допустили этого взбунтовавшегося подданного к участию в императорских почестях[30]. Но усыновление двух цезарей возвратило римской армии ее прежнюю энергию, и в то время, как рейнская граница охранялась Максимианом, его храбрый сотоварищ Констанций взял на себя ведение войны с Британией. Его первые усилия были направлены на важный укрепленный город Булонь. Он соорудил громадный мол поперек входа в гавань и тем лишил осажденных всякой надежды на помощь извне. После упорного сопротивления город сдался, и значительная часть морских сил Караузия досталась победителю. В течение трех лет, употребленных Констанцием на сооружение флота, достаточно сильного для завоевания Британии, он упрочил свою власть над берегами Галлии, проник в страну франков и лишил узурпатора возможности рассчитывать на помощь этих могущественных союзников.

Прежде нежели приготовления были окончены, Констанций получил известие о смерти тирана, которое было принято за несомненное предзнаменование предстоящей победы. Приверженцы Караузия последовали данному им самим примеру измены. Он был убит своим первым министром Аллектом, и убийце достались в наследство и его власть, и его опасное положение. Но он не имел способностей Караузия ни для пользования властью, ни для борьбы с противником. Он с беспокойством и трепетом окидывал взором противоположный берег континента, где на каждом шагу видны были военные снаряды, войска и корабли, так как Констанций имел благоразумие так рассыпать свои военные силы, что неприятель никак не мог догадаться, с какой стороны будет сделано нападение. Наконец нападение было сделано главной эскадрой, которая находилась под начальством отличного военачальника - префекта Асклепиодата и была собрана

близ устьев Сены. Искусство мореплавания стояло в ту пору на такой низкой ступени, что ораторы восхваляли отважное мужество римлян, пустившихся в море при боковом ветре и в бурную погоду. Но погода оказалась благоприятной для их предприятия. Под прикрытием густого тумана они увернулись от кораблей, поставленных Аллектом у острова Уайта с целью загородить им путь, высадились благополучно на западном берегу Британии и доказали ее жителям, что превосходство морских сил не всегда может предохранять их страну от неприятельского нашествия. Лишь только все императорские войска высадились на берег, Асклепиодат сжег свои корабли, а так как его экспедиция оказалась удачной, то его геройским поступком все восхищались. Узурпатор занимал позицию подле Лондона в ожидании нападения со стороны Констанция, принявшего личное начальство над булонским флотом; но высадка нового врага потребовала его немедленного присутствия на Западе. Он совершил этот длинный переход с такой торопливостью, что встретился с главными силами префекта, имея при себе лишь небольшой отряд измученных и упавших духом войск. Сражение скоро кончилось совершенным поражением и смертью Аллекта: одна битва - как это не раз случалось - решила судьбу этого обширного острова, и, когда Констанций высадился на берегах Кента, он был встречен толпами послушных подданных. Их радостные возгласы были громки и единодушны, а добродетели победителя заставляют нас верить, что они искренно радовались перевороту, который, после десятилетнего разъединения, снова восстановил связь Британии с Римской империей[31])

Британия могла опасаться только внутренних врагов, и, пока ее губернаторы оставались верными императору, а войска соблюдали дисциплину, вторжения полунагих шотландских и ирландских дикарей не могли считаться серьезной угрозой для безопасности острова. Сохранение спокойствия на континенте и оборона больших рек, служивших границами для империи, были и более трудны, и более важны. Политика Диоклетиана, служившая руководством и для его сотоварищей, заключалась в том, что с целью сохранения общественного спокойствия он старался возбуждать раздоры между варварами и усиливал укрепления, оберегавшие римские границы. На Востоке он устроил ряд лагерей, простиравшихся

от Египта до персидских владений, и для каждого лагеря назначил достаточный постоянный гарнизон, который находился под командой особого военачальника и снабжался всякого рода оружием из арсеналов, только что устроенных императором в Антиохии, Эмесе и Дамаске[32]. Не менее предусмотрительны были меры, принятые императором против столько раз испытанной на деле храбрости европейских варваров. От устьев Рейна и до устьев Дуная все старинные лагеря, города и цитадели были тщательно исправлены, а в самых опасных местах были с большим искусством построены новые укрепления; в пограничных гарнизонах была введена самая неусыпная бдительность и были сделаны всевозможные приспособления, чтобы придать этой длинной линии укреплений прочность и непроницаемость[33]. Варварам редко удавалось прорваться сквозь эту сильную преграду, и они с досады нередко изливали свою ярость одни на других. Готы, вандалы, гепиды, бургунды и алеманны взаимно ослабляли друг друга непрестанными войнами, и, кто бы из них ни одерживал верх, побежденными всегда были враги Рима. Подданные Диоклетиана наслаждались этим кровавым зрелищем и поздравляли друг друга с тем, что бедствия междоусобной войны составляют удел одних только варваров[34].

Несмотря на свое искусное управление, Диоклетиан не всегда был в состоянии сохранить ничем не нарушаемое спокойствие в течение своего двадцатилетнего царствования и вдоль границы, простиравшейся на несколько сот миль. Случалось, что варвары прекращали свои внутренние раздоры; случалось также, что они успевали силой или хитростью прорваться сквозь цепь укреплений вследствие оплошности гарнизонов. Всякий раз, когда они вторгались в римские провинции, Диоклетиан вел себя с тем спокойным достоинством, которое он всегда старался выказывать или которым он, может быть, и в самом деле обладал; он сам появлялся на месте действия только в тех случаях, которые были достойны его личного присутствия; он без особенной необходимости никогда не подвергал опасности ни самого себя, ни свою репутацию; он обеспечивал себе успех всеми способами, какие только могла внушать предусмотрительность, и выставлял в самом ярком свете результаты своих побед. В войнах, которые были более трудны и исход которых был более сомнителен, он употреблял в дело суровое мужество Максимиана, а

этот преданный солдат приписывал свои собственные победы мудрым советам и благотворному влиянию своего благодетеля. Однако после усыновления двух цезарей сами императоры предоставили себе менее опасную сферу деятельности, а защиту Дуная и Рейна поручили усыновленным ими полководцам. Бдительный Галерий ни разу не был доведен до необходимости побеждать варваров на римской территории[35]. Храбрый и деятельный Констанций спас Галлию от страшного нашествия алеманнов, а его победы при Лангре и Виндониссе, как кажется, были результатом таких битв, в которых он подвергался большим опасностям и в которых он выказал большие дарования. В то время как он проезжал по открытой местности в сопровождении небольшого отряда телохранителей, он был внезапно окружен многочисленными неприятельскими силами. Он с трудом добрался до Лангра, но среди общего смятения граждане отказались отворить ворота, и раненый государь был поднят на городскую стену при помощи веревок. Но когда римские войска узнали о его затруднительном положении, они со всех сторон поспешили к нему на помощь, и в тот же день вечером он восстановил честь своего оружия и отомстил за себя, положив на поле сражения шесть тысяч алеманнов[36]. Из дошедших до нас исторических памятников того времени, быть может, можно бы было извлечь туманные сведения о нескольких других победах над сарматскими и германскими варварами; но скучные розыски этого рода не были бы вознаграждены ни чем-либо интересным, ни чем-либо поучительным.

В том, что касалось обхождения с побежденными, и Диоклетиан, и его сотоварищи следовали примеру императора Проба. Взятых в плен варваров заставляли менять смерть на рабство: их распределяли между жителями провинций, выбирая при этом преимущественно те местности, которые обезлюдели вследствие бедствий, причиненных войной. В Галлии были назначены для них территории Амьена, Бовэ, Камбрэ, Трира, Лангра и Труа[37]. На них обыкновенно возлагали надзор за стадами и земледельческие работы; но употребление оружия было им воспрещено, кроме тех случаев, когда находили нужным вербовать их в военную службу. Тем из варваров, которые сами искали римского покровительства, императоры давали земли на условиях менее рабской зависимости; они также отвели поселения для несколь-

ких колоний карпов, бастарнов и сарматов и, по неблагоразумной снисходительности, позволили им сохранить в некоторой мере их национальные нравы и самостоятельность[38]. Жители провинций находили лестное для себя удовольствие в том, что варвары, еще недавно внушавшие им такой страх, теперь возделывали их поля, водили их домашний скот на соседнюю ярмарку и содействовали своим трудом развитию общего благосостояния. Они восхваляли своих правителей за столь значительное приращение подданных и солдат, но упускали из виду то обстоятельство, что этим путем правительство водворяло в самый центр империи множество тайных врагов, из которых одни были заносчивы вследствие полученных ими милостей, а другие были готовы на всякое отчаянное предприятие вследствие угнетений[39].

В то время как цезари упражняли свои военные дарования на берегах Рейна и Дуная, в южных провинциях империи потребовалось присутствие самих императоров. Вся Африка - от берегов Нила до Атласских гор - была в восстании. Пять мавританских народов вышли из своих степей и соединенными силами напали на мирные провинции[40]. Юлиан принял звание императора[41] в Карфагене, а Ахиллей - в Александрии; даже блеммии возобновили или, вернее, продолжали свои вторжения в Верхний Египет. До нас не дошло почти никаких подробностей о военных подвигах Максимиана в западных частях Африки, но, судя по результатам его похода, можно полагать, что успехи были быстры и решительны, что он победил самых свирепых мавританских варваров и что он вытеснил их из гор, недоступность которых внушала их обитателям безграничную самоуверенность и приучила их к грабежу и насилиям[42]. Со своей стороны Диоклетиан открыл кампанию против Египта осадой Александрии; он пересек водопроводы, которые снабжали водами Нила каждый квартал этого огромного города[43], и, укрепив свой лагерь так, чтоб можно было не бояться вылазок со стороны осажденных, он повел атаку с осторожностью и с энергией. После восьмимесячной осады, разоренная мечом и огнем, Александрия стала молить победителя о пощаде; но его строгость обрушилась на нее всею своею тяжестью. Несколько тысяч граждан погибли среди общей резни, и во всем Египте было мало таких провинившихся в восстании людей, которые избежали бы смертного приговора или, по меньшей мере, ссыл-

ки[44]. Участь, постигшая Бусирис и Коптос, была еще более печальна, нежели участь Александрии; эти два прекрасных города, - из которых первый отличился своей древностью, а второй обогатился благодаря тому, что через него шла торговля с Индией, - были совершенно разрушены по приказанию Диоклетиана[45]. Для такой чрезмерной строгости можно найти оправдание только в том, что египетская нация по своему характеру не была способна ценить кроткое обхождение, но была чрезвычайно доступна чувству страха. Восстания Александрии уже много раз нарушали спокойствие самого Рима, затрудняя для него доставку получавшихся оттуда припасов. Верхний Египет, беспрестанно вовлекавшийся в восстания после узурпации Фирма, вступил в союз с эфиопскими дикарями. Блеммии, рассеянные между островом Мероэ и Красным морем, были незначительны числом, не были воинственны по своему характеру, а оружие, которое они употребляли, было грубо и не страшно[46]. А между тем эти варвары, почти не считавшиеся древними народами за человеческие существа по причине своей уродливой наружности, постоянно принимали участие во всяких беспорядках и осмеливались причислять себя к числу врагов Рима[47]. Таковы были недостойные союзники египтян, всегда готовые нарушить спокойствие этой провинции, в то время как внимание римского правительства было занято более серьезными войнами. С целью противопоставить блеммиям способных бороться с ними врагов Диоклетиан убедил нобатов - одно племя, жившее в Нубии, - покинуть их прежние жилища в ливийских степях и отдал им обширную, но бесполезную для государства территорию по ту сторону города Сиены и нильских водопадов с тем условием, что они будут охранять границы империи. Этот договор долго оставался в силе, и пока, с введением христианства, не распространились более определенные понятия о религиозном поклонении, он ежегодно был снова утверждаем торжественным жертвоприношением, которое совершалось на острове Элефантин и при котором римляне и варвары преклонялись перед одними и теми же видимыми или невидимыми владыками вселенной[48].

В то же самое время, как Диоклетиан наказывал египтян за их прошлые преступления, он обеспечивал их будущее спокойствие и благосостояние мудрыми постановлениями, которые были подтверждены и усилены в последующие царст-

вования[49]. Он между прочим издал один замечательный эдикт, который не следует осуждать как продукт боязливой тирании, а следует одобрять как полезный акт благоразумия и человеколюбия. Он приказал тщательно отобрать все старинные книги, в которых шла речь об удивительном искусстве делать золото и серебро, и без всякого милосердия предал их пламени; он, как уверяют, опасался, что богатство египтян внушит им смелость снова взбунтоваться против империи[50]. Но если бы Диоклетиан действительно был убежден в существовании такого ценного искусства, он не стал бы уничтожать его, а обратил бы его применение на пользу государственной казне. Гораздо более правдоподобно, что его здравый смысл усмотрел безрассудство таких заманчивых притязаний и что он хотел предохранить рассудок и состояние своих подданных от такого занятия, которое могло быть для них пагубно. Впрочем, следует заметить, что хотя эти старинные книги и приписывались или Пифагору, или Соломону, или Гермесу, они на самом деле были продуктом благочестивого подлога со стороны позднейших знатоков алхимии. Греки не увлекались ни применением химии, ни злоупотреблениями, для которых она могла служить орудием. В том огромном списке, куда Плиний внес открытия, искусства и заблуждения человеческого рода, нет ни малейшего упоминания о превращении металлов, а преследование со стороны Диоклетиана есть первый достоверный факт в истории алхимии. Завоевание Египта арабами способствовало распространению этой пустой науки по всему земному шару. Так как она была в сродстве со свойственным человеку корыстолюбием, то ее изучали с одинаковым рвением и с одинаковым успехом и в Китае и в Европе. Средневековое невежество обеспечивало всякому неправдоподобному рассказу благоприятный прием, а возрождение наук дало новую пищу надеждам и познакомило с более благовидными способами обмана. Наконец философия с помощью опыта положила конец изучению алхимии, а наш собственный век, хотя и жаден к богатству, но стремится к нему более скромным путем торговли и промышленности[51].

Немедленно вслед за покорением Египта была предпринята война с Персией. Царствованию Диоклетиана суждено было сломить могущество этой нации и заставить преемни-

ков Арташира преклониться перед величием Римской империи.

Мы уже имели случай заметить, что в царствование Валериана персы завладели Арменией частью коварством, частью силой оружия и что, после умерщвления Хосроя, малолетний наследник престола, сын его Тиридат, спасся благодаря преданности своих друзей и был воспитан под покровительством императоров. Тиридат вынес из своего изгнания такую пользу, какой он никогда не мог бы приобресть на армянском престоле, - он с ранних лет познакомился с несчастьем, с человеческим родом и с римской дисциплиной. В своей молодости он отличался храбростью и необыкновенной ловкостью и силой как в воинских упражнениях, так и в менее достойных состязаниях Олимпийских игр[52]. Он сделал более благородное употребление из этих достоинств, вступившись за своего благодетеля Лициния[53]. Во время мятежа, окончившегося смертью Проба, этот военачальник подвергался самой серьезной опасности, так как рассвирепевшие солдаты уже стремились к его палатке; тогда армянский наследник один, без посторонней помощи удержал солдат и тем спас жизнь Лициния. Вскоре вслед за тем признательность Тиридата содействовала восстановлению его права на престол. Лициний всегда был другом и товарищем Галерия, а достоинства Галерия, еще задолго до его возведения в звание Цезаря, доставили ему уважение Диоклетиана. На третьем году царствования этого императора Тиридат был возведен в звание царя Армении. Справедливость этой меры была столь же очевидна, как и ее польза. Пора же было вырвать из рук персидского монарха важную территорию, которая со времени царствования Нерона всегда предоставлялась - под римским покровительством - во владение младшей линии рода Аршакидов[54].

Когда Тиридат появился на границах Армении, он был встречен непритворными выражениями радости и преданности. В течение двадцати шести лет эта страна выносила все и настоящие и воображаемые неприятности чужестранного господства. Персидские монархи украшали завоеванную страну великолепными зданиями; но эти здания строились на деньги народа и внушали отвращение, потому что служили свидетельством рабской зависимости. Опасение мятежа вызывало самые суровые меры предосторожности; к угнетению присоединялись оскорбления, и победитель, сознавая

всеобщую к нему ненависть, принимал такие меры, которые делали эту ненависть еще более непримиримой. Мы уже говорили о духе нетерпимости, которым отличалась религия магов. Завоеватели из религиозного усердия разбили в куски статуи причисленных к богам царей Армении и священные изображения солнца и луны, а на алтаре, воздвигнутом на вершине горы Багавана[55], зажгли и поддерживали вечный огонь в честь Ахура-Мазды. Понятно, что народ, доведенный до отчаяния столькими оскорблениями, с жаром взялся за оружие для защиты своей независимости, своей религии и своего наследственного монарха. Поток народного восстания ниспроверг все препятствия, и персидские гарнизоны отступили перед его яростным напором. Армянская аристократия стеклась под знамена Тиридата; указывая на свои прошлые заслуги и предлагая свое содействие в будущем, она искала у нового царя тех отличий и наград, от которых ее с презрением отстраняло чужеземное правительство[56]. Командование армией было вверено Артавасду, отец которого спас юного Тиридата и семейство которого поплатилось жизнью за этот великодушный подвиг. Брат Артавасда был назначен губернатором одной провинции. Одна из высших военных должностей была возложена на отличавшегося необыкновенным хладнокровием и мужеством сатрапа Отаса, предложившего царю свою сестру[57] и значительные сокровища, которые он уберег от жадности персов в одной из отдаленных крепостей. В среде армянской аристократии появился еще один союзник, судьба которого так замечательна, что мы не можем не остановить на ней наше внимание. Имя его было Мамго; по происхождению он был скиф, а орда, признававшая над собой его власть, жила за несколько лет перед тем на окраине Китайской империи[58], которая простиралась в то время до окрестностей Согдианы[59]. Навлекши на себя гнев своего повелителя, Мамго удалился со своими приверженцами на берега Окса и просил покровительства у Шапура. Китайский император потребовал выдачи перебежчика, ссылаясь на свои верховные права. Персидский монарх сослался на правила гостеприимства и не без вреда избежал войны, дав обещание, что он удалит Мамго на самые отдаленные западные окраины, и заверив, что такое наказание не менее страшно, чем самая смерть. Местом изгнания была выбрана Армения, и скифской орде была отведена довольно обширная террито-

рия, на которой ей было позволено пасти свои стада и переносить свои палатки с одного места на другое сообразно с переменами времен года. Ей было приказано воспротивиться вторжению Тиридата, но ее вождь, взвесив полученные им от персидского монарха одолжения и обиды, решился перейти на сторону его противника. Армянский государь, очень хорошо понимавший, какую цену имеет помощь такого способного и могущественного союзника, как Мамго, обошелся с ним чрезвычайно вежливо и, удостоив его своего доверия, приобрел в нем храброго и верного слугу, много содействовавшего возвращению ему престола[60].

В течение некоторого времени счастье, по-видимому, благоприятствовало предприимчивости и мужеству Тиридата. Он не только очистил всю Армению от врагов своего семейства и своей родины, но, подстрекаемый жаждой мщения, перенес войну в самое сердце Сирии или, по меньшей мере, проник туда в своих набегах. Историк, сохранивший имя Тиридата от забвения, восхваляет с некоторой примесью национального энтузиазма его личные доблести и, в духе восточных сказочников, рассказывает о гигантах и слонах, павших от его непобедимой руки. Но из других источников мы узнаем, что царь Армении был отчасти обязан своими успехами внутренним смутам, раздиравшим в то время Персидскую монархию. Два брата оспаривали друг у друга персидский престол, а когда один из них, по имени Хормизд, убедился, что его партия недостаточно сильна для борьбы, он прибегнул к опасной помощи варваров, живших на берегах Каспийского моря[61]. Но междоусобная война окончилась, неизвестно, победой или примирением, и всеми признанный за короля Персии Нарсе направил все свои силы против внешнего врага. Тогда борьба сделалась слишком неравной и храбрость героя уже не могла противостоять могуществу монарха. Вторично свергнутый с престола Армении Тиридат снова нашел себе убежище при дворе римских императоров. Нарсе скоро восстановил свое господство над взбунтовавшейся провинцией и, громко жалуясь на покровительство, оказанное римлянами бунтовщикам и перебежчикам, предпринял завоевание всего Востока[62].

Ни благоразумие, ни честь не позволяли императорам отказаться от защиты армянского царя, и потому было решено употребить в дело все силы империи для войны с Персией.

Со своим обычным спокойствием и достоинством Диоклетиан избрал местом своего пребывания Антиохию, чтобы оттуда подготовлять и направлять военные действия[63]. Начальство над легионами было вверено неустрашимой храбрости Галерия, который с этой целью был переведен с берегов Дуная на берега Евфрата. Обе армии скоро встретились на равнинах Месопотамии, и между ними произошли два сражения, не имевшие никакого решительного результата; но третья встреча имела более решительные последствия, так как римская армия была совершенно разбита. Причину этой неудачи приписывали опрометчивости Галерия, который напал с незначительным отрядом на бесчисленные полчища персов[64]. Но знакомство с местностью, которая была сценой действия, заставляет думать, что его поражение произошло от другой причины. То самое место, на котором был разбит Галерий, уже приобрело известность тем, что там погиб Красс и были истреблены десять легионов. Это была гладкая равнина, простиравшаяся более чем на шестьдесят миль от возвышенностей Карры до Евфрата и представлявшая собой ровную и голую песчаную степь, на которой не было ни одного пригорка, ни одного деревца и ни одного источника свежей воды[65]. Тяжелая римская пехота, изнемогавшая от жары и от жажды, не могла рассчитывать на победу, не покидая своих рядов; но она не могла разорвать свои ряды, не подвергая себя самой неминуемой опасности. В то время как она находилась в таком затруднительном положении, она была мало-помалу окружена более многочисленными неприятельскими силами; тем временем кавалерия варваров беспрестанно тревожила ее своими быстрыми эволюциями и уничтожала ее своими стрелами. Царь Армении выказал в этой битве свою храбрость и среди общего несчастья покрыл себя славой. Неприятель преследовал его до Евфрата; его лошадь была ранена, и ему, по-видимому, не оставалось никакой надежды на спасение. В этой крайности Тиридат прибегнул к единственному способу спасения, какой казался возможным: он соскочил с лошади и бросился в реку. На нем были тяжелые воинские доспехи, а река была глубока и в этом месте имела в ширину по меньшей мере полмили[66]; однако таковы были его сила и ловкость, что он благополучно достиг противоположного берега[67]. Что касается римского полководца, то нам неизвестно, каким образом ему удалось спастись; но нам

известно, что, когда он возвратился в Антиохию, Диоклетиан принял его не с участием друга и сотоварища, а с негодованием разгневанного монарха. Этот до крайности высокомерный человек был до такой степени унижен в собственных глазах сознанием своей вины и своего несчастья, что, покоряясь воле Диоклетиана, шел в императорской мантии пешком за его колесницей более мили и таким образом выказал перед всем двором свой позор[68]. После того как Диоклетиан удовлетворил свое личное гневное раздражение и поддержал достоинство верховной власти, он склонился на смиренные мольбы Цезаря и дозволил ему попытаться восстановить как свою собственную честь, так и честь римского оружия. Изнеженные азиатские войска, которые, по всему вероятию, были употреблены в дело в первую экспедицию, были заменены новой армией, составленной из ветеранов и из набранных на иллирийской границе рекрутов, и, сверх того, был принят на императорскую службу значительный отряд готских вспомогательных войск[69]. Во главе избранной армии из двадцати пяти тысяч человек Галерий снова перешел Евфрат; вместо того, чтобы подвергать свои легионы опасностям перехода через голые равнины Месопотамии, он двинулся вперед через горы Армении, где нашел преданное Риму население и местность столько же удобную для действий пехоты, сколько она была неудобна для действий кавалерии[70]. Несчастье еще более укрепило римскую дисциплину, тогда как возгордившиеся своим успехом варвары сделались столь небрежны и нерадивы, что в ту минуту, когда они всего менее этого ожидали, они были застигнуты врасплох деятельным Галерием, который, в сопровождении только двух кавалеристов, собственными глазами осмотрел состояние и расположение их лагеря. Нападение врасплох, в особенности если оно происходило в ночное время, почти всегда оказывалось гибельным для персидской армии. Персы имели обыкновение не только привязывать своих лошадей, но также связывать им ноги, для того чтоб они не могли убежать; а когда случалась тревога, перс, прежде чем быть в состоянии сесть верхом на лошадь, должен был укрепить на ней чепрак, надеть на нее узду и надеть на самого себя латы[71]. Поэтому неудивительно, что стремительное нападение Галерия причинило в лагере варваров беспорядок и смятение. За легким сопротивлением последовала страшная резня, и, среди общего смятения,

раненый монарх (так как Нарсе лично командовал своими армиями) обратился в бегство в направлении к мидийским степям. В его палатках и в палатках его сатрапов победитель захватил громадную добычу, и нам рассказывают один случай, доказывающий, в какой мере грубые, хотя и воинственные легионы были мало знакомы с изящными предметами роскоши. Сумка, сделанная из глянцевитой кожи и наполненная жемчугом, попала в руки простого солдата; он тщательно сберегал сумку, но выбросил все, что в ней было, полагая, что то, что не годится ни для какого употребления, не может иметь никакой стоимости[72]. Но главная потеря Нарсе была из числа тех, которые всего более чувствительны для человеческого сердца. Многие из его жен, сестер и детей, сопровождавших его армию, были взяты в плен победителем. Впрочем, хотя характер Галерия вообще имел очень мало сходства с характером Александра, он после своей победы принял за образец обхождение македонского героя с семейством Дария. Жены и дети Нарсе были защищены от всякого насилия и грабежа; их отправили в безопасное место, и с ними обходились с теми уважением и вниманием, какие был обязан оказывать великодушный враг их возрасту, полу и царскому достоинству[73].

В то время как Восток тревожно ожидал исхода этой великой борьбы, император собрал в Сирии сильный обсервационный корпус, выказывая на некотором расстоянии от театра военных действий громадные ресурсы Римской империи, и берег свои силы для неожиданных случайностей войны. Получив известие о победе, он приблизился к границе с целью умерить гордость Галерия своим присутствием и своими советами. Свидание римских государей в Нисибине сопровождалось всевозможными выражениями почтения с одной стороны и уважения с другой. В этом же городе они вскоре вслед за тем давали аудиенцию послам великого царя[74]. Могущество Нарсе или по меньшей мере его высокомерие было сломлено поражением, и он полагал, что немедленное заключение мира было единственным средством, которое могло остановить дальнейшие успехи римского оружия. На пользовавшегося его милостями и доверием Арфабана он возложил поручение вести переговоры о мире или, правильнее сказать, принять все те мирные условия, какие будут предписаны победителем. Арфабан начал с того, что выразил признатель-

ность своего господина за великодушное обхождение с царским семейством, и просил об освобождении этих именитых пленников. Он восхвалял храбрость Галерия, стараясь не унижать репутации Нарсе, и не счел за стыд признать превосходство победоносного Цезаря над таким монархом, который затмил своей славой всех других государей своего рода. Несмотря на то, сказал он, что дело персов правое, он уполномочен предоставить настоящий спор решению самих императоров, и он вполне убежден, что среди своего благополучия они не позабудут, как превратна фортуна. Арфабан закончил свою речь аллегорией в восточном вкусе: монархии Римская и Персидская, сказал он, - это два ока вселенной, которая осталась бы несовершенной и обезображенной, если бы одно из них было вырвано.

Персам не пристало (возразил Галерий в порыве гнева, от которого, по-видимому, судорожно тряслись все его члены), персам не пристало толковать о превратностях фортуны и спокойно наставлять нас в правилах умеренности. Пусть они припомнят, с какой умеренностью они обошлись с несчастным Валерианом. Они захватили его при помощи вероломства и обходились с ним самым недостойным образом. Они держали его до последней минуты его жизни в постыдном плену, а после его смерти они выставили его труп на вечный позор. Затем Галерий, смягчая тон, сказал послам, что римляне никогда не имели обыкновения попирать ногами побежденного врага и что в настоящем случае они будут руководствоваться скорее тем, чего требует их собственное достоинство, нежели тем, на что дает им право прежнее поведение персов. Он отпустил Арфабана, обнадежив его, что Нарсе скоро будет уведомлен, на каких условиях он может получить от милосердия императоров прочный мир и свободу своих жен и детей. Это совещание доказывает нам, как необузданны были страсти Галерия и вместе с тем как велико было его уважение к высокой мудрости и к авторитету Диоклетиана. Его честолюбие влекло его к завоеванию Востока, и он предлагал обратить Персию в римскую провинцию. Но благоразумный Диоклетиан, придерживавшийся умеренной политики Августа и Антонинов, предпочел воспользоваться удобным случаем, чтобы окончить удачную войну почетным и выгодным миром[75].

В исполнение своего обещания императоры вскоре вслед за

тем командировали одного из своих секретарей, Сикория Проба, с поручением сообщить персидскому двору об их окончательном решении. В качестве посла, приехавшего для мирных переговоров, он был принят со всевозможными изъявлениями внимания и дружбы, но под предлогом, что после столь длинного путешествия ему необходим отдых, аудиенция откладывалась с одного дня на другой; Проб был вынужден следовать за царем в его медленных переездах, и наконец был допущен к личному с ним свиданию близ реки Аспруда в Мидии. Тайный мотив, побудивший Нарсе так долго откладывать аудиенцию, заключался в желании выиграть время, чтобы собрать такие военные силы, которые, при его искреннем желании мира, дали бы ему возможность вести переговоры с бóльшим весом и достоинством. Только три лица присутствовали при этом важном совещании - министр Арфабан, префект гвардии и один военачальник, командовавший на границах Армении[76]. Первое условие, предложенное послом, для нас не совсем понятно: он потребовал, чтобы город Нисибин был назначен местом взаимного обмена товарами, или, другими словами, чтобы он служил складочным местом для торговли между двумя империями. Не трудно понять, что римские монархи желали увеличить свои доходы путем обложения товаров какими- нибудь пошлинами; но так как Нисибин находился внутри их собственных владений и так как они были полными хозяевами и над ввозом, и над вывозом товаров, то казалось бы, что обложение пошлинами должно было составлять предмет внутреннего законодательства, а не договора с иностранным государством. Может быть, из желания придать такому обложению более целесообразности они потребовали от персидского царя таких обязательств, которые были противны его интересам или его достоинству и которых он не соглашался взять на себя. Так как это была единственная статья, которую он не захотел подписать, то на ней и не настаивали долее: императоры или предоставили торговлю ее естественному течению, или удовольствовались такими пошлинами, которые они могли налагать своей собственной властью.

Как только это затруднение было улажено, между обеими нациями был заключен формальный мирный договор. Условия трактата, столь славного для империи и столь необходимого для Персии, заслуживают особого внимания, ввиду того

что история Рима представляет нам чрезвычайно мало сделок подобного рода, ведь его войны большей частью оканчивались безусловным присоединением завоеванных стран или же велись против варваров, которым не было знакомо искусство письма.

I. Река Абора, или, как ее называет Ксенофонт, Аракс, была назначена границей между двумя монархиями[77]. Эта река, берущая свое начало неподалеку от Тигра, принимала в себя в нескольких милях ниже Нисибина воды небольшой речки Мигдония, протекала под стенами Сингары и впадала в Евфрат при Цирцезии - пограничном городе, который был очень сильно укреплен благодаря заботам Диоклетиана[78]. Месопотамия, которая была виной стольких войн, была уступлена империи, и персы отказались по мирному договору от всяких притязаний на эту обширную провинцию.

II. Они уступили римлянам пять провинций по ту сторону Тигра[79]. Эти провинции уже по самому своему положению могли служить полезным оплотом, но их натуральная сила была вскоре еще увеличена искусством и военным знанием. Четыре из них, лежавшие к северу от реки, были мало известны и незначительны своим объемом, а именно: Интилина, Забдицена, Арзанена и Моксоэна; но к востоку от Тигра империя приобрела обширную и гористую территорию Кардуэна, бывшую в древности отечеством тех кардухиев, которые в течение многих веков умели сохранить свою независимость посреди окружавших их азиатских деспотических монархий. Знаменитые десять тысяч греков проходили их страну после тяжелого семидневного отступления или, вернее, после семидневного сражения, и, по признанию их вождя, так прекрасно описавшего это отступление, они пострадали от стрел кардухиев гораздо более, чем от всех военных сил великого царя[80]. Их потомки - курды, сохранившие лишь с небольшим изменением их имя и нравы, до сих пор пользуются свободой под номинальным верховенством турецкого султана.

III. Само собой разумеется, что верный союзник римлян Тиридат был снова возведен на прародительский престол и что верховная власть императоров над Арменией была вполне обеспечена трактатом. Пределы Армении были расширены до крепости Синфы в Мидии, и это увеличение владений Тиридата было скорее актом справедливости, нежели актом

великодушия. Из упомянутых уже провинций, лежавших по ту сторону Тигра, первые четыре были отторгнуты от Армении парфянами[81], а когда римляне приобрели их по мирному договору, они потребовали от узурпаторов, чтобы они вознаградили их союзника уступкой обширной и плодородной Атропатены. Главный город этой провинции, занимавший почти такое же положение, как новейший Таврис, нередко служил для Тиридата резиденцией, а так как он иногда назывался Экбатанами, то Тиридат стал строить там здания и укрепления по образцу великолепной столицы мидян[82].

IV. Иберия была бесплодная страна, и ее жители были грубы и свирепы, но они были привычны к войне и отделяли империю от варваров еще более свирепых и опасных. В их руках находились узкие ущелья Кавказских гор, и от них зависело, пропускать или не пропускать кочующие сарматские племена, когда жажда добычи внушала этим варварам желание проникнуть в более богатые южные страны[83]. Право назначать царей Иберии, предоставленное персидским монархом римским императорам, способствовало упрочению римского могущества в Азии[84]. Восток пользовался полным спокойствием в течение сорока лет, и мирный договор между двумя монархиями - соперницами строго соблюдался до самой смерти Тиридата; тогда владычество над древним миром перешло в руки нового поколения, руководившегося иными целями и иными страстями, и тогда внук Нарсе предпринял против государей из дома Константина продолжительную и достопамятную войну.

Таким образом, трудная задача спасения империи от тиранов и от варваров была окончательно выполнена целым рядом иллирийских крестьян, возвысившихся до императорского престола. Лишь только Диоклетиан вступил в двадцатый год своего царствования, он отпраздновал эту достопамятную эру и успехи своего оружия блестящим триумфом[85]. Только один Максимиан, в качестве ему равного по положению, разделил с ним славу этого дня. Два Цезаря сражались и побеждали, но достоинство их подвигов приписывалось, согласно строгим правилам того времени, благотворному влиянию их отцов и императоров[86]. Триумф Диоклетиана и Максимиана, быть может, был не так великолепен, как триумфы Аврелиана и Проба, но он имел преимущества более блестящей славы и более блестящего счастья. Африка и Бри-

тания, Рейн, Дунай и Нил доставили свои трофеи для триумфа, но самым лучшим его украшением была победа над персами, сопровождавшаяся важными территориальными приобретениями. Впереди императорской колесницы несли изображения рек, гор и провинций; а изображения пленных жен, сестер и детей великого царя доставляли тщеславной толпе новое для нее и приятное зрелище[87]. Впрочем, в глазах потомства этот триумф замечателен еще другим, хотя и менее лестным, отличием. Это был последний триумф, какой видели римляне. Вскоре после того императоры перестали побеждать и Рим перестал быть столицей империи.

Место, на котором был построен Рим, было освящено старинными религиозными церемониями и воображаемыми чудесами. Каждая часть города будто одушевлялась присутствием какого-нибудь бога или воспоминанием о каком-нибудь герое, а Капитолию было обещано господство над всем миром[88]. Римские уроженцы чувствовали на себе и сознавали влияние этой приятной иллюзии, которая досталась им от предков, укреплялась в них вместе с привычками детства и в некоторой мере поддерживалась в них убеждением в ее политической пользе. Форма правления и местопребывание правительственной власти были так тесно связаны между собой, что казалось невозможным изменить второе, не уничтожив первой[89]. Но верховенство столицы мало-помалу уничтожалось обширностью завоеваний; провинции достигали одного с ней уровня, а побежденные народы приобретали название и привилегии римлян, не впитав в себя их местных привязанностей. Тем не менее и некоторые остатки старой конституции, и сила привычки в течение долгого времени поддерживали достоинство Рима. Даже те императоры, которые по своему происхождению были африканцы или иллирийцы, уважали в усыновившей их стране средоточие своего могущества и центр своих обширных владений. Ход военных действий нередко требовал их присутствия на границах империи, но Диоклетиан и Максимиан были первые римские монархи, избравшие в мирное время своим постоянным местопребыванием провинции, и хотя их образ действий, быть может, был внушен личными мотивами, его нетрудно было оправдать весьма вескими политическими соображениями. Двор западного императора пребывал большей частью в Милане, потому что этот город, благодаря своему положению у

подошвы Альп, был более Рима удобен для наблюдения за движением германских варваров. Милан скоро сравнялся великолепием с первоклассными городами империи; его дома были так же многочисленны и хорошо построены, а его жители так же благовоспитанны и образованны. Цирк, театр, монетный двор, дворец, бани, носившие имя своего основателя Максимиана, портики, украшенные статуями, и двойной ряд городских стен - все это содействовало украшению новой столицы, которая, по-видимому, не много теряла даже от своей близости к Риму[90]. Диоклетиан, желая, чтобы и его резиденция могла соперничать с Римом, употреблял свое свободное время и сокровища Востока на украшение города Никомедии, находившегося на границе между Европой и Азией, почти на одинаковом расстоянии и от Дуная и от Евфрата. По вкусу монарха и на деньги народа Никомедия достигла в несколько лет такого великолепия, которое, по-видимому, требовало вековых усилий, и уступала своим объемом и числом жителей только Риму, Александрии и Антиохии[91]. Жизнь Диоклетиана и Максимиана была очень деятельна, и большую ее часть они провели в лагерях или в продолжительных и частых походах; но всякий раз, как им представлялась возможность отдохнуть от бремени государственных забот, они с удовольствием отправлялись в свои любимые резиденции - Никомедию и Милан. Очень сомнительно, посетил ли Диоклетиан хоть раз древнюю столицу империи до того дня, когда он праздновал там свой триумф на двадцатом году своего царствования. Даже по этому достопамятному случаю он пробыл там не более двух месяцев. Ему не нравилась своевольная фамильярность народа, и он с поспешностью покинул Рим за тринадцать дней до того, как он должен был явиться в сенате облаченным в отличия консульского звания[92].

Нерасположение, которое Диоклетиан выказывал к Риму и к римской свободе, не было следствием минутного каприза, а было результатом очень хитрых политических соображений. Этот искусный монарх задумал ввести новую систему управления, которая была впоследствии усовершенствована семейством Константина, а так как сенат свято хранил призрак старой конституции, то он решился отнять у этого собрания последние остатки власти и влияния. Следует припомнить, как значительно было скоропреходящее величие сената

и как велики были его честолюбивые надежды почти за восемь лет до возведения на престол Диоклетиана. Пока господствовало это увлечение, многие из аристократов неосторожно выказывали свое усердие к делу свободы, а когда преемники Проба перестали благоприятствовать республиканской партии, сенаторы не сумели скрыть своего бессильного озлобления. На Максимиана, как правителя Италии, было возложено поручение искоренить этот скорее докучливый, нежели опасный дух независимости, и такая задача очень подходила для человека с жестоким нравом. Самые достойные члены сената, которым Диоклетиан всегда выказывал притворное уважение, были привлечены его соправителем к суду по обвинению в воображаемых заговорах, а обладание изящной виллой или хорошо устроенным имением считалось убедительным доказательством виновности[93]. Преторианцы, которые так долго унижали величие Рима, стали охранять его, а так как эти надменные войска сознавали упадок своего влияния, то они, естественно, были расположены соединить свои силы с авторитетом сената. Диоклетиан своими благоразумными мерами незаметным образом уменьшил число преторианцев, уничтожил их привилегии[94] и заменил их двумя преданными ему иллирийскими легионами, которые под новым именем юпитерцев и геркулианцев исполняли обязанности императорской гвардии[95]. Но самый гибельный, хотя и малозаметный удар, нанесенный сенату Диоклетианом и Максимианом, заключался в неизбежных последствиях постоянного отсутствия императоров. Пока императоры жили в Риме, это собрание могло подвергаться угнетению, но едва ли можно было относиться к нему с полным пренебрежением. Преемники Августа были достаточно могущественны, чтобы вводить такие законы, какие внушала им их мудрость или их прихоть, но эти законы вступали в силу благодаря санкции сената. В его совещаниях и в его декретах соблюдались формы древних свободных учреждений, а благоразумные монархи, относившиеся с уважением к предрассудкам римского народа, были в некоторой мере вынуждены так выражаться и так себя держать, как это подобало полководцу республики и ее высшему сановнику. Но среди армий и в провинциях они держали себя с достоинством монархов, и лишь только они выбрали для себя постоянное местопребывание вдалеке от столицы, они навсегда отложили в сторону

то притворство, которое Август рекомендовал своим преемникам. В пользовании как законодательной, так и исполнительной властью монарх стал совещаться со своими министрами, вместо того чтобы спрашивать мнение великого национального совета. Название сената упоминалось с уважением до самого последнего периода империи, и тщеславию его членов еще льстили разными почетными отличиями[96], но это собрание, так долго бывшее источником власти и ее орудием, мало-помалу впало в окруженное почетом забвение. Утратив всякую связь и с императорским двором, и с новыми учреждениями, римский сенат оставался на Капитолийском холме почтенным, но бесполезным памятником древности.

Когда римские монархи потеряли из виду и сенат, и свою древнюю столицу, они легко позабыли происхождение и свойство власти, которой они были облечены. Гражданские обязанности консула, проконсула, цензора и трибуна, из взаимного сочетания которых составилась эта власть, напоминали народу о ее республиканском происхождении. Эти скромные титулы были отложены в сторону[97], и если монархи обозначали свое высокое положение названием "император" - Imperator, то это слово понималось в новом и более возвышенном значении: оно уже означало не полководца римских армий, а владыку Римской империи. К названию "император", которое вначале имело чисто военный характер, присоединили другое название, в котором более ярко выражалась рабская зависимость. Эпитет Dominus, или господин, в своем первоначальном значении выражал не власть государя над его подданными и не власть начальника над его солдатами, а деспотическую власть господина над его домашними рабами[98]. В этом отвратительном смысле понимали его первые цезари и потому с негодованием отвергали его. Их сопротивление мало-помалу ослабело, самое название стало казаться менее отвратительным, и наконец выражение "наш господин и император" стало употребляться не одними только льстецами, а было внесено в законы и в официальные документы. Такие высокие эпитеты могли удовлетворять самое надменное тщеславие, и, если преемники Диоклетиана отклоняли титул царя, это, как кажется, было результатом не столько их умеренности, сколько разборчивости их вкуса. Повсюду, где был в употреблении латинский язык (а он был правительственным языком на всем про-

странстве империи), императорский титул, исключительно принадлежавший римским монархам, внушал более уважения, нежели титул царя, который им пришлось бы разделять с множеством варварских вождей и который они во всяком случае должны бы были заимствовать от Ромула или от Тарквиния. Но на Востоке господствовали другие понятия, чем на Западе. С самого раннего периода истории азиатские монархи прославлялись на греческом языке под титулом Basileus, или царь; а так как этот титул считался в тех странах самым высоким отличием, какое существует между людьми, то его скоро стали употреблять раболепные жители восточных провинций в униженных просьбах, с которыми они обращались к римским императорам[99]. Диоклетиан и Максимиан даже присвоили себе атрибуты или, по меньшей мере, титулы божества и передали их своим преемникам - христианским императорам[100]. Впрочем, эти вычурные названия скоро утратили всякий смысл, а вместе с тем и то, что в них отзывалось нечестием, потому что, когда слух свыкается с этими звуками, они перестают производить впечатление и кажутся не более как неопределенными, хотя и преувеличенными изъявлениями уважения.

Со времен Августа до времен Диоклетиана римские государи вели бесцеремонное знакомство со своими согражданами, которые относились к ним точно с таким же уважением, каким пользовались сенаторы и высшие должностные лица. Их главное отличие заключалось в императорской или военной пурпурной мантии, тогда как сенаторское одеяние было обшито широкой тесьмой или каймой того же цвета, а одеяние всадников было обшито каймой более узкой. Из гордости или, скорее, из политических соображений хитрый Диоклетиан ввел при своем дворе такую же пышность и великолепие, какими окружали себя персидские монархи[101]. Он имел смелость украсить себя диадемой, которую римляне ненавидели, как ненавистное отличие королевского достоинства, и в употреблении которой винили Калигулу как в самом отчаянном сумасбродстве. Это было не что иное, как широкая белая повязка, усеянная жемчужинами и обвивавшая голову императора. Великолепные одеяния Диоклетиана и его преемников были из шелка и золота, и публика с негодованием замечала, что даже их обувь была усыпана самыми дорогими каменьями. Доступ

к их священной особе становился с каждым днем более затруднительным вследствие введения небывалых формальностей и церемоний. Входы во дворец строго охранялись различными классами (их называли тогда *школами*) офицеров. Внутренние апартаменты были поручены недоверчивой бдительности евнухов, увеличение числа и влияния которых было самым несомненным признаком усиления деспотизма. Когда кто-нибудь из подданных был наконец допущен в присутствие императора, он должен был, какого бы он ни был ранга, пасть ниц и воздать, согласно с восточными обычаями, божеские почести своему господину и повелителю[102]. Диоклетиан был человек с умом и как в своей частной жизни, так и на государственном поприще он составил себе верное понятие как о себе самом, так и о человеческом роде, и мы никак не можем допустить, чтобы, заменяя римские обычаи персидскими, он руководствовался таким низким мотивом, как тщеславие. Он, несомненно, льстил себя надеждой, что блестящая внешняя обстановка поработит воображение народа, что монарх, недоступный для взоров толпы, будет лучше огражден от грубого народного и солдатского своеволия и что привычка к покорности незаметно перейдет в чувство благоговения. Точно так же как и притворная скромность Августа, пышность Диоклетиана была театральным представлением; но следует сознаться, что в первой из этих двух комедий было более благородства и истинного величия, чем во второй. Одна из них имела целью прикрывать, а другая - выставлять напоказ неограниченную власть монарха над всей империей.

Выставка величия была первым принципом новой системы, введенной Диоклетианом. Ее вторым принципом было разделение власти. Он разделил на части империю и провинции и каждую отрасль как гражданской, так и военной администрации. Он умножил число колес правительственной машины и тем сделал ее движения менее быстрыми, но более надежными. Каковы бы ни были выгоды или невыгоды, проистекавшие из этих нововведений, они должны быть в очень значительной мере приписаны их первому изобретателю; но так как новая система государственного устройства была мало-помалу улучшена и доведена до совершенства при следующих императорах, то мы считаем более уместным отло-

жить ее рассмотрение до той поры, когда она достигла полной зрелости и совершенства[103]. Поэтому, откладывая до царствования Константина более точное описание заново организованной империи, мы теперь ограничимся описанием главных и характерных особенностей плана, начертанного рукой Диоклетиана.

Он разделил пользование верховной властью с тремя соправителями; а так как он был убежден, что дарований одного человека недостаточно для охранения общественной безопасности, то он считал совокупное управление четырех монархов не временной мерой, а основным законом конституции. Он предполагал, что два старших монарха будут отличаться употреблением диадемы и титулами *Августа*; что, руководствуясь в своем выборе или личным расположением, или уважением, они будут всегда назначать в качестве своих помощников двух подчиненных им соправителей и что *Цезари*, возвышаясь в свою очередь до высшего ранга, образуют непрерывный ряд императоров. Империю он разделил на четыре части. Восток и Италия считались самыми почетными уделами, а управление придунайскими и прирейнскими провинциями считалось самой тяжелой задачей. Первые имели право на личное присутствие *Августов*, а последняя вверялись *Цезарям*. Вся сила легионов находилась в руках четырех соправителей, и трудность победы над четырьмя могущественными соперниками была способна заглушить честолюбивые надежды всякого предприимчивого полководца.

В сфере гражданского управления предполагалось, что императоры пользуются неразделенной властью монарха, а их эдикты, подписанные их четырьмя именами, принимались во всех провинциях как обнародованные с их общего согласия и в силу их общего авторитета. Однако, несмотря на все эти предосторожности, политическое единство римского мира мало-помалу расшатывалось, и в него проник тот принцип разделения власти, который по прошествии немногих лет сделался причиной окончательного отделения Восточной империи от Западной.

Система Диоклетиана породила другую очень важную невыгоду, которую даже теперь мы не можем оставить без внимания, а именно увеличение расходов на управление и, вследствие того, увеличение налогов и угнетения народа. Вместо скромной домашней обстановки, в которой не было

другой прислуги, кроме рабов и вольноотпущенных, но которой довольствовалось безыскусственное величие Августа и Траяна, были организованы в различных частях империи три или четыре великолепных двора, и столько же римских царей соперничали и друг с другом, и с персидским монархом из-за тщеславного превосходства в блеске и пышности. Число министров, должностных лиц, офицеров и низших служителей, наполнявших различные департаменты государственного управления, никогда еще не было так велико, а (если нам будет дозволено выразиться живописным языком одного современного писателя) "когда число тех, кто получает, стало превышать число тех, кто платит, провинции стали изнемогать под бременем налогов"[104]. С этого периода и вплоть до окончательного разрушения империи не трудно проследить непрерывный ряд громких протестов и жалоб. Каждый писатель, сообразно со своими убеждениями и с своим положением, избирал предметом своих сатирических нападок или Диоклетиана, или Константина, или Валента, или Феодосия; но все они единогласно отзывались о бремени государственных налогов, и в особенности о податях поземельной и подушной, как о невыносимом и постоянно возраставшем бедствии, составлявшем отличительную особенность их времени. Когда беспристрастный историк, обязанный извлекать истину как из сатир, так и из панегириков, прислушивается к этим единогласным мнениям, он готов признать одинаково достойными порицания всех государей, на которых нападают те писатели, и готов приписать их вымогательства не столько их личным порокам, сколько однообразной системе их управления. Настоящим творцом этой системы был Диоклетиан, но в течение его царствования зарождавшееся зло не выходило за пределы умеренности и благоразумия, и он заслуживает порицания не столько за угнетение своих подданных, сколько за поданный им пагубный пример[105]. К этому следует присовокупить, что он распоряжался государственными доходами с благоразумной бережливостью и что, за покрытием всех текущих расходов, в императорской казне всегда оставались значительные суммы как на щедрые императорские милости, так и на непредвиденные государственные нужды.

На двадцать первом году своего царствования Диоклетиан привел в исполнение свое намерение отречься от престола -

поступок, которого можно бы было ожидать скорее от старшего или от младшего Антонина, нежели от такого государя, который никогда не руководствовался поучениями философии ни в том, как он достиг верховной власти, ни в том, как он ею пользовался. Диоклетиану принадлежит та честь, что он дал всему миру первый пример отречения[106], который не часто находил подражателей между монархами позднейших времен. Впрочем, нашему уму, естественно, представляется по этому поводу сравнение с Карлом Пятым не потому только, что красноречие одного из новейших писателей сделало это имя столь хорошо знакомым английскому читателю, но и потому, что мы замечаем поразительное сходство между характерами двух императоров, политические дарования которых были выше их военного гения и отличительные достоинства которых были не столько даром природы, сколько плодом искусства. Отречение Карла Пятого, как кажется, было вызвано превратностями фортуны: неудача в исполнении его любимых планов побудила его отказаться от власти, которую он находил неудовлетворительной для своего честолюбия. Напротив того, царствование Диоклетиана ознаменовалось непрерывным рядом успешных предприятий, и он стал серьезно помышлять об отречении от престола, как кажется, лишь после того, как он восторжествовал над всеми своими врагами и привел в исполнение все свои предначертания. Ни Карл Пятый, ни Диоклетиан еще не достигли глубокой старости, когда отказались от верховной власти, так как первому из них было только пятьдесят пять лет, а второму не более пятидесяти девяти; но их деятельная жизнь, их войны, путешествия, государственные заботы и деловые занятия расстроили их здоровье, и они преждевременно познакомились с недугами старческой дряхлости[107].

Несмотря на суровость очень холодной и дождливой зимы, Диоклетиан покинул Италию вскоре после церемонии своего триумфа и направился на восток через иллирийские провинции. От дурной погоды и от усталости он впал в изнурительную болезнь, и, несмотря на то что он делал лишь небольшие переезды и что его постоянно несли в закрытых носилках, когда он достиг в конце лета Никомедии, его нездоровье сделалось весьма серьезным и опасным. В течение всей зимы он не выходил из своего дворца, его опасное положение внушало общее и непритворное участие, но народ мог узнавать о

происходивших в его здоровье переменах лишь по тем выражениям радости или отчаяния, которые он читал на лицах придворных. В течение некоторого времени упорно держался слух о его смерти, и многие думали, что ее скрывают с целью предотвратить беспорядки, которые могли бы возникнуть в отсутствие цезаря Галерия. Впрочем, в день 1 марта Диоклетиан показал себя народу, но таким бледным и истощенным, что его с трудом могли бы узнать даже те, кому была хорошо знакома его наружность. Наконец пора было положить конец тяжелой борьбе, которую он выносил более года, разделяя свое время между заботами о своем здоровье и исполнением своего долга; здоровье требовало ухода и покоя, а чувство долга заставляло его руководить среди физических страданий управлением великой империи. Поэтому он решился провести остаток своих дней в почетном покое, сделать свою славу недосягаемой для превратностей фортуны и предоставить мировую сцену действия своим более молодым и более бодрым соправителям[108].

Церемония отречения совершилась на обширной равнине почти в трех милях от Никомедии. Император взошел на высокий трон и в речи, полной здравого смысла и достоинства, объявил о своем решении и народу и солдатам, собравшимся по этому чрезвычайному случаю. Лишь только он сложил с себя пурпуровую мантию, он удалился от взоров толпы и, проехав через город в закрытом экипаже, немедленно отправился в Далмацию, на свою родину, которую он избрал местом своей уединенной жизни. В тот же день, то есть 1 мая[109], Максимиан, в исполнение предварительного уговора, отказался от императорского достоинства в Милане. Еще в Риме, среди пышности своего триумфа, Диоклетиан помышлял об отречении от верховной власти. Он уже в ту пору позаботился о том, чтобы не встретить противодействия со стороны Максимиана: по его настоянию Максимиан дал ему или общее обещание подчинять свои действия воле своего благодетеля, или специальное обещание отказаться от престола, лишь только Диоклетиан этого потребует или подаст ему пример. Хотя это обязательство было подтверждено торжественной клятвой перед алтарем Юпитера Капитолийского[110], оно едва ли могло служить серьезным стеснением для высокомерного Максимиана, который страстно любил власть и который не искал ни покоя в этой жизни, ни славы в буду-

щей. Но он, хотя и неохотно, подчинился влиянию, которое имел на него более благоразумный сотоварищ, и немедленно вслед за отречением Диоклетиана удалился на одну виллу в Лукании, где он, при своей неусидчивости, конечно, не мог найти прочного спокойствия.

Диоклетиан, возвысившийся из своего рабского происхождения до престола, провел последние девять лет своей жизни частным человеком. Рассудок внушил ему намерение отказаться от власти, и он не раскаивался в этом, живя в уединении и пользуясь уважением тех монархов, которым он передал всемирное владычество[11]. Редко случается, чтобы человек, в течение долгого времени употреблявший свои умственные способности на занятие государственными делами, был способен оставаться наедине с самим собой; отсутствие занятий обыкновенно является главной причиной его сожалений об утраченной власти. Занятия литературой или делами благочестия, доставляющие столько ресурсов в уединенной жизни, не могли иметь привлекательности для Диоклетиана; но он сохранил или по меньшей мере снова почувствовал расположение к самым невинным и самым натуральным удовольствиям: его часы досуга были достаточно заняты постройками, разведением растений и садоводством. Его ответ Максимиану заслуживает той славы, которую он приобрел. Этот неугомонный старик упрашивал его снова взять в свои руки бразды правления и облечься в пурпуровую мантию. Он отверг это предложение с улыбкой соболезнования и спокойно прибавил, что, если бы он мог показать Максимиану капусту, посаженную его собственными руками в Салоне, его перестали бы упрашивать отказаться от наслаждения счастьем для того, чтобы гоняться за властью[12]. В беседах с друзьями он нередко сознавался, что из всех искусств самое трудное искусство - царствовать, и он обыкновенно выражался об этом любимом предмете разговоров с таким жаром, который может проистекать только из опытности. Как часто случается (говаривал он), что личные интересы четырех или пяти министров побуждают их войти между собой в соглашение, чтобы обманывать своего государя! Будучи отделен от всего человеческого рода своим высоким положением, он не в состоянии узнать правду; он может видеть только их глазами, и он ничего не слышит, кроме того, что они сообщают ему в искаженном виде. Он поручает самые высшие должно-

сти людям порочным и неспособным и удаляет самых добродетельных и самых достойных из своих подданных. Путем таких-то низких ухищрений (прибавлял Диоклетиан) самые лучшие и самые мудрые монархи делаются орудиями продажной безнравственности своих царедворцев[113]. Верное понятие об истинном величии и уверенность в бессмертной славе увеличивают в наших глазах привлекательнось уединения; но римский император играл такую важную роль в мире, что он не мог без помехи наслаждаться комфортом и спокойствием частной жизни. Он не мог не знать, какие смуты волновали империю после его отречения, и не мог оставаться равнодушным к их последствиям. Опасения, заботы и неприятности нередко нарушали его спокойную жизнь в Салоне. Он был глубоко оскорблен в своих сердечных привязанностях или по меньшей мере в своей гордости теми несчастьями, которые постигли его жену и дочь, а его последние минуты были отравлены оскорблениями, от которых Лициний и Константин должны бы были избавить отца стольких императоров и главного виновника их собственного величия. Некоторые утверждали - впрочем, без достаточных на то доказательств, - будто он избежал преклонения перед их властью, добровольно лишив себя жизни[114].

Прежде чем покончить с описанием жизни и характера Диоклетиана, мы намерены остановить на минуту наше внимание на том месте, которое он избрал для своего уединения. Главный город его родины Далмации - Салона находился почти в двухстах римских милях (по измерению содержавшихся на счет государства больших дорог) от Аквилеи и границ Италии и почти в двухстах семидесяти милях от Сирмиума, служившего обычной резиденцией императоров, когда они посещали иллирийскую границу[115]. Жалкая деревушка до сих пор сохранила название Салоны; но еще в шестнадцатом столетии о ее прежнем великолепии свидетельствовали разбросанные в беспорядке обломки арок и мраморных колонн[116]. В шести или семи милях от города Диоклетиан построил великолепный дворец, и по величине этого сооружения мы можем судить о том, как давно он обдумывал свой план отречения от императорской власти. Не одно только пристрастие местного уроженца могло заставить Диоклетиана выбрать эту местность, соединявшую в себе все благоприятные условия для здоровья и для роскоши. Почва была там су-

хая и плодородная, воздух был чистый и здоровый, и, хотя летняя жара была очень сильной, туда редко проникали те душные и вредные для здоровья ветры, которые дуют на берегах Истрии и в некоторых частях Италии. Виды из дворца так же красивы, как привлекательны почва и климат. К западу от него лежат плодородные берега, которые тянутся вдоль Адриатического моря, а множество разбросанных маленьких островов придает в этом месте морю вид большого озера. К северу лежит залив, который вел к древнему городу Салоне, а местность, которая видна по ту сторону города, представляет приятный контраст с обширным водяным пространством, которое открывается перед глазами с юга и востока. К северу перспектива замыкается высокими неправильными горами, которые тянутся на приятном для глаз расстоянии и во многих местах покрыты деревнями, лесами и виноградниками[117].

Хотя Константин, по легко понятному мотиву, отзывается о дворце Диоклетиана с презрением[118], однако один из его преемников, видевший этот дворец в заброшенном состоянии, говорит с восторгом о его великолепии[119]. Это здание занимало пространство в девять или десять английских акров. Его форма была четырехугольная, и по его бокам возвышалось шестнадцать башен. Две его стороны имели почти по шестисот футов в длину, а другие две почти по семисот футов. Все здание было выстроено из превосходного плитняка, который добывался в соседних каменоломнях, близ Трау или Трагуция, и немногим уступал мрамору. Четыре улицы, пересекавшие одна другую под прямыми углами, разделяли различные части этого огромного здания, а перед входом в главные апартаменты был великолепный подъезд, который до сих пор носит название *Золотых Ворот*. Лестница вела в peristylium из гранитных колонн; по одну сторону от него находился четырехугольный храм Эскулапа, а по другую - восьмиугольный храм Юпитера. В последнем из этих богов Диоклетиан чтил виновника своей счастливой судьбы, а в первом - охранителя своего здоровья. Применяя к уцелевшим остаткам дворца архитектурные правила, преподанные Витрувием, мы приходим к убеждению, что различные его части, как-то: бани, спальня, *атриум*, *базилика*, залы кизикская, коринфская и египетская, были описаны с достаточной точностью или по меньшей мере с достаточным правдо-

подобием. Их формы были разнообразны, их размеры правильны, но в них поражают нас два недостатка, с которыми не могут примириться наши новейшие понятия об изяществе вкуса и удобствах. В этих великолепных апартаментах не было ни оконных рам, ни печей. Они освещались сверху (так как дворец, как кажется, был выстроен только в один этаж) и нагревались трубами, проведенными вдоль стен. Ряд главных апартаментов замыкался с юго-западной стороны портиком, который имел пятьсот семнадцать футов в длину и должно быть, служил чрезвычайно приятным местом для прогулок, когда к наслаждению открывавшимся оттуда видом присоединялось наслаждение произведениями живописи и скульптуры.

Если бы это великолепное здание было воздвигнуто в какой-нибудь безлюдной местности, оно, может быть, пострадало бы от руки времени, но, вероятно, не сделалось бы жертвой хищнической предприимчивости человека. Из его развалин возникли деревня Аспалаф[20] и, много времени спустя после того, провинциальный город Спалатро. *Золотые Ворота* ведут теперь к рыночной площади. Иоанн Креститель присвоил себе почести, которые прежде воздавались Эскулапу; а храм Юпитера обращен, под покровительством Пресвятой Девы, в кафедральный собор. Этими подробностями о дворце Диоклетиана мы более всего обязаны одному современному нам английскому артисту, который из похвальной любознательности проник внутрь Далмации[21]. Но мы имеем некоторое основание подозревать, что изящество его рисунков и гравюр преувеличило красоты тех предметов, которые он желал изобразить. Один из позднейших и весьма здравомыслящих путешественников уверяет нас, что громадные развалины в Спалатро свидетельствуют столько же об упадке искусства, сколько о величии Римской империи во времена Диоклетиана[22]. Если в действительности таково было низкое состояние архитектуры, то мы, естественно, должны полагать, что живопись и скульптура находились еще в более сильном упадке. Произведения архитектуры подчиняются немногим общим и даже механическим правилам. Но скульптура и в особенности живопись задаются целью изображать не только формы, существующие в природе, но также характеры и страсти человеческой души. В этих высоких искусствах ловкость руки не принесет большой пользы, если

эта рука не будет воодушевляться фантазией и если ею не будут руководить самый изящный вкус и наблюдательность.

Почти нет надобности доказывать, что внутренние раздоры и своеволие солдат, вторжения варваров и усиление деспотизма были весьма неблагоприятны для гения и даже для знания. Ряд иллирийских монархов восстановили империю, но не восстановили наук. Их военное образование не было рассчитано на то, чтобы внушать им любовь к литературе, и даже столь деятельный и столь способный к деловым занятиям ум Диоклетиана был совершенно лишен всяких научных или философских познаний. Профессии юристов и врачей удовлетворяют такой общей потребности и доставляют такую верную выгоду, что всегда будут привлекать к себе значительное число людей, обладающих в известной мере и способностями и знанием; но в описываемый нами период ни в одной из этих сфер деятельности не появилось ни одного знаменитого специалиста. Голос поэзии умолк. История превратилась в сухие и бессмысленные перечни событий, не представлявшие ничего ни интересного, ни поучительного. Вялое и приторное красноречие все еще состояло на жалованье у императоров, поощрявших только те искусства, которые содействовали удовлетворению их высокомерия или поддержанию их власти[123)]

Однако этот век упадка знаний и упадка человеческого рода ознаменовался возникновением и успешным распространением неоплатоников. Александрийская школа заставила умолкнуть школы афинские, и древние секты стали под знамя более модных наставников, привлекавших к своей системе новизною своего метода и строгостью своих нравов. Некоторые из этих наставников, как, например, Аммоний, Плотин, Амелий и Порфирий[124)] были одарены глубиною мысли и необыкновенным прилежанием, но так как они неправильно понимали настоящую цель философии, то их труды способствовали не столько усовершенствованию, сколько извращению человеческого разума. Неоплатоники пренебрегали и нравственными, и естественными, и математическими науками, то есть всеми теми познаниями, которые применимы к нашему положению и к нашим способностям; а между тем они истощали свои силы в спорах о метафизике, касавшихся лишь формы выражения, пытались проникнуть в тайны невидимого мира, старались примирить Аристотеля с Плато-

ном в таких вопросах, о которых оба эти философа имели так же мало понятия, как и все остальное человечество. В то время как они тратили свой рассудок на такие глубокие, но химерические размышления, их ум увлекался иллюзиями фантазии. Они воображали, что обладают искусством освобождать душу из ее темной тюрьмы; они уверяли, что находятся в близких сношениях с демонами и духами и таким образом превращали - путем весьма своеобразного переворота - изучение философии в изучение магии. Древние мудрецы осмеивали народные суеверия, а ученики Плотина и Порфирия, прикрыв сумасбродство этих суеверий легким покровом аллегорий, сделались самыми усердными их защитниками. Так как они сходились с христианами в некоторых таинственных пунктах их веры, то они напали на все остальные части их богословской системы с такой же яростью, с какой обыкновенно ведутся междоусобные войны[125]. Неоплатоники едва ли имеют право на то, чтобы им уделяли какое-либо место в истории человеческих знаний, но в истории церкви о них придется упоминать очень часто*).

---

1) Евтропий,IX, 19. Виктор in Epitom. Этот город, как кажется, назывался Doclia по имени одного небольшого иллирийского племени (см. Целлария Geograph. Antiqua, ч. 1, стр. 393), а первоначальное имя счастливого раба, вероятно, было Доклес; сначала он удлинил это имя, чтобы придать ему греческое благозвучие, и сделал из него Диоклеса, и наконец, чтобы придать ему величие в римском вкусе, сделал из него Диоклетиана. Он также присвоил себе аристократическое имя Валерия, которым его обыкновенно называет Аврелий Виктор.

2) См. Dacier о шестой сатире второй книги Горация. Корнел. Непот in Vit. Eumen., гл. 1. (Занятия публичных писцов (scribae) в Риме были те же, как и занятия наших актуариусов и регистраторов. Удовлетворительные сведения о них можно найти в Clav. Cicer. Эрнести и в трактате Эшенбаха De Scribis Romanorum. - Шрейтер .)

3) Лактанций (или тот, кто был автором небольшого трактата De Mortibus Persecutorum) в двух местах обвиняет Диоклетиана в робости , гл. 7, 8. В гл. 9 он говорит о нем: "Erat in omni tumultu meticulosus et animi disjectus".

4) В этой похвале Аврелий Виктор, как кажется, старается высказать косвенным образом порицание жестокости Констанция. Из Fasti видно, что Аристобул остался городским префектом и что он довер-

---

*) Эд. Гиббон дает здесь весьма тенденциозный и безапелляционный, но вполне типичный для эпохи Просвещения взгляд на неоплатонизм, ставший в науке XIX века своеобразным штампом. Ср. более сдержанные оценки неоплатонизма во 2-м томе. - *Примеч. ред.*

шил при Диоклетиане свое консульство, в которое вступил при Карине.

5) Аврелий Виктор называет Диоклетиана "Parentem potius quam dominum"*). См. Ист. эпохи Цезарей, стр. 30.

6) Новейшие критики не сходятся между собой в том, что касается времени, когда Максимиан получил титулы Цезаря и Августа; этот вопрос послужил поводом для горячих ученых споров. Я придерживался Тильемона (Histoire des Empereurs, ч. 4, стр. 500-505), который взвесил все резоны и все трудности со своей строгой аккуратностью. (Клинтон относит это время к 286 году, опираясь на Идация в Фастах и на других позднейших писателей. - Издат .)

7) В одной речи, произнесенной в его присутствии (Panegyr. Vet., 11).

8) Мамертин выразил сомнение, слышал ли когда-нибудь его герой имена Ганнибала и Сципиона, хотя и поступал, как они. Отсюда можно заключить, что Максимиан предпочитал, чтобы его считали солдатом, а не образованным человеком; таким-то образом мы нередко можем переводить язык лести на язык истины.

8) Лактанций de Mort. Persecut., гл. 8. Аврелий Виктор. Так как в Панегириках мы находим речи, произнесенные для прославления Максимиана, и другие речи, в которых льстят в ущерб ему его противникам, то мы извлекаем из этого контраста довольно ясное понятие об их отличительных свойствах.

9) См. второй и третий Панегирики, в особенности 111, 3, 10, 14; но было бы скучно цитировать многословные и приторные выражения этого фальшивого красноречия. Касательно титулов см. Аврелия Виктора, Лактанция de Mort. Persec., гл. 52, Шпангейма de Usu Numismatum etc., Диссерт. XII, 8. (См. также их монеты в D. Num. Vet. Экгеля, ч. 3. стр. 9-27. - Издат .)

10) Аврелий Виктор. Виктор in Epitome. Евтропий IX, 22. Лактанц. de M.P., гл. 8. Иероним in Chron.

11) Только у новейших греческих писателей Тильемон мог отыскать название Хлора. Даже слабую бледность едва ли можно согласовать с rubor (краснотой), о которой упоминается в Панегириках, V, 19.

12) Внук Констанция Юлиан хвастается своим происхождением от воинственных жителей Мезии. Misopogon, стр. 348. Дарданы жили на окраинах Мезии.

13) Галерий женился на дочери Диоклетиана Валерии; строго говоря, жена Констанция Феодора была дочь только жены Максимиана. Шпангейм, Dissert., XI, 2. (Максимиан был женат на вдове, носившей имя Галерии Валерии Евтропии; неизвестно, кто был ее первый муж, отец Феодоры. Экгель, D. Num. Vet., VIII, 33. - Издат .)

14) Это разделение согласуется с разделением четырех префектур; однако есть основание сомневаться, не была ли Испания в числе провинций, подвластных Максимиану. См. Тильемона, ч. 4, стр. 517.

15) Юлиан in Caesarib., стр. 315. Примечания Шпангейма к французскому переводу, стр. 122.

16) Общее название багаудов (в смысле бунтовщиков) употреблялось в Галлии до пятого столетия. Некоторые критики производят его от кельтского слова bagad - шумного сборища. Скалигер ad Euseb. Дюканж, Glossar.

---

*) Скорее подданный, нежели господин. - *Пер. ред.*

17) Chronique de Froissart, ч. 1, гл. 182; II, 73-79. Наивность этой истории теряется в сочинениях наших лучших новейших писателей.
18) Цезарь, de Bello Gallico, VI, 13. Оргеторикс, который был родом из Гельвеции, мог вооружить для своей защиты отряд из десяти тысяч рабов.
19) Евмений (Panegyr. VI, 8) признает, что они терпели угнетения и нужду: Gallias afferatas injuriis. (См. Нибура Чтения, ч. 3, стр. 332. Англ. перевод. - Издат .)
20) Panegyr. Vet., II, 4. Аврелий Виктор.
21) Элиан и Аманд. До нас дошли вычеканенные по их приказанию медали. Гольтций in Thes. R.A., стр. 117, 121.
22) Levibus proeliis domuit. Евтроп., IX, 20.
23) Этот факт подтверждается весьма слабым авторитетом - Жизнеописанием св. Баболина, принадлежащим, по всей вероятности, к седьмому столетию. См. Дюшена Scriptores Rer. Francic., ч. 1, стр. 662.
24) Аврелий Виктор называет их германцами. Евтропий (IX, 21) дает им название саксов. Но Евтропий жил в следующем столетии и, как кажется, употреблял выражения своего собственного времени.
25) Три выражения, принадлежащие Евтропию, Аврелию Виктору и Евмению, - vilissime natus, Bataviae alumnus и Menapiae civis - дают нам очень неясное понятие о происхождении Караузия. Однако д-р Стукели (Ист. Караузия, стр. 62) говорит, что он был родом из Сен-Давида и происходил от британского королевского рода. Первое из этих мнений он заимствовал от Ричарда Чиренчестера, стр. 44. (Менапии жили между Шельдой и Маасом, в северной части Брабанта. Анвилль, Geogr. Anc., ч. 1, стр. 93. - Гизо)
26) Panegyr., V, 12. В эту эпоху Британии не угрожала никакая опасность, и она слабо была охраняема.
27) Panegyr. Vet., V, II; VII, 9. Оратор Евмений старался увеличить заслугу своего героя (Констанция), преувеличивая значение этого завоевания. Несмотря на наше пристрастие к нашей родине, мы не можем допустить, чтобы Англия была в начале четвертого столетия достойна всех этих похвал. За полтора столетия перед тем она едва ли покрывала расходы на свое управление. См. Аппиан in Proem.
28) До нас дошло множество медалей Караузия; сам он сделался любимым предметом археологических изысканий, и все подробности его жизни и все его деяния были исследованы с самой внимательной аккуратностью, а д-р Стукели посвятил объемистый волюм жизнеописанию британского императора. Я пользовался от него материалами, но отвергал большую часть его фантастических догадок.
29) Когда Мамертин произносил свой первый панегирик, морские приготовления Максимиана были окончены и оратор предсказывал верную победу. Во втором панегирике он не говорит ни слова об этой экспедиции, и одного этого молчания достаточно, чтобы убедить нас, что экспедиция была неудачна.
30) Аврелий Виктор, Евтропий и медали (Pax Augg.) знакомят нас с этим временным примирением; но я не берусь приводить самый текст мирного договора, как это сделал д-р Стукели в своей "Нумизматической истории Караузия", стр. 86 и пр. (Экгель описал много

медалей Караузия и его предполагаемой супруги Ориуны, VII, 42-49. - Издат .)

31) Касательно воссоединения Британии с империей мы находим некоторые сведения у Аврелия Виктора и у Евтропия.

32) Иоанн Малала in Chron. Antiochen., ч. 1, стр. 408, 409.

33) Зосим, кн. 1 стр. 3. Этот пристрастный историк, по-видимому, старается восхвалять бдительность Диоклетиана с намерением выставить в ярком свете небрежность Константина; но вот что говорит один оратор: "Nam quid ego alarum et cohortium castra percenseam, toto Rheni et Istri et Euphratis limite restituta". Panegyr. Vet., IV, 18.

34) "Ruunt omnes in sanguinem suum populi, quibus non contiget esse Romanis, obitinataeque feritatis poenas nunc sponte persolvunt". Panegyr. Vet., VIII, 16. Мамертин подтверждает этот факт примерами почти всех наций земного шара.

35) Он выражал сожаление, которое, впрочем, было не вполне основательно: "Iam fluxisse annos quindecim, in quibus, in Illirico, ad ripam Danubii relegatus cum gentibus barbaris luctaret". Лактанций, de Mort. Persecut., гл. 18.

36) В греческом тексте Евсевия сказано шесть тысяч; я предпочел это число шестидесяти тысячам, о которых говорят Иероним, Орозий, Евтропий и его греческий переводчик Пений.

37) Panegyr. Vet., VII, 21.

38) В окрестностях Трира было поселение сарматов, которое, как кажется, было покинуто этими склонными к праздности варварами; Авзоний говорит о них в своей поэме "Mosella":

Unde iter ingrediens nemorosa per avia solum,
Et nulla humani spectans vestigia cultus,
....
Arvaque Sauromatum nuper metata colonis.

В Нижней Мезии был город, населенный карпами. (Можно сомневаться в том, что отряды сарматов когда-либо проникали так далеко на запад.. Их имя употребляется неопределенно даже и историками, а поэты нередко употребляют его только ради рифмы, как, например, Овидий (Tristia, 5, 7, 56); поэтому его случайное употребление не может служить доказательством, в особенности когда речь идет о таких фактах, которые уже сами по себе неправдоподобны. - Издат .)

39) См. написанные риторским слогом похвалы Евмения. Panegyr. VII, 9.

40) Скалигер (Animadvers. ad Euseb., стр. 243) своим обычным способом решил, что quinque gentiani, или пять африканских наций, были не что иное, как пять больших городов ни для кого не опасной Киренской провинции.

41) После своего поражения Юлиан вонзил в себя меч и бросился в огонь. Виктор in Epitome.

42) Tu ferocissimos Mauritaniae populos, inaccessis montium jugis et naturali munitione fidentes, expugnasti recepisti, transtulisti. Panegyr. Vet., VI., 8.

43) См. описание Александрии у Гиртия, de Bello Alexandrin., гл. 5.

44) Евтропий, IX, 24. Орозий, VII, 25. Иоанн Малала in Chron.

Antioch., стр. 409, 410. Однако Евмений уверяет нас, что спокойствие было восстановлено в Египте благодаря милосердию Диоклетиана.
45) Евсевий (In Chron.) говорит, что они были разрушены несколько ранее и в такое время, когда Египет был в восстании против римлян.
46) Страбон, кн. 17, стр. 1, 172. Помпоний Мела, кн. 1, гл. 4. Интересны его собственные выражения: "Intra, si credere libet, vix homines, magisque semiferi; Aegipanes, et Blemmyes, et Satyri".
47) Ausos sese inserere fortunae et provocare arma Romana.
48) См. Прокопия de Bello Persic., кн. 1, гл. 19.
49) Он определил раздачу хлеба народу в Александрии в два миллиона medimni, то есть почти в четыреста тысяч четвертей. Chronicon Paschale, стр. 276. Прокоп. Hist. Arcan., гл. 26.
50) Иоанн Антиох. In Excerp.; Валез., стр. 834. Суда, In Diocletian.
51) См. краткую историю и опровержение алхимии в произведениях философа-компилятора La Mothe le Vayer, ч. 1, стр. 327-353.
52) Касательно воспитания и физической силы Тиридата см. "Историю Армении" Моисея Хоренского, кн. 2, гл. 76. Он схватывал двух быков за рога и переламывал рога руками.
53) Если мы поверим Виктору Младшему, что в 323 г. Лицинию было только шестьдесят лет, то это не могла быть одна и та же личность с покровителем Тиридата; но нам известно из гораздо более верного источника (Евсев. Hist. Ecclesiast., кн. 10, гл. 8), что Лициний достиг в это время самого последнего периода старости, так как за шестнадцать лет перед тем он, судя по описаниям, имел седые волосы и был современником Галерия. См. Лактанц, гл. 32. Лициний, вероятно, родился около 250 г.
54) См. шестьдесят вторую и шестьдесят третью книги Диона Кассия.
55) Моисей Хоренский, Ист. Армении, кн. 2, гл. 74. Статуи были поставлены Валарзасом, который царствовал в Армении почти за сто тридцать лет до Р. Х. и был первый царь из дома Аршакидов. (См. Моисея Хоренского, Ист. Армении, кн. 2, 3). О причислении Аршакидов к богам упоминают Юстин (XLI, 5) и Аммиан Марцеллин (XXIII, 6).
56) Армянская аристократия была многочисленна и могущественна. Моисей упоминает о нескольких родах, которые славились в царствование Валарзаса (кн. 2, 7) и которые еще существовали в его собственное время, почти в половине пятого столетия. См. предисловие его издателей.
57) Она называлась Хосроидухта и не имела, как у других женщин, os patulum.(Ист. Армении, кн. 2, гл. 79). Я не понимаю этого выражения. (Os patulum значит большой и широкий рот. Овидий (Metam., кн. XV, V, 513), говоря о чудовище, которое напало на Ипполита, замечает: "Patulo partem maris evomit ore". Вероятно, большой рот был общим недостатком армянских женщин. - Гизо). (Было бы более правильно, если бы мы приняли это выражение в иносказательном смысле, подобно тому как мы объясняем выражение Горация "rimosa auris". См. объяснение Уайстона. Серьезный епископ, восхваляющий скромность и кроткий характер молодой девушки, гораздо скорее поставил бы ей в заслугу ее молчаливость, нежели стал бы указывать на недостатки ее наружности. - Издат .)
58) Как в истории (кн. 2, 78), так и в географии Армении (стр. 367) Ки-

тай называется Зенией или Зенастаном. Его отличительными особенностями считают производство шелка, богатство народа и миролюбие, какого не встречается ни у какого другого народа на земле.
59) Первый император седьмой династии Ву-ти, царствовавший в то время в Китае, имел политические сношения с согдианской провинцией Ферганой и, как говорят, принимал посольство из Рима. (Ист. гуннов, ч. 1, стр. 38). В те времена китайцы держали гарнизон в Кашгаре, а один из их военачальников, незадолго до времен Траяна, доходил до Каспийского моря. Касательно сношений Китая с западными странами можно найти интересные сведения в записке г-на de Guignes, помещенной в Académie des Inscriptions, ч. 32, стр. 355.
60) См. Ист. Армении, кн. 2, гл. 18.
61) Ipsos Persas ipsumque Regem ascitis Saccis, et Russis, et Gellis, petit frater Ormies. Panegyr. V et., 111, 1. Сакки были племя кочевых скифов, обыкновенно живших неподалеку от устьев Окса и Яксарта. Геллы были обитатели Гиляна, жившие вдоль Каспийского моря и под именем дилемитов долго беспокоившие своими нашествиями Персидскую монархию. См. д'Ербело Bibliothèque Orientale.
62) Моисей Хоренский не упоминает об этой второй революции; сведения о ней я принужден был извлекать из одного места у Аммиана Марцеллина (кн. 23, гл. 5). Лактанций говорит о честолюбии Нарсе: "Concitatus domesticis exemplis avi sui Saporis ad occupandum orientem magnis copiis inhiabat". De Mort. Persecut., гл. 9.
63) Нам нетрудно понять, почему Лактанций приписывает образ действий Диоклетиана трусости. Юлиан говорит в своей речи, что Диоклетиан имел при себе все военные силы империи: это выражение слишком преувеличено.
64) Наши пятеро сократителей - Евтропий, Фест, два Виктора и Орозий - рассказывают об этой последней и великой битве; из них один только Орозий говорит о первых двух сражениях.
65) Природа этой страны очень хорошо описана Плутархом в жизнеописании Красса и Ксенофонтом в первой книге "Анабасиса".
66) См. диссертацию Фостера во второй части перевода "Анабасиса" Шпельмана, который я могу рекомендовать как один из самых лучших между всеми, какие существуют.
67) Ист. Армен., кн. 2, гл. 76. Вместо того чтобы отнести этот подвиг Тиридата к воображаемому поражению Галерия, я отнес его к действительному поражению.
68) Аммиан Марцеллин, кн. 14. Одна миля легко превратилась в несколько миль под пером Евтропия (IX, 24), Феста (гл. 25) и Орозия (VII, 25).
69) Аврелий Виктор. Иордан, de Rebus Geticis, гл. 21.
70) Аврелий Виктор говорит: "Per Armeniam in hostes contendit, quae ferme sola, seu facilior vincendi via est". Галерий придерживался образа действий Траяна и мысли Юлия Цезаря.
71) Ксенофонта "Анабасис", кн. 3. По этой-то причине персидская кавалерия и становилась лагерем в шестидесяти стадиях от неприятеля.
72) Этот анекдот рассказан Аммианом (кн. 22). Вместо saccum некоторые читают scutum.
73) Персы признали превосходство римлян как в нравственном отно-

шении, так и в военном деле. Евтроп., 11, 24. Но выражения такого уважения и признательности со стороны врагов очень редко встречаются в их собственных рассказах.

74) Подробности касательно этих переговоров заимствованы из отрывков Петра Патриция в Excerpta Legationum, напечатанных в византийской коллекции. Петр жил при Юстиниане, но по свойству его материалов ясно видно, что он заимствовал их у самых достоверных и самых почтенных писателей.

75) Adeo Victor (говорит Аврелий) ut ni Valerius, cujus nutu omnia gerebantur, abnuisset, Romani fasces in provinciam novam ferrentur. Verum pars terrarum tamen nobis utilior quaesita.

76) Он был губернатором Сумиа. (Петр Патриций in Excerpt Legat., стр. 30.) Об этой провинции, как кажется, упоминает Моисей Хоренский (Geograph., стр. 360); она лежала к востоку от горы Арарат.

77) Географ Птолемей по ошибке поместил Сингару не на берегах Аборы, а на берегах Тигра; вероятно, эта ошибка и ввела в заблуждение Петра Патриция, который считает границей империи последнюю из этих рек вместо первой. Пограничная черта римских владений пересекала Тигр, но никогда не следовала за его течением. (По поводу этого примечания Гизо указывает на некоторые ошибки Гиббона; но его поправки уничтожаются более точными сведениями, которые мы находим у Лэйяра в его последнем сочинении о Ниневии и Вавилоне. Абора, или, более правильно, Хабора, разделяется на два рукава: западный, или "настоящий", Хабур берет свое начало подле Раз-эль-Аина (т.е. верховья источника); подле вулканических возвышенностей Кукаба с ним соединяется восточный рукав, который прежде назывался Мигдонием, а теперь называется Еруером, а на одной из вливающихся в него речек стоит Низибир, известный в древности под именем Нисибина (стр. 234 и 308). Ксенофонт не переходил этой реки. Развалины Синжара, которые принимаются за Сингару римлян (стр. 249), находятся на большом оттуда расстоянии в направлении к востоку и отделяются от всех этих рек горным кряжем Беллед Сингара. Есть еще другой Хабур (стр. 61), который впадает в Тигр с востока и через который должен был переходить Ксенофонт, но о котором он вовсе не упоминает. Анвилль ошибочно предполагал, что это Центритис; это было название восточного Тигра, образовавшегося соединением вод Битлиса, Серта и Бахтана (стр. 63). Аракс, о котором говорит Ксенофонт, есть хорошо известная река, которая впадает в Каспийское море и которую теперь называют Аррасом (стр. 15). - ***Издат.***

78) Прокопий de Edificiis, кн. 2, гл. 6.

79) Все писатели согласны в том, что в числе уступленных провинций были следующие три: Забдицена, Арзанена и Кардуэна; но вместо двух остальных Петр Патриций (в Excerpt. Leg., стр. 30) называет Регимену и Софену. Я предпочел рассказ Аммиана (кн. 26, 7), потому что нетрудно доказать, что Софена никогда не была в руках персов - ни прежде царствования Диоклетиана, ни после царствования Иовиана. Вследствие недостатка в таких точных географических картах, какие находим у Анвилля, почти все новейшие писатели с Тильемоном и Валезием во главе воображали, что пять провинций находи-

лись по ту сторону Тигра относительно Персии, а не относительно Рима.

80) Ксенофонт, Анабасис, кн. 4. Их луки имели три локтя в длину, а их стрелы - два; они сбрасывали вниз камни, из которых каждый служил бы достаточной тяжестью для одной телеги. Греки нашли в этой грубой стране множество деревень.

81) По словам Евтропия (VI, 9, как значится в лучших рукописях), город Тигранокерта находился в Арзанене. Можно приблизительно указать имя и положение трех остальных.

82) Сравн. Геродота, кн. 1, гл. 97, с Моисеем Хоренским, Ист. Арм., кн. 2, гл. 84, и с планом Армении, приложенным издателями его сочинения.

83) Hiberi, locorum potentes, Caspia via Sarmatam in Armenios raptim effundunt. Тацит, Анналы, VI, 64. См. Страбона Географ., кн. 11, стр. 764.

84) Петр Патриций (в Excerpt. Leg., стр. 30) - единственный писатель, упоминающий о той статье трактата, которая касается Иберии.

85) Евсевий в Chron.; Паджи ad annum. До открытия трактата de Mortibus Persecutorum не было достоверно известно, что триумф и так называемые Vicennalia (торжество в честь вступления императоров в двадцатый год царствования) праздновались в одно и то же время.

86) Во время Vicennalia Галерий, как кажется, оставался на своем посту на Дунае. См. Лактанция de Mort. Persec., гл. 38. Клинтон полагает, что это были две отдельные церемонии, что триумф праздновался в 302 г., а Vicennalia - 20 ноября 303 г. Диоклетиан и Галерий вместе провели в Никомедии зиму 302 года.

87) Из слов Евтропия (IX, 27) можно заключить, что это семейство участвовало в триумфе. Но так как члены этого семейства были возвращены Нарсе, то могли быть выставлены только их изображения.

88) Ливий сообщает очень красноречивую и прочувствованную речь (V, 51-55), которая была произнесена Камиллом с целью воспротивиться перенесению местопребывания правительства из Рима в соседний город Вейи.

89) Юлия Цезаря упрекали в намерении перенести центр империи в Трою или в Александрию. См. Светония Caesar., гл. 79. По остроумному предположению Ле-Февра и Дасье, третья ода третьей книги Горация была написана с целью отклонить Августа от исполнения подобного намерения.

90) Аврелий Виктор упоминает также о зданиях, построенных Максимианом в Карфагене, вероятно, во время войны с маврами. Здесь будет уместно привести следующие стихи Авзония, de Clar. Urb., V:

Et Mediolani mira omnia; copia rerum;
Innumerae cultaeque domus; facunda virorum
Ingenia, et mores laeti, tum duplice muro
Amplificata loci species; populique voluptas
Circus; et inclusi moles cuneata Theatri.
Templa, Palatinaeque arces, opulensque Moneta,
Et Regio Herculei celebri sub honore lavacri.
Cunctaque, marmoreis ornata Perystyla signis;
Moeniaque in valli formam circumdata labro,

Omnia quae magnis operum velut aemula formis
Excellunt: nec juncta premit vicinia Romae.

91) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 17. Либаний, Orat., VIII, стр. 203.

92) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 17. В подобном случае Аммиан говорит, что dicacitas plebis не очень приятна для императорского слуха (см. кн. 16, гл. 10).

93) Лактанций обвиняет Максимиана в том, что он уничтожил fictis criminationibus lumina senatus (De Mort. Pers., гл. 8). Аврелий Виктор выражает сомнение в верности Диоклетиана своим друзьям.

94) Truncatae vires urbis, imminuto praetoriarum cohortium, atque in armis vulgi numero. Аврелий Виктор. По словам Лактанция, Галерий приводил в исполнение такой же план (гл. 26).

95) Это были старые отряды, стоявшие в Иллирии, и по старому обыкновению каждый из них состоял из шести тысяч человек; они приобрели известность тем, что употребляли plumbata, то есть стрелы, наполненные свинцом. Каждый солдат имел по пяти таких стрел и метал их на значительное расстояние с большой силой и ловкостью. См. Вегеция, 1, 17.

96) См. Кодекс Феодосия (кн. 6, гл. 2) с комментариями Годефруа.

97) См. двенадцатую диссертацию в прекрасном сочинении Шпангейма "De Usu Numismatum". При помощи медалей, надписей и исторических сочинений он рассматривает каждый из этих титулов отдельно и рисует его историю от времен Августа до момента его исчезновения.

98) Плиний (Panegyr., гл. 3, 55 и сл.) говорит о dominus с отвращением как о синониме тирана и как о названии несовместном со словом "монарх". Но тот же самый Плиний постоянно дает этот титул (в десятой книге своих писем) добродетельному Траяну, который был скорее его другом, чем господином. Это странное противоречие приводит в замешательство и комментаторов, которые умеют думать, и переводчиков, которые умеют писать.

99) Синезий, de Regno, изд. Петау, стр. 15 Я обязан этой цитатой аббату де ла Блетери.

100) См. Ван-Даля de Consecratione, стр. 354 и пр. Императоры имели обыкновение упоминать (в предисловии к законам) о своем божеском величии, священном достоинстве, божественных оракулах и пр. По словам Тильемона, Григорий Назианзин горько жаловался на такое поругание святыни, в особенности когда этими титулами пользовался арианский император.

101) См. Шпангейма "De Usu Numismat"., диссерт. 12. (Мало историков, которые охарактеризовали бы более философским образом влияние новых учреждений, чем Гегевич в своем сочинении "Исторический очерк римских финансов", из которого мы заимствуем следующий отрывок (нем. изд., стр. 249): "Во времена республики, когда консулы, преторы и другие высшие должностные лица являлись в публичном месте для исполнения своих служебных обязанностей, их высокое достоинство узнавалось и по тем отличиям, которые были освящены обычаями, и по той блестящей свите, которая сопровождала их. Но это достоинство составляло принадлежность должности, а не индивидуума; эта пышная обстановка окружала сановника, а не человека... Консул, отправлявшийся в комиции в сопровожде-

нии всего сената, преторов, квесторов, эдилов, ликторов, судебных приставов и глашатаев, по возвращении домой пользовался ухаживанием лишь со стороны вольноотпущенных и своих рабов. Первые императоры довольствовались этим. Тиберий не имел для своих личных услуг никого, кроме небольшого числа рабов и вольноотпущенных (Тацит, Анналы, IV, 27)... Но по мере того, как республиканские формы исчезали одна вслед за другой, все более и более обнаруживалась склонность императоров окружать свою особу пышностью... Восточное великолепие и восточные церемонии были формально введены при Диоклетиане, а Константин окончательно упрочил это нововведение. Дворцы, мебель, стол, свита - все это отличало императора от его подданных еще более, нежели его высокое звание... Организация, которую Диоклетиан ввел при своем дворе, придавала менее почестей и отличий служебным заслугам, чем услугам, которые оказывались членам императорского семейства". - Гизо.

102) Аврелий Виктор. Евтропий, IX, 26. Из панегириков видно, что римляне скоро освоились с названием и с церемонией обоготворения.

103) Указания о нововведениях Диоклетиана мы вывели главным образом: во - 1-х, из некоторых очень выразительных мест у Лактанция, и во - 2-х, из новых и разнообразных должностей, о которых говорится в Кодексе Феодосия как о таких, которые уже считались учрежденными в начале царствования Константина.

104) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 7.

105) Indicta lex nova quae sane illorum temporum modestia tolerabilis, in perniciem processit. Аврелий Виктор судил о характере Диоклетиана как здравомыслящий человек, но выражался плохим латинским языком.

106) Solus omnium, post conditum Romanum Imperium, qui ex tanto fastigio sponte ad privatae vitae statum civilitatemque remearet. Евтроп., IX, 28.

107) Подробности путешествия и болезни заимствованы у Лактанция (гл. 17), который может иногда служить авторитетом для фактов из общественной жизни, но очень редко для анекдотов из частной жизни.

108) Отречение, которое объясняли столь разнообразными мотивами, приписывается Аврелием Виктором двум причинам: 1) презрению Диоклетиана к честолюбию и 2) его опасениям предстоящих смут. Один из панегиристов (VI, 9) указывает на возраст и на недуги Диоклетиана как на весьма естественную причину его удаления от дел.

109) Все затруднения и все заблуждения касательно определения года и дня, в которые состоялось отречение Диоклетиана, прекрасно выяснены Тильемоном (Hist. des Empereurs, ч. 4, стр. 525, примеч. 10) и Пажи ad annum.

110) См. Panegyr. Veter., VI, 9. Речь была произнесена после того, как Максимиан снова принял императорское звание.

111) Евмений чрезвычайно восхваляет его: "At enim divinum illum virum, qui primus imperium et participavit et posuit, consilii et facti sui non poenitet; nec amisisse se putat quod sponte transcripsit. Felix

beatusque vere quem vestra, tantorum principum, colunt obsequia privatum". Panegyr. Vet., VII, 15.

112) Мы обязаны Виктору Младшему знакомством с этими знаменитыми словами. Евтропий передает то же в более общих выражениях.

113) Ист. эпохи Цезарей, стр. 223, 224. Вописк узнал об этом разговоре от своего отца.

114) Виктор Младший слегка упоминает об этом слухе. Но так как Диоклетиан не расположил к себе могущественную и торжествующую партию, то ему приписывали всякого рода преступления и несчастья. Так, например, утверждали, будто он умер в припадках бешенства и сумасшествия, что он был осужден римским сенатом как преступник и пр.

115) См. Itinerar., стр. 269, 272, изд. Весселя.

116) Аббат Фортис в своем Viaggio in Dalmazia, стр. 43 (изданном в Венеции в 1774 г. в двух маленьких волюмах in 4o) цитирует рукописный рассказ о древностях Салоны, написанный Джиамбаттистой Джиустиниани около половины шестнадцатого столетия.

117) "Древности Диоклетианова дворца в Спалатро" Адамса, стр. 6. Мы можем к этому присовокупить некоторые подробности, заимствованные от аббата Фортиса: в маленькой речке Гиадер, упоминаемой Луканом, водились отличные форели, которые, по мнению одного прозорливого писателя, вероятно бывшего монахом, и были главной причиной, заставившей Диоклетиана избрать эту местность для своего уединения (Фортис, стр. 45). Тот же автор (стр. 38) замечает, что в Спалатро снова развивается склонность к земледелию и что вблизи от города недавно устроена одним обществом ферма для производства опытов.

118) Константин, Orat. ad Coetum Sanct., гл. 25. В этой речи император или тот епископ, который сочинил ее для него, старается выставить жалкий конец всех тех, кто угнетал церковь.

119) Констант. Порфир., de Statu Imper., стр. 86.

120) Анвилль, Geographie Ancienne, ч. 1, стр. 162.

121) Адамс и Клариссо посетили Спалатро в июле 1757 г. в сопровождении двух рисовальщиков. Великолепное сочинение, которое было плодом их путешествия, было издано в Лондоне через семь лет после того.

122) Я приведу слова аббата Фортиса: "E bastvolmente nota agli amatori dell'architettura e dell' antichita, l'opera del signor Adams, che ha donato molto a que' superbi vestigi coll' abituale eleganza del suo toccalapis et del bulino in generale la rozzezza del scalpello, ell cattivo gusto del secolo vi gareggiano colla magnificenza del fabricato". См. Viaggio in Dalmazia, стр. 40.

123) Оратор Евмений был секретарем при императорах Максимиане и Константине и профессором риторики в Отёнской школе. Его жалованье состояло из шестисот тысяч сестерций, которые, по самой низкой сравнительной цене нашего времени, должны были превышать 3000 ф. стерл. годового дохода. Он был так великодушен, что испросил позволение употребить их на перестройку школы. См. его речь de Restaurandis Scholis, которая хотя и не лишена некоторого тщеславия, но все-таки способна примирить нас с его панегириками.

124) Порфирий умер незадолго до отречения Диоклетиана. Он сочи-

нил жизнеописание своего наставника Плотина, которое может дать нам самое удовлетворительное понятие о духе этой секты и о нравах ее преподавателей. Это чрезвычайно интересное сочинение помещено в "Bibliotheca Graeca" Фабриция, ч. 4, стр. 88-148.

125) После выхода в свет Мозгеймова трактата "De turbata per recentiores Platonicos Ecclesia" установилось мнение, что христианская религия была предметом ненависти для неоплатоников. Этого мнения придерживается и Гиббон. Многие ученые немецкие писатели доказали, в какой мере оно односторонне и преувеличено, - и в том числе Земмлер и Шрек, которые внесли столько света в наши понятия о церковной истории. Касательно этого предмета читатель может также найти полезные сведения в сочинении профессора Кейля "De causis alieni Platonicorum a religione Christiana animi" (Лейпц., 1875), в котором проницательность ума обнаруживается в одинаковой мере с беспристрастием. Более подробные замечания о философии неоплатоников, для которой наш автор наметил слишком унизительное положение, можно найти в сочинении проф. Мейнерса "Beytrag zur Geschichte der Denkart der ersten Jahr hunderte nach Christi Geburt". - Шрейтер .) (Это заблуждение Гиббона было упущено из виду другими его переводчиками и комментаторами. Подобно многим другим писателям, обладающим обширными знаниями, он слишком охотно делал общие характеристики на основании нескольких отдельных фактов. Варбуртон делал точно то же. Платонизм во всех своих формах был расположен к христианству, как это можно видеть на Юстине Мученике, Клименте Александрийском, Афинагоре и других, до самых времен Оригена и Синезия. Чтобы противодействовать этому сближению, впоследствии ввели испорченный неоплатонизм и пытались найти в язычестве философию. В двадцать первой главе своего сочинения, написанной лишь по прошествии некоторого времени после того, как вышла в свет эта часть, Гиббон входит в подробное изложение связи между христианством и платонизмом. - Издат .)

ГЛАВА XIV
Смуты после отречения Диоклетиана. - Смерть Констанция. - Возведение на престол Константина и Максенция. - Шесть императоров в одно и то же время. - Смерть Максимиана и Галерия. - Победы Константина над Максенцием и Лицинием. - Воссоединение империи под властью Константина

Равновесие властей, установленное Диоклетианом, существовало до тех пор, пока его не перестала поддерживать твердая и ловкая рука его изобретателя. Оно требовало такого удачного согласования различных характеров и способностей, которое едва ли могло повториться и на которое едва ли можно было рассчитывать, - оно требовало, чтобы между двумя императорами не было взаимной зависти, чтобы оба цезаря не увлекались честолюбием и чтобы все эти четыре самостоятельных монарха неизменно имели в виду одни и те же общие интересы. За отречением Диоклетиана и Максимиана от престола следовали восемнадцать лет раздоров и смут: империя была потрясена пятью междоусобными войнами, а остальное время прошло не столько в спокойствии, сколько во временном перемирии между несколькими враждовавшими один против другого императорами, которые,следя друг за другом со страхом и с ненавистью, старались увеличивать свои военные силы за счет своих подданных.

Лишь только Диоклетиан и Максимиан сложили с себя императорское звание, их место, согласно правилам новой конституции, было занято двумя цезарями - Констанцием и Галерием, которые немедленно приняли титул Августа1). Право старшинства было предоставлено первому из этих монархов, и он продолжал под своим новым званием управлять своим прежним уделом - Галлией, Испанией и Британией. Владычество над этими обширными провинциями представляло достаточное поле деятельности для его дарований и вполне удовлетворяло его честолюбие. Мягкость, кротость и умеренность были отличительными чертами симпатичного характера Констанция, и его счастливые подданные часто имели случай сравнивать добродетели своего государя с необузданв-

ными страстями Максимиана и даже с лукавством Диоклетиана[2]. Вместо того чтобы подражать восточной пышности и блеску этих императоров, Констанций придерживался простоты римских монархов. Он с непритворной искренностью утверждал, что его самое ценное сокровище заключается в любви его подданных и в том, что он мог с уверенностью рассчитывать на их признательность и щедрость всякий раз, как достоинства престола или угрожающая государству опасность требовали экстраординарных ресурсов[3]. Жители Галлии, Испании и Британии, хорошо сознававшие и его достоинства, и свое собственное счастье, с тревогой помышляли о расстроенном здоровье императора Констанция и о нежном возрасте детей, прижитых в его втором браке с дочерью Максимиана.

Суровый нрав Галерия был совершенно другого закала: имея все права на уважение своих подданных, этот император не снисходил до того, чтобы искать их привязанности. Его военная слава и в особенности его успех в персидской войне усилили его природное высокомерие, не выносившее, чтобы кто-нибудь мог быть выше его или даже равен ему. Если бы мы могли положиться на пристрастное свидетельство одного неразборчивого писателя, мы могли бы приписать отречение Диоклетиана угрозам Галерия и могли бы сообщить подробности *секретного* разговора между этими двумя монархами, в котором первый из них выказал столько же малодушия, сколько второй выказал неблагодарности и надменности[4]. Стоит только беспристрастно вникнуть в характер и поведение Диоклетиана, чтобы убедиться, что подобные анекдоты не заслуживают доверия. Каковы бы ни были намерения этого государя, его здравый смысл указал бы ему, каким путем можно было избежать такой постыдной ссоры, если бы он действительно мог чего-либо опасаться от насилий со стороны Галерия; а так как он всегда с честью держал в своих руках скипетр, он не захотел бы сойти с престола с унижением своего достоинства.

При возведении Констанция и Галерия в звание Августа новая система императорского управления требовала, чтобы на их места были назначены два новых цезаря. Диоклетиан искренно желал удалиться от света, а так как он считал женатого на его дочери Галерия за самую надежную опору и своего семейства, и империи, то он охотно предоставил своему преемнику лестное и опасное право этого важного назна-

чения. Галерий воспользовался этим правом, не справившись ни с интересами, ни с сердечными привязанностями западных монархов. Эти последние имели уже достигших возмужалости сыновей, которые, по-видимому, и были самыми естественными кандидатами на открывшиеся вакансии. Но бессильная досада Максимиана уже не могла внушать никаких опасений, а скромный Констанций хотя и не был доступен чувству страха, но из чувства человеколюбия не стал бы подвергать своих подданных бедствиям междоусобной войны. Поэтому Галерий возвел в звание Цезаря таких двух людей, которые были подходящи для его честолюбивых целей и которых главное достоинство, как кажется, заключалось в отсутствии всяких достоинств или личного значения. Первым из них был Даза, или, как он был впоследствии назван, Максимин, мать которого была родной сестрой Галерия. Этот неопытный юноша обнаруживал грубость своего воспитания и в своих манерах, и в своих выражениях даже в то время, когда он, к своему собственному удивлению и к удивлению всего мира, был облачен Диоклетианом в пурпуровую мантию, возведен в звание Цезаря и назначен верховным правителем Египта и Сирии[5)]. В то же самое время один из верных слуг Галерия - Север - человек, проводивший свою жизнь в удовольствиях, но не лишенный способности к деловым занятиям, - был послан в Милан для того, чтобы принять из рук Максимиана цезарские украшения и главное начальство над Италией и Африкой[6)]. Согласно с формами конституции, Север признал над собою верховенство западного императора, но он был безусловным исполнителем приказаний своего благодетеля Галерия, который, оставив за собою все страны, лежащие между пределами Италии и пределами Сирии, крепко утвердил свое владычество над тремя четвертями монархии. В полной уверенности, что приближающаяся смерть Констанция оставит его одного полным хозяином всей Римской империи, он, как уверяют, уже составил в своем уме длинный список будущих монархов и помышлял о своем удалении от дел, лишь только завершатся двадцать лет его славного царствования[7)].

Но в течение менее чем восемнадцати месяцев два неожиданных переворота разрушили честолюбивые замыслы Галерия. Его надежда присоединить к своей империи западные провинции оказалась несбыточной вследствие возведения на

престол Константина, а Италии и Африки он лишился вследствие успешного восстания Максенция.

I. Слава Константина придала мельчайшим подробностям касательно его жизни и образа действий особый интерес в глазах потомства. Место его рождения и положение матери его Елены были предметом споров не только между учеными, но и между целыми народами. Несмотря на то что позднейшие предания дают ей в отцы британского короля, мы вынуждены сознаться, что Елена была дочь содержателя гостиницы[8)], но вместе с тем мы в состоянии оградить законность ее брака против тех, кто выдавали ее за наложницу Констанция[9)]. Константин Великий родился, по всему вероятию, в Нэссе, в Дакии[10)] и нас не может удивлять тот факт, что юноша, вышедший из такого семейства и из такой провинции, которые отличались лишь воинскими доблестями, обнаруживал очень мало склонности к развитию своего ума путем приобретения знаний[11)] Ему было около восемнадцати лет, когда его отец был возведен в звание Цезаря, но это счастливое событие сопровождалось разводом с его матерью, а блеск брачного союза с дочерью императора низвел сына Елены до жалкого и униженного положения. Вместо того чтобы последовать за Констанцием на запад, он остался на службе у Диоклетиана, отличился своей храбростью в войнах с Египтом и Персией и мало-помалу возвысился до почетного звания трибуна первого разряда. Константин был высок ростом и имел величавую наружность; он был ловок во всех физических упражнениях, неустрашим в войне и приветлив в мирное время; во всех его действиях пыл юности умерялся благоразумием, и, пока все его помыслы были сосредоточены на честолюбии, он относился холодно и равнодушно ко всем приманкам наслаждений. Любовь народа и солдат, указывавшая на него как на достойного кандидата для звания Цезаря, привела лишь к тому, что возбудила зависть в Галерии, и хотя благоразумие не дозволяло Галерию прибегать к явному насилию, он, в качестве абсолютного монарха, легко мог найти способ для верного и покрытого тайной отмщения[12)] С каждым часом росли и опасность для Константина, и беспокойство его отца, настоятельно выражавшего в своих письмах желание обнять своего сына. В течение некоторого времени хитрый Галерий отделывался отсрочками и извинениями, но он не мог долго отказываться от ис-

полнения столь естественного желания своего соправителя, если не был намерен поддерживать такой отказ оружием. Он наконец дал против воли позволение на отъезд и если правда, что он при этом принял некоторые меры с целью задержать Константина, возвращения которого к отцу он не без основания опасался, то все его планы были разрушены необычайной торопливостью Константина[13]. Покинув дворец в Никомедии ночью, он быстро проехал Вифинию, Фракию, Дакию, Паннонию, Италию и Галлию и среди радостных приветствий народа достиг Булонского порта в ту самую минуту, когда его отец готовился к отплытию в Британию[14].

Британская экспедиция и легкая победа над варварами Каледонии были последними подвигами Констанция. Он кончил жизнь в императорском дворце в Йорке через пятнадцать месяцев после того, как получил титул Августа и почти через четырнадцать с половиной лет после того, как был возведен в звание Цезаря. Немедленно вслед за его смертью состоялось возведение на престол Константина. Идеи наследования и преемничества так свойственны нашему уму, что большинство человеческого рода считает их основанными не только на здравом смысле, но и на самой природе вещей. Наше воображение охотно переносит эти принципы с частной собственности на управление государством, и всякий раз, как добродетельный отец оставляет после себя сына, оправдывающего своими личными достоинствами уважение или надежды народа, в пользу этого сына действует с непреодолимой силой совокупное влияние предрассудка и привязанности. Цвет западных армий сопровождал Констанция в Британию, и, сверх того, национальная армия была усилена многочисленным отрядом алеманнов, находившихся под начальством одного из своих наследственных вождей - Крока[15]. Приверженцы Константина старались внушить легионам высокое мнение об их силе и убеждение, что Британия, Галлия и Испания одобрят их выбор. Они спрашивали солдат: неужели можно хоть одну минуту колебаться и вместо того, чтобы признать своим вождем достойного сына их возлюбленного императора, с позорной покорностью ожидать прибытия какого-нибудь никому не известного иностранца, на которого угодно будет государю Азии возложить главное начальство над армиями и провинциями Запада? Вместе с тем им намекали на то, что признательность и

щедрость занимают выдающееся место среди добродетелей Константина. Этот хитрый принц не хотел показываться войскам прежде, нежели они будут готовы приветствовать его званиями Августа и императора. Престол был целью его желаний, и, даже если бы честолюбие менее влияло на его действия, он должен бы был стремиться к этой цели как к единственному средству спасения. Будучи хорошо знаком и с характером и с чувствами Галерия, он очень хорошо знал, что для того, чтобы жить, ему необходимо царствовать. Приличное и даже упорное сопротивление, которое он притворно выказал по этому случаю[16], было рассчитано на то, чтобы оправдать его узурпацию, и он тогда только уступил перед громкими возгласами армии, когда у него накопилось достаточно приличного материала для письма, которое он немедленно отправил к восточному императору. Константин уведомлял Галерия о горестной кончине своего отца, скромно заявлял о своем естественном праве наследовать Констанцию и почтительно сожалел о том, что вызванное привязанностью к нему насилие со стороны армии не позволило ему искать императорского достоинства правильным и конституционным путем. Первыми душевными движениями Галерия были удивление, разочарование и ярость, а так как он редко мог сдерживать свои страсти, то он громко пригрозил, что предаст огню и письмо и посланца. Но его гнев скоро утих, а когда он поразмыслил о сомнительных шансах войны и взвесил личные достоинства и силы своего соперника, он согласился на сделку, которую Константин имел благоразумие ему предложить. И не порицая, и не одобряя выбора британской армии, Галерий признал сына своего умершего соправителя государем провинций, лежащих по ту сторону Альп, но дал ему только титул Цезаря и четвертое место между римскими монархами, а вакантное место Августа предоставил своему любимцу Северу. Таким образом, внешнее единство империи осталось ненарушенным, а Константин, уже обладавший сущностью верховной власти, стал без нетерпения дожидаться случая, чтобы приобрести и ее внешние отличия[17].

У Констанция было от второго брака шестеро детей - трое мужского пола и трое женского; благодаря своему высокому происхождению они могли бы заявить свое право на предпочтение перед менее знатным по рождению сыном Елены.

Но Константину был тридцать второй год, и он был в полном цвете своих умственных и физических сил, тогда как старшему из его братьев не могло быть более тринадцати лет. Его притязания на высшие личные достоинства были одобрены умирающим императором[18]. В последние минуты своей жизни Констанций поручил своему старшему сыну заботы как о безопасности, так и о величии всего семейства и умолял его относиться к детям Феодоры с авторитетом и с чувствами отца. Их прекрасное воспитание, выгодные браки, спокойная и окруженная почестями жизнь и высшие государственные должности, которые были их уделом, - все это свидетельствовало о братских чувствах Константина, а так как эти принцы были кроткого нрава и склонны к признательности, то они охотно подчинились превосходству его ума и счастья[19].

II. Едва успел Галерий примириться с мыслью, что он должен отказаться от своих честолюбивых видов на галльские провинции, как неожиданная потеря Италии нанесла и его гордости, и его могуществу еще более чувствительный удар. Продолжительное отсутствие императоров возбуждало в Риме всеобщее неудовольствие и негодование, и римляне мало-помалу пришли к убеждению, что предпочтение, которое оказывалось Никомедии и Милану, следует приписывать не личной склонности Диоклетиана, а установленной им постоянной форме правления. Хотя преемники этого императора и выстроили от его имени, через несколько месяцев после его отречения, те великолепные бани, развалины которых послужили и местом и материалом для стольких церквей и монастырей[20], спокойствие этих изящных приютов неги и роскоши было нарушено ропотом негодования римлян, между которыми распространился слух, что суммы, истраченные на постройку этого здания, скоро будут взысканы с них самих. Около того времени жадность или, может быть, государственные потребности побудили Галерия предпринять очень тщательное и строгое собирание справок о собственности его подданных с целью обложения налогами как их земельных владений, так и их личности. Осмотр поместий, как кажется, производился с самой мелочной аккуратностью, а когда возникало малейшее подозрение в укрывательстве движимой собственности, то, чтобы вынудить правдивое ее указание, правительство, не стесняясь, прибегало к пытке[21]. На приви-

легии, возвысившие Италию над всеми провинциями империи, уже перестали обращать внимание, а чиновники государственного казначейства уже начали производить перепись римского населения и определять размеры новых налогов. Даже там, где дух свободы совершенно угас, самые смирные подданные иногда осмеливаются защищать свою собственность от таких посягательств, которым еще не было примера в прошлом; но в настоящем случае к обиде присоединялось оскорбление, а сознание личных интересов было усилено чувством национального достоинства. Завоевание Македонии - как мы уже имели случай заметить - избавило римских жителей от тяжести личных налогов. Хотя они испытали на себе всевозможные формы деспотизма, они не переставали пользоваться этой привилегией около пятисот лет и никак не могли вынести, чтобы дерзкий иллирийский крестьянин мог из своей отдаленной азиатской резиденции причислить Рим к тем городам его империи, которые обложены податями. Эти первые проявления народного негодования нашли если не поощрение, то потачку со стороны сената, а незначительные остатки преторианской гвардии, имевшие полное основание опасаться, что их скоро распустят, воспользовались этим приличным предлогом и заявили о своей готовности обнажить меч в защиту своего угнетенного отечества. Всех граждан воодушевляла мысль, скоро превратившаяся в надежду, что им удастся изгнать из Италии иностранных тиранов и избрать такого монарха, который и по выбору своей резиденции, и по принципам своего управления будет достоин звания римского императора. Как имя Максенция, так и его положение направили энтузиазм народа в его пользу.

Максенций был сын императора Максимиана и был женат на дочери Галерия. Его происхождение и родственные связи, по-видимому, давали ему право надеяться, что он получит в наследство от своего отца императорское достоинство, но его пороки и неспособность послужили предлогом для того, чтобы лишить его звания Цезаря, в котором было отказано Константину по причине его выдающихся личных достоинств. Из политических соображений Галерий предпочитал таких соправителей, которые не способны ни позорить выбор своего благодетеля, ни противиться его приказаниям. Поэтому на италийский престол был возведен ничем не прославив-

шийся чужестранец, а сыну бывшего западного императора было дозволено наслаждаться всеми выгодами его личного богатства на одной вилле в нескольких милях от столицы. Мрачные страсти его души - стыд, досада и гнев - воспламенились от зависти, которую возбудило в нем известие об успехе Константина; но общее неудовольствие оживило надежды Максенция, и его без труда убедили соединить его личную обиду и его притязания вместе с интересами римского народа. Два преторианских трибуна и один провиантский интендант взялись руководить заговором, а так как люди всех сословий сходились в своих желаниях, то успех предприятия не был ни сомнителен, ни труден. Городской префект и несколько должностных лиц, оставшихся верными Северу, были умерщвлены гвардейцами, а облаченного в императорскую мантию Максенция и сенат и народ признали охранителем римской свободы и римского достоинства. Неизвестно, был ли Максимиан заранее уведомлен о том, что замышлялось, но, лишь только знамя восстания было поднято в Риме, престарелый император покинул уединение, в котором он влачил по воле Диоклетиана свое жалкое существование, и постарался скрыть снова заговорившее в нем честолюбие под личиной отцовской привязанности. Уступая просьбам своего сына и сената, он согласился снова принять на себя императорское звание. Его прежнее высокое положение, его опытность и военная слава придали партии Максенция и силу и блеск[22].

Император Север, следуя совету или, скорее, исполняя приказание своего соправителя, немедленно направился к Риму в полной уверенности, что своим неожиданным появлением он без труда подавит мятеж робкого населения, руководимого распутным юношей. Но по прибытии на место он нашел, что городские ворота заперты, что городские стены покрыты людьми и военными машинами, что во главе бунтовщиков находится опытный генерал, а у его собственных войск нет ни бодрости, ни рвения. Значительный отряд мавров, прельстившись обещанной ему щедрой денежной наградой, перешел на сторону неприятеля и - если правда, что он был организован Максимианом во время его африканской экспедиции, - предпочел естественные чувства признательности искусственным узам обещанной под присягою верности. Преторианский префект Анулин объявил, что принима-

ет сторону Максенция, и увлек вслед за собой большую часть тех войск, которые привыкли исполнять его приказания. Рим, по выражению одного оратора, снова призвал к себе свои армии, а несчастный Север, у которого не было ни достаточных военных сил для нападения, ни умения взяться за дело, поспешно отступил или, скорее, бежал в Равенну. Здесь он мог некоторое время считать себя в безопасности. Укрепления Равенны были достаточно сильны, чтобы выдержать нападения италийской армии, а окружавшие город болота могли воспрепятствовать ее приближению. Море, над которым господствовал Север благодаря находившемуся в его распоряжении могущественному флоту, обеспечивало ему неистощимый подвоз провианта и свободный доступ для легионов, которые пришли бы к нему на помощь с наступлением весны и из Иллирии, и с Востока. Максимиан, лично руководивший осадой, скоро убедился, что он напрасно будет тратить и свое время, и силы своей армии на бесплодное предприятие и что нет надежды взять город ни силой, ни голодом. С хитростью, более свойственной характеру Диоклетиана, нежели его собственному, он направил свое нападение не столько на городские стены Равенны, сколько на ум Севера. Измена,с которой этот несчастный монарх познакомился на своем собственном опыте, внушала ему недоверие к самым искренним его друзьям и приверженцам. Поэтому лазутчики Максимиана, пользуясь его легковерием, без большого труда уверили его, что против него составлен заговор с целью сдать город осаждающим; а пользуясь его трусливостью, они убедили его, что он поступит гораздо благоразумнее, если положится на условия приличной капитуляции, вместо того чтобы попасть в руки раздраженного победителя. Сначала с ним обошлись мягко и почтительно. Максимиан отвез пленного императора в Рим и самым положительным образом уверял его, что он спас свою жизнь тем, что отказался от императорского достоинства. Но Север достиг этим путем только более легкой смерти и императорских похорон. Когда ему был объявлен смертный приговор, ему было предоставлено право выбрать способ его исполнения: он предпочел, по примеру древних, отворить себе жилы, и, лишь только он испустил дух, его труп был перенесен в склеп, устроенный для семейства Галлиена[23].

Хотя в характерах Константина и Максенция было очень

мало сходства, положение этих монархов и их интересы были одни и те же, и благоразумие, по-видимому, требовало, чтобы они соединили свои силы против общего врага. Неутомимый Максимиан - несмотря на то, что он был старше и по своим летам и по своему рангу, - перешел через Альпы, чтобы искать личного свидания с повелителем Галлии и предложить ему свою дочь Фаусту в залог предлагаемого союза. Бракосочетание было отпраздновано в Арелате с необыкновенной пышностью, и старый соправитель Диоклетиана, снова заявивший свои права на Западную империю, возвел своего зятя и союзника в звание Августа. Тем, что Константин согласился принять это отличие от Максимиана, он как будто принял сторону Рима и сената, но все его заявления были двусмысленны, а оказанное им содействие было и неторопливо и нерешительно. Он со вниманием следил за приготовлениями к борьбе между повелителями Италии и восточным императором и готовился поступить в ее исходе сообразно с требованиями своей собственной безопасности или своего честолюбия[24].

Важность предстоявшей войны требовала личного присутствия Галерия и употребления в дело всех его материальных средств. Во главе громадной армии, набранной в Иллирии и на Востоке, он вступил в Италию с намерением отомстить за смерть Севера и наказать мятежных римлян, или - по собственному выражению этого свирепого варвара - с целью истребить сенаторов и предать мечу весь римский народ. Но искусный Максимиан задумал очень благоразумный план обороны. Вторгшийся в Италию неприятель нашел все города укрепленными и неприступными, и хотя он проник до Нарни, на расстояние шестидесяти миль от Рима, его господство над Италией ограничивалось узкими пределами его лагеря. Сознавая возрастающие трудности предприятия, надменный Галерий сделал первые шаги к примирению. По его поручению двое из самых высших его военачальников предложили от его имени римским монархам личное свидание; они постарались также уверить Максенция, что Галерий питает к нему отеческое расположение и что он может получить от великодушия этого монарха гораздо более выгод, нежели от сомнительных случайностей войны[25]. Предложения Галерия встретили решительный отказ, а его коварная дружба была отвергнута с презрением, и ему скоро пришлось убедиться,

что, если он не поспешит вовремя спастись отступлением, его может постигнуть такая же участь, какая выпала на долю Севера. Чтобы ускорить его гибель, римляне охотно тратили те богатства, которые им удалось уберечь от его хищнической тирании. И слава Максимиана, и популярность его сына, и тайная раздача больших денежных сумм, и обещание еще более щедрых наград - все это способствовало тому, чтобы ослабить рвение иллирийских легионов и поколебать их преданность Галерию, так что, когда Галерий наконец подал сигнал к отступлению, он не без труда убедил своих ветеранов не покидать знамени, которое так часто указывало им путь к победе и славе. Один писатель того времени указывает на другие две причины неудачного исхода этой экспедиции, но обе они таковы, что осмотрительный историк едва ли решится придать им серьезное значение. Нам рассказывают, будто Галерий составил себе весьма неверное понятие о величине Рима, потому что судил о ней по тем восточным городам, которые были ему знакомы, а когда он увидел свою ошибку, он понял, что его военные силы недостаточны для осады такой обширной столицы. Но обширность города лишь облегчает доступ к нему для неприятеля; к тому же Рим давно уже привык сдаваться при приближении неприятеля, а скоропреходящий народный энтузиазм едва ли мог бы долго бороться с дисциплиной и храбростью легионов. Нам также рассказывают, будто сами легионы были поражены ужасом и угрызениями совести и что эти преданные сыны республики не захотели оскорблять святость своей общей матери[26]. Но когда мы вспоминаем, с какой легкостью в самые отдаленные эпохи междоусобных войн усердие партий и привычка военного повиновения превращали уроженцев Рима в самых беспощадных его врагов, нам кажется неправдоподобной такая необыкновенная деликатность со стороны чужестранцев и варваров, ни разу не видавших Италии до той минуты, когда они вступили в нее врагами. Если бы их не удерживали другие, более эгоистические соображения, они, вероятно, ответили бы Галерию словами Цезаревых ветеранов: "Если нашему полководцу угодно вести нас на берега Тибра, мы готовы раскинуть там наш лагерь. Какие бы стены он ни пожелал сравнять с землей, наши руки готовы пустить в ход военные машины; мы не стали бы колебаться даже в том случае, если бы имя этого города было Рим". Правда, это - выражение по-

эта, но этот поэт отличался тем, что строго держался исторической истины и даже навлек на себя обвинения в том, что не позволял себе уклоняться от нее[27].

О том, какими чувствами были воодушевлены легионы Галерия, можно было судить по тем опустошениям, которые совершались ими во время их отступления. Они убивали, разоряли, грабили и угоняли стада италийцев. Они жгли селения, через которые проходили, и старались разорить страну, которую не были в состоянии поработить. Во время их отступления Максенций постоянно следовал по пятам за их арьергардом, но благоразумно уклонялся от решительного сражения с этими храбрыми и свирепыми ветеранами. Его отец предпринял вторичную поездку в Галлию в надежде, что Константин, собравший армию на границе, согласится принять участие в преследовании неприятеля и довершить победу. Но действиями Константина руководил рассудок, а не жажда мщения. Он не захотел отступить от благоразумной решимости поддерживать равновесие между враждующими монархами и перестал ненавидеть Галерия с той минуты, как этот честолюбивый государь сделался неспособным наводить страх[28].

Хотя душа Галерия была в высшей степени доступна для самых свирепых страстей, в ней все-таки оставалось место для чувства искренней и прочной привязанности. Лициний, отчасти походивший на него и наклонностями и характером, как кажется, пользовался его дружбой и уважением. Их дружеская связь зародилась, быть может, в более счастливые для них времена юности и политического ничтожества; ее скрепили фамильярные отношения и опасности военной жизни; они почти равными шагами возвышались по лестнице служебных отличий, и, лишь только Галерий был возведен в звание императора, он, как кажется, задумал возвысить своего товарища до одинакового с ним самим положения. В течение непродолжительного периода своего могущества он считал звание Цезаря недостаточно высоким для лет и достоинств Лициния и предназначал для него место Константина и Западную империю. В то время как он сам был занят италийской войной, он поручил своему приятелю оборону Дуная, а немедленно после своего возвращения из этой неудачной экспедиции возвел Лициния на императорский престол, оказавшийся вакантным со смертью Севера, предо-

ставив ему вместе с тем непосредственное начальство над иллирийскими провинциями[29].

Лишь только известие о возвышении Лициния достигло Востока, Максимин, который управлял Египтом и Сирией или, вернее, угнетал эти страны, обнаружил зависть и неудовольствие, не захотел довольствоваться более скромным положением Цезаря и, несмотря ни на просьбы, ни на убеждения Галерия, почти силою заставил этого последнего дать ему также титул Августа[30]. Таким образом, в первый и, как впоследствии оказалось, в последний раз Римская империя управлялась шестью императорами. На Западе Константин и Максенций делали вид, будто преклоняются перед верховенством своего отца Максимиана. На Востоке Лициний и Максимин чтили с большею искренностью своего благодетеля Галерия. Противоположность интересов и воспоминание о недавней войне разделяли империю на два громадных и враждебных один другому лагеря; но взаимные опасения соперников привели к кажущемуся спокойствию и даже к притворному примирению, пока смерть старших императоров - Максимиана и в особенности Галерия - не дала нового направления целям и страстям оставшихся в живых их соправителей.

Когда Максимиан поневоле отказался от престола, продажные ораторы того времени восхваляли его философскую умеренность. Когда его честолюбие вызвало или, по меньшей мере, поддержало междоусобную войну, они благодарили его за великодушный патриотизм и слегка упрекали за ту склонность к спокойствию и уединению, которая отвлекла его от общественной деятельности[31]. Но от таких людей, как Максимиан и его сын, нельзя было ожидать, чтобы при пользовании нераздельной властью они долго жили во взаимном согласии. Максенций считал себя за законного государя Италии, избранного римским сенатом и народом, и не хотел выносить контроля со стороны своего отца, который надменно уверял, что только благодаря его имени и дарованиям удалось безрассудному юноше достигнуть престола. Этот спор был предоставлен на решение преторианской гвардии, а так как эти войска боялись строгости старого императора, то они приняли сторону Максенция[32]. Впрочем, ни на жизнь, ни на свободу Максимиана не было сделано никакого посягательства; он удалился из Италии в Иллирию, притворяясь, будто сожалеет о своем прошлом поведении, и втайне замышляя

новые заговоры. Но Галерий, хорошо зная его характер, заставил его удалиться из своих владений; тогда для обманутого в своих надеждах Максимиана не осталось другого убежища, кроме двора его зятя Константина[33]. Этот хитрый государь принял его с уважением, а императрица Фауста - с выражениями дочерней привязанности. Чтобы отстранить от себя всякие подозрения, он вторично отрекся от престола[34], уверяя, что он наконец убедился в суете честолюбия и земного величия. Если бы он не изменил этого решения, он, может быть, кончил бы свою жизнь, правда, с меньшим достоинством, нежели в своем первом уединении, но во всяком случае среди комфорта и без позора. Но вид престола, к которому он был так близок, напоминал ему о том высоком положении, которое он утратил, и он решился на последнюю отчаянную попытку, с тем чтобы или царствовать, или погибнуть. Вторжение франков заставило Константина отправиться на берега Рейна с одной частью его армии; остальные войска были расположены в южных провинциях Галлии с целью охраны их от всяких попыток со стороны италийского императора, а в городе Арелате было сложены значительные сокровища. Максимиан или коварно выдумал, или торопливо поддержал ложный слух о смерти Константина. Не колеблясь ни минуты, он вступил на престол, захватил сокровища и, рассыпая их со своей обычной расточительностью между солдатами, постарался оживить в их умах воспоминания о своем прежнем величии и о своих прежних подвигах. Но прежде чем он успел прочно утвердить свою власть и окончить переговоры, которые он, как кажется, завел со своим сыном Максенцием, все его надежды были разрушены быстрым появлением Константина. При первом известии о его вероломстве и неблагодарности Константин возвратился усиленными переходами от берегов Рейна к берегам Соны, сел на суда в Шалоне, достиг Лиона и, вверившись быстрому течению Роны, прибыл к вратам Арелата с такими военными силами, против которых Максимиан не был в состоянии бороться и от которых он едва успел укрыться в соседнем городе Марселе. Узкая полоса земли, соединявшая этот город с континентом, была защищена от осаждающих укреплениями, а море оставалось открытым или для бегства Максимиана, или для прибытия подкреплений от Максенция в случае, если бы этот последний вздумал вторгнуться в Галлию под благовидным предлогом

защитить своего отца от беды или от оскорблений. Предвидя, что всякая проволочка может иметь пагубные последствия, Константин дал приказание взять город приступом; но штурмовые лестницы оказались слишком короткими сравнительно с высотою стен, и Марсель мог бы выдержать такую же длинную осаду, какую он уже выдержал против армии Цезаря, если бы гарнизон, из сознания или своей вины или своей опасности, не купил себе помилование тем, что сдал город и выдал самого Максимиана. Против узурпатора был произнесен тайный, но безапелляционный смертный приговор; ему оказана была только такая же милость, какую он сам оказал Северу, а в общее сведение было объявлено, что, мучимый раскаянием в своих многочисленных преступлениях, он задушил себя своими собственными руками. После того как он лишился поддержки Диоклетиана и стал пренебрегать его благоразумными советами, его жизнь была рядом общественных бедствий и личных для него унижений, окончившихся, почти через три года, позорною смертью. Он был достоин такой участи, но мы имели бы еще более оснований одобрять человеколюбие Константина, если бы он пощадил старика, который был благодетелем его отца и отцом его жены. Во время всех этих печальных происшествий Фауста, как кажется, приносила в жертву своим супружеским обязанностям природное чувство дочерней привязанности[35].

Последние годы Галерия были менее позорны и менее несчастны, и, хотя он приобрел более славы на второстепенном посту Цезаря, нежели на верховном посту Августа, он сохранил до самой смерти первое место между римскими монархами. После своего отступления из Италии он прожил около четырех лет; благоразумно отказавшись от своих планов на всемирное владычество, он посвятил остальные дни своей жизни наслаждениям и некоторым предприятиям, задуманным для общественной пользы; между прочим, он устроил спуск в Дунай излишних вод озера Пельсо и приказал срубить окружавшие это озеро громадные леса; это было предприятие, достойное монарха, так как этим способом он доставил своим паннонским подданным громадные пространства земли, годной для земледелия[36]. Его смерть была следствием очень мучительной и продолжительной болезни. Его тело, раздувшееся до уродливой толщины вследствие его невоздержного образа жизни, было покрыто язвами и бесчис-

ленным множеством тех насекомых, по имени которых называется одна из самых отвратительных болезней[37]; но так как Галерий оскорбил своих подданных в лице одной очень деятельной и очень сильной партии, то его страдания, вместо того чтобы возбуждать в них сожаление, выдавались ими за наказание, ниспосланное божеским правосудием[38]. Лишь только он испустил дух в своем дворце в Никомедии, оба императора, обязанные ему своим возвышением, стали собирать свои военные силы с целью оспаривать или разделить владения, которые он оставил без повелителя. Впрочем, их убедили отказаться от первого из этих намерений и удовольствоваться вторым. Азиатские провинции выпали на долю Максимина, а европейские увеличили удел Лициния. Геллеспонт и Фракийский Босфор образовали границу их владений, и потому берега этих узких проливов, находившихся в самом центре Римской империи, покрылись солдатами, оружием и укреплениями. Со смертью Максимиана и Галерия число императоров уменьшилось до четырех. Общие интересы скоро сблизили Лициния с Константином, между Максимином и Максенцием был заключен тайный союз, а их несчастные подданные с ужасом ожидали кровавых последствий неизбежных между ними раздоров, которые уже не могли сдерживаться тем страхом или тем уважением, которые внушал этим императорам Галерий[39].

Среди стольких преступлений и бедствий, вызванных страстями римских монархов, приятно найти хоть один поступок, который можно приписать их добродетелям. На шестом году своего царствования Константин посетил город Отён и великодушно простил податную недоимку, вместе с тем облегчив тяжесть податного обложения: число лиц, уплачивавших налоги на недвижимое имущество и поголовную подать, было уменьшено с двадцати пяти тысяч до восемнадцати[40]. Впрочем, даже эта снисходительность служит самым неоспоримым доказательством общей нищеты. Этот налог был так обременителен или сам по себе, или по способу его взимания, что в то время, как правительство старалось увеличить свои доходы путем насилия, они уменьшались вследствие отчаянного положения, в котором находилось население: значительная часть отёнской территории оставалась невозделанной, а население предпочитало жить в изгнании и отказаться от покровительства законов, нежели выносить бремя

общественных обязанностей. Этим частным актом благотворительности великодушный император, по всему вероятию, только облегчил одно из многочисленных зол, которые были последствием общих принципов его управления. Но даже эти принципы были внушены скорее необходимостью, чем предпочтением, и если исключить смерть Максимиана, то царствование Константина в Галлии окажется самым невинным и даже добродетельным периодом его жизни. Провинции охранялись его присутствием от вторжений варваров, которые или боялись его предприимчивого мужества, или уже испытали его на себе. После одной решительной победы над франками и алеманнами попавшие в плен варварские князья были отданы, по его приказанию, на съедение диким зверям в Трирском амфитеатре, а народ, как кажется, наслаждался этим зрелищем, не замечая в таком обхождении со знатными пленниками ничего несогласного с правами народов или с законами человеколюбия[41].

Добродетели Константина приобрели особый блеск благодаря порокам Максенция. В то время как галльские провинции наслаждались таким благоденствием, какое только было возможно в условиях того времени, Италия и Африка страдали под управлением тирана, внушавшего и презрение и отвращение. Правда, усердие льстецов и дух партий слишком часто жертвовали репутацией побежденных для возвеличения их счастливых соперников; но даже те писатели, которые без всякого стеснения и с удовольствием подмечали ошибки Константина, единогласно сознавались, что Максенций был жестокосерд, жаден и развратен[42]. Фортуна доставила ему случай подавить незначительное восстание в Африке. Единственными виновными были губернатор и несколько человек из числа его приверженцев, но за их преступление поплатилась вся провинция. Цветущие города Цирта и Карфаген, а вместе с ними и вся эта плодородная страна были опустошены огнем и мечом. За злоупотреблением победой последовало злоупотребление законами и справедливостью. Многочисленная армия наушников и доносчиков нахлынула на Африку; люди богатые и знатные были без труда изобличены в сообщничестве с бунтовщиками, а те из них, которым император оказал свое милосердие, были наказаны только конфискацией их имений[43]. Столь блестящая победа была отпразднована великолепным триумфом, и Максенций выс-

тавил перед народом военную добычу и пленников из римской провинции. Положение столицы было не менее достойно сожаления, чем положение Африки. Богатства Рима служили неистощимым запасом для его безрассудной расточительности, а его чиновники, заведовавшие государственной казной, были очень искусны в деле обирания его подданных. В его царствование был впервые выдуман способ вымогать у сенаторов *добровольные приношения*, а так как размер этих приношений незаметным образом все увеличивался, то и поводы для их взимания, как-то: победа, рождение принца, бракосочетание или консульство монарха - умножались в такой же пропорции[44]. Максенций питал к сенату такую же непримиримую ненависть, какая была отличительной чертой большинства римских тиранов; к тому же его неблагодарное сердце было неспособно простить сенату ту великодушную преданность, которая возвела его на престол и помогла ему устоять против всех его врагов. Жизнь сенаторов зависела от его придирчивой подозрительности, а бесчестье их жен и дочерей придавало в его глазах особую прелесть удовлетворению его чувственных влечений[45]. Нетрудно поверить, что влюбленному императору редко приходилось вздыхать понапрасну; но всякий раз, как убеждения оказывались недействительными, он прибегал к насилию, и в истории упоминается только об *одном* достопамятном примере благородной матроны, охранившей свое целомудрие добровольной смертью. Солдаты составляли единственный разряд людей, к которому он, по-видимому, питал уважение или которому он старался нравиться. Он наполнил Рим и Италию войсками, втайне поощрял их буйства, не мешал им безнаказанно грабить и даже убивать беззащитных жителей[46] и, дозволяя им такие же беспутства, какие совершал сам, нередко награждал своих любимцев или великолепной виллой, или красивой женой какого-нибудь сенатора. Государь с таким характером, одинаково неспособный повелевать и в мирное время, и на театре войны, мог купить преданность армии, но никак не мог приобрести ее уважение. А между тем его гордость ни в чем не уступала другим его порокам. В то время как он влачил свою праздную жизнь или внутри своего дворца, или в соседних садах Саллюстия, он неоднократно утверждал, что *он один* - император, а что остальные монархи не более как его наместники, которым он

поручил охрану пограничных провинций для того, чтобы сам он мог без всякой помехи наслаждаться удобствами столичной жизни. Рим, так долго сожалевший об отсутствии своего государя, считал это присутствие величайшим для себя несчастьем в течение всех шести лет царствования Максенция[47].

Хотя Константин, быть может, и смотрел на поведение Максенция с отвращением, а на положение римлян с состраданием, мы не имеем никакого основания предполагать, что он взялся бы за оружие с целью наказать первого и облегчить участь последних. Но тиран Италии опрометчиво дерзнул вызвать на бой сильного врага, честолюбие которого до тех пор сдерживалось скорее внушениями благоразумия, чем принципами справедливости[48]. После смерти Максимиана все его титулы, согласно с установленным обыкновением, были уничтожены, а все его статуи с позором низвергнуты. Его сын, преследовавший его и покинувший его во время его жизни, стал выказывать самое благоговейное уважение к его памяти и дал приказание, чтобы точно так же было поступлено со всеми статуями, воздвигнутыми в Италии и Африке в честь Константина. Этот благоразумный государь, искренно желавший избежать войны, трудности и важность которой он очень хорошо понимал, сначала скрывал нанесенное ему оскорбление и попытался добиться удовлетворения путем переговоров; но он скоро убедился, что враждебные и честолюбивые замыслы италийского императора ставят его перед необходимостью взяться за оружие для своей собственной защиты. Максенций, открыто заявлявший свои притязания на всю западную монархию, уже приготовил значительные военные силы, чтобы напасть на галльские провинции со стороны Реции, и, хотя он не мог ожидать никакого содействия со стороны Лициния, он льстил себя надеждой, что иллирийские легионы, прельстившись его подарками и обещаниями, покинут знамена этого государя и единодушно станут в ряды его солдат и подданных[49]. Константин не колебался долее. Он все взвесил с осмотрительностью и стал действовать с энергией. Он дал частную аудиенцию послам, приехавшим умолять его от имени сената и народа об избавлении Рима от ненавистного тирана и, не внимая робким возражениям своих советников, решился предупредить врага и перенести войну в сердце Италии[50].

Насколько успех такого предприятия мог быть блестящим, настолько были велики и сопряженные с ним опасности, а неудачный исход двух прежних вторжений внушал самые серьезные опасения. В этих двух войнах ветераны, чтившие имя Максимиана, перешли на сторону его сына, а теперь и чувство чести, и личные интересы отстраняли от них всякую мысль о вторичной измене своему знамени. Максенций, считавший преторианскую гвардию самой надежной опорой своего престола, увеличил ее численный состав до его старинных размеров, так что в совокупности с другими италийцами, поступившими к нему на службу, она составляла сильную армию из восьмидесяти тысяч человек. Со времени подчинения Африки там были навербованы сорок тысяч мавров и карфагенян. Даже Сицилия доставила свою долю военных сил, и размеры армий Максенция в конце концов достигли ста семидесяти тысяч пехоты и восемнадцати тысяч кавалерии. Богатства Италии покрывали расходы войны, а соседние провинции были истощены поборами для устройства громадных запасов хлеба и провианта всякого рода. Все силы Константина заключались в девяноста тысячах пехоты и восьми тысячах кавалерии[51)], а так как защита Рейна требовала чрезвычайного внимания во время отсутствия императора, то он не мог вести в Италию более половины своих войск, если только не хотел принести общественную безопасность в жертву своей личной ссоре[52)]. Во главе почти сорока тысяч солдат он выступил против такого врага, силы которого превышали его собственные, по меньшей мере, вчетверо. Но римские армии несли службу вдали от опасностей и были обессилены распущенностью дисциплины и роскошью. Привыкнув пользоваться римскими банями и театрами, они выступили в поход неохотно, а состояли они большей частью или из ветеранов, почти совершенно отвыкших от употребления оружия, или из молодых рекрутов, и прежде никогда не умевших им владеть. Напротив того, бесстрашные галльские легионы долго обороняли границы империи от северных варваров и, неся эту тяжелую службу, упражняли свое мужество и укрепляли свою дисциплину. Вожди отличались друг от друга тем же, чем отличались одна от другой их армии. Прихоть и лесть навели Максенция на мысль о завоеваниях, но эти честолюбивые надежды скоро уступили место привычке к наслаждениям и сознанию своей неопытности, а

неустрашимый Константин с юношеских лет привык к войне, к деятельной жизни и к военному командованию.

Когда Ганнибал двинулся из Галлии в Италию, он должен был сначала отыскать, а затем расчистить путь в горы, в которых жили дикие племена, никогда не дававшие прохода регулярным армиям[53]. В то время Альпы охранялись самой природой; теперь они укреплены искусством. Форты, на сооружение которых потрачено не менее искусства, чем труда и денег, господствуют над каждым из выходов в равнину и делают Италию со стороны Франции почти недоступной для врагов короля Сардинии[54]. Но до того времени, когда были приняты такие предосторожности, генералы, пытавшиеся перейти горы, редко встречали какое-либо затруднение или сопротивление. Во времена Константина жившие в горах крестьяне принадлежали к числу цивилизованных и покорных подданных, страна доставляла в изобилии съестные припасы, а великолепные большие дороги, проведенные римлянами через горы, открывали несколько путей для сообщений между Галлией и Италией[55]. Константин избрал дорогу через Коттийские Альпы, или - как их теперь называют - Мон-Сени, и повел свои войска с такой быстротой, что ему удалось спуститься в Пьемонтскую равнину прежде, нежели при дворе Максенция было получено известие о том, что он покинул берега Рейна. Впрочем, лежащий у подножия Мон-Сени город Суза был обнесен стенами и снабжен гарнизоном, который был достаточно многочислен, чтобы остановить дальнейшее движение неприятеля; но войска Константина не имели достаточно терпения, чтобы заниматься скучными формальностями осады. В тот же день, как они появились перед Сузой, они подожгли городские ворота, приставили к стенам лестницы и, бросившись на приступ среди града камней и стрел, проникли в город с мечом в руке и перерезали большую часть гарнизона. По приказанию Константина пламя было потушено и то, что уцелело от пожара, было спасено от совершенного разрушения. Почти в сорока милях оттуда его ожидала более трудная борьба. Военачальники Максенция собрали на равнинах близ Турина многочисленную армию, состоявшую из италийцев. Ее главная сила заключалась в тяжелой кавалерии, организацию которой римляне, со времени упадка у них военной дисциплины, заимствовали у восточных народов. И лошади и люди были покрыты с голо-

вы до ног броней, составные части которой были так искусно связаны между собой, что она не стесняла свободы движений. Эта кавалерия имела очень грозный внешний вид, и казалось, что нет возможности устоять против ее нападения; ее начальники выстроили ее на этот раз густой колонной, или клином, с острою вершиной и с далеко распространяющимися по бокам крыльями и воображали, что они легко сомнут и растопчут армию Константина. Их план, может быть, и увенчался бы успехом, если бы их опытный противник не придерживался такого же способа обороны, к какому прибегнул в подобных обстоятельствах Аврелиан. Искусные эволюции Константина заставили эту массивную колонну кавалерии разделиться на части и привели ее в расстройство. Войска Максенция бежали в беспорядке к Турину, а так как они нашли городские ворота запертыми, то лишь небольшая их часть спаслась от меча победителей. В награду за эту важную услугу Константин мягко обошелся с Турином и даже выказал ему свое милостивое расположение. Затем он вступил в миланский императорский дворец, и почти все города Италии, лежащие между Альпами и По, не только признали над собой его власть, но и с усердием приняли его сторону[56].

Дороги Эмилиева и Фламиниева представляли удобный путь из Милана в Рим длиной почти в четыреста миль; но хотя Константин и горел нетерпением сразиться с тираном, благоразумие заставило его направить военные действия против другой италийской армии, которая и по своей силе, и по своему положению была способна или остановить его наступательное движение, или - в случае неудачи - пресечь ему путь к отступлению. Храбрый и даровитый полководец Руриций Помпейян начальствовал над городом Вероной и над всеми войсками, расположенными в Венецианской провинции. Лишь только он узнал, что Константин выступил против него, он отрядил большой отряд кавалерии, который был разбит подле Брешии и который галльские легионы преследовали до самых ворот Вероны. Проницательный ум Константина тотчас понял и необходимость, и важность, и трудность осады Вероны[57]. Город был доступен только через узкий полуостров, находившийся на западной его стороне, так как три другие его стороны были защищены Адижем - быстрой рекой, прикрывавшей Венецианскую провинцию, которая служила для осажденных неистощимым запасом людей и

съестных припасов. Только с большим трудом и после нескольких бесплодных попыток удалось Константину перейти реку на некотором расстоянии от города и в таком месте, где течение было менее быстро. Вслед за тем он окружил Верону сильными окопами, повел атаку с благоразумной энергией и отразил отчаянную вылазку Помпейяна. Когда этот неустрашимый полководец истощил все средства для обороны, какие доставляла ему сила крепости и гарнизона, он втайне покинул Верону не ради своей личной безопасности, а в видах общей пользы. С невероятной скоростью он собрал такую армию, которая была в состоянии сразиться с Константином, в случае если бы он вышел в открытое поле, или напасть на него, в случае если бы он упорно не выходил из своих окопов. Император внимательно следил за всеми движениями столь опасного врага и, узнав о его приближении, оставил часть своих легионов для продолжения осадных работ, а сам выступил навстречу полководцу Максенция во главе тех войск, на мужество и преданность которых он мог всего более полагаться. Галльская армия выстроилась в две линии, согласно общепринятым правилам военной тактики; но ее опытный начальник, заметив, что италийская армия многочисленнее его собственной, внезапно изменил расположение своих войск и, укоротив вторую линию, расширил фронт первой линии до одинакового размера с неприятельским. Такие эволюции могут быть без замешательства исполнены в минуту опасности только самыми испытанными войсками и обыкновенно имеют решающее влияние на исход битвы; но так как сражение началось к концу дня и продолжалось с большим упорством в течение всей ночи, то его исход зависел не столько от искусства полководцев, сколько от храбрости солдат. Первые лучи восходящего солнца осветили победу Константина и поле резни, покрытое несколькими тысячами побежденных италийцев. Полководец Помпейян оказался в числе убитых, Верона немедленно сдалась на произвол победителя, а гарнизон был взят в плен[58]. Когда военачальники победоносной армии приносили своему повелителю поздравления с этим важным успехом, они позволили себе почтительно выразить такие сетования, которые мог бы выслушать без неудовольствия самый заботливый о своем достоинстве монарх. Они упрекнули его за то, что, не довольствуясь исполнением всех обязанностей главнокоманду-

ющего, он подвергал опасности свою жизнь с такой чрезмерной храбростью, которая почти переходила в опрометчивость, и умоляли его впредь более заботиться о сохранении жизни, которая была необходима для блага Рима и всей империи[59].

В то время как Константин выказывал на поле брани свое искусство и мужество, италийский монарх, по-видимому, оставался равнодушным к бедствиям и опасностям междоусобной войны, свирепствовавшей в самом центре его владений. Наслаждения были по-прежнему единственным занятием Максенция. Скрывая или, по крайней мере, стараясь скрыть от публики несчастья, постигшие его армию[60], он предавался ни на чем не основанному чувству самоуверенности и откладывал меры предосторожности против приближавшейся беды, нисколько не замедляя этим наступления самой беды[61]. Быстрое приближение Константина[62] едва могло пробудить его от пагубного усыпления: он льстил себя надеждой, что хорошо известная его щедрость и величие римского имени, уже спасшие его от двух неприятельских нашествий, по-прежнему без всяких затруднений рассеют мятежную галльскую армию. Опытные и искусные военачальники, служившие под начальством Максимиана, наконец нашлись вынужденными сообщить его изнеженному сыну о неизбежной опасности, которая ему угрожала; выражаясь с такой свободой, которая и удивила его, и убедила, они настаивали на том, чтобы он предотвратил свою гибель, с энергией употребив в дело все силы, какими мог располагать. Ресурсы Максенция и в солдатах, и в деньгах еще были очень значительны. Преторианская гвардия сознавала, как крепко связаны ее собственные интересы и безопасность с судьбою ее повелителя. Сверх того, скоро была собрана третья армия, более многочисленная, чем те, которые были потеряны в битвах при Турине и Вероне. Император и не думал принимать личное начальство над своими войсками. Так как он не имел никакой опытности в военном деле, то он дрожал от страха при одной мысли о такой опасной борьбе, а так как страх обыкновенно внушает склонность к суеверию, то он с грустным вниманием прислушивался к предзнаменованиям, которые, повидимому, грозили опасностью его жизни и его империи. Наконец стыд заменил ему мужество и заставил его взяться за оружие. Он был не в состоянии выносить от римского населения выражений презрения. Цирк оглашался криками не-

годования, а народ, шумно окружавший ворота дворца, жаловался на малодушие своего беспечного государя и превозносил геройское мужество Константина[63]. Перед своим отъездом из Рима Максенций обратился за советами к Сивилле. Хранители этого древнего оракула были столь же опытны в мирских делах, сколь не сведущи в том, что касается тайн человеческой судьбы, а потому они и дали Максенцию такой ловкий ответ, который можно было применить к обстоятельствам и который не мог уронить их репутации, каков бы ни был исход войны[64].

Быстроту успехов Константина сравнивали с быстрым завоеванием Италии первым из Цезарей; это лестное сравнение не противоречит исторической истине, так как между взятием Вероны и окончательной развязкой войны прошло не более пятидесяти восьми дней. Константин постоянно опасался, чтобы тиран не послушался внушений страха или благоразумия и не заперся в Риме, вместо того чтобы возложить свои последние надежды на успех генерального сражения; в таком случае обильные запасы провианта оградили бы Максенция от опасности голода, а Константин, вынужденный по своему положению спешить с окончанием войны, был бы поставлен в печальную необходимость разрушать огнем и мечом столицу, которую он считал высшей наградой за свою победу и освобождение которой послужило мотивом или, по правде сказать, скорее предлогом для междоусобной войны[65]. Поэтому, когда он достиг *Красных Скал* (Saxa Rubra), находящихся почти в девяти милях от Рима[66], и увидел армию Максенция, готовую вступить с ним в бой, он был столько же удивлен, сколько обрадован[67]. Широкий фронт этой армии занимал обширную равнину, а ее глубокие колонны достигали берегов Тибра, который защищал ее тыл и препятствовал ее отступлению. Нас уверяют, и нам нетрудно поверить, что Константин расположил свои войска с замечательным искусством и что он выбрал для самого себя почетный и опасный пост. Отличаясь от всех блеском своего вооружения, он лично атаковал кавалерию своего противника, и эта страшная атака решила исход сражения. Кавалерия Максенция состояла преимущественно или из неповоротливых латников, или из легковооруженных мавров и нумидийцев. Она не могла выдержать натиска галльских кавалеристов, которые превосходили первых своей изворотливостью,

а вторых своей тяжестью. Поражение обоих флангов оставило пехоту без всякого прикрытия, и недисциплинированные италийцы стали охотно покидать знамена тирана, которого они всегда ненавидели и которого перестали бояться. Преторианцы, сознававшие, что их преступления не из таких, которые прощаются, были воодушевлены желанием мщения и отчаянием. Но, несмотря на неоднократно возобновляемые усилия, эти храбрые ветераны не могли воротить победу; однако они умерли славною смертью, и было замечено, что их трупы покрывали то самое место, на котором были выстроены их ряды[68]. Тогда смятение сделалось всеобщим, и преследуемые неумолимым врагом войска Максенция стали тысячами бросаться в глубокие и быстрые воды Тибра. Сам император попытался вернуться в город через Мильвийский мост, но масса людей, теснившихся в этом узком проходе, столкнула его в реку, где он тотчас потонул от тяжести своих лат[69]. Его труп, очень глубоко погрузившийся в тину, был с трудом отыскан на следующий день. Когда его голова была выставлена перед глазами народа, все убедились в своем избавлении и стали встречать с выражениями преданности и признательности счастливого Константина, таким образом завершившего благодаря своему мужеству и дарованиям самое блестящее предприятие своей жизни[70].

В том, как воспользовался Константин своей победой, нет основания ни восхвалять его милосердие, ни порицать его за чрезмерную жестокость[71]. Он поступил с побежденными точно так же, как было бы поступлено и с его семейством, если бы он потерпел поражение: он казнил смертью двух сыновей тирана и позаботился о совершенном истреблении его рода. Самые влиятельные приверженцы Максенция должны бы были ожидать, что им придется разделить его участь точно так же, как они делили с ним его наслаждения; но когда римский народ стал требовать новых жертв, победитель имел достаточно твердости и человеколюбия, чтобы устоять против раболепных требований, внушенных столько же лестью, сколько жаждой мщения. Доносчики подвергались наказаниям и должны были умолкнуть, а люди, невольно пострадавшие при тиране, были возвращены из ссылки и обратно получили свои поместья. Общая амнистия успокоила умы и обеспечила пользование собственностью и в Италии и в Африке[72]. Когда Константин в первый раз почтил сенат своим

присутствием, он в скромной речи указал на свои собственные заслуги и военные подвиги, уверял это высокое собрание в своем искреннем уважении и обещал возвратить ему прежнее значение и старинные привилегии. Признательный сенат отблагодарил за эти ничего не стоящие заявления пустыми почетными титулами, какие только он был еще вправе раздавать, и, без всякого намерения утверждать своим одобрением воцарение Константина, издал декрет, которым возводил его на первое место между тремя *Августами*, управлявшими Римской империей[73]. Чтобы увековечить славу одержанной победы, были учреждены игры и празднества, а некоторые здания, воздвигнутые за счет Максенция, были посвящены его счастливому сопернику. Триумфальная арка Константина до сих пор служит печальным доказательством упадка искусств и оригинальным свидетельством самого вульгарного тщеславия. Так как в столице империи нельзя было найти скульптора, способного украсить этот публичный памятник, то пришлось позаимствовать самые изящные фигуры у арки Траяна - без всякого уважения и к памяти этого государя, и к требованиям благопристойности. При этом не было обращено никакого внимания на различия во времени, в лицах, в действиях и характерах. Пленные парфяне оказались распростертыми у ног такого монарха, который никогда не вел войн по ту сторону Евфрата, а любознательные антикварии и теперь еще могут видеть голову Траяна на трофеях Константина. Новые украшения, которыми пришлось заполнить пустые места между старинными скульптурными произведениями, исполнены чрезвычайно грубо и неискусно[74].

Окончательный роспуск преторианской гвардии был внушен столько же благоразумием, сколько мстительностью. Эти надменные войска - численный состав и привилегии которых были не только восстановлены, но даже увеличены Максенцием - были распущены Константином навсегда. Их укрепленный лагерь был разрушен, а немногие преторианцы, спасшиеся от ярости победителей, были распределены между легионами и отправлены на границы империи, где они могли быть полезны для службы, но уже не могли сделаться опасными[75]. Распуская войска, которые обыкновенно стояли в Риме, Константин нанес смертельный удар достоинству сената и народа, так как ничто уже не могло охранять

обезоруженную столицу от оскорблений или от пренебрежения живших вдалеке от нее императоров. Следует заметить, что римляне сделали последнюю попытку восстановить свою умирающую свободу и возвели Максенция на престол из опасения быть обложенными налогом. Максенций взыскал этот налог с сената под видом добровольных приношений. Они стали молить о помощи Константина. Константин низверг тирана и превратил добровольные приношения в постоянный налог. От сенаторов потребовали указания размеров их состояний и соответственно этим размерам разделили их на несколько классов. Самые богатые из них должны были платить ежегодно по восьми фунтов золота, следующий затем класс платил четыре фунта, самый низкий - два, а те из них, которые по своей бедности могли бы ожидать совершенного освобождения от налога, все-таки были обложены семью золотыми монетами. Кроме самих членов сената их сыновья, потомки и даже родственники пользовались пустыми привилегиями сенаторского сословия и несли его тяжести; поэтому нас не должен удивлять тот факт, что Константин тщательно старался увеличивать число лиц, входивших в столь доходный для него разряд[76)]. После поражения Максенция победоносный император провел в Риме не более двух или трех месяцев и в течение всей остальной своей жизни посетил его только два раза для того, чтобы присутствовать на торжественных празднествах по случаю вступления в десятый и двадцатый годы своего царствования. Константин почти постоянно был в разъездах то для упражнения легионов, то для осмотра положения провинций. Трир, Милан, Аквилея, Сирмиум, Нэсса и Фессалоники служили для него временными резиденциями, пока он не основал *Нового Рима* на границе между Европой и Азией[77)].

Перед своим походом в Италию Константин заручился дружбой или по меньшей мере нейтралитетом иллирийского императора Лициния.Он обещал выдать за этого государя свою сестру Констанцию, но торжество бракосочетания было отложено до окончания войны; назначенное с этой целью свидание двух императоров в Милане, по-видимому, скрепило связь между их семействами и их интересами[78)]. Среди публичных празднеств они были неожиданно вынуждены расстаться. Вторжение франков заставило Константина поспешить на Рейн, а враждебное движение азиатского монарха

потребовало немедленного отъезда Лициния. Максимин был тайным союзником Максенция и, не падая духом от печальной участи, постигшей этого государя, решился попытать счастия в междоусобной войне. В самой середине зимы он выступил из Сирии по направлению к границам Вифинии. Погода была холодная и бурная; множество людей и лошадей погибли в снегах, а так как дороги были испорчены непрерывными дождями, то он был вынужден оставить позади значительную часть тяжелого обоза, неспособного следовать за ним при его быстрых форсированных переходах. Благодаря такой чрезвычайной торопливости он прибыл с измученной, но все еще сильной армией на берега Фракийского Босфора, прежде нежели генералы Лициния узнали о его враждебных намерениях. Византия сдалась Максимину после одиннадцатидневной осады. Он был задержан на несколько дней под стенами Гераклеи, но, лишь только успел овладеть этим городом, к нему пришло тревожное известие, что Лициний раскинул свой лагерь на расстоянии только восемнадцати миль. После бесплодных переговоров, во время которых каждый из этих монархов пытался склонить к измене приверженцев своего противника, они прибегли к оружию. Восточный император имел под своим начальством дисциплинированную и испытанную в боях армию более чем из семидесяти тысяч человек; Лициний, успевший собрать около тридцати тысяч иллирийцев, был сначала подавлен многочисленностью неприятеля. Но его воинское искусство и стойкость его войск загладили первую неудачу и доставили ему решительную победу. Невероятная быстрота, которую Максимин проявил в своем бегстве, восхвалялась гораздо более, нежели его храбрость во время сражения. Через двадцать четыре часа после его поражения его видели бледным, дрожащим от страха и без императорских украшений в Никомедии, в ста шестидесяти милях от поля битвы. Богатства Азии еще не были истощены, и, хотя цвет его ветеранов пал в последнем сражении, он мог бы еще собрать многочисленных рекрутов в Сирии и Египте, если бы имел на то достаточно времени. Но он пережил свое несчастье только тремя или четырьмя месяцами. Его смерть, приключившуюся в Тарсе, приписывают различным причинам - отчаянию, отравлению и божескому правосудию. Так как у Максимина не было ни особых дарований, ни добродетелей, то о нем не жалели ни солдаты,

ни народ. Восточные провинции, избавившись от ужасов междоусобной войны, охотно признали над собою власть Лициния[79].

После побежденного императора осталось двое детей - мальчик, которому было около восьми лет, и девочка, которой было около семи. Их невинный возраст мог бы возбудить к ним сострадание; но сострадание Лициния было плохим ресурсом; оно не помешало ему искоренить потомство его соперника. Казнь сына Севера еще менее извинительна, так как она не была вызвана ни жаждой мщения, ни политическими соображениями. Победитель никогда не терпел никаких обид от отца этого несчастного юноши, а непродолжительное и ничем не прославившееся царствование Севера над отдаленною частью империи уже было всеми позабыто. Но казнь Кандидиана была актом самой низкой жестокости и неблагодарности. Он был незаконный сын Лициниева друга и благодетеля Галерия. Благоразумный отец считал его слишком юным для того, чтобы выносить тяжесть императорской диадемы, но надеялся, что Кандидиан проведет свою жизнь в безопасности и в почете под покровительством тех государей, которые были обязаны ему императорским званием. В ту пору Кандидиану было около двадцати лет, и, хотя знатность его происхождения не поддерживалась ни личными достоинствами, ни честолюбием, она оказалась вполне достаточной для того, чтобы возбудить зависть в душе Лициния[80]. К этим невинным и знатным жертвам его тирании мы должны присовокупить жену и дочь императора Диоклетиана. Когда этот монарх возвел Галерия в звание Цезаря, он вместе с тем дал ему в супружество свою дочь Валерию, печальная судьба которой могла бы послужить интересным сюжетом для трагедии. Она честно исполняла обязанности жены и даже делала более того, что требуется этими обязанностями. Так как у нее не было собственных детей, она согласилась усыновить незаконного сына своего мужа и всегда относилась к несчастному Кандидиану с нежностью и заботливостью настоящей матери. После смерти Галерия ее богатые поместья возбудили жадность в его преемнике Максимине, а ее привлекательная наружность возбудила в нем страсть[81]. Его собственная жена еще была жива, но развод дозволялся римскими законами, а бешеные страсти тирана требовали немедленного удовлетворения. Ответ Валерии был такой,

какой был приличен для дочери и вдовы императоров, но он был смягчен той сдержанностью, на которую ее вынуждало ее беззащитное положение. Тем, кто обратился к ней с предложениями от имени Максимина, она сказала, что "даже если бы честь позволяла женщине с ее характером и положением помышлять о втором браке, то по меньшей мере чувство приличия не позволило бы ей принять эти предложения в такое время, когда прах ее мужа еще не остыл и когда скорбь ее души еще выражается в ее траурном одеянии". К этим словам она осмелилась присовокупить, что она не может относиться с полным доверием к уверениям человека, который так жестокосерд в своем непостоянстве, что способен развестись с верной и преданной женой[82]. При этом отказе страсть Максимина перешла в ярость, а так как свидетели и судьи всегда были в полном его распоряжении, то ему нетрудно было прикрыть свой гнев внешними формами легального образа действий и посягнуть на репутацию и на благосостояние Валерии. Ее имения были конфискованы, ее евнухи и ее прислуга были подвергнуты самым жестоким истязаниям, а некоторые добродетельные и почтенные матроны, которых она удостаивала своей дружбы, были лишены жизни вследствие ложного обвинения в прелюбодеянии. Сама императрица и ее мать Приска были осуждены на изгнание, а так как прежде, нежели их заперли в уединенной деревне среди сирийских степей, их с позором влачили из одного города в другой, то им пришлось выказывать свой позор и свое бедственное положение перед теми восточными провинциями, которые в течение тридцати лет чтили их высокое звание. Диоклетиан несколько раз безуспешно пытался облегчить несчастную участь своей дочери; наконец, он стал просить, чтобы Валерии было дозволено разделить с ним его уединенную жизнь в Салоне и закрыть глаза своему огорченному отцу; это была единственная благодарность, которой он считал себя вправе ожидать от государя, возведенного им в императорское достоинство[83]. Он просил, но так как он уже не был в состоянии угрожать, то его просьбы были приняты с равнодушием и с пренебрежением, а между тем гордость Максимина находила для себя удовлетворение в том, что он мог обращаться с Диоклетианом как с просителем, а с его дочерью как с преступницей. Смерть Максимина, по-видимому, обещала обеим императрицам счастливую перемену

в их судьбе. Общественная неурядица ослабила бдительность их стражей, так что они легко нашли возможность бежать из места своего изгнания и, переодевшись, наконец успели укрыться при дворе Лициния. Его поведение в первые дни его царствования и почетный прием, оказанный им молодому Кандидиану, наполнили сердце Валерии тайною радостью: она полагала, что ей уже не придется трепетать ни за свою собственную судьбу, ни за судьбу усыновленного ею юноши. Но эти приятные ожидания скоро уступили место чувствам ужаса и удивления, и страшные казни, обагрившие кровью дворец Никомедии, убедили ее, что трон Максимина занят тираном еще более бесчеловечным, чем сам Максимин. Из чувства самосохранения Валерия поспешила бежать и, попрежнему не разлучаясь со своей матерью Приской, блуждала в течение почти пятнадцати месяцев[84] по провинциям, переодевшись в плебейское платье. Наконец они были задержаны в Фессалониках, а так как над ними уже состоялся смертный приговор, то они были немедленно обезглавлены, а их трупы были брошены в море. Народ с удивлением смотрел на это печальное зрелище, но страх военной стражи заглушал в нем чувства скорби и негодования. Такова была жалкая судьба жены и дочери Диоклетиана. Мы оплакиваем их несчастия, не будучи в состоянии понять, в чем заключались их преступления, и, каково бы ни было наше мнение о жестокосердии Лициния, мы не можем не удивляться тому, что он не удовольствовался каким-нибудь более тайным и более приличным способом мщения[85].

Римский мир оказался теперь разделенным между Константином и Лицинием, из которых первый был повелителем Запада, а второй—повелителем Востока. По-видимому, можно было ожидать, что эти завоеватели, утомившись междоусобными войнами и будучи связаны между собою и узами родства, и трактатами, откажутся от всяких дальнейших честолюбивых намерений или по крайней мере отложат их на время в сторону; а между тем едва прошел один год со времени смерти Максимина, как эти победоносные императоры уже обратили свое оружие друг против друга. Гений, успехи и предприимчивый характер Константина могли бы заставить думать, что он был виновником разрыва, но вероломство Лициния оправдывает самые неблагоприятные для него подозрения, и при слабом свете, который бросает история на эти

события[86], мы в состоянии усмотреть признаки заговора, который был составлен коварным Лицинием против его соправителя. Незадолго перед тем Константин выдал свою сестру Анастасию замуж за знатного и богатого Бассиана и возвел своего нового родственника в звание Цезаря. Согласно установленной Диоклетианом системе управления, Италия и, может быть, также Африка должны бы были составлять удел нового государя. Но исполнение обещанной милости замедлялось такими отсрочками или сопровождалось такими невыносимыми условиями, что оказанное Бассиану лестное отличие скорее поколебало, чем упрочило его преданность. Его титул был утвержден одобрением Лициния, и этот коварный государь скоро успел войти через посредство своих эмиссаров в тайные и опасные сношения с новым Цезарем, постарался раздражить в нем чувство неудовольствия и внушил ему опрометчивую решимость исторгнуть силою то, чего он тщетно ожидал от справедливости Константина. Но бдительный император открыл заговор прежде, нежели все было готово для приведения его в исполнение, и, торжественно отказавшись от союза с Бассианом, лишил его императорского звания и подверг его измену и неблагодарность заслуженному наказанию. Дерзкий отказ Лициния выдать скрывшихся в его владениях преступников подтвердил подозрения насчет его вероломства, а оскорбления, которым подверглись статуи Константина в Эмоне, на границе Италии, послужили сигналом для разрыва между двумя монархами[87].

Первое сражение произошло подле города Кибалиса, лежащего в Паннонии на берегу Савы, почти в пятидесяти милях от Сирмиума[88]. Незначительность военных сил, выведенных в поле в этой важной борьбе двумя столь могущественными монархами, заставляет думать, что один из них был неожиданно вызван на бой, а другой был застигнут врасплох. У западного императора было только двадцать тысяч человек, а у восточного не более тридцати пяти тысяч. Но сравнительная малочисленность армии Константина возмещалась выгодами занятых ею позиций. Константин занял между крутой горой и глубоким болотом ущелье, имевшее около полумили в ширину, и в этой позиции с твердостью выжидал и отразил первое нападение противника. Пользуясь своим успехом, он вывел свои войска в равнину. Но состоявшие из ветеранов иллирийские легионы снова собрались под знаме-

нами вождя, учившегося военному ремеслу в школе Проба и Диоклетиана. Метательные снаряды скоро истощились с обеих сторон, и обе армии, одушевляясь одинаковым мужеством, вступили в рукопашный бой с мечами и дротиками в руках; нерешительный бой продолжался от рассвета до позднего часа ночи и кончился тем, что предводимое самим Константином правое крыло сделало энергичное нападение на противника. Благоразумное отступление Лициния спасло остатки его армии от совершенного истребления, но, когда он подсчитал свои потери - более двадцати тысяч человек, он счел небезопасным проводить ночь в присутствии предприимчивого и победоносного неприятеля. Покинув свой лагерь и свои магазины, он скрытно и поспешно удалился во главе большей части кавалерии и скоро был вне опасности. Его торопливость спасла жизнь его жены и сына, а также сокровища, сложенные им в Сирмиуме. Лициний прошел через этот город и, разрушив мост на Саве, поспешил собрать новую армию в Дакии и Фракии. Во время своего бегства он дал непрочное звание Цезаря Валенту, одному из его генералов, командовавших на иллирийской границе[89].

Мардийская равнина во Фракии была театром второй битвы, не менее упорной и кровопролитной, чем первая. Обе армии выказали одинаковую храбрость и дисциплину, и победа еще раз была одержана превосходством воинских дарований Константина, по приказанию которого отряд из пяти тысяч человек занял выгодную позицию на высотах и, устремившись оттуда, в самом разгаре сражения, на неприятельский арьергард, нанес ему очень чувствительные потери. Однако войска Лициния, представлявшие двойной фронт, не покинули поля сражения до тех пор, пока наступление ночи не положило конец битве и не обеспечило их отступление к горам Македонии[90]. Потеря двух сражений и гибель самых храбрых его ветеранов заставили надменного Лициния просить мира. Его посол Мистриан был допущен на аудиенцию к Константину; он высказал много общих мест об умеренности и человеколюбии, которые обыкновенно служат сюжетом для красноречия побежденных, а затем в самых вкрадчивых выражениях указывал на то, что исход войны еще сомнителен, тогда как неразлучные с нею бедствия одинаково пагубны для обеих воюющих стран; в заключение он объявил, что он уполномочен предложить прочный и почетный мир от

имени *обоих* императоров, его повелителей. При упоминании о Валенте Константин выразил негодование и презрение. "Мы пришли сюда, - грозно возразил он, - от берегов Западного океана, после непрерывного ряда сражений и побед, вовсе не для того, чтобы принять в соправители презренного раба, после того как мы отвергли неблагодарного родственника. Отречение Валента должно быть первой статьей мирного договора"[91]. Необходимость заставила Лициния принять это унизительное условие, и несчастный Валент, процарствовавший лишь несколько дней, был лишен и императорского достоинства, и жизни. Лишь только было устранено это препятствие, уже нетрудно было восстановить спокойствие в Римской империи. Если следовавшие одно за другим поражения, понесенные Лицинием, истощили его силы, зато они обнаружили все его мужество и все его дарования. Его положение было почти отчаянное, но усилия, внушаемые отчаянием, иногда бывают грозны, и здравый смысл Константина заставил его предпочесть важные и верные выгоды неверному успеху третьей битвы. Он согласился оставить под властью своего соперника, или - как он стал снова называть Лициния - своего друга и брата, Фракию, Малую Азию, Сирию и Египет; но Паннония, Далмация, Дакия, Македония и Греция были присоединены к Западной империи, так что владения Константина простирались с тех пор от пределов Каледонии до оконечности Пелопоннеса. Тем же мирным договором было условлено, что три царственных юноши, сыновья императоров, будут назначены преемниками своих отцов. Вскоре вслед за тем Крисп и молодой Константин были провозглашены Цезарями на западе, а молодой Лициний был возведен в то же звание на востоке. Этим двойным размером почестей победитель заявлял о превосходстве своих военных сил и своего могущества[92].

Хотя примирение между Константином и Лицинием было отравлено злобой и завистью, воспоминанием о недавнем унижении и опасениями за будущее, однако оно поддержало в течение более восьми лет внутреннее спокойствие в империи. Так как с этого времени ведет свое начало правильный ряд изданных императором законов, то нам было бы нетрудно изложить гражданские постановления, занимавшие Константина в часы его досуга. Но самые важные из его постановлений тесно связаны с новой политической и религиозной

системой, которая была вполне введена в действие лишь в последние мирные годы его царствования. Между изданными им законами есть много таких, которые касаются прав и собственности частных лиц и судебной практики, а потому должны быть отнесены к частной юриспруденции, а не к общественному управлению империей; сверх того, он издал много эдиктов, имевших такой местный и временный характер, что они не заслуживают упоминания во всеобщей истории. Впрочем, из этой массы законоположений мы выберем два закона - один ради его важности, другой ради его оригинальности, один ради его замечательного человеколюбия, а другой ради его чрезмерной строгости. I. Свойственное древним отвратительное обыкновение подкидывать или убивать новорожденных детей с каждым днем все более и более распространялось в провинциях, и в особенности в Италии. Оно было результатом нищеты, а нищета происходила главным образом от невыносимой тяжести налогов и от придирчивых и жестоких угнетений, которым сборщики податей подвергали несостоятельных должников. Самые бедные или самые нетрудолюбивые члены человеческой семьи, вместо того чтобы радоваться приращению своего семейства, считали за доказательство своей отеческой нежности то, что они избавляли своих детей от таких лишений, которых сами они не были в состоянии выносить. Движимый чувством человеколюбия или, может быть, растроганный какими-нибудь новыми и поразительными случаями отчаяния[93)] родителей, Константин обратился с эдиктом ко всем городам, сначала Италии, а потом и Африки, предписывая подавать немедленную и достаточную помощь родителям, являющимся к магистрату с ребенком, которого они по своей бедности не в состоянии воспитать. Но обещание было так щедро, а средства для его исполнения были так неопределенны, что этот закон не мог принести никакой общей пользы[94)]; хотя бы он и заслуживал в некотором отношении похвалы, он не столько облегчил, сколько обнаружил общую нищету. Он до сих пор служит достоверным опровержением и уликой тех продажных ораторов, которые были так довольны своим собственным положением, что не допускали, чтобы порок и нищета могли существовать под управлением столь великодушного монарха[95)].

2. Законы Константина касательно наказания тех, кто провинился в изнасиловании женщины, доказывают слишком

мало снисходительности к одной из самых увлекательных слабостей человеческой натуры, так как под признаки этого преступления подводилось не только грубое насилие, но и любезное ухаживанье, путем которого удалось склонить еще не достигшую двадцатипятилетнего возраста незамужнюю женщину покинуть родительский дом. Счастливого любовника наказывали смертью, и, как будто находя, что за такое страшное преступление недостаточно простой смертной казни, его или жгли живого, или отдавали на растерзание диким зверям в амфитеатре. Заявление девушки, что она была увезена с ее собственного согласия, вместо того чтобы спасти ее возлюбленного, подвергало и ее одной с ним участи. Обязанности публичного обвинения возлагались на родителей виновной или несчастной девушки, если же над ними брали верх чувства, внушаемые самой природой, и они или скрывали преступное деяние, или восстанавливали честь семьи бракосочетанием, их самих наказывали ссылкой и отобранием их имений в казну. Рабов обоего пола, уличенных в содействии изнасилованию или похищению, сжигали живыми или лишали жизни с более замысловатыми истязаниями: им вливали в рот растопленный свинец. Так как преступление считалось публичным, то обвинять дозволялось даже посторонним людям. Возбуждение судебного преследования не было ограничено никаким числом лет, а результаты приговора простирались на невинных детей, родившихся от такой незаконной связи[96]. Но всякий раз, как преступление внушает менее отвращения, чем наказание, жестокость уголовного закона бывает вынуждена преклоняться перед теми чувствами, которые сама природа вложила в человеческое сердце. Самые возмутительные статьи этого эдикта были ослаблены или отменены при следующих императорах[97], и даже сам Константин очень часто смягчал отдельными актами милосердия суровость своих узаконений. Действительно, таков был странный нрав этого императора, что он был столько же снисходителен и даже небрежен в применении своих законов, сколько он был строг и даже жесток при их составлении. Едва ли можно подметить более решительный признак слабости в характере монарха или в системе управления[98].

Занятия делами гражданского управления по временам прерывались военными экспедициями, предпринимавшимися для защиты империи. Юный и одаренный от природы са-

мым симпатичным характером Крисп, получив вместе с титулом Цезаря главное командование на Рейне, выказал свои способности и свое мужество в нескольких победах, одержанных им над франками и алеманнами,и заставил живших вблизи от этой границы варваров бояться старшего сына Константина и внука Констанция[99]. Сам император взял на себя более трудную и более важную оборону придунайских провинций. Готы, испытавшие на себе силу римского оружия во времена Клавдия и Аврелиана, не посягали на внутреннее спокойствие империи даже во время раздиравших ее междоусобиц. Но продолжавшийся около пятидесяти лет мир восстановил силы этой воинственной нации, а новое поколение позабыло о прошлых бедствиях: жившие на берегах Меотийского залива сарматы стали под знамя готов или в качестве подданных, или в качестве союзников, и эти соединенные силы варваров обрушились на иллирийские провинции. Кампона, Марг и Анония[100], как кажется, были местом нескольких важных осад и сражений[101], и хотя Константин встретил упорное сопротивление, он в конце концов одержал верх, и готы были вынуждены заплатить за право постыдного отступления возвращением взятых ими пленников и добычи. Этот успех не мог удовлетворить раздраженного императора. Он хотел не только отразить, но и наказать дерзких варваров, осмелившихся вторгнуться в римскую территорию. С этой целью он перешел во главе своих легионов Дунай, предварительно исправив мост, который был построен Траяном; затем он проник в самые неприступные части Дакии[102] и, жестоко отомстив готам, согласился на мир с тем условием, чтобы они доставляли ему сорокатысячный отряд войск всякий раз, как он этого потребует[103]. Такие подвиги, бесспорно, делали честь Константину и были полезны для государства, но они едва ли оправдывают преувеличенное утверждение Евсевия, будто *вся Скифия*, - которая была в то время разделена между столькими народами, носившими различные имена и отличавшимися самыми разнообразными и самыми дикими нравами, - была до самых северных своих пределов присоединена к Римской империи вследствие побед Константина[104].

Понятно, что достигший столь блестящего величия Константин не захотел долее выносить раздела верховной власти с каким-либо соправителем. Полагаясь на превосходства сво-

его гения и военного могущества, он, без всякого вызова со стороны противника, решился воспользоваться этими преимуществами для низвержения Лициния, который и по причине своих преклонных лет, и по причине внушавших к нему отвращение пороков, казалось, не был в состоянии оказать серьезного сопротивления[105] Но престарелый император, пробужденный из своего усыпления приближающеюся опасностью, обманул ожидания и своих друзей, и своих врагов. Снова призвав к себе на помощь то мужество и те военные дарования, которые доставили ему дружбу Галерия и императорское звание, он приготовился к борьбе, собрал все силы Востока и скоро покрыл равнины Адрианополя своими войсками, а пролив Геллеспонта - своими флотами. Его армия состояла из ста пятидесяти тысяч пехоты и пятнадцати тысяч конницы, а так как его кавалерия была организована большею частью во Фригии и Каппадокии, то нам нетрудно составить себе более благоприятное мнение о красоте ее лошадей, нежели о храбрости и ловкости самих всадников. Его флот состоял из трехсот пятидесяти трехвесельных галер; из них сто тридцать были доставлены Египтом и соседним с ним африканским побережьем; сто десять прибыли из портов Финикии и острова Кипра, а приморские страны - Вифиния, Иония и Кария - были обязаны доставить также сто десять галер. Войскам Константина были назначены сборным пунктом Фессалоники; они состояли более чем из ста двадцати тысяч конницы и пехоты[106] Император остался доволен их воинственной внешностью, и, хотя они уступали восточной армии числом людей, в них было более настоящих солдат. Легионы Константина были набраны в воинственных европейских провинциях; войны укрепили их дисциплину, прежние победы внушали им бодрость, и в их среде было немало таких ветеранов, которые после семнадцати славных кампаний под началом одного и того же вождя, готовились выказать в последний раз свое мужество, чтобы этим заслужить право на почетную отставку[107] Но морские приготовления Константина не могли ни в каком отношении равняться с приготовлениями Лициния. Приморские города Греции прислали в знаменитую Пирейскую гавань столько людей и кораблей, сколько могли, но их соединенные морские силы состояли не более как из двухсот мелких судов: это были весьма незначительные сооружения в сравнении с теми

страшными флотами, которые снарядила и содержала Афинская республика во время Пелопоннесской войны[108]. С тех пор как Италия перестала быть местопребыванием правительства, морские заведения в Мизене и Равенне стали мало-помалу приходить в упадок, а так как мореплавание и знание морского дела поддерживались в империи не столько войнами, сколько торговлей, то весьма естественно, что они процветали преимущественно в промышленных провинциях Египта и Азии. Можно только удивляться тому, что восточный император не воспользовался превосходством своих морских сил для того, чтобы перенести войну в самый центр владений своего противника.

Вместо того чтобы принять такое энергичное решение, которое могло бы дать войне совершенно другой оборот, осторожный Лициний ожидал приближения своего соперника в устроенном близ Адрианополя лагере, который он укрепил с напряженным старанием, ясно свидетельствовавшим о его опасениях насчет исхода борьбы. Константин вел свою армию из Фессалоник в эту часть Фракии, пока не был остановлен широкой и быстрой рекой Гебром и пока не увидел, что многочисленная армия Лициния расположилась на крутом скате горы от реки и до самого города Адрианополя. Несколько дней прошли в неважных стычках, происходивших на значительном расстоянии от обеих армий; но неустрашимость Константина наконец устранила препятствия, мешавшие переходу через реку и нападению на неприятельскую армию. В этом месте мы должны рассказать о таком удивительном подвиге Константина, с которым едва ли могут равняться вымыслы поэтов и романистов и который восхваляется не каким-нибудь преданным Константину продажным оратором, а историком, относившимся к нему с особенным недоброжелательством. Нас уверяют, будто храбрый император устремился в реку Гебр в сопровождении только двенадцати всадников и что силою или страхом своей непобедимой руки он опрокинул, искрошил и обратил в бегство стопятидесятитысячную массу людей. Легковерие Зосима до такой степени взяло верх над его нерасположением к Константину, что из всех подробностей достопамятной Адрианопольской битвы он, как будто нарочно, выбрал и разукрасил не самую важную, а самую удивительную. О храбрости Константина и об опасности, которой он себя подвергал, свидетельствует

легкая рана, которую он получил в бедро; но даже из этого неполного описания и несмотря на то, что его текст, как кажется, был извращен, мы можем усмотреть, что победа была одержана столько же искусством полководца, сколько храбростью героя, что пятитысячный отряд стрелков из лука сделал обход для занятия густого леса в тылу у неприятеля, внимание которого было отвлечено постройкой моста, и что Лициний, сбитый с толку столькими хитрыми эволюциями, был вынужден уйти со своих выгодных позиций и сразиться на равнине, на гладкой почве. Тогда условия борьбы перестали быть равными. Беспорядочная масса набранных Лицинием молодых рекрутов была без большого труда разбита опытными западными ветеранами. На месте легли, как уверяют, тридцать четыре тысячи человек. Укрепленный лагерь Лициния был взят приступом вечером того дня, когда происходила битва; большая часть беглецов, укрывшихся в горах, сдалась на следующий день на произвол победителя, а его соперник, уже не имевший возможности продолжать кампанию, заперся в стенах Византия[109]

Немедленно вслед за тем Константин предпринял осаду Византия, требовавшую больших усилий, успех которых нисколько не был обеспечен. Во время последних междоусобных войн укрепления этого города, по справедливости считающегося ключом Европы и Азии, были исправлены и усилены, и, пока Лициний оставался властителем на море, голода могли опасаться гораздо более осаждающие, нежели осажденные. Константин призвал в свой лагерь начальников своего флота и дал им решительное приказание прорваться через Геллеспонт, так как флот Лициния, вместо того чтобы преследовать и уничтожить своего слабого противника, стоял в бездействии в узких проливах, где его численное превосходство не могло принести ему никакой пользы. Старшему сыну императора, Криспу, было поручено главное начальство в этом смелом предприятии, и он привел его в исполнение с таким мужеством и успехом, что заслужил уважение своего отца и даже, по всему вероятию, возбудил в нем зависть. Сражение продолжалось два дня: в конце первого дня оба флота, понеся значительные потери, удалились в свои гавани - один к берегам Европы, другой к берегам Азии. На другой день поднявшийся около полудня сильный южный ветер[110] понес корабли Криспа на неприятеля, а так

как этим случайным преимуществом Крисп сумел воспользоваться с большим искусством и неустрашимостью, то скоро была одержана полная победа. Сто тридцать кораблей были уничтожены, пять тысяч человек были убиты, а адмирал азиатского флота, Аманд, лишь с величайшим трудом успел достичь берегов Халкедона. Лишь только был открыт свободный проход через Геллеспонт, огромный обоз со съестными припасами был доставлен в лагерь Константина, который между тем уже успел продвинуть вперед осадные работы. Он соорудил искусственную земляную насыпь, равнявшуюся вышиной с валом, которым был обнесен Византий; на этой насыпи он устроил высокие башни, откуда военные машины метали в осажденных огромные камни и стрелы, а с помощью таранов он во многих местах разрушил городские стены. Если бы Лициний долее упорствовал в сопротивлении, он мог бы сам погибнуть под развалинами города. Поэтому, прежде нежели город был окружен со всех сторон, он имел благоразумие перебраться вместе со своими сокровищами в Азию, в Халкедон, а так как он всегда любил делить с каким-нибудь соправителем свои надежды и опасности, он возвел в звание Цезаря одного из самых высших своих сановников - Мартиниана[111].

Несмотря на столько поражений, еще так велики были ресурсы, которыми располагал Лициний, и так велика была его личная энергия, что, в то время как Константин был занят осадой Византия, он собрал в Вифинии новую армию в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек. Бдительный император не пренебрег этими последними усилиями своего противника. Значительная часть его победоносной армии была перевезена через Босфор на мелких судах, и вскоре после высадки их на берег решительная битва произошла на высотах Хрисополя, или - как его теперь называют - Скутари. Хотя войска Лициния состояли из плохо вооруженных и еще хуже дисциплинированных новобранцев, они дрались с бесплодной, но отчаянной храбростью, пока полное поражение и потеря двадцати пяти тысяч человек не порешили безвозвратно судьбу их вождя[112]. Он удалился в Никомедию скорее с целью выиграть время для переговоров, чем с надеждой найти средства для обороны. Его жена Констанция обратилась к своему брату Константину с ходатайством за мужа и благодаря не столько состраданию императора, сколько его поли-

тическим расчетам получила от него торжественное обещание, подкрепленное присягой, что, если Лициний пожертвует Мартинианом и сам сложит с себя императорское достоинство, ему будет дозволено провести остаток своей жизни в спокойствии и достатке. Поведение Констанции и ее родственные связи с двумя враждующими монархами напоминают нам о той добродетельной матроне, которая была сестрой Августа и женой Антония. Но с тех пор нравы успели измениться, и для римлянина уже не считалось позором пережить утрату своей чести и независимости. Лициний просил и принял прощение своих преступлений; он сложил свою императорскую мантию и сам пал к стопам своего *государя* и *повелителя*, а после того как Константин поднял его с оскорбительным для него соболезнованием, он был в тот же самый день допущен к императорскому столу и вскоре вслед за тем сослан в Фессалоники, которые были назначены местом его заключения[113]. Его ссылка скоро окончилась смертью, но нам неизвестно положительно, что послужило мотивом для его казни - бунт ли солдат или сенатский декрет. Согласно с принципами тирании, он был обвинен в составлении заговора и в изменнической переписке с варварами; но так как он никогда не мог быть в этом уличен ни его собственным поведением, ни какими-либо легальными доказательствами, то ввиду его слабости мы позволяем себе думать, что он был невинен[114]. Память Лициния была заклеймена позором, его статуи были низвергнуты, а в силу незрело обдуманного декрета, который был так вреден по своим последствиям, что почти немедленно был изменен, все его законы и все судебные постановления его царствования были отменены[115]. Этой победой Константина римский мир был снова соединен под властью одного императора через тридцать семь лет после того, как Диоклетиан разделил свою власть и провинции со своим соправителем Максимианом.

Мы с подробностью и точностью описали постепенное возвышение Константина, начиная с того времени, как он принял императорское звание в Йорке, и кончая отречением Лициния в Никомедии; мы сделали это не потому только, что эти события сами по себе и интересны и важны, но еще более потому, что они содействовали упадку империи тем, что истощали ее физические силы и сокровища и постоянно требовали увеличения как налогов, так и военных сил. Осно-

вание Константинополя и введение христианской религии были непосредственными и достопамятными последствиями этого переворота.

---

1) Монтескьё (Considérations sur la Grandeur et la Décadence des Romains, гл. 17), ссылаясь на авторитет Орозия и Евсевия, полагает, что в этом случае империя была в первый раз действительно разделена на две части. Однако трудно понять, в чем план Галерия отличался от плана Диоклетиана.
2) Hic non modo amabilis,sed etiam venerabilis Gallis fuit; praecique quod Diocletiani suspectam prudentiam, et Maximiani sanguinariam violentiam imperio ejus evaserant. Евтроп. Breviar., X, 1.
3) Divitiis Provincialium (лучше provinciarum) ac privatorum studens, fisci commoda non admodum affectans; ducensque melius publicas opes a privatis haberi, quam intra unum claustrum reservari (Id., Ibid.). Он довел этот принцип до того, что, когда ему случалось давать обед, он был вынужден брать взаймы чужую столовую посуду.
4) Лактанций, de Mort. Persecutor., гл. 18. Если бы подробности этого разговора и были более согласны с истиной и с приличиями, мы все-таки могли бы спросить, каким образом они дошли до сведения малоизвестного ритора. Но ведь не мало найдется историков, которые напоминают нам прекрасные слова, сказанные великим Конде кардиналу Рецу: "Ces coquins nous font parler et agir, comme ils auraient fait eux - mêmes à notre place". (Эта выходка против Лактанция неосновательна: Лактанций вовсе не был малоизвестным ритором, так как он преподавал риторику публично и с самым большим успехом сначала в Африке, а потом в Никомедии. Его репутация доставила ему уважение Константина, который пригласил его ко двору и поручил ему воспитание своего сына Криспа. Факты, которые он приводит в своих сочинениях, происходили в его время, и его нельзя обвинять в обмане и лицемерии. Satis me vixisse arbitrabor et officium hominis implesse si labor meus aliquos homines, ab erroribus liberatos, ad iter coeleste direxerit (De opificio Dei, гл. 20). Благодаря своему красноречию Лактанций был прозван христианским Цицероном. См. "Ист. литерат". д-ра Кава, ч. 1, стр. 113. (Anon. gentl.). - Гизо) (Однако Лактанций достиг такой известности только в конце своей жизни. В то время, когда мог происходить сообщаемый им разговор, он был действительно так малоизвестен, как это утверждает Гиббон, и, по всему вероятию, не имел возможности знать придворные тайны. А впоследствии, когда его положение изменилось к лучшему, он все-таки едва ли мог узнать о том, что происходило за двадцать лет перед тем в секретной беседе между двумя императорами. Эти соображения в совокупности с самим содержанием анекдота заставляют сомневаться в его достоверности. И некоторые германские филологи, в том числе и декан Мильман, считают это место у Лактанция подложным. - Издат.)
5) Sublatus nuper a pecoribus et silvis (говорит Лактанций в de Mort. Persec., гл. 19) statim Scutarius, continuo Protector, mox Tribunus,

postridie Caesar, accepit Orientem. Аврелий Виктор слишком щедр, отдавая ему весь удел Диоклетиана.

6) Его усердие и преданность признает даже Лактанций (de Mort. Pers., гл. 18).

7) Впрочем, сведения об этих проектах основываются лишь на весьма сомнительном авторитете Лактанция (de Mort. Pers., гл. 20).

8) Это предание, незнакомое современникам Константина, было выдумано невежественными монахами, украшено Готфридом Монмутом и писателями двенадцатого столетия, поддерживалось нашими антиквариями прошедшего столетия и сообщается как нечто серьезное в тяжеловесной истории Англии, компилированной г-ном Картом (ч. 1, стр. 147). Впрочем, он переносит королевство воображаемого отца Елены Коила из Эссекса к стене Антонина.

9) Евтропий (X, 2) выражает в немногих словах действительную правду и объясняет, что послужило поводом к заблуждению, "ex obscuriori matrimonio ejus filius". Зосим (кн. 2, стр. 78) с жаром взялся за самое неблагоприятное мнение; его примеру последовал Орозий (VII, 95); и странно, что неутомимый, но пристрастный Тильемон оставил без внимания авторитет этого последнего писателя. Диоклетиан, настаивая на разводе Елены, тем самым признал законность ее брака.

10) Касательно места рождения Константина существуют три мнения. 1) Наши английские антикварии привыкли с восторгом останавливаться на следующих словах его панегириста: "Britannias illic oriendo nobiles fecisti". Но это выражение можно отнести столько же к возведению Константина на престол, сколько к его рождению. 2) Некоторые из новейших греческих писателей приписывали честь рождения Константина лежавшему в Никомедийском заливе городу Дрепану (Целларий, ч. 2, стр. 174); Константин почтил этот город названием Еленополя, а Юстиниан украсил его несколькими великолепными зданиями (Прокоп. de Aedificiis, V, 2). Действительно, весьма правдоподобно, что отец Елены содержал в Дрепане гостиницу и что Констанций останавливался в ней на возвратном пути из своего посольства в Персию в царствование Аврелиана. Но в бродячей жизни воина было бы напрасно искать какой-либо связи между местом его вступления в брак и местом рождения его детей. 3) Притязания Нэсса поддерживаются анонимным писателем, сочинение которого было помещено в конце "Истории" Аммиана, стр. 710, и который вообще пользовался хорошими материалами, и подкрепляются Юлием Фирмицием (de Astrologia, кн. 1, гл. 4), славившимся в царствование самого Константина. Против неподдельности текста Фирмиция и против его истолкования делались некоторые возражения; но самый текст подтверждается лучшими манускриптами, а истолкование его искусно защищал Липсий - De Magnitudine Romana, кн. 4, гл. 11 и Приложение. (Константин родился 27 февраля, но год его рождения неизвестен в точности. Некоторые писатели полагают, что, когда он умер, ему было шестьдесят три или шестьдесят шесть лет. Клинтон, a. 337. - Издат.)

11) Literis minus instructus. Анон., ad Ammian., стр. 710.

12) Или по приказанию Галерия, или увлекаясь храбростью, он два раза подвергал свою жизнь опасности в борьбе с одним сарматом (Аноним., стр. 710) и в борьбе с громадным львом. См. Праксагора Apud Phocium, стр. 63. Афинский философ Праксагор сочинил жиз-

неописание Константина в двух книгах, которые не дошли до нас. Он был современник этого государя.

13) Зосим, кн. 2, стр. 78, 79. Лактанций, de Mort. Pers., гл. 23. Первый из них рассказывает нелепую историю о том, как Константин велел подрезать подколенные жилы у всех почтовых лошадей, на которых он совершил свое путешествие. Но такая жестокость не помешала бы преследованию, а между тем она могла бы возбудить подозрения и воспрепятствовать его дальнейшему следованию. (Эту историю рассказывает не один Зосим, а вместе с ним и многие другие писатели. Она подтверждается Виктором Младшим: "Ad frustrandos insequentes, publica jumenta quaqua iter ageret, interficiens" (ч. 1, стр. 633). Аврелий Виктор говорит то же самое. De Caesaribus, ч. 1, стр. 623. - Гизо .)

14) Анон., стр. 710. Panegyr. Veter., VII, 4. Но Зосим, кн. 2, стр. 79; Евсевий, de Vit. Constant., кн. 1, гл. 21, и Лактанций, de Mort. Pers., гл. 24, утверждают, с меньшим основанием, что он застал своего отца умирающим.

15) Cunctis qui aderant annitentibus, sed praecipue Croco (alii Eroco) Alamannorum rege auxilii gratia Constantium comitato,imperium capit. Виктор Младший, гл. 41. Это был едва ли не первый пример того, что варварский король, служа в римской армии, командовал самостоятельным отрядом своих подданных. Впоследствии это вошло в обыкновение и наконец сделалось гибельным для империи.

16) Его панегирист Евмений (VII, 8) имел смелость утверждать в присутствии Константина, что он дал шпоры своей лошади и попытался, но тщетно, ускакать от своих солдат.

17) Лактанций (de Mort. Pers., гл. 25) и Евмений (VII, 8) описывают все эти подробности слогом риторов.

18) И здравый смысл, и намек, который делается Евмением, служат ручательством того, что Констанций назначал своим преемником Константина. Этот факт подтверждается самым неопровержимым доказательством - совокупным свидетельством Лактанция (де М. Р., гл. 24) и Либания (Oration 1), Евсевия (in Vit. Constant., кн. 1, гл. 18, 21) и Юлиана (Oration 1).

19) Из трех сестер Константина Констанция вышла замуж за императора Лициния, Анастасия за цезаря Бассиана и Евтропия за консула Непоциана. Его трое братьев, о которых мы будем иметь случай упоминать впоследствии, носили имена Далмация, Юлия Констанция и Аннибалиана.

20) См. Грутера Inscipt., стр. 178. При этом было упомянуто о всех шести монархах, а Диоклетиан и Максимиан назывались старшими Августами и отцами императоров. Все они вместе посвятили это великолепное здание на пользу своих дорогих римлян. Архитекторы нарисовали развалины этих терм, а антикварии - в особенности Донат и Нардини - определили место, которое они занимали. Одна из больших зал обращена теперь в картезианский монастырь, и даже одно из помещений привратника оказалось достаточно обширным для обращения его в другую церковь, принадлежащую фельянтинцам. (Самые компетентные судьи полагают, что приспособление этой залы к такой форме, какая требовалась для церквей, было делом Микеланджело. Все это пространство приспособлено к той же цели, а четыре очень большие гранитные колонны, оставленные на своем прежнем месте, до сих пор занимают средину здания. - Шрейтер .)

21) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 26, 31.
22) Шестой панегирик выставляет поведение Максимиана в самом благоприятном свете, а двусмысленное выражение Аврелия Виктора "retractante diu" может значить, что он содействовал заговору, и может значить, что противодействовал ему. См. Зосима, кн. 2, стр. 79 и Лактанция de Mort. Pers., гл. 26.
23) Подробности этой войны и смерть Севера рассказываются неясно и различно в дошедших до нас отрывках древних писателей (см. Тильемона Hist. des Empereures, т. IV, ч. 1, стр. 555). Я постарался извлечь из них все, что было самого последовательного и правдоподобного.
24) Шестой панегирик был произнесен с целью прославить возвышение Константина, но осторожный оратор не упомянул ни о Галерии, ни о Максенции. Он только сделал легкий намек на волнующие Рим смуты и на его величие.
25) Касательно этих переговоров см. отрывки анонимного историка, напечатанные Валезием в конце изданных им сочинений Аммиана Марцеллина, стр. 711. Эти отрывки познакомили нас с несколькими интересными и, как кажется, достоверными подробностями.
26) Лактанция de Mort. Pers., гл. 28. Первая из этих двух причин, вероятно, заимствована у Виргилия, который вкладывает в уста одного пастуха следующие слова: "Illam ego huic nostrae similem, Meliboee, putavi" и пр. Лактанций очень любит такие поэтические намеки.
27) Castra super Tusci si ponere Tybridis unda (jubeas)
Hesperios audax veniam metator in agros.
Tu quoscunque voles in planum effundere muros,
His aries actus disperget saxa lacertis;
Illa licet penitus tolli quam jusseris urbem
Roma sit. - Лукан, Pharsal. 1, 381.
28) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 27. Зосим, кн. 2, стр. 82. Последний намекает на то, что Константин при свидании с Максимианом обещал объявить войну Галерию.
29) Тильемон (Hist. des Empereurs, том 4, ч. 1, стр. 559) доказал, что Лициний, не проходя чрез посредствующее звание Цезаря, был прямо провозглашен Августом 11 ноября 307 г., по возвращении Галерия из Италии.
30) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 32. Когда Галерий провозгласил Лициния Августом, он попытался удовлетворить своих младших соправителей тем, что придумал для Константина и для Максимина (а не для Максенция , см. Балюза, стр. 81) новый титул:сыновья Августов. Но когда Максимин уведомил его, что армия уже приветствовала его титулом Августа, Галерий нашелся вынужденным признать и его и Константина равными себе соправителями по званию императоров.
31) См. Panegyr. Vet., VI, 9. Audi doloris nostri liberam vocem etc. Весь этот отрывок проникнут самою ловкою лестью и написан с легким и приятным красноречием.
32) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 28. Зосим, кн. 2, стр. 82. Был пущен в ход слух, что Максенций был сын какого-то незнатного сирийца и что жена Максимиана подменила его вместо ее собственного ребенка. См. Аврелия Виктора, Anonym. Valesian. и Panegyr. Vet., IX, 3, 4.
33) Ab urbe pulsum, ab Italia fugatum, ab Illyrico repudiatum, tuis provinciis, tuis copiis, tuo palatio recepisti. Евмен. in Panegyr. Vet., VII, 14.
34) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 29. Однако, после того как Макси-

миан сложил с себя императорское достоинство, Константин окружал его роскошью и почестями, подобавшими его прежнему положению, и во всех публичных церемониях уступал своему тестю место по правую сторону. Panegyr. Vet. VII, 15.

35) Зосим, кн. 2, стр. 82. Евмений In Panegyr. Vet., VII, 16-21. Последний из них, несомненно, представил все это дело в самом благоприятном свете для своего государя. Но даже из этого пристрастного рассказа мы усматриваем, что неоднократные акты милосердия со стороны Константина и неоднократные измены Максимиана в том виде, как они описаны Лактанцием (de Mort. Pers., гл. 29, 30) и с его слов повторены новейшими писателями, лишены всякой исторической достоверности. (Однако то же самое рассказывали и тому же самому верили некоторые языческие писатели. Аврелий Виктор говорит, что Максимиан, под предлогом исполнения своей обязанности, а на самом деле стараясь привести в исполнение свои коварные замыслы, дал своему зятю основательный повод для предания его смерти. Евтропий также сообщает нам, что Максимиан утверждал, будто он был послан своим сыном в Галлию для того, чтобы войти в соглашение с своим зятем, но что заговор, составленный им с целью убить Константина при первом удобном случае, был открыт и он был за это казнен смертью. - Гизо .) (Эти отрывки подтверждают рассказ Гиббона и те заслуги, которые он признает за Константином. Жером говорит, что Фауста разоблачила планы своего отца. - Издат .)

36) Аврелий Виктор, гл. 40. Но это озеро находилось в Верхней Паннонии, неподалеку от пределов Норика, а провинция Валерия (название, данное осушенной почве женою Галерия), без сомнения, находилась между Дравой и Дунаем (Секст Руф, гл. 9). Поэтому я вправе подозревать, что Виктор смешал озеро Пельсо с Волоцеанскими болотами, которые носят теперь название озера Сабатона. Это озеро находится в самом центре Валерии и в настоящее время имеет не менее двенадцати венгерских миль (около семидесяти английских) в длину и две в ширину. См. Северини, Pannonia, кн. 1, гл. 9.

37) Лактанций (de Mort. Pers., гл. 33) и Евсевий (кн. 8, гл. 16) описывают симптомы и развитие его болезни со странной аккуратностью и с видимым удовольствием.

38) Если еще найдутся люди, которым (подобно доктору Jortin, Remarques sur l'Hist. eccles., ч. II, стр. 307-356) нравятся рассказы о необыкновенной смерти гонителей, то я попрошу их прочесть превосходное место у Гроция (Hist., VII, 332) касательно предсмертной болезни короля Испании Филиппа II.

39) См. Евсевия, кн. 9, 6, 10. Лактанций, de Mort. Pers., гл. 36. Зосим менее точен и, очевидно, смешивает Максимиана с Максимином.

40) См. восьмой панегирик, в котором Евмений рассказывает в присутствии Константина о бедствиях и о признательности города Отёна.

41) Евтропий, X, 3. Panegyr. Veter., VII, 10-12. Значительное число молодых франков подверглось такой же жестокой и позорной смерти.

42) Юлиан не допускает Максенция на пир цезарей и отзывается о нем с отвращением и презрением, а Зосим (кн. 2, стр. 85) обвиняет его в разных жестокостях и распутствах.

43) Зосим, кн. 2, стр. 83-85. Аврелий Виктор.

44) То место у Аврелия Виктора, где идет об этом речь, должно читать следующим образом: "Primus instituto pessimo, munerum specie, patres oratoresque pecuniam conperre prodigenti sibi cogeret".

45) Panegyr. Vet., IX, 3. Евсев. Hist. Eccles., VIII, 14 и Жизнеоп. Констант., 1, 33, 34. Руфин, гл. 17. Добродетельная матрона, зарезавшаяся во избежание насилия со стороны Максенция, была христианка и жена городского префекта; ее имя - Софрония. Казуисты еще не решили вопроса, дозволено ли в подобных случаях самоубийство.
46) Praetorianis caedem vulgi quondam annueret - таково неопределенное выражение Аврелия Виктора. См. у Евсевия (кн. 8, гл. 14) и у Зосима (кн. 2, стр. 84) более подробный, хотя и не во всем одинаковый, рассказ о смутах и убийствах, происходивших в Риме.
47) См. в Панегириках (IX, 14) оживленное описание лености и тщеславной гордости Максенция. В другом месте оратор замечает, что богатства, накопившиеся в Риме в течение тысячи шестидесяти лет, были издержаны тираном на его наемные войска; redemptis ad civile latrocinium manibus ingesserat.
48) После победы Константина все соглашались в том, что намерение избавить республику от ненавистного тирана во всяком случае служило достаточным оправданием его похода в Италию. Евсев. in Vita Constantin., кн. 1, стр. 26. Panegyr. Vet., IX, 2.
49) Зосим, кн. 2, стр. 84, 85. Назарий in Panegyr., X, 7-13.
50) См. Panegyr. Vet., IX, 2. Omnibus fere tuis comitibus et ducibus non solum tacite mussantibus, sed etiam aperte timentibus; contra consilia hominum, contra Haruspicum monita, ipse per temet liberandae urbis tempus venisse sentires. О посольстве римлян упоминает только Зонара (кн. 13) и Цедрен (in Compend. Hist., стр. 270); но эти новейшие греческие писатели имели возможность справляться с такими сочинениями, которые были впоследствии затеряны, и, между прочим, с "Жизнеописанием Константина" Праксагора. Фоций (стр. 63) сделал краткое извлечение из этого исторического сочинения.
51) Зосим (кн. 2, стр. 86) оставил нам интересное описание военных сил обеих сторон. Он ничего не говорит о морских вооружениях, хотя нас и уверяют (Panegyr. Vet., IX, 25), что война велась и на море, и на суше и что флот Константина овладел Сардинией, Корсикой и италийскими портовыми городами.
52) Panegyr. Vet., IX, 3. Вовсе не удивительно, что этот оратор уменьшал число войск, с которыми его государь совершил завоевание Италии; но нам кажется странным то, что он определял военные силы тирана не более как во сто тысяч человек.
53) Три главных прохода через Альпы между Галлией и Италией были: через Сен-Бернар, через Мон-Сени и через Мон-Женевр. Предание и сходство названий (Alpes Penninae) заставили думать, что Ганнибал выбрал первый из этих переходов (см. Симлера de Alpibus). Chevalier de Folard (Полиб., ч. 4) и Анвилль полагали, что он перешел через Мон-Женевр. Но, несмотря на авторитет опытного офицера и ученого-географа, притязания со стороны Мон-Сени поддерживаются Грослеем с большим правдоподобием, чтобы не сказать с большою убедительностью. Observations sur l'Italie, ч. 1, стр. 40 и сл.
54) Ла-Брюнетт подле Сузы, Демон, Экзиль, Фенестрель, Кони и пр.
55) См. Аммиана Марцеллина, XV, 10. Его описание дорог через Альпы ясно, живо и точно.
56) И Зосим и Евсевий внезапно переносят нас от перехода через Альпы к решительному сражению подле Рима. Чтобы узнать, что делал Константин в промежутке между этими двумя подвигами, мы вынуждены прибегнуть к помощи двух панегиристов.

57) Маркиз Маффеи изучил осаду Вероны и происшедшую подле этого города битву с тем вниманием и аккуратностью, каких заслуживает это достопамятное событие, случившееся на его родине. Укрепления этого города, построенные Галлиеном, были менее обширны, нежели теперешние городские стены, а амфитеатр не входил внутрь их окружности. См. Verona Illustrata, ч. 1, стр. 142, 150.
58) Нужны были цепи для такого множества пленных, и собравшийся совет не знал, откуда их взять, но сметливый победитель придумал сделать цепи из мечей побежденных. Panegyr. Vet., IX, II.
59) Panegyr. Vet., IX, 10.
60) Literas calamitatum suarum indices supprimebat. Panegyr. Vet., IX, 15.
61) Remedia malorum potius quam mala differebat - так порицает Тацит беспечную бездеятельность Вителлия.
62) Маркиз Маффеи доказал, что Константин, по всему вероятию, еще находился в Вероне 1-го сентября 312г. и что достопамятная эра индиктов вела свое начало от завоевания им Цизальпинской Галлии.
63) См. Panegyr. Vet., XI, 16. Лактанций, de Mort. Pers., гл. 44.
64) Illo die hostem Romanorum esse periturum*) Понятно, что побежденный монарх делался врагом Рима.
65) См. Panegyr. Vet., IX, 16, X, 27. Первый из этих ораторов говорит о громадных запасах хлеба, собранных Максенцием в Африке и на островах. Но если правда, как говорит Евсевий (in Vit. Constantin, кн. I, гл. 36), что чувствовался недостаток в съестных припасах, то следует полагать, что императорские хлебные амбары были открыты для одних солдат.
66) Maxentius... tandem urbe in Saxa Rubra, millia ferme novem aegerrime progressus. Аврелий Виктор. См. Целлария Geograph. Antiq., ч. I, стр. 463. Saxa Rubra находилась неподалеку от Кремеры; это - ничтожная речка, прославленная храбростью и славной смертью трехсот Фабиев.
67) Место, которое занял Максенций, имея у себя в тылу Тибр, очень ясно описано двумя панегиристами, IX, 16, X, 28.
68) Exceptis latrocinii illius primis auctoribus, qui desperata venia, locum quem pugnae sumpserant texere corporibus. Panegyr. Vet., X, 17.
69) Вскоре распространился очень странный слух, будто Максенций, не принявший никаких мер предосторожности на случай своего отступления, придумал очень искусную ловушку, чтоб уничтожить армию победителя, но что деревянный мост, который должен бы был провалиться при наступлении Константина, к несчастью, обрушился под тяжестью спасавшихся бегством италийцев. Тильемон (Hist. des Empereurs, т. 4, ч. 1, стр. 576) очень серьезно обсуждает вопрос, может ли свидетельство Евсевия и Зосима, наперекор здравому смыслу, иметь верх над молчанием Лактанция, Назария и хотя анонимного, но современного оратора, сочинившего девятый панегирик.
70) Зосим, кн. 2, стр. 86-88, и два панегирика, из которых первый был произнесен через несколько месяцев после события, представляют самое ясное описание этой важной битвы. Лактанций, Евсевий и даже "Эпитомы" сообщают некоторые интересные подробности.
71) Зосим, который был врагом Константина, соглашается (кн. 2, стр.

*) В тот день враг римлян погибнет. - *Пер. ред.*

88) с тем, что лишь немногие из друзей Максенция были лишены жизни; но мы должны обратить внимание на выразительные слова Назария (Panegyr. Vet., X, 6): Omnibus qui labefactare statum ejuis poterant cum stirpe deletis. Другой оратор (Panegyr. Vet., IX, 20, 21) ограничивается замечанием, что Константин, после своего вступления в Рим, не подражал жестокому кровопролитию Цинны, Мария и Суллы.
72) См. два панегирика и в Кодексе Феодосия законы этого года и следующего.
73) Panegyr. Vet., IX, 20. Лактанций, de Mort. Pers., гл. 44. Максимин, будучи, бесспорно, самым старшим из цезарей, заявлял, не без некоторого основания, притязание на первое место между августами.
74) Adhus cuncta opera quae magnifice construxerat, urbis fanum, atque basilicam, Flavii meritis patres sacravere. Аврелий Виктор. Касательно похищения траяновских трофеев см. Фламиния Вакка "Apud Montfaucon, Diarium Italicum", стр. 250 и l'Antiquité Expliquée этого последнего, ч. 4, стр. 171.
75) Praetoriae legiones ac subsidia factionibus aptiora quam urbi Romae, sublata penitus; simul arma atque usus indumenti militaris. Аврелий Виктор. Зосим (кн. 2, стр. 89) говорит как историк об этом факте, который в девятом панегирике превозносится с большою напыщенностью.
76) Ex omnibus provinciis optimates viros Curiae tuae pigneraveris; ut senatus dignitas... ex totius orbis flore consisteret. Назарий in Panegyr. Vet., X, 35. Слово pigneraveris, как кажется, употреблено с коварным намерением. Касательно сенаторского налога см. Зосима, кн. 2, стр. 115, второй титул шестой книги Кодекса Феодосия с комментариями Годефруа и Mémoires de l'Académie des Inscriptions, ч. 28, стр. 726.
77) Кодекс Феодосия начинает теперь знакомить нас с путешествиями императоров; но числа и названия местностей часто извращены беспечностью переписчиков.
78) Зосим (кн. 2, стр. 89) замечает, что Константин перед войной помолвил свою сестру с Лицинием. По словам Виктора Младшего, Диоклетиан был приглашен на свадьбу, но, когда он извинился, ссылаясь на свои лета и недуги, он получил второе письмо, наполненное упреками за его предполагаемое пристрастие к Максенцию и Максимину.
79) Зосим говорит о поражении и смерти Максимина как об обыкновенных событиях; но Лактанций приписывает их (de Mort. Pers., гл. 45-50) чудесному вмешательству Провидения. Лициний был в это время одним из покровителей церкви.
80) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 50. Аврелий Виктор указывает мимоходом на то, как различно вели себя Лициний и Константин после победы.
81) Максимин удовлетворял свои чувственные наклонности за счет своих подданных. Его евнухи, силою увозившие женщин и девушек, рассматривали их обнаженные прелести с самым заботливым вниманием из опасения, чтобы какая-нибудь часть их тела не оказалась недостойной императорских ласк. Жеманство и пренебрежение считались за измену, а тех женщин, которые упорствовали в отказе, он приказывал топить. Он мало-помалу ввел такое обыкновение, что никто не мог жениться без дозволения императора "ut ipse in omnibus nuptiis praegustator esset". Лактанций, de Mort. Pers., гл. 38.
82) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 39.

83) Диоклетиан наконец послал cognatum suum, quendam militarem ac potentem virum, чтобы ходатайствовать за его дочь (Лактанций, de Mort. Pers., гл. 41). Мы недостаточно знакомы с историей того времени, чтобы быть в состоянии назвать то лицо, которое было отправлено с этим поручением.
84) Valeria quoque per varias provincias quindecim mensibus plebeio cultu pervagata (Лактанций, de Mort. Pers., гл. 51). Существует некоторое недоумение насчет того, следует ли считать пятнадцать месяцев с момента ее изгнания или же с момента ее бегства. Выражение pervagata, по-видимому, указывает на второе из этих предположений, но в таком случае следовало бы полагать, что трактат Лактанция был написан после первой междоусобной войны между Лицинием и Константином. См. Купера, стр. 254.
85) Ita illis pudicita et conditio exitio fuit. Лактанций, de Mort. Pers., гл. 51. Он описывает несчастья невинной жены и дочери Диоклетиана, примешивая к чувству сострадания чувство удовольствия.
86) Любознательный читатель, который захочет справиться с отрывком Валезия, стр. 713, может быть, обвинит меня в том, что я придаю словам этого писателя смелое и произвольное толкование; но если он со вниманием прочтет этот отрывок, он убедится, что мое толкование правдоподобно и основательно.
87) Положение Эмоны, или, как ее теперь называют, Лайбаха, в Карниоле (Анвилль, Geographie Ancienne, ч. 1, стр. 187) может внушить одну догадку: так как она находится к северо-востоку от Юлианских Альп, то эта важная территория натурально сделалась предметом спора между государями Италии и Иллирии.
88) Кибалис, или Кибалы (имя которого до сих пор сохранилось в названии малоизвестных развалин Свилеи), находился почти в пятидесяти милях от столицы Иллирии Сирмиума и почти в ста милях от Таурунума, или Белграда, лежащего при слиянии Дуная с Савой. В Mémoires de l'Académie des Inscriptions (том 28) помещена прекрасная статья Анвилля, в которой он знакомит нас с городами и римскими гарнизонами, находившимися на этих двух реках.
89) Зосим (кн. 2, стр. 90, 91) очень подробно описывает эту битву, но в своих описаниях он походит более на ритора, нежели на человека сведущего в военном деле.
90) Зосим, кн. 2, стр. 92, 93. Аноним. Валез., стр. 713. В Эпитомах есть некоторые подробности, но в них нередко смешиваются одна с другой две войны, происходившие между Лицинием и Константином.
91) Петр Патриций in Excerpt. Legat., стр. 27. Если понимать слово "gambros" в смысле "зять", то можно бы было предположить, что Константин усыновил своих младших братьев и сестер, рожденных от Феодоры, и принял на себя имя и обязанности отца. Но у самых лучших авторов это слово означает иногда мужа, иногда тестя, а иногда вообще родственника. См. Шпангейма Observat. ad Julian. Orat. 1, стр. 72.
92) Зосим, кн. 2, стр. 93. Аноним. Валез., стр. 713. Евтропий, X, 5. Аврел. Виктор. Евсев. in Chron., Созомен, кн. 1, гл. 2. Четверо из этих писателей утверждают, что назначение цезарей было одной из статей мирного договора. Однако положительно известно, что молодого Константина и молодого Лициния в ту пору еще не было на свете, и в высшей степени правдоподобно, что это назначение состоялось 1 марта 317 г. В трактате, вероятно, было сказано, что два Цезаря

должны быть назначены западным императором и только один Цезарь - восточным; но каждый из двух императоров предоставлял себе выбор лиц.

93) Это объяснение кажется мне неправдоподобным: Годефруа высказал предположение, которое более удачно и которое подтверждается всеми историческими фактами, современными с изданием этого эдикта. Он был обнародован в Нэссе, в Паннонии, - в месте рождения Константина. В том же году, 8 октября, Константин одержал победу над Лицинием. Когда исход войны был еще неизвестен, ему, конечно, предсказывали победу христиане, к которым он относился благосклонно. Лактанций, бывший в то время наставником Криспа, только что написал свое сочинение о христианстве (Libros divinarum Institutionum); он посвятил это сочинение Константину и сильно восставал в нем против умерщвления и подкидывания детей (Div. Inst., кн. 6, гл. 20). Разве не представляется вероятным, что Константин прочел это сочинение, что он разговаривал о нем с Лактанцием, что он был растроган указанным мною местом и что под влиянием этого впечатления издал эдикт, о котором идет речь? В этом эдикте все отзывается торопливостью и увлечением, а не обдуманною решимостью - и размер обещаний, и неопределенность средств, и неопределенность условий и времени, в течение которого родители будут иметь право на помощь со стороны государства. Разве все это не дает основания думать, что чувство человеколюбия было возбуждено в Константине влиянием Лактанция, равно как влиянием христианских принципов и самих христиан, уже пользовавшихся большим кредитом у императора, а не какими-то поразительными случаями отчаяния? Это последнее предположение уже потому не заслуживает доверия, что подобные случаи не могли быть новы и что Константин, находившийся в ту пору вдалеке от Италии, едва ли мог быть ими растроган . См. Гегевича "Исторический очерк римских финансов", стр. 378. Эдикт для Африки был обнародован лишь в 322 г.; вот о нем-то можно поистине сказать, что он был вызван бедствиями того времени. Африка сильно пострадала от жестокосердия Максенция: Константин ясно говорит, что он узнал о том, что родители под гнетом нужды продают там своих детей. Его распоряжения были ясны и более зрело обдуманы, чем те, которые им предшествовали; там определено, в каких размерах должна быть оказываема помощь родителям и из какого источника следует ее извлекать (Кодекс Феод., кн. IX, ст. 27, гл. 2). Если непосредственная польза от этих законов не могла быть очень велика, они по крайней мере имели то важное и благотворное последствие, что установили решительную противоположность между принципами правительства и теми, которые были до той поры в силе между римскими подданными. - Гизо) (Первая часть этого примечания предполагает, что Константин спокойно занимался изданием законов в провинции, принадлежавшей Лицинию, с которым он в это самое время готовился воевать. Но Клинтон доказал (F. R. I., 368), что сражение при Кибале происходило в 314 г., а эдикт из Нэссы был обнародован в следующем мае после заключения мира между двумя императорами и во время их совместного консульства. Экгель (De Num. Vet., VIII, стр. 62, 74) подтверждает, что война происходила именно в это время. Следует также заметить, что Нэсса находилась не в Каппадокии, а в Мезии, то есть в одной из провинций, уступленных Константину мир-

ным договором, и что Лактанций, как кажется, не был воспитателем Криспа до 317 г. (Иерон. Хрон. а. 23, 33) - Издат .)

94) Кодекс Феодосия, кн. 11, тит. 27, ч. 4, стр. 188, с примечаниями Годефруа. См. также кн. 5, тит. 7, 8.

95) Omnia foris placita, domi prospera, annonae ubertate, fructuum copia, и пр. Panegyr. Vet., X, 38. Эта речь Назария была произнесена в день пятилетия цезарей 1-го марта 321 г.

96) См. эдикт Константина к римскому народу в Кодексе Феодосия, кн. 9, тит. 24, том 3, стр. 189.

97) Его сын очень чистосердечно объясняет причину этой отмены: "Ne sub specie atrocioris judicii aliqua in ulciscendo crimine dilatio nasceretur". Код. Феод., т. 3, стр. 193.

98) Евсевий (in Vita Constant., кн. 3, гл. 1) решается утверждать, что во время царствования этого героя меч правосудия оставался в руках судей без употребления. Сам Евсевий (кн. 4, гл. 29, 54), а также Кодекс Феодосия доказывают нам, что эта чрезмерная снисходительность происходила не от недостатка ужасных преступлений или уголовных законов.

99) Назарий in Panegyr. Vet., X. На некоторых медалях представлена победа Криспа над алеманнами.

100) (Первый из этих городов носит теперь название Старой Буды, что в Венгрии, второй называется Гастолацем, а третий - Биддином или Виддином, что в Мезии, на Дунае. - Гизо .)

101) См. Зосима, кн. 2, стр. 93, 94, хотя рассказ этого историка и неясен и непоследователен. Панегирик Оптациана (гл. 33) упоминает о союзе сарматов с карпами и гетами и называет различные места сражений. Полагают, что Сарматские игры, праздновавшиеся в ноябре, вели свое начало от успехов в этой войне.

102) В "Цезарях" Юлиана (стр. 329, коммент. Шпангейма, стр. 252) Константин хвастается тем, что он возвратил провинцию (Дакию), которая была завоевана Траяном; но Силен намекает на то, что завоевания Константина были похожи на сады Адониса, которые увядают и пропадают почти в тот самый момент, как они представились нашим взорам.

103) Иордан, de Rebus Geticis, гл. 21. Я не знаю, можно ли вполне полагаться на авторитет этого писателя. Такого рода союз напоминает более поздние времена и едва ли был возможен при тех принципах, которые господствовали в начале четвертого столетия.

104) Евсевий in Vit. Constantin, кн. 1, гл. 8. Впрочем, эти слова взяты из декламации о величии Константина, а не из какого-либо специального описания войны этого государя с готами.

105) Constantinus tamen, vir ingens, et omnia efficere nitens quae animo praeparasset, simul principatum totius orbis affectans, Licinio bellum intulit. Евтропий, X, 5. Зосим, кн. 2, стр. 89. Причины, которыми они объясняют первую междоусобную войну, могли бы быть с большим основанием отнесены ко второй.

106) Зосим, кн. 2, стр. 94, 95.

107) Константин относился с большим вниманием к привилегиям и благосостоянию своих товарищей - ветеранов (conveterani), как он стал их называть. См. Код. Феодос., кн. 7, ст. 20, том 2, стр. 419, 429.

108) В то время, как афиняне господствовали на морях, их флот состоял из трехсот, а впоследствии из четырехсот трехвесельных галер, вполне снаряженных и готовых к немедленному выступлению в море. Арсенал в Пирейской гавани стоил республике тысячу талан-

тов, т. е. около 216 000 ф. ст. См. Фукидида de Bel. Pelopon., кн. 2, гл. 13 и Меурсия de Fortuna Attica, гл. 19.

109) Зосим, кн. 2, стр. 95,96. Эта важная битва описана в отрывке Валезия (стр. 714) ясно, хотя и кратко: "Licinius vero circum Hadrianopolin maximo exercitu latera ardui montis impleverat; illuc toto agmine Constantinus inflexit. Cum bellum terra marique traheretur, quamvis per arduum suis nitentibus, attamen disciplina militari et felicitate, Constantinus Licinii confusum et sine ordine agentem vicit exercitum; leviter femore sauciatus".

110) Зосим, кн. 2, стр. 97, 98. Течение всегда идет из Геллеспонта, а когда к его силе присоединяется северный ветер, то никакой корабль не решится на попытку пройти пролив. Южный ветер делает силу течения почти незаметной. См. Турнефора Voyage au Levant, письмо 11.

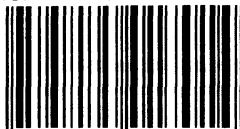
111) Аврелий Виктор. Зосим, кн. 2, стр. 98. По словам этого последнего, Мартиниан был magister officiorum. (Он передает это латинское название на греческом языке). Некоторые медали заставляют думать, что в течение своего непродолжительного царствования он получил титул Августа.

112) Евсевий (in Vita Constantin., кн. 2, гл. 16, 17) приписывает эту решительную победу горячим молитвам императора. Отрывок Валезия (стр. 714) упоминает об отряде готских вспомогательных войск, который сражался на стороне Лициния под начальством своего вождя Аликваки.

113) Зосим, кн. 2, стр. 102. Виктор Младший in Epitome. Анон. Валез., стр. 714.

114) Contra religionem sacramenti Thessalonicae privatus occisus est. Евтропий, X, 16; его свидетельство подтверждают и Иероним (in Chronic.) и Зосим, кн. 2, стр. 102. Только один анонимный писатель упоминает о солдатах, и только один Зонара обращается за помощью к сенату. Евсевий, из осторожности, лишь слегка касается этого деликатного вопроса. Но через сто лет после того Созомен осмелился утверждать, что Лициний поступал изменнически. (Scenicum imperium, - как выражается Экгель, говоря о владычестве несчастного Мартиниана, - имело такой же печальный конец в Каппадокии. Anon. Val., стр. 614. - Издат.)

115) См. Кодекс Феодосия, кн. 15, тит. 15, том V, стр. 404, 405. В этих эдиктах Константин обнаруживает такую раздражительность и торопливость, которые неприличны для законодателя.


ISBN 978-5-275-01701-4